

Троицкий

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ КАНОНИЧЕСКИХЪ ЕВАНГЕЛІЙ.

От Совѣта Московской Духовной Академіи печатать дозволяется. Ноября 5 дня 1877 года.

Академіи Ректоръ, Архимандритъ Михаилъ.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ КАНОНИЧЕСКИХЪ ЕВАНГЕЛІЙ.

Опытъ разбора гипотезъ Г. Эвальда и Ю. Гольцмана.



Troitskii

Сочиненіе

Николая Троицкаго.



1878.

Кострома.

Въ типографіи Андроникова.

Wahrlich die wunderbare Geschichte Christus' hat auch alsbald ihre fast ebenso wunderbare Geschichtschrei bung gefunden: denn was kann in vieler Hinsicht wunderbarer sein als sogar diese Entstehung und Bildung der Evangelien selbst!—

H. Ewald: Gesch. Christ.
S: 126.





I.

Каноническія Евангелія отъ Матѳея, Марка и Луки носятъ названіе **синоптическихъ**. Это названіе хорошо соотвѣтствуетъ общимъ характеристическимъ свойствамъ и взаимному отношенію первыхъ трехъ Евангелій, въ отличіе ихъ отъ четвертаго; потому что въ этихъ Евангеліяхъ разсказы о событіяхъ изъ исторіи земной жизни и дѣятельности Іисуса Христа и Его ученіе излагаются такъ сходно и параллельно, что удобно могутъ быть сопоставлены въ параллельныхъ таблицахъ для совокупнаго и одновременнаго обозрѣнія ихъ (συνοψις). [1]

---

1) Синоптическія таблицы находятся у К. Тишендорфа: Synopsis evangelica. Lips. 1854; у І. Бунзена: Bibelurkunden,—d. B. N. T. Leips. 1866; и спеціально—у Севина: d. Drei erst. Ev. Wiesbaden. 1866. **Примѣч.** Слово Synopsis употребляется и въ другомъ значеніи. Таковы: Synopsis Londinensis criticorum aliorumqve scripturae sacrae. M. Poli. 1712. Synopsis, какъ резюмэ содержанія: Sicula I. Ph. D'orville. Amst. 1764, p. 1. „Синопсисъ" или сокращенная исторія, собранная отъ разныхъ авторовъ. 1714; у П. Пекарскаго: Наука и литература въ Россіи при П. Вел.; т. II, стр. 333. Спб. 1862. „Синопсисъ" или краткое описаніе о началѣ слав. народа. И. Гизеля. 1674.

Синоптики сходны между собою съ внѣшней и внутренней стороны. Внѣшнее сходство ихъ состоитъ въ томъ, что содержаніе всѣхъ трехъ Евангелій одинаково и почти равномѣрно распадается на извѣстные отдѣлы и представляетъ рядъ отдѣльныхъ разсказовъ, иногда буквально сходныхъ въ подробностяхъ и послѣдовательно—преемственной связи. Такъ, напр., событія крещенія, искушенія, возвращенія Іисуса Христа въ Галилею 2) и другія отдѣльныя событія Ев. исторіи изображаются иногда съ дословнымъ сходствомъ всѣми тремя, а чаще двумя синоптиками. Классическій примѣръ такого сходства и параллельности представляетъ разсказъ объ изцѣленіи разслабленнаго въ Капернаумѣ (Матѳея IX, 1—8; Мр. II, 1—12; Лук. V, 17—26). Точно также нѣкоторые отдѣлы рѣчей Христовыхъ во всѣхъ трехъ, а чаще въ двухъ, Евангеліяхъ изложены буквально—одинаково,—что въ греческомъ текстѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей (Holtzmann), особенно замѣчательно, если Іисусъ Христосъ говорилъ по-арамейски. Таковы, напр. предсказанія о послѣднихъ временахъ (Мѳ. XXIV, Мр. XIII, Лук. XXI), и под. Встрѣчаются одинаковыя цитаты, согласно отступающія какъ отъ еврейскаго текста, такъ и отъ греческаго перевода LXX (3). Нѣкоторыя цитаты, общія двумъ синоптикамъ, заимствованы изъ LXX 4). Со внутренней стороны примѣчательно, что всѣ три синоптическія Евангелія имѣютъ одинаковый порядокъ и связь въ изложеніи очень многихъ событій, а нѣкоторые отдѣлы—по большей части одинаковое заключеніе. Параллельные разска-

2) Мѳ. III, 13—17. Мр. I, 9—11. Лук. III, 21—22. Мѳ. IV, 1—11. Мр. I, 12—13. Лук. IV, 1—13. Мѳ. IV. 12—17. Мр. I, 14—15. Лук. IV, 14, 15, 16.

3) Мѳ. IV, 10. Лук. IV, 8. LXX: Второз. VI, 13. Или: Ис. XL, 3—5. Мр. I, 3. Мѳ. III, 3. Лук. III. 4. Ис. XXIX, 13. Мѳ. XV, 8, 9. Мр. VII, 6. 7

4) Мр. VII, 10. Мѳ. XV, 4. Мр. X, 7, 8. Мѳ. XIX, 5. Мр. XII, 29. 30. Мѳ. XXII, 37 и т. п.

зы, именно повѣствованія о чудесахъ, имѣютъ по большей части одно и тоже расположеніе, послѣдовательность и изображеніе отдѣльныхъ моментовъ [5]). Точно также параллельныя рѣчи сходны иногда въ указаніи поводовъ къ ихъ произнесенію и въ порядкѣ мыслей, а иногда и въ примѣчаніяхъ относительно ихъ впечатлѣнія на слушателей и—отсюда—послѣдствій [6]). Всѣмъ этимъ частнымъ сходствамъ синоптиковъ соотвѣтствуетъ и общее сходство ихъ въ томъ, что они изображаютъ жизнь Іисуса Христа, послѣ крещенія и искушенія Его, вообще въ Галилеѣ, и эта область, съ ея ближайшими границами, остается у нихъ до самаго разсказа о путешествіи Господа на страданія почти исключительнымъ мѣстомъ Его дѣятельности: хотя у ев. Луки сравнительно подробнѣе изображается путешествіе Господа по Іудеѣ (Лук. гл. XVII, 11-XVIII—XIX и далѣе; но и этотъ Евангелистъ не перемѣняетъ своей главной мѣстной точки зрѣнія, общей для всѣхъ синоптиковъ.

Такъ сходны между собой синоптическія Евангелія; но сходство—не тожество: оно предполагаетъ и различіе; поэтому, и синоптическія Евангелія различны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Каждое изъ нихъ имѣетъ свое особенное свойство. Напримѣръ, Евангеліе отъ Марка, самое краткое между тремя, почти вполнѣ содержится въ двухъ другихъ; но, сравнительно съ тѣми, въ немъ нѣтъ сказаній о многихъ событіяхъ, преимущественно изъ исторіи до вступленія Іисуса Христа въ открытую

---

5) Мѳ. III, 11. 12. Мр. I, 7. 8. Лук. III, 15—20. Мѳ. III, 13—17. Мр. I, 9—11. Лук. III, 21—38. Мѳ. IV, 1—11. Мр. I, 12. 13. Лук. IV, 1—12. Мѳ. IV. 12—17. Мр. I, 14—15. Лук. IV, 14. 15. 16—30. Мѳ. IV, 18—22. Мр. I, 16—20, Мр. I, 21—28. Лук. IV, 31—37. Мѳ. VIII, 14—17. Мр. I, 29—34. Лук. IV, 38—41. Мѳ. VIII, 1—4. Мр. I, 40—45. Лук. V, 12—16. Мѳ. IX, 1—8. Мр. II, 1—12. Лук. V, 17—26. Мѳ. IX, 9—13. Мр. II, 13—17. Лук. V, 27—32. Мѳ. IX, 14—17. Мр. II, 18—22. Лук. V, 33—39.

6) Мѳ. IX, 14—17. Мр. II, 18—22. Лук. V, 33—39. Мѳ. XII, 1—8. Мр. II, 23—28. Лук. VI, 1—5. Мѳ. XI, 7—19. Лук. VII, 24—35. Мѳ. XII, 22—37. Мр. III, 20—30. Мѳ. XIII, 54—58. Мр. VI, 1—6 и пр.

общественную дѣятельность, съ чего начинаютъ евангелисты Матөей и Лука. Въ отличіе отъ нихъ, Маркъ начинаетъ свое Евангеліе прямо съ проповѣди Крестителя о покаяніи, опускаетъ Нагорную бесѣду и т. п. При самомъ изложеніи порядокъ сказаній не у всѣхъ во всемъ одинаковъ и параллельныя сказанія иногда стоятъ въ различной связи; встрѣчаются прямыя уклоненія отъ параллельнаго изложенія событій и т. п. [7]). Преимущественное различіе замѣчается въ рѣчахъ: нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ неодинаковое положеніе между разсказами, неодинаковую связь, полноту [8]) и т. п. Текстъ синоптиковъ различается въ конструкціи,—по длинѣ и краткости оборотовъ, по идіотизмамъ и т. п. Въ Евангеліи отъ Матөея, напримѣръ, преимущественно встрѣчаются гебраизмы, въ Евангеліи отъ Марка латинизмы [9]) и пр. Цитаты заимствованы не всѣми и всегда одинаково изъ LXX: напримѣръ, ев. Матөей приводитъ нѣкоторыя изъ нихъ по еврейскому подлинному тексту Ветхаго Завѣта [10]).

Сходство и различіе синоптиковъ въ общемъ и частномъ, выражающія ихъ взаимныя отношенія, составляли и составляютъ одну изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ проблеммъ библейской науки, въ частности—одну изъ важнѣйшихъ задачъ высшей критики Евангельскихъ писаній. Важность настоящей задачи опре-

---

7) Мө. IX, 1—8. Мр. II, 1—12. Лук. V, 17—26. Мө. XII, 1—8. Мр. II, 23—28. Лук. VI, 1—5. Мө. VIII, 5—13. Лук. VII, 1—10. Мө. XI, 2—6. Лук. VII, 18—23.

8) Мр. I, 35—39. Лук. IV, 42—44. Мө. V. VI, VII. Лук. VI, 20—49. Мө. XII, 22—37. Мр. III, 19—30. Мр. IV, 1—34. Лук. VIII, 4—18.

9) Ср. Мат. IV, 17. Мр. I, 15. Мат. XIV, 2. Мр. VI, 14. Лук. IX, 7. Мат. XVI, 26. 32. Лук. XII, 24 и др.

10) Мат. I, 23, Ис. VII, 14—16. Мат. XVIII, Iерем. XXXI, 15. Мат. XXIII,—Ис. XI, 1.—Мат. IV, 15. 16.—Ис. VIII, 23. IX, 1. Мат. VIII, 17,—Ис. LIII, 4. Мат. XII, 17—21. Ис. XLII, 1—3. Мат. XIII. 35. Пс. LXXXVII, 2. Мат. XXI. 5. Зах. IX, 9. Мр. VII. 10.—Мат. XV, 4. Мр. X, 7, 8. Мат. XIX, 5. Мр. XII, 29. 30. Мат. XXII, 37. Мр. XV, 34.—Мат. XXVII. 46.

дѣляется историческимъ характеромъ и соотвѣтственнымъ значеніемъ ея для библейской науки вообще: настоящій вопросъ вполнѣ касается исторіи возникновенія евангельскихъ писаній и уже имѣетъ обширную исторію своихъ рѣшеній.

Фактъ сходства и различія синоптиковъ [11]) самъ по себѣ таковъ, что невольно обращаетъ на себя вниманіе наблюдательнаго читателя Евангелій и внимательному разсужденію представляется наглядно—несомнѣннымъ доказательствомъ истинности Евангельскихъ сказаній или, при извѣстномъ направленіи мысли, не подлинности Евангелій. Эти два возможныхъ и дѣйствительно существующихъ взгляда на характеръ синоптиковъ и взаимное ихъ отношеніе лежатъ въ основаніи ортодоксальнаго церковнаго ученія съ одной стороны и отрицательной исторической критики Евангельскихъ писаній съ другой.

Два противоположныхъ взгляда на взаимное отношеніе синоптиковъ въ сущности состоятъ въ томъ, что или сходство Евангелій признается свидѣтельствомъ ихъ полной исторической достовѣрности, а разности между ними—только индивидуальными особенностями Евангелистовъ; или сходство Евангелій свидѣтельствуетъ о томъ, что „писатели составляли ихъ компилятивно и различія суть не преднамѣренныя, но иногда рѣшительныя противорѣчія между ними“. Первый взглядъ основывается на подлинности Евангелій, засвидѣтельствованной и самимъ св. Писаніемъ, съ его внутренними и внѣшними признаками, и древнимъ преданіемъ вселенской церкви; а вто-

---

11) Сходство и различіе синоптиковъ у Reuss'a выражается въ числахъ такъ: весь текстъ трехъ синоптическихъ Евангелій дѣлится на 124 секціи, изъ коихъ 47-мь общи всѣмъ тремъ, 12-ть Матѳею и Марку, 2—Матѳею и Лукѣ, 6-ть—Марку и Лукѣ, 2 принадлежатъ Марку только, 17-ть Матѳею только, 38- Лукѣ только. См. Holtzmans: D. Synopt. Evang. Leipzig. 1863. S. 166.

рой— на теоретическихъ соображеніяхъ, филологичесхихъ и вмѣстѣ историческихъ данныхъ [12]).

Для того и другаго взгляда вопросъ о взаимномъ отношеніи синоптическихъ Евангелій доселѣ остается весьма важной проблеммой.—Св. Писаніе и Преданіе не представляютъ положительныхъ данныхъ для опредѣленія собственно взаимнаго отношенія первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій. Не извѣстно съ точностію: тотъ или другой Евангелистъ, при составленіи своего Евангелія, зналъ-ли о прочихъ Евангеліяхъ, пользовался-ли ими и въ какой мѣрѣ; или каждый Евангелистъ писалъ независимо отъ другихъ, не имѣя въ виду ихъ трудовъ. Нѣкоторые христіанскіе писатели первыхъ четырехъ вѣковъ свидѣтельствуютъ, что Евангелія расположены въ каноническомъ кодексѣ хронологически,—по времени ихъ происхожденія [13]). Такимъ образомъ Евангеліе отъ Матөея было написано прежде всѣхъ прочихъ и о немъ могли знать послѣдующіе Евангелисты и пользоваться имъ, если то было нужно. Нѣкоторые толкователи въ словахъ ев. Луки: „многіе начали составлять повѣствованія о совершенно извѣстныхъ между нами событіяхъ...(I, 1)“—видятъ указаніе на Евангелистовъ Матөея и Марка и допускаютъ, что св. Лукѣ извѣстны были ихъ два первыя Евангелія и онъ ими пользовался, какъ источниками для составленія своего труда [14]). Но

---

12) Представители и литература того и другаго направленія подробно указаны въ сочиненіи Holtzman'a: D. Synopt. Evangelien. Leipzig. 1863 S. 15—43.

13) Св. Ириней, еп. Ліонскій: Прот. ерес. III, I, I. Евсевій, еп. Кесар.: Цер. Ист. VI, 14, и II, 15, а также III. 24. Еще опредѣленнѣе говоритъ о томъ Оригенъ, —у Евс. Ц. Ист. VI, 25.

14) Grotius, Wetstenius, Bengel, Townson, Seiler, Hug, Crender,—особенно Hilgenfeld: d. Markus—Evangel. Leipg. 1850. Krit. Unters. üb. d. Evangel. Justin's. Hal-

это—предположеніе, и—только. Допустивъ это предположеніе, трудно будетъ согласить разности въ повѣствованіяхъ объ одномъ и томъ же событіи у различныхъ Евангелистовъ. Если, напримѣръ, св. Лука зналъ Евангеліе отъ Матѳея и пользовался имъ; то какъ могло случиться, что онъ въ своемъ Евангеліи помѣстилъ родословіе Іисуса Христа, отступающее въ нѣкоторыхъ пунктахъ отъ родословія у св. Матѳея, и проч.? По этому вѣроятнѣе предположеніе, что Евангелисты писали независимо другъ отъ друга; тогда кажущіяся разнорѣчія между ними примирить удобнѣе и тогда уже тѣ событія, о которыхъ согласно говорятъ всѣ Евангелисты, получаютъ характеръ вполнѣ несомнѣнной исторической дѣйствительности. Но и это—предположеніе, при которомъ остается множество недостаточно рѣшенныхъ вопросовъ: какъ же именно произошли столь сходныя между собою Евангелія? отъ чего первыя изъ нихъ не были извѣстны послѣдующему Евангелисту, если они составлялись въ одно время? а если не въ одно, то какая же между ними была послѣдовательность и преемственность во времени? отъ чего зависѣло ихъ величайшее сходство при разновременномъ написаніи и пр.?—Такъ, основной вопросъ о взаимномъ отношеніи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій доселѣ остается весьма важной проблеммой, которая рѣшалась, но невполнѣ удовлетворительно, въ различныхъ теоріяхъ, какъ въ извѣстной мѣрѣ ученыхъ изслѣдованіяхъ,—или въ прямой зависимости отъ св. Писанія и Преданія, и въ согласіи съ ними, или—независимо отъ св. Писанія и Преданія, и въ разногласіи, даже въ противорѣчіи съ ними.

---

le. 1850. D. Evangelien nach ihrer Entstehung. 1854. Kanon und Kritik d. N. T. 1863 и въ друг. Cp. W. Meyer's: Kommentar,—üb. Evang. Mtth. Gött. 1864. Einl. St. 30—31,—Bemerk.

Первая попытка теоретически разрѣшить вопросъ о взаимномъ отношеніи между синоптическими Евангеліями принадлежитъ западной церкви, именно бл. Августину, еп. Иппонскому. У него Евангеліе отъ Матѳея было поставлено основнымъ источникомъ, а Евангеліе отъ Марка представляется въ зависимости отъ него: по Августину, св. Маркъ въ отношеніи къ св. Матѳею былъ „послѣдователемъ и сократителемъ“ (pedissequus et breviator). Впрочемъ, уже Августинъ самъ соглашался съ тѣмъ, что хотя Евангелисты писали въ зависимости другъ отъ друга, но не всегда одинаково полно и точно воспоминали о событіяхъ Евангельскихъ и потому, отъ вліянія чисто личныхъ свойствъ писателей—Евангелистовъ, часто нарушалось параллельное теченіе ихъ повѣствованій [15]).

Церковь среднихъ вѣковъ оставалась при этомъ, хотя и не достаточно—основанномъ предположеніи, и первыя столѣтія реформаціи въ существѣ дѣла не подвинулись далѣе въ рѣшеніи этаго вопроса о взаимномъ отношеніи синоптиковъ. Послѣ, съ цѣлію рѣшить этотъ вопросъ, появились во множествѣ, особенно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, между протестантскими богословами, различнаго рода и характера гипотезы и теоріи. Первоначальными и основными для послѣдующаго—до настоящаго—времени для многихъ изслѣдователей служили и служатъ теоріи а) устнаго и б) письменнаго Первоеванге-

---

[15]) Matthäus durchaus zu Grunde gelegt wurde, Marcus aber war, wie jedoch lediglich aus seinem Inhalte geschlossen wurde, Matthäum subsecutus tanquam pedissequus; in Ganzem freilich befolge Jeder suum qvendam narrandi ordinem;——ut qvisqve meminerat et ut cuique cordi erat vel brevius vel prolixius eandem tamen explicare sententiam, ita eos explicasse manifestum est. Avgust. Beat. De consensu evangelistarum. 1. 2. 4. 12.—Holtzmann's: synoptischen Evangelien. Leipzig. 1863. S. 15.

лія (Urevangelium), и—за ними, какъ видоизмѣненія ихъ, теоріи в) заимствованій и г) преданія.

Первыя двѣ, основныя, теоріи вышли изъ „гипотезы о Евангелистахъ, какъ человѣческихъ писателяхъ“, составленной Лессингомъ [16]). По его соображеніямъ слѣдуетъ признать, что по смерти Іисуса Христа свѣдѣнія о Его жизни сохранялись въ памяти Его послѣдователей и переходили изъ устъ въ уста. Свѣдѣнія эти были отрывочны и при устной передачѣ необходимо должны были подвергнуться измѣненіямъ: каждый могъ пересказывать ихъ со своими собственными дополненіями и въ содержаніи, и въ выраженіи передаваемаго; а отъ этого могло и должно было произойдти то, что потомъ трудно было-бы возстановить подлинную Евангельскую исторію по такимъ разрозненнымъ свѣдѣніямъ. Для предотвращенія этого стали рано собирать еще не много—различныя свѣдѣнія о Христѣ, приводить ихъ въ порядокъ и отдѣлять въ нихъ истину отъ лжи,—отъ произвольныхъ прибавокъ, чтобы такъ дать болѣе постоянный и опредѣленный видъ Евангельскому повѣствованію и чрезъ то обезопасить оное отъ измѣненій,—стали записывать. Такъ появились письменные сборники, составленные изъ устныхъ расказовъ о жизни и дѣятельности Іисуса Христа. Первый письменный сборникъ устныхъ разсказовъ, по мнѣнію Лессинга, есть неканоническое Евангеліе къ Евреямъ: оно было первымъ по времени составленія и общимъ источникомъ для каноническихъ Евангелій отъ Матоея, Марка и Луки.

Для развитія гипотезы Лессинга явились теоріи: съ одной стороны устнаго, а съ другой письменнаго Первоевангелія (Urevangelium).

Теорія устнаго первоевангелія была основана еще

---

16) Neue Hypothese über d. Evangelisten, als blos menschliche Geschicht schreiber betrachtet. 1778.

Гердеромъ. [17]). Онъ—въ противорѣчіе съ Лессингомъ—утверждалъ, что каноническія Евангелія произошли не изъ одного какого-нибудь письменнаго источника, а составлены непосредственно на основаніи разсказовъ самихъ очевидцевъ или тѣхъ лицъ, которыя слышали отъ нихъ. Каждый Апостолъ или другой проповѣдникъ христіанства сообщалъ своимъ послѣдователямъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о жизни Іисуса Христа и такимъ образомъ какъ бы составлялъ для нихъ устное Евангеліе. Затѣмъ, эти устныя сказанія собирались и записывались разными, способными на то, лицами. Такъ произошли и каноническія Евангелія. Мнѣніе Гердера подвергалось многимъ критическимъ переработкамъ у его послѣдователей: Эккермана, Кайзера, особенно Гизелера, а потомъ Сарторіуса, Шварца, Тирша, Гэрике, Эбрарда [18]) и др. и получило слѣдующій характеристическій общій видъ.

Взаимное отношеніе синоптическихъ Евангелій изъ-

---

[17]) Herder's: Regel der Zusammenstimmung unserer Evangelien. 1797. im 12 Theile zeiner Werke.

[18]) Eckermann: Theologische Beiträge, Bd. V. S. 2. und Erklärung aller dunkeln Stellen des N. T. Kiel. 1806—8. Thl. 1. Vorrede.—Kaiser: Biblische Theologie Thl. 1. S. 224. Gieseler: Über d. Entstehung und frühesten Schicksale der schrift. Evanhelien. Leipz. 1818. E. Sartorius: Drei Abhandlungen über wichtige Gegenstände der. exegetischen und systematischen Theologie. Gött. 1820.—F. J. Schvwarz: Neue Untersuchungen über das Verwandtschaftverhältniss. der Evangel. 1844. Tiersch Versuch zur Wiederhersttellung des histor. Standpunktes für die Kritik des N. T. 1845, und Kirche in apostol. Zeit 1852.—Guericke: Neutestamentliche Isagogik, Leipzig. 1868.—Ebrard: Wissenschaftliche Kritik d. evangel. Geschichte. 1868.

ясняется предположеніемъ о возникновеніи ихъ изъ общаго устнаго источника,—твердаго типа Евангельской проповѣди. Этотъ типъ созданъ самими Апостолами. Они, по вознесеніи Господа, нѣсколько лѣтъ оставались въ Іерусалимѣ; въ это время въ собраніяхъ Апостоловъ исторія жизни Іисуса Христа и Его ученіе были общимъ и постояннымъ предметомъ ихъ одушевленныхъ разговоровъ. При этомъ каждый Апостолъ сообщалъ свое воспоминаніе о дѣлахъ и рѣчахъ Господа,—одинъ помогалъ другому. Такъ постепенно возникло извѣстное количество разсказовъ, передающихъ въ значительной полнотѣ и порядкѣ жизнь Іисуса Христа,—устное Первоевангеліе. Эти разсказы, при частомъ повтореніи ихъ, даже и по выраженію твердо удерживали свою однажды принятую форму,—каждый въ отдѣльности. Опредѣленный видъ Евангелія мало могъ измѣняться и въ проповѣди Апостоловъ, когда они преподавали Евангеліе новообращеннымъ, изъ коихъ впослѣдствіи весьма многіе сами должны были учить другихъ тому же, что говорили Апостолы. Опасность, чтобъ устное Евангеліе не было впослѣдствіи искажено, дѣлала крайне необходимою ту потребность, чтобъ изложить оное письменно въ одномъ постоянномъ и опредѣленномъ видѣ (Лук. I, 1—4). Впрочемъ, соотвѣтственно разнымъ потребностямъ и цѣлямъ первоначальнаго христіанскаго общества, впослѣдствіи явились нѣсколько различныя письменныя Евангелія, которыя были потомъ переведены съ разными видоизмѣненіями въ изложеніи разсказовъ и рѣчей съ языка Палестинскихъ іудеевъ, на которомъ было Первоевангеліе, т. е. съ арамейскаго или сиро-халдейскаго на греческій и другіе языки [19]).

---

19) Нужно замѣтить, что ближе къ этой теоріи *устнаго Первоевангелія* стоятъ взгляды нашихъ отечественныхъ ученыхъ. Такъ въ 1861 г. архм. Өеодоръ (Бухаревъ) на вопросъ: „почему въ нѣсколькихъ видахъ изображены законодательныя для Н. Зав. дѣла и ученіе Спасителя?“ отвѣчалъ: „Откровенія—словесныя и пись-

Теорія устнаго Первоевангелія противорѣчила смыслу и характеру гипотезы Лессинга, въ полномъ ея видѣ, и ближе стояла къ ученію церкви о боговдохновенности Евангелистовъ, а главное къ подлинности Евангелій. Но, не смотря на свои преимущественныя совершенства,—что засвидѣтельствовала исторія рѣшеній даннаго вопроса,—она еще въ самомъ началѣ своего возникновенія и потомъ въ продолженіи своего развитія находила себѣ отрицаніе въ теоріи письменнаго Первоевангелія, основанной Лессингомъ и развитой его послѣдователями. Еще самъ основатель теоріи устнаго Первоевангелія—Гердеръ нашелъ критическій разборъ своего мнѣнія въ теоріи Эйхгорна (1804) [20]). Впрочемъ, эти два взгляда не стоятъ въ существенномъ и радикальномъ противорѣчіи другъ съ другомъ: въ исходномъ и главномъ пунктѣ они оба согласны съ Лессингомъ.

менныя—даются неиначе, какъ подъ условіемъ пріемлемости ихъ и потребности въ нихъ.... Свойства дѣла Христова и нужды Его послѣдователей требовали именно того, чтобы не въ одномъ видѣ изобразили служеніе Христово сами Апостолы... Потребны были случаи и поводы къ раскрытію той или другой стороны Христовой истины... Когда царство благодати предлагалось первоначально и съ такимъ усиліемъ Израилю, хотя съ доступностію и для стремящихся въ него язычниковъ: то была нужда и удобность обозрѣть и изобразить дѣло Христово главнымъ образомъ въ отношенію къ Израилю... И вотъ—первое изъ Евангелій (отъ Матѳея)" т. и д.— „Изъ обстоятельствъ происхожденія Евангелія въ четырехъ видахъ удобно объясняются и самыя разности сихъ Евангелій, при единствѣ ихъ во всемъ существенномъ." Сходство условливается боговдохновенностію писателей. Архим. Ѳеодоръ: о Н. Завѣтѣ І. Хр. Спб. 1861, стр. 172—177. 184.—Въ послѣднее время въ нашей ученой литературѣ принятъ взглядъ Гэрике, одного изъ послѣдоватилей теоріи *устнаго Евангелія* (см. его кн. Введеніе въ новозав. кн. св. Писанія, въ р. пер. 1869. стр. 79—97),—именно Арх. Михаиломъ, въ его сочиненіи.: „О Евангеліяхъ и св. исторіи." изд. 2. Москва. 1870. Стр. 313—318.

20) Мысль объ одномъ общемъ письменномъ источникѣ синоптическихъ Евангелій и, что онъ былъ сиро-халдейскій, была прежде всѣхъ высказана Землеромъ (Anmerkung. zu Towson's Abhlandl. üb. d. 4 Ev.), но несравненно большимъ сочувствіемъ пользовалась теорія Эйхгорна—онъ и представитель ея:

По мнѣнію Эйхгорна [21]), каноническія Евангелія составлены на основаніи письменныхъ сказаній; но они явились довольно поздно, уже во второмъ вѣкѣ и даже въ концѣ его. Апостолы, посылая на проповѣдь своихъ учениковъ, кромѣ устныхъ, дали имъ въ руководство и письменныя наставленія—списки съ одного, ими составленнаго, Первоевангелія, въ которыхъ конечно излагалась не только учительная дѣятельность Христа, но и жизнь Его вообще вся; изложеніе было краткое и представляло письменный перечень самыхъ важныхъ событій. Списки съ этихъ краткихъ жизнеописаній во множествѣ расходились между христіанами и прежде, чѣмъ они дошли до составителей каноническихъ Евангелій, подверглись многимъ измѣненіямъ; иногда переписчикъ, при списываніи, прибавлялъ къ оригиналу то, что онъ зналъ изъ другихъ источниковъ, что видѣлъ въ другихъ спискахъ и что находилъ нужнымъ по собственнымъ соображеніямъ. Всѣ эти списки впослѣдствіи послужили матеріаломъ для составленія подобныхъ, приведенныхъ въ порядокъ и расположенныхъ по плану, жизнеописаній Іисуса Христа или Евангелій. Въ первые два вѣка ихъ было много; но церковь, по тщательномъ изслѣдованіи, выбрала изъ нихъ и одобрила для общаго употребленія только четыре, которыя названы были именами учениковъ Христовыхъ.—Эта теорія особенно защищалась Бертольдомъ, а потомъ ее разработывали: Шлейермахеръ, отчасти сходно съ ними Вейссе и др. [22])

---

21) Eichhorn: Allgem. Biblioth. der Biblisch. Literat. 1794. Bd. 5. St. 759 ff. Einleitung in das N. T. Tom. 1, St. 353 ff.

22) Berthold t: Histor.—kritisch Einleitung in d. N. T. III. St. 1205. Schleiermacher: Kritisch—Versuch. uber die Schriften des Lucas. 1817. Einleitung in's N. T. St. 217. Weisse: Die evang. Geschicht. krit. und

Теоріи устнаго и письменнаго Первоевангелія, вышедшія изъ гипотезы Лессинга, сами, въ свою очередь, являются въ исторіи вопроса какъ основныя и первоначальныя въ отношеніи къ другимъ.— Изъ гипотезы Гизелера, относящейся къ устному Первоевангелію, вышла теорія устнаго преданія, а въ связи съ мнѣніемъ Эйхгорна явилась теорія заимствованій. Эти двѣ производныя теоріи дѣйствительно уже содержались въ извѣстной мѣрѣ у Гизелера и Эйхгорна, какъ и ихъ собственныя мнѣнія основывались въ извѣстной мѣрѣ на гипотезахъ Гердера и Лессинга.

Гипотеза заимствованій разработывалась Шторромъ, Грисбахомъ, Фричемъ, Зиффертомъ, Гфрёреромъ, Блэкомъ, Гугомъ, Деличемъ, Вильке, какъ теорія [28]). Сущность ея состоитъ въ томъ, что одно какое-нибудь

---

philosoph. behandelt. 1838. Die evang. Frage in ihren gegenwärtigen Stadium. 1856.

23) Storr: Über den Zweck d. ev. Geschichte, 1788. De fonfibus evangel. Matth. e Lucae. 1794. Griesbach: Commentatio, qva Marci Evangelium totum e Matthaei et Lucae commentariis decerptum esse monstratur. 1789.—Sieffert: Ursprung des ersten kanonischen Evangeliums. 1832.—Fritzsche: Introduct. ad Marcum. 1830. St. XXXV ff.—Gfrörer: Geschichte des Urchristenthums. II, 2 (heilige Sage). St. 212 ff.—Bleeк: Einleitung, II, St. 243—257. Synopsis. 1, St. 4 ff. II, S. 122 ff. Delitzsch: Zeitschrift für lutheriche Theologie und Kirche. 1850. S. 492. Neue Untersuchungen über Entstehung und Anlage der kanonischen Evangelien. 1853.—Hug: Einleitung in die Schriften des Neuen Testamentes. II. 1808. St. 51—164 ff. Wilke: Urevangelist oder Untersuchung üb. d. Verwandtschaftverhältniss d. drei ersten Evangelien. 1838.

изъ трехъ синоптическихъ Евангелій или два признаются первоисточникомъ для составленія двухъ или одного изъ остальныхъ при помощи заимствованія.

Теорія преданія напротивъ признаетъ, что письменному Евангелію предшествовало устное преданіе, впослѣдствіи, по требованію обстоятельствъ, записанное Евангелистами, отчасти въ зависимости другъ отъ друга. Эта теорія, имѣя свое основаніе въ гипотезѣ Гизелера, разработывалась впослѣдствіи въ изслѣдованіяхъ Баура (1860) и Швеглера, и др. [24]).

Но при этихъ двухъ теоріяхъ заимствованія и преданія существовала еще третья, средняя или примирительная (Vermittelungshypothese). Въ примирительно—посредствующемъ положеніи находятся воззрѣнія Де-Ветте, Креднера, Лахмана и отчасти Вейссе [25]).

---

24) Baur: Kritiche Untersuchung über die Kanonisch. Evangelien. Tübing. 1847 f.—Schwegler: Teologische Jahrbücher. 1847. St. 235 ff. Nachapostolisches Zeitalter. 1846. B. 1.

По отношенію къ теоріямъ заимствованій и преданія должно замѣтить, что послѣдняя держится отчасти и первой, когда разсматриваетъ сходство и различія въ письменныхъ уже Евангеліяхъ: такъ, напр., у Баура и ученыхъ *примирительнаго направленія* (Эвальдъ). Тѣмъ не менѣе основной взглядъ на дѣло, напр. у Баура, таковъ: «писатели нашихъ Евангелій не были ни просто собирателями или переписчиками., какъ ихъ считаютъ (Eichhorn), ни простыми писателями, которые отличаются другъ отъ друга только стилистическими свойствами своихъ сочиненій, но они были историки—писатели, которые съ опредѣленной точки зрѣнія, указываемой имъ отношеніями времени, въ какое они жили, понимали и излагали Евангельское *преданіе*». Гэрике: Введеніе въ Н.—З. кн. Св. Пис. стр. 96.

25) De-Wette: Einleitung in's N. T. 6. Aufl. Credner: De Evangelii Marci origine. 1831. Einleitung: in's N. T. 1836. St. 57 ff, особенно St. 196 ff. Lachmann: De ordine narrationum in Evangeliis Synopticis: Sdudien und Kritiken. 1835. Weisse: Die Evangelische Geschichte, krit. und philosoph. behandelt. 1838. Die Evangel.

Къ этой же посредствующей теоріи примыкаютъ по исторической преемственности и по своему характеру и новѣйшія, особенно замѣчательныя, гипотезы или теоріи Г. Эвальда и Ю. Гольцмана. Въ этихъ теоріяхъ принимаются принципы теорій преданія и заимствованія; первый по преимуществу принадлежитъ Эвальду, второй по преимуществу же—Гольцману; но тотъ и другой вмѣстѣ примыкаютъ къ основной для нихъ теоріи устнаго Первоевангелія [26]).

Теоріи Эвальда и Гольцмана являются заключительными въ предшествующей имъ исторіи критики Еван-

---

Frage in ihren gegenwärtigen Stadium. 1856. И еще ранѣе: Schott: Isagoge. 1830 Neudecker: Lehrbuch der Einleitung. 1840; и др.

26) Судя по характеру теорій Эвальда и Гольцмана, нѣкоторые изслѣдователи ставятъ ихъ въ связь и отношеніе съ теоріей Эйхгорна, какъ напр. Гэрике: Введ. въ Н. З. кн. Св. П. ч. 1. стр. 96—97. Но мнѣнія Гэрике не должно раздѣлять, потому что Эвальдъ и Гольцманъ, хотя различны отъ Баура съ его «тенденціозностію» въ Евангеліяхъ, но сходны съ нимъ по принцыпамъ; а Баура Гэрике не причисляетъ къ школѣ Эйхгорна (стр. 82). По словамъ самого Гэрике, характеристическая черта Эйхгорна та, что три Евангелиста пользовались однимъ письменнымъ Первоевангеліемъ, которое составили сами Апостолы (стр. 87); а у Эвальда, напр., та, что письменному Евангелію предшествовало устное, какъ матерія впослѣдствіи различныхъ и разнымъ лицамъ принадлежащихъ, письменныхъ Ев. трудовъ (Jahrb. 1848. S. 116).

Примѣч. Болѣе подробный историческій очеркъ теорій, ихъ группированіе, оцѣнка—съ нѣкоторыми отличіями находятся въ сочиненіяхъ: Holtzman'a: d. Synoptischen Evangelien. 1863; съ небольшимъ пополненіемъ у Bunsen'a: Bibelurk. d. B. N. T. 1866.—Ebrard'a Wissenschaftl. Krit. d. Ev. Geschichte. 1868. Mayer'a,—въ Zeitschr. f. Theol. 1848. B. 20. S: 3—41. Гэрике: Введенія въ Н.—Зав. книги Св. Писанія; р. пер. 1869 г. Стр. 76—97.

A. W. Meyer's: Kritisch.—exegetisches Kommentar üb. d. Evangel. d. Matth. Gött. 1864. Einleitung St. 24 ff.

Шиконпа: Апологетическія бесѣды о лицѣ Іисуса Христа. Р. пер. С.п.б. 1870 г. стр: 62—88.—Всѣми, здѣсь означенными, сочиненіями мы пользовались при изложеніи историческаго очерка развитія теорій, рѣшающихъ нашъ вопросъ.

гельскихъ писаній; а потому уже можно судить о ихъ сравнительномъ совершенствѣ и важности.—Но чтобъ понять все достоинство и важность этихъ, послѣднихъ въ своей исторіи и замѣчательнѣйшихъ въ ученомъ отношеніи, теорій, нужно имѣть въ виду величайшую важность самого вопроса, который можетъ и долженъ рѣшаться и разрѣшиться при научныхъ изслѣдованіяхъ съ помощію теоріи только устнаго Первоевангелія, какъ сравнительно болѣе простой и прочной; потому что теорія письменнаго Первоевангелія уже обнаружила въ историческомъ ея развитіи большіе и рѣшительные недостатки. Сравнительно болѣе достойна вниманія и критическаго разбора, какъ болѣе совершенная, теорія устнаго Первоевангелія, въ томъ ея видѣ, какъ она наконецъ, со стороны отрицательной критики, представляется у Эвальда и Гольцмана.

Въ чемъ же состоитъ важность самаго вопроса о первоисточникахъ или взаимномъ отношеніи синоптиковъ и—соотвѣтственно тому—важность новѣйшихъ теорій?—

Вопросъ о взаимномъ отношеніи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій возбуждалъ и возбуждаетъ тщательное изслѣдованіе ученыхъ съ цѣлію основательно и вѣрно выяснить причины сходства и различія, указать источникъ (устный или письменный) оныхъ. Отъ такого или иного рѣшенія этого вопроса зависитъ авторитетъ Евангелій, какъ подлинно-историческихъ и непосредственно-Апостольскихъ писаній; а такой авторитетъ ихъ есть основаніе всей библейской науки и христіанской религіи; такъ какъ каноническое Четвероевангеліе есть равно-основный источникъ и для той, и для другой. Такъ понимаетъ это и церковь; такъ объ этомъ судитъ, съ своей точки зрѣнія, и отрицательная критика.

Но церковная древность, обращая вниманіе на взаимныя отношенія синоптиковъ, должна была находить предметное и буквальное ихъ согласіе дѣломъ понятнымъ и рѣшеннымъ въ своемъ ученіи о боговдохновен-

ности св. Писанія вообще; только разности Евангелій обращали на себя особое вниманіе Отцовъ Церкви и очень рано подали имъ поводъ писать соглашенія и примиренія, непрерывныя сопоставленія и совокупныя обозрѣнія всѣхъ четырехъ Евангелій [27]). А съ теченіемъ времени (у бл. Августина) и съ развитіемъ библейской науки на Западѣ потребовалось точнѣе опредѣлить взаимное сходство и различіе синоптическихъ Евангелій и открыть въ такомъ отношеніи ихъ постоянный законъ или опредѣленное правило, чтобъ такъ рѣшить вопросъ удовлетворительно въ научномъ смыслѣ, и тѣмъ болѣе тогда, когда самое ученіе о боговдохновенности св. Писанія поставлено было и съ тѣхъ поръ стало на научную почву, когда оно подвергалось аналитическому разбору критики системъ христіанскаго вѣроученія.

---

27) Такъ св. *Епифаній* Кипр. говоритъ: «Матѳей еврейскими письменами пишетъ и возвѣщаетъ Евангеліе, и начинаетъ не съ того, что составляетъ начало Евангелія, но излагаетъ родословіе отъ Авраама (Мат. I, 2 и д.).—Гдѣ же событіе съ Захаріею? Гдѣ то, что изложено Лукою? Гдѣ видѣніе Ангела? Гдѣ пророчество объ Іоаннѣ Крестителѣ?.... Посему что скажемъ? Поелику Матѳей не возвѣстилъ того, о чемъ сказалъ Лука: то ужели святый Матѳей не согласенъ съ истиною? А также ужели не истину говоритъ святый Лука, сказавъ о томъ, что было прежде изложеннаго Матѳеемъ? Не каждому ли раздѣлилъ Богъ такъ, чтобы, долженствовавшіе проповѣдать, четыре Евангелиста нашли, что каждому изъ нихъ сдѣлать, и одно проповѣдали согласно и одинаково, въ показаніе того, что черпаютъ изъ одного и тогоже источника, а другое, оставленное каждому въ отдѣльности, повѣствовалъ одинъ, кто получилъ отъ Духа соотвѣтствующую часть?» Творенія св. Епиф. Кипр. ч. II. Ерес. 51, гл. 5—6. Рус. пер. Москва. 1864. Стр. 344—346, и вообще 337—417.—Св. Іоаннъ *Златоустый*: »Ужели одинъ Евангелистъ не могъ написать всего, что нужно? Конечно могъ: но когда писали четверо, писали не въ одно и тоже время, не въ одномъ и томъ же мѣстѣ, не сносясь и не сговариваясь между собою, и при всемъ томъ писали такъ, что все какъ будто одними устами произнесено; то это служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ истины.... Если же касательно чудесъ не всѣ все сказали, но иной то, а другой другое, то сіе не должно возмущать. Ибо если бы кто нибудь одинъ сказалъ все, то прочіе писатели были бы излишни. А если бы каждый изъ нихъ написалъ различное и новое противъ другихъ, то тогда нельзя было бы видѣть между ними согласія. Посему они хотя много говорили общаго, но каждый изъ нихъ выбиралъ для себя и особое, дабы съ одной стороны не нашлось чего либо лишняго и брошеннаго безъ цѣли, а съ другой—очевидны были точныя доказательства истины повѣствованія». Бесѣда 1 на Ев. Матѳея, гл. 2. Русск. пер. ч. 1. Москва. 1839. стр. 5—7.—Еще см. Opera omn. Athanasii Alexandr: Synopsis evangelistarum Tom. sec. Ed. Coloniae. 1686. Pag. 121 et c.

Стремленіе къ научному рѣшенію вопроса о сходствѣ и различіи синоптиковъ создало обширную литературу теорій отрицательной критики и строго-церковной апологетики. Предъ взоромъ отрицательныхъ критиковъ сходства синоптиковъ являлись очевиднымъ доказательствомъ того, что „писатели составляли ихъ мозаически (Гольцманъ)“, что синоптики явно расположены по извѣстному порядку въ зависимости отъ главнаго повѣствовательнаго образца, что о самостоятельности Евангелистовъ (будто бы) нельзя болѣе и думать. Это—съ одной стороны. Съ другой—разности Евангелій представлялись видимыми, а для нѣкоторыхъ изслѣдователей и дѣйствительными противорѣчіями. Такъ, противорѣчіе видѣли и видятъ, напр. въ томъ, что ев. Лука повѣствуетъ о явленіяхъ воскресшаго Спасителя только въ Іудеѣ, а ев. Матѳей—только въ Галилеѣ; или: одно Евангеліе заключаетъ въ себѣ такія составныя части, которыхъ въ другихъ вовсе нѣтъ. Такъ, сообщаемое ев. Маркомъ изъ рѣчей Спасителя въ сравненіи съ Евангеліями отъ Матѳея и отъ Луки есть какъ-бы самый скудный выборъ изъ нихъ; или: ев. Лука излагаетъ цѣлый рядъ важныхъ рѣчей, каковы притчи о блудномъ сынѣ (Лук. XV, 11—32), о сострадательномъ самарянинѣ (Лук. X, 30—37), и др., изъ коихъ оба первые Евангелиста не сообщаютъ ничего такого [28]).—По-

---

28) Такъ, напр. Holtzmann прямо говоритъ: Oft in denselben Stellen, die aûf eine gegenseitige Berührung und Wechselwirkung der einzelnen Evangelien schlissen lassen, sich wieder auffallende Verschiebenheiten darbieten, welche häufig sich bis zu scheinbaren oder wirklichen Widersprüchen steigern. So erzählt Lucas beispielshalber von Erscheinungen des Aûferstandenen blos in Judäa, Matthäus blos in Galiläa u s. w. См. Die Synoptischen Evangelien. 1863: St. 13. Ср. Bruno Bauer: Kritik der Evangel.

добныя разности, какъ противорѣчія по мнѣнію отрицательной критики, логически послѣдовательно были приняты ею какъ доказательства неподлинности и основанія недостовѣрности Евангелій. А отсюда прямо слѣдуетъ рѣшительное слово о неосновательности христіанской богословской науки въ ея источникѣ, о миѳическомъ, мистическомъ или философско-теологическомъ, а не дѣйствительно—историческомъ и боговдохновенномъ характерѣ самой религіи христіанской и письменности Евангельской; а вмѣстѣ съ тѣмъ—и рѣшительный выводъ относительно общественной религіозно-нравственной христіанской дѣятельности и жизни. И если такое слово, подобное слѣдствіе въ строгомъ смыслѣ важно во всякое время исторіи христіанства, то въ настоящее—по преимуществу и особенно для нашей русской истинно-православной богословской науки. Въ настоящее, новое время, болѣе и болѣе „стараются подорвать въ основаніи высокое знаніе и поколебать великое зданіе христіанской религіи и нравственности", чтобъ на ихъ мѣстѣ поставить универсальную систему эмпирическихъ знаній и „воздушный замокъ идеально-соціальной гуманности", какъ высшія формы, а вмѣстѣ съ ними и нормы сознанія и жизни новыхъ, настоящихъ и будущихъ, поколѣній человѣчества [29]). Для достиженія цѣли такихъ стремленій съ большимъ и вѣрнѣйшимъ успѣхомъ стараются разрушить главное основаніе вѣры и церкви Христовой—авторитетъ главнаго историческаго документа новозавѣтнаго откровенія—Божіе слово, вѣчное Евангеліе. Къ этой цѣли иногда прямо и открыто были направлены; болѣе или менѣе сознательно и научно, различныя теоріи отрицательной критики Ев. писаній, хотя съ ближайшимъ и

Synoptiker. Leipz. 1841. 2 B. d. Kritik. der Evangelien und Geschichte ihres Ursprung. Berlin. 1850; и т. д.

29) Ср. *Шикоппа*: о Лицѣ Іисуса Христа. С.Петерб. 1870. стр. 61—62.

непосредственнымъ намѣреніемъ изъяснить взаимное отношеніе синоптиковъ. И уже первая изъ такихъ теорій— Лессингова носила заглавіе „о Евангелистахъ, какъ человѣческихъ писателяхъ". Но это и тому подобное служитъ только намекомъ на то, къ чему послужили впослѣдствіи всѣ подобныя гипотезы и теоріи. Они большею частію послужили къ тому, что во мнѣніи многихъ, даже ученыхъ людей, ослабили авторитетъ Евангелія, подвергли сомнѣнію его подлинность, болѣе и болѣе возбуждали вопросовъ касательно его достовѣрности и боговдохновенности; такъ что послѣдняя по времени и важности теорія Гольцмана открыто объявила, что о самостоятельности первыхъ трехъ каноническихъ Евангелистовъ не можетъ быть и рѣчи... [30]). Подобнымъ результатомъ была бы рѣшительно достигнута цѣль антихристіанскихъ стремленій, если бы направленіе собственно-отрицательной критики было чуждо самоотрицанія и весьма многихъ существенныхъ недостатковъ, если бы оно не находило противодѣйствія себѣ въ апологетикѣ христіанства вообще и Евангелія въ частности, если бы первоначальнымъ же отрицательнымъ теоріямъ не противопоставлено было противоусиліе послѣдующихъ теорій строго-церковной антикритики, чѣмъ выяснились существенные недостатки оныхъ.

Развитіе отрицательной критики представляетъ процессъ смѣны однихъ гипотезъ и теорій другими; а это обусловливается характеромъ и недостаточностію предшествующихъ въ отношеніи къ послѣдующимъ. Вслѣдствіе этого и такого развитія отрицательной критики, въ настоящее время выработаны ею теоріи съ болѣе благопріятнымъ однако, для правильнаго рѣшенія вопроса, характеромъ,—въ духѣ преданія и самого Св. Писанія, хотя—отчасти. Это—теоріи съ характеромъ устнаго

---

30) Ср. напр. Holtzmann'a: Synopt. Evang. St. 65—67.

Первоевангелія, именно и преимущественно теоріи Эвальда и Гольцмана. Ихъ теоріи тоже недостаточны, но они явились какъ самый послѣдній результатъ всего развитія исторической отрицательной критики Евангелій и представляются сравнительно болѣе совершенными: ихъ появленіе обусловлено сознаніемъ недостаточности теоріи письменнаго Первоевангелія и всѣхъ ея видоизмѣненій.

Сравнительное достоинство теорій Эвальда и Гольцмана опредѣляетъ ихъ важность: оно принадлежитъ имъ въ настоящее время какъ послѣднимъ и совершеннѣйшимъ въ обширной исторіи главной ихъ задачи и какъ теоріямъ именно устнаго Первоевангелія—теоріи основной и единственно-правильной въ своемъ родѣ—по основному принципу и характеру. Теоріи Эвальда и Гольцмана суть частныя самостоятельныя формы общей для нихъ теоріи устнаго Первоевангелія, а эта теорія въ разнообразныхъ своихъ видоизмѣненіяхъ менѣе недостаточна, чѣмъ теорія письменнаго Первоевангелія.

Недостатки теоріи письменнаго Первоевангелія, какъ они выработаны и обнаружены въ литературѣ Евангельской исторической критики, очень значительны и при томъ многочисленны; а главные изъ нихъ таковы, что заставляютъ оставить эту теорію навсегда. Она чѣмъ болѣе развивалась и раскрывалась, тѣмъ болѣе представляла недостатковъ.—„Важнѣйшимъ слѣдствіемъ попытки этой теоріи—объяснить происхожденіе и отношеніе между собою первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій было то, что составленіе Евангелій незамѣтнымъ образомъ отнесено было къ такому времени и оказалось дѣломъ столь второстепеннымъ, что нельзя было и думать болѣе о ихъ писателяхъ, какъ Апостолахъ или даже только о сотрудникахъ Апостольскихъ. Еще Эйхгорнъ участіе ев. Матѳея въ первомъ, а ев. Марка и Луки во второмъ и третьемъ Евангеліяхъ—что онъ еще не могъ совершенно отвергнуть—довелъ до весьма незначи-

тельной степени; а Шлейермахеръ употреблялъ названія: „Евангеліе Матѳея, Марка, Луки“ только по нѣкоторой уступчивости, какъ обычныя названія, не смотря на то, было-ли близкое или далекое участіе этихъ „мужей“ въ приписываемыхъ имъ Евангеліяхъ, или не было вовсе никакого [31]. И въ самомъ дѣлѣ очевидно, какъ съ каждымъ новымъ видоизмѣненіемъ и съ послѣдующей инстанцій развитія Евангельской письменности,—съ каждою вновь замѣченною стороною въ столь разнообразныхъ отношеніяхъ Евангелій оказывалась необходимость въ новой и новой вспомогательной гипотезѣ [32]. Вся теорія становилась болѣе и болѣе запутанною и искуственною, а вмѣстѣ съ тѣмъ приходила въ наиболѣе рѣзкое противорѣчіе съ духомъ и характеромъ того времени, когда происходили Евангелія [33]. „При этой теоріи, говоритъ Шлейермахеръ, должно представлять нашихъ простыхъ Евангелистовъ обложенными четырмя, пятью

---

31) Слова Штрауса, у Шикоппа, стр. 70—71.

32) Вотъ генеалогіи Евангелій по теоріи письменнаго Urevangelium'a: 1,—арамейское Urevangelium 2,—рецензія A=основоположеніе Мѳ. 3,—рецензія B=основоположеніе Луки; 4,—рецензія C=(A+B)=основоположеніе Мр. 5,—особенное писаніе D, коимъ пользовались Мѳ. и Лук.—Эго и такъ было у самого Эйхгорна. Далѣе, у Marsh'a: 1,—арамейское Urevangelium 2,—греческій переводъ его; 3,—списокъ Ur-шрифта съ прибавками — X; 4,—списокъ съ иными прибавками—Z; 5,—списокъ съ присоединеніемъ: X+Z=A=основоположеніе Марка; 6,—особенно-расширенное X=B=основоположеніе Мѳ. 7,—особенно расширенное Z=C=основоположеніе Луки; 8,—пополненное арамейское писаніе, употреблявшееся Мѳ. и Лук. Послѣ этихъ явилась еще qvasi—наисовершеннѣйшая и громаднѣйшая генеалогія, помѣщенная въ Zeitschrift für Theol.—Mayer'a,—S: 11, 13—14. Вотъ она: 1,—арамейское Urevangelium; 2,—греческ. переводъ его; 3,—рецензія Urev.—A; 4,—греч. переводъ ея $A=A^{A}$; 5,—B; 6,—C; 7,—D; 8,—Dd; 9,—E; 10,—F; 11,—$C+A^{A}$; 12,—$E+A^{A}+Dd$; 13,—F+Dd.

33) Слова Штрауса—у Шикоппа. Стр, 67.

или шестью раскрытыми свитками и книгами, и притомъ на разныхъ языкахъ и попеременно смотрящими на оные и списывающими то съ одного, то съ другаго; а это переноситъ насъ скорѣе въ нѣмецкую литературную фабрикацію XIXстолѣтія, нежели въ первоначальное время христіанства" [34]). Еще Гердеръ былъ принужденъ оставить предположенія Эйхгорна, представляя себѣ всю неимовѣрную странность такой письменности, какая должна быть въ Апостольскій вѣкъ по теоріи Эйхгорна, и лучше рѣшился присоединиться къ соображеніямъ Лессинга. И если допустить подобный способъ развитія евангельской письменности, то онъ, очевидно, прямо унижаетъ авторитетъ и умаляетъ достовѣрность Евангельскихъ каноническихъ писаній. По мнѣнію самого Эйхгорна, только первоначальныя краткія жизнеописанія были настоящими подлинными исторіями дѣйствительно происходившихъ событій; а послѣдующія сочиненія, составленныя на основаніи ихъ, слѣдовательно и каноническія Евангелія, содержатъ много произвольныхъ прибавокъ и сказаній сомнительныхъ. „Хотя Эйхгорнъ и считалъ возможнымъ на основаніи каноническихъ Евангелій возстановить первоначальныя жизнеописанія, составленныя Апостолами и заключавшія въ себѣ несомнѣнную и подлинную исторію Іисуса Христа, но способъ, употребленный имъ для этого, былъ чрезвычайно произволенъ. Если что нибудь въ Евангельскихъ сказаніяхъ не соотвѣтствовало собственнымъ воззрѣніямъ и убѣжденіямъ Эйхгорна, то онъ говорилъ, что этого небыло въ первоначальныхъ жизнеописаніяхъ Іисуса, а прибавлено впослѣдствіи. Напримѣръ, онъ не вѣрилъ чудесамъ, по этому и утверждалъ, что сказаній о чудесахъ вовсе не было въ дѣйствительно-апостольскихъ Евангеліяхъ, что они были прибавлены къ тѣмъ послѣ,—приспособительно къ ограниченнымъ поня-

34) У Шикона,—стр. 67.

тіямъ людей, склонныхъ вѣрить въ чудеса." Если такъ думалъ самъ Эйхгорнъ, то его послѣдователи, развившіе теорію письменнаго Первоевангелія до послѣднихъ крайностей, имѣли основаніе думать о Евангеліяхъ еще несправедливѣе.—Такимъ образомъ, по мнѣнію Эйхгорна и его послѣдователей, выходитъ, что наши каноническія Евангелія неподлинны и, хотя они произошли независимо одно отъ другаго, но разности, встрѣчающіяся въ нихъ, объясняются только тѣмъ, что составители Евангелій руководствовались различными списками первоначальныхъ Евангельскихъ сказаній. Въ такомъ смыслѣ эта теорія, кромѣ противорѣчія ея общему церковному преданію о подлинности нашихъ каноническихъ Евангелій, главнымъ образомъ совершенно-произвольна и крайне искусственна: ибо безъ достаточныхъ основаній принимаетъ много разнообразныхъ первоначальныхъ (при Urschrift'ѣ) Евангельскихъ писаній и много ихъ переработокъ. Тотъ же существенный недостатокъ теоріи письменнаго Первоевангелія—неограниченный произволъ—виденъ и во всѣхъ видоизмѣненіяхъ мнѣнія Эйхгорна у его послѣдователей. Произволъ теоріи письменнаго Первоевангелія опредѣленно и особенно замѣчается въ томъ, что она, рѣшая историческій вопросъ, сама, однако, не имѣетъ историческаго характера,—въ томъ смыслѣ, что необъясняетъ существующихъ историческихъ свидѣтельствъ и нѣкоторыхъ, ей противорѣчащихъ, фактовъ и за себя не выставляетъ подобныхъ.—Каноническія Евангелія должны были имѣть общимъ и основнымъ стволомъ своего построенія и развитія письменное Первоевангеліе, а при этомъ они должны были-бы заключать въ себѣ все главное содержаніе Апостольской проповѣди, изложенной въ письменномъ Первоевангеліи, какъ „руководствѣ." А потому они должны были-бы заключать въ себѣ и такія важныя пророческія мѣста, указанныя въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, какъ напр.: Псал. XV, 8—11,—что приводитъ Ап. Петръ въ своей рѣчи въ Іерусалимѣ на праздникѣ

Пятидесятницы и относитъ къ воскресенію Іисуса Христа (Дѣян. II, 28), въ чемъ ему слѣдуетъ и Апостолъ Павелъ (Дѣян. XIII, 35); или мѣсто изъ пророка Амоса (IX, 11), гдѣ Апостолъ Іаковъ находитъ предсказаніе о мессіанской проповѣди у язычниковъ и принятіи ихъ въ мессіанское царство (Дѣян. XV, 15—17); должны были потому именно, что Первоевангеліе составлено было (какъ предполагаетъ теорія) въ качествѣ руководства для Апостоловъ при ихъ проповѣди. Между тѣмъ въ синоптическихъ Евангеліяхъ нѣтъ такихъ важныхъ Апостольскихъ доказательствъ изъ ветхозавѣтнаго Св. Писанія, какія находятся, однако, въ Апостольской проповѣди, по свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ. Этотъ фактъ прямо и сильно говоритъ противъ существованія письменнаго Первоевангелія въ то время,—тѣмъ болѣе, что изъ Апостольскихъ посланій свящ. канона не сдѣлано никакихъ употребленій въ каноническихъ Евангеліяхъ, хотя имъ-бы, какъ явившимся, по теоріи, ранѣе этихъ произведеній, слѣдовало быть во вниманіи Евангелистовъ, подобно многимъ другимъ спискамъ и переводамъ, конечно, менѣе авторитетныхъ авторовъ; между тѣмъ этого-то нигдѣ и не видно. Не только въ каноническихъ книгахъ, но и нигдѣ въ новозавѣтоний священной письменности не встрѣчается ни одного слѣда отъ такого оффиціальнаго писанія, какъ Первоевангеліе Эйхгорна; между тѣмъ было побужденіе, чтобъ дать о немъ знать и въ тѣхъ письменныхъ произведеніяхъ Апостольскихъ, кои дошли до насъ. Ап. Варнава, напримѣръ, посылается въ Антіохію для того, чтобъ утвердить въ вѣрѣ новообращенныхъ христіанъ и просвѣтить ихъ ученіемъ Христовымъ, но о письменномъ документѣ или Первоевангеліи въ этотъ разъ ничего не сказано (Дѣян. XI, 22—27). Даже при первомъ посланіи Ап .Павла и Варнавы къ язычникамъ (Дѣян. XIII, 1 и сл.) сказано только: „тогда они (Апостолы), совершивъ постъ и молитву, и возложивъ на нихъ, т. е. на Варнаву и Павла, руки, отпустили ихъ;“ а о письменномъ Первоеван-

геліи ничего не говорится. При путешествіи Ап. Варнавы и Марка въ Кипръ (Дѣян. XV, 39 и дал.) опять ничего не упоминается о письменномъ Первоевангеліи. Въ посланіяхъ Апостольскихъ, особенно въ пастырскихъ посланіяхъ Ап. Павла къ Титу и Тимоѳею, также ничего не говорится о письменномъ оффиціальномъ Евангеліи и тому подобномъ [35]. Евангелистъ Лука, указывая въ предисловіи къ своему Евангелію на многихъ лицъ, начавшихъ составлять повѣствованія о Христѣ, ничего не говоритъ о самомъ замѣчательномъ источникѣ, для всѣхъ основномъ, какъ Первоевангеліе (Лук. I, 1—4). Скорѣе можно указать факты, отрицающіе существованіе письменнаго Первоевангелія. Такъ Ап. Павелъ, говоря объ установленіи таинства евхаристіи (1 Кор. XI, 20 и д.), прямо исключаетъ для себя самого письменный источникъ свѣдѣній объ оной: εγω γαρ πάρελάβων άπο του Κυριου, ο και παρεδωκα υμιν, οτι ο Κυριος... ελαβεν άρτον (ст. 23; ср. Гал. I и II)... и постоянно ссылается только на устное Евангеліе (какъ напр. 2 Тим. II, 2 и д.: ср. Римл. X, 14—17; 2 Тим. I, 1—2 ср.; Евр. II, 1—4. Гал. III, 2—5). Евангелистъ Лука также прямо ссылается на преданіе, говоря: καθως παρεδοσαν ημιν οι απ άρχης αυτόπται κάι υπηρεται γενομενοι του λογου (1, 2). Еще опредѣленнѣе говоритъ относительно этого Ап. и Ев. Іоаннъ: ο ην απ άρχης, ο ακηκοαμεν, ο εωράκαμεν τοις οφθαλμοις ημων, ο εθεασαμεθα και αι χειρες ημων εψηλαφησαν περι του λογου της ζωης ....ο εωρακαμεν και άκηκοαμεν, απαγγελλομεν υμιν...και ταυτα γραφομεν υμιν...και αυτη εστιν η αγγελια... (1 Соб. Іоан. I, 1—5).—Итакъ, въ Апостольскихъ Посланіяхъ, Дѣяніяхъ и Евангеліяхъ не только нѣтъ упоминанія о пись-

---

35) Ибо въ 2 Тим. IV, 13: φερε κάι τά βιβλιά, μαλλιστα τάς μεμβραντάς—нельзя разумѣть Евангеліе, но—только св. книги В. Зав. (τα βιβλια). А упоминаніе относительно «наученія» Тимоѳея Ап. Павломъ прямо устраняетъ предположеніе о письменномъ Первоевангеліи.

менномъ руководственномъ Евангеліи, а есть, напротивъ, прямое отрицаніе существованія его и оно особенно важно въ виду до невѣроятности обширной генераціи, разнообразія и разнохарактерности Евангельскихъ писаній—по теоріи письменнаго Первоевангелія. Такой обширной и разнообразной письменности, какъ она предполагалась Эйхгорномъ и его послѣдователями и въ такомъ родѣ между іудеями въ раннее время Апостольскаго періода, не могло быть[36]).— Но если бы письменное Первоевангеліе тогда существовало и въ столь многочисленныхъ рецензіяхъ, составленныхъ разными лицами и во многихъ мѣстахъ; то не могла бы быть совершенная утрата всѣхъ его экземпляровъ: этого не могло быть съ нимъ, какъ съ документомъ оффиціальнымъ, въ самой высшей степени авторитетнымъ и исключительно—главнымъ въ Апостольское и еще болѣе въ послѣдующее время. Но о немъ не осталось даже и воспоминанія ни въ одномъ округѣ всей вселенской церкви. О немъ ничего не говорятъ Отцы церкви: Папій, Іустинъ, Ириней, а главное—тщательный изслѣдователь текста Св. книгъ Ори-

---

36) Это очень вѣроятно и независимо отъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія Нов. Зав.,—потому что самое важнѣйшее достояніе іудейской мысли—*преданія старцевъ* въ своей громадной массѣ оставалось въ устахъ учителей народа; ибо Талмудъ составился уже спустя много времени послѣ проповѣди Апостоловъ (въ 237 г.—Мишна). Изъ новѣйшихъ изслѣдователей, напр., Эвальдъ жалуется на то, что очень мало осталось литературныхъ памятниковъ о жизни Іисуса Христа: da müssen wir allerdings zunächts bedauern dass wir von nichtchristlicher Seite fast gar keine genug früh-zeitige und zuverlässige Nachrichten über Leben, Wirken und Schicksale Christus besitzen (Gesch. Christ. S: 119). А почему же послѣ этого можно думать, что существовала громадная собственно Евангельская письменность? — Если и говоритъ Лука: πολλοι επεχειρησαν αναταξασθαι διηγησιν (1, 1); то нужно замѣтить, что эти записи могли существовать предъ разрушеніемъ Іерусалима; а потомъ—какъ много было ихъ? было-ли между ними Первоевангеліе? — неизвѣстно. Ср. объ этомъ Jahrb. 1850—51, S: 140—146. *Гэрике.* Введ. въ Н. З. кн. Св. Пис. ч. 1, стр. 136—137.

генъ и усерднѣйшій библіологъ и историкъ Евсевій Кесарійскій. Не только отцы церкви не упоминаютъ о письменномъ Первоевангеліи, но даже и еретики не упрекаютъ ихъ съ своей стороны въ потерѣ или искаженіи этого основнаго и священнѣйшаго писанія со стороны православныхъ. Существуютъ многочисленныя свидѣтельства въ Отеческой литературѣ относительно Евангелій; но со всѣми ими, даже древнѣйшими, опредѣленнѣйшими и авторитетными нисколько не согласна теорія письменнаго Первоевангелія, потому что они свидѣтельствуютъ только о происхожденіи нашихъ каноническихъ Евангелій непосредственно отъ Апостоловъ или ближайшихъ учениковъ и сотрудниковъ Апостольскихъ[37]).— Эта историческая неизвѣстность Эйхгорнова Первоевангелія противорѣчитъ и его цѣли. Если признать его существованіе дѣйствительно историческимъ съ цѣлію, указанной Ейхгорномъ; то по самой этой цѣли оно никакъ не должно было измѣняться въ своемъ составѣ и никѣмъ даже изъ двѣнадцати Апостоловъ: оно могло только переводиться на разные языки; а вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей цѣли, Первоевангеліе должно было бы остаться на всѣ времена основнымъ неизмѣннымъ письменнымъ документомъ и священно-авторитетнымъ руководствомъ, а въ Отеческой литературѣ были бы безчисленныя указанія на него. Но ни его самаго, ни упоминанія о немъ нѣтъ, какъ и не было во вселенской церкви [38]).—Наконецъ, эта историческая неизвѣстность о существованіи письменнаго Первоевангелія переходитъ въ рѣшительное отрицаніе онаго по смыслу самой его цѣли. Теорія, основанная Эйхгорномъ и развитая его послѣдователями, принимаетъ, съ одной стороны, самое древнѣйшее письменное Евангеліе для того, чтобы ученіе и жизнь Іисуса Христа были въ немъ,

---

37) Напр. *Папій*, еп. Іерапольскій, у Евсевія: Ц. И. III, 39. *Ириней:* Прот. ер. III, 11. 8. *Евсевій:* Ц. Ист. XI, 16; и мн. др.

38) Ср. отчасти *Гэрике:* Введ. въ Н.—З. кн. Св. Пис. стр. 87—89 и дал.

какъ въ скрижали завѣта, неизмѣнны, неприкосновенны; а съ другой допускаетъ какъ равно—непремѣнное и историческое явленіе, что эта, по идеѣ неизмѣнная, скрижаль должна была пройдти множество переработокъ, различно-измѣненныхъ рецензій, дополненныхъ или сокращенныхъ переводовъ. Логическое противорѣчіе здѣсь очевидно. Должно признать: или Первоевангеліе существовало для того, чтобы не видоизмѣнялось Евангеліе, или существовали Евангелія въ многоразличныхъ рецензіяхъ потому, что Первоевангелія не существовало. Историческая неизвѣстность того и другаго даетъ возможность и право признать рѣшительнымъ это противорѣчіе въ теоріи Эйхгорна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, саму теорію не имѣющею научнаго значенія.—Такъ, желая объяснить взаимное отношеніе синоптиковъ, теорія, основанная Эйхгорномъ, представляетъ никакъ непримиримое противорѣчіе самой цѣли Первоевангелія съ предполагаемымъ непремѣннымъ существованіемъ многоразличныхъ его видоизмѣненій; а потому она отрицаетъ сама себя. Противорѣчіе и самоотрицаніе, какъ существенный и рѣшительный недостатокъ теоріи письменнаго Первоевангелія, побуждаетъ признать ее неудовлетворительною навсегда,—тѣмъ болѣе, что такое признаніе основывается и на всей исторіи ея развитія. Чѣмъ болѣе развивалась и усовершалась теорія Эйхгорна, тѣмъ болѣе и сильнѣе выяснялась, опредѣлялась и увеличивалась рѣшительная недостаточность ея [39]). И эта недостаточность такъ ясна и опредѣленна, что можетъ служить мѣрою неправильности и недостаточности другихъ теорій: большее или меньшее сходство и относительно значительная связь всякой данной теоріи съ теоріей письменнаго Первоевангелія служатъ ручательствомъ боль-

---

39) Недостаточность теоріи Эйхгорна мы называемъ *рѣшительною,* потому что она рѣшила участь этой теоріи въ исторіи вопроса: мысль объ одномъ первоначальномъ письменномъ источникѣ Евангелія, какъ Первоевангеліе Эйхгорна, теперь всѣми изслѣдователями вопроса о взаимномъ отношеніи Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки уже оставлена.

шей или меньшей неправильности и недостаточности оной. Такъ—это и относительно теорій устнаго Первоевангелія, насколько и какъ они сближаются съ тою.

Теоріи устнаго Первоевангелія, по своимъ принципамъ и характеру несравненно лучшія теорій перваго рода, остаются послѣ этихъ единственными, которыя имѣютъ возможность рѣшить важный историческій вопросъ о взаимномъ отношеніи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій. Но и этого рода теоріи въ своихъ разновидностяхъ, смотря по близости, связи и сходству ихъ съ теоріей письменнаго Первоевангелія, могутъ быть и дѣйствительно неодинаково важны и въ разной мѣрѣ вѣрны. Менѣе вѣрными представляются собственно теоріи заимствованій, какъ стоящія по своему характеру ближе къ теоріи разныхъ рецензій письменнаго Первоевангелія, а болѣе вѣрными-теоріи преданія, какъ стоящія въ обратномъ отношеніи къ той; правильно развитыя въ видѣ научныхъ теорій преданія и отчасти заимствованія, эти теоріи, очевидно, должны быть вѣрнѣе, если они держатся только преданія, какъ непосредственнаго источника нашихъ каноническихъ Евангелій, и менѣе вѣрны, если принимаютъ за дѣйствительный фактъ заимствованіе.

Теоріями, совмѣщающими въ себѣ два вида втораго рода (устнаго Первоевангелія), т. е. теоріями примирительными, имѣющими въ послѣднее время наибольшее значеніе и достоинство при своемъ собственномъ совершенствѣ, могутъ и должны быть признаны теорія Эвальда и, какъ нѣкоторое видоизмѣненіе ея съ цѣлію усовершенствованія—въ смыслѣ упрощенія и пополненія,—теорія Ю. Гольцмана.

Въ настоящее время эти двѣ теоріи—самыя главныя, лучшія, относительно болѣе правильныя и обстоятельныя изъ всѣхъ другихъ теорій тогоже рода: уже къ нимъ примыкаютъ и стоятъ подъ ихъ вліяніемъ другія,

какъ, напримѣръ, теорія (гипитеза—точнѣе) Бунзена [40]; гипотеза Weizsäcker'а [41]). Относительное достоинство теорій Эвальда и Гольцмана состоитъ въ ихъ преимущественно научномъ характерѣ и постановкѣ: они стоятъ не только на теоретическихъ соображеніяхъ, но и на филологическихъ и историческихъ данныхъ, обнимаютъ свой предметъ, съ своей точки зрѣнія, вполнѣ; при этомъ обѣ стараются держаться вдали отъ Эйхгорнова письменнаго Первоевангелія и, слѣдовательно, ближе стоятъ къ истинной цѣли и прочному научному результату критико-историческихъ изслѣдованій каноническихъ Евангелій [42]).

Но приближеніе имѣетъ разныя степени близости. Въ какой мѣрѣ теоріи Эвальда и Гольцмана достигаютъ своей цѣли и каковъ результатъ ихъ изслѣдованій въ отношеніи къ строгой библейской наукѣ, это можетъ показать критическій разборъ этихъ теорій. А потому, имѣя въ виду важность вопроса о первоисточникахъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій, историческое прошедшее теорій письменнаго Первоевангелія, настоящее исключительное положеніе теорій Первоевангелія устнаго въ трудахъ Эвальда и Гольцмана,—должно строго критически и подробно разобрать именно эти труды съ цѣлію опредѣлить степень ихъ важности, правильности и удо-

---

40) Chr. C. J. Bunsen: Bibelwerk. Zw. Abtheil.-Bibelurkunden. D. Bücher d. Neuen Bundes. Leipzig. 1866. S. 81—112.

41) C. Weizsäcker: Untersuchungen über die evangelische Geschichte, ihre Quellen und den Gang ihrer Entwicklung. Gotha. 1864. S. 10—33 uud ff.

42) Ewald's: Jahrbücher der bibl. Wissenschaft: d. Ursprung und Wesen der Evangelien. Gött. 1848,—133—154; 1849,—180—224. H. J. Holtzmann': d. Synoptischen Evangelien. Leipzig. 1863.

влетворительности въ рѣшеніи ими своего и вообще весьма важнаго вопроса о взаимномъ отношеніи Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки. Для достиженія этой цѣли должно слѣдовать методу и руководствоваться принципами по преимуществу самихъ же авторовъ—Эвальда и Гольцмана, стоя по преимуществу на одной съ ними почвѣ,—на теоретическихъ, филологическихъ и историческихъ основаніяхъ,—съ сознаніемъ, что такъ лучше выяснится дѣло: откроются существенные недостатки, истинно принадлежащіе разсматриваемымъ теоріямъ, сами собой окажутся требованія и опредѣлятся указанія извѣстныхъ улучшеній; а надлежащія и дѣйствительныя улучшенія теорій, единственно пригодныхъ въ своемъ родѣ и видѣ для рѣшенія даннаго вопроса, дадутъ надлежащій научный результатъ,—прочный совѣтъ на столь важный вопросъ,—что́ составляетъ конечную цѣль настоящаго изслѣдованія.

II.

Если критическій разборъ теоріи съ цѣлію опредѣлить степень ея правильности и удовлетворительности долженъ держаться по преимуществу ея же принциповъ, то слѣдуетъ ихъ опредѣлить напередъ и потомъ уже имѣть ихъ въ виду постоянно при самомъ разборѣ. Принципы разсматриваемыхъ далѣе теорій достаточно опредѣленно, полно и наглядно—ясно представляются въ слѣдующемъ общемъ и краткомъ очеркѣ по времени первой и относи-

тельно главнѣйшей теоріи Эвальда; такъ какъ здѣсь они представляются въ своемъ характеристическомъ развитіи и примѣненіи [43]).

По теоріи Эвальда,—

Первоначально существовало устное Евангеліе, какъ матерія всей, впослѣдствіи записанной, Евангельской исторіи. Оно образовалось при многихъ трудностяхъ.—Первоначально Самъ Іисусъ Христосъ запрещалъ говорить въ-слухъ всего народа о своихъ чудесныхъ исцѣленіяхъ; поэтому дѣятельность Его оставалась почти закрытою. Но когда она стала и открытою, то нѣкоторые великіе факты и весьма выдающіяся стороны ея сами собою производили на очевидцевъ достаточно сильное впечатлѣніе—настолько, что воспроизведеніе, по воспоминанію, многихъ отдѣльныхъ событій Евангельской исторіи и не требовалось. Поэтому, когда явились первыя попытки собрать всѣ отдѣльныя воспоминанія разныхъ лицъ о частныхъ и отдѣльныхъ обстоятельствахъ жизни Господа; то уже прошло такъ много времени, что нельзя было легко и точно воспроизвести всѣ отдѣльныя событія и факты даже и открытой жизни и дѣятельности Его. Періодъ времени открытой дѣятельности Спасителя былъ относительно непродолжителенъ, а между тѣмъ въ теченіе его было совершено необычайно много разнообразныхъ дѣлъ, раскрыто неистощимое богатство истинъ и мыслей. Но дѣла Господа, по ихъ многочисленности и разнооб-

---

43) Общій очеркъ теоріи Эвальда для указанной цѣли мы излагаемъ по большей части его собственными словами, трудно поддающимися буквальному переводу, держась исключительно его статьи: d. Ursprung und Wesen der Evangelien, помѣщенной въ его же журналѣ: Jahrbücher der biblisch. Wissenschaft. Gött. 1848,—133—154; 1849,—180—224. Ибо его: d. Drei ersten Evangelien. 1850 j.—Geschichte Christus'—1857 j; или не содержатъ ничего новаго, пополнительнаго, или прямо ссылаются на Jahrbb.—S. d. Geschichte Christus': S. 125.

разію, не могли быть поняты и обняты воспоминаніемъ; еще труднѣе было сохранить въ памяти бездонно-глубокое и недозримо-высокое содержаніе Его рѣчей,—тѣмъ еще труднѣе, что въ первое время христіанства не могло быть никакихъ нужныхъ для того пособій и приготовленій: была возможность только собирать историческій матеріалъ (устные разсказы) для будущей надлежащей его разработки.—Но при господствовавшемъ въ то время стремленіи народной письменности, требовалась твердая связь и въ Евангельскихъ отдѣльныхъ разсказахъ: для этого долженъ былъ явиться и дѣйствительно явился особый родъ новой творческой дѣятельности. Хотя собираніе и связь отдѣльныхъ разсказовъ и воспоминаній, при помощи творческой дѣятельности, производились весьма тщательно, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они были недостаточны; потому что все, происшедшее отъ духа и мысли необыкновенно возвышеннаго „Мужа", совершено было Имъ въ соотвѣтственной высотѣ и въ свойственной Ему настроенности. Отъ историческаго воспоминанія требовалось воспроизвести этотъ высшій духъ дѣятельности Христовой, объединяющій всѣ отдѣльныя части цѣлой исторіи. Но никакой духъ не проходилъ надъ землей въ такомъ твердо-замкнутомъ единствѣ и съ такою правильною послѣдовательностію все мыслящій, говорящій и дѣлающій съ такою, свойственною ему, силою и вліяніемъ, съ такою совершенною, незапятнанно-чистою возвышенностію, какъ духъ Христа. Слѣдовательно, и воспроизвести его въ исторіи, по воспоминанію, было труднѣе, нежели какой другой. —Только вѣра во Христа давала возможность первымъ Евангелистамъ преодолѣвать столь великія трудности въ образованіи Евангельской исторіи.

Плодомъ первыхъ трудныхъ попытокъ въ составленіи матеріала Евангельской исторіи было возможно лучшее Собраніе изреченій Христа, именно изреченій, потому что они были великимъ и главнымъ средствомъ для цѣлей Ев. ученія, а потому и въ тоже время глав-

нымъ содержаніемъ устнаго и письменнаго преданія о Христѣ. Въ это время возникло содержаніе весьма важнаго Евангельскаго произведенія-Собранія изреченій Іисуса Христа (Spruchsammlung). Образцами собранія изреченій представляются: Нагорная бесѣда,—Мѳ. V—VII,— Рѣчь противъ книжниковъ и фарисеевъ: Мѳ. XXIII, 2—39, — Притчи, въ которыхъ говорится о созиданіи, истинномъ достоинствѣ и распространеніи царства Божія, выясняется существо этого царства, открывается его исторія до послѣдняго мыслимаго ея конца; таковы: Мѳ. XIII; Мр. IV; Лук. VIII, 4—18; XIII, 18—21. Мѳ. XXI, 28—32; 33—46. Мр. XII, 1—9; XXII, 1—4; 1—14. Мѳ. XXII, 1—14; XXI, 1—16; XXV, 14—30. Лук. XIX, 12—27. Мѳ. XXIV, 43. 44—50. XXV, 1—13. Лук. XI, 5—8. XVIII, 1—8. Мѳ. XXIV, 32. Лук. XIII, 7—9. XV, 3—7. 8—10; 11—32. X, 30—37. XVIII, 9. 14. XVII, 7—10. Мѳ. XVIII, 23—35. Лук. XII, 16—21. XVI, 1—13. 19—31. Сюда же относятся и нѣкорые отрывки рѣчей Спасителя: Мѳ. X, 5—42. XVIII, 1—20. 24. Все это содержаніе первыхъ опытовъ располагалось въ группахъ по круглымъ числамъ, преимущественно по числу семи.

Много труднѣе, чѣмъ собираніе по воспоминанію изреченій Христа, были опыты составленія связныхъ разсказовъ Ев. Исторіи. И если принимать понятіе такой связи въ его строжайшемъ смыслѣ, такъ, чтобы каждое отдѣльное происшествіе и каждое особое дѣло было возстановлено совершенно точно на своемъ первоначальномъ мѣстѣ; то ясно, что это было рѣшительно не возможно по причинѣ великаго множества такихъ отдѣльныхъ происшествій. Но усиліе нѣкоторыхъ лицъ достигло великой полноты собранія отдѣльныхъ воспоминаній; при чемъ воспоминанія и разсказы, сродные по своему содержанію, соединялись въ группы и держались твердо одинъ при другомъ. Слѣды такихъ группъ, сродныхъ по матеріи разсказа, существуютъ еще и теперь въ нашихъ

Евангеліяхъ: изъ точно—такихъ группъ составились и главныя основоположенія ихъ. Въ такихъ же группахъ составлялись болѣе или менѣе отдѣльные и сравнительно большіе разсказы. Послѣднимъ результатомъ такого рода опытовъ было произведеніе, сохранившее разрозненный матеріалъ Ев. исторіи въ видѣ первоначальнаго устнаго преданія, хотя и не безъ искуственнаго порядка. Типъ такого труда представляетъ Евангеліе отъ Марка, но не въ видѣ втораго каноническаго Евангелія отъ Марка, а въ первоначальномъ его составѣ (Ur—Markus),—впрочемъ мало измѣненномъ, за что ручается его простѣйшій планъ, сохранившійся въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка.

На первыхъ же порахъ Ев. исторія требовала изображенія событій въ духѣ Христа, въ соотвѣтственно—возвышенномъ характерѣ небеснаго Дѣятеля. Такое изображеніе дѣйствительно было въ самое раннее время при составленіи Ев. исторіи и теперь находится во многихъ мѣстахъ Евангелія отъ Марка. Картины возвышеннаго изображенія были сначала въ незначительномъ числѣ и помѣщены въ немногихъ пунктахъ Ев. повѣствованія, а потомъ постепенно проникали повсюду въ Евангеліи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко теряли свою первоначальную возвышенность. При изображеніи возвышеннаго въ земной исторіи Іисуса Христа шло въ параллель раскрытіе небесной исторіи,—откровенія Божества. Чтобъ отвѣчать потребности въ разсказахъ именно съ такою возвышенностію, явилась, и очень рано, новая творческая дѣятельность. Но все, что касается собствено высокаго Евангельской исторіи, что явилось подъ вліяніемъ этого творчества, не слѣдуетъ относить въ область поэтическаго, ибо оно было воспроизведеніемъ, по воспоминанію, дѣйствительнаго,—нѣкогда живой, возвышенной исторіи Христа Спасителя,—съ цѣлію представить эту исторію въ соотвѣтственномъ ей совершенствѣ,—хотя-бы иногда такое воспроизведеніе приближалось къ области поэтическаго.

А если и дѣйствительно была истинная поэзія въ изображеніи Ев. исторіи вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ожили древнія поэтическія силы народа Еврейскаго, то поэзія служила собственно той цѣли, чтобы пополнить съ особой стороны изобраніе жизни Христовой въ отдѣльныхъ отрывочныхъ разсказахъ; она явилась уже въ позднѣйшій період̆ъ развитія Евангельской исторіи и письменности. Поэзія собственно выясняла чувства, возбужденныя историческимъ воспоминаніемъ, передавала ихъ въ непосредственной живости; а потому и выразилась въ соотвѣтственно-длинныхъ или краткихъ пѣсняхъ (разумѣются напр. Лук. I, 46—55; 68—80 и под.). Истины и мысли, выраженныя въ поэзіи опредѣленнѣе, впрочемъ уже прежде были значительно распространены въ самомъ современномъ ей обществѣ.

Если образованіе Ев. разсказовъ было на дѣлѣ такъ трудно, и если оно должно было выполнить свою задачу совершенно; то оно требовало многоразличныхъ способностей для своего конечнаго совершенства. Поэтому возникъ особый классъ людей, которые преимущественнымъ дѣломъ своей жизни поставляли то, чтобы образовать Ев. разсказы сколько можно полнѣе и вѣрнѣе, это—Евангелисты, явившіеся въ самое раннее время Апостольскаго вѣка. Первыми впрочемъ и дѣятельнѣйшими Евангелистами были двѣнадцать Апостоловъ; и нѣкоторые изъ нихъ особенно должны были составить исторію Іисуса Христа по главнымъ источникамъ всякаго воспоминанія о Немъ,—нѣкоторые, а не каждый—по обстоятельствамъ ихъ жизни и дѣятельности. Потомъ, но очень рано, при двѣнадцати Апостолахъ явились еще другіе и многіе. Этимъ оффиціальнымъ и спеціальнымъ Евангелистамъ принадлежитъ собраніе Евангельскихъ разсказовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особый родъ языка, происшедшій изъ таинственныхъ нѣдръ перваго христіанскаго общества. Первоначальные Евангелисты, соотвѣтственно своему призванію—только собирать матерію (разсказы) Ев. исторіи, не ду-

мали о письменномъ ея изложеніи,—оно явилось впослѣдствіи; въ немъ участвовали нѣкоторые изъ двѣнадцати Апостоловъ, желая увѣковѣчить свое имя. Эта письменность склонялась отчасти къ способу изложенія именно первыхъ Евангелистовъ (т. е. носила характеръ отрывочнаго изложенія), но слѣдовала также законамъ и своего собственнаго развитія, какъ нѣчто существенно-новое. Начало Ев. письменности неясно и трудно воспроизводимо при всѣхъ средствахъ тщательнаго изысканія; но—не оттого, что первые христіане не знали ни какой письменности и авторства, а потому, что эта письменность Евангельская получила весьма раннее и незамѣтное начало. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ самыхъ раннихъ произведеній Ев. письменности опредѣлить можно.

Первымъ изъ самыхъ начальныхъ письменныхъ Ев. произведеній, имѣвшихъ свою опредѣленную цѣль, было Евангеліе, составленное и написанное Апостоломъ, по всей вѣроятности, Филиппомъ. Слѣды этого Древнѣйшаго Евангелія очень многочисленны и разсѣяны въ синоптикахъ: таковы разсказы, изображающіе высшій пунктъ исторіи открытой дѣятельности Христа, хотя кратко, но возвышенно и опредѣленно, т. е. разсказы о крещеніи, преображеніи Господа (Мѳ. III, 13—17. Мр. 1, 9—11. Лук. III. 21—38. Мѳ. XVII, 1—14. Мр. IX, 2—13. Лук. IX, 28—36) и т. п.; потомъ—нѣкоторыя рѣчи Іисуса съ очень краткими историческими примѣчаніями, характеризующіяся простотою и полнотою содержанія и краткостію выраженія. Основной языкъ этого произведенія былъ иной, нежели греческій, но и не чисто—еврейскій, точнѣе, это—„греческій, стоявшій подъ вліяніемъ еврейскаго“. Время, когда было написано Древнѣйшее Евангеліе точно хронологически опредѣлить трудно, но можно съ вѣроятностію полагать, что этотъ трудъ былъ самый древнѣйшій, ибо имъ пользовался Ап. Павелъ.

Дальнѣйшій трудъ долженъ былъ не только собрать,

по возможности, извѣстное количество изреченій Христа Спасителя, но и передать каждую рѣчь Его, по возможности, въ соотвѣтственной полнотѣ и длинѣ,—именно все содержаніе, внутреннее теченіе и самое внѣшнее выраженіе сказаннаго Спасителемъ,—выразить такъ живо, какъ только было возможно. Эта задача разрѣшена въ высшей степени совершенно авторомъ Собранія изреченій (Spruchsammlung), преданнымъ исключительно и усердно одной своей цѣли. Онъ собралъ изреченія Христа Спасителя въ столь богатой полнотѣ и въ такомъ совершенствѣ, что преемникамъ своимъ оставилъ только читать рѣчи Господа, и при томъ въ удивительно—величавой связи, исключающей всякое подозрѣніе о принужденности и натянутости въ развитіи рѣчи,—въ живомъ духѣ, обнаруживающемъ чисто—творческую силу; такъ, что острота и возвышенность самыхъ рѣчей незамѣтно возводятъ читателя какъ-бы къ слышанію Самого Небеснаго Учителя и въ самомъ писателѣ обнаруживаютъ живое отраженіе первоначальнаго яснаго свѣта. Авторъ съ увлеченіемъ стремился представить цѣлыя и связныя рѣчи и потому легко могъ соединять одно изреченіе съ другимъ такъ, чтобы никакое изъ нихъ не оставалось отдѣльно, безъ связи. Рѣчи, такъ изложенныя, имѣли своего рода введенія, но очень краткія. Особенно значительны были отдѣльныя историческія введенія болѣе длинныхъ и важныхъ рѣчей. Главными рѣчами опредѣлялись и главныя части Собранія изреченій. Авторомъ этого труда былъ одинъ изъ двѣнадцати Апостоловъ—Евангелистъ Матѳей. Онъ написалъ его по-арамейски; но арамейское Собраніе изреченій было, вѣроятно, весьма скоро переведено на чисто—греческій языкъ (это—Λογια, о которыхъ свидѣтельствуетъ Папій, еп. Іерапольскій).

Послѣ Собранія изреченій явилось Каноническое Евангеліе отъ Марка, сохранившееся въ цѣломъ, весьма мало измѣненномъ, видѣ и въ своей важности нисколько не уступающее обоимъ предшествующимъ

трудамъ. Хотя оно по времени третье и пользовалось двумя предыдущими, тѣмъ не менѣе оно есть также и только начальное произведеніе Евангельской письменности. Оно представляетъ сравнительно полнѣйшую исторію всей жизни и дѣятельности Христа, чего не было въ предыдущихъ трудахъ и потому является восполненіемъ ихъ. Изложеніе Евангелія отъ Марка имѣетъ спокойный тонъ, свѣжую живость и живописную подробность, сжатость и соразмѣрное распредѣленіе матеріала. Этотъ трудъ принадлежитъ Іоанну Марку. Онъ написалъ его подъ вліяніемъ проповѣднической дѣятельности Ап. Петра, но—послѣ его смерти. Древнѣйшій видъ Евангелія отъ Марка, дѣйствительно принадлежащаго своему автору,—тотъ, въ которомъ оно было въ качествѣ источника у автора Каноническаго Евангелія отъ Матѳея; въ болѣе совершенномъ видѣ и въ качествѣ также источника оно было и у Ев. Луки. Въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка, сравнительно съ древнѣшимъ его составомъ, не достаетъ многихъ отрывковъ текста въ началѣ и въ концѣ; а нѣсколько стиховъ и отрывковъ прибавлено послѣ и неизвѣстно кѣмъ.

Когда предыдущими трудами были удовлетворены главныя потребности времени, явилось новое направленіе въ исторіи Ев. письменности: оно въ высшей степени сильно стремилось достигнуть конечнаго совершенства въ составленіи Евангелій. Богатство и разнообразіе Ев. писаній прямо вызывали собою дѣятельность богатыхъ способностей и опредѣляли задачу для нея—сопоставить вмѣстѣ многочисленные и разсѣянные письменные источники. Въ этомъ періодѣ, для выполненія такой задачи, появились и дошли до насъ Каноническія Евангелія отъ Матѳея и Луки; но, вѣроятно, было нѣсколько и другихъ произведеній того-же характера. Къ нимъ относится, хотя и ранѣе ихъ явившаяся, Книга высшей исторіи. Ея задачей было—все возвышенное въ Ев. исторіи изобразить сравнительно новымъ способомъ. Осново-

положеніемъ для себя въ соотвѣтственномъ изображеніи весьма важныхъ и высоко-воздымающихся возвышенностей Ев. исторіи она имѣла нѣкоторые предшествующіе труды. Книга высшей исторіи не была сборникомъ, а потому и не удовлетворяла вполнѣ главной задачѣ современнаго ей періода Евангельской письменности.

Первымъ изъ дошедшихъ до насъ сборниковъ болѣе раннихъ письменныхъ источниковъ Ев. исторіи должно признать Каноническое Евангеліе отъ Матөея; но этотъ трудъ заключаетъ въ себѣ нѣчто и самостоятельное, что принадлежитъ лично его автору, хотя въ цѣломъ самостоятельнаго здѣсь очень не много, такъ что главною цѣлію книги остается именно собираніе прежде написаннаго. При столь общей цѣли, книга эта была назначена, однако, для извѣстнаго только круга читателей,—для іудеевъ и іудейскихъ христіянъ: и содержаніе ея опредѣлялось ихъ различными потребностями. Авторъ пользовался предыдущими четырьмя писаніями, и, вѣроятно, еще нѣкоторымъ инымъ для изображенія предварительной исторіи Христа (Vorgeschichte); но главными источниками для него были: Евангеліе отъ Марка и Собраніе изреченій. Первое дало ему основоположеніе для разсказа; а изъ Собранія изреченій онъ заимствовалъ очень много рѣчей. Слѣдовательно, главная и большая часть этой книги состоитъ въ нѣкоторой переработкѣ тѣхъ важнѣйшихъ письменныхъ источниковъ, но—такимъ образомъ, что Евангеліе отъ Марка образовало твердую раму, включающую отрывки Собранія изреченій и другихъ различныхъ письменныхъ источниковъ. Время составленія Каноническаго Евангелія отъ Матөея должно полагать предъ разрушеніемъ Іерусалима.

Кромѣ слѣдовъ Евангелія отъ Матөея находятся слѣды еще трехъ произведеній, обработывающихъ съ большею самостоятельностію Ев. исторію; эти слѣды

не многочисленны и очень разсѣяны; они находятся въ Евангеліи отъ Луки. По нимъ можно опредѣлить а)—трудъ, имѣвшій цѣлію изложить въ прекрасной подробности многоразличныя воспоминанія, которыя до того времени не могли быть и не были обработаны письменно. Этотъ трудъ находилъ дѣйствительно новую матерію и въ воспоминаніяхъ обнималъ исторію отъ рождества Іисуса Христа до начала открытой Его дѣятельности. Въ этомъ произведеніи полнѣе развито то, что̀ было кратко изложено въ древнѣйшихъ писаніяхъ: это—VI-я книга Евангельской исторіи. Подобнымъ способомъ опредѣляются и въ отдѣльномъ произведеніи объединяются б) еще нѣкоторые отрывки въ Евангеліи отъ Луки, которые не могутъ быть отнесены ко всѣмъ предыдущимъ источникамъ. Въ этихъ отрывкахъ господствуетъ удивительная, до отрывочности—краткая и съ трудомъ подвигающаяся впередъ, болѣе изъ намековъ состоящая, чѣмъ подробная, рѣчь. Авторъ любилъ всегда представлять въ рѣчахъ извѣстный кругъ въ высшей степени разнообразныхъ истинъ; а самыя рѣчи у него остры, полны обличеній и остроумны. Историческій его разсказъ богатъ и полонъ разнообразнѣйшихъ отдѣльныхъ обстоятельствъ. Это—VII-я книга Ев. исторіи. Открываемый тѣмъ же способомъ в) остальной трудъ по Ев. исторіи представляетъ преимущественно отрывки великой исторіи до вступленія Іисуса Христа на общественное служеніе и нѣкоторые другіе меньшіе. Эти отрывки впервые записаны были самимъ же Ев. Лукой и потомъ внесены имъ въ его каноническое Евангеліе. Это—VIII-я книга Ев. Исторіи.

Все предыдущее развитіе Ев. письменности сводится къ одному заключенію въ Евангеліи отъ Луки. Оно обнимаетъ собою важнѣйшее содержаніе рѣшительно всѣхъ, до него существовавшихъ, Ев. произведеній. Ев. Лука собственныя свои свѣдѣнія желалъ заимствовать изъ самыхъ достовѣрныхъ и попреимуществу изъ древнѣй-

шихъ источниковъ. Онъ первый написалъ свой трудъ для язычниковъ и христіанъ изъ язычниковъ,—чѣмъ опредѣляется и все содержаніе его писанія. Какъ другъ и помощникъ Ап. Павла, Ев. Лука, для составленія своего произведенія, собиралъ всѣ, подъ руками находящіяся, писанія, какія могъ, такъ или иначе, пріобрѣсть и пользовался ими соотвѣтственно своей цѣли, но внимательно разсматривая ихъ достоинства. Онъ пользовался всѣми, существовавшими до него, писаніями—отъ древнѣйшихъ до самыхъ позднѣйшихъ—съ единственнымъ исключеніемъ Каноническаго Евангелія отъ Матѳея. Изъ позднѣйшихъ произведеній онъ заимствовалъ весьма немного, а весьма много изъ древнѣйшихъ. Собраніемъ изреченій онъ пользовался въ томъ его видѣ, какъ оно было въ Евангеліи отъ Марка, а этимъ онъ пользовался какъ главнымъ источникомъ, удерживая его повѣствовательный порядокъ и сокращая его не такъ много, какъ Каноническое Евангеліе отъ Матѳея. Отъ себя самаго Ев. Лука приводилъ только небольшія объясненія и преимущественно только въ началѣ отрывковъ нѣкоторыхъ рѣчей; очень длинныхъ рѣчей онъ „ не любитъ. “ Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что Ев. Лука, спутникъ Ап. Павла, есть авторъ этого писанія. Оно написано имъ по разрушеніи Іерусалима и послѣ совершеннаго окончанія іудейской войны.

Итакъ—по теоріи Эвальда—первоначально существовало устное Евангеліе, какъ матерія многочисленныхъ впослѣдствіи записей, изъ коихъ выработались первые три каноническія Евангелія. Такой взглядъ основанъ, какъ очевидно, на двухъ принципахъ—преданія и заимствованія; по теоріи, второй предполагается и обусловливается первымъ, потому что первоначально Евангелія не могли явиться въ ихъ каноническомъ видѣ,—являлись частныя записи многихъ Евангелистовъ. Характеристики этихъ отдѣльныхъ записей въ теоріи поставлены основаніями для опредѣленія ихъ содержанія въ

каноническихъ Евангеліяхъ. А этимъ прямо опредѣляется метотъ Эвальдовой теоріи. На основаніи теоретической (иногда прямо a priori) характеристики извѣстнаго труда, но безъ опредѣленнаго и постояннаго критерія, Эвальдъ отыскиваетъ отрывки, соотвѣтственно своему предположенію и, выдѣливъ ихъ подъ особымъ заглавіемъ, а иногда подъ извѣстнымъ только нумеромъ (VI, VII, VIII), старается указать отличительное ихъ слово-употребленіе (Sprachgebrauch—sprachcharakter), а если возможно—и историческое свидѣтельство за ихъ самостоятельность. При помощи этого метода выдѣленія и обособленія отрывковъ изъ каноническихъ Евангелій, Эвальдъ систематически развиваетъ свою теорію по двумъ ея принципамъ и наконецъ достигаетъ (и теперь уже достаточно понятнаго) результата,—что первыя три каноническія Евангелія написаны при помощи готовыхъ письменныхъ источниковъ, въ зависимости другъ отъ друга; слѣдовательно, сами суть второстепенные источники ученія и жизни Іисуса Христа; слѣдовательно, мало достовѣрны и подлинны: они сходны между собой, но—потому, что компилятивны; они различны, естественно, отъ весьма многихъ переработокъ, сдѣланныхъ многими лицами въ разное время и при особыхъ условіяхъ (ев. Лука). Такимъ образомъ вопросъ о взаимномъ отношеніи и происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій, по теоріи Эвальда, рѣшается въ духѣ отрицательной критики: первоисточникомъ синоптиковъ было устное Евангеліе, но оно не выразилось непосредственно въ видѣ именно каноническихъ Евангелій, а потому они являются компилятивными; слѣдовательно—не подлинно Апостольскими и не боговдохновенными.

Отсюда—вопросъ: въ самомъ дѣлѣ, посредственно или непосредственно изъ устнаго преданія и устнаго Евангелія произошли Синоптики?—на это отвѣчаетъ слѣдующій разборъ теоріи Эвальда.

III.

Слѣдуя принципу устнаго преданія, Эвальдъ признаетъ первоначальнымъ образованіе устныхъ разсказовъ, какъ матеріи впослѣдствіи письменнаго Евангелія [44]). Это неоспоримо вѣрно, потому что Ученики Господа были сначала слушателями Его рѣчей и зрителями Его дѣлъ; а потомъ, по заповѣди Его (Мѳ. XXVIII, 19—20), проповѣдниками того, что слышали и видѣли. Ихъ проповѣдь обыкновенно и характеризуется выраженіями Св. Писанія: *ευαγγελιον, κηρυγμα, παραδοσις, μαρτυρια, λογος ακοης, ευαγγελιζεσθαι, κηρυσσειν, μαρτυρεισθαι, λαλειν, παραδιδοναι, ακȣειν, ακροασθαι, δεχεσθαι, παραλαμβανειν, πιστις εξακοης* и т. п. У Апостола Павла всюду указывается только на устную проповѣдь (2 Тим. II, 2 и д. Рим. X, 14—17; 2 Тим. I, 1—2; Евр. II, 1—4; Гал. III, 2. 5 и под.). Устная проповѣдь Апостоловъ и стала впослѣдствіи письменнымъ Евангеліемъ. Если же Апостолы знали и проповѣдовали о жизни и ученіи Господа, то слѣдуетъ, что они могли передать и записать свою проповѣдь безъ труда и непосредственно въ видѣ каждаго изъ трехъ первыхъ каноническихъ Евангелій. Но этого-то, по теоріи Эвальда, и не могло быть: тому препятствовали (будто бы) многія чрезвычайно великія трудности первоначальнаго образованія Евангельской матеріи въ видѣ устныхъ разсказовъ.

---

44) Jahrb. d. b. Wissensch. 1848. S. 116.

„Уже время, съ котораго началось образованіе матеріи Ев. разсказовъ, полагало нѣкоторыя свои трудности".—„Не можетъ быть ничего вѣроятнѣе (geschichtliher), говоритъ Эвальдъ, какъ много разъ повторенное въ Евангеліи увѣщаніе Христа, чтобы о Его чудесныхъ исцѣленіяхъ не разглашали исцѣленные [45]). При томъ, однако, нигдѣ не указывается, чтобы Христосъ не желалъ открыто проповѣдывать Свое ученіе, или чтобы Онъ желалъ скрывать оное отъ свѣта: Онъ желалъ только, чтобы исцѣленія Его не прославлялись въ народной молвѣ и много не разсказывались (Мр. I, 34; III, 12; V, 43; VII, 36; VIII, 26. Мѳ. VIII, 4; IX, 30; XII, 16. Лк. V, 14). А то замѣчаніе Евангелиста (Мѳ. XIII, 34), что Христосъ говорилъ къ народу неиначе, какъ въ притчахъ, относится, какъ это само собою ясно, не къ такому трудному ученію, какъ оно излагается въ притчахъ, и не къ пространнымъ, предварительно составленнымъ бесѣдамъ, но—къ тому только, чтобы дать понятіе вообще о способѣ Его ученія",—и не къ тому, разумѣется, чтобы затаить смыслъ ученія и оставить его въ безъизвѣстности, какъ и чудеса. „Слѣдовательно, продолжаетъ Эвальдъ, ученіе Христово должно было распространяться своей собственной силой, какъ и сколько могло. Эта неискательность славы соединялась у Христа съ желаніемъ, чтобы Его мессіанскому дѣлу не помогала ни какая безполезная молва, а только мудрая предусмотрительность. Такъ какъ Онъ напередъ вѣрно зналъ послѣдній исходъ Своего земнаго дѣланія, то и желалъ, въ виду Своей задачи, сдѣлать все съ возможно скорымъ успѣхомъ, устраняя вмѣшательство посторонняго произвола. Христосъ Спаситель и въ первое время своей жизни совершалъ, однако, много чудесныхъ исцѣленій, что требовалось самой задачей Его дѣятельности—учреж-

45) Марка: I, 34. 45. III, 12. V, 43. VII, 36. VIII, 26. Мѳ. VIII, 4. IX, 30 XII, 16. Лук. V, 14.

деніемъ Царства Божія. Конечно, такія запрещенія Христовы не могли отклонить отъ Него вниманіе народа и властителей (Мр. I, 45—44; VII, 36. Мѳ, IX, 30. Лук. V, 14; VI, 14 и под.); при томъ, и для Него Самого пришло время, когда Онъ уже не внушалъ болѣе—молчать о Своихъ дѣлахъ: однако прошло время, а съ нимъ и жизнь Спасителя мало открытою; и нѣтъ никакого слѣда, чтобы во время теченія ея кто-либо и гдѣ-нибудь содержалъ бы въ памяти всѣ отдѣльныя обстоятельства оной. И если говоритъ Лука, что Марія (Богородица) съ раннихъ поръ содержала въ своей памяти все, то Она могла быть источникомъ разсказовъ только о дѣтствѣ и постепенномъ совершенствованіи Іисуса Христа до открытой мессіанской дѣятельности Его (Лук. II, 19, 51). Самимъ же двѣнадцати Апостоламъ земная жизнь Христа стала понятною только съ того времени, какъ она стала вполнѣ законченною (vollendet)"[46]).—

Но запрещеніе Іисуса Христа, чтобы не разглашались въ народѣ Его чудесныя исцѣленія, совершенно не могло быть и не было трудностію для памятованія о нихъ. Понятіе не разглашать не исключаетъ собою понятія помнить и воспоминать. Можно помнить и не разглашать. Пресвятая Дѣва Марія все, что знала объ Іисусѣ Христѣ, слагала въ своемъ сердцѣ (Лук. II, 19. 51), и не только помнила, но могла быть даже источникомъ разсказовъ; такъ могли помнить и воспоминать дѣла Христовы и другія лица. А ихъ хранить въ памяти даже необходимо было тѣмъ, кому приходилось собственно на себѣ испытывать чудесныя и спасительныя дѣйствія Господа,—ихъ послѣдствія оставались со многими на всю ихъ жизнь, а иногда чудесныя дѣйствія Господа давали людямъ и самую жизнь (Мр. V, 41—43). Спаситель не могъ Своимъ запрещеніемъ препятствовать

46) Jahrb. d. b. Wissensch. 1848, S. 117—118.

памятованію о томъ, что для многихъ было предметомъ наблюденія или ощущенія во всю ихъ жизнь: исцѣленіе, напримѣръ, прокаженнаго (Мѳ. VIII, 2 и д.) было и оставалось очевиднымъ и для самого исцѣленнаго, и для знавшихъ его въ проказѣ. Если Спаситель и запрещалъ говорить о своихъ дѣлахъ, то тѣмъ не менѣе они могли и даже должны были оставаться въ памяти наблюдателей, существовать, какъ существовали и сами тѣ, надъ кѣмъ они совершались. А такое постоянное и долгое храненіе дѣлъ Спасителя многими въ своей памяти устраняло необходимость забывать ихъ и давало возможность удобно образовать о нихъ разсказы.

Если вообще запрещеніе Спасителя—не разглашать о Его чудесныхъ дѣлахъ—не могло препятствовать памятованію о нихъ и впослѣдствіи образованію Ев. разсказовъ; то еще менѣе запрещеніе Его могло препятствовать запоминанію частныхъ обстоятельствъ и дѣйствій, потому что оно было не при всѣхъ такихъ фактахъ, или выражалось неодинаково строго. При нѣкоторыхъ чудесахъ Господь не дѣлалъ подобнаго запрещенія; напримѣръ, при исцѣленіи разслабленнаго въ Капернаумѣ (Мр. II, 1—12), или дѣлалъ, но не для всѣхъ и не при всѣхъ наблюдателяхъ. Господь запрещалъ злымъ духамъ говорить о Немъ, что Онъ есть Сынъ Божій (Мр. I, 34 и III, 12.), многимъ людямъ, исцѣленнымъ отъ разныхъ болѣзней (Мр. V, 43. VII, 36, VIII, 24. Мѳ. VIII, 4. IX, 30. XII, 16. Лук. V, 14), и Апостоламъ, когда Онъ открывалъ имъ Себя Сыномъ Божіимъ (Мр. VIII, 30. IX, 9, Мѳ. XVI, 20. XVII, 9). Но при этомъ Онъ имѣлъ цѣль, нисколько не препятствующую запоминать всѣ дѣла и слова Его. Спаситель запрещалъ злымъ духамъ, людямъ исцѣленнымъ и Апостоламъ говорить о Себѣ, именно какъ о Мессіи—Сынѣ Божіемъ. Онъ „не позволялъ бѣсамъ говорить, что они знаютъ, что Онъ Христосъ (Мр. 1, 34.), запрещалъ имъ, чтобъ они не дѣлали Его извѣстнымъ, какъ Сына Божія (Мр. III, 11—12)„. Если

Спаситель не выражалъ этого одинаково опредѣленно въ своемъ запрещеніи въ отношеніи къ исцѣленнымъ людямъ, а только вообще запрещалъ имъ разсказывать; то смыслъ и этого запрещенія опять долженъ быть тотъже: о чудесныхъ исцѣленіяхъ не должно было разглашать главнымъ образомъ потому, что они свидѣтельствовали о Христѣ, какъ о всемогущемъ Мессіи,—человѣкѣ Божіемъ въ смыслѣ евреевъ, великомъ пророкѣ, царѣ природы и злыхъ духовъ, посланникѣ Отца Небеснаго; а это могло послужить для евреевъ того времени поводомъ признать Спасителя и всесвѣтнымъ политическимъ царемъ. Въ отношеніи къ Апостоламъ такое запрещеніе имѣетъ опять тотъ же смыслъ—только до времени не говорить о Христѣ Іисусѣ, какъ именно о „Сынѣ Божіемъ“ (Мр. VIII, 30. IX, 9. Мѳ. XVI, 20. XVII, 9.), при несовершенномъ еще ихъ понятіи о Немъ, какъ о Богочеловѣкѣ. Но если Господь запрещалъ разглашать о своихъ дѣлахъ, а Самъ все же совершалъ ихъ; то цѣль запрещенія, по видимому, отчасти уничтожалась дѣятельностію Его же Самого. И еслибы Господь желалъ, чтобы о Его дѣлахъ не знали и не помнили, то Онъ и не совершалъ-бы ихъ. Слѣдовательно, Онъ, запрещая, имѣлъ цѣлію то, чтобы о Немъ не судили какъ о Мессіи по народной молвѣ и желалъ, чтобы именно дѣла Его, предъ очевидцами ихъ, свидѣтельствовали о Немъ, какъ о Посланникѣ Отца Небеснаго, Избавителѣ грѣшнаго рода человѣческаго, истинномъ Мессіи и Сынѣ Божіемъ; того и такъ требовало премудрое выполненіе Имъ Своей мессіанской задачи. Іудеи не разъ хотѣли убить Его за то, что Онъ „дѣлалъ Себя Сыномъ Божіимъ, равнымъ Богу“ и умертвили Его, какъ „царя Іудейскаго“. Тоже они постарались-бы сдѣлать и на самыхъ первыхъ порахъ дѣятельности истиннаго Мессіи, если-бы, по молвѣ народной, но съ увѣренностію, услышали о Немъ, какъ о Сынѣ Божіемъ. Эту-то опасность и предотвращалъ до времени

Господь Своимъ запрещеніемъ—не разглашать о Немъ [47].

Запрещеніе Спасителя—не говорить о Немъ въ такомъ смыслѣ и съ такою цѣлію рѣшительно не могло быть препятствіемъ знать и помнить Евангельскія событія, а потомъ легко воспроизводить ихъ и образовать разсказы о нихъ. Спаситель запрещалъ разглашать о Себѣ, какъ о Мессіи и Сынѣ Божіемъ, но не отрицалъ въ Себѣ этихъ достоинствъ; напротивъ, каждымъ новымъ чудомъ и чудеснымъ словомъ болѣе и болѣе утверждалъ понятіе о Себѣ, какъ объ истинномъ Мессіи—Сынѣ Божіемъ. А такое понятіе о Немъ было весьма сильнымъ, постояннымъ и непремѣннымъ основаніемъ и побужденіемъ для понимающихъ помнить о Немъ,—особенно для тѣхъ, кто видѣлъ и испыталъ Его чудесныя дѣйствія на себѣ и оставался на всю свою жизнь съ благодѣтельными и въ

---

47) Запрещенію Спасителя—не говорить о Его дѣлахъ—чудесахъ и о Немъ, какъ Сынѣ Божіемъ, многіе комментаторы указываютъ различныя цѣли. Если Господь запрещалъ исцѣленнымъ говорить въ народѣ о Немъ (Мѳ. VIII. 4. Мр. I, 44. Луки V, 14. Мѳ. IX, 30. XII, 16. Мр. III, 12. V, 43. VII, 36. VIII, 26. 30. Мѳ, XVI, 20. XVII, 9); то при этомъ, говорятъ, Онъ имѣлъ въ виду—избѣжать волненій народа, мечтавшаго о политическомъ Мессіи (Златоустъ). Сл.: Klostermann: Markusevangelium Gött. 1867. Meyer: Kommentar. üb. d. n. T. Gött. 1867. Lange: Theol-hom. Bibelwerk,—d. Ev. nach. Matth. 1857. S.109. 233 и др. Господь желалъ, говорятъ они, привести народъ къ совершенному познанію истиннаго Мессіи, а потому не желалъ, чтобъ о Немъ знали, какъ о великомъ Чудотворцѣ и Цѣлителѣ тѣлесныхъ болѣзней,—это было бы слишкомъ ограниченное понятіе о Его лицѣ. Lange. S. 233. Klostermann, S. 119-120. 162. Господь запрещалъ злымъ духамъ потому, что ихъ свидѣтельство соединялось всегда съ великимъ насиліемъ и мученіемъ для больнаго—бѣсноватаго. Klostermann,—S: 68. Господь запрещалъ и Своимъ Ученикамъ говорить о Немъ, какъ о Сынѣ Божіемъ потому, что и они тогда имѣли понятіе о Немъ еще далеко не полное и не точное, какое было не пригодно для проповѣди въ народѣ. Онъ намѣренъ былъ возвести ихъ къ высшему познанію о Себѣ и это тѣмъ болѣе—такъ, что иногда сами Апостолы не понимали того, что видѣли и слышали (Мр, IX, 9). Klostermann, S: 176—177. 187. Ср. Ewald. Jahrb. 1848; S: 118.

тоже время чрезвычайными послѣдствіями ихъ. Если Апостолы не могли не говорить о томъ, что видѣли и слышали при жизни Господа (Дѣян. IV, 20), то тѣмъ болѣе не могли умалчивать о дѣлахъ Его тѣ, кто испыталъ на себѣ и потомъ во всю свою жизнь ощущалъ эти „дѣла Божіи". Оттого дѣйствительно, не смотря на запрещеніе своего величайшаго Благодѣтеля, исцѣленные проповѣдывали о дѣлахъ Его всюду: „διεστειλατο αυτοῖς, ινα μηδενι ειπωσιν· οσον δε αυτοις διεστελλετο, μαλλον περισσοτερον εκηρυσσον (Мр. VII, 36; ср. 1, 35—44. Мѳ. IX, 30. Лук. V, 14)." Напримѣръ: „приходитъ къ Нему (Іисусу Христу) прокаженный, и, умоляя Его и падая предъ Нимъ на колѣна, говоритъ Ему: если хочешь, можешь меня очистить. Іисусъ, умилосердившись надъ нимъ, простеръ руку, коснулся его, и сказалъ ему: хочу; очистись... И сказалъ ему: смотри, никому ничего не говори: но пойди покажись священнику..." Чтоже, однако, сдѣлалъ такъ облагодѣтельствованный прокаженный?... „А онъ, вышедши, началъ провозглашать и разсказывать о происшедшемъ, такъ что Іисусъ не могъ уже явно войти въ городъ, но находился внѣ, въ мѣстахъ пустынныхъ. И приходили къ Нему отвсюду (Мр. I, 40—45)." А сколько было такихъ исцѣленныхъ и очевидцевъ исцѣленій!— Слѣдовательно, было не только знаніе и твердое памятованіе дѣлъ Христа, но и постоянная молва о Немъ и Его дѣлахъ. Разсказами о чудесахъ Спасителя привлекались къ Нему цѣлыя массы народа и даже вниманіе Четверовластника Ирода; ибо имя Іисуса скоро стало „гласно" (Мр. VI, 14).

Такъ дѣятельность Христова не могла быть и не была сокрытою отъ весьма многихъ наблюдательныхъ современниковъ Его, даже и тогда, когда Онъ запрещалъ очевидцамъ ея разглашать о ней, а тѣмъ болѣе уже тогда, когда Онъ совершалъ дѣла свои при массахъ народа и открывалъ предъ всѣми всякое, даже тайное чудо, какъ только чувствовалъ, что изъ Него выходила чудо-

дѣйственная сила (Мр. V, 30. VI, 30). Но запрещеніе Іисуса Христа и вообще не должно было имѣть такого безусловнаго значенія, какое придаетъ ему Эвальдъ, „ибо нѣтъ ничего сокровеннаго, что—бы не открылось". Многое изъ жизни Спасителя, по Его повелѣнію, нужно было скрывать, но—„доколѣ Онъ не воскреснетъ (Мѳ. XVII, 9.)"; а послѣ Апостолы должны были идти по всему міру и проповѣдывать Евангеліе всей твари (Мр. XVI, 15), учить всѣ народы тому, что Господь повелѣлъ (Мѳ. XXVIII, 19—20),—что говорилось въ темнотѣ, то говорить при свѣтѣ, что слышано на́-ухо, проповѣдывать на кровлѣ (Мѳ. X, 27). Дѣйствительно, они пошли и проповѣдывали вездѣ (Мр. XVI, 20). Слѣдовательно, Апостольскому воспоминанію и проповѣди нисколько не препятствовало первоначальное запрещеніе Спасителя—говорить о чудесныхъ исцѣленіяхъ Его открыто, въ народѣ. Апостолы проповѣдали и то, что первоначально было запрещено разглашать,—не только дѣла Господа, но и самое Его „запрещеніе" записаны въ первыхъ трехъ каноническихъ Евангеліяхъ. Слѣдовательно, предположеніе, что запрещеніе Спасителя было трудностію при составленіи матеріи Евангельскихъ разсказовъ, несправедливо. И если „ничто такъ не вѣроятно, какъ это запрещеніе Спасителя"; а оно прямо свидѣтельствуетъ о воспроизведеніи такихъ дѣлъ Его, о которыхъ нѣкогда не слѣдовало проповѣдывать: то рѣшительно несправедливо мнѣніе Эвальда по самому вѣрнѣйшему историческому свидѣтельству противъ него самаго Евангелія,—по тому же самому свидѣтельству, которое онъ приводитъ въ пользу своего мнѣнія, какъ исторически самое достовѣрное (geschichtlicher).

Но, и независимо отъ своей истинности или неистинности, данное предположеніе Эвальда рѣшаетъ вопросъ о трудности воспроизведенія матеріи синоптическихъ Евангелій только на-половину; такъ какъ, утверждаетъ теорія, нигдѣ не указано, чтобы Христосъ не желалъ от-

крыто преподавать Свое ученіе, или чтобы Онъ желалъ удалять оное отъ свѣта. Слѣдовательно, для воспоминанія ученія Христова указанной трудности не существовало,—ученіе было открыто. Если же такъ, то дѣла, насколько они подлежали наблюденію, еще удобнѣе могли сохраняться въ памяти очевидцевъ при самомъ ученіи Господа. Разсказы о дѣлахъ Христовыхъ и ученіе Его не могли быть въ воспоминаніи Апостоловъ и другихъ Его послѣдователей совершенно отдѣльно одни отъ другаго; потому что въ жизни Іисуса Христа тѣ и другое были вмѣстѣ,—ученіе при дѣлахъ и дѣла при ученіи,—ученіе было дѣломъ, а дѣло ученіемъ,—дѣло требовалось для уясненія ученія и подтвержденія Его, а ученіе—для разъясненія дѣла. Слѣдовательно, если ученіе Христово должно было оставаться въ памяти слушателей Его, то и дѣла должны были разсказываться наблюдателями ихъ—современниками вообще и Апостолами въ особенности.

Если же возможно было, особенно для Апостоловъ, совмѣстное воспріятіе ученія и дѣлъ Іисуса Христа; то возможно было запоминаніе и воспоминаніе ихъ; а по одному этому уже нельзя утверждать, что „нѣтъ нигдѣ никакого слѣда, чтобы во время теченія земной жизни Господа кто нибудь содержалъ въ памяти всѣ отдѣльныя обстоятельства ея“ [48]).—Самъ же Эвальдъ указываетъ примѣръ Пресвятой Дѣвы Маріи, но замѣчаетъ, что Она могла быть источникомъ разсказовъ о жизни Господа только до вступленія Его въ открытое общественное служеніе. Но если и такъ, то она была источникомъ разсказовъ о самыхъ раннихъ, и потому труднѣйшихъ для воспоминанія, событіяхъ. Другіе современники Іисуса Христа несомнѣнно и тѣмъ болѣе могли запоминать позднѣйшія обстоятельства и дѣла Его. На это не только наво-

48). Jahrb. d. b. W. S. 118.

дитъ „слѣдъ“ дѣйствительнаго храненія въ памяти Ев. событій, но существуетъ и положительное свидѣтельство въ Св. писаніи Новаго Завѣта, что такое храненіе неписаннаго Евангелія дѣйствительно было въ памяти Апостоловъ Христовыхъ. Событія Ев. исторіи были совершенно извѣстны не только самимъ двѣнадцати Апостоламъ, но и—по преданію—ученикамъ Апостольскимъ, напримѣръ, Іоанну Марку и Лукѣ. Кромѣ избранныхъ Господомъ двѣнадцати Апостоловъ и ближайшихъ помощниковъ ихъ, какъ ев. Маркъ и ев. Лука, устное Евангеліе было извѣстно и еще нѣкоторымъ современникамъ ихъ. Апостолы, желая избрать вмѣсто Іуды-предателя новаго Апостола въ число двѣнадцати свидѣтелей жизни Господа во все время—отъ крещенія до вознесенія Его,—поставили двоихъ: Варсаву и Матѳея (Дѣян. 1, 21—23). Слѣдовательно, Варсава и Матѳей помнили о событіяхъ изъ жизни Господа въ указанный періодъ ея, какъ и Апостолы, и—не только эти двое, но и многіе другіе. Ап. Петръ въ рѣчи къ Корнилію сотнику говорилъ: „вы знаете происходившее по всей Іудеѣ, начиная отъ Галилеи, послѣ крещенія, проповѣданнаго Іоанномъ; какъ Богъ Духомъ Святымъ и силою помазалъ Іисуса изъ Назарета, и Онъ ходилъ, благотворя и исцѣляя всѣхъ, обладаемыхъ діаволомъ; потому что Богъ былъ съ Нимъ. И мы свидѣтели в с е г о, что сдѣлалъ Онъ въ странѣ Іудейской и въ Іерусалимѣ (Дѣян. X, 37—39)“. Очевидно, если Корнилію и его согражданамъ были извѣстны разсказы о жизни и ученіи Господа, то уже вполнѣ несомнѣнно—самимъ Апостоламъ, по тому же свидѣтельству (ст. 39). Несомнѣнно, Апостолы возвѣщали о томъ, что видѣли и слышали, находясь съ Господомъ, и это потомъ записали; слѣдовательно—знали и помнили дѣла и ученіе Его (1 Соб. Іоан. I, 3—4).

Апостолы, говоритъ теорія, потому не могли сохранять въ памяти жизнь Іисуса Христа, что не понимали ея,—т. е. во всемъ ея совершенствѣ.—Если это и такъ,

если всей глубины христіанскаго ученія и благодатной жизни не понять намъ и теперь, и во всю свою жизнь: то это не препятствовало Апостоламъ, не затрудняетъ и насъ усвоить и помнить, въ полномъ объемѣ или по частямъ, какъ жизнь, такъ и ученіе Іисуса Христа въ извѣстной мѣрѣ и относительномъ совершенствѣ познанія того и другаго; а для Апостоловъ, какъ свидѣтелей—очевидцевъ, это было еще болѣе возможно и удобно. Теорія говоритъ о трудности понимать, знать и помнить всѣ дѣла и все ученіе Христа; но—вопросъ именно объ относительномъ совершенствѣ и относительно полномъ знаніи и запоминаніи,—о томъ, трудно ли было составить по воспоминанію разсказы о нѣкоторыхъ и немногихъ событіяхъ Ев. исторіи, именно о стольких и такихъ, сколько и какія представляютъ первыя три каноническія Евангелія за первое время общественной дѣятельности Спасителя. Все, что говорилъ и творилъ Іисусъ Христосъ, въ продолженіи всей своей жизни, помнить и воспоминать могло быть и трудно (Іоан. XXI, 25); но что содержитъ каждое изъ каноническихъ Евангелій (и при томъ за первый періодъ общественной дѣятельности Его)— совершенно не трудно: такъ какъ, хотя Спаситель и запрещалъ разглашать о своихъ дѣлахъ, но они тѣмъ болѣе проповѣдывались; хотя и думаетъ Эвальдъ, что жизнь Христа нѣкоторое время была прикровенна, но ее знали многіе, а главное—Апостолы, съ самаго крещенія до вознесенія Его.

Такъ, по даннымъ, какія представляетъ Эвальдова теорія и Священное писаніе Новаго Завѣта, должно признать, что предположеніе первой трудности при составленіи устныхъ разсказовъ о Спаситель не имѣетъ научнаго значенія.

Мнимая трудность и по теоріи теряетъ свое точное значеніе, потому, что, понимаемая въ связи съ последующими соображеніями Эвальда, она легко переходитъ въ невозможность; такъ какъ, по мнѣнію Эвальда, и

объ открытой дѣятельности Господа Іисуса было весьма трудно составить разсказы; слѣдовательно, о сокровенной, каковою предполагается, по теоріи, Его дѣятельность въ ея первый періодъ, вовсе невозможно было сказать ничего достаточно справедливаго (geschichtlich).—„Когда уже окончательно завершилась исторія Спасителя, то величайшія дѣла Его и особенно выдающіяся стороны Его дѣятельности сами собою производили на очевидцевъ достаточно сильное впечатлѣніе,—на столько, что о многихъ отдѣльныхъ обстоятельствахъ исторіи Христовой и не спрашивалось. Какъ долго это созерцаніе историческаго Христа по немногимъ, но великимъ и главнымъ, отрывкамъ Его исторіи оставалось господствующимъ и удобно признавалось достаточнымъ, чтобы при новомъ ученіи твердо содержать преимущественно только эти, возвышеннѣйшія части великой исторіи и отсюда выводить все другое, это видно изъ посланій Ап. Павла и писаній св. Іустина мученика. Очень рано въ вѣкъ Апостольскій былъ обычай соединять вмѣстѣ главные факты Ев. исторіи въ краткомъ изложеніи (Дѣян. X, 37—42; и т. п.), т. е. только главные факты Ев. исторіи кратко излагать предъ слушателями. На такіе только факты могъ удобно ссылаться тотъ, кто желалъ научить христіанскому откровенію; это доказывается всей исторіей перваго столѣтія, т. е. дѣятельностію Апостоловъ, ихъ сотрудниковъ и послѣдователей. Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ должно было довольно рано родиться желаніе знать столько отдѣльнаго изъ теченія этой великой исторіи, сколько было можно; посторонніе (fremde), только теперь слышавшіе о Христѣ и желавшіе вступить въ новое общество, первые поддерживали такое желаніе и потребностямъ ихъ нужно было удовлетворять. Это нельзя было отлагать надолго; поэтому къ воспоминанію отдѣльныхъ происшествій полной исторіи Христа теперь особенно должны были направляться стремленіе и дѣятельность многихъ старѣйшихъ членовъ церкви,—тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ важнѣй-

шихъ изреченій Христа могли быть объяснены совершенно ясно только изъ историческихъ побужденій къ ихъ произнесенію и основное (grundlegende) ученіе, такимъ образомъ, во многихъ отношеніяхъ тѣснѣе связывалось съ историческимъ воспоминаніемъ. Но когда такимъ образомъ производились первые опыты собиранія всѣхъ отдѣльныхъ воспоминаній и взоръ изслѣдователя съ конца великой исторіи обращался на всякій отдѣльный фактъ ея: то,—судя по давнопрошедшему времени ихъ совершенія,—уже нельзя было такъ легко и точно припомнить всѣхъ отдѣльныхъ обстоятельствъ открытой жизни и дѣятельности Христа [49]).—Такъ, по мнѣнію Эвальда, самое время полагало свои трудности образованію Ев. разсказовъ.

Здѣсь указанная трудность, собственно при образованіи отдѣльныхъ разсказовъ, очевидно, состояла въ томъ, что Евангелисты, кто-бы они ни были, несвоевременно начали составленіе своихъ разсказовъ о прошедшей жизни Господа Іисуса,—поздно. И это произошло такъ потому, что великія дѣла и весьма выдающіяся стороны открытой дѣятельности Христа сами собою производили достаточно сильное впечатлѣніе на наблюдателей,—становились какъ-бы преградою для созерцанія всѣхъ отдѣльныхъ обстоятельствъ оной. Но что такое были эти великія дѣла по отношенію ко всей исторической дѣятельности и жизни Спасителя?—это были факты, какъ: крещеніе Господа, искушеніе Его отъ діавола, преображеніе и под. И если такіе факты производили достаточно сильное впечатлѣніе, то, конечно, тѣмъ лучше они должны были оставаться въ памяти ихъ наблюдателей, какъ матерія впослѣдствіи отдѣльныхъ и связныхъ разсказовъ. А что касается особенно выдающихся сторонъ исторіи Спасителя, то онѣ составляютъ въ ней нѣчто общее и являются выдающи-

---

49). Jahrb. d. b. W. 1848. S. 118—119.

мися только при цѣлостномъ представленіи всей жизни Его,—при сознаніи общей идеи искупленія (ученіе, чудотвореніе, законодательство и страданіе, показывающія, что Іисусъ Христосъ есть обѣтованный Богомъ Мессія—царь, пророкъ и первосвященникъ,—истинный Спаситель). Но извѣстно, какъ мало, трудно и неопредѣленно Апостолы на первыхъ порахъ понимали идеи Господа и потому въ своемъ созерцаніи еще не могли стать выше непосредственнаго воспріятія отдѣльныхъ фактовъ Его жизни,—не проникали своимъ взоромъ въ прагматическую связь всѣхъ событій Евангельской исторіи. Сначала они были скорѣе непосредственными преемниками только того, что видѣли и слышали, безъ различенія особенно выдающихся событій, какъ и всѣ другіе наблюдатели чудесъ Христовыхъ: ихъ одинаково поражало и чрезвычайно изумляло все чудесное, какъ утишеніе бури на Галилейскомъ озерѣ и преображеніе на Галилейской горѣ (Мѳ. VIII, 27. Мр. IX, 6; ср. Мѳ. IX, 8. Мр. 1,27). По этому должно признать, что не только тѣ выдающіяся дѣйствія Спасителя, которыя признаются таковыми по теоріи Эвальда (какъ крещеніе и преображеніе Господа), но и всѣ другія дѣла Его Божественнаго всемогущества производили на наблюдателей впечатлѣніе, равносильное съ тѣми; слѣдовательно, должно признать возможнымъ, что созерцаніе историческаго Христа было не только въ главныхъ и великихъ, но и менѣе значительныхъ и частныхъ моментахъ Его дѣятельности; и оно также могло быть „очень долго господствующимъ“; потому что и частнымъ, не „особенно-важнымъ“ фактамъ Ев. исторіи посвящалось на первыхъ же порахъ одинаково дѣятельное вниманіе учениковъ Христовыхъ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ и тому мнѣнію самого Эвальда, что въ исторіи Ев. письменности обобщеніе фактовъ и связь между ними въ сознаніи Евангелистовъ должно поставить на второмъ планѣ, а на первомъ—собраніе частныхъ отрывочныхъ разсказовъ. И дѣйствительно, если дѣятельность первыхъ Евангелистовъ сна-

чала направилась къ собиранію частныхъ фактовъ, то, конечно, слѣдуетъ, что такіе именно факты и были прежде всего въ ихъ вниманіи и воспоминаніи. А предположеніе, что они отодвигались на второй планъ созерцаніемъ болѣе важныхъ событій и при этомъ оставались предметомъ послѣдующаго воспоминанія, прямо противорѣчитъ не только уже этому мнѣнію самого Эвальда (такъ какъ оно основано на силѣ впечатлѣнія извѣстныхъ дѣйствій, которой не чужды и менѣе выдающіяся изъ нихъ), но и тѣмъ словамъ его, что „для первыхъ христіанъ все въ жизни Господа казалось высоко-цѣннымъ",—мысль ясно и прямо указанная нѣсколько далѣе [50]).

Въ доказательство того, что первые проповѣдники Евангелія и учители церкви довольствовались только самыми главными фактами Ев. исторіи, Эвальдъ указываетъ на посланіе Ап. Павла и творенія св. Іустина мученика († 163 г.). Это доказательство, однако, строго логически не требуется тѣмъ положеніемъ, къ которому оно направлено въ теоріи, и отчасти находится даже въ противорѣчіи съ ней. Здѣсь утверждается та мысль, что въ первое время открытаго служенія Іисуса Христа и въ послѣдующее—до окончанія Его земной жизни—вниманіе наблюдателей и учениковъ Его останавливалось только на выдающихся, главныхъ фактахъ. Это по теоріи объясняется тѣмъ, что значеніе всѣхъ отдѣльныхъ, менѣе важныхъ, обстоятельствъ стало понятнымъ только послѣ окончательнаго завершенія всей Ев. исторіи.—Теперь, напротивъ, Эвальдъ приводитъ свидѣтельство, какъ доказательство (Beweiss), что и послѣ смерти Спасителя вниманіе Апостоловъ, напримѣръ—Ап. Павла, останавливалось также только на главныхъ фактахъ,—что даже и послѣ смерти самихъ Апостоловъ, напримѣръ—въ сочи-

50) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 121.
Ср. Jahrb. d. b. W. 1848. S. 118.

неніяхъ св. Іустина мученика встрѣчается тоже.—Отсюда, очевидно, слѣдуетъ, что Апостолы и послѣ смерти Спасителя не понимали всей важности всѣхъ отдѣльныхъ обстоятельствъ жизни Его, если обращали вниманіе свое только на главные факты, какъ и при жизни Господа. Это—противорѣчіе. Но—далѣе, нѣкоторые факты Апостолы представляли главными конечно въ ряду другихъ и—по окончаніи уже всей жизни Господа; а какъ они смотрѣли на такіе факты во время Его жизни, этого нельзя никакъ рѣшить на основаніи Апостольской проповѣди послѣ Его смерти, когда взглядъ на дѣло Христа у самихъ Апостоловъ совершенно измѣнился. Слѣдовательно, посланія Ап. Павла (и при томъ именно этого Апостола) не говорятъ ничего въ пользу той мысли, что Апостолы при жизни Спасителя останавливали свое вниманіе только на главныхъ обстоятельствахъ ея;—и ссылаться на эти посланія въ этомъ отношеніи не должно. Посланія Ап. Павла свидѣтельствуютъ не о трудности воспоминанія или незнаніи Апостолами фактовъ Ев. исторіи, но о томъ, что Апостолы только въ нѣкоторыхъ случаяхъ предлагали самый общій очеркъ ея, именно—въ намѣренно краткомъ изображеніи особенно выдающихся сторонъ ея, какъ дѣлалъ и Ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ, написанныхъ имъ по частнымъ случаямъ и обстоятельствамъ. Ему приходилось только напоминать и по частямъ изъяснять въ своихъ посланіяхъ то, что уже было извѣстно изъ устной проповѣди его тѣмъ, кому онъ отсылалъ свои письменныя наставленія. Онъ писалъ свои посланія по поводу частныхъ обстоятельствъ къ тѣмъ церквамъ, кои были основаны устною проповѣдію; а она начиналась и состояла въ раскрытіи жизни Іисуса распятаго, какъ Сына Божія, засвидѣтельствованнаго чудесами (Дѣян. II, 14—21. 22. 24 и др. III, 26. IV, 10. 27. X, 37—40. 1 Кор. I, 6—7. 23. II, 2—4. 2 Тим. II, 2. Евр. II, 4. Гал. III, 2. 5). Слѣдовательно, краткіе намеки на отдѣльные и при томъ особенно-важ-

ные факты Ев. исторіи у Ап. Павла обусловливались предварительнымъ знакомствомъ съ Ев. исторіею тѣхъ лицъ, къ кому потомъ писаны посланія; это совершенно ясно по: 1 Кор. I, 5—6. II, 1—2; ср. Гал. III, 2. 5. Хотя Ап. Павелъ въ посланіяхъ своихъ только уже напоминалъ то, что предварительно было имъ подробно раскрыто въ устной проповѣди своимъ слушателямъ, къ коимъ онъ потомъ отправлялъ свои посланія; но и при этомъ въ его посланіяхъ есть много положительныхъ и ясныхъ указаній на не-особенно выдающіяся обстоятельства и дѣла Господа. Апостолъ упоминаетъ, напримѣръ, о томъ, какъ фарисеи, искушая Господа, спрашивали Его: позволительно ли давать подать Кесарю, или нѣтъ (Мѳ. XXII, 17 и сл.),—такъ какъ онъ очень опредѣленно и сходно съ отвѣтомъ Господа учитъ отдавать всякому должное,—подчиняться власти и давать подати (Рим. XIII, 6—7; той-же главы ст. 1 и д.). На вопросъ: какое было евангеліе у Ап. Павла и зналъ-ли онъ частные случаи изъ жизни Господа, отвѣтъ находится въ его первомъ посланіи къ Коринѳянамъ. „Напоминаю (γνωριζω) вамъ, говоритъ Апостолъ, Евангеліе (το ευαγγελιον), которое я благовѣствовалъ вамъ, которое вы и приняли (παρελαβετε), въ которомъ и утвердились (уже́), которымъ и спасаетесь, если преподанное удерживаете такъ, какъ я благовѣствовалъ вамъ; если только не тщетно увѣровали. Ибо я первоначально преподалъ (παρεδωκα γαρ—εν πρωτοις) вамъ, что и самъ принялъ (ο και παρελαβον), то есть, что Христосъ умеръ за грѣхи наши, по Писанію, и что Онъ погребенъ былъ, и что воскресъ въ третій день, по Писанію, и что явился Кифѣ, потомъ двѣнадцати. Потомъ явился болѣе нежели пяти стамъ братій въ одно время, изъ которыхъ большая часть донынѣ въ живыхъ, а нѣкоторые и почили. Потомъ явился Іакову, также всѣмъ Апостоламъ. А послѣ всѣхъ явился и мнѣ (1 Кор. XV, 1—8)“. Слѣдовательно, Ап. Павелъ прежде своего посланія къ Коринѳянамъ передалъ имъ Евангеліе, которое и самъ при-

нялъ; а оно заключало въ себѣ не только главные факты изъ исторіи Спасителя, но и, такъ-сказать, второстепенные,—не только воскресеніе Христа, что составляетъ основное доказательство Христіанской вѣры (1 Кор. XV, 14), но и нѣкоторыя явленія Воскресшаго пяти стамъ братіямъ, Іакову и самому Павлу. И если объ этихъ явленіямъ говоритъ Апостолъ въ своемъ посланіи, гдѣ онъ только отчасти напоминаетъ свое устное Евангеліе; то несомнѣнно, что его личная, устная проповѣдь передавала и другіе подобные факты. Слѣдовательно, по посланіямъ Ап. Павла еще нельзя строго судить о его устномъ Евангеліи, а если уже судить, то скорѣе и вѣрнѣе приходится заключить, что оно содержало исторію Іисуса Христа съ ея подробностями, какъ она была „передана“ Павлу очевидцами—слушателями Господа, знавшими, какъ „Іисусъ изъ Назарета ходилъ, благотворя и исцѣляя всѣхъ, обладаемыхъ діаволомъ“,—знавшими, что „сдѣлалъ Онъ въ странѣ Іудейской и въ Іерусалимѣ (Дѣян. X, 38—39)“.

Въ писаніяхъ Св. Іустина мученика еще менѣе, чѣмъ въ посланіяхъ Ап. Павла, находитъ себѣ оправданіе мнѣніе Эвальда о томъ, что первые христіанскіе проповѣдники и слушатели ихъ обращали свое вниманіе только на самые главные факты Ев. исторіи. Изъ менѣе важныхъ, по мысли Эвальда, историческихъ фактовъ въ твореніяхъ св. Іустина указываются: рождество Іоанна Крестителя (Ап. 1, гл. XXXIII; разгов. съ Триф. XLIII, XLV, C, CI. Ап. 1. гл. XXXIII; разгов. LXVI, XLIII, LXXXIV), рождество Христово въ Виѳлеемѣ (Ап. I. XXXIV. XLVI; разгов. LXXVII, LXXXVIII, CII, CIII, CVI), разсказъ о богатомъ юношѣ (Ап. I. X; разгов. CI; Ап. I, XIX), входъ въ Іерусалимъ и очищеніе Храма (Ап. I. XXXII. XXXV; разгов. LIII, LXXXVIII, XVII),—все это передается довольно подробно [51]. Поэтому указаніе Эваль-

---

51) Ср. Kritische Untersuchungen über d. Ev. Jus-

да на сочиненія Іустина мученика не оправдываетъ (положеніе) его теоріи. А если бы такое указаніе съ своей стороны и оправдывало мнѣніе Эвальда, то ему бы противорѣчили указанія на второстепенные (по признанію теоріи) факты въ сочиненіяхъ другихъ отцевъ церкви того же времени. Напримѣръ, у Игнатія Богоносца упоминается о явленіяхъ Господа по воскресеніи [52]), и это мѣсто изъ сочиненій св. Игнатія было извѣстно Оригену, Іерониму и Евсевію Кесарійскому. У Папія Іерапольскаго, въ его сочиненіи: Λογιων χυριαχων εξηγησις, упоминается о воскрешеніи Господомъ умершаго и о женѣ, которую обвиняли предъ Нимъ за многія преступленія [53]). Всѣ такіе факты, по теоріи, должно признать второстепенными. И вообще у отцевъ церкви есть прямое указаніе на Четвероевангеліе (Ириней, Евсевій) [54]).—На основаніи этихъ свидѣтельствъ должно признать вполнѣ справедливымъ, что обыкновеніе ссылаться только на главные факты изъ Ев. исторіи не было исключительнымъ не только у многихъ отцевъ церкви первыхъ II—IV вѣковъ, но и прямо у самого Іустина мученика, какъ и у Ап. Павла.

Отсюда наоборотъ слѣдуетъ, что христіане самой древней церкви и Апостольскаго вѣка не довольствова-

---

tinus'. A. Hilgenfeld'. Halle. 1850. S: 101—119. Апотомъ: Мѳ. XXII, 15. Ап. Іуст. I. Мѳ. II, 1—2 и Разгов.—Лук. II, 7 и Разгов. Мѳ. XXVII, 46. и Разгов. Мѳ. XXVI, 39 и Разгов.,—у Kirchhofer'a: d. Geschichte N. T. Canons (Qvellensammlung). Zürich. 1844. S: 95. 95—98. 99. 100.

52). Посл. къ Смирн. III. ср. Лук, XXIV, 39.

53) *Евсевія*: Церк. ист. III, 39.

54) См. d. Geschichte d. N. T. Canons bis auf Hieronymus, J. Kirchhofer'a. Zürich. 1844. S. 84—85 и 35—43. Подобныя цитаты находятся даже и у еретиковъ (у Маркіона—изъ Евангелія отъ Луки. Ibid.).

лись знаніемъ только самаго главнаго содержанія каноническихъ Евангелій. А если Эвальдъ, ссылаясь на X, 37—42 ст. книги Дѣяній Апостольскихъ, полагаетъ, что „и вообще въ вѣкъ Апостольскій былъ обычай собирать только главные факты“ изъ жизни Господа, то это положеніе не находитъ себѣ здѣсь надлежащаго основанія и даже противорѣчитъ самой теоріи его.—Въ X-й гл. 37—42 ст. если и содержится краткое указаніе на всю исторію Христа, то—съ замѣчаніемъ, однако: „вы знаете происходившее по всей Іудеѣ, начиная отъ Галилеи, послѣ крещенія, проповѣданнаго Іоанномъ“—какъ Іисусъ „ходилъ, благотворя и исцѣляя всѣхъ“, и т. д. Очевидно, такое замѣчаніе отнюдь не соотвѣтствуетъ мнѣнію Эвальда о составленіи разсказовъ только о главныхъ событіяхъ изъ жизни Іисуса Христа; а напротивъ, говоритъ, что въ вѣкъ Апостоловъ и подробная исторія Спасителя была извѣстна Его и ихъ современникамъ: „вы знаете...“, говоритъ Апостолъ Петръ. Это прямо противорѣчитъ теоріи. Она разсматриваетъ собственно составленіе Ев. исторіи, а въ ст. 37—42, X книги дѣяній Апостольскихъ дѣлается общее и краткое упоминаніе о жизни Господа, что она была извѣстна, и конечно не по такимъ разсказамъ (записямъ главныхъ фактовъ), какіе предполагаетъ Эвальдъ, а по преданію.—Мысль о составленіи Ев. разсказовъ, содержавшихъ въ себѣ изложеніе на первыхъ порахъ только главныхъ Ев. событій, прямо противорѣчитъ тому, по теоріи дѣйствительному, факту исторіи Ев. письменности, рѣшительно утверждаемому Эвальдомъ, что первоначально явилось такъ называемое Древнѣйшее Евангеліе. Это, по теоріи, первый, древнѣйшій памятникъ Ев. письменности, составленный Ап. Филиппомъ. Въ этомъ Древнѣйшемъ Евангеліи, по теоріи, содержались, однако, не одни только главнѣйшія событія, но и второстепенныя; напримѣръ, покушеніе Іудеевъ съ Иродіанами на Іисуса Христа (Мѳ. XXII, 15 и д.), пребываніе Его въ Виѳа-

нiи въ домѣ Мареы и Марiи (Лук. X, 38—42), и под. [55]). И не одно только это Древнѣйшее Евангелiе было написано въ вѣкъ Апостольскiй, въ тоже время явились и другiя подобныя, напримѣръ, Евангелiе отъ Марка. Съ точки зрѣнiя теорiи слѣдуетъ признать, что эти труды Ев. письменности явились по современнымъ потребностямъ и, какъ такiе, были желательны для современниковъ. Слѣдовательно, вниманiю болѣе раннихъ современниковъ Апостольскихъ нужно было представить не главные только факты Ев. исторiи, но и второстепенные, каковые содержались, по утвержденiю Эвальда, въ Древнѣйшемъ Евангелiи, въ Евангелiи отъ Марка, и т. д. Если же эти Евангелiя такъ удовлетворяли современнымъ потребностямъ, то что же должно сказать о времени св. Iустина мученика?—конечно, въ его время тѣмъ скорѣе и болѣе требовались свѣдѣнiя о всѣхъ подробностяхъ исторiи Господа, такъ какъ, по теорiи, только современники Его были поражены самыми выдающимися событiями Его исторiи, а ближайшее поколѣнiе потомковъ —людей, не наблюдавшихъ собственными очами чудесъ Христовыхъ,—нуждалось въ знанiи второстепенныхъ мелкихъ обстоятельствъ оной,—чему и удовлетворяли всѣ, извѣстные Эвальду, Евангельскiе труды до послѣдняго, по теорiи, девятаго—Евангелiя отъ Луки включительно. — Слѣдоватсльно, указанiе на творенiя Iустина мученика, въ свою очередь, скорѣе служитъ историческимъ противорѣчiемъ теорiи, которая требованiя и удовлетворенiя касательно второстепенныхъ фактовъ Ев. исторiи относитъ не ко второму, а къ первому, Апостольскому вѣку.—Слѣдовательно, данному мнѣнiю въ теорiи Эвальда находятся

55) Это изъ многихъ—напримѣръ: см. H. Ewald' d. Drei ersten Evangelien. Gött. 1850. S. 42 и s. w. 122 и s. w.,—по соотвѣтственному шрифту.

противорѣчія, именно—въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (X, 37—42), въ твореніяхъ св. Іустина Мученика (и даже въ самой теоріи.

Если въ вѣкъ Апостольскій дѣйствительно были: желаніе, возможность и дѣйствительность собиранія всякихъ разсказовъ изъ Ев. исторіи; то слѣдуетъ, что для образованія матеріи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій не было „трудности, полагаемой самимъ временемъ" ихъ образованія.

Если трудность образованія Ев. разсказовъ должна устраняться совсѣмъ должнымъ признаніемъ дѣйствительнаго и дѣятельнаго стремленія знать Ев. исторію; то это стремленіе должно было принадлежать прежде всѣхъ и по преимуществу близко знавшимъ Господа Двѣнадцати Апостоламъ, а не „посторроннимъ, вновь поступающимъ въ Его церковь, вѣрующимъ".—Въ самомъ дѣлѣ, если, по мнѣнію Эвальда, „стремленіе и дѣятельность многихъ старѣйшихъ членовъ церкви особенно должны были направиться къ воспоминанію отдѣльныхъ происшествій полной Исторіи Христа" [56]); то почему же не сами старѣйшіе члены Христовой церкви могли поддерживать такое желаніе, а непремѣнно посторонніе?—Это не вѣроятно и тѣмъ болѣе, что Апостолы сильно желали быть и жить со Христомъ. Они должны были необходимо воспоминать и, для этаго, уже напередъ знать ученіе Іисуса Христа, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспоминать и дѣла Его, свидѣтельствующія объ истинности Его ученія. Это тѣмъ болѣе—такъ, потому что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ изреченій Его были совершенно ясно понятны только изъ историческихъ поводовъ къ ихъ произнесенію; даже самое основаніе Ев. ученія, его основоположныя истины связывались съ воспоминаніемъ историческаго прошедшаго. Поэтому, когда производились первые

---

56) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 119.

опыты собиранія всѣхъ
Евангелистамъ не прих
конца великой Ев. истор
между тѣмъ и другимъ д
трехлѣтнее открытое слу
Господа уже было въ тв
шателей Его.—Слѣдовател
Двѣнадцати Апостоловъ
ваніи Ев. разсказовъ въ
началось.

Не смотря на перво
причиняло самое время о
тельность Евангелистовъ
ществленію той своей п
стоятельства цѣлой Ев. и
минанія и разсказа. Но
дило еще новыя труднос
областяхъ самой этой ис

„Періодъ открытой
сительно очень не продо
полнота и разнообразіе
ство мыслей и истинъ о
каго времени 57)! Тепер
съ окончанія дѣятельно
на все теченіе оной до
стицы этой полной и за
были казаться безконечн
крытая дѣятельность и
развивались по всей
морскимъ берегамъ и г
народныхъ собраніяхъ
вательно, разумѣется по
произвести въ историче

57) Jahrb. d. b. W

всѣхъ отдѣльныхъ воспоминаній, то
приходилось обращать свой взоръ съ
исторіи на ея начало и не лежало
тимъ давнопрошедшее время; такъ какъ
ое служеніе—дѣятельность и ученіе—
въ твердой памяти очевидцевъ—слу-
дователельно, для первыхъ Евангелистовъ—
оловъ не было трудности при образо-
въ въ томъ самомъ времени, когда оно

первое затрудненіе, какое, по теоріи,
время образованія Ев. разсказовъ, дѣя-
истовъ тѣмъ не менѣе стремилась къ осу-
своей цѣли, чтобы всѣ отдѣльныя об-
й Ев. исторіи сдѣлать предметомъ воспо-
за. Но дѣятельное стремленіе ихъ нахо-
трудности въ разнообразныхъ широкихъ
этой исторіи.
крытой дѣятельности Христа былъ отно-
е продолжителенъ; а между тѣмъ какая
бразіе дѣлъ, какое неистощимое богат-
стинъ открылось въ теченіе этого корот-
Теперь, когда вниманіе Евангелистовъ
ятельности Христовой было обращено
ной до самаго начала, то малѣйшія ча-
ой и законченной дѣятельности должны
зконечно-цѣнными. Между тѣмъ вся от-
ость и ученіе Христа раскрывались и
всей странѣ,—по хижинамъ и полямъ,
ть и горамъ, селеніямъ и городамъ,—въ
ніяхъ и уединенныхъ бесѣдахъ!" Слѣдо-
ется по теоріи, весьма трудно было вос-
сторическомъ воспоминаніи все содер-

---

l. h. W. 1848. S. 121.

жаніе Ев. исторіи.—Но если въ пре
стамъ исторіи дѣятельности Христово
та дѣлъ и мыслей; то ужели при это
ность въ образованіи матеріи Ев. ра
изъ многаго они легко могли выбрат
нялось-бы содержанію нашихъ трехъ
гелій, или этой полноты дѣлъ и мысле
ними не было. Эвальдъ не намѣрен
нее: иначе трудность переходитъ уж
всякаго образованія Ев. разсказовъ; п
листовъ не было-бы и матеріи для п
дѣйствительно противорѣчило бы тому
ту, что въ непродолжительное время
ятельность Христа и потому забыть е
тѣмъ болѣе, что она производила дос
чатлѣніе на современниковъ и по пр
столовъ, призванныхъ къ подобной же
по самой цѣли ихъ призванія, должн
по крайней мѣрѣ со времени своего
му какъ много у нихъ должно было
ріи для Ев. разказовъ!—Это тѣмъ б
по мнѣнію Эвальда, даже и малѣйшія
законченной дѣятельности Христа до
драгоцѣннѣйшими, если вниманіе Ева
ращено съ окончанія на все теченіе
Но почему же съ конца, а не во-время т
отдѣльное обстоятельство могло казат
драгоцѣннѣйшимъ?—нѣтъ, тогда еще
столы еще довольно рано исповѣдали
номъ Божіимъ (Мѳ. XVI, 13—28. Мр
IX, 18—27), такъ же исповѣдали Ег
бѣсы, о Немъ также говорили всѣмъ
ужасомъ удивлялись Ему массы народа...
дѣйствія чудеснаго и небеснаго Рав
глубоко проникать и на весьма долго
мяти наблюдателей?—Пусть „вся от

въ предлежащей Евангели-
истовой была такая полно-
ри этомъ могла быть труд-
Ев. разсказовъ?—нѣтъ: или
выбрать немногое, что̀ рав-
трехъ канонических Еван-
мыслей Христовыхъ предъ
мѣренъ допустить послѣд-
тъ уже въ невозможность
зовъ; потому что у Еванге-
для повѣствованія. А это
ы тому несомнѣнному фак-
время совершилась вся дѣ-
быть ее еще было нельзя,—
ла достаточно сильное впе-
по преимуществу на Апо-
ной же дѣятельности. Они,
должны были помнить все,
своего призванія, а поэто-
было образоваться мате-
тѣмъ болѣе вѣроятно, что,
лѣйшія частицы полной и
ста должны были казаться
ніе Евангелистовъ было об-
еченіе этой дѣятельности.
время теченія оной, каждое
казаться очевидцамъ его
а еще—тѣмъ болѣе!—Апо-
вѣдали Іисуса Христа Сы-
28. Мр. VIII, 27—38. Лук.
али Его въ-слухъ народа и
всѣмъ и дѣла Его,—съ
арода... Ужели при этомъ все
о Равви не должны были
долго оставаться въ па-
ся открытая дѣятельность

и ученіе Христа раскрывались и развивались по всей странѣ,—по хижинамъ и полямъ, морскимъ берегамъ и горамъ, селеніямъ и городамъ,—въ народныхъ собраніяхъ и уединенныхъ бесѣдахъ"—въ этомъ также не могло быть трудности собственно при стремленіи Евангелистовъ сдѣлать предметомъ воспоминанія и разсказа отдѣльныя обстоятельства полной исторіи земнаго явленія Христа. Всѣ многочисленныя дѣла Его совершились сравнительно въ очень непродолжительное время, а если ихъ было много и въ короткое время; то это служитъ вѣрнымъ условіемъ для относительно лучшаго запоминанія и воспоминанія многихъ изъ нихъ, чтобы впослѣдствіи разсказать ихъ столько, сколько содержится по крайней мѣрѣ въ нашихъ трехъ каноническихъ Евангеліяхъ. Но, какъ-бы напередъ сознавая такой выводъ изъ своего мнѣнія, Эвальдъ здѣсь-же замѣчаетъ: „а если-бы кто пожелалъ думать, что Двѣнадцать (Апостоловъ) всегда однако сопровождали Господа и уже то, что̀ они пережили и замѣтили, могло быть достаточною матеріей ихъ разсказовъ, тотъ въ этомъ весьма-бы ошибся; такъ какъ Двѣнадцать (Апостоловъ) относительно такъ рано (?) не были ближайшими учениками Христа"—[58]). Едвали въ данномъ случаѣ кто пожелалъ бы такъ думать, потому что вопросъ не въ томъ, какъ рано двѣнадцать Апостоловъ стали свидѣтелями и близкими учениками Господа, а въ томъ—съ трудомъ-ли они могли воспоминать именно тѣ отдѣльныя обстоятельства Ев. исторіи, которыя составляютъ содержаніе, и образовать именно тѣ разсказы, которые составляютъ объемъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій, теперь находящихся у насъ подъ руками,—эти событія Ев. исторіи, рано или поздно, но самолично, наблюдали двѣнадцать Апостоловъ (кромѣ событій изъ исторіи дѣтства Іисуса Христа). Сомнительно-отрицательнаго отвѣта на этотъ во-

58) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 121.

просъ рѣшительно не можетъ быть при сознаніи, что Апостолы, по свидѣтельству первоверховнаго изъ нихъ Петра, „находились во все время, когда пребывалъ съ ними и обращался Господь Іисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся (Дѣян. I, 21—22)“, и не только Апостолы, но и другіе сотрудники ихъ, какъ Матѳей, возведенный впослѣдствіи въ апостольское достоинство, Варсава и Евангелистъ Лука (Дѣян. I, 23 ст. Лук. I, 1 и д.) и даже посторонніе (Дѣян. X, 37). Это свидѣтельство книги Дѣяній Апостольскихъ служитъ основаніемъ для рѣшительнаго утвержденія, что Апостолы могли образовать матерію немногихъ и простыхъ разсказовъ по большей части о весьма важныхъ событіяхъ, содержащихся только въ первыхъ трехъ каноническихъ Евангеліяхъ.

Если Апостолы могли быть свидѣтелями и проповѣдниками стольхихъ и такихъ дѣлъ Іисуса Христа; потому что для нихъ не было трудностей въ обстоятельствахъ ихъ воспоминанія: то не было-ли подобныхъ трудностей въ самыхъ предметахъ Апостольскаго воспоминанія?— Эвальдъ утверждаетъ, что „если смотрѣть на обѣ стороны открытой дѣятельности Христа,—Его дѣла и рѣчи; то дѣла не легко могли быть правильно поняты именно потому, что они были очень многочисленны и совершенно различны; еще труднѣе было вѣрно хранить въ памяти рѣчи Спасителя. Если жало Его рѣчей проникало глубже, чѣмъ всякихъ другихъ (рѣчей), то бездонная глубина и недозримая высота ихъ стояли отъ понятій очень многихъ слушателей такъ далеко, что имъ нельзя было легко, охотно и точно запечатлѣвать ихъ въ своей памяти. Неоспоримо, конечно, то, что нѣкоторые цвѣты, какъ и нѣкоторыя остроты рѣчей Христовыхъ рано, отчасти съ злымъ умысломъ, отчасти и безъ онаго, были поняты въ худую сторону (какъ примѣръ перваго случая: Мѳ. XXVI, 61 (Мр. XIV, 58) и Іоан. II, 19; какъ примѣръ втораго: Мр. VI, 8; ср. Мѳ. X, 10. Лук. IX, 3);“—

тѣмъ не менѣе, разумѣется въ теоріи, было очень трудно запомнить и воспроизвести рѣчи Христовы[59]).—Но разнообразіе и многочисленность дѣлъ, глубина и высота рѣчей едва-ли могутъ въ самомъ дѣлѣ составлять трудность для образованія матеріи Ев. исторіи. Разнообразіе не имѣетъ ни какого препятствующаго отношенія къ пониманію и воспоминанію разнообразнаго: предметомъ воспоминанія и знанія почти всегда бываетъ различіе и множество представленій, мыслей и дѣлъ [60]). Множественность можетъ служить препятствіемъ надлежащему воспоминанію, но только тогда, когда она чрезмѣрно велика; а въ сравнительно небольшой мѣрѣ и множественность не препятствуетъ полнотѣ сознательно-разумнаго воспоминанія, особенно когда это воспоминаніе относится къ своему предмету свободно,—изъ многаго воспроизводитъ не все, а что угодно. И всякое, по содержанію весьма полное, воспоминаніе не обнимаетъ совершенно всей полноты своего предмета. Эвальдъ не опредѣляетъ степень и мѣру этой множественности, на которую онъ такъ строго обращаетъ свое вниманіе; а если имѣть въ виду, что содержаніемъ нашихъ именно первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій вмѣстѣ и каждаго отдѣльно было относительно не очень много матеріи: то съ отсутствіемъ множественности не остается основанія признать данную трудность при образованіи разсказовъ, составляющихъ содержаніе собственно каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки. Если всякій обыкновенно-развитой человѣкъ можетъ хранить въ своей памяти, хотя и не вполнѣ понимать, напримѣръ, исторію войны съ начала и до конца, процессъ судебнаго дѣла, какое либо общественное происшествіе и вообще событія весьма интересныя и важныя для него, особенно-вліятельныя на его жизнь; то тѣмъ болѣе Апостолы долж-

---

59) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 121—122.

60) Это хорошо извѣстно было еще Аристотелю. См. Ученіе Аристотеля «о душѣ». Ѳ. Зеленогорскаго. С.п.б. 1871. Стр. 53—58.

ны были и могли хранить въ своей памяти исторію Спасителя, признаннаго ими за Сына Божія.

Если и не вполнѣ поняты были всѣ дѣла Христовы Его ученикамъ; то это нисколько не говоритъ въ пользу мнѣнія Эвальда: ибо съ его точки зрѣнія матерія Ев. исторіи на первый разъ должна быть въ видѣ отдѣльныхъ разсказовъ; а не понятною она могла быть только при общемъ и связномъ обозрѣніи ея, когда смыслъ каждаго отдѣльнаго историческаго обстоятельства—въ прагматической связи всей исторіи—становился болѣе глубокимъ и важнымъ. Но и такой смыслъ можетъ быть понятъ, хотя и не во всемъ его совершенствѣ. А если при этомъ отдѣльныя происшествія Ев. исторіи были ясно-очевидны, производили достаточно сильное впечатлѣніе и потому дѣлались отчетливо-понятными; то они удобно могли быть содержаніемъ историческаго воспоминанія.

По теоріи, еще труднѣе, нежели дѣла Господа, можно было сохранять въ памяти рѣчи Его—„по ихъ бездонной глубинѣ и недозримой высотѣ". То и другое не было однако препятствіемъ къ запоминанію и воспоминанію ихъ. Глубина смысла рѣчей Іисуса Христа бездонная, но Апостолы и не должны были прозрѣть эту глубину во всей ея безконечности. Это было бы страннымъ притязаніемъ ихъ разума, ограниченнаго еще въ пониманіи предметовъ и не столь глубокихъ (Лук. XVIII, 34): только „Духъ (Божій) все проницаетъ, и глубины Божіи (I Кор. гл. II, ст. 10)", а стремленіе понять премудрость Бога—Слова во всей ея глубинѣ и есть стремленіе къ испытанію именно глубины разума Божія. Не всю глубину, а въ извѣстной мѣрѣ глубокій смыслъ словъ и дѣлъ Спасителя, должны были и могли понимать Апостолы еще и до сошествія на нихъ Св. Духа [61]). Немыслимо, что-

---

61) Здѣсь рѣчь идетъ о пониманіи Ев. исторіи Апостолами до сошествія на нихъ Св. Духа въ день Пятидесятницы. Очевидно, Эвальдъ совершенно несправедливо опускаетъ изъ виду этотъ историческій фактъ и—воспроизведеніе

бы столь глубоко-премудрый Наставникъ говорилъ столь многія рѣчи такъ, чтобы ихъ не понимали усердные Его слушатели: иначе, какъ объяснить ихъ усердное вниманіе къ слушанію Его слова,—что́ несомнѣнно?—и, если Господь—Наставникъ видѣлъ въ Апостолахъ невниманіе и непониманіе, то какъ же Онъ Самъ продолжалъ учить?... Несомнѣнно, Онъ говорилъ всѣ рѣчи съ полною и ненапрасною увѣренностію, что Его понимаютъ; а если случалось, что слушатели не понимали премудрыхъ, иногда намѣренно прикровенныхъ, рѣчей Бога-Слова; то Онъ объяснялъ имъ приблизительно до ихъ пониманія въ тоже время или послѣ и такъ методично, какъ свойственно было только Ему, единственно величайшему Учителю міра въ безконечные вѣки. Несомнѣнно, Апостоламъ „дано было отъ Господа знать тайны царствія небеснаго!...“ (Мѳ. XIII, 11). Рѣчи Христа по содержанію были высоки, но Онъ принижалъ ихъ до дѣтскаго пониманія приточнымъ способомъ изъясненія ихъ; отвлеченнѣйшія идеи, глубочайшія по содержанію, Онъ излагалъ въ наглядныхъ картинахъ человѣческой жизни и дѣятельности. При такомъ способѣ наученія Апостолы едвали не понимали— конечно относительно-глубоко— даже и всѣхъ рѣчей Господа,—едвали, можно думать въ виду того, что притчу, напримѣръ, о сострадательномъ самарянинѣ (Лук. X, 30—37), понимаютъ и дѣти, хотя смыслъ и значеніе ея понятны относительно-полно только тѣмъ, кто знаетъ христіанскую любовь и состраданіе по собственному искреннему и неоднократному опыту. Смыслъ притчи весьма высокій, такъ какъ до него не додумались всѣ философы древности и законники народа іудейскаго (Лук. X, 24, 25 и 29); но въ этой притчѣ онъ

содержанія Ев. исторіи объясняетъ при помощи только естественныхъ способностей Евангелистовъ. Но такое невниманіе Эвальда ни сколько не благопріятствуетъ его стремленію: несправедливость игнорированія такого событія, какъ сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, обличается сама собой при тщательномъ разборѣ его теоріи.

такъ приспособленъ къ пониманію, что доступенъ и сознанію сколько-нибудь развитыхъ дѣтей.

При подобномъ, относительно-глубокомъ, пониманіи рѣчей Господа едвали могло быть указанное Эвальдомъ затрудненіе къ памятованію и запоминанію, а потомъ и воспроизведенію ихъ,—едвали, потому что и самъ Эвальдъ признаетъ „неоспоримымъ то, что нѣкоторые цвѣты, какъ и нѣкоторыя остроты рѣчей Христовыхъ, рано, отчасти съ злымъ намѣреніемъ, отчасти и безъ онаго, были поняты въ худую сторону: Мѳ. XXVI, 61, Мр. XIV, 58. Іоан. II, 19. Мр. VI, 8. Мѳ. X, 10. Лук. IX, 3.“[62])— Но эти примѣры не идутъ собственно къ дѣлу, потому что вопросъ не касается такого или инаго (злоумышленнаго) пониманія, а именно—того: могли-ли слова и дѣла Господа, какъ бы то ни понятыя, быть предметомъ дѣйствительнаго воспоминанія и потомъ матеріей разсказовъ Ев. исторіи. А этого-то и не выясняютъ указанные примѣры, потому что они, представляя истинное и ложное пониманіе, утверждаютъ только то, что всячески понятыя рѣчи могли долго оставаться въ памяти слышателей. Эти представленные примѣры показываютъ, что Евангелисты хранили въ памяти и потомъ воспроизводили даже и то, чтó и какъ было воспринято другими лицами; тѣмъ болѣе они могли сохранить въ своей памяти свои личныя впечатлѣнія и наблюденія, которыя, естественно, легче воспроизвести, чѣмъ мысли и чувства фарисеевъ и подобныхъ имъ лицъ. И если въ памяти Апостоловъ, фарисеевъ и другихъ лицъ могло сохраняться плохо понятое, то могло также сохраниться въ ней и правильно понятое, много разъ намѣренно разъясненное Господомъ и чрезъ это разъясненіе выставленное для особеннаго вниманія и болѣе отчетливаго пониманія слушателей (напримѣръ: Мѳ. XII, 46—50. XVII, 1—13. 22—23. XVIII, 1—5. VIII, 19—22;

---

62). Jahrb. d. b. W. 1848. S. 121—122.

и всѣ притчи). Несомнѣнно,
которыя, по теоріи, запоми
ми, становились предметомъ
что признавались важными в
ношеніи и—ради своей важ
нанія и твердаго памятованія.
поминанія изреченій Спасите
то важности не чужды были
сознанію Его послѣдователей
орія. Слѣдовательно, доволь
лей Спасителя стали сохраня
изреченія, какъ важныя по
личныхъ лицъ въ различныхъ

Рѣшительный фактъ пр
пода Его Апостолами есть
существованіе многихъ изъ
высотою и глубиною—въ на
Евангеліяхъ отъ Матѳея, М
потому, что и самъ Эвальдъ
нятый смыслъ ихъ, если онъ
противнаго только нѣкоторы
XXVI, 61. Мр. XIV, 58 и
понятыя или непреднамѣрен
судитъ о глубокомъ смыслѣ
геліямъ, въ которыхъ они за
наконецъ, что самъ онъ С
знаетъ подлиннымъ трудомъ
весьма точно соотвѣтствуютъ
мимъ Спасителемъ, какъ ут
тельно, пониманіе и запомин
глубинѣ и высотѣ было; а
произведенія, а потомъ и
торіи, не было.

Если же безъ всякихъ до
ное, что всѣ, указанныя Эва
зованіи Ев. исторіи дѣйстви

нѣнно, всѣ изреченія Іисуса Христа,
запоминались съ различными цѣля-
метомъ воспоминанія только потому,
ными въ какомъ-бы то ни было от-
ей важности—достойными воспоми-
тованія. Слѣдовательно, основаніе за-
Спасителя есть ихъ важность. А этой-
ы были и всѣ изреченія Господа, по
вателей, что̀ признаетъ и сама те-
довольно рано въ памяти слушате-
сохраняться по возможности всѣ Его
ыя по своему содержанію,—для раз-
ичныхъ отношеніяхъ.
актъ противъ непониманія рѣчей Гос-
и есть положительное историческое
ъ изъ нихъ съ соотвѣтственною имъ
—въ нашихъ трехъ каноническихъ
тѳея, Марка и Луки,-положительное
Эвальдъ не отрицаетъ правильно по-
сли онъ представляетъ въ примѣръ
ѣкоторыя изреченія Христовы: Мѳ.
58 и пр., умышленно неправильно
намѣренно; потому что и онъ самъ
смыслѣ рѣчей Христовыхъ по Еван-
они записаны Апостолами; потому,
онъ Собраніе изреченій при-
рудомъ Ап. Матѳея, гдѣ всѣ рѣчи
ствуютъ устно произнесеннымъ Са-
акъ утверждаетъ Эвальдъ. Слѣдова-
запоминаніе рѣчей Господа при ихъ
ло; а потому трудности для ихъ вос-
омъ и образованія матеріи Ев. ис-

кихъ доказательствъ принять за вѣр-
ныя Эвальдомъ, трудности при обра-
дѣйствительно существовали, именно:

значительно великій періодъ закры
обычайность и поразительность фа
численность и разнообразіе дѣлъ
шой періодъ времени, глубина и
ля,—все это были дѣйствительныя
ности; то прямо и необходимо слѣ
тельно не могло образоваться мате
что этими трудностями ея образов
благопріятныя тому условія. Если
не слыхалъ того, что было, или ви
старался запомнить, но въ тоже врем
нечно, такой человѣкъ ничего н
томъ, что предъ нимъ совершилос
утвердить за понятіемъ трудно с
ное его значеніе, дѣлаетъ чисто те
женіе примирительнаго свойства,—
ми ближайшими или дальнѣйшими
нечно, легко могли находиться и
торыхъ Его слова содержались вѣр
которые были способны вѣрнѣ
wiederzugeben fähig waren) ихъ; др
сматривать (näher beachtet) Его д
(entsprechender) передавать ихъ въ
дѣ; иные, не боясь проходить сел
рали полный циклъ воспоминаній

---

63) Jahrb. d. b. W. 1848.
эту преимущественную ссылку потому, что такія с
пониманіи, въ связи съ предыдущимъ, составляют
тиворѣчіе одному изъ самыхъ главныхъ положені
характеръ синоптиковъ обусловливается трудностя
прямо говорится: es müsten jawohl unte
weitern Schülern Christi nun auc
finden in deren Herzen Seine
tet und die sie getreuer wiederzuge
Эти слова въ теоріи слѣдуютъ непосредственно за
ворится, что могли сохраниться нѣкоторые отрыв

закрытой дѣятельности, не-
сть фактовъ открытой, много-
дѣлъ въ сравнительно неболь-
ина и высота рѣчей Спасите-
ельныя и значительныя труд-
мо слѣдуетъ, что уже рѣши-
ся матеріи Евангелій; потому
образованія исключались всѣ
. Если человѣкъ не видалъ и
или видѣлъ, но не запомнилъ,
же время непонималъ; то, ко-
чего не могъ и разсказать о
ршилось. Но Эвальдъ, желая
дности собственное и точ-
исто теоретическое предполо-
ства,—то, что „между многи-
йшими учениками Христа, ко-
ься и такіе, въ сердцахъ ко-
ись вѣрнѣе (treuer gehaftet) и
вѣрнѣе передавать (getreuer
ихъ; другіе могли ближе раз-
Его дѣла и соотвѣтственнѣе
ихъ въ свойственномъ имъ ви-
ить селенія и хижины, соби-
инаній о Его дѣлахъ“ 63).

1848. S. 122. Дѣлаемъ намѣренно
о такія слова Эвальда, при точномъ ихъ
оставляютъ прямое и неразрѣшимое про-
положеній его теоріи, что компилятивный
трудностями образованія Ев. матеріи. Здѣсь
l unter d. vielen engern oder
n auch solche sich l e i c h t
eine Worte t r e u e r gehaf-
erzugeben fähig waren u. s. w.
ственно за предыдущей выдержкой, гдѣ го-
ые отрывки рѣчей Христовыхъ въ памяти

Могли-ли и находились-ли дѣйствительно такіе Евангелисты?—вотъ естественно возникающій вопросъ при сознаніи трудностей, предполагаемыхъ Эвальдомъ при образованіи матеріи Ев. исторіи.

Какъ могли быть такіе „близкіе и далекіе ученики" Господа, когда „отнюдь ихъ такъ рано не было,"—по утвержденію самого же Эвальда? и какъ между учениками Его могли сохраниться желаніе и способность (Fähigkeit) содержать въ памяти то, что совершалъ Господь, если это желаніе поддерживалось „посторонними, которые вступали въ общество вѣрующихъ [64])",—если такая способность находила для своей дѣятельности многія препятствія, какъ бы парализовалась многими трудностями при своемъ проявленіи?—Если и были такіе близкіе и такъ способные ученики, то какъ же, однако, могли въ ихъ сердцахъ вѣрнѣе содержаться слова Господа, если эти слова по своей бездонной глубинѣ и недозримой высотѣ были выше пониманія многихъ слушателей?—Многіе изъ учениковъ Господа могли вѣрнѣе, нежели посторонніе, хранить въ своемъ сердцѣ слова Его; но какъ,—понимая или не-понимая?—Если—понимая, то нѣтъ нужды и говорить о непониманіи многихъ, какъ трудности для запоминанія и воспоминанія Ев. событій и словъ Господа, какъ препятствіи образованію матеріи Ев. исторіи; такъ какъ, поэтому, многіе сохраняли все это не только вѣрно (treu), но и вѣрнѣе (treuer), нежели другіе. Такую возможность имѣли одни изъ учениковъ Христовыхъ относительно именно изре-

---

разныхъ лицъ и по различнымъ побужденіямъ. А нѣсколько выше Эвальдъ, въ противорѣчіе со всѣмъ этимъ, говоритъ именно такъ: „denn die Zwölf verhältnissmässig nicht einmal so früh die näheren Schüler Christi wurden, wird unten gezeigt werden (Jahrb. 1848. S. 121).—Кто же были vielen engern Schulern Christi, in deren Herzen Seine Worte treuer gehaftet waren?—

64) Jahrb. 1848. S. 119.

ченій Его; а другіе ближе разсматривали дѣла его: значитъ, эти или сами были свидѣтелями ихъ, или слышали о нихъ отъ очевидцевъ, и—прямо понятно—такіе Евангелисты безъ трудностей для себя могли образовать матерію Ев. разсказовъ. Для нихъ не существовало трудностей времени, непониманія высоты и глубины рѣчей, а былъ только трудъ собиранія; но трудъ—не препятствіе. Наконецъ, существованіе тѣхъ и другихъ учениковъ прямо устраняетъ предположеніе, что были еще нѣкоторые, путешествовавшіе по селеніямъ и хижинамъ и тамъ собиравшіе матерію Ев. исторіи. Само по себѣ это предположеніе ничего не говоритъ ни о трудностяхъ, ни объ удобствахъ собственно первоначальнаго образованія матеріи Ев. разсказовъ и рѣчей; а въ связи съ другими удобствами оно не нужно, чтобы признать безпрепятственную возможность такого образованія; и во всякомъ случаѣ оно скорѣе говоритъ о томъ, что путешествующіе Евангелисты (Reiseevangelisten) легко могли образовать матерію Ев. исторіи.

Предположеніе такого рода Евангелистовъ вызвано предположеніемъ трудностей; но какое же, однако, изъ этихъ двухъ предположеній должно быть признано первымъ, обусловливающимъ другое логически и на самомъ дѣлѣ? Это зависитъ отъ рѣшенія вопроса: откуда и насколько извѣстно, что были трудности при первомъ образованіи матеріи Ев. разсказовъ и рѣчей? Само Четвероевангеліе и все Св. писаніе Новаго Завѣта ничего на это не говоритъ, также нисколько и преданіе вселенской церкви. Слѣдовательно, предположеніе трудностей, выше разсмотрѣнныхъ, есть чисто теоретическое. Но если примѣнить его къ фактически данному характеру синоптиковъ, то оказывается, что въ немъ нѣтъ ни одной черты, сколько нибудь говорящей за трудности его изображенія и—составленія синоптиковъ. Напримѣръ, Эвальдъ предполагаетъ трудность пониманія высоты и глубины изреченій Спасителя; но откуда ему извѣстно, что эти изре

ченія были „бездонно-глубоки и недозримо-высоки по своему смыслу"?—конечно,—изъ содержанія этихъ же изреченій, находящихся въ синоптикахъ. А если такъ, то слѣдуетъ, что изреченія Спасителя могли быть, какъ и дѣйствительно были, воспроизведены Евангелистами въ ихъ высотѣ и глубинѣ. Если такъ, то что же указываетъ на трудность ихъ такого соотвѣтственно-полнаго воспроизведенія?—ничто. Слѣдовательно, нѣтъ основанія и даже повода думать о трудностяхъ составленія Ев. исторіи, а потому и о разнаго рода Евангелистахъ. Не только одно предположеніе (трудностей) не нужно для другаго (Евангелистовъ); но и оба вмѣстѣ излишни. А если по фактически данному характеру синоптиковъ нѣтъ побужденія и основанія предполагать трудности для ихъ образованія; то это вполнѣ соотвѣтствуетъ предварительно разсмотрѣнному признанію Эвальда, что „между многими ближайшими или дальнѣйшими учениками Христа должны быть, даже легко могли быть, и такіе, въ сердцахъ которыхъ слова Его сохранялись вѣрнѣе, нежели въ другихъ, и которые были способны передавать ихъ точнѣе. Еще вѣрнѣе и прямѣе должно сказать тоже по отношенію къ дѣламъ Христовымъ, судя по ихъ объективнымъ свойствамъ. Слѣдовательно, указанныхъ доселѣ трудностей въ образованіи матеріи Ев. разсказовъ въ дѣйствительности не было.

Это заключеніе, рѣшительное въ отношеніи къ чисто-теоретическимъ соображеніямъ Эвальда о трудностяхъ, однако, подвергается нѣкоторому ограниченію. Онъ утверждаетъ, что „существованіе разнаго рода способныхъ учениковъ Христовыхъ не мѣшаетъ ясному представленію того, какъ трудно было хотя-бы только собрать всѣ воспоминанія, потомъ тщательно просмотрѣть, провѣрить (sichten) и, наконецъ, привести ихъ въ соотвѣтствующій связный порядокъ".—Послѣднее могло быть трудно; но дѣло идетъ не о приведеніи въ порядокъ и расположеніи въ ряды различныхъ воспоминаній; а о собираніи

и образованіи матеріи Ев. разсказовъ и рѣчей. Простое заявленіе здѣсь о трудности собиранія, какъ только простое повтореніе фразы, ничего не значитъ: „было трудно собирать...“ но въ томъ-то и дѣло—почему же именно было трудно? Если дѣйствительно были ученики Господа вѣрнѣе, нежели кто другой, сохранявшіе рѣчи Его въ своемъ сердцѣ; то для нихъ нигдѣ и ни въ чемъ не встрѣчались трудности, предполагаемыя теоріей.

Отсюда и теперь возникаетъ дилемма, рѣшающая, наконецъ, вполнѣ вопросъ о первыхъ трудностяхъ. Или указанныя Эвальдомъ трудности дѣйствительно были въ такомъ видѣ и въ такой степени, и тогда они являются полнѣйшими препятствіями, подавляющими дѣятельное образованіе матеріи Ев. разсказовъ и рѣчей: или эти трудности совершенно преодолимы противоположными имъ удобствами, и тогда они становятся недѣйствительными. Въ этой дилеммѣ то и другое положеніе равно доказаны Эвальдомъ, а потому она представляетъ въ себѣ прямое противорѣчіе и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное опровержені основаннаго на ней взгляда относительно трудностей образованія и—компилятивнаго характера синоптиковъ.

Не имѣя въ виду полнѣйшаго противорѣчія въ своихъ чисто-теоретическихъ предположеніяхъ о трудностяхъ, Эвальдъ, на основаніи предполагаемой при томъ возможности—составлять Ев. исторію, развиваетъ свою теорію далѣе и, въ-частности, говоритъ о возникновеніи связныхъ разсказовъ.—По его мнѣнію, образованіе разсказовъ въ связи было дѣломъ снова труднымъ даже и для тѣхъ учениковъ Христовыхъ, которые способны были хранить въ своей памяти и передавать другимъ рѣчи Христовы. Совершенно непонятно, однако, почему же отъ редакціи такихъ способныхъ Евангелистовъ (fähig wieder zugeben), какихъ Эвальдъ предполагаетъ въ возможности, могли выходить только отрывочные разсказы и—послѣ они должны были явиться уже въ связи. Если, по взгляду Эвальда, „духъ времени и образованіе народа,

которому современно возникновеніе Евангелій, склонялись болѣе къ строжайшему соединенію отдѣльныхъ обстоятельствъ и къ изложенію ихъ во внутренней связи" [65]); то почему же этому направленію своего времени не удовлетворяли вполнѣ первые образователи Ев. разсказовъ?—Этому препятствовало „сильно-возбужденное стремленіе (Drang) въ первое время христіанства, недопускавшее обстоятельнаго приготовленія (Anstalt) и приспособленія (Zurüstung) къ тому, никакого простаго (bloss) накопленія историческаго матеріала для произвольнаго употребленія его, отвѣчаетъ теорія" [66]). Но и безъ особаго приготовленія могла образоваться матерія разсказовъ въ связи, какъ матерія всякой, болѣе или менѣе точной и соотвѣтственно-полной исторіи,—въ мысли сосредоточеннаго автора ея. Если матерія Ев. разсказовъ, въ извѣстномъ количествѣ, могла быть собрана и безъ особыхъ приготовленій; то соотвѣтственно могла быть такъ же и связь въ ней. Если сильно-возбужденное стремленіе въ первое время христіанства не могло препятствовать воспоминанію фактически данной матеріи Ев. разсказовъ, то —и логическому обдумыванію оной и составленію связныхъ Ев. разсказовъ при соотвѣтственномъ воспоминаніи дѣйствительныхъ событій. Отсюда—дилемма: или въ первое время христіанства стѣснено было изложеніе Ев. разсказовъ въ связи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стѣснена была этого рода умственная дѣятельность вообще и самое собираніе историческаго матеріала; или—не было такого подавляющаго стѣсненія въ то время, а потому была возможность въ извѣстной мѣрѣ связно мыслить матерію Ев. разсказовъ. Если же собираніе матеріи ихъ дѣйствительно было и при немъ необходима была даже критическая работа мысли (sichten); то вмѣстѣ съ тѣмъ должно допустить и логически связное составленіе разсказовъ. Иначе,

---

65) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 123.
66) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 123.

какому требованію и какъ могло удовлетворять такое простое скучиваніе историческаго матеріала въ видѣ отдѣльныхъ, стоящихъ независимо другъ отъ друга, безсвязныхъ разсказовъ?—Оно, по мысли Эвальда, должно было удовлетворять потребностямъ тѣхъ новыхъ членовъ, кои постепенно вступали въ церковь и желали знать о Спасителѣ. Но надлежащаго о Немъ познанія по отдѣльнымъ дѣламъ и изреченіямъ Его, безъ ихъ связи и смысла, по крайней мѣрѣ безъ надлежащаго значенія ихъ, не могло быть; а если было, то—крайне одностороннее, далеко неудовлетворительное для потребностей новыхъ христіанъ.

Такую неудовлетворительность за этимъ знаніемъ признаетъ и самъ авторъ теоріи, когда говоритъ, что „въ первыхъ опытахъ отдѣльныя воспоминанія оставались безъ связи одно съ другимъ; а въ послѣдующихъ они должны были скоро явиться въ возможно большой связи, съ чѣмъ вмѣстѣ должны были окончиться и самые опыты такого рода“. 67) Почему—„скоро“? причины этого Эвальдъ не указываетъ; но это могло быть единственно потому, что первые опыты собиранія безсвязныхъ разсказовъ были неудовлетворительны; тѣмъ не менѣе, по теоріи, сначала явились эти неудовлетворительные опыты собранія безсвязныхъ разсказовъ.

Но почему же нужно предполагать раздѣльное появленіе сначала безсвязныхъ, а потомъ связныхъ разсказовъ?—на это нѣтъ въ теоріи никакого прямаго отвѣта. Если и говоритъ Эвальдъ, что образованіе связныхъ разсказовъ „не могло быть достигнуто только чрезъ возможно точное воспоминаніе о всѣхъ отдѣльныхъ обстоятельствахъ“ 68); то этимъ „не могло“ ничего не доказывается: собраніе матеріи Ев. разсказовъ и связное обра-

---

67) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 123.
68) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 123

зованіе ихъ могли быть одновременны. „Если бы, съ сомнѣніемъ замѣчаетъ далѣе Эвальдъ, это даже и было возможно, то какъ могло быть достигнуто тоже относительно всѣхъ отдѣльныхъ словъ (d. einzelnen Worte) Христа, какъ они могли быть переданы соотвѣтственно своимъ мѣстамъ и временамъ, гдѣ и когда они были сказаны,—переданы точно въ ихъ отдѣльности"? [69])—Очевидно, невозможность точнаго воспроизведенія словъ предваряется здѣсь трудностію воспроизведенія въ связи дѣлъ Христовыхъ; отсюда—возможность предварительнаго воспроизведенія фактовъ тѣмъ болѣе и скорѣе, чѣмъ болѣе и скорѣе возможность послѣдующаго воспроизведенія. Слѣдовательно, если можно было воспоминать слова, то тѣмъ скорѣе еще факты; но слова легко возможно было воспроизводить, и даже независимо отъ дѣлъ, какъ самъ же Эвальдъ говоритъ при этомъ: „отдѣльныя слова, выразительно произнесенныя кстати, легко напечатлѣваются такъ глубоко, что они въ сотни сердецъ остаются почти одинаково твердыми и незабвенными" [70]).—Это и есть прямой и удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, какъ могли всѣ отдѣльныя слова быть воспроизведены въ связи. Если такъ „глубоко внѣдряются отдѣльныя слова въ сердцахъ тысячи людей", то—тѣмъ удобнѣе воспроизвести ихъ, хотя бы и не всѣ въ совершенной полнотѣ, но въ достаточной связи.

Удовлетворительность отвѣта, такъ даннаго Эвальдомъ самому себѣ, повидимому, нѣсколько уменьшается при томъ слѣдующемъ соображеніи его, что не могли быть также твердо незабвенны время и обстоятельства, а съ ними и вся великая связь рѣчей, когда и какъ они были большею частію произнесены первоначально Самимъ Господомъ [71]). Здѣсь воспроизведеніе связи рѣчей постав-

69) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 123—124.
70) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 124.
71) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 124.

ляется въ прямое отношеніе съ трудностію воспроизведенія обстоятельствъ, при которыхъ они произнесены; а эта трудность удовлетворительно не доказана: почему же не могли быть твердо незабвенны обстоятельства?—Изъ возможности точнаго воспроизведенія отдѣльныхъ изреченій, внѣдрявшихся въ сердцахъ тысячи людей, прямо слѣдуетъ менѣе трудное воспроизведеніе временъ и обстоятельствъ—когда и почему они сказаны; такъ какъ удобнѣе вспомнить, при какихъ обстоятельствахъ было сказано извѣстное слово, нежели—что́ именно сказано; тѣмъ болѣе, что обстоятельства эти нужно было припоминать не во всей ихъ обстоятельности и подробности. Еще удобнѣе было воспоминать слова и дѣла Христовы во взаимной связи: за это говоритъ понятно и достаточно психологическій законъ ассоціаціи представленій.

Еслиже, на-оборотъ, принять, что воспроизведеніе обстоятельствъ и рѣчей Христовыхъ въ ихъ связи не объясняется психологической ассоціаціей въ самомъ процессѣ воспоминанія; то, при всѣхъ прежде указанныхъ трудностяхъ, уже ничто не могло возстановить такой связи ихъ; но для устраненія этой невозможности Эвальдъ указываетъ на особаго рода творческую дѣятельность, хотя—безъ достаточнаго основанія.

При такомъ указаніи можно разсматривать только участіе этого предполагаемаго новаго творчества въ образованіи связныхъ разсказовъ,—что и какъ оно производило. „Относительно особенныхъ свойствъ и послѣдованія нѣкоторыхъ главныхъ фактовъ Ев. исторіи, по словамъ Эвальда, никогда не господствовало сомнѣніе: вопросъ могъ быть только въ томъ, какъ могли весьма удобно и правильно составляться въ связи столь отдѣльныя воспоминанія; относительно этого могли господствовать различные взгляды“ 72). Отсюда,—если было возможно первое, то конеч-

72) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 124.

но возможно было и второе.—Такъ, если воспоминалась одна бесѣда Спасителя, напримѣръ, о значеніи Субботняго дня, то естественно вмѣстѣ съ тѣмъ припоминалась и другая бесѣда того же содержанія; или—припоминая исцѣленіе разслабленнаго въ овчей купели, Евангелистъ легко припоминалъ и многія другія дѣла Спасителя въ Субботу. Одно изъ такихъ дѣлъ объясняло и многія другія съ нравственно-законной стороны—въ воспоминаніи о нихъ.

Если легко воспроизводились въ связи главныя обстоятельства изъ жизни Господа, то съ ними удобно соединялись въ воспоминаніи и второстепенныя, а при связи дѣлъ и обстоятельствъ уже легко могли „вставляться" въ связи съ ними и между собой рѣчи Господа. По видимому, не такъ удобно соединялись въ связи отдѣльныя слова (Worte) Христовы, потому что „слова Его, которыя еще твердо хранились въ воспоминаніи, должны были въ возможной степени соединиться съ надлежащими обстоятельствами и временами, при которыхъ они произнесены и, при изложеніи ихъ, размѣщаться въ правильномъ порядкѣ,—тогда только они могли давать самый ясный смыслъ; ибо чему училъ Христосъ намѣренно, а не по случаю, имѣло въ свое время, когда Онъ училъ, свой самый точный и ясный смыслъ" [73]).—Но если такое отношеніе словъ Христовыхъ къ соотвѣтственнымъ ихъ обстоятельствамъ дѣйствительно было, то оно само по себѣ было повтореніемъ и напоминаніемъ ихъ и служило, конечно, къ прочному усвоенію и воспроизведенію связной матеріи Ев. разсказовъ и рѣчей. А если нѣкоторыя слова Христовы должны были относиться къ будущимъ происшествіямъ и временамъ; то съ наступленіемъ въ исторіи христіанства этихъ временъ, о коихъ говорилъ Спаситель и когда должны были осуществляться Его слова, возстановлялась, вмѣстѣ съ тѣмъ, и связь ихъ, общая конечно,

---

73) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 124.

выяснялся точный смыслъ словъ и дѣлъ Христовыхъ (Лук. XXI, 20. Мр. XIII, 14. Мѳ. XXIV, 15 и под. ср. Апок. XI, 2—13).

При такой возможной исторической ассоціаціи словъ и дѣлъ Господа представляется сомнительнымъ отрицаніе возможной связи ихъ при воспоминаніи. Хотя теорія за вѣрное признаетъ, что „сопоставленіе и сочетаніе словъ и времени ихъ произнесенія вообще не было легкимъ"; но она не показываетъ, почему же, однако, это было такъ не легко. Было или не было въ сочетаваемыхъ словахъ указаніе времени, къ коему они относились въ сочетаніи, этого не опредѣляетъ Эвальдъ; а трудность сочетанія словъ и временъ конечно была бы лишь только тогда, когда въ словахъ не было-бы указанія времени, къ коему они относились; но этого нельзя допустить, потому что по теоріи предполагается связь тѣхъ и другаго, которая въ мышленіи должна основываться именно на этомъ указаніи времени, содержащемся въ самыхъ словахъ Спасителя (Мѳ. VIII, 5—13. IX, 18—26. X, 5—42 и пр. под.). И тотъ, сюда же по теоріи относимый, фактъ, что „часто еще въ теперешнихъ Евангеліяхъ нѣкоторыя основныя слова и мысли находятся то въ той, то въ другой связи (Мѳ. VII, 7—10; XVIII, 19. Мр. XI, 24. Мѳ. XVII, 20. XXI, 22. Мр. XI, 23. Лук. XVII, 6)" [74]), не показываетъ и совершенно не доказываетъ трудности въ воспроизведеніи связи словъ и временъ, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Извѣстныя мысли и слова могли стоять въ разной и разнообразной связи съ различными обстоятельствами и временами; но трудно ли было поставить ихъ въ связи, когда очевидно, что они уже соединены и даже разнообразно?—очевидно, нѣтъ. Эвальдъ не доказалъ напередъ, чтобы такого разнообразнаго сочетанія мыслей и словъ съ временами и обстоятельствами не могло быть въ рѣ-

---

74) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 124.

чахъ Самого Спасителя, и—была-ли трудность въ такомъ сочетаніи для самихъ составителей—Евангелистовъ? За это, какъ и противъ того, по крайней мѣрѣ, ничего не говоритъ и не можетъ говорить Эвальдъ, ибо онъ не можетъ анализировать содержаніе сознанія самихъ, такъ давно бывшихъ, составителей. А желаемая связь должна быть, потому что всѣ слова должны были соединяться съ надлежащими обстоятельствами и временами, иначе не могло быть въ нихъ полнаго смысла; слѣдовательно, и быть ихъ не могло. Связь ихъ могла быть безъ сомнѣнія удобно, потому что „весьма разумную и при томъ въ высшей степени сложную матерію всякаго воспоминанія—одинаково, какъ слова, такъ и мысли—способнѣйшій ученикъ (Христа) могъ полно и глубоко воспринять и въ теченіе года (?) вложить въ свой собственный смыслъ и развивать такъ, что то и другое наконецъ появлялось у него опять, какъ болѣе или менѣе цѣльное новое твореніе въ силѣ и законченномъ единствѣ, и тотъ духъ, изъ котораго возникли впервые въ дѣйствительной исторіи твердѣйшее единство и единственная возвышенность, и которыя теперь во второй разъ явились перерожденными въ творчески изъясненномъ видѣ“[75]).—Такъ самъ Эвальдъ отвѣчаетъ на вопросъ объ удобствѣ возникновенія въ связи составленныхъ рѣчей Христа и обстоятельствъ Его жизни и дѣятельности, съ его точки зрѣнія—удовлетворительно.

Такое рѣшеніе прямо и рѣшительно противорѣчитъ общему взгляду Эвальда въ отношеніи трудностей и потому благопріятствуетъ обратному взгляду, представляющему не труднымъ образованіе Ев. разсказовъ и рѣчей. Рѣшеніе вопроса о сравнительно-нетрудномъ образованіи Ев. разсказовъ и рѣчей зависитъ отъ предположенія „способныхъ учениковъ“—слушателей и очевидцевъ Господа.

---

75) Jahrb. 1848. S. 124—125.

А это предположеніе не оправдано въ теоріи Эвальда. Онъ не указалъ ни одного именно такого способнаго ученика, какъ личность исторически-дѣйствительную, не подтвердилъ исторической дѣйствительностію свою чисто-теоретическую только возможность. А указать это нужно было въ виду прежде выставленныхъ въ теоріи трудностей, препятствующихъ появленію такого способнѣйшаго человѣка, который бы могъ воспринять полно и глубоко слова и мысли Спасителя, чтобы потомъ возсоздать цѣлое, новое твореніе (!!) въ законченномъ единствѣ. Какъ могла явиться такая личность, которая была бы способна къ тому во время образованія Ев. матеріи,—въ первое время христіанства,—если дѣятельность Христова и для нея, какъ и для всѣхъ, была закрытою, а открытая была весьма мало извѣстною или производила впечатлѣніе только нѣкоторой своей стороной (Hauptsache),—если и для такой личности было бездонно-глубоко и недозримо-высоко содержаніе рѣчей Господа?—неизвѣстно. Отсюда—дилемма: или указанныя трудности не существовали для этой способной личности, или эта личность не могла существовать при такихъ трудностяхъ. Эвальдомъ доказано болѣе въ пользу трудностей, ибо онъ для того ссылался даже и на историческія обстоятельства, когда говорилъ, что стремленіе первыхъ временъ христіанства давало возможность только скоплять историческій матеріалъ, но безъ разумной связи изреченій и дѣлъ,—въ видѣ отрывочнаго повѣствованія. Поэтому, согласно съ желаніемъ Эвальда, въ виду преимущественно доказанныхъ имъ трудностей въ образованіи Ев. разсказовъ, должно признать вѣроятнѣйшею вторую посылку дилеммы, чѣмъ исключается дѣятельность „способной личности“.

Очевидно, такъ „способная личность“, имѣющая возможность творчески возсоздать Ев. исторію, нисколько невѣроятно измышлена Эвальдомъ по требованію систематическаго развитія его теоріи. Но предположеніе о существованіи такой личности, независимо отъ своей вѣроят-

ности или невѣроятности, оказывается неумѣстнымъ и ненужнымъ, если „всегда съ совершенно особеннымъ участіемъ были разсказываемы слова и дѣла Христа, для которыхъ въ Апостольскій вѣкъ еще имѣлось, между прочимъ, предъ глазами живое свидѣтельство (напримѣръ: Мѳ. XVI, 13—28; Мр. X, 46 и п.)“ [76]). Слѣдовательно, не было трудностей и не требовалась личность особенно способная, которая бы устраняла ихъ, чего безъ нея будто-бы не могли сдѣлать другіе. А если этого не нужно было въ вѣкъ собственно Апостольскій, то тѣмъ болѣе при жизни самого Господа, когда еще болѣе было и повторялось такихъ очевидныхъ свидѣтельствъ (lebendigen zeugnisse). И, наконецъ, рѣшительно нѣтъ нужды предполагать такую личность для образованія дѣйствительной связи въ содержаніи собственно нашихъ каноническихъ Евангелій, гдѣ по большей части отсутствуетъ тѣсная (органическая) связь [77]).

Предполагаемое теоріей существованіе лицъ съ „новымъ творчествомъ“ имѣло ближайшею цѣлію объяснить происхожденіе связныхъ разсказовъ при многихъ трудностяхъ ихъ образованія, каждаго отдѣльно. Достиженіе цѣли было однако недостаточно; и это зависѣло не отъ средствъ, но отъ самой цѣли. Этимъ выясняется новое противорѣчіе Эвальдовой теоріи: она указываетъ цѣль, предполагаетъ средства, но въ тоже время признаетъ, что надлежащее осуществленіе поставленной цѣли не вполнѣ удовлетворительно. „Собраніе и связь отдѣльныхъ разсказовъ, продолжаетъ Эвальдъ, однако были напослѣдокъ недостаточны, хотя совершались весьма тщательно. Ибо

---

76) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 125. Эти слова Эвальда слѣдуютъ непосредственно за приведенными выше.

77) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 124.—Это тѣмъ болѣе справедливо съ точки зрѣнія самого Эвальда, что онъ, какъ увидимъ далѣе, обширныя рѣчи Ев. Матѳея: нагорную бесѣду, рѣчь противъ фарисеевъ (XXIII гл.) и п. не признаетъ органически-связными.

все, что дѣлалось и что разъ произошло отъ духа и смысла необыкновенно возвышеннаго Мужа (т. е. Спасителя), совершалось, однако, въ соотвѣтственной высотѣ и въ свойственной Ему настроенности,—въ особенномъ духовномъ вѣяніи, къ которымъ повѣствователь долженъ былъ приближать снова своего слушателя, если онъ желалъ своимъ разсказомъ вполнѣ достигнуть своей цѣли" [78]).—Какую именно цѣль здѣсь разумѣетъ Эвальдъ, этого онъ прямо не выражаетъ; но отъ этого, впрочемъ, не зависитъ правильное рѣшеніе вопроса—нужно-ли предполагать при изложеніи Ев. событій еще особый трудъ переставленія слушателя или читателя ихъ на высоту и живость самыхъ дѣйствій и обстоятельствъ дѣйствительной исторіи. Цѣль всякаго разсказа—сообщить вѣрныя черты явленія и правильный ходъ дѣла,—передать объективную истинность, правильность и полноту содержанія событія или предметъ дѣйствія вообще. А это зависитъ отъ достаточно точнаго воспроизведенія того, что́ было и ка́къ было слышано или наблюдаемо; а это—отъ живости впечатлѣнія, ясности сознанія при воспріятіи, энергической рефлекціи и правильной ассоціаціи при воспоминаніи воспринятаго. Такія психологическія условія образованія Ев. разсказовъ вообще даютъ право совмѣстить ихъ или, по крайней мѣрѣ, сопоставить, при всей высотѣ Евангельскихъ событій и отражающейся въ нихъ настроенности ихъ Виновника, съ обыкновенными и сравнить ихъ по объективно-точнымъ актамъ воспріятія и воспроизведенія событій вообще.

Какъ дѣйствовалъ возвышенный духъ Христовъ, какъ выражалось Его настроеніе въ дѣйствіи, насколько истинно, правильно и точно все это напечатлѣвалось въ наблюдателяхъ; такъ и настолько слѣдуетъ, можно и должно желать точности отъ воспроизведенія всего воспринятаго. Слѣдовательно, вопросъ о воспроизведеніи высоты и

---

78) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 125; ср. 126.

настроенности попреимуществу дѣятельнаго духа Господа, въ Его дѣлахъ и словахъ, сводится на точное, съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ отношеніяхъ, воспроизведеніе самыхъ дѣлъ и изреченій; а этимъ прямо и понятно рѣшается вопросъ о нетрудномъ переставленіи слушателя на такую высоту и подъ такую настроенность,—что̀ необходимо для надлежащаго осуществленія цѣли Ев. разсказовъ. Слѣдуетъ признать возможнымъ только точное наблюденіе дѣлъ Господа, чтобы безъ особеннаго труда воспроизвести ихъ въ возможно вѣрныхъ чертахъ и въ относительно совершенномъ смыслѣ и характерѣ. Этимъ уже отстраняется новая трудность въ образованіи Ев. разсказовъ,—по крайней мѣрѣ, какъ особая въ отношеніи къ предыдущимъ, какою ясно выставляетъ ее теорія.

Предварительные опыты въ образованіи Ев. разсказовъ были, по теоріи Эвальда, неудовлетворительны именно потому, что не содержали въ себѣ надлежащей высоты духа Христова и Его настроенности; это было для Евангелистовъ конечно извѣстною, но непреодолимою трудностію. Но уже эта неудовлетворительность дѣлаетъ сомнительнымъ отсутствіе духа Христова въ первыхъ опытахъ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, послужили бы такіе труды, въ коихъ не было высоты и настроенноти духа Христова? Они поэтому самому не достигали бы своей цѣли; а это, по меньшей мѣрѣ, значитъ, что они не были бы совершенны, законченны. Ихъ законченности и совершенству препятствовала бы трудность воспроизведенія высоты духа Христова; а эта высота требовалась самою цѣлію разсказовъ, особенно связныхъ; потому и эта трудность уже ощущалась при первоначальныхъ трудахъ по образованію матеріи Ев. разсказовъ и, слѣдовательно, была вмѣстѣ съ другими въ одномъ процессѣ одного и того же образованія. Въ самомъ дѣлѣ вѣрность факта равнялась точности воспоминанія его; а это есть основаніе для совмѣщенія трудности вѣрнаго воспоминанія съ трудностію соотвѣтственно-возвышеннаго воспроизведенія дѣлъ и словъ Хри-

ста Спасителя. Такъ совмѣщается трудность воспроизведенія возвышеннаго характера Ев. исторіи съ предыдущими трудностями ея образованія, но совмѣщается еще только отчасти, на основаніи только одной точности воспоминанія Ев. событій и рѣчей, и потому существованіе ея, какъ отдѣльной трудности, еще не исключается совсѣмъ и признаніе того, что высота духа Христова содержалась въ первыхъ трудахъ по Ев. исторіи дѣлается еще не вполнѣ логически основательнымъ.

Совмѣщеніе послѣдней трудности съ предыдущими и, чрезъ то, исключеніе ея въ такой же мѣрѣ, какъ особенной, указываетъ, однако, на существованіе ея, также отчасти, въ первыхъ трудахъ. Слѣдовательно, и преодолѣваніе ея совершалось вмѣстѣ съ другими—въ стремленіи Евангелистовъ—вѣрно воспроизвести дѣла и слова Христа, въ дѣятельномъ осуществленіи этого стремленія къ вѣрности, т. е. точности словъ и дѣлъ Его: гдѣ преодолѣвались трудности точнаго и вѣрнаго образованія Ев. разсказовъ, тамъ же необходимо вмѣстѣ преодолѣвалась и новая трудность относительно воспроизведенія высоты духа Христова.

Съ дальнѣйшимъ раскрытіемъ этой новой трудности, въ теоріи Эвальда, становится яснѣе нетолько сходство, но и тожество ея съ предыдущими.—Требовалось, чтобы „каждый отдѣльный отрывокъ разсказа содержался въ Ев. исторіи въ соотвѣтствующей ей высотѣ“. Это требованіе особенно возникало тамъ, гдѣ „матерія разсказа приводилась къ строжайшей цѣлостности,—тамъ необходимо высшій духъ долженъ былъ соединять отдѣльные члены въ одно твердо-связное тѣло и потомъ, если онъ былъ настолько силенъ, вѣяніе его должно было ощущаться въ каждомъ отдѣльномъ отрывкѣ разсказа“[79]). Такъ, возвышенный духъ, по требованію теоріи, долженъ былъ за-

---

79) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 126.

ключаться тамъ, гдѣ образовывалась связь разсказовъ и—пропорціонально этой связи, совокупляющей разсказы. Слѣдовательно, онъ долженъ быть и въ предыдущихъ трудахъ при вышеозначенныхъ трудностяхъ, такъ какъ тѣ представляли рядъ связныхъ разсказовъ,—долженъ быть, хотя въ меньшей степени и силѣ,—настолько именно, насколько тамъ была воспроизведена объективная сторона разсказа, въ которой такъ или иначе отражался первоначально животворящій духъ Господа съ Его собственною настроенностію. Въ отдѣльныхъ, вѣрно воспроизведенныхъ, разсказахъ должны были выражаться отдѣльные моменты душевнаго настроенія Господа, а въ связныхъ разсказахъ—перемѣняющееся, по обстоятельствамъ, все настроеніе и высота Его духа.

Воспроизведеніе объективной связи событій дѣйствительно можетъ дѣлать разсказъ о нихъ удовлетворительнымъ для его цѣли. Иначе разсказъ никогда-бы и не достигъ вполнѣ своей цѣли, если-бы не былъ совершенно точенъ—соотвѣтственно своему объективному содержанію. Слѣдовательно, и Ев. разсказы могли быть удовлетворительны для своей цѣли, если только Апостолы не затруднялись временемъ, множествомъ и смысломъ воспоминаемыхъ событій изъ жизни Христовой—что, по предыдущему, несомнѣнно. Слѣдовательно, трудность воспроизведенія Ев. событій, въ ихъ высотѣ, преодолѣвалась вмѣстѣ съ устраненіемъ предшествующихъ ей, какъ совмѣстная или—точнѣе—тожественная съ ними.

Основательно и справедливо можно сопоставлять и отождествлять послѣднюю трудность съ предыдущими, если принять, по теоріи, именно за трудность воспроизведеніе Ев. событій въ духѣ Христа—въ соотвѣтственной тому высотѣ и настроенности. Но сама по себѣ высота еще ничего не говоритъ за трудность; высоко-нравственное и высоко-религіозное можетъ быть легко доступно смыслу простаго человѣка, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ опыты христіанской науки и жизни. Воспріятіе вы-

сокихъ христіанскихъ идей весьма возможно для простаго сердца и здраваго смысла нормально, хотя и обыкновенно, развитыхъ людей. Они являются нерѣдко носителями высоко-нравственнаго духа божественно-мудрой и нравственно-святѣйшей христіанской религіи. Данная трудность можетъ зависѣть только отъ свойствъ самаго духа, которому принадлежитъ высота. Но точное опредѣленіе свойствъ духа Христова, конечно—по мѣрѣ возможности, представляетъ въ нихъ, наоборотъ, наилучшія средства преодолѣть всѣ другія трудности, представленныя теоріей.

Свойства духа Христова Эвальдъ опредѣляетъ, разумѣется, не вполнѣ совершенно, однако относительно вѣрно. По его словамъ—„никакой духъ, когда бы то ни было, не проходилъ надъ землей съ такимъ, твердо замкнутымъ, единствомъ, правильною послѣдовательностію и все мыслящій, говорящій и дѣлающій съ такою, свойственною ему только, силою и воздѣйствіемъ, со столь совершенною, незапятнанно-чистою возвышенностію, какъ духъ Христа. Этотъ, вполнѣ особенный, духъ, который вѣялъ въ каждой рѣчи Христа, никогда не могъ совершенно забыться въ воспоминаніи Его очевидцевъ-слушателей,—чтобы и воспоминаніе происходило въ томъ же родѣ, удерживало тотъ же духъ, сохранялось и никогда совершенно не затемнилось; и когда кто воспоминалъ о такихъ рѣчахъ (Христа) и представлялъ себѣ содержаніе ихъ въ наибольшей связи, тотъ долженъ былъ тогда чувствовать себя, что онъ поднятъ ими на свойственную имъ высоту, откуда они впервые живо вытекали и гдѣ опять могутъ быть достойно возсоединены, и, посредствомъ разсказовъ, вновь ожить. Вообще, никакой Ев. разсказъ не могъ легко оставаться въ забвеніи за высотой самаго Евангелія“ [80]).—

---

80) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 126. Здѣсь мы сознатель-

Если же таковы свойства духа Христова, то, очевидно, онъ при своей возвышенности не только могъ безпрепятственно быть воспроизводимъ, но и, при своихъ свойствахъ: единствѣ, послѣдовательности и силѣ, непремѣнно былъ дѣйствительнымъ, постояннымъ, вѣрнымъ и самымъ сильнымъ средствомъ для точнаго воспоминанія Ев. событій—противъ всѣхъ трудностей, потому, очевидно, что высота Евангелія Христова была настолько характеристична, что ни одинъ разсказъ, составленный въ духѣ Евангелія, не могъ остаться забытымъ,—онъ объединялся и закрѣплялся въ цѣломъ Ев. повѣствованіи. Слѣдовательно, уже не могла и возникнуть никакая діаметрально-противоположная тому трудность воспроизведенія отдѣльныхъ событій, въ ихъ надлежащей возвышенности. Самый духъ Христа, въ силу его свойствъ, побуждалъ и давалъ возможность постоянно и твердо помнить о Его дѣлахъ и словахъ, въ ихъ истинномъ видѣ и смыслѣ. Такое памятованіе поддерживалось постояннымъ высокимъ почтеніемъ къ Господу среди Его послѣдователей; а „безпредѣльное почтеніе и страстное желаніе, при которыхъ созерцали откровеннаго Христа и возвышенность этой полной исторической области (повѣствовательное Евангеліе) могли непроизвольно дѣйствовать такъ, что нѣкоторые отдѣльные небольшіе отрывки воспоминанія болѣе и болѣе присоединялись къ той же, разъ твердо поставленной, высотѣ и по ней мало по малу преобразовывались [81]". Такъ, безпредѣльнымъ почтеніемъ къ Господу твердо поддерживалось воспоминаніе о Немъ, а

но не разсматриваемъ подробно и еще нѣкоторыхъ очевидныхъ противорѣчій Эвальдовой теоріи, какъ напримѣръ: «воспоминающій долженъ былъ чувствовать себя поднятымъ на такую высоту, на которой стоялъ предметъ воспоминанія первоначально», тогда какъ эта высота была «недозримо-высока»... Какъ онъ могъ подняться на такую высоту, когда она-то и была главнымъ препятствіемъ воспоминанія? ужели воспоминающій одолѣвалъ это препятствіе въ силу этого же самаго препятствія?!...

81) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 126—127.

воспоминаніемъ твердо поддерживалось само почтеніе.—

Очевидно, отношеніе вѣрующихъ ко Христу и чрезвычайныя свойства Его духа могли служить главными условіями надлежащаго воспроизведенія, по воспоминанію, Его дѣлъ и словъ,—въ надлежащей ихъ высотѣ. „Очень твердо должно было бы образоваться такое возвышенное изъясненіе (Uerklärung) разъединенной повѣствовательной матеріи, въ такомъ случаѣ, если-бы она и напервый разъ была дана въ болѣе твердой связи: поэтому успѣхъ такого образованія Ев. разсказовъ еще далеко не достигалъ своего конца [82]).

При такомъ образованіи многоразличныхъ разсказовъ Ев. исторіи Эвальдъ, очевидно, даетъ широкое мѣсто произволу въ воспроизведеніи собственно высоты духа Христова. Изъясненіе, въ смыслѣ воспроизведенія оригинальнаго характера изъясняемой матеріи, стоитъ довольно близко къ субъективному пониманію ея, при чемъ, незамѣтно для автора (предполагаемой связной Евангельской исторіи въ частности), могутъ входить многія, чуждыя ей, черты и посторонній для нея смыслъ, если не основывать дѣло только на точномъ воспоминаніи нѣкогда воспринятой дѣйствительности. Иначе, что можетъ быть гарантіей противъ субъективизма въ изложеніи Ев. исторіи?—Эвальдъ, по видимому, отвѣчаетъ на это такъ: „въ теченіи долгаго времени ничего не вкралось совершенно безосновательнаго (несоотвѣтствующаго исторической дѣйствительности) и намѣренно несправедливаго, это— такъ: объ этомъ заботились уже многіе, другъ отъ друга независимые, очевидцы—свидѣтели, при этомъ охраняла Евангелистовъ и святость намѣренія, съ которымъ принимались и сохранялись всѣ отрывки этой (Евангельской) исторіи“ [83]). Понятно, что одна забота здѣсь не могла

82) Jbidem.
83) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 127.

ничего сдѣлать; вопросъ въ томъ,—эти заботливые очевидцы—свидѣтели дѣйствительно ли были въ состоянiи провѣрить всякую матерiю Ев. разсказа, какъ того требовали современное имъ направленiе и задачи исторической дѣятельности [84])? На это, повидимому, отвѣчаютъ самыя названiя ихъ: „очевидцы“ и „свидѣтели“,—но повидимому только, такъ какъ не за всякими очевидцами—свидѣтелями можно признать способность (Fähigkeit) воспроизводить матерiю Ев. разсказовъ, въ соотвѣтственной ей высотѣ и настроенности духа Христова, если эта высота была исключительною высотою единственнаго въ исторiи духа Христова, если, притомъ, воспроизвести этотъ духъ было трудно еще и по другимъ обстоятельствамъ дѣятельности Христовой. Дѣятельность Господа, по утвержденiю теорiи Эвальда, была сокрыта отъ Апостоловъ—Евангелистовъ или, по запрещенiю Спасителя, долго не была предметомъ ихъ разсказа. Составителямъ Ев. исторiи естественно должно было провѣрять разсказы другихъ лицъ, съ цѣлiю опредѣлить, согласно-ли извѣстное сказанiе съ духомъ Христа. Но опредѣлять такъ духъ Христовъ въ разсказахъ не было возможности для составителей устнаго Евангелiя: для этой цѣли они могли бы узнать все, до нихъ составленное, но только по частямъ касающееся Ев. исторiи, или свои воспоминанiя съ чьими либо сличить. Но такъ какъ постороннихъ лицъ, какъ такихъ же повѣствователей, по теорiи, не было и записей отдѣльныхъ разсказовъ изъ Ев. исторiи тоже не было; то очевидцамъ—свидѣтелямъ всякiй припоминаемый ими фактъ приходилось-бы сличать съ содержанiемъ только своего собственнаго сознанiя,—или по своему воспоминанiю воспроизводить духъ Христовъ. Такое сличенiе, если бы оно могло быть, въ этомъ и обратномъ случаяхъ доказывало бы только то, что были такiе очевидцы—свидѣ-

84) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 123.

тели и Евангелисты, которые непосредственно сами знали и, по самой крайней мѣрѣ, сами могли узнать отъ другихъ все то, что должны были провѣрять въ разсказахъ другихъ повѣствователей, знали также, какъ эти повѣствователи или лучше ихъ,— что́ и съ указаніемъ ев. Луки совершенно сходно. По его свидѣтельству—„многіе начали составлять повѣствованія", но—„о вещахъ, совершенно извѣстныхъ" Апостоламъ—очевидцамъ Господа (Лук. I, 1—4). А также и предварительное знаніе Ев. исторіи очевидцами ея дѣйствительныхъ событій, въ полнотѣ, вѣрности и высотѣ ихъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что дѣйствительно существовали люди, для которыхъ третья трудность, предполагаемая Эвальдомъ при образованіи Ев. исторіи, была невозможна,—она необходимо исключалась въ ихъ дѣятельности сама собою, именно—при одолѣніи трудностей, препятствующихъ вѣрному воспроизведенію матеріи Ев. разсказовъ.

Если дѣйствительно были очевидцы—свидѣтели, сохранявшіе неповрежденными разсказы Ев. исторіи, и притомъ еще существовала святость намѣренія, съ которой принимались и сохранялись всѣ отрывки оной; то слѣдуетъ, что Ев. разсказы не только безъ трудностей могли образоваться, въ ихъ надлежащемъ видѣ и совершенствѣ, но и сохраняться съ ихъ объективной вѣрностію, безъ примѣси посторонняго матеріала и толкованія.

Съ возможностію надлежащаго образованія и храненія Ев. разсказовъ вполнѣ рѣшается вопросъ о трудностяхъ и, слѣдовательно, для дальнѣйшаго развитія теоріи остается одинъ только принципъ устнаго преданія; потому что другой принципъ—заимствованія, поставленный въ теоріи Эвальда въ существенную связь съ предположеніемъ многихъ трудностей образованія устныхъ, а потомъ письменныхъ разсказовъ Ев. исторіи, слѣдуетъ устранить: такъ какъ этихъ трудностей, по доказанному, не было для несомнѣнно существовавшихъ очевидцевъ—свидѣтелей и слушателей Спасителя, и—Ев. разсказы могли удобно

образоваться даже и въ ихъ возвышенномъ совершенствѣ.

Это—такъ. „Однако, по теоріи, если Ев. матерія (отдѣльныхъ разсказовъ) и передавалась полно и связно (но не въ смыслѣ цѣлой исторіи) въ такой, соотвѣтствующей характеру Ев. исторіи, возвышенности; то этимъ вся задача образованія Ев. исторіи еще не разрѣшалась. Ибо вся величина историческаго предмета никогда не исчерпывается разсказами о всѣхъ отдѣльныхъ обстоятельствахъ или дѣйствіяхъ его: immer ist ein warhaft grosser Gegenstand noch grösser als dass er so erschöpft werden könte, говоритъ Эвальдъ; это тѣмъ болѣе справедливо, если воспоминаніе не бываетъ достаточнымъ для того, чтобы передать въ совершенствѣ всякое отдѣльное обстоятельство" [85]).

Эта истина безъ доказательствъ можетъ перейти въ убѣжденіе: повѣствованіе и на самой высотѣ литературно-историческаго совершенства не можетъ совершенно точно и полно—адэкватно изложить свой предметъ, даже и тогда, когда между наблюденіемъ повѣствователя и самымъ разсказываніемъ его прошло только нѣсколько моментовъ: и всѣ наши познанія не вполнѣ и совершенно адэкватны своимъ объектамъ. Поэтому въ неадэкватности историческаго разсказа своему предмету еще нельзя видѣть трудности его составленія,—она для всѣхъ разсказовъ и всякой исторіи представляется господствующею трудностію. А въ составленіи Ев. исторіи преодолѣть эту трудность было совершенно не возможно; такъ какъ предметомъ Евангелія былъ Богочеловѣкъ,—Его жизнь, Его дѣла и слова.—Но эта неадэкватность представляетъ уже не трудность, а невозможность; потому о преодолѣваніи ея не должно быть и рѣчи,—въ смыслѣ Эвальда [86]).

---

85) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 127.

86) Мы разумѣемъ здѣсь «неадэкватность» Ев. исторіи въ томъ смыслѣ,

Если же признать, что адэкватность въ Ев. разсказахъ была неполною и съ внутренней стороны болѣе, чѣмъ въ другихъ исторіяхъ; такъ какъ все содержаніе рѣчей Христовыхъ—премудрость Божія и вся сила дѣлъ—любовь Отца Небеснаго не могли быть вполнѣ адэкватно восприняты ограниченнымъ по существу своему человѣкомъ: то это не могли еще ничего не говоритъ за трудность воспроизведенія матеріи Ев. разсказовъ. Дѣло въ томъ,—могли ли Евангелисты воспроизвести то, что̀ они видѣли и слышали, а не въ томъ,—могли ли они исчерпать всю свою задачу,—воспроизвести всѣ слова и дѣла Богочеловѣка во всей полнотѣ и совершенствѣ ихъ значенія. Это для нихъ, какъ для простыхъ людей, каковыми они были дѣйствительно до сошествія на нихъ Св. Духа, было не только трудно, но и въ самой крайней степени невозможно: только въ извѣстной мѣрѣ и степени это было имъ возможно, если вообще они могли воспоминать прошедшее видѣнное и слышанное. Слѣдовательно, трудность въ адэкватномъ воспроизведеніи матеріи Ев. разсказовъ или представляется рѣшительною невозможностію по внутренней безпредѣльности предмета, и потому не имѣетъ мѣста въ числѣ трудностей, или трудностію въ смыслѣ относительной адэкватности, и тогда она исчезаетъ въ относительно-точномъ воспроизведеніи матеріи Ев. разсказовъ и потому является не отдѣльною и не самостоятельною: immer ist ein wahrhaft grosser Gegenstand noch grösser als dass er so erschöpft werden könte".

Если трудность адэкватнаго воспроизведенія соединяется съ другими по ея характеристикѣ и основанію и

что она не могла обнять своего абсолютнаго предмета—Бога въ Его наземныхъ проявленіяхъ и вполнѣ адэкватно передать собственно въ разсказѣ: Іоан. XXI, 25.—Повторяемъ, Эвальдъ намѣренно не обращаетъ своего вниманія на слова Ап. Павла: «мы, говоритъ Апостолъ, приняли не духа міра сего, а духа отъ Бога, дабы знать дарованное намъ отъ Бога (1 Кор. II, 12). Впрочемъ и при такомъ невниманіи къ апостольскому слову, авторъ разсматриваемой теоріи не достигаетъ своей цѣли: его мнѣніе ложно, если разсматривать его съ собственной его точки зрѣнія.—

съ ними вмѣстѣ исчезаетъ; то она рѣшительно теряетъ всякое значеніе, когда теорія указываетъ еще ея свойство самоуничтоженія и представляетъ въ ней средство для устраненія ея же самой.—„Евангельская исторія, мыслимая, по теоріи, сама по себѣ, есть возвышеннѣйшая изъ всѣхъ исторій и ея вершина сама собою восходитъ на небо...“[87]). Дѣйствительно, Ев. исторія простирается не только до неба, но и до неба небесъ и до ада преисподнѣйшаго... Что же отсюда слѣдуетъ?—разумѣется, то, что познать ее, во всей ея высотѣ и глубинѣ, нѣтъ никакой человѣческой возможности. Эвальдъ думаетъ наоборотъ: „только такіе опыты (воспроизведенія высотъ) сообщили разсказамъ Ев. исторіи ихъ чрезвычайную возвышенность (höchste Höhe) и яснѣйшій блескъ (!)“[88]). Какъ же это могло быть при всѣхъ трудностяхъ такого дѣла?—„Изображеніе (Darstellung) безконечно возвышеннаго предмета само собою побуждало (drängte) къ ясному пониманію (auffassen) этой возвышеннѣйшей высоты и только въ повторенныхъ опытахъ—изобразить (schildern) ее (высоту) совершенно соотвѣтственно—истощилось всякое (?) стремленіе Ев. исторіи“[89]). Такое объясненіе по самой крайней мѣрѣ неточно; такъ какъ изображеніе (Darstellung) безконечнаго, хотя и въ историческомъ повѣствованіи, не можетъ быть; ибо нѣтъ ему соотвѣтствующаго ощущенія безконечнаго (Ausdrück—Empfindungskraft, тогда какъ Darstellung—Vorstellungskraft), въ отношеніи къ коему можетъ быть только мысль, сознаніе, идея, чувство: Gedanke, Bewustsein, Idee, Cefühl,—Cemüth [90]). Но

---

87) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 127.

88) Ibidem.

89) Jahrb. d. b. W. 1848 S. 127—128.

90) Нашему сужденію повидимому можно поставить въ возраженіе то, что все-таки могло же быть и дѣйствительно было изображеніе безконечно-возвышенной жизни и дѣятельности Христа въ нашихъ каноническихъ Евангеліяхъ, и, потому, кажется, Эвальдъ правъ. Но въ такомъ случаѣ теорія повторяетъ одну и ту же

если сознанiе безконечнаго или представленiе его, въ смыслѣ сознанiя, дѣйствительно было, то оно никакъ не могло само собою побуждать къ ясному пониманiю безконечно-возвышенной высоты; потому что пониманiе есть сочетанiе признаковъ предмета въ сознанiи; а стремленiе къ сознанiю признаковъ безконечно-возвышеннаго предмета никакъ не могло побуждать самосознательный умъ къ изображенiю ихъ, ибо иначе это значило бы сознавать и изображать безконечное конечнымъ: какъ безконечно-возвышенный предметъ въ сознанiи конечнаго субъекта могъ быть ограниченнымъ до представленiя его? надъ чѣмъ онъ могъ быть безконечно возвышенъ, кромѣ самаго сознанiя?—Самый актъ сознанiя такой безконечной возвышенности предмета служитъ, какъ и должно, рѣшительнымъ побужденiемъ оставить всякое стремленiе къ ея изображенiю (Darstellung), потому что такая возвышенность доступна только сознанiю, но не познанiю (Auffassung),—внутреннему ощущенiю, но не воображенiю,—вѣрѣ, а не вѣдѣнiю.

Слѣдовательно, съ предположенiемъ безконечно-совершеннаго характера Ев. исторiи, со внутренней ея стороны (полноты, точности, возвышенности), становится невозможнымъ всякое, соотвѣтственное ей, изложенiе (Darstellung). Но вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе невозможно,

---

трудность объективно-полнаго и точнаго (адэкватнаго) воспроизведенiя, т. е. вопросъ о трудности изображенiя «возвышеннаго» сводится къ вопросу о трудности точнаго воспоминанiя. Теорiя утверждаетъ, что весьма трудно было изобразить дѣятельность и жизнь Господа съ ихъ внутренней стороны,—den Gegenstand warhaftlich erschöpfen (адэкватно), а не событiя только, какъ внѣшнiя явленiя, которыя, однако, были предметами наблюденiя; слѣдовательно, теорiя разумѣетъ, по ея выраженiю, «исторiю, мыслимую an sich» и возвышенность,—именно и истинно безконечную высоту предмета, которой не могло быть во внѣшней сторонѣ Ев. исторiи. Ergo, если есть въ нашихъ каноническихъ Евангелiяхъ изображенiе безконечно-возвышенной дѣятельности и жизни Iисуса Христа по духу, смыслу и значенiю; то—настолько, насколько та и другая подлежала наблюденiю очевидцевъ-Евангелистовъ.

чтобы когда-нибудь „истощилось всякое стремленіе къ образованію Ев. разсказовъ" только потому, что истощена для нихъ вся матерія. „Immer ist ein wahrhaft grosser Gegenstand noch grösser als dass er so erschöpft werden könte;" тѣмъ болѣе не могло быть совершенно исчерпанъ безконечно-возвышенный предметъ, и не могло окончиться предполагаемое стремленіе къ тому.

Такъ, послѣдняя трудность ведетъ къ самоотрицанію, и, какъ всѣ, завершаемыя ею, не имѣетъ никакого научнаго значенія.

Если же трудности, предполагаемыя съ принципомъ устнаго преданія не дѣйствительны, то онъ остается господствующимъ въ его непосредственности по отношенію къ образованію Ев. исторіи,—одинъ; потому что, безъ трудностей, онъ имѣетъ полное научное значеніе. А такъ какъ другой принципъ заимствованія имѣетъ значеніе только при существованіи трудностей; то съ устраненіемъ этихъ трудностей устраняется мысль о постепенномъ развитіи Ев. письменности и зависимости одного Евангелиста отъ другаго. Слѣдовательно, принципъ преданія остается господствующимъ и единственно вѣрнымъ. Исключительное значеніе и дѣйствительность этого принципа зависятъ отъ произвольно-теоретическихъ и потому не научно-основательныхъ предположеній различныхъ трудностей первоначальнаго образованія Ев. разсказовъ по воспоминанію и устному преданію, — трудностей, неправильно опредѣляемыхъ, обособляемыхъ и безъ всякаго критерія поставляемыхъ въ относительной послѣдовательности.

Въ рѣшительной неудовлетворительности теоретически предполагаемыхъ Эвальдомъ трудностей implicite уже содержится неправильность воззрѣній его на дальнѣйшее развитіе и образованіе Ев. исторіи, которое, понятно, будетъ совершаться, по теоріи его, при произвольно-выставленныхъ и неправильно-опредѣленныхъ и развитыхъ условіяхъ.

Всю неправильность и несправедливость предварительныхъ, вышеразсмотрѣнныхъ, соображеній Эвальда можно выразить въ общемъ видѣ силлогистически такъ: если, не смотря на запрещеніе Спасителя—не разглашать о Его дѣлахъ, они тѣмъ не менѣе проповѣдывались всюду; если закрытая дѣятельность Его была извѣстна „отъ крещенія до вознесенія Его“ Двѣнадцати Апостоламъ, Матѳею, Варсавѣ и др.; если возвышеннѣйшій духъ Христа не дозволялъ забывать ни одного изъ Его дѣйствій; если глубина и высота Ев. исторіи въ извѣстной мѣрѣ воспроизводились при объективно-точномъ воспоминаніи очевидцевъ—свидѣтелей и слушателей Господа: то, вопреки теоріи Эвальда, не могло быть и не было никакихъ трудностей въ образованіи матеріи Ев. разсказовъ, современномъ самымъ событіямъ Ев. исторіи, полномъ, связномъ, соотвѣтственно—возвышенномъ и вѣрномъ. Слѣдовательно, каноническія Евангелія отъ Матѳея, Марка и Луки могли возникнуть и безпрепятственно возникли при исключительномъ господствѣ Апостольскаго воспоминанія и устнаго преданія,—безъ всякихъ трудностей, изъ устныхъ разсказовъ, составленныхъ или Двѣнадцатью Апостолами, или—по преданію отъ нихъ—ихъ учениками и сотрудниками.

IV.

Надлежащій смыслъ, вѣрность и правильность всякой теоріи полнѣе и яснѣе выражаются въ примѣненіи ея къ объясненію фактовъ, для чего она и составляется,—

на дѣлѣ, также и теорія Эвальда; она полнѣе и яснѣе раскрывается въ примѣрахъ первоначальнаго образованія Ев. разсказовъ.

Между первыми трудами первоначальнаго образованія Ев. матеріи было, какъ надѣется Эвальдъ, возможно лучшее Собраніе изреченій Христа, хотя такого рода труды были различны. „Мы, говоритъ Эвальдъ, знаемъ особенно точно собраніе этого рода, которое потомъ стало письменнымъ“ [91]). По всѣмъ признакамъ, даже многочисленнымъ, оно было въ ряду самыхъ первыхъ произведеній по Ев. исторіи. Почему же это—такъ?—потому, что „изреченія Христа (изреченіе въ общемъ смыслѣ этого слова) великое, главное дѣло для цѣлей ученія, было и главнымъ дѣломъ всякаго преданія; это весьма ясно видно изъ всѣхъ писаній св. Іустина мученика, который ни на что такъ часто не ссылается, какъ на изреченія Христа, именно на такія, какія были собраны въ этомъ первомъ трудѣ (Spruchsammlung)“, отвѣчаетъ Эвальдъ [92]). Важность изреченій Христа для цѣлей ученія—вотъ основаніе, почему Эвальдъ во-первыхъ признаетъ, что изреченія эти были главнымъ дѣломъ преданія. Едва ли такъ: и вся жизнь Спасителя не была ли единымъ и единственнымъ примѣромъ той жизни, которой Онъ училъ,—осуществленіемъ всѣхъ идей и предписаній,—первообразомъ и живымъ закономъ для всѣхъ христіанъ?—Несомнѣнно такъ; потому что самъ Іисусъ Христосъ представляетъ Себя образцомъ вѣрующихъ въ Него, когда говоритъ: „Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня (Іоан. XIV, 6)“. А потому не одинаково ли важна была и жизнь Іисуса Христа для цѣлей наученія и назиданія вѣрующихъ въ Него и, слѣдовательно, для преданія?

---

91). Jahrb. d. b. W. 1848. S. 128—129.
92) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 129.

Жизнь Христа Спасителя была главнымъ предметомъ и преданія, не только потому, что она сама въ себѣ есть единая живая скрижаль Новаго Завѣта, но и потому, что все ученіе основывалось на ней, какъ на незыблемомъ основаніи: „если Христосъ не воскресъ; то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣрна ваша“, говоритъ Апостолъ Павелъ, учитель языковъ, Коринѳянамъ (I Кор. XV, 14). Фактъ изъ жизни Господа—воскресеніе Его—служитъ главнымъ основаніемъ проповѣди Апостольской и вѣры христіанской. Самъ Іисусъ Христосъ есть краеугольный камень, хотя „пренебреженный зиждущими, но сдѣлавшійся главою угла (Дѣян. IV, 11; Псл. CXVII, 22)“. Какъ же безъ понятія о лицѣ, жизни и дѣятельности Христа могла быть авторитетна проповѣдь ученія Его и прочно созиданіе Его церкви? Если Апостолы должны были крестить вѣрующихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, то ужели они не принуждены были разсказывать новообращеннымъ о томъ, кто это былъ Сынъ Божій, какъ Онъ жилъ и что дѣлалъ?—„Не плотниковъ ли Онъ сынъ? Не Его ли мать называется Марія, и братья Его Іаковъ и Іоссій, и Симонъ, и Іуда?“ (Мѳ. XIII, 55; Мр. VI, 3.)—вотъ вопросы удивленія, смыслъ которыхъ долженъ былъ въ такихъ или иныхъ выраженіяхъ повторяться въ устахъ всѣхъ, кому впервые приходилось слышать проповѣдь о Христѣ, какъ объ истинномъ Мессіи или Сынѣ Божіемъ. Еще при жизни самого Господа іудеи требовали отъ Него знаменія, того же они требовали по смерти Его и отъ Апостоловъ (I Кор. I, 22 ст.). И, по мнѣнію Эвальда, новообращенные были первыми, которые подерживали желаніе знать обстоятельства и дѣла Господа, составлять о нихъ разсказы, хотя бы для того приходилось путешествовать по селеніямъ и городамъ... Почему это—такъ?—потому, что тогда былъ великій интересъ въ такого рода розыскахъ. По этому-то понятно, что и Ап. Петръ въ своей устной рѣчи къ іудеямъ, знавшимъ Іисуса, говорилъ о Немъ, какъ о Мужѣ, засвидѣтельствованномъ предъ ними

отъ Бога силами и чудесами, и знаменіями, которыя Богъ сотворилъ чрезъ Него среди нихъ, какъ сами они знали это (Дѣян. II, 22 и д.). И „вообще въ первое время было обыкновеніе составлять краткіе разсказы", какъ то прежде доказывалъ Эвальдъ, ссылаясь на Книгу Дѣяній Апостольскихъ (гл. X, стихи: 37, 38 и 39).—Почему же одинъ изъ первыхъ трудовъ былъ совсѣмъ безъ біографическихъ свѣдѣній о Христѣ?—Несомнѣнный фактъ, что ев. Лука, имѣя цѣлію передать Θеофилу твердое основаніе ученія, въ коемъ тотъ былъ насталвенъ, по.порядку изслѣдовалъ все, чтó дѣлалъ Іисусъ Христосъ (Лук. I, 1—4), не ограничиваясь нѣкоторыми фактами, " а приводя главнѣйшіе всѣ. Таково Евангеліе отъ Луки—памятникъ Апостольскихъ временъ. Подобно тому, и евангелистъ Маркъ (говоря согласно съ мнѣніемъ самого Эвальда) записалъ то, что проповѣдывалъ Ап. Петръ; а въ писаніи его столько же біографическихъ свѣдѣній, сколько и рѣчей, если не болѣе,—то и другое одинаково кратко, какъ это кажется даже и самому Эвальду [93]). Наконецъ и самъ Эвальдъ хотя и „не знаетъ, первое ли это въ самомъ дѣлѣ произведéніе изъ всѣхъ, явившихся сначала", но въ исторіи Ев. письменности онъ ставитъ его, однако, послѣ Древнѣйшаго Евангелія, заключавшаго въ себѣ по преимуществу разсказы [94]). Эвальдъ полагаетъ такъ произвольно, но не въ свою пользу. Всѣмъ этимъ свидѣтельствуется прямо, ясно и положительно о томъ, что Евангелисты признавали одинаково важнымъ для цѣлей ученія и назиданія какъ рѣчи Христа, такъ и изложеніе дѣятельности Его. А отсюда, по теоріи, слѣдуетъ, что и жизнь Христа была равно важнымъ предметомъ преданія; и потому нѣтъ основанія признавать однимъ изъ первыхъ трудовъ собраніе только изреченій (Spruchsammlung). Наоборотъ, если признать, что первоначально

93) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 205—206.
94) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 129,—1849. S. 191—196.

появилась Евангельская матерія въ видѣ Собранія изреченій и только изреченій; то такому признанію противорѣчитъ сама же теорія Эвальда, выставляющая трудности образованія первоначально разсказовъ, а потомъ уже рѣчей, и полагающая, что разсказы явились прежде рѣчей [95]). Почему же должно признать, что первоначальный трудъ по образованію Ев. исторіи явился въ видѣ Собранія только изреченій?—потому, что прежде всего явилась потребность въ изреченіяхъ? но тогдадля чего же составлялись Ев. разсказы прежде, чѣмъ рѣчи?!—Очевидно, было требованіе и рѣчей, и разсказовъ,—и дѣлъ, и словъ Христа. Да, когда требовалось свидѣтельство о Христѣ, то должны были говорить о Немъ и величайшія дѣла Его. Такъ, когда два ученика Іоанна Крестителя предложили Господу вопросъ: „Ты ли тотъ, который долженъ прійти, или ожидать намъ другаго? Сказалъ имъ Іисусъ въ отвѣтъ: пойдите, скажите Іоанну, что слышите и видите. Слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ. И блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ“, разумѣется—въ виду такихъ дѣлъ (Мѳ. XI, 3—6).

Если предположеніе, что первоначально явился сборникъ изреченій, не оправдывается свидѣтельствомъ Св. писанія и отчасти противорѣчитъ самой теоріи Эвальда; то, естественно, что оно не находитъ себѣ оправданія въ исторіи церкви, хотя Эвальдъ и ссылается на оную. Нѣтъ и слѣда ни одной такой рукописи, которая когда нибудь существовала бы и употреблялась бы въ церкви въ видѣ Собранія изреченій. Если же Эвальдъ, напротивъ, видитъ „весьма ясное подтвержденіе своего мнѣнія во всѣхъ писаніяхъ св. Іустина Мученика, который ни на что такъ часто не ссылается, какъ на изреченія Христа, именно на такія, какія были собраны только въ этомъ трудѣ

95) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 117—119.

(Spruchsammlung)"; то эти „ясно" и „скоро"; ни сколько не оправдываются до насъ дошедшими твореніями св. Іустина Мученика, каковы: „Первая и вторая Апологіи и Разговоръ съ Трифономъ іудеемъ".

Для читателя Іустиновыхъ твореній очевидно, что авторъ ихъ указываетъ изреченія Господа Іисуса, но также очевидно и то, что Іустинъ указываетъ на событія Ев. исторіи, и такихъ указаній весьма много. Кромѣ изреченій Христа Спасителя, въ сочиненіяхъ Іустина упоминаются: родословіе Іисуса Христа (Ап. 1, гл. 32. Разг. гл. 23, 43, 45, 100, 101, 120), благовѣстіе о рождествѣ Іисуса и рожденіе Іоанна Крестителя (Ап. 1, гл. 33. Разг. глав. 100. 78. Ап. 1, гл. 33 и 32. Разг. гл. 66. 43. 84), рождество Христово въ Виѳлеемѣ, поклоненіе Волхвовъ, бѣгство во Египетъ, избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ (Ап. 1, 34. 46. Разг. гл. 77. 78. 88. 102. 103. 106), исторія Іисуса Христа до начала Его открытой дѣятельности—вообще (Разг. гл. 88. Ап. 1. гл. 35), крещеніе Іисуса Христа отъ Іоанна (Разг. гл. 51. 88. 103. 49), искушеніе Его отъ діавола (Разг. гл. 103. 125), жизнь и дѣятельность Христа вообще (Ап. 1. гл. 46. Разг. гл. 88. ср. Ап. 1, гл. 31), разсказъ о начальникѣ въ Капернаумѣ (Разг. гл. 76. 120. 140), избраніе Апостоловъ (Ап. 1. гл. 39. 42. 106. 81), посланіе ихъ на проповѣдь (Ап. 1. гл. 19), усѣкновеніе главы Крестителя (Разг. гл. 49), исповѣданіе Ап. Петра и названіе его Кифой (Разг. гл. 100), разсказъ о богатомъ юношѣ (Ап. 1. гл. 16. Разг. гл. 101. 19), входъ во Іерусалимъ (Ап. 1. гл. 32. 35. Разг. гл. 53. 88), очищеніе храма (Разг. гл. 17.), учрежденіе таинства евхаристіи (Ап. 1. гл. 66. Разг. 41. 70. 51), ночь на горѣ Масличной и взятіе Спасителя подъ стражу (Разг. 106. 111. 99. 103. 125), обвиненіе Іисуса (Разг. 104. Ап. 1, 35. Разг. 102. 103. Ап. 1, 38. Разг. 101. 99. 105), погребеніе Господа и разсѣяніе учениковъ (Разг. 97. Ап. 1, 50. Разг. 53), воскресеніе и вознесеніе Іисуса Христа (Ап. 1, 67. Разг. 41. 138. 108. De re-

surrectione, гл. 9. Ап. 1, 50. Разг. 53. 106. Ап. 1, 61. 39. 45 [96]). Слѣдовательно, въ твореніяхъ св. Іустина содержатся не только изреченія Господа Спасителя, но и болѣе или менѣе ясныя указанія на самыя важныя и менѣе важныя событія изъ Его жизни,—особенно въ „Разговорѣ съ іудеемъ Трифономъ". Отсюда прямо слѣдуетъ, что и событія изъ жизни Христа были одинаково важны для цѣлей ученія и назиданія (у ев. Луки—Ѳеофила, у св. Іустина—іуд. Трифона). Даже нельзя сказать и того, чтобы Іустинъ преимущественно ссылался на изреченія Господа; потому что цитатъ изъ Ев. исторіи въ сочиненіяхъ Іустина болѣе, нежели цитатъ изъ Ев. рѣчей: всѣхъ цитатъ, касающихся Ев. исторіи, девяносто двѣ, а касающихся рѣчей Христовыхъ семьдесятъ восемь; и если къ послѣднимъ прибавить еще три цитаты, приводимыя св. Иринеемъ Ліонскимъ въ своихъ трудахъ, и въ нихъ только сохранившіяся, то всѣхъ будетъ восемьдесятъ одна [97]). Слѣдовательно, Іустинъ чаще ссылается не на изреченія, а на событія и чудеса Ев. исторіи, на которыя онъ указываетъ иногда, приводя даже и изреченія. Если бы и равное было число цитатъ и тѣхъ и другихъ, то историческія несравненно больше по объему и содержанію, какъ напр: Разг. съ Тр. гл. 77. 78. 88. 53 и т. д. [98]). Въ такомъ или иномъ количествѣ находятся цитаты изъ Евангелій у св. Іустина, это, однако, нисколько не можетъ служить основаніемъ для заключенія, что изреченія Господа были главнымъ предметомъ преданія того времени; потому, что должно напередъ опредѣлить, откуда Іустинъ заимствовалъ ихъ,—дѣйствительно-ли, какъ говоритъ

---

96) Hilgenfeld: Kritische Untersuch. über d. Evangelien Justinus'. Halle. 1850. S: 101—127; ср. 321—335. Kirchhofer: Qvellensammlung, S: 89—104. 125. 132—135.

97) Считая по Hilgenfeld'у,—S: 101—127.

98) Hilgenfeld. S: 104—105. 107.

Эвальдъ, изъ Собранія изреченій?—Нѣтъ: такъ думать не представляется никакого основанія. Іустинъ называетъ свой источникъ словами: Απομνημονευματα των Αποστολων, а слово ἀπομνημονευματα нельзя перевести иначе, какъ Denkwürdigkeiten (Semisch) и отнюдь не Spruchsammlung (Ewald). Иначе это Spruch—sammlung будетъ содержать столько же, если не болѣе, Thaten, сколько и Sprüchen, такъ, что это Spruch—sammlung будетъ столько же и That—sammlung. Но предметомъ Απομνημονευματα των Αποστολων служитъ то и другое; слѣдовательно, источникъ Іустина не собраніе изреченій только, но скорѣе даже прямо наше каноническое Четвероевангеліе. И дѣйствительно такъ; на это указываютъ цитаты Іустина изъ всѣхъ четырехъ Евангелій нашего канона [99]). За это говорятъ не только самыя цитаты, но и почти совершенно точныя слова самого Іустина о своемъ источникѣ Ев. свѣдѣній. Въ первой Апологіи, главѣ 33-й, онъ прямо говоритъ: „такъ (буквально одинаково съ Лук. 1, 31. 32) повѣствуютъ тѣ, которые описали все, касающееся Спасителя нашего, Іисуса Христа, и мы вѣримъ имъ“; конечно повѣствованіе и описаніе не идутъ къ содержанію Собранія изреченій. Но что это за повѣствованія?—Іустинъ прямо называетъ ихъ Евангеліями: „Апостолы, говоритъ онъ, въ оставшихся отъ нихъ повѣствованіяхъ (απομνημονευματα) которыя называются Евангеліями (α χαλειται ευαγγελια), передали, что̀ имъ было заповѣдано [100]); и однако это заповѣдано не значитъ изречено, потому что Апостолы повѣствовали и описывали (Ап. 1. гл. 33), и потому, что за словомъ

---

99) По Hilgenfeld'у: См. отношеніе къ Мѳ: S. 275—278; къ Мр. S: 278—284; Лук. 284—291; Іоан. 292—304. Ср. Kirchhofer': S: 89—104. 125.132—135. 146—147. Ср. р. пер. Св. *Преображенскаго*: Сочиненія Св. Іуст. Муч. Москва. 1864. стр. 72.

100) Ап. 1. гл. 66.

ТЕЗИСЫ

Сочиненія: „О происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій“.

Н. Троицкаго. Кострома. 1878 г.

1. По вопросу о происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій, какъ синоптическихъ, въ первые вѣка Христіанства возникла, впослѣдствіи развилась и теперь существуетъ обширная литература съ ортодоксальнымъ и научнымъ—положительнымъ и отрицательнымъ направленіемъ въ рѣшеніи онаго. Относительно болѣе научное рѣшеніе этого вопроса въ духѣ умѣренно-отрицательной критики представляютъ гипотетическія мнѣнія Г. Эвальда и Ю. Гольцмана, изслѣдованія которыхъ преимущественно предъ всѣми другими того же вида и по тому же, исторически давнему и теперь главному, вопросу Нов.-зав. Исагогики заслуживаютъ обстоятельнаго разбора.

2. Подробное разсмотрѣніе гипотезы Эвальда, по преимуществу съ его же точки зрѣнія, открываетъ недостаточность ея какъ въ основныхъ положеніяхъ, такъ и въ выводахъ. Эвальдъ предполагаетъ для Евангелистовъ многочисленныя трудности при первоначальномъ образованіи ими устнаго Евангелія и тѣмъ обусловливаетъ постепенное развитіе Евангельской письменности въ видѣ нѣсколькихъ первоисточниковъ для синоптическихъ Евангелій; но предполагаемыхъ трудностей и вслѣдствіе того письменныхъ первоисточниковъ для каноническихъ Евангелистовъ не было.

3. Какъ въ самомъ каноническомъ текстѣ синоптическихъ Евангелій, напримѣръ въ нагорной бесѣдѣ, въ рѣчахъ и притчахъ Спасителя, такъ и въ Апостольскихъ и свято-

Эвальдъ, изъ Собранія изреченій?—Нѣтъ; такъ думать не представляется никакого основанія. Іустинъ называетъ свой источникъ словами: Απομνημονευματα των Αποστολων, а слово Απομνημονευματα нельзя перевести иначе, какъ Denkwürdigkeiten (Semisch) и отнюдь не Spruchsammlung (Ewald). Иначе это Spruch—sammlung будетъ содержать столько же, если не болѣе, Thaten, сколько и Sprüchen, такъ, что это Spruch—sammlung будетъ столько же и That—sammlung. Но предметомъ Απομνημονευματα των Αποστολων служитъ то и другое; слѣдовательно, источникъ Іустина не собраніе изреченій только, но скорѣе даже прямо наше каноническое Четвероевангеліе. И дѣйствительно такъ; на это указываютъ цитаты Іустина изъ всѣхъ четырехъ Евангелій нашего канона [99]). За это говорятъ не только самыя цитаты, но и почти совершенно точныя слова самого Іустина о своемъ источникѣ Ев. свѣдѣній. Въ первой Апологіи, главѣ 33-й, онъ прямо говоритъ: „такъ (буквально одинаково съ Лук. 1, 31. 32) повѣствуютъ тѣ, которые описали все, касающееся Спасителя нашего, Іисуса Христа, и мы вѣримъ имъ"; конечно повѣствованіе и описаніе не идутъ къ содержанію Собранія изреченій. Но что это за повѣствованія?—Іустинъ прямо называетъ ихъ Евангеліями: „Апостолы, говоритъ онъ, въ оставшихся отъ нихъ повѣствованіяхъ (απομνημονευματα) которыя называются Евангеліями (α καλειται ευαγγελια), передали, что́ имъ было заповѣдано [100]); и однако это заповѣдано не значитъ изречено, потому что Апостолы повѣствовали и описывали (Ап. 1. гл. 33), и потому, что за словомъ

---

99) По Hilgenfeld'у: См. отношеніе къ Мѳ: S. 275—278; къ Мр. S: 278—284; Лук. 284—291; Іоан. 292—304. Ср. Kirchhofer': S: 89—104. 125.132—135. 146—147. Ср. р. пер. Св. *Преображенскаго*: Сочиненія Св. Іуст. Муч. Москва. 1864. стр. 72.

100) Ап. 1. гл. 66.

ТЕЗИСЫ

Сочиненія: „О происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій“.

Н. Троицкаго. Кострома. 1878 г.

1. По вопросу о происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій, какъ синоптическихъ, въ первые вѣка Христіанства возникла, впослѣдствіи развилась и теперь существуетъ обширная литература съ ортодоксальнымъ и научнымъ—положительнымъ и отрицательнымъ направленіемъ въ рѣшеніи онаго. Относительно болѣе научное рѣшеніе этого вопроса въ духѣ умѣренно-отрицательной критики представляютъ гипотетическія мнѣнія Г. Эвальда и Ю. Гольцмана, изслѣдованія которыхъ преимущественно предъ всѣми другими того же вида и по тому же, исторически давнему и теперь главному, вопросу Нов.-зав. Исагогики заслуживаютъ обстоятельнаго разбора.

2. Подробное разсмотрѣніе гипотезы Эвальда, по преимуществу съ его же точки зрѣнія, открываетъ недостаточность ея какъ въ основныхъ положеніяхъ, такъ и въ выводахъ. Эвальдъ предполагаетъ для Евангелистовъ многочисленныя трудности при первоначальномъ образованіи ими устнаго Евангелія и тѣмъ обусловливаетъ постепенное развитіе Евангельской письменности въ видѣ нѣсколькихъ первоисточниковъ для синоптическихъ Евангелій; но предполагаемыхъ трудностей и вслѣдствіе того письменныхъ первоисточниковъ для каноническихъ Евангелистовъ не было.

3. Какъ въ самомъ каноническомъ текстѣ синоптическихъ Евангелій, напримѣръ въ нагорной бесѣдѣ, въ рѣчахъ и притчахъ Спасителя, такъ и въ Апостольскихъ и свято-

отеческихъ писаніяхъ, напримѣръ Ап. Павла и св. Іустина мученика, нѣтъ основаній предполагать многія письменныя Евангельскія произведенія въ видѣ „Собранія изреченій Іисуса Христа“ и под., кромѣ каноническихъ.

4. Письменные первоисточники для синоптическихъ Евангелій, предполагаемые Эвальдомъ въ видѣ и подъ названіемъ древнѣйшаго Евангелія Ап. Филиппа, VI, VII, VIII-й книгъ Евангельской исторіи, не могутъ быть признаны существовавшими нѣкогда отдѣльно и самостоятельно, а впослѣдствіи внесенными въ составъ синоптическихъ Евангелій, какъ ихъ существенныя и несущественныя части; потому что нѣтъ никакихъ точныхъ признаковъ или „слѣдовъ“ и твердыхъ доказательствъ ихъ самостоятельнаго существованія,—ни теоретическихъ, ни лингвистическихъ, ни историческихъ.

5. Гипотеза Гольцмана, какъ болѣе совершенная по методу и составу, какъ болѣе полная со стороны обстоятельнаго до мельчайшихъ подробностей развитія, отличается сравнительно большей простотой при обширной эрудиціи, но не имѣя для себя твердой точки опоры и стѣсняясь тенденціозностію, естественно не оправдываетъ всѣхъ главныхъ своихъ положеній, сущность которыхъ состоитъ въ томъ, что содержаніе, общее тремъ синоптическимъ Евангеліямъ, будто бы указываетъ на одинъ, общій для нихъ, письменный первоисточникъ—A, а содержаніе, общее двумъ изъ нихъ—на другой общій первоисточникъ L.

6. Предполагаемые Гольцманомъ два письменные первоисточника,—такъ называемый A, положенный будто-бы въ основаніе трехъ Синоптиковъ и почти въ первоначальномъ своемъ видѣ сохранившійся въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка, и такъ называемый L, послужившій будто-бы источникомъ для Матѳея и Луки въ тѣхъ частяхъ ихъ Евангелій, которыя признаются синоптическими,—не могутъ быть признаны существовавшими нѣкогда самостоятельно.

7. Историческія данныя для гипотезъ Эвальда и Гольцмана: а) Предисловіе къ Евангелію отъ Луки: 1 гл. 1—4 ст.

и б) Свидѣтельство Папія, епископа Іерапольскаго, при строгомъ и безпристрастномъ анализѣ ихъ, не представляютъ твердыхъ основаній для точнаго заключенія о существованіи когда-то нѣсколькихъ письменныхъ первоисточниковъ для синоптическихъ Евангелій въ видѣ A, L и под., кромѣ устнаго Апостольскаго преданія.

8. Вслѣдствіе рѣшительной неудовлетворительности мнѣній Эвальда и Гольцмана должно признать совершенно справедливымъ то положеніе, что первыя три каноническія Евангелія произошли изъ устнаго Апостольскаго преданія и синоптическое ихъ отношеніе зависитъ только отъ того, что писатели ихъ точно излагали устные, многократно и притомъ однообразно передававшіеся, Евангельскіе разсказы и рѣчи — при содѣйствіи благодати Св. Духа.



Печатано по опредѣленію Совѣта Московской духовной Академіи. Августа 4 дня, 1878 года.

Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ*.

Москва. Типографія А. Гатцука, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

„заповѣдано“ Іустинъ прямо приводитъ мѣсто изъ Евангелія отъ Матѳея: XXVI, 27 и Луки: XXII, 19,—гдѣ говорится объ установленіи таинства евхаристіи [101]). Еслиже, независимо отъ свидѣтельства самого Іустина, принять завѣрное мнѣніе Эвальда, то оно значитъ собственно, что Іустинъ болѣе приводитъ изреченій, чѣмъ событій изъ Ев. исторіи, но онъ приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ и разсказы о событіяхъ; слѣдовательно, въ Собраніи изреченій, какимъ будто бы пользовался Іустинъ, были изложены и событія, и эти событія не „поводы“ только къ рѣчамъ Христовымъ, но цѣлостныя повѣствованія о главныхъ, по выраженію Эвальда, событіяхъ (Hauptthatsachen). Эвальдъ упоминалъ о нихъ, какъ о такихъ, когда ему нужно было доказать, что Іустинъ, какъ и Ап. Павелъ, ссылались только на самыя главныя историческія событія, а не на менѣе важныя подробности [102]). Если же сюда прибавить еще второстепенныя, по важности своей, событія, какъ бѣгство Христа во Египетъ, очищеніе храма и пр.; то слѣдуетъ, что въ Собраніи изреченій были какъ главные, такъ и второстепенные Ев. разсказы. Слѣдовательно, источникъ Іустиновыхъ цитатъ нельзя назвать Собраніемъ только изреченій (Spruchsammlung); но нельзя признать даже и однимъ каноническимъ Евангеліемъ, такъ какъ онъ содержитъ въ себѣ и разсказы и изреченія не одного только каноническаго Евангелія, но, судя по цитатамъ, всѣхъ четырехъ. Что же такое въ самомъ дѣлѣ были Іустиновы Απομνημονευματα των Αποστολων?—Судя по цитатамъ изъ нихъ, находящимся въ сочиненіяхъ Іустина, это—Четвероевангеліе. Было сомнѣніе только относительно цитатъ изъ Евангелія Іоанна (Бауръ, Креднеръ и др.), но

---

101) Въ такой же связи разсказывается о крещеніи Іисуса Христа. Разг. гл. 88. —Hilgenfeld'a: стр. 107; Kirchhofer'a: стр. 35.

102) Ewald: Jahrb. d. b. W. 1848. S. 119.

самъ Эвальдъ въ нихъ не сомнѣвается. Это цитаты изъ Евангелія отъ Іоанна: III, 4—5; I, 40; IV, 10; XX, 27, и XIV, 2 [103]). На такое употребленіе Іустиномъ каноническихъ Евангелій, какъ на несомнѣнно-вѣрное, указываетъ и К. Тишендорфъ [104]), безпристрастный изслѣдователь и знаменитый представитель археографіи; и его указаніе совпадаетъ съ древнимъ еще представленіемъ Евсевія Кесарійскаго [105]), также извѣстнаго своими свѣдѣніями по исторіи канона Н.-Зав. Св. книгъ,—именно, что Іустинъ употреблялъ сборникъ каноническихъ Евангелій. Подтвержденіе тому и другому находится въ самыхъ сочиненіяхъ Іустина. Онъ самъ приписываетъ свои Απομνημονευματα не одному автору, а нѣсколькимъ (των Αποστολων), когда говоритъ: „въ памятныхъ записяхъ, которыя, я говорю, составлены Апостолами Его, т. е. Іисуса Христа, и ихъ послѣдователями, сказано...“ или: „какъ написали Апостолы этого самаго Христа нашего....“ [106]) Если такимъ образомъ Іустинъ, приводя цитаты изъ Евангелій отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна, называетъ авторовъ своего источника (Απομνημονευματα) Апостолами и послѣдователями ихъ и притомъ говоритъ, что они повѣствуютъ о всемъ, что касается Іисуса, передали что имъ было заповѣдано, записали или описали все, или составили [107]); то, очевидно, Іустинъ разумѣетъ только наши каноническія четыре Евангелія, принадлежащія двумъ Апостоламъ и двумъ сотрудникамъ ихъ(заключающія въ себѣ изреченія Господа и факты изъ его жизни и дѣятельности.)

---

103) Kirchhofer: Qvell-saml. S. 146—147.

104) *К. Тишендорфъ:* Когда написаны наши Евангелія?—Р. п. Полтава. 1866 г.

105) Ц. исторія, 4, 18. Kirchhofer': S. 34—35. Hilgenfeld': S. 107.

106) Разг. съ Триф. 103 и 88.

107) Апол. 1. гл. 33. 66. Разг. съ Триф. 88. Ап. 1. гл. 33. Разг. съ Триф. 103.

Четвероевангеліе Іустина, по всей вѣроятности, было тоже самое, которое употреблялъ и ученикъ его Таціанъ и притомъ съ надлежащимъ именемъ δια τεσσαρων [108]). Четвероевангеліе Іустина было въ обращеніи не только у него и его ученика Таціана, но, по словамъ самого же Іустина, „эти Евангелія или Απομνημονευματα των Αποστολων читались и въ церквахъ"; но въ какихъ церквахъ [109])? „Іустинъ, по словамъ Кирхгофера, посѣтилъ три главныя общества тогдашняго времени, находящіяся въ Римѣ, Александріи и Ефесѣ, и не могъ не знать, какія Евангелія тамъ употреблялись" [110]). Слѣдовательно, Іустинъ зналъ употреблявшіяся повсемѣстно въ тогдашней церкви четыре Евангелія и главнымъ образомъ онъ зналъ употреблявшіяся въ тѣхъ церквахъ, гдѣ были представителями ев. Іоаннъ, ев. Маркъ, ап. Петръ и Павелъ. И такъ, не Собраніе изреченій, а, по несравненно-большей достовѣрности, Четвероевангеліе, употреблявшееся въ Римѣ, Ефесѣ и Александріи, зналъ Іустинъ и обозначалъ словомъ Απομνημονευματα, которое значитъ у него тоже, что ευαγγελια, если онъ говоритъ: οι γαρ Αποστολοι εν τοις γενομενοις υπ' αυτων απομνημονευμασιν, α καλειται ευαγγελια ουτως παρεδωκαν... [111]). „Здѣсь, говоритъ Кирхгоферъ, Іустинъ изъясняетъ необычное выраженіе Απομνημονευματα словомъ ευαγγελια [112]).

Такъ тщательное разсмотрѣніе сочиненій Іустина открываетъ, что мнѣніе Эвальда объ изреченіяхъ Іисуса Христа, какъ особенно-главномъ предметѣ преданія, не имѣетъ тамъ для себя основанія или подтвержденія. Наоборотъ, оно находитъ въ нихъ отрицаніе себя, если въ

---

108) *Евсевій:* Ц. исторія, IV, 29; *Епифаній:* Противъ ересей, 44, 1.
109) Разг. съ Триф. 100.
110) Kirchhofer: S. 34, прим. 1.
111) Апол. II р. 98. 13,—у Kirchhofer'a: S. 36.
112) Kirchhofer: S. 36, прим. 5.

нихъ св. Іустинъ на ряду съ изреченіями приводитъ и Ев. разсказы, какъ свидѣтельства или доказательства въ видѣ историческихъ свидѣтельствъ. Такъ Іустинъ, желая доказать истину христіанскаго ученія іудею Трифону, выставляетъ ему авторитетъ Спасителя, говоря: „Онъ (Христосъ) явился въ вашемъ (Еврейскомъ) народѣ и исцѣлялъ людей отъ самаго рожденія и по плоти слѣпыхъ, глухихъ, хромыхъ... Онъ и мертвыхъ воскрешалъ"[113]).

Не только противъ этого частнаго мнѣнія Эвальда о томъ, что св. Іустинъ пользовался именно Собраніемъ изреченій, но и противъ предшествующихъ ему сужденій о трудностяхъ и вслѣдствіе того постепенномъ образованіи нашихъ каноническихъ Евангелій въ зависимости одного отъ другаго, въ сочиненіяхъ св. Іустина находятся прямыя свидѣтельства.) Источникъ своихъ свѣдѣній по Ев. исторіи Іустинъ прямо называетъ Απομνημονευματα των Αποστολων (при чемъ, очевидно, онъ не представляетъ никакихъ посредствующихъ трудовъ; ибо эти же Απομνημονευματα суть ευαγγελια; а эти ευαγγελια были записаны Апостолами же и ихъ послѣдователями, такъ что прямо οι Αποστολοι εν τοις γενομενοις υπ αυτων απομνημονευμασιν, α καλειται ευαγγελια, ουτως παρεδωκαν,—и факты, и рѣчи, находящіеся въ нашихъ четырехъ каноническихъ Евангеліяхъ.)

Предположеніе о первоначальномъ существованіи Собранія изреченій, неоправдываемое исторически, еще менѣе оправдывается, если разсматривать типъ такого труда по оставшимся отъ него, будто-бы его, отрывкамъ.

По теоріи, первый отрывокъ изъ Собранія изреченій есть Нагорная Бесѣда Спасителя: Мѳ. V, VI и VII гл. Эвальдъ дѣлаетъ характеристику ея съ цѣлію показать въ ней всѣ особенности первоначальнаго тру-

113) Разг. съ Триф. гл. 69.

да такого рода и тѣмъ оправдать свою теорію. Онъ даетъ ей, соотвѣтственно своей теоріи, свое особое назначеніе, раздѣленіе и составъ (изложеніе).

Нагорная бесѣда, по мнѣнію Эвальда, была назначена для Двѣнадцати учениковъ (die Einweihungsrede)[114]. Но противъ этого говоритъ 1-й же стихъ V гл. ев. Мѳ: Ιδων δε τους οχλους ανεβη (Ιησους) εις το ορος και καθισαντος αυτου, προσηλθον αυτῳ οι μαθηται αυτου. Здѣсь нѣтъ прямаго указанія на то, кому именно назначена рѣчь, сказанная при многочисленномъ собраніи народа. Правда, здѣсь сказано: καθισαντος αυτου προσηλθον οι μαθηται αυτου; но изъ слова προσηλθον по большей мѣрѣ можно вывести лишь то, что рѣчь была обращена къ ученикамъ, а назначалась для всѣхъ слушателей и послѣдователей Господа. Общая мысль и особая важность рѣчи, какъ основоположенія (Grundsatze) Новаго Завѣта, прямо говорятъ за ея всеобщее назначеніе. „Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное (Мѳ. V, 3)!“—вотъ первыя слова рѣчи. Къ однимъ ли Апостоламъ они относятся? имъ ли однимъ должно было имѣть нищету духовную? имъ ли однимъ должно было наслѣдовать царствіе небесное?—Несомнѣнно, всѣмъ вѣрующимъ чадамъ Новаго Завѣта. Слова: „не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить (V, 17)“, выражаютъ сущность рѣчи, по мнѣнію Эвальда; но къ Апостоламъ ли однимъ они относились?—Нѣтъ, Господь, полагая основаніе новому царству Божію на землѣ, этими словами предваряетъ недоумѣніе, недовѣріе и противленіе Своимъ планамъ со стороны ревностныхъ чтителей ветхаго Закона и Завѣта—всѣхъ іудеевъ. Наконецъ, слова: „молитесь же такъ: Отче нашъ!... (VI, 9)“ составляютъ частное примѣненіе новаго духовнаго закона къ молитвѣ, и хотя высказаны по поводу одного вопроса,

---

114) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 129.

предложеннаго Господу однимъ изъ Его учениковъ (Лук. XI, 1—2), но обращены были ко всѣмъ, какъ образецъ молитвы для всѣхъ слушателей и послѣдователей Господа. И если бы молитва „Отче нашъ,“ сказанная на вопросъ одного изъ учениковъ, относилась только къ ученикамъ, то Ев. Матѳею не было нужды повторять ее въ Нагорной бесѣдѣ; а если онъ повторяетъ ее, то, наоборотъ, значитъ, что она назначалась для всякаго христіанина. Отсюда понятно, что Нагорная проповѣдь имѣетъ общее назначеніе не только для Апостоловъ или всѣхъ слушателей ея, но и для всѣхъ христіанъ всѣхъ временъ. Такъ, въ началѣ, продолженіи и окончаніи Нагорной проповѣди нѣтъ и слѣда той цѣли посвященія ея двѣнадцати Апостоламъ, какую указываетъ Эвальдъ [115]).

Все содержаніе Нагорной проповѣди, по мнѣнію Эвальда, раздѣляется на четыре части. Первая—съ V, 2—16 ст. содержитъ привѣтствіе и призываніе благодати и мира на настоящихъ членовъ Новаго Завѣта, благословеніе на вѣрно послѣдовавшихъ путямъ новаго закона съ пожеланіемъ, чтобы никто изъ членовъ Новаго Завѣта не отдѣлялся отъ общества вѣрныхъ, если только онъ не пожелаетъ уклониться отъ своего назначенія. Вторая часть составляетъ переходъ къ изображенію отношенія Новаго Завѣта къ Ветхому, какъ „ядру“ всей рѣчи: Новый Завѣтъ никакъ не отмѣна Ветхаго, но истинное и необходимое исполненіе его (Мѳ. V, 17—48). Третья часть является нравственнымъ приложеніемъ: если Ветхій Завѣтъ былъ на-

---

115) И Мейеръ, при его буквальнѣйшей точности, отчасти, согласно съ Эвальдомъ, относитъ эту рѣчь къ Двѣнадцати Апостоламъ, ссылаясь на Мѳ. V, 1 ст., гдѣ сказано: «приступили... ученики». Но по VII, 28 Мѳ. видно, что приступило слушать Господа и множество народа. Впрочемъ Мейеръ признаетъ, что цѣлію рѣчи *не* могло быть посвященіе (Einweihung) Апостоловъ, судя по выраженію: ἐδίδασκεν αὐτούς, V,5,—и потому, что содержаніе рѣчи не спеціально. Meyer'a: Kommentar über d. Ev. Matth. 1857. S. 170—171.

наченъ къ восполненію его Новымъ, то стремленіе къ этому и поведеніе при всѣхъ отдѣльныхъ обстоятельствахъ должны быть совершенно иными, нежели то было въ современномъ господствующемъ мірѣ (VI, 1. VII, 12). Наконецъ, четвертая часть составляетъ надлежащее (richtig) заключеніе всей рѣчи: хотя и труденъ указанный путь новой религіи, но онъ единственно спасителенъ (VII, 13—27) [116].

Слѣдовательно, въ Нагорной проповѣди, какъ въ ораторской рѣчи, указано все: введеніе, изложеніе, приложеніе и заключеніе; кажется, поэтому то Эвальдъ и называетъ её не Bergpredigt—устная собственно проповѣдь, а Bergrede,—рѣчь въ строгомъ смыслѣ, хотя самъ онъ въ тоже время старается указать недостатки со стороны строгой послѣдовательности ея. И дѣйствительно, въ Нагорной бесѣдѣ нельзя признать сочиненія въ видѣ реторически-правильной, формальной рѣчи.

При данномъ въ теоріи раздѣленіи Нагорной проповѣди на четыре части представляется прямо несправедливымъ умаленіе смысла и значенія первой и четвертой частей съ принятіемъ ихъ за приступъ и заключеніе двухъ другихъ частей, и то, что главное значеніе признается за двумя средними частями проповѣди, изъ коихъ первая будто бы составляетъ „ядро“ ея. Напротивъ, сущность Нагорной проповѣди состоитъ именно въ первой ея части: Мѳ. V, 2—16. Ученіе о „блаженствахъ“, это—скрижаль Новаго Завѣта. Развитіе этого ученія и разъясненіе его во многихъ отношеніяхъ къ ветхозавѣтной іудейской религіи и нравственности составляетъ дальнѣйшее содержаніе рѣчи: V, 17,—VI, 27. Слова—V, 17: „не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ“ ясно показываютъ, что слушатели Христовы могли думать о такомъ нарушеніи; не потому, что Господь

116) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 129—130.

напередъ выразилъ имъ „привѣтствіе, благодать, миръ, благословеніе...“; а потому, что Онъ показалъ, какой долженъ быть характеръ новаго царства, новой религіи и нравственности. Этимъ Онъ дѣйствительно могъ дать поводъ думать, не намѣренъ-ли Онъ отмѣнить или нарушить законъ и пророковъ. Нѣтъ, говоритъ Онъ, „не нарушить пришелъ Я, но исполнить“, и потомъ далѣе раскрываетъ подробно отношеніе ветхаго закона къ новому, чтобы чрезъ новый, какъ совершеннѣйшій, привести чадъ Божіихъ къ блаженству.

Понятія о царствѣ Божіемъ и чадахъ Божіихъ суть понятія общія и основныя въ новозавѣтной религіи и нравственности: значеніе ихъ и смыслъ въ духѣ новой вѣры и благодати опредѣляются и изъясняются подробно именно въ Нагорной проповѣди. Слѣдовательно, „ядро“ этой проповѣди, основаніе ея, на коемъ она возникла и откуда развилось великое и высокое содержаніе ея, есть собственно ученіе о блаженствахъ, гдѣ сосредоточенъ весь духъ и характеръ новозавѣтныхъ чадъ Божіихъ и царства Божія. И это ученіе о блаженствахъ такъ, какъ оно развито въ Нагорной проповѣди, отнюдь не допускаетъ мысли, что вся она представляетъ формально-реторически расположенную рѣчь.

Можно сказать, что Нагорная проповѣдь представляетъ въ содержаніи своемъ двѣ части, нѣсколько различныя одна отъ другой. Первая изъясняетъ великое основоположеніе Новаго Завѣта со всѣхъ его сторонъ; а вторая представляетъ дѣйствительныя средства и путь, указанные Спасителемъ, чтобы быть вѣрнымъ Новому Завѣту и стать въ немъ блаженнымъ. Эти и только эти двѣ половины или стороны Нагорной проповѣди Господа можно различать логически, но при семъ они такъ сближены по своему смыслу одна съ другой, что къ нимъ нѣтъ возможности, не извращая ихъ прямаго смысла и не переставляя стиховъ текста, приложить школьное реторическое правило расположенія; они скорѣе представ-

ляются въ прямо-психической, естественной, а не реторической, искуственной связи. И понятно: всякая устная рѣчь, а также и Нагорная бесѣда, какъ живое и устное слово, не легко укладывается въ реторическія рамки, да притомъ еще по чуждому для нея плану.

Если же Эвальдъ преднамѣренно желаетъ видѣть въ Нагорной бесѣдѣ искуственно-обработанную рѣчь, то самъ же онъ „удивляется—при болѣе глубокомъ разсмотрѣніи всего хода этой великой рѣчи—тому, что иногда нѣкоторыя изреченія на томъ мѣстѣ, гдѣ они стоятъ теперь, кажутся чуждыми, посторонними, между тѣмъ какъ они въ иномъ мѣстѣ гдѣ-либо часто и легко могутъ быть введены и поставлены правильнѣе; напримѣръ: VI, 22—за V, 16; VII, 12—лучше при V, 44—47; V, 42 на своемъ мѣстѣ не представляетъ (будто бы) никакого смысла, и пр. [117])."

---

117) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 130—131, ср. Jahrb. d. b. W. 1848. S. 130.

Дѣло можно представить наглядно такъ:

По тексту Евангелія отъ Матѳея:	*По теоріи Эвальда слѣдовало бы:*
V, 16. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего небеснаго.	V, 16. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего небеснаго.
17. Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить.	[VI, 22. Свѣтильникъ для тѣла есть око. И такъ, если око твое будетъ чисто; то все тѣло твое будетъ свѣтло.
	23. Если же око твое будетъ худо; то все тѣло твое будетъ темно. И такъ, если свѣтъ, который въ тебѣ тьма; то какова же тьма?]
	V, 17. Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить.

Послѣ такого перемѣщенія въ VI-й главѣ послѣдовательность стиховъ будетъ иная:

По Евангелію отъ Матѳея:	*По Эвальду:*
VI, 21. Гдѣ сокровище ваше; тамъ будетъ и сердце ваше.	VI, 21. Гдѣ сокровище ваше; тамъ будетъ и сердце ваше.
22. Свѣтильникъ для тѣла есть око. И такъ, если око твое будетъ чисто; то все тѣло твое будетъ свѣтло.	[22—23].
	24. Никто не можетъ служить двумъ господамъ; ибо или одного будетъ нена-

Такая переработка текста Нагорной проповѣди является вовсе неожиданно, если представить, что она, по теоріи, имѣетъ искуственную связь (künstlichen Zusammenhang): какъ же искусство, хотя бы въ видѣ только искуственности, могло допустить „удивительную безсвязность ст. 22, VI и ст. 12, VII гл.“ и отсутствіе смысла въ ст. 42, V гл.,“—что̀ заявляетъ Эвальдъ?!

Въ самомъ дѣлѣ, ужели справедливо, что ст. 22, VI первоначально долженъ былъ стоять за ст. 16, V? Если первоначально ст. 22, VI стоялъ за 16, V; то почему же онъ изъ V переставленъ въ VI гл.? кому и какая нужда была въ происшедшей отъ такого перемѣщенія ихъ безсвязности и особенно ст. 22, VI гл.? Если онъ долженъ стоять въ V за ст. 16 и тогда только быть въ удовлетворительной связи; то въ какой же именно?—въ искуственной, потому что связь всей Нагорной проповѣди только искуственная. А если перестановка ст. 22, VI въ V-ю не дѣлаетъ никакого существеннаго измѣненія въ связи Нагорной проповѣди и она остается какою и была; то перестановка текста безцѣльна, хотя сдѣлана даже прямо вопреки тому факту, что ст. 22-й во всѣхъ рукописяхъ, извѣстныхъ, напримѣръ, К. Тишендорфу, стоитъ именно въ VI гл. [118]). Конечно, теорію должно составлять примѣнительно къ фактамъ, а не факты сочинять для измышленной теоріи... Если фактъ существованія ст. 22 въ VI

23. Если же око твое будетъ худо; то все тѣло твое будетъ темно. И такъ, если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма; то какова же тьма?

24. Никто не можетъ служить двумъ господамъ; ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другаго любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ.

видѣть, а другаго любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ.

118) Novum Testam. Graece, ed. K. Tischendorf'. Leipzig, 1869. v. 1. S. 27—28.

гл. противорѣчитъ теоріи, то должно прямо согласиться, что теорія неправильна, а въ настоящемъ случаѣ не вѣрно мнѣніе, что Нагорная проповѣдь имѣетъ искуственную связь. А если въ послѣднемъ случаѣ признать правильность теоріи, то является petitio principii: ст. 22, VI гл. долженъ стоять за 16, V гл.,—того требуетъ настоящая, первоначальная, т. е. искуственная связь рѣчи, ибо вся рѣчь имѣетъ, по теоріи, искуственную связь; а связь должно признать искуственною потому, что „иногда нѣкоторыя изреченія стоятъ не на своемъ мѣстѣ... напримѣръ, ст. 22, VI гл.“ Но почему же этого не могло быть въ неискуственной связи Нагорной проповѣди?—Отсюда, очевидно, слѣдуетъ дилемма: или ст. 22-й стоитъ не на своемъ мѣстѣ и этимъ подтверждается (qvasi!) мысль объ искуственной связи; или искуственной связи нѣтъ и ст. 22-й на своемъ мѣстѣ. Эвальдъ не рѣшаетъ вопроса, почему ст. 22-й явился не на своемъ мѣстѣ, если онъ уже былъ когда-то въ связи, хотя бы и искуственной, и не доказываетъ, что этотъ стихъ дѣйствительно находится не на своемъ мѣстѣ; слѣдовательно, нѣтъ основанія ст. 22-й переносить изъ VI-й гл. въ V-ю. Въ самомъ дѣлѣ, ст. 22, VI-й стоитъ въ достаточной связи и на своемъ мѣстѣ. Самъ Эвальдъ признаетъ, что „тамъ, гдѣ стоитъ ст. 22-й, онъ нарушаетъ первоначальную связь рѣчи“, но самъ же допускаетъ, хотя „слишкомъ тѣсное, значеніе его великаго содержанія“ и на томъ же самомъ мѣстѣ—въ VI-й гл. Отсюда—вопросъ: если есть (нарушенная, но—неуничтоженная), хотя и малая, связь тамъ, въ VI гл., то почему же думаетъ Эвальдъ, что здѣсь должно быть перемѣщеніе и въ извѣстномъ родѣ—прямо за ст. 16, V гл.? —по тѣсному значенію смысла стиха 22-го на его настоящемъ мѣстѣ? но какъ же, однако, тѣсно такое значеніе его?—этого изъ теоріи и ни откуда не видно. Остается сравнить значеніе ст. 22-го въ VI-й гл. съ значеніемъ его въ V-й гл. за ст. 16-мъ, гдѣ, по теоріи, ст. 22, VI долженъ имѣть свой болѣе полный смыслъ. Но смыслъ

ст. 22 въ VI гл. очень сходенъ съ ст. 16, V гл. и по контексту рѣчи видно, что тотъ и другой говорятъ о свѣтѣ нравственной жизни. Между тѣмъ и другимъ и при обоихъ раскрывается нравственное ученіе: оно какъ начинается сравненіемъ христіанской добродѣтельной жизни со свѣтомъ: V, 16, такъ и заканчивается: VI, 22,— именно въ данныхъ стихахъ. Отсюда, смыслъ ст. 16, V и 22, VI представляется одинаково широкимъ, ибо одинаково обнимаетъ все ученіе, находящееся между ними,— первой съ начала, второй съ конца... Именно: въ ст. 16, V гл. говорится: „такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего небеснаго“. Далѣе развивается ученіе объ истинно-христіанскомъ, собственно-нравственномъ законѣ, какъ условіи и средствахъ для истинно-нравственныхъ и совершенно-добрыхъ дѣлъ. Въ этомъ постепенномъ развитіи идеи христіанскаго нравственнаго закона и раскрытіи его въ частномъ примѣненіи къ обязанностямъ членовъ Новаго Завѣта постепенно открывается, что нравственно-доброе въ христіанскомъ смыслѣ должно быть запечатлѣно характеромъ святости: „не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ... но собирайте себѣ сокровища на небѣ... Ибо гдѣ сокровище ваше; тамъ будетъ и сердце ваше... (ст. 19—21, VI гл.)“; а „сердце ваше“ должно быть обращено въ своихъ стремленіяхъ и чувствованіяхъ, а потомъ желаніяхъ и дѣйствіяхъ, къ небу. Слѣдовательно, тогда только будетъ истинно свѣтить свѣтъ вашъ предъ людьми, когда ваше сердце будетъ обращено къ небу или свято въ своихъ стремленіяхъ. Что же нужно для этого?—„Свѣтильникъ для тѣла есть око. Итакъ, если око твое будетъ чисто; то все тѣло твое будетъ свѣтло. Если же око твое будетъ худо; то все тѣло твое будетъ темно. Итакъ, если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма; то какова же тьма: VI, 22—23?“ По этому должно сохранять свѣтлымъ свое нравственное око—умъ, сердце, совѣсть, душу,— чтобы свѣтъ жизни былъ истинно—нрав-

ственнымъ, святымъ; при этомъ только и будетъ „свѣтить свѣтъ вашъ предъ человѣками, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего небеснаго (ст. 16, V гл.)“. А это храненіе невозможно, если человѣкъ будетъ стремиться не къ небесному, а къ земному: „никто не можетъ служить двумъ господамъ... (ст. 24, VI гл.)“ и не можетъ, служа земному—мамонѣ, работать Господу Богу,—прославлять Отца небеснаго. Такъ ст. 22, VI гл. по контексту стоитъ въ строгой связи съ предыдущимъ изложеніемъ Нагорной проповѣди, гдѣ раскрывается смыслъ 16 ст. V гл., и въ VI гл. нисколько не тѣснѣе смыслъ его, чѣмъ въ V гл. Стихи: 16, V и 22, VI равно содержательны. А это даетъ право и побужденіе оставить ихъ на своихъ мѣстахъ,—право, такъ какъ перемѣщеніе 22 ст. обусловливалось его будто-бы тѣснымъ значеніемъ въ VI гл.,—побужденіе, такъ какъ сопоставленіе ст. 22, VI съ 16, V не представляетъ достаточно-правильной связи между ними.—Самое сопоставленіе ст. 22 и 16, чего желаетъ Эвальдъ, уже свидѣтельствуетъ о тождествѣ и по крайней мѣрѣ весьма значительномъ сходствѣ ихъ по своему смыслу; и если дальнѣйшіе стихи послѣ 16 въ V гл. служатъ развитіемъ его—ст. 16, а 22-й должно поставить прямо за 16 ст.; то гл. V, ст. 17 и слѣд. будутъ служить развитіемъ и ст. 22, VI гл. (ужè 17 ст. V гл.). Между тѣмъ, если и такъ переходъ отъ 16 ст. къ 17 въ V гл. нѣсколько уже непослѣдователенъ, то онъ еще болѣе будетъ такимъ, если передъ 17, V поставить 22, VI. Если не представляется достаточной связи между ст. 22, VI и 17, V; то еще менѣе между ст. 16, V и 22 VI. Именно: ст. 16, V читается: „такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего небеснаго“. Далѣе будетъ слѣдовать ст. 22, VI гл.: „свѣтильникъ для тѣла есть око. И такъ, если око твое будетъ чисто; то все тѣло твое будетъ свѣтло. Если же око твое будетъ худо: то все тѣло твое будетъ темно. И такъ, если

свѣтъ, который въ тебѣ, тьма; то какова же тьма: ст. 23, VI-й?"—Что выясняется въ предыдущемъ стихѣ послѣднимъ сравненіемъ—ст. 22—23?—Слова: „если же" не имѣютъ никакой логической связи съ словами: „такъ да" и „чтобы"—въ ст. 16, V гл. Въ первомъ стихѣ—16 говорится о томъ, что созерцаніе добрыхъ дѣлъ христіанина можетъ служить къ славѣ Отца небеснаго; а во второмъ выражается мысль, что чистота и свѣтъ ока служатъ необходимымъ условіемъ чистоты и свѣта всего тѣла. Это сравненіе, очевидно, нисколько не относится, въ такомъ видѣ, къ первой мысли о свѣтѣ христіанской нравственности и славѣ Отца небеснаго [119]).

Подобный примѣръ перестановки Эвальдъ указываетъ въ гл. VII. Здѣсь ст. 12-й онъ желаетъ поставить въ V гл. предъ ст. 44—47 или послѣ ст. 48 [120]). Стихъ

---

119) Это сравненіе, заключающееся въ ст. 22, VI гл., весьма удовлетворительно изложено и развито въ контекстѣ ст. 21—23, VI гл. еще ранѣе Эвальда въ почтенномъ комментаріи Скотта, а именно: «предыдущая истина (ст. 21), говоритъ онъ, освѣщается нѣкоторымъ приличнымъ сравненіемъ.—Дѣйствія всего тѣла направляются и согласуются при помощи свѣта, находящагося въ глазахъ: когда органъ зрѣнія простъ (Simple) или чистъ, ясенъ и предметы ощущаются такъ, какъ они подлинно суть, все тѣло имѣетъ свѣтъ и человѣкъ движется съ безопасностію и надлежащимъ образомъ; но если око худо (evil), и видитъ вещи смутно, нераздѣльно; то человѣкъ спотыкается, постоянно теряетъ свой путь и движеніе его въ опасности. Такимъ образомъ свѣтлое пониманіе и ощущеніе и предметовъ согласно съ ихъ реальной природой и достоинствомъ даютъ возможность человѣку составить собственное сужденіе, сдѣлать истинный выборъ предметовъ и управлять собой исправно. А потемненный умъ служитъ главнѣйшимъ условіемъ ошибочнаго сужденія о вещахъ и неправильнаго выбора: человѣкъ блуждаетъ, удалившись отъ истиннаго пути. И, слѣдовательно, если что такой человѣкъ почитаетъ почему-нибудь «наивысшимъ благоразуміемъ», то это несомнѣнно есть «безуміе» (folly): свѣтъ становится въ немъ тьмой. Это непосредственно относится къ практическому сужденію о вещахъ земныхъ и небесныхъ»: «гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше, ст. 21, VI Мѳ.—См: Thom. Scott': The holy Bible containing the old and new Testaments. London. 1826. vol. V. Comment. New Test.

120) То есть:

По Евангелію отъ Матѳея:	*По Эвальду:*
V, 46. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не тоже ли дѣлаютъ и мытари?	V, 46. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не тоже ли дѣлаютъ и мытари?

12-й, VII читается: „и такъ во всемъ какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними; ибо въ этомъ законъ и пророки“. Но слова: „такъ... и вы“—ουτω και υμεις не дозволяютъ переносить этотъ стихъ къ ст. 44—47, V, потому что здѣсь поставлено ουτω, а не ταυτα, что значитъ такъ, а не это; т. е. содержаніе VII, 12-го стиха выражаетъ соотвѣтствіе и соразмѣрность воздаянія ближнимъ соотвѣтственно собственному желанію, и прямо относится къ словамъ: „какъ хотите“—οσα αν θελητε. „Существенный смыслъ этой заповѣди въ словахъ: „какъ хотите... такъ и вы...“ или въ мысли о соотвѣтственномъ дѣйствіи въ отношеніи къ себѣ и ближнимъ, οσα αν...[121])“. А въ такомъ смыслѣ ст. 12, VII не идетъ къ ст. 44—47, V и къ 48. Ибо здѣсь говорится не о соотвѣтственномъ воздаяніи ближнимъ, а о преимущественномъ,—„любите враговъ вашихъ, говоритъ Спаситель, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ (ст. 44, V)“; или: будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный (ст. 48, V)“, Который, разумѣется по контексту рѣчи, повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ (ст. 45, v)“, т. е. воздаетъ имъ болѣе, чѣмъ отъ нихъ получаетъ. Но если поставить ст. 12, VII гл. за ст. 48, v, то онъ былъ бы не соотвѣтственнымъ заключеніемъ стиховъ 44

---

47. И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?	47. И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?
48. И такъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.	[VII, 12. И такъ, во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними; ибо въ этомъ законъ и пророки].
	V, 48. И такъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.

121) Meyer'a: Komm. über d. Ev. Matth. S. 164—165.

—47 и особенно 48, v гл. сравнительно съ послѣднимъ —48-мъ, какъ заключеніемъ стиховъ: 47—46. Если ст. 48-й говоритъ: „и такъ, будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“; то здѣсь уже болѣе содержится, чѣмъ въ ст. 12: „какъ хотите (οσα αν θελητε), чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними“,—больше потому, что въ послѣднихъ словахъ выражается только духъ Ветхаго Завѣта: „ибо, говоритъ въ томъ же стихѣ 12-мъ Спаситель, въ этомъ законъ и пророки (ст. 12, vii)“, а въ словахъ: „какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“, Который, разумѣется (ст. 45), посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ“, и: „такъ будьте совершенны“—ст. 48, въ этихъ словахъ болѣе „закона и пророковъ“,—здѣсь духъ Новаго, совершеннѣйшаго Завѣта, духъ любви ко врагамъ и благотворительности за злодѣяніе. Несравненно лучшее значеніе ст. 12, vii гл. имѣетъ на своемъ мѣстѣ, послѣ ст. 11, vii гл.— Здѣсь ст. 12-й служитъ заключеніемъ всего ученія объ отношеніи Новаго Завѣта къ Ветхому, христіанскаго закона къ Моисееву,—заключеніемъ развитія основной идеи любви къ ближнему, которая служила основаніемъ „закона и пророковъ“. Въ тоже время ст. 12, vii служитъ заключеніемъ и всего ученія Нагорной бесѣды, гдѣ открывается новый и совершенный путь въ истинное царство Божіе. Потому далѣе въ ст. 13 содержится уже обращеніе къ слушателямъ: „входите тѣсными вратами...“—призываніе слѣдовать предначертанному пути,—поступать по только-что раскрытой заповѣди о любви къ ближнимъ, на которой основываются весь „законъ и пророки“. Если же, по желанію Эвальда, переставить ст. 12, vii гл. въ v гл.; то между ст. 11 и 13 въ vii гл. будетъ дѣйствительно безсвязность: въ ст. 11 говорится о превосходствѣ благосердія Отца небеснаго надъ благосердіемъ людей; какъ же вдругъ приставить сюда приглашеніе: „входите тѣсными вратами“?—Изъ предыдущаго 11-го ст. непосредственно не видно никакого стѣсненія для добровольнаго

поведенія человѣка; такъ что слова: „входите тѣсными вратами“ по смыслу не идутъ къ словамъ: „если вы, будучи злы, умѣете даянія благія давать дѣтямъ вашимъ; тѣмъ болѣе Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у него“—ст. 11, VII. А если и возможна связь между ст. 11 и 13, VII, то лишь при такомъ посредствующемъ сужденіи: таково основоположеніе нравственнаго закона, которое ограничиваетъ и стѣсняетъ произволъ человѣка, но вы „входите тѣсными вратами“. А такое сужденіе, посредствующее между ст. 13 и всей Нагорной бесѣдой до ст. 11, VII и выражаетъ ст. 12-й этой главы, въ словахъ: „ибо въ этомъ законъ и пророки“. Въ этихъ словахъ содержатся, объединяются и заключаются всѣ сужденія Господа объ отношеніи Новаго Завѣта къ Ветхому,— о всѣхъ видахъ выполненія и восполненія заповѣдей, какъ выраженій одной основной христіанской заповѣди о любви къ ближнимъ въ духѣ и совершенствѣ любви Отца небеснаго.—Во всей Нагорной проповѣди небесный Учитель желалъ показать, въ чемъ состоитъ восполненіе Ветхаго Завѣта совершеннѣшимъ, новымъ. Это Онъ и показалъ, и указываетъ наконецъ: ουτος γαρ εστιν ο νομος και οι προφηται; ουν,—„не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить“ (ст. 16, V).

Если не здѣсь—въ VII гл.; то въ ст. 42, V гл. по видимому оправдывается мнѣніе Эвальда объ искуственной связи въ Нагорной бесѣдѣ.—Стихъ 42, V гл. представляется ему неимѣющимъ никакой естественно-логической связи съ предыдущими и послѣдующими ст. 41—43. Какъ же это, однако?—„такъ какъ, говоритъ Эвальдъ, въ предыдущихъ стихахъ рѣчь идетъ о томъ, что не должно сопротивляться злому,—тому, кто ударитъ въ щеку, кто захочетъ судиться и кто принудитъ идти съ собой поприще: 39—41 ст.; а въ ст. 42 говорится: „просящему у тебя дай“— что̀ не стоитъ въ связи съ ст. 39—41. „Но, замѣчаетъ Мейеръ, между этими стихами,

если бы они не были въ существенной связи съ предыдущими, находится связь по естественной ассоціаціи" [122]). Это могло быть такъ; но для теоріи требуется логическая связь, которую впрочемъ нельзя отвергать уже и по указанной ассоціаціи. Здѣсь есть логическая связь. Въ стихѣ 39-мъ Спаситель говоритъ: „не противься злому"— πονηρον,—всякому проявленію лукаваго эгоизма; слѣдовательно, кто ударитъ тебя, хочетъ судиться съ тобою, принудитъ тебя идти поприще—не противься. Но это еще не все проявленіе лукаваго эгоизма: если кто проситъ у тебя взаймы, разумѣется—безъ отдачи, то „просящему у тебя дай",—и здѣсь не противься злому (πονηρον); ибо „если взаймы даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обратно: какая вамъ за то благодарность?... Но вы... и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будетъ вамъ награда великая, и будете сынами Всевышняго," говоритъ Спаситель (ср. Лук. VI, 34—35). Такую связь должно и можно мыслить по указанію Ев. Луки [123]).

---

122) Meyer's: Komment. üb. d. N. T. Ev. Matth.

Вотъ самый текстъ гл. V-й ев. Мѳ.:

Ст. 38. «Вы слышали, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ (Исх. 21, 24).

39. А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую.

40. И кто захочетъ судиться съ тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

41. И кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два.

42. Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся.

43. Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего (Лев. 19, 17. 18.)».

Для опредѣленія правильнаго контекста этихъ стиховъ, особенно ст. 42-го, ср. по Евангелію отъ Луки: гл. VI, ст. 34—35.

123) Указаніе на Ев. Лук. VI, 34—35 ст. по поводу связи ст. 42, V Мѳ. у Stier'a: d. Reden d. Hern Jesu. 3 Aufl. 1865. S: 175—176. Сопоставленіе ст. 42, V Мѳ. съ Лук. VI, 34—35 находится въ синоптическихъ таблицахъ Bunsen'a, Sevin'a и Tischendorf'a.— Нѣкоторые комментаторы указываютъ другую связь ст. 42 съ 41 въ V гл. Мѳ. Такъ Th. Scott говоритъ: «Подъ различными предлогами могутъ быть нѣкоторыя неразумныя требованія отъ учениковъ Христовыхъ, касающіяся разнообразныхъ занятій, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ; но если бываетъ требованіе, напри-

Рѣшительно противъ теорій Эвальда и частнаго мнѣнія ея о перестановкѣ стиховъ и безсвязности ихъ въ Нагорной проповѣди говоритъ тотъ фактъ, что всѣ, указанные самимъ Эвальдомъ, стихи: 12, VII; 42, V; 22, VI-й во всѣхъ извѣстныхъ кодексахъ Новаго Завѣта и рукописяхъ Евангелій стоятъ на своихъ мѣстахъ. Отчего же не было никогда и нигдѣ исправлено qvasi-извращеніе текста въ Евангеліи отъ Матѳея?—только оттого, что никогда не было этого самаго мнимаго извращенія его въ дѣйствительности [124]).

Доказательствомъ того, что Нагорная проповѣдь имѣетъ только искуственную, а не первоначальную связь живаго устнаго преданія или ученія, для Эвальда служатъ не только неумѣстность и безсвязность нѣкоторыхъ стиховъ ея; но и вставки нѣсколькихъ стиховъ—въ ихъ искуственной формѣ, какъ напримѣръ молитва Господня „Отче нашъ", которая была произнесена Іисусомъ Христомъ первоначально только при извѣстномъ случаѣ, какъ образецъ молитвы христіанской, новозавѣтной; въ такомъ (будто бы) случайномъ возникновеніи она записана еще у ев. Луки: XI, 1—4. Эта молитва въ Нагорной проповѣди, судя по контексту рѣчи, представляется, довольно ощутительно, вводною [125]). Мнѣніе объ искуственности

мѣръ—продолжать путь на милю долѣе, чѣмъ то нужно; то, конечно, лучше идти, нежели ссориться изъ-за того,—лучше давать и ссужать тѣмъ, кто непріязненно требуетъ, чѣмъ отказывать съ жестокостію или видимымъ самолюбіемъ (selfishness), и тѣмъ болѣе давать и ссужать тамъ, гдѣ есть нужда,—въ виду добраго дѣла.—Само собою очевидно, что при болѣе широкомъ примѣненіи этой заповѣди въ отношеніи къ ближнимъ должны быть допущены многія и великія ограниченія.» Commentary on the holy Bible. U. V: New Test. p. 22—23.

124) См. изданія Н. Зав. B. Walton'a: Biblia sacra Polyglotta; Stier' und Theile: Polyglotten-Bibel; Tischendorf'a: Novum Testamentum graece; u Poly: Synopsis Londinensis in Nov. Testamentum.

125) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 130—131.

Нагорной рѣчи (Bergrede), основанное только на этомъ ощущеніи, не можетъ быть признано научнымъ или провѣрено научно; такъ какъ оно не аргументировано логически и остается научно-неосновательнымъ. Между тѣмъ Эвальдъ на этомъ недостаточномъ основаніи заключаетъ, что „о первоначальной и первоначально-твердой (urfesten) связи всѣхъ этихъ (молитвенныхъ) изреченій не можетъ быть никакой рѣчи“. Пусть будетъ это такъ; но что слѣдуетъ отсюда?—то, что Нагорная проповѣдь вся имѣетъ искуственную, а не первоначальную связь устнаго ученія?—Очевидно, здѣсь въ заключеніи болѣе, чѣмъ въ основаніи,—настолько, насколько 120 стиховъ болѣе 5, т. е. все содержаніе Нагорной проповѣди (безъ „Отче нашъ“—5-ть стиховъ) болѣе„ Отче нашъ“. Однако нельзя заключать и такъ, какъ Эвальдъ, т. е. отъ несравненно (собственно въ двадцать четыре раза) меньшаго къ настолько же большему. Такъ какъ „Отче нашъ“ есть собственно молитва, и пусть—искусственная, но какъ такая, она могла быть введена въ рѣчь (Bergrede) самимъ же Спасителемъ,—подобно тому, какъ слова ветхозавѣтныхъ писаній—цитаты,—могла, если она была Имъ такъ выражена прежде. Эта молитва находится у ев. Луки въ гл. XI, 1—4 ст. съ замѣчаніемъ, что она была предложена Господомъ своимъ ученикамъ именно потому, что одинъ изъ нихъ просилъ Его: „Господи, научи насъ молиться, какъ и Іоаннъ научилъ учениковъ своихъ“. На это Господь отвѣчалъ: „когда молитесь, говорите: Отче нашъ...“ Но когда это было?—„Случилось... когда Онъ въ одномъ мѣстѣ молился, и пересталъ... (XI, 1 ст.)“. Несомнѣнно, что случившееся гдѣ-нибудь разъ, могло быть повторено и въ другомъ мѣстѣ при иномъ побужденіи; также—и молитва „Отче нашъ“ могла быть неоднократно прежде произносима Самимъ Спасителемъ, могла быть сказана прежде Нагорной проповѣди одному ученику послѣ молитвы „въ одномъ мѣстѣ“, и повторена еще разъ на „горѣ блаженствъ“ предъ множествомъ народа, когда шла рѣчь

о томъ, какъ должно молиться въ духѣ Новаго Завѣта. Если ученикамъ Господа нужно было знать, какъ должно молиться (Лук. XI, 1—4), то и всѣмъ, имѣющимъ быть въ числѣ членовъ церкви Его. Поэтому-то Господь, говоря о молитвѣ въ духѣ Новаго Завѣта, заповѣдуетъ молиться втайнѣ, не говорить въ молитвѣ лишняго, какъ язычники и не уподобляться имъ (Мѳ. VI, 6—8); а отсюда слѣдовалъ прямой вопросъ со стороны слушателей—какъ же именно должно молиться? И на этотъ, логически-естественно слѣдующій, вопросъ Спаситель отвѣчаетъ: οὕτως οὖν προσεύχεσθε ὑμεῖς: „Отче нашъ...“ Такъ однажды, когда нибудь прежде, произнесенная молитва могла быть повторена въ другомъ случаѣ,—въ Нагорной проповѣди,—подобно тому, какъ Господь и другія изреченія этой проповѣди несомнѣнно повторялъ и при другихъ поводахъ и въ другихъ Своихъ рѣчахъ [126]). Повторить „Отче нашъ“ въ данномъ случаѣ особенно нужно было, потому что Господь осуждалъ и фарисейскую, примѣрную въ то время, молитву (гл. VI, 6 ст.), и языческую (ст. 7—8) при большомъ стеченіи народа (ὄχλους), при чемъ Онъ долженъ былъ непремѣнно и немедленно предложить образецъ Своей молитвы, совершеннѣйшей, который Онъ и предлагаетъ въ ст. 9—13, VI гл. Мѳ. Спаситель высказалъ ее въ связи съ предыдущими и послѣдующими словами рѣчи; такъ какъ, напримѣръ, и дальнѣйшіе стяхи: 14—15 служатъ именно разъясненіемъ ея, опредѣленіемъ ея смысла и характера, какъ молитвы въ духѣ Новаго Завѣта,—въ духѣ любви чадъ Отца Небеснаго. Слѣдовательно, молитва „Отче нашъ“ поставлена на своемъ мѣстѣ въ Нагорной проповѣди и изъяснена въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ содержаніемъ ея.

---

126) Напримѣръ: Мѳ. v, 15. Мр. iv, 21—25. Лук. viii, 16—18. xi, 33· Мѳ. v, 25—26. Лук. xii, 58—59. Мѳ. v, 29—30.—Мѳ. xviii, 8—9. Мр. ix, 43. 47, Мѳ. vi, 9—15. Лук. xi, 1—4. Мр. xi, 24—26. Мѳ. vi, 20—30. 33. Лук. xii, 33—34. xi, 34—35. xvi, 13. xii, 22—31. Мѳ. vii, 7—11. Лук. xi, 9—13, и пр.

А этимъ устраняется и тотъ намекъ Эвальда, что по контексту ему довольно ощутительна искуственная связь Нагорной проповѣди. Слѣдовательно, связь мыслей въ указанномъ мѣстѣ и—во всей Нагорной проповѣди должна быть признана совершенно твердою и естественною, какъ въ живой, устной рѣчи.

Наоборотъ, какъ бы ни доказывалось въ предыдущемъ искуственное построеніе Нагорной проповѣди, но оно было бы доказано лишь отъ меньшей части,—судя по нѣсколькимъ немногимъ стихамъ ея. Поэтому, въ доказательство искуственной связи, во всей Нагорной проповѣди Эвальдъ указываетъ въ ней „нанизываніе (Anreihung) изреченій въ сильнѣйшей зависимости отъ круглыхъ чиселъ,—подобно тому, какъ это было у раввиновъ Апостольскаго времени" [127]).

Такъ, въ Нагорной бесѣдѣ послѣ изъясненія, различающаго Ветхій и Новый завѣтъ (Мѳ. V, 17—20), существо этого различія, говоритъ теорія, объясняется въ многочисленныхъ (mehreren) примѣрахъ, совершенно однородныхъ, какъ-будто эти примѣры были заимствованы изъ обыкновеннаго въ тогдашнихъ іудейскихъ школахъ обзора (Uebersicht) обязанностей; здѣсь (V, 21—48. VII, 12 ст.) перечисляются слѣдующія предписанія, заимствованныя изъ Пятокнижія: 1, относительно убійства,—2, прелюбодѣянія,—3, развода,—4, клятвы,—5, мщенія,—6, любви къ ближнимъ и ненависти ко врагамъ". Такъ насчитывается шесть заповѣдей, которыя обнимаютъ все содержаніе первой части Нагорной проповѣди; въ этомъ и представляется Эвальду искуственность ея [128]).

Эвальдъ насчитываетъ столько заповѣдей, но—на какомъ основаніи?—Очевидно, не на логическомъ, а — по числу ветхозавѣтныхъ цитатъ. Неправильность такого сче-

---

127) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 131.
128) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 131—132.

та обнаруживается въ томъ, что шестью цитатами не обнимается все содержаніе первой части Нагорной проповѣди. По сознанію самого Эвальда, ветхозавѣтному изреченію: „око за око и зубъ за зубъ (Мѳ. V, 38),"—что составляетъ пятый пунктъ дѣленія,—не соотвѣтствуетъ ст. 42-й и даже „не стоитъ съ предыдущими: 39, 40 и 41 ни въ какой логической связи". Въ ст. 39 и 41 „идетъ дѣло о томъ, слѣдуетъ ли противиться злому, а въ ст. 40 и 42—о владѣніи,—о „моемъ" и „твоемъ"; а ветхозавѣтнаго предписанія, соотвѣтствующаго этимъ стихамъ, не выставлено, какъ бы слѣдовало „по обыкновенію іудейскихъ школъ"[129]). Слѣдовало бы при ст. 40 и 42 быть седьмому ветхозавѣтному изреченію (цитатѣ); но его нѣтъ; остается только шесть; отсюда—раввинскаго числа семи нѣтъ въ первой части Нагорной проповѣди, нѣтъ и искуственнаго ея расположенія, соотвѣтственнаго числу семи. Но, думаетъ Эвальдъ, хотя для ст. 40 и 42 не выставлено особаго седьмаго предписанія изъ книгъ ветхозавѣтныхъ, однако оно непремѣнно должно быть.—„Мы, говоритъ Эвальдъ, имѣемъ право на такое предположеніе,—что между ст. 38, 39 и 41 опущено положеніе, которое когда-то гласило такъ: „вы слышали, что сказано было древнимъ: ты не долженъ красть, а долженъ отдавать назадъ бѣдному его верхнюю одежду до захожденія солнца (—изъ Исх. XX, 15 и Второз. XXIV, 3); а Я говорю вамъ:—даже и тому, кто пожелаетъ съ тобой судиться, дабы лишить тебя твоей нижней одежды, и т. д. 40 и 42 ст.". Такъ восполняется число семь [130]"). Итакъ, думая, что предписаніе, составленное изъ Исх. XX, 15 и Второз. XXIV, 3, должно быть при ст. 40 и 42 въ V гл. Мѳ., Эвальдъ полагаетъ, что оно дѣйствительно было, но опущено; а на какомъ основаніи можно думать, что оно было въ текстѣ,

129) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 132.
130) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 132.

если, по теоріи, оно только могло и должно быть, и если другаго ничего нельзя вывести изъ соображенія Эвальда относительно новаго седьмаго предписанія? Если онъ желаетъ признать свою вставку дѣйствительно-исторически правою, такимъ же и фактъ, что седьмое предписаніе именно опущено; то онъ долженъ бы подтвердить свое предположеніе какимъ-либо историческимъ свидѣтельствомъ. Однако, изъ всѣхъ, извѣстныхъ напримѣръ К. Тишендорфу, Ев. рукописей не видно ничего, доказывающаго, чтобы оно было, когда-то читалось именно такъ, и потомъ выпало. Это, неизвѣстно кѣмъ и когда опущенное, неизвѣстно кѣмъ и когда до Эвальда составленное, положеніе, по причинѣ этой самой неизвѣстности, необходимо должно признать неимѣющимъ никакого основанія или научнаго значенія. Оно имѣло бы хотя какое нибудь значеніе, если бы въ немъ была существенная нужда, если бы стихи: 39, 40, 41 и 42 не соединялись по смыслу съ ст. 38; но эти стихи имѣютъ очень твердую связь съ нимъ; сомнѣніе можетъ быть относительно только ст. 42; но самъ Эвальдъ соединяетъ его со ст. 40-мъ по смыслу; слѣдовательно, всѣ четыре стиха: 39, 40, 41 и 42 составляютъ развитіе ст. 38, т. е. шестаго положенія или ветхозавѣтнаго изреченія; и это тѣмъ вѣроятнѣе, что Эвальдъ стиху 38-му или шестому пункту дѣленія даетъ общее значеніе заповѣди о любви къ ближнимъ, съ чѣмъ легко соединяется по смыслу и 42-й ст., а предположеніе когда-то выпавшей седьмой заповѣди становится ненужнымъ. Связь ст. 42 съ 40, и слѣдовательно съ 38, необходимо должна быть, потому что если и вставить вновь открытую Эвальдомъ заповѣдь, то ст. 42-й будетъ относиться къ ней опять посредственно же,—въ связи со ст. 40; но если онъ стоитъ и долженъ стоять съ нимъ въ связи, то все равно, куда бы ни отнести ст. 40, съ нимъ туда же перейдетъ и ст. 42; а ст. 40-й прежде былъ поставленъ и долженъ быть оставленъ Эвальдомъ въ связи съ ст. 39 и 41, когда ст. 42 только одинъ былъ объявленъ (въ теоріи) стоящимъ безъ всякой логической связи и дол-

женъ былъ перейти на другое мѣсто. Теперь же ст. 42 соединяется съ ст. 40 и, слѣдовательно, по первому мнѣнію Эвальда, долженъ стоять въ связи съ ст. 39, 40 и 41 посредствомъ именно ст. 40. Такъ мыслимая теперь связь ст. 42 съ 39 и—38, т. е. съ шестымъ пунктомъ дѣленія, не даетъ основанія предполагать еще особой заповѣди, какъ седьмаго пункта дѣленія всей Нагорной проповѣди; потому что всѣ стихи: 39, 40, 41 и 42 относятся уже къ ст. 38, какъ къ шестому пункту дѣленія. Но эта связь ст. 42 съ 40 и 39 съ 41, которую изобрѣтаетъ собственно и только Эвальдъ, дабы допустить предположеніе новой заповѣди, представляетъ новое возраженіе его теоріи. Если же къ „новой заповѣди—седьмому пункту“ дѣленія должны относиться ст. 40 и 42, а не къ прежней, шестой—39 и 41; то слѣдуетъ, что ст. 39—42 должно поставить въ иномъ порядкѣ: ст. 41 должно поставить на мѣсто 40 и наоборотъ, потомъ между ними поставить текстъ новой заповѣди; а это свидѣтельствуетъ о томъ, что не только опущена цѣлая заповѣдь, но и стихи, къ ней относящіеся, переставлены, хотя кѣмъ, когда, для кого и для чего неизвѣстно. Итакъ, что же признать: то ли, что стихи: 39—42 переставлены и заповѣдь (въ отношеніи къ нимъ основная) опущена, или то, что ничего такого не было и нѣтъ? Имѣя въ виду, что существующій текстъ Нагорной проповѣди не представляетъ такого поврежденія, признавая, какъ должны быть безцѣнно-дороги слова Господа для первыхъ Его послѣдователей, и не видя нужды въ подобной переработкѣ текста въ ущербъ связи рѣчи, не видя при томъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ, должно признать болѣе справедливымъ то, прежде высказанное, соображеніе Эвальда, что ст. 40, а съ нимъ и 42 могутъ быть въ связи съ 39 и 38—шестымъ пунктомъ дѣленія, и слѣдовательно,—совершенно вѣрнымъ то положеніе, что седьмаго пункта нѣтъ и не было въ первой части Нагорной проповѣди.

Не только въ Нагорной бесѣдѣ, но и вообще въ Евангеліи, гдѣ приводятся заповѣди Ветхаго Завѣта, нельзя признавать число семь въ раввински—школьномъ значеніи. Самъ Эвальдъ указываетъ, что ев. Маркъ, по его мнѣнію, древнѣйшій изъ каноническихъ Евангелистовъ, не держится этого числа, перечисляя только шесть заповѣдей (Мар. X, 19), а ев. Лука только пять (Лук. XVIII, 20), и замѣчаетъ: „не трудно видѣть, какъ постепенно семь такихъ мѣстъ сокращаются до шести или даже до пяти [131])". Не только нетрудно, но и совсѣмъ не возможно видѣть—какъ постепенно сокращается число семь въ шесть и пять. Ибо,—гдѣ же это сокращаемое семь? По словамъ Эвальда, можно думать, что ев. Матѳей одинъ держится такого обыкновенія, принимая въ Нагорной проповѣди семь (извѣстныхъ только шесть) Ветхозавѣтныхъ заповѣдей. Но противъ этого рѣшительно говоритъ то, что въ Нагорной проповѣди ев. Матѳей перечисляетъ именно только шесть заповѣдей: объ убійствѣ, о прелюбодѣяніи, разводѣ, клятвѣ, мщеніи и любви къ ближнему. Столько же, именно шесть, заповѣдей, ев. Матѳей перечисляетъ и въ другой разъ, въ XIX гл. ст. 18—19: „не убивай, не прелюбодѣйствуй, не крадь, не лжесвидѣтельствуй, почитай отца и мать и люби ближняго твоего". Слѣдовательно, и у ев. Матѳея нѣтъ обыкновенія раввиновъ приводить ветхозавѣтныя изреченія въ числѣ семи. Если же ни у ев. Марка, ни у ев. Луки, ни у самого ев. Матѳея не приводятся ветхозавѣтныя заповѣди въ числѣ семи; то не только нельзя произвольно приставлять къ шести седьмую, какъ то дѣлаетъ Эвальдъ въ Нагорной проповѣди, а скорѣе можно было бы заподозрить дѣйствительное тамъ существованіе седьмой,—по взгляду и методу Эвальда.

---

131) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 132. d. Anmerkung dritt.

Очевидно, ветхозавѣтныя заповѣди въ Евангеліи приводятся въ числѣ шести (Мѳ. XIX, 18—19; Мр. X, 19) или пяти (Лук. XVIII, 20), но не въ числѣ семи, какъ бывало у раввиновъ. Если же признать, что числа пять и шесть суть уже сокращенныя; то все же получится круглыхъ чиселъ три: пять, шесть и семь; а если такъ, то едвали какое сочиненіе, особенно нравоучительнаго содержанія, можетъ освободиться отъ типа раввинскаго построенія: правило объ изложеніи изреченій по числамъ шести или семи, или пяти, и т. под. (а почему не и такъ далѣе?) можетъ имѣть почти всеобщее, хотя и не опредѣленное значеніе, а въ частномъ примѣненіи—никакого.

Наконецъ, безъ всякихъ доказательствъ пусть будетъ совершенно вѣрнымъ то мнѣніе, что первая часть Нагорной бесѣды изложена по числу семи; какъ же отсюда слѣдуетъ, что она не имѣетъ связи живаго устнаго преданія и ученія?—и Спаситель могъ говорить такъ, какъ обыкновенные раввины эту, сравнительно болѣе длинную, рѣчь и могъ высказать и объяснить именно семь ветхозавѣтныхъ заповѣдей. Иначе, откуда же взялъ бы ев. Матѳей тѣ стихи, которые относятся Эвальдомъ къ седьмой заповѣди и стоятъ, по его мнѣнію, внѣ связи съ шестой, да при томъ еще и въ Евангеліи отъ Луки относятся также къ Нагорной именно проповѣди (напримѣръ, Мѳ. V, 39—42; ср. Лук. VI, 30—34)?!—Слѣдовательно, мысль, что ев. Матѳей долженъ былъ приводить или приводитъ ветхозавѣтныя заповѣди по раввинскому обыкновенію въ числѣ семи и отсюда,—Нагорная проповѣдь не имѣетъ связи живаго, устнаго ученія, эта мысль не находитъ для себя никакого оправданія,—покрайней мѣрѣ въ первой части Нагорной проповѣди (Мѳ. V, 21—48).

Въ параллель первой части и какъ новое доказательство своего мнѣнія о построеніи Нагорной проповѣди по раввинскому числу семи, Эвальдъ группируетъ и вторую часть содержанія ея по-раввински. По мнѣнію Эвальда, содер-

жаніе VI гл.—11 ст., VII-й гл. Мѳ. расположено такъ: 1, Спаситель опредѣляетъ истинную благотворительность,— 2, молитву,—3, надлежащій постъ,—4, главныя средства противъ привязанности къ земнымъ благамъ,—5, воздержность при сужденіи о другихъ,—6, предусмотрительность въ сообщеніи высшихъ истинъ,—7, неутомимую, непрерывно-стремительную энергію вѣрующаго (V, 1—4. 5—15. 16—18. 19—34. VII, 1—5. 6. 7—11 [132])".

Построеніе содержанія второй части Нагорной проповѣди, такъ предложенное Эвальдомъ, очевидно, уклоняется отъ типа собственно іудейски-раввинской структуры, потому что не имѣетъ для себя соотвѣтственныхъ ветхозавѣтныхъ цитатъ, какъ это было въ первой части. Слѣдовательно, расположеніе второй части сходно съ расположеніемъ первой не по основанію дѣленія, а по формѣ или по числу семи.

Какія же собственно основанія имѣетъ это формально-сходное дѣленіе второй части Нагорной проповѣди на семь главныхъ пунктовъ, если для него нѣтъ прежнихъ основаній—ветхозавѣтныхъ цитатъ?—разумѣется, только логическія основанія или общія понятія. А если такъ, то является уже не искуственный, обычно-раввинскій, строй, а логическій, естественный порядокъ—на основаніи общихъ понятій, хотя бы и въ числѣ семи. Сходство расположенія первой и второй части Нагорной проповѣди остается только въ формѣ и эта форма не доказываетъ внутренней искуственной связи; потому что можно насчитать семь общихъ понятій, а можно и болѣе или менѣе, смотря потому, въ какой мѣрѣ принимается самая общность понятій,—съ какой точки зрѣнія производится выборъ самыхъ понятій. Эвальдъ насчитываетъ ихъ только семь потому, что для своей цѣли останавливается въ своемъ счетѣ на ст. 11, VII гл.; а если продолжить ана-

132) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 132—133.

лизъ главы VII, то ст. 13: „входите тѣсными вратами...“, ст. 15: „берегитесь лжепророковъ...“ и под. увеличиваютъ число основныхъ или общихъ понятій. Но и тѣ изъ нихъ, кои приняты собственно Эвальдомъ, не такъ тверды и общи въ отношеніи одно къ другому, чтобы могли оставаться именно въ числѣ семи основныхъ понятій. Основныя понятія, указанныя Эвальдомъ, суть: милостыня, молитва, постъ, средства противъ привязанности къ земнымъ благамъ, воздержаніе при сужденіи о другихъ, предусмотрительность въ сообщеніи высшихъ истинъ и энергія вѣрующаго. Изъ этихъ понятій четвертое легко разлагается на два другія: нестяжательность и надежду на Промыслъ,—такъ раздѣльно изреченія, соотвѣтствующія этимъ понятіямъ, приводятся у ев. Луки (Лук. XII, 33—34 и 22—31). Слѣдовательно, всѣхъ общихъ понятій будетъ восемь. Или: седьмое общее понятіе—энергія—никакъ не видовое, вмѣстѣ съ другими шестью, но, такъ сказать, общѣе всѣхъ ихъ; и т. д. Слѣдовательно, еще нѣтъ твердаго основанія признать, что вторая часть Нагорной проповѣди расположена по числу именно и только семи непремѣннымъ пунктамъ, можно съ такимъ же, если не съ бо̀льшимъ, правомъ думать совершенно иначе: по большему числу общихъ логическихъ понятій не можетъ быть признано обыкновенно-раввинское расположеніе второй части Нагорной проповѣди. Слѣдовательно, и вся Нагорная проповѣдь, какъ въ первой своей части, такъ и во второй, не представляетъ искуственной связи.

Но какъ же объяснить то, что нѣкоторые стихи въ ней стоятъ, по видимому, не въ столь твердой связи?—Слѣдуетъ признать за ней характеръ устной рѣчи, а не формально-связной; потому что послѣдняго рода связь исключала бы видимую (для Эвальда) безсвязность.

Если допустить самое крайнее предположеніе, что Нагорная бесѣда вся, сначала до конца, дѣйствительно написана искуственно-связно; то что же отсюда слѣдуетъ?—никакъ не то, что̀ бы она была измѣнена и теперь, по-

этому, уже не представляетъ связи первоначальнаго устнаго преданія. Круглыми числами могли воспользоваться и каноническіе Евангелисты—первые составители рѣчей Христовыхъ и устныхъ разсказовъ—для облегченія своей и чужой памяти, какъ это можетъ признать и самъ Эвальдъ. Такъ, слѣдуя обычаю своего времени и примѣру современныхъ школъ первые Евангелисты могли то, что воспоминали, прямо передавать или записывать для другихъ—въ облегченіе ихъ памяти—по числу семи, если это нисколько не вредило смыслу рѣчи. Изъ такой формы еще нельзя выводить того, что содержаніе рѣчи сколько-нибудь неподлинно, что оно трудно припоминалось,—именно потому, что форма эта была обыкновенною; слѣдовательно, эту форму принимало и готовое содержаніе, которое раввины легко припоминали или прямо заимствовали изъ ветхозавѣтныхъ Св. книгъ. Слѣдовательно, доказательство (или, точнѣе, недоказанное мнѣніе Эвадьда объ) искуственной связи въ Нагорной проповѣди ни къ чему и никакъ не ведетъ.

А если всѣ доказательства того, что Нагорная проповѣдь составлена искуственно, не достаточны для этой своей цѣли; то тѣмъ болѣе они не имѣютъ никакого научнаго значенія, если содержаніе оной вмѣсто искуственнаго состава представляетъ послѣдовательно логическое развитіе духа и характера Новаго Завѣта [133]).

Послѣдовательный ходъ мыслей въ Нагорной проповѣди не требуетъ и не допускаетъ предположенія объ искуственной, неестественной или непервоначальной связи ея.

Но теорія не довольствуется и сама—во всякомъ случаѣ—однимъ примѣромъ Нагорной проповѣди, признавая характеръ ея построенія за недостаточное еще основаніе для заключенія о такомъ же характерѣ и всѣхъ первоначальныхъ Евангельскихъ опытовъ того же рода: такое

---

133 См. изложеніе содержанія Нагорной бесѣды въ логической послѣдовательности, напримѣръ: у Ците. Кіевъ. 1866. Рус. пер. Орды. Стр. 149—165.

заключеніе—во всякомъ случаѣ—было бы отъ части къ цѣлому,—ко всему періоду первоначальнаго составленія Ев. исторіи. Поэтому-то Эвальдъ представляетъ еще нѣсколько примѣровъ подобнаго свойства и одинаковаго типа, это—„Рѣчь противъ книжниковъ и фарисеевъ“, нѣкоторыя „Притчи“ и, наконецъ, нѣкоторыя отрывочныя изреченія.

Эти слѣдующіе примѣры сравнительно одинаково важны для уясненія, въ болѣе обширномъ примѣненіи, чисто-теоретическихъ соображеній Эвальда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для опредѣленія конечно-точнаго достоинства и важности самой теоріи; а потому заслуживаютъ относительно, но соотвѣтственно подробнаго разбора.

V.

Второй примѣръ искуственной связи въ первоначальныхъ Евангельскихъ трудахъ по образованію рѣчей Христовыхъ, это по теоріи—Рѣчь противъ книжниковъ и фарисеевъ,—„длинная рѣчь Господа, которая въ теперешнемъ первомъ Евангеліи отстоитъ отъ Нагорной бесѣды очень далеко; но по содержанію и по окраскѣ языка очень сходна съ ней“,—XXIII гл. Ев. Мѳ. Она раздѣляется на три части: сначала указываются два основныхъ недостатка въ поведеніи фарисеевъ (2—12), потомъ все то безконечно-разнообразное, превратное и печальное въ убѣжденіяхъ фарисеевъ, что выражается въ ряду восклицаній „горе вамъ“ (ст. 13—32), и въ заключеніе выводится изъ

всего поведенія книжниковъ и фарисеевъ послѣдняя, конечная погибель ихъ самихъ, какъ и устроеннаго ими царства (33—39)" [134]).

Если сходство этой Рѣчи съ Нагорной бесѣдой дѣйствительно существуетъ по содержанію и по языку и планъ ея такой именно; то почему же, однако, должно видѣть въ ней примѣръ и доказательство первоначальнаго труднаго составленія и образованія Ев. матеріи ?—потому, что она, по теоріи, расположена по круглому числу с е м и, именно въ такомъ порядкѣ: „1, фарисеи, какъ превратно-религіозные учители, закрывали собою входъ на небо (ст. 13); 2,—когда они по своей ложной, хотя и великой, ревности пріобрѣтали новыхъ членовъ царствія небеснаго (т. е. прозелитовъ), то дѣлали ихъ сынами геенны сугубѣйшими, нежели сами (ст. 15 [—14?]); 3,—они извращали правильный взглядъ на святость клятвы (ст. 16—22); 4,—на десятины (ст. 23); 5,— на чистоту людей (ст. 24—26); между тѣмъ, какъ 6,—сами очевидно уподоблялись раскрашеннымъ гробамъ (ст. 27); 7,—они сходны были съ убійцами древнихъ мучениковъ-пророковъ (ст. 29—32) [135]).—Такъ, по мнѣнію Эвальда, расположеніе мыслей этой рѣчи опредѣляется числомъ семь и едва замѣтно вполнѣ искуственное (kunstvolle) нанизываніе изреченій въ зависимости отъ этого опредѣленнаго числа". —Дѣйствительно, не только едва замѣтно такое изложеніе; но даже и совсѣмъ нельзя его замѣтить, если анализировать содержаніе рѣчи подробно, обстоятельно и строго-объективно.

„Нанизываніе, по Эвальду, оказывается только во второй части всей длинной рѣчи (13—32)". Но почему же нѣтъ того въ первой и третьей ?—На это прямой отвѣтъ долженъ быть конечно тотъ, что въ первой и въ

---

134) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 133—134.
135) Jahrb. d. b. W.1848. S. 134.

послѣдней частяхъ нѣтъ тѣхъ основаній дѣленія логическаго, по которымъ Эвальдъ расчленяетъ и располагаетъ вторую часть. Но этого прямаго и единственно-правильнаго отвѣта здѣсь, однако, нѣтъ, и быть, по теоріи, не можетъ.

Пункты дѣленія второй части Рѣчи противъ фарисеевъ отнюдь не заповѣди, какъ это было въ первой части Нагорной проповѣди, а только общія нравственныя понятія. Именно: „превратное ученіе, фальшивая ревность, превратный взглядъ на клятву, на чистоту людей, на десятины и т. п.“ 136). А такія понятія, по коимъ Эвальдъ располагаетъ все содержаніе второй части длинной рѣчи, легко можно указать и въ первой и въ третьей частяхъ ея. Напримѣръ: фарисеи не дѣлаютъ того, чтó заповѣдуютъ другимъ; отсюда—лицемѣрно-безплодное ученіе ихъ (ст. 3); связываютъ тяжелыя бремена и возлагаютъ на плечи людей; отсюда—неблагоразуміе фарисейскихъ заповѣдей (ст. 4); совершаютъ добрыя дѣла на-показъ людямъ; отсюда—тщеславіе фарисеевъ (ст. 5). Или въ третьей части той же рѣчи: фарисеи не избѣгнутъ геенны; отсюда—неизбѣжность для нихъ наказанія за неправду и лицемѣріе (ст. 33); фарисеи убьютъ пророковъ, мудрыхъ и прочихъ; отсюда—ожесточенное противленіе ихъ истинной праведности (ст. 34), и т. п. И эти общія понятія въ ст. 3, 4 и 5 первой части и въ ст. 33 и 34 третьей, какъ: безплодность ученія, неблагоразуміе заповѣдей, тщеславіе и проч., одинаковы по характеру съ другими понятіями, которыя служатъ пунктами дѣленія рѣчи: превратное ученіе, фальшивая ревность, превратный взглядъ на клятву, и проч., а потому и тѣ могутъ быть такъ же пунктами дѣленія. Слѣдовательно, въ первой части всей рѣчи будетъ, напримѣръ, три пункта, въ третьей два и всѣхъ пунктовъ во всей рѣчи можно насчитать двѣнадцать и даже болѣе.

---

136) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 134.

Почему же въ самомъ дѣлѣ Эвальдъ не раздѣлилъ первой части всей рѣчи, напримѣръ, на три пункта и послѣдней—на два? Какое основаніе онъ имѣлъ видѣть изложеніе ея содержанія по круглому числу только во второй части, а не въ первой и третьей?—Но, еще важнѣе вопросъ: почему онъ дѣлитъ всю рѣчь только на три части, когда основанія дѣленія—логическія понятія, одинаковыя по характеру своего содержанія,—находятся и въ первой, и въ послѣдней частяхъ ея?—Именно, какую характеристическую особенность въ логическомъ отношеніи имѣютъ выраженія: „расширяютъ хранилища свои (ст 5)... любятъ предвозлежанія на пиршествахъ (ст. 6)... у васъ одинъ Отецъ на небесахъ (ст. 9)", содержащіяся въ первой части,—отъ выраженій: „затворяете царство небесное (ст. 13)... обходите море и сушу (ст. 15)... даете десятину съ мяты (ст. 23)", содержащихся во второй? Почему должно тѣ относить именно къ первой, а эти ко второй части рѣчи?—на это въ теоріи Эвальда нѣтъ и не можетъ быть удовлетворительнаго отвѣта, потому что логическихъ основаній къ опредѣленію и отдѣленію только трехъ, а не болѣе, частей всей рѣчи нѣтъ. Эвальдъ говоритъ, что въ первой части (3—12) указываются два основные недостатка поведенія фарисеевъ, разумѣются—тщеславіе и лицемѣріе; но эти же недостатки указываетъ Спаситель и далѣе, потому что Онъ обращается неоднократно къ фарисеямъ со словами: „горе вамъ, фарисеи—лицемѣры!" (13. 14. 15. 16. 23. 25. 27. 29 ст.). Эвальдъ думаетъ видѣть во второй части подробное изъясненіе двухъ существенныхъ недостатковъ фарисейскаго поведенія, которые указаны въ первой; но такое подробное изъясненіе ихъ содержится и въ первой части рѣчи, какъ напримѣръ въ выраженіяхъ: расширяютъ хранилища свои, любятъ предвозлежаніе и предсѣденіе, привѣтствія и титулы учителей (ст. 5. 6. 7). Слѣдовательно, раздѣленіе первой части отъ второй и произвольно, и неправильно.

Если, независимо отъ логическаго достоинства, при-

знать дѣленіе Рѣчи, сдѣланное по теоріи, правильнымъ; то собственно къ дѣлу идетъ только одна вторая часть, какъ именно примѣръ и доказательство; потому что первая и третья части ея написаны или составлены иначе. А эта безыскуственность двухъ частей длинной рѣчи составляетъ противорѣчіе съ искуственностію въ построеніи средней—третьей: она представляетъ примѣръ и доказательство первоначально труднаго образованія Ев. матеріи; но двѣ другія части той же рѣчи представляютъ примѣръ и соотвѣтственно-сильное доказательство обратнаго, ибо въ нихъ не видно признаковъ искуственности.

Сопоставленіе второй части Рѣчи съ первой и третьей не только показываетъ недоказанность искуственности, но и даетъ основаніе заподозрить искуственность въ самой второй части ея, самой по себѣ, и справедливость мнѣнія Эвальда о „нанизываніи" изреченій по числу семи; такъ какъ тотъ фактъ, что въ одной и той же рѣчи одна часть составлена искуственно, а двѣ другія естественно, въ сознаніи является нѣкоторымъ противорѣчіемъ.—Первому пункту второй части соотвѣтствуетъ ст. 13-й, перифразируемый Эвальдомъ такъ: „превратные религіозные учители закрывали входъ въ царство небесное", и только одинъ стихъ; а слѣдующій, 14-й: „горе вамъ, книжники... что поядаете домы вдовъ и лицемѣрно долго молитесь", по смыслу не подходитъ подъ одинъ пунктъ дѣленія—главное понятіе ст. 13-го. Очевидно слѣдуетъ, что стихъ 14-й вполнѣ самостоятельный и потому долженъ стоять отдѣльно, вторымъ пунктомъ; отсюда,—всѣхъ пунктовъ во второй части Рѣчи противъ фарисеевъ будетъ уже восемь, а можетъ быть и еще болѣе. Стихъ 14-й заключаетъ въ себѣ два отдѣльныхъ положенія: „поядаете домы вдовъ" и: „лицемѣрно долго молитесь", изъ которыхъ каждое, по своей общности и важности своего основнаго понятія (тунеядство и лицемѣрная молитва), равняется всякому, отдѣльно взятому, основному понятію каждаго изъ семи пунктовъ дѣленія (ср. 23—25 ст.). Отсюда, такой

пріемъ дѣленія Рѣчи и „нанизыванія“ такихъ и настолько общихъ и основныхъ понятій можетъ привести къ раздѣленію одного 14-го ст. и другихъ, тому подобныхъ, на два особыхъ пункта, чѣмъ увеличится число пунктовъ дѣленія, и можетъ быть много болѣе числа семи. Если не два, то одинъ, совершенно самостоятельный, пунктъ необходимо должно признать въ ст. 14-мъ. А потому, по теоріи, второй пунктъ—ст. 15-й будетъ уже третьимъ, слѣдовательно, седьмой—восьмымъ.

Самостоятельность втораго пункта—ст. 14-го и вмѣстѣ съ тѣмъ число восьми пунктовъ будутъ несомнѣнны, если текстъ этого ст. 14-го подлинный и именно такой, какъ онъ находится въ изданіяхъ „Новаго Завѣта“. Эвальдъ говоритъ рѣшительно противъ подлинности ст. 14-го, заявляя, что онъ есть „интерполяція изъ Евангелія отъ Марка: XII, 40 и по ошибкѣ внесенъ въ текстъ Евангелія отъ Матѳея: XXIII гл., что этотъ ст. 14-й съ правомъ опускаютъ Лахманъ и Тишендорфъ [137]). Но если опускаютъ ст. 14-й два издателя, то на этомъ числѣ нельзя основываться въ положительно-научномъ рѣшеніи вопроса о подлинности его. Если опускаютъ ст. 14-й Лахманъ и Тишендорфъ, то оставляютъ его Шольцъ, Маттей, Walton, Stier und Theile. Въ изданіяхъ Лахмана и Тишендорфа стиха 14-го, XXIII гл. въ Евангеліи отъ Матѳея нѣтъ, но и—только; а что онъ—интерполяція изъ Евангелія отъ Марка: XII, 40 ст., внесенъ въ текстъ когда-то и кѣмъ-то по ошибкѣ, для такого мнѣнія нѣтъ основанія даже и у Тишендорфа. Извѣстно, напротивъ, что Эвальдъ, самъ много занимавшійся изученіемъ письменныхъ памятниковъ древней восточной литературы, въ 1858 году (чрезъ десять лѣтъ по напечатаніи своей тео-

137) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 134. А въ d. Drei ersten Evangelien—Эвальдъ признаетъ этотъ стихъ 13-й «прибавкою» нѣкоторыхъ рукописей. S. 44.

ріи „о возникновеніи Евангелій") въ рецензіи новооткрытаго Сирскаго перевода Евангелія (отъ Матѳея), изданнаго Куртономъ, говорилъ, что этотъ переводъ сдѣланъ съ подлиннаго Евангелія отъ Матѳея, и что его (изданный Куртономъ) скорѣе, нежели Peschîto, должно признать такимъ (а слѣдовательно, и древнѣйшимъ). Но въ этомъ, такъ важномъ для Эвальда, Сирскомъ переводѣ Евангелія отъ Матѳея есть **вся** XXIII-я глава, слѣдовательно и ст. 14-й [138]). Поэтому ст. 14, XXIII гл. остается несомнѣн-

---

138) Мы сознаемъ и уважаемъ авторитетъ К. Тишендорфа, признаемъ величайшія достоинства его археографическихъ трудовъ и, главное, его знаменитаго изданія: Novum Testamentum graece. Leipzig. 1869. Но, имѣя въ виду основанія, по коимъ онъ опускаетъ ст. 14 въ XXIII гл. Мѳ., и тщательное храненіе правильнаго и подлиннаго текста св. Евангелія въ церкви Православно-Восточной, мы рѣшаемся не согласиться и съ Тишендорфомъ.—Эвальдъ говоритъ о Тишендорфѣ, что онъ опускаетъ ст. 14 «съ правомъ»; но—не съ полнымъ, по нашему мнѣнію.

Тишендорфъ основывается на томъ, что „plane omm (ittunt):—Cod. Sinaiticus Petropol. Saec. IV med. (?); Cod. Vatic. Rom. S. IV (?);—Cod. Bezae Cantabr. VI Saec." Но въ то же время указываетъ, что въ другихъ кодексахъ ст. 14 содержится или на своемъ мѣстѣ, или на мѣстѣ 13-го ст. той же гл: XXIII Мѳ. — E, F, G, H, K, M, S, U, V, Г, Θb и П. Такимъ образомъ очевидно, что и на Западѣ, и на Востокѣ ст. 14, 23 гл. находился во многихъ изданіяхъ еще прежде, напримѣръ, Стефана *Роберта* (1624, и въ его собственномъ изданіи 1550). Но у Тишендорфа здѣсь еще не всѣ источники перечислены, т. е. существующіе кодексы и списки, въ коихъ содержится ст. 14, XXIII гл. такъ, что поэтому еще вполнѣ правильно судить о подлинности ст. 14 нельзя. Это-то и даетъ намъ основаніе не соглашаться съ Тишендорфомъ. Мы поставимъ далѣе въ хронологическомъ (восходящемъ) порядкѣ всѣ изданія «Новаго Завѣта», особенно замѣчательныя и списки Евангелія, извѣстные намъ и по Novum Testamentum Graece, и кромѣ этого изданія,—съ тою цѣлію, чтобы показать на сколько важно въ данномъ случаѣ основаніе мнѣнія Тишендорфа и велико право его, почему онъ опускаетъ ст. 14, и—сколько имѣетъ основаній за себя текстъ Евангелія, принятый въ нашей Православной церкви.

Текстъ ст. 14, XXIII гл. Мѳ. читается въ слѣдующихъ различныхъ изданіяхъ «Новаго Завѣта» и спискахъ:

1.—Въ изданіи Stier'a und Theile,—1864.

2.—B. Walton'a: Biblia Sacra (Poliglotta). 1657. T. V. p. 116—117. Здѣсь ст. 14-й находится во всѣхъ *семи* текстахъ: Латинскомъ, Греческомъ (70), Вульгатѣ, Сирскомъ, Арабскомъ, Эѳіопскомъ и Пер-

но подлиннымъ и—вторымъ пунктомъ второй части Рѣчи противъ книжниковъ и фарисеевъ; слѣдовательно, всѣхъ пунктовъ во второй части ея будетъ не семь,—обыкновенное раввинское число, но—восемь,—что́ не соотвѣтствуетъ мнѣнію Эвальда объ искуственной связи второй части, а слѣдовательно и всей Рѣчи противъ фарисеевъ и

сидскомъ. При этомъ очевидно, что ст. 14-й въ текстѣ Греческомъ и Латинскомъ стоитъ на мѣстѣ ст. 13-го (р. 116), тоже и въ Сирскомъ, въ Персидскомъ (въ послѣднемъ—что въ высшей степени замѣчательно—вторая половина стиха стоитъ на мѣстѣ первой,—р. 116), въ Вульгатѣ—на своемъ мѣстѣ (р. 117), въ Эѳіопскомъ на мѣстѣ 13-го 117). Въ варіантахъ къ этому изданію мы находимъ слѣдующее: у Hugo Grot. ст. 14 стоитъ на мѣстѣ 13-го (см. Appendix ad. Bibl. Polyglott. Lond. 1657. B. Walton'a. Собственно: annotat. ad. Mtth. D. Hugonis Grot. p. 47). Изъ этихъ примѣчаній къ изданію B. Walton'a мы узнаемъ и то, что высказалъ Тишендорфъ въ своемъ N.T. gr. (p. 150). А именно Grotius замѣчаетъ, что ст. 14 во многихъ экземплярахъ уже прежде него не читался: Graecus Evangeliorum Indiculus, который называютъ „canon", на который обыкновенно ссылается бл. Іеронимъ и который составленъ изъ самыхъ лучшихъ кодексовъ, ст. 14, XXIII гл. Мѳ. не имѣетъ, и Оригенъ, столь прилежный изслѣдователь книгъ (св. Писанія) agnoscit: однако Сирскія книги имѣютъ ст. 14, но Латинскія древнѣйшія нѣтъ. Proinde, замѣчаетъ H. Grocius, haec pars major viditur: adde qvod detrahendi nulla fuit causa, addendi aliqva (!)"... (ibid. p. 47). Подобное встрѣчаемъ въ Notae ad. varios lect. edit. lat. N—Testam. Ev. Mtth.—Franc. L. Brugensis: hunc (14) versum plurimi boni latini codices omittunt, etiam tres hujus nostrae Avdomarensis Ecclesiae manuscripti: a qvibus avtem legitur, variis et loco et modo legitur: D. Hieronymus et alii qvidam Tractatores non agnoscunt: canones Evangeliorum solis Marco et Lucae abscribunt: prout haec latius a nobis declarata sunt in notationibus nostris prolixioribus. Qvare videri possit ex Hieronymi correctione jugulandus et praetermittendus versus iste: nisi propter avctoritatem veterum tractatorum graecorum, et inter latinos Hilarii consultum haud esset illum prorsus expungere (y Walton'a, ibid. Fr. Luc. Bru-

книжниковъ; а напротивъ свидѣтельствуетъ о независимости построенія ея отъ круглаго или раввинскаго числа семи.

Со ст. 14-мъ, XXIII гл. Мѳ. совершенно аналогиченъ ст. 24-й той же главы въ отношеніи логической пунктуаціи.—По теоріи, ст. 24-й относится къ пятому

---

gensis Notae ad. var. lect. p. 17). Тотъ же авторъ Notae ad. var. lect. въ примѣчаніяхъ своихъ къ Вульгатѣ оставляетъ ст. 14 на своемъ мѣстѣ; потому что этотъ стихъ, по его указанію, находится въ 10 manscr: Q, N. (см. Вальтона: Variae lectiones Vulgatae, lat. edit. L. Brugensis, p. 30). Такія же примѣчанія находятся и у Matthaei Poli: Londinensis Synopsis criticorum S. Scripturae: Lond. 1674. p. 550.

3.—Въ изданіи Библіи Стефана Роберта: edit. Elev. 1624 (одинаковое съ изданіемъ 1550). Здѣсь ст. 14, по Тишендорфу, pon. ante 13,—что повторилось у Griessbach'a,—edit. Evv. 1827, и въ изданіи схолій Шольца: edit. Scholzii, 1830—1836.

4.—Въ двухъ спискахъ Евангелія, принадлежащихъ библіотекѣ Даниловскаго монастыря (въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ), относящихся къ самому началу XVI или концу XV в.—На одномъ изъ нихъ есть надпись, что лѣта 7029 (т. е. 1521 по р. Хр.), Октября 1-го нѣкто Варсанофій продалъ Евангеліе сіе черному священнику. Въ обохъ спискахъ ст. 13, XXIII гл. Мѳ. стоитъ на мѣстѣ 14-го ст. Но замѣчательно, что въ одномъ Евангеліи (съ рисунками) пишется ст. 14 (13-й) такъ: «горе вамъ *книгочіа* и фарисее лицемѣри, яко снѣдаете домы вдовицъ, и виною далече молитву творяще, сего ради лишшее пріимете осужденіе». А потомъ: «горе вамъ *книжницы* и фарисее лицемѣри, яко затворяете царство небесное предъ человѣки, вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити (ст. соб. 13, по списку—14-й). А потомъ въ ст. 15-мъ опять: «горе вамъ *книгочіа* и фарисее лицемѣри...»—(Сообщено свящ. Ал. Свирѣлинымъ).

5.—Въ одной изъ Сербскихъ рукописей, относящейся собств. къ 1350—1400 г., а по мнѣнію Даничич'а—1240—1250. См. Никольско Евангелье, въ Биограду, издан. Даничич'емъ. 1864. стр. 52. Здѣсь въ Ев. Мѳ. XXIII гл. ст. 14-й стоитъ на мѣстѣ 13-го.

6.—Въ числѣ рукописей Евангелія библ. Румянцевскаго Музея (въ Москвѣ) первый древнѣйшій списокъ Евангелія—рукопись № CXVII, пергам. XIV в. Здѣсь есть главы Ев. Мѳ., начиная съ IV, 1 ст. безъ пропусковъ. Но здѣсь же значится, что «списанъ въ Римѣ». См. Описаніе русск. и славян. рукописей Рум. Муз. Ал. Востокова, С.пб. 1842, стр. 181; рук. N CXVII.

пункту—25-му ст., а не къ четвертому пункту—23-му ст. Стихъ 23-й читается: „горе вамъ, книжники и фарисеи... что даете десятину отъ мяты, аниса и тмина и оставляете важнѣйшее въ законѣ, судъ, милость и вѣру“. Эту противоположность фарисейскаго поведенія Спаситель выражаетъ далѣе въ ст. 24-мъ сравненіемъ: „оцѣжи-

---

7.—Въ „*Четвероевангеліи*“ 1383 г. и въ «Четвероевангеліи» 1144 г. съ нѣкоторыми синоптическими параллелями, принадлежащемъ справщику Тимоѳею, учит. греч. языка въ Москвѣ предъ Лихудами, который въ 1672 г. былъ на соборѣ Іерусалимскомъ. См. Описаніе рукописей Сvнод. библ. Отд. 1. Москва. 1855 г. стр. 208. NN 26 и 20.— «Эти два списка 1383 и 1144-го представляютъ текстъ вполнѣ по Евангеліямъ». См. предисл. къ Опис. р. Синод. библ. стр. X.

8.—Въ *Острожскомъ изданіи* Библіи Евангеліе напечатано по тексту списковъ NN 1 и 2. Въ гл. XXIII Ев. Мѳ. ст. 14-й находится на своемъ мѣстѣ. См. Опис. рук. Синод. библ. Отд. 1. Москва. 1855. стр. 144.

9.—Въ *Евангеліи*, писанномъ для Новгородскаго князя *Мстислава* Владиміровича въ началѣ XII в. «Это Евангеліе, хранящееся въ Московск. Архангельскомъ Соборѣ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ списковъ Евангелія и вообще памятниковъ церковно-славян. письменности. Оно написано по повелѣнію князя Мстислава для церкви, построенной имъ на могилѣ Рюрика, въ 1103 г.». Здѣсь, «въ главѣ XXIII, ст. 13-й стоитъ послѣ 14-го; но 14-й есть и читается какъ въ нашихъ теперешнихъ изданіяхъ. См. Изслѣдованіе о Евангеліи, писанномъ для Новгор. кн. Мстисл. Влад. въ началѣ XII в.—рукопись М. Д. Академіи. Соч. К. И. Невоструева. Листы: 1 и 5 на обор. Ср. л. 50 обор. Здѣсь же мы находимъ замѣчаніе такого рода: «такъ и всѣ списки здѣсь (т. е. переставляютъ ст. 14-й на мѣсто 13-го и на оборотъ)... такая перестановка находится въ весьма многихъ спискахъ и переводахъ у Шольца, Маттея, тоже и у Отцовъ церкви: Ѳеофилакта, Евф. Зигабена, Златоуста и др. и она значится въ варіантахъ К. Тишендорфа»: См. тамъ же: л. 44 на обор. Такая перестановка находится, прибавимъ, и въ «Евангеліи Матѳея» издан. Миклошичемъ (Evang. S. Matth. palaeoslovenice) Vindobonae. 1856. стр. 60.

10. Въ Evangeliarium Hierosolymitanum ex cod. Vat.—Palest. ed. Franc. Miniscalchi Erizzo. 1864. Veronae. Tom. sec. p. 292. Этотъ списокъ представляетъ «Четвероевангеліе» на Сирскомъ языкѣ (съ Латинск. переводомъ). Здѣсь ст. 14-й стоитъ на своемъ мѣстѣ. Этотъ списокъ относится къ X или вѣрнѣе къ XI в., такъ какъ въ предисловіи значится: „Codicem nostrum exaravit presbyter Elias el-Abbudi in monaster. Abb. Mussa, in civit. Antiochiae Palestinae, an. Chr. 1030.—Codex hic, замѣчается далѣе, eximius et praestantissimus inter Syriacos... ad inaestimabile hujus codicis pretium“. См. Prolegom. 1. p. V—VI.

ваете комаровъ и проглатываете верблюдовъ... (—оставляете милость, судъ и вѣру)". Если въ такомъ отношеніи стихъ 23-й стоитъ къ 24-му; то почему же должно раздѣлять ихъ и относить ст. 24-й къ слѣдующему за нимъ пятому пункту, т. е. 25-му ст.?—почему, если слова: ουαι υμιν, по которымъ Эвальдъ обыкновенно опредѣляетъ и

Далѣе—по «варіантамъ» *К. Тишендорфа* въ его Novum Testamentum Graece:

11.—Въ Σ—Codex Vat-Rom. an. 949.
12.—Въ U—cod. Nan-Venet. saec. X.
13.—Въ G—cod. Seidelii saec. IX.
14.—Въ H.—cod. seidelii Saec. X—IX.
15.—Въ F.—cod. Boreeli Rheno-Troject, saeculi IX.
16.—Въ K.—cod. Cyprius Par. s. IX.
17.—Въ M.—cod. des Camps Par. s. IX.
18.—Въ V—cod. Mosc. saec. IX.
19.—Въ T.—cod. Oxon. et Petropol. s. IX.
20.—Въ Δ.—cod. Sangol. s. IX.
21.—Въ Π.—cod. Petropolit. saec. IX.
22.—Въ E.—cod. Basil. saec. VIII.
23.—Въ Θb.—cod. Petropol. saec. VI.

При этомъ Тишендорфъ увѣдомляетъ, что alii pleriqve f. memphitica et codices syriaca, aethiopica, arabicae, slavonica также содержатъ ст. 14, XXIII гл. Ев. Мат.

24.—Въ толкованіи на Ев. Матѳея у св. *І. Златоуста*. См. Бесѣды на Ев. Матѳея. Русск. пер., изд. 5-е, часть III. Москва. 1864. Здѣсь на *одинъ ст. 14 (и прямо 14-й) находится цѣлая бесѣда—73-я*. Стр. 338 и далѣе. И нѣтъ никакой возможности предположить здѣсь интерполяцію.—За св. Златоустомъ слѣдуютъ Іоаннъ Дамаскинъ (см. Iohannis Damascenis parallela sacra ex cod. Rupefuc. saeculi fere VIII), Ѳеофилактъ, Евф. Зигабенъ и др. (по указанію Невоструева и Тишендорфа).

Такъ изъ преимущественнаго употребленія Ев. Матѳея съ 14-мъ ст., XXIII гл въ Восточной церкви видно, что въ ней преимущественно существовалъ оспориваемый Тишендорфомъ и Лахманомъ (и—Эвальдомъ) текстъ 14-го ст.; но до IV в. восходитъ длинный рядъ списковъ Евангелія, въ которыхъ имѣется этотъ стихъ; а потому еще нѣтъ полнаго права оставлять внѣ текста XXIII-й гл. стихъ 14-й. И если Тишендорфъ преимущественно основывается на Синайскомъ кодексѣ IV в.,

обособляетъ каждый новый пунктъ рѣчи, находятся въ ст. 25-мъ, а не въ 24-мъ ?—только потому, что „стихъ 24-й, по его настоящему смыслу, относится къ ст. 25-му; а частица οὐαὶ ὑμῖν въ ст. 25-мъ, въ теперешнемъ Евангеліи отъ Матѳея нѣсколько сдвинута...“—Нѣсколько сдвинута... но сколько же именно ?—вверхъ или внизъ?—

то противъ этого можно поставить авторитетъ Златоуста. Синайскій кодексъ, хотя безспорно очень древній, но нестолько авторитетный, сколько списокъ, бывшій подъ руками у свят. I. Златоуста. Синайскій кодексъ относится Тишендорфомъ къ половинѣ IV в., но эта цифра еще не безспорна; между тѣмъ цитата Златоуста безспорно IV в. И если въ Синайскомъ кодексѣ можно допустить пропускъ ст. 14-го; то у Златоуста никакъ нельзя допустить вставки; потому что у него на ст. 14-й находится истолкованіе. Поэтому ни древность, ни важность Синайскаго кодекса еще не даютъ основанія опускать ст. 14-й. Единственно, на что можетъ еще указать Тишендорфъ, для доказательства своего предположенія объ интерполяціи ст. 14-го, это—то, что ст. 14-го, нѣтъ въ толкованіяхъ на Евангеліе (собственно комментаріи) знаменитѣйшаго учителя Александрійской школы *Оригена*,—на тотъ фактъ, что Оригенъ въ своемъ комментаріи (по Тишендорфу: 4, 352 и 3, 839) отъ 13-го стиха прямо переходитъ къ 15-му. Положимъ, это—такъ. Но какъ же могъ быть у св. Златоуста списокъ Ев. Мѳ. испорченный интерполяціей? Златоустъ былъ знаменитѣйшимъ учителемъ Антіохіи и Царьграда; а школа Антіохійская, замѣтимъ, болѣе дорожила текстомъ, придерживаясь буквы въ толкованіи Писанія попреимуществу. Необходимо предположить, что текстъ Ев. Матѳея, бывшій въ IV в., въ рукахъ св. Златоуста, долженъ былъ появиться по крайней мѣрѣ въ III в. чтобы быть для него авторитетнымъ (употреблявшимся въ церкви); а если такъ, то ст. 14 въ XXIII гл. Мѳ. существовалъ еще въ III в., когда и комментарій Оригена не имѣлъ его.—Наше предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что другой величайшій учитель Восточ. церкви Греческой IV в., св. Василій Кесарійскій, такъ же, какъ Златоустъ, читалъ ст. 14-й въ XXIII гл. Мат. (По Тишендорфу: cod. Basiliensis K. IV, 35, saec med. VIII). А извѣстно, что св. Василій вел. хорошо зналъ древніе списки Ев. и производилъ по нимъ изслѣдованія относительно нѣкоторыхъ отрывковъ,—зналъ какъ было ему то сообщено по преданію. Еще болѣе: «Георгій Синкеллъ пишетъ: «въ одномъ очень исправномъ спискѣ, дошедшемъ до меня изъ библіотеки Кесаріи Каппадокійской, написано, что св. Василій исправлялъ Библію, сличая текстъ по спискамъ»».—И должно замѣтить, что эти «списки», были «древніе» (См. *Филарета*, архіеп. Черниг. Истор. уч. объ Отцахъ Церкви. Сп.б. 1859. Т. 2. стр. 147 и прим. 45. Ср. о «Бесѣдахъ на Ев. Матѳея» св. Златоуста; ibid. стр. 329 и 325). Поэтому ст. 14-й долженъ былъ существовать въ XXIII гл. Мѳ. и былъ въ употребленіи у знаменитѣйшихъ представителей Греческой церкви—въ IV и III-мъ вѣкахъ; такъ какъ св. Василій и св. Златоустъ не должны были пользоваться списками не авторизованными въ церкви, а—на оборотъ—должны были имѣть подъ руками и дѣйствительно имѣли древнѣйшіе списки, конечно, лучшіе, по крайней мѣрѣ III в.—И; послѣ этого, тотъ фактъ, что у Оригена ст. 14-й опущенъ, есть argumentum e silentio,—ничего не доказываетъ.—Но, между тѣмъ какъ Тишендорфъ не идетъ далѣе Оригена,—III вѣка въ своихъ доводахъ, и въ послѣднемъ случаѣ основывается на

кѣмъ?—когда?—для чего?—Это рѣшительно неизвѣстно, а потому οὐαὶ ὑμῖν должно оставить на своемъ мѣстѣ и ст. 24-й отнести къ стиху 23-му, какъ сравненіе, поясняющее смыслъ этого стиха. Но положимъ, что οὐαὶ ὑμῖν нѣсколько сдвинуто; это значитъ, что οὐαὶ ὑμῖν первоначально было въ ст. 24-мъ. Слѣдовательно, Эвальдъ

---

argumentum e silentio, мы идемъ далѣе, основываясь на авторитетѣ свв. Василія и Златоуста, и находимъ еще новыя и болѣе важныя основанія для своего мнѣнія и для textus receptus.

Въ книгѣ «Постановленій Апостольскихъ», относящейся ко II-му вѣку, содержится слѣдующее: «Онъ же (а выше сказано: «Господь сказалъ...») , т. е. Господь, сказалъ: *горе* имѣющимъ и въ *лицемѣріи* принимающимъ или могущимъ помогать себѣ и хотящимъ принимать отъ другихъ...» Это—слова Писанія (или преданія), приведенныя по памяти; но изъ какого Евангелиста—Матѳея или Марка?—Издатель книги «Постановленій Апостольскихъ» ставитъ цитату: «23, 14 Мѳ.» И мы думаемъ, что это—не безъ основанія: у Марка II, 40 говорится: «сіи, поядающіе домы вдовъ (т. е. фарисеи)... и—только. Между тѣмъ у Матѳея: «горе вамъ, поядающіе домы вдовъ...», xxiii, 14-й. Здѣсь удерживается характеристическое слово «горе»; а потому къ словамъ Господа, приведеннымъ въ «Постановл. Апост.» вѣрнѣе поставить цитату: «снес. xxiii гл. 14 ст. Мѳ.», какъ сдѣлалъ издатель. См. Постановленія Апостольскія. Русск. пер. Казань. 1864. кн. 4. стр. 122; ср. 121. Если это не строго научный доводъ, то все же болѣе значащій, нежели argumentum e silentio— у Тишендорфа.—Наше предположеніе получаетъ для себя еще новое отнованіе въ слѣдующемъ:

Относительно Восточной церкви, и въ частности Антіохійской, должно замѣтить, что въ сосѣдней съ послѣднею, Сирской церкви существовалъ и существуетъ переводъ Евангелія весьма древній, такъ называемый Peschîto, — II-го в., гдѣ также есть ст. 14, XXIII гл. Мѳ. Такимъ образомъ въ Сирской (и Антіохійской, а оттуда въ Константинопольской и Русской-Православной) существовалъ еще во II-мъ вѣкѣ переводъ Ев. Мѳ., гдѣ въ XXIII гл. заключался и 14-й ст. А имѣя въ виду такую древность и, въ данномъ случаѣ, неповрежденность текста Евангелія отъ Матѳея въ Восточной Церкви, мы не должны опускать ст. 14-й изъ XXIII гл. Наконецъ,—

Ст. 14-й, XXIII гл. Мѳ. находится въ ново-открытомъ и весьма древнемъ Сирскомъ переводѣ Евангелія,—открытомъ именно Таттамомъ въ Египтѣ въ 1842 г. и изданномъ *Куртономъ* въ Англіи въ 1852 г.—Евангеліе Матѳея сохранилось все почти безъ пропусковъ,—за исключеніемъ весьма немногихъ и несущественныхъ въ логическомъ отношеніи словъ; XXIII гл.—вся. По мнѣнію Эвальда, извѣстнаго своимъ знаніемъ восточной древней литературы и занимавшагося изученіемъ памятниковъ Сирской письменности, ново-открытое Евангеліе на Сирскомъ языкѣ «переведено съ первоначальнаго текста, въ томъ его видѣ, какой онъ имѣлъ до соединенія «Четырехъ Евангелій» въ одинъ каноническій составъ», и—«этотъ переводъ Евангелія скорѣе, чѣмъ Peschito, можетъ заступить мѣсто древнѣйшей рукописи» (См, Jahrbb. d. bibl. Wissenschaft H. Ewald's. 1857

признаетъ, что такъ, какъ теперь существуетъ текстъ ст. 25-го, онъ не можетъ быть отнесенъ къ ст. 24-му и обратно — со ст. 24-го нельзя начинать пятаго пункта, такъ какъ ουαι υμιν стоитъ въ 23-мъ и 25-мъ ст.; слѣдовательно, пятый пунктъ должно начинать со ст. 25-го, а 24-й ст. относить къ 23-му,—четвертому пункту. Ουαι υμιν дѣйствительно никогда не было въ текстѣ ст. 24-го; тамъ не находится оно и по изданіямъ Stier'a und Theile, Walton'a и главное—Tischendorf'a (стр. 152). И не можетъ быть иначе: ибо если ουαι υμιν переставить въ ст. 24-й, то въ ст. 25-мъ останутся слова, неимѣющія смысла: γραμματεις και φαρισαιοι, υποκριται, οτι καθαριζεται... къ чему отнести οτι?—только къ ουαι υμν. Не менѣе важно и то, что ουαι υμιν, по самой бóльшей части, въ Рѣчи соединяются со словами: γραμματεις και φαρισαιοι, υποκριται... а со словами: οδηγοι τυφλοι, οι διυλιζοντες (ст. 24-й) нельзя соенинять ουαι υμιν, судя по конструкціи этихъ словъ въ этой же Рѣчи въ стт.: 13. 14. 15. 23. 25. 27. 29. Здѣсь слова ουαι υμιν соединяются съ словами: γραμματεις και φαρισαιοι, υποκριται... такъ именно они соединяются и въ 23, и въ 25 ст.: для чего же признавать, что такое сочетаніе ουαι υμιν должно стоять не въ 23-мъ или 25-мъ, а—въ 24-мъ ст., гдѣ его нѣтъ?—Нѣтъ, ст.

—1858. T. IX. S. 69—87). А ученый Аббатъ Legier относитъ списокъ Куртона къ I-му в., потому что со II-го в. былъ общепринятымъ Peschito, См. «Правосл. Обозрѣніе». 1860. Т. 2. Іюль. Стр. 385—397.—Положимъ, время Куртонова списка не точно опредѣлено,—уступимъ два вѣка,—отнесемъ, хотя совершенно произвольно, къ III-му: и тогда за нашимъ мнѣніемъ остается преимущество; а потому—вопреки Тишендорфу—ст. 14, XXIII гл. Мѳ.—не интерполяція и долженъ быть оставленъ на своемъ мѣстѣ, какъ—въ textus receptus.

Такъ, если ст. 14-й находится въ XXIII гл. Мѳ. по изданію, напримѣръ, Stier'a und Theile; то онъ и долженъ быть, ибо неподлинность или интерполяція его еще не доказана К. Тишендорфомъ. И если наше противопоставленіе Синайскому кодексу и комментарію Оригена текста св. Василія вел. и св. Іоанна Златоустаго съ Сирскимъ Peschito и изданіемъ Куртона еще не рѣшительно убѣдительно для Тишендорфа, то по крайней мѣрѣ оно необходимо должно быть такимъ для Эвальда—что намъ собственно и нужно было.

23, 24 и 25 имѣютъ свой надлежащій видъ; а потому четвертый пунктъ соотвѣтствуетъ ст. 23-му, а пятый— ст. 25-му. Куда же отнести ст. 24-й?—судя по теоріи, его нельзя отнести къ четвертому пункту—ст. 23-му; а судя по textus receptus и по конструкціи стт. 23 и 25-го, стихъ 24-й нельзя относить и къ пятому пункту, ст. 25-му. Слѣдовательно, ст. 24-й, не подходя ни подъ четвертый, ни подъ пятый пунктъ дѣленія рѣчи, долженъ оставаться самостоятельнымъ; а вмѣстѣ съ этимъ увеличивается число пунктовъ второй части рѣчи.

Такая неправильность дѣленія Рѣчи, принятая Эвальдомъ, еще яснѣе обнаруживается въ шестомъ пунктѣ, стт: 27—28-мъ, именно въ томъ, что шестой пунктъ, въ отношеніи къ пятому, не можетъ быть самостоятельнымъ. Основныя понятія въ пятомъ пунктѣ,—стт: 25—26-мъ, это—внѣшняя чистота и внутренняя нечистота фарисеевъ; но эти понятія обнимаютъ собою и содержаніе слѣдующаго шестаго пункта,—стт: 27—28-го; потому что Эвальдъ относитъ ст. 27-й къ общему понятію (ст. 28-го) внѣшней чистоты или внутренней нечистоты фарисеевъ, о чемъ также говорятъ стт: 25—26-й. Въ ст. 25-мъ говорится: „внутри полны хищенія и неправды“ и въ ст. 28-мъ: „внутри исполнены мщенія и беззаконія“. Въ ст. 26-мъ: „фарисей, очисти внутренность чаши...“ и въ ст. 27-мъ: „фарисеи снаружи кажутся красивыми, а внутри полны... всякой нечистоты“. Слѣдовательно, стт. 25—28-й представляютъ противоположность внутреннихъ качествъ поведенія фарисейскаго съ внѣшними. Понятія внѣшней и внутренней нечистоты и правды, заключающіяся въ стт: 25—28-мъ, не позволяютъ стт. 25—26-го и 27—28-го относить къ отдѣльнымъ пунктамъ; потому что въ нихъ одинаково говорится о внутренней и внѣшней чистотѣ и правдѣ: въ ст. 26: „очисти внутренность...“; и въ ст. 27: „внутри... полны всякой нечистоты...“ и въ ст. 28-мъ: „кажетесь праведными, а внутри исполнены хищенія, лицемѣрія (—неправды)...“ Слѣдовательно, понятія внутренней и

внѣшней нечистоты и правды находятся въ стт. 25—28; а потому пятый и шестой пункты дѣленія рѣчи составляютъ собственно одинъ, по счету теоріи, только пятый, а седьмой будетъ поэтому шестымъ и послѣднимъ во второй части. Дѣйствительно, если примемъ за основаніе дѣленія понятіе „внѣшней чистоты", получимъ комбинацію: ст. 26-й и соотвѣтствующій ему ст. 27-й; а если „внутренней", то: ст. 28-й и ему соотвѣтствующій ст. 25-й. Слѣдовательно, стт: 26—27 и 28—25 дѣлить на два пункта никакъ нельзя, какъ содержащіе въ себѣ одни и тѣ же основныя понятія: чистоты и правды, или: нечистоты и неправды. И если, поэтому, будетъ всѣхъ пунктовъ во второй части рѣчи только шесть; то слѣдуетъ, что Рѣчь противъ книжниковъ и фарисеевъ какъ въ первой, такъ и во второй, и въ третьей своихъ частяхъ, расположена не по круглому, раввинскому числу с е м и, не искуственна.

Если такимъ образомъ „нанизываніе изреченій по числу семи" не представляетъ ни Нагорная бесѣда, ни Рѣчь противъ книжниковъ и фарисеевъ: то очевидно такого „нанизыванія" въ Ев. письменности перваго періода и не было; а потому и трудностей, на кототорыя оно, по теоріи, указывало-бы, въ составленіи матеріи Ев. исторіи не было,—она составлялась по воспоминанію и безъ трудностей, предполагаемыхъ по теоріи Эвальда.

Эвальдъ, признавая свою теорію совершенно оправданною въ примѣрахъ будто-бы искуственнаго построенія Нагорной бесѣды и Рѣчи противъ фарисеевъ, находитъ возможнымъ примѣнить ее еще къ Притчамъ и оправдать въ третьемъ примѣрѣ свой общій взглядъ на первые опыты собранія Ев. матеріи и собственно на С о б р а н і е и з р е ч е н і й, въ число которыхъ входятъ и притчи (Vergleichnissen).

„При ближайшемъ разсмотрѣніи Притчей Христовыхъ, Эвальду кажется, что Евангелисты старались располагать ихъ по круглымъ числамъ и въ опредѣленныхъ

группахъ [139])“. Откуда же явилось такое стараніе и какія были побужденія у Евангелистовъ къ такой группировкѣ и расположенію притчей по числу семи?—„Въ то время была въ обыкновеніи въ іудейскихъ школахъ такая группировка“, отвѣчаетъ Эвальдъ [140]). Такъ было однако въ школахъ; но Евангелисты, послѣдователи Христа, вышли не изъ тогдашнихъ школъ и не въ нихъ получили свое превосходное образованіе: почему же и Евангелисты—ученики Господа, Небеснаго Учителя, слѣдовали или должны были слѣдовать такому обыкновенію школъ своего времени, если ихъ дѣло было далеко не школьнаго характера?—Они только собирали притчи, какъ полагаетъ теорія. Отсюда,—по отношенію къ рѣчамъ Христовымъ раввинское обыкновеніе еще могло бы какъ-нибудь имѣть значеніе; а по отношенію къ притчамъ—никакого!.. По такому обыкновенію Евангелисты должны были-бы пересочинять притчи, что̀ значитъ извращать связь, порядокъ, характеръ и смыслъ ихъ, дополнять или сокращать ихъ содержаніе—чтобы получить построеніе ихъ по числу семи, чтобы образовать группу изъ нихъ,—если ихъ прямо не было въ такомъ видѣ и въ такихъ группахъ. Нѣтъ, должно предположить, наоборотъ, что Евангелисты, изъ величайшей любви къ Спасителю, каковую признаетъ за ними теорія, старались воспроизвести оныя, по возможности въ ихъ первоначальной связи и въ возможно-полномъ ихъ составѣ, но ни прибавляя, ни убавляя ихъ содержанія. Это было первой задачей первыхъ Евангельскихъ изысканій. И Евангелисты дѣйствительно слѣдовали этой своей задачѣ.

Примѣръ расположенія содержанія притчей по числу семи, по указанію Эвальда, можно видѣть въ XIII гл. Евангелія отъ Матѳея, гдѣ предлагается въ притчахъ уче-

---

139) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 135.
140) Cp. Jahrb. d. b. W. 1848 S. 131.

ніе „относительно созиданія, возрастанія и истиннаго достоинства царства Божія, т. е. учрежденнаго Христомъ царства совершенной религіи“ 141). Въ XIII гл. Мѳ. помѣщена притча о „сѣмени и плевелахъ“. Въ изъясненіи ея нравственнаго значенія представляется семь основныхъ понятій или пунктовъ: 1,—сѣющій доброе сѣмя—Сынъ человѣческій, ст. 37; 2,—поле, т. е. міръ; 3,—доброе сѣмя—сыны царствія; 4,—плевелы—сыны лукаваго; 5,—врагъ, посѣявшій ихъ—діаволъ; 6,—жатва, т. е. кончина вѣка; 7,—жнецы, т. е. ангелы, стт: 38—39. Слѣдовательно, примѣромъ искуственнаго расположенія, по указанію самой же теоріи, служитъ только нравственное изъясненіе притчи, а не изложеніе ея самой. Въ самой притчѣ такихъ понятій болѣе, а именно: сѣятель, сѣмя, поле, люди, врагъ, плевелы, зелень, плодъ, рабы, домовладыка, жатва, жнецы и житница, стт: 24—30. Этотъ фактъ говоритъ противъ того факта, что въ этой притчѣ только семь основныхъ или главныхъ понятій; т. е.—нѣтъ седмиричнаго числа. Почему же въ нравственномъ изъясненіи притчи нѣтъ нѣсколькихъ соотвѣтствующихъ самой притчѣ понятій, какъ-то: плодъ, рабы, домовладыка и житница?—конечно потому, что они понятны и безъ объясненія. Но и эти понятія имѣютъ одинаковое значеніе въ логическомъ отношеніи, какъ и тѣ: рабы и жнецы, Домовладыка и Сѣятель, поле и житница... Слѣдовательно, если семь понятій нравственнаго изъясненія притчи принимать за семь пунктовъ дѣленія, то должно признать такое значеніе ихъ и для самой изъясняемой притчи: здѣсь только они и могутъ быть въ значеніи пунктовъ дѣленія, а въ изъясненіи ихъ совсѣмъ нѣтъ, потому что каждое изъ нихъ не выражаетъ собою мысли, какъ всякое понятіе не заключаетъ въ себѣ сужденія.— Въ изъясненіи притчи указываются только и прямо синонимы понятій, заключающихся въ самой притчѣ: сѣятель

141) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 135.

—Сынъ человѣческій, поле—міръ, жнецы—ангелы,—жатва—кончина вѣка, и под. Если же семь понятій изъясненія притчи могутъ быть пунктами только въ самой притчѣ; то въ ней такихъ пунктовъ будетъ уже не семь, а тринадцать, стт. 24—30. Изъ числа понятій, составляющихъ содержаніе притчи, однако, опять ни одного нельзя назвать пунктомъ дѣленія, въ смыслѣ Эвальда; потому что и въ самой притчѣ отдѣльно ни одно изъ нихъ не выражаетъ мысли,—ни одно не есть подлежащее особаго предложенія, а только вмѣстѣ съ другими составляетъ сужденіе и полную мысль. Напримѣръ, ст. 24-й говоритъ: „царство небесное подобно человѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ...“ Здѣсь, три понятія—человѣкъ посѣявшій, сѣмя, поле—суть равно важныя въ логическомъ отношеніи части одной мысли; какая же изъ нихъ можетъ быть названа логическимъ пунктомъ?—конечно, или каждая, или какая-нибудь,— справедливо говоря, каждая, но не всѣ. Если, напримѣръ, пунктомъ дѣленія будетъ понятіе человѣкъ; то понятія: сѣмя и поле—уже не пункты въ логическомъ смыслѣ. Поэтому, въ притчѣ о сѣмени и плевелахъ нельзя видѣть примѣра седмеричнаго числа пунктовъ логическаго дѣленія, и—искуственнаго построенія.

Если же Притчу о сѣмени и плевелахъ, заключающую въ себѣ (собственно въ изъясненіи своемъ) семь пунктуальныхъ понятій, какъ желаетъ теорія, признать примѣромъ искуственнаго построенія притчей, то—что такое примѣръ?—Это фактъ или предметъ изъ числа многихъ, съ нимъ одинаковыхъ. Гдѣ же эти многія притчи, одинаковыя съ данной (собственно съ ея изъясненіемъ)?—Седмеричное число понятій Эвальдъ указываетъ только въ изъясненіи и только одной притчи: XIII, 37—39 Мѳ. Но,—

И это число семи понятій въ изъясненіи одной только притчи Евангелистъ Маркъ сокращаетъ до трехъ въ своемъ изъясненіи той же притчи: Мар. IV, 26—29 ст.

Слѣдовательно, и указанный, единичный въ своемъ видѣ, примѣръ не можетъ имѣть значенія общаго правила; такъ какъ въ томъ же самомъ случаѣ—въ изъясненіи притчи одной и той же нѣтъ опредѣленнаго и устойчиваго числа семи понятій. А эта притча, содержащаяся въ Евангеліи отъ Марка IV, 26—29 ст., именно параллельна той, которая содержится въ Евангеліи отъ Матѳея, въ XIII, 37—39. [142]).

Въ пополненіе доказательности предыдущаго примѣра и въ оправданіе своей теоріи, Эвальдъ указываетъ другую притчу—„о сѣятелѣ“, Лук. VIII, 4—18. Здѣсь, правда, въ самой притчѣ можно указать семь понятій, а именно: сѣятель, сѣмя, дорóга, камень, терніе, добрая земля и плодъ, ст. 4—8; но это не всѣ понятія всей притчи, это—только имена существительныя. Но въ этой притчѣ имѣютъ большое значеніе и еще другія понятія, какъ: потоптано, засохло безъ влаги, и под. т., и всѣхъ такихъ понятій одиннадцать, а не семь. Какія же изъ нихъ принять за логическіе пункты?—На это съ правомъ можно и должно отвѣчать—тѣ, которыя находятся въ изъясненіи притчи, какъ это Эвальдъ признавалъ самъ въ предыдущемъ примѣрѣ: XIII, 24—30 ст. Мѳ. А если такъ, то въ изъясненіи притчи о сѣятелѣ указано только пять понятій: сѣмя—слово Божіе,—упавшее при пути—похищенное діаволомъ,—упавшее на камень—съ радостію, но на время принятое,—упавшее въ терніе—подавленное житейскими заботами, упавшее на добрую землю—услышанное и сохраненное въ чистотѣ сердечной. Слѣдовательно, въ притчѣ о сѣятелѣ, судя и по изъясненію ея, нѣтъ круглаго числа семи пунктуальныхъ понятій. Точно тоже въ этой притчѣ и у Евангелиста Матѳея: XIII, 3—9 ст.

---

142) Главу IV, 26—29 ст. признаетъ параллельно XIII, 24—30 Мѳ. не только Sevin, Tischendorf, Bunsen, но и самъ Эвальдъ: Jahrb. d. b. W. 1848. S. 135.

Здѣсь только шесть понятій: сѣятель, сѣмя,—упавшее при дорогѣ,—на мѣста каменистыя,—въ терніе,—на добрую землю. Слѣдовательно, изложеніе этой притчи, а отсюда, по заключенію, обратному теоріи, и—всѣхъ притчей, дѣлалось не по круглому, раввинскому числу семи, и, слѣдовательно, Евангелисты, составлявшіе (т. е. воспоминавшіе) притчи, были чужды обыкновенія раввинскихъ школъ своего времени.

Еще менѣе оправдывается мнѣніе Эвальда о расположеніи притчей по группамъ. Дѣйствительно, по указанію теоріи, въ XIII гл. Ев. Мѳ. помѣщены семь притчей: 1,—ст. 3—8; 2,—ст. 24—30; 3,—ст. 31—32; 4,—ст. 33; 5,—ст. 44; 6,—ст. 45—46; 7,—ст. 47—50. Именно: 1,—о сѣятелѣ и сѣмени: ст. 3—7; 2,—о сѣмени и плевелахъ: ст. 24—30; 3—о зернѣ горничномъ: ст. 31—32; 4,—о закваскѣ: ст. 33; 5,—о сокровищѣ: ст. 64; 6,—о купцѣ: ст. 45—46; 7,—о неводѣ: ст. 47—48 [143]). Однако эти семь притчей нисколько не примѣръ искуственной группировки; потому что между первой притчей—о сѣятелѣ (ст. 3—8) и разъясненіемъ ея значенія (ст. 18—23) разсказывается объ ученикахъ, спросившихъ Господа—почему Онъ говоритъ притчами, и приводится отвѣтъ Его (ст. 9—17). Между четвертой и пятой (ст. 33—44) стоитъ замѣчаніе Евангелиста (ст. 34), приводится пророчество изъ Псал. LXXVII, 2 ст. о приточномъ ученіи (ст. 35-й), замѣчаніе Евангелиста о перемѣнѣ мѣста Учителя (ст. 36-й) и разъясненіе второй притчи. Такое изложеніе первыхъ четырехъ притчей весьма далеко отъ группировки ихъ. Если Евангелистъ хотѣлъ сгруппировать притчи; то почему же онъ вопросъ учениковъ о томъ, для чего Господь говоритъ притчами, не помѣстилъ послѣ седьмой притчи, что нисколько не вредило бы дѣлу? Если Господь изъяснилъ смыслъ первой притчи прежде

---

143) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 135.

второй; то почему же Евангелистъ помѣстилъ изъясненіе второй притчи послѣ четвертой ?—Онъ самъ объясняетъ это. „Тогда, т. е. послѣ того, какъ Господь произнесъ четвертую притчу (ст. 33-й), Онъ, отпустивъ народъ, вошелъ въ домъ. И, приступивъ къ Нему, ученики Его, сказали: изъясни намъ притчу о плевелахъ на полѣ (ст. 36)“, и Господь предложилъ имъ изъясненіе оной (ст. 37—43). Слѣдовательно, Евангелистъ въ изложеніи своемъ держался не группировки, а исторической послѣдовательности. И не одинъ Ев. Матѳей не имѣлъ въ виду такой группировки; Ев. Маркъ—тоже. Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ въ Евангеліи отъ Марка числа семи притчей нѣтъ, —въ IV гл. Евангелія отъ Марка содержатся только три притчи: о сѣятелѣ (ст. 3—8), о сѣмени и плевелахъ (ст. 26—29) и о зернѣ горчичномъ (ст. 31—32). А въ Евангеліи отъ Луки, въ XIII гл., 18—21 ст.—только одна притча о зернѣ горчичномъ. Слѣдовательно, старанія —располагать притчи по группамъ не было ни у Ев. Матѳея, ни у Ев. Марка, ни у Ев. Луки.—Однако у Ев. Матѳея изложены именно семь притчей, говоритъ теорія,—хотя бы и не въ группѣ, но—въ одной XIII-й главѣ.—Нѣтъ: Эвальдъ счелъ не всѣ притчи, содержащіяся въ этой главѣ: послѣ седьмой, слѣдуетъ притча о неводѣ: ст. 47—50. Господь сказалъ ученикамъ: „поняли ли вы все это? Они говрятъ ему: да, Господи (ναι, Κυριε)!—ст. 51. Онъ же сказалъ имъ: поэтому всякій книжникъ, наученный царству небесному, подобенъ (—ομοιος, gleich, какъ ομοια εστιν βασιλια) хозяину, который выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое“, ст.: 51—52. Это, очевидно, рядомъ съ тѣми стоящая и восьмая притча: ее относитъ къ числу предыдущихъ и самъ Ев. Матѳей, когда говоритъ далѣе (ст. 53-й): „и когда окончилъ Іисусъ притчи сіи (ταυτας), пошелъ отсюда„, т. е. изъ того дома, гдѣ Онъ предложилъ изъясненіе второй притчи (ст. 36-й). Слѣдовательно, Господь всѣхъ притчей, начиная съ притчи о сѣятелѣ, сказалъ восемь до входа къ нѣкоторый

домъ и до выхода изъ него: до входа четыре, а до выхода еще четыре и объясненіе притчи о сѣмени и плевелахъ (XIII, 3—35 и 36—53 ст. Мѳ.). Поэтому здѣсь, гдѣ Эвальдъ видитъ группу притчей числомъ семь, ихъ находится всѣхъ восемь. А главное не справедливо то, что онъ соединяетъ въ группу притчи, сказанныя въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, изложенныя въ Евангеліи отъ Матѳея въ исторической послѣдовательности.

Сопоставленіе въ группы притчей, сказанныхъ Господомъ въ разное время, Эвальдъ дѣлаетъ даже намѣренно и съ сознаніемъ, что онъ такъ это дѣлаетъ, что онъ именно группируетъ.—Относительно VIII гл., 4—14 ев. Луки онъ говоритъ: „у Луки удержалась только первая притча (о сѣятелѣ), между тѣмъ какъ двѣ другія (ср. Мар. IV, 3. 32) случайно (?) удержались на другомъ мѣстѣ (Лук. XIII, 18—21)“, а слѣдовало бы имъ быть вмѣстѣ, разумѣетъ Эвальдъ [144]).—Но если бы они удержались даже и на своемъ мѣстѣ, то всѣхъ ихъ было-бы три, а не семь. Если Эвальдъ сближаетъ такія притчи, какъ Лук. XIII, 18—21 и VIII, 4—18, то есть, чрезъ четыре главы, то уже никакъ не можетъ оставаться самостоятельнымъ и постояннымъ число семь. И у ев. Матѳея чрезъ нѣсколько главъ послѣ XIII-й найдется еще нѣсколько притчей, тоже у ев. Марка послѣ IV-й, только непремѣнно болѣе или менѣе семи. Если набирать группу притчей числомъ семь въ разныхъ главахъ и чрезъ нѣсколько главъ; то легко можно указать и менѣе и болѣе семи; напримѣръ—въ Евангеліи отъ Матѳея, въ XIII-й и XVIII-й гл. Исходъ отсюда можетъ быть только такой—для теоріи, что въ Евангеліи отъ Марка (и Луки?) нѣтъ первоначальнаго порядка и полноты притчей, т. е., количественной главнымъ образомъ; а это значитъ, что напримѣръ у ев. Марка теперешній порядокъ не обычно-рав-

144) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 135.

винскій. Но какой же у него (ев. Марка) былъ первоначальный порядокъ расположенія притчей (—въ Ur-Mark'ѣ)?—Это неизвѣстно. Если первоначальнымъ признать порядокъ расположенія притчей въ Евангеліи отъ Матѳея, то значитъ, что этотъ порядокъ опять не былъ раввинскимъ; а былъ простой порядокъ историческаго воспоминанія; потому что ев. Матѳей излагалъ притчи по времени ихъ произнесенія (XIII, 36-й), не соединяя ихъ въ группы по числу семи, какъ и ев. Маркъ.

Если слѣдуетъ признать еще доказательность теоріи Эвальда въ примѣрѣ притчей, то лишь тогда, когда между ними будетъ указана хотя самая общая, но внутренняя связь, при чемъ извѣстное число (группа) ихъ объединялось бы въ одной мысли. Примѣръ группы извѣстнаго числа притчей во внутренней ихъ связи, по Эвальду, находится въ XIII гл. Мѳ. „Первая притча учитъ совершенно правильно съ начала, какъ совершается созидающая дѣятельность небеснаго царства, т. е., Слова Божія (ст. 3—9); а какъ Слово Божіе, возникая и возрастая, можетъ оставаться въ этомъ мірѣ совершенно чистымъ, это—въ двухъ другихъ (ст. 24—30 и 47—49); какъ оно развивается въ мірѣ и распространяется въ немъ, объ этомъ учатъ притчи, стоящія теперь на третьемъ и на четвертомъ мѣстахъ (ст. 31—33); наконецъ, какъ оно цѣнится каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, объ этомъ—еще двѣ, отнесенныя на пятое и на шестое мѣста"[145]).

Очевидно, указанная Эвальдомъ связь притчей XIII-й гл. Мѳ. требуетъ инаго порядка ихъ, нежели тотъ, въ какомъ они находятся въ Евангеліи; седьмую притчу—о неводѣ (ст. 47—49) Эвальдъ ставитъ рядомъ со второй притчей—о сѣмени и плевелахъ (ст. 24—30). Почему, для чего и съ какимъ правомъ можно такъ переставлять притчи?—Вторая притча въ ряду семи стоитъ на своемъ

145) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 135—136.

мѣстѣ, а третья, по теоріи, отнесена на конецъ (ст. 47—49). Но почему же третья не на своемъ мѣстѣ? въ какихъ рукописяхъ или кодексахъ она стоитъ рядомъ со второй?—кто, когда и для чего помѣстилъ ее на конецъ?—Для рѣшенія этихъ вопросовъ неизбѣжно должно обратить вниманіе на извѣстныя рукописи или печатные кодексы Св. писанія Новаго Завѣта: иначе съ субъективной стороны всегда будетъ полная возможность сдѣлать и другую комбинацію притчей,—тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣло идетъ о разстановкѣ не одного только напримѣръ 14-го или 25-го ст. XXIII-й гл. Мѳ., какъ это было прежде, а нѣсколькихъ притчей. Но ни въ какихъ рукописяхъ и кодексахъ извѣстныхъ, напримѣръ К. Тишендорфу, нѣтъ и признаковъ инаго размѣщенія притчей, кромѣ существующаго въ его же изданіи Novum Testamentum graece и въ textus receptus. Слѣдовательно, въ теперь существующемъ и общеизвѣстномъ текстѣ Евангелія отъ Матѳея и въ частности XIII-й гл. притчи не стоятъ въ той связи, какую даетъ имъ теорія, или—они расположены въ другой связи, т. е. не въ искуственной и не безъ порядка, хотя и не въ строго-логическомъ порядкѣ. Это—такъ,—противъ теоріи. Дѣйствительно, логическій порядокъ требуетъ поставить седьмую притчу на мѣстѣ третьей, по теоріи; а этого нельзя сдѣлать, потому что седьмая притча сказана послѣ того, какъ Господь „вошелъ въ домъ (ст. 36-й)",—по крайней мѣрѣ она записана такъ въ Евангеліи; а третья и четвертая—до входа въ домъ; а потому перестановка седьмой притчи на мѣсто четвертой будетъ анахронизмомъ. Слѣдовательно, седьмая притча не можетъ быть на мѣстѣ третьей, потому что эта сказана раньше той. Отсюда,—притчи расположены въ XIII-й гл. Мѳ. въ исторической послѣдовательности, а не въ строго-логическомъ порядкѣ. Логическая комбинація притчей, какая предложена по теоріи, нетолько противорѣчитъ исторически-дѣйствительной послѣдовательности и ведетъ къ безпримѣрному превраще-

нію св. текста, но и не достигаетъ своей цѣли, какъ неправильно обоснованная. Основныя понятія для этой комбинаціи суть: созиданіе, возрастаніе, достоинство и цѣнность царства (—Слова) Божія. Всѣ эти понятія находятся вмѣстѣ въ одной, напримѣръ, первой же притчѣ—о сѣятелѣ; здѣсь—именно: созидающая дѣятельность—Слово Божіе (ст. 3—4), его возрастаніе (ст. 5—7), его плодъ (ст. 8-й); и здѣсь же не отдѣльно находится понятіе объ истинномъ достоинствѣ царства Божія и значеніи его въ мірѣ, какъ показываетъ это изъясненіе притчи (ст. 19. 20. 21. 22 и 23). Или—въ частности: „какъ цѣнится Слово Божіе каждымъ человѣкомъ (собственно царство небесное), это, по теоріи, показываютъ пятая и шестая притчи (ст. 44—46); но тоже самое показываетъ и первая притча—о сѣятелѣ (ст. 3—9). Подобную сбивчивость основныхъ понятій логическаго дѣленія представляетъ и вторая притча (ст. 24—30). Отсюда слѣдуетъ, что такихъ основныхъ понятій для комбинаціи притчей, которыя были бы строго основательны и опредѣленны, нѣтъ; потому что они иногда всѣ находятся въ одной притчѣ. А если такія, въ одной притчѣ совмѣстныя, понятія признать основаніями комбинаціи; то всѣ притчи Евангелія отъ Матѳея могутъ быть сопоставлены въ одной и той же комбинаціи; такъ какъ смыслъ почти всякой притчи говоритъ о царствѣ Божіемъ,—или о его возрастаніи, или о его истинномъ значеніи, и т. п.; по крайней мѣрѣ вообще между притчами найдется несравненно больше, чѣмъ семь такихъ, кои можно сопоставить въ одной комбинаціи. Такъ, въ той же XIII-й гл. Мѳ., въ ст. 52-мъ, содержится еще восьмая притча (Gleichnis) о хозяинѣ, которому подобенъ (ὅμοιος) всякій книжникъ, наученный царству небесному, который выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое. За связь этой притчи съ другими семью въ той же XIII-й гл. говоритъ самый смыслъ оной (притчи): „выноситъ“—т. е. распространяетъ,—потому что цѣнитъ... А за порядокъ восьмой притчи (ст.

52-й) говоритъ текстъ Евангелія, ибо въ слѣдующемъ 53-мъ ст. сказано: „и когда окончилъ Іисусъ притчи сіи, пошелъ оттуда“. Слѣдовательно, и восьмая притча была сказана въ одно время и въ одномъ домѣ, гдѣ сказаны были стоящія съ нею въ одномъ ряду: пятая, шестая и седьмая. Такъ, восьмая притча стоитъ въ логической связи, въ историческомъ порядкѣ и, слѣдовательно, въ одной группѣ съ другими „семью“ притчами XIII-й гл. Мѳ. Отсюда—группа притчей, содержащихся въ XIII-й гл. Мѳ. представляетъ не раввинское число ихъ—семь, а исторически-дѣйствительное число восемь.

Такъ, нѣтъ группы притчей въ числѣ только семи, объединенныхъ одною мыслію; такъ что существующія притчи въ Евангеліи отъ Матѳея и др. нельзя въ данномъ ихъ порядкѣ строго-логически объединить въ группы по круглымъ числамъ, безъ того, чтобы не переставлять ихъ,—нѣтъ основаній къ такой перестановкѣ. А если не переставлять ихъ, то, по сознанію самого Эвальда, нельзя дать „ни какого, соотвѣтствующаго дѣлу (т. е. его теоріи), порядка этихъ группъ по семи притчей“. Дѣйствительно, переставить притчи нельзя, при перестановкѣ ихъ будетъ болѣе (XIII, 3—52) или менѣе, чѣмъ семь; а порядокъ въ изложеніи ихъ (у Ев. Матѳея) остается,—какой?—историческій (ст. 1-й; ср. ст. 36-й; ср. ст. 53-й), а не искуственный.

Рѣшительная недостаточность перваго примѣра группированія притчей еще не уничтожаетъ мысли о кругломъ числѣ семи, которой придерживается теорія; потому что Эвальдъ представляетъ еще и другіе примѣры.—„Первая группа притчей въ числѣ семи изъясняетъ царство небесное съ его внутренней стороны и исторіи, а отсюда также и его достоинство; но, говоритъ Эвальдъ, находятся еще другія притчи, изображающія его существованіе и исторію во внѣ—до послѣдняго мыслимаго конца его: и эти притчи также образуютъ группы, подобныя той, хотя круглое число найдти въ нихъ еще труднѣе, чѣмъ бы-

ло тамъ". Эта бо̀льшая трудность соединяется у Эвальда на дѣлѣ съ бо̀льшими недостатками.

Съ трудомъ и съ сознаніемъ этого труда Эвальдъ находитъ „очень многія притчи, стоящія теперь въ концѣ Евангелія отъ Матѳея: онѣ разсѣяны и весьма трудно узнаваемы", но „по признакамъ Эвальдъ однако узнаетъ хорошій правильно-послѣдовательный ихъ порядокъ и признаетъ его первоначальнымъ "146). Именно: 1,—какъ и для чего царство небесное должно быть взято отъ древняго общества Израильскаго и передано новому, это изъясняютъ три притчи: Мѳ. XXI, ст. 28—32; XXI, 33—46 и XXII, 1—4. 2,—какъ въ день страшнаго суда нѣкоторые, живущіе вмѣстѣ съ истинными членами новаго общества, не получатъ доступа въ царство небесное и будутъ получать награду не по собственному ихъ желанію, но награду справедливѣйшую (gerechtesten), это изображаютъ: вторая притча въ томъ же отрывкѣ Мѳ. XXII, 1—14—и слѣдующія въ XX, 1—16; XXV, 14—30. 3,— какое можетъ быть составлено послѣднее сужденіе относительно древняго общества, это—седьмая притча, у Лук. XIX, 12—27 147). Такъ является вторая группа притчей въ числѣ семи; но — только въ теоріи. Вторая группа состоитъ, можно сказать, изъ нѣсколькихъ притчей, но не изъ семи.

Первая притча второй группы о двухъ сынахъ, званныхъ работать въ виноградникѣ отца своего—Мѳ. XXI, 28—32, и вторая о виноградникѣ и виноградаряхъ—XXI, 33—46, дѣйствительно соотвѣтствуютъ данному имъ, по теоріи, значенію и стоятъ рядомъ въ tecxtus receptus. „А третья притча, по мнѣнію Эвальда, хотя стоитъ и рядомъ съ предшествующею ей, но представляетъ только отрывокъ цѣлой притчи о царѣ, устроившемъ брачный

---

146) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 136.
147) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 136—137.

пиръ для сына своего—XXII, 1—14" [148]). На какомъ основаніи Эвальдъ для своей цѣли раздѣляетъ одну притчу: XXII, 1—14 ст. на двѣ: 1—4 и 5—14 ст.? [149]) въ какихъ кодексахъ или спискахъ можно встрѣтить ст. 1—4-й отдѣльно отъ ст. 5—14-го въ одной главѣ XXII-й Мѳ.?—По контексту, ст. 1—14-й имѣютъ самую тѣсную и логическую, и грамматическую связь, такъ что на двѣ притчи рѣшительно не могутъ быть дѣлимы. Стихъ 4-й: „царь опять послалъ другихъ рабовъ звать званныхъ; но они . . . ", кто—они?—званные, конечно,—„пренебрегли то, пошли, кто на поле свое"—стихъ 5-й. Очевидно, ст. 5-й прямо указываетъ на предыдущій ему ст. 4-й: „но они (οἱ δε), пренебрегши то (αμελησαντες!), пошли…"—кто и что „пренебрегши" (αμελησαντες)?—званные—призваніе,—ст. 5-й.

„Здѣсь, говоритъ Эвальдъ, въ XXII-й гл. перепутаны двѣ, первоначально очень различныя притчи" [150]). Но какія именно?—кѣмъ?—когда?—съ какою цѣлію?—и что, по крайней мѣрѣ, служитъ признакомъ ихъ перепутанности?—все это неизвѣстно. Напротивъ, очевидна полнѣйшая связь всей притчи: ст. 1—14, XXII-й гл. Мѳ. И если при такой связи можно эту притчу считать составленною изъ двухъ, то—и всякую другую,—вопреки грамматической и логически-послѣдовательной связи ея; такъ что опять можно будетъ составить не семь только, а много болѣе притчей въ одну группу.

Если равно неблагопріятно для теоріи считать третью притчу второй группы, которая есть, собственно часть четвертой, за особую, какъ и третью съ четвертой за одну третью, цѣлую притчу, т. е. раздѣлять или не раздѣлять третью притчу—о царѣ (XXII, 1—14) на третью

---

148) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 136.
149) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 136. Anmerkung zw.
150) Jahrb. d. b. W. 1848 S. 136; и Anmerkung zw.

и четвертую; то, въ силу логической и грамматической связи содержанія этой притчи о царѣ, должно считать ее цѣлостной и—по счету теоріи—третьей притчей. А такъ какъ вмѣсто первыхъ, по теоріи, четырехъ, на самомъ дѣлѣ только три притчи стоятъ рядомъ въ Евангеліи отъ Матѳея: XXI,—XXII, 1—14 ст.; то слѣдуетъ, что и вторая группа состоитъ только изъ трехъ притчей рядомъ стоящихъ.

Послѣ притчи, изложенной въ XXII-й гл., 1—14 ст., въ текстѣ Евангелія отъ Матѳея нѣтъ еще притчей, непосредственно слѣдующихъ за той; слѣдовательно, вторая группа притчей состоитъ только изъ трехъ, а не изъ семи составныхъ членовъ. Въ пополненіе недостающихъ притчей до числа семи, Эвальдъ указываетъ притчу о работникахъ въ виноградникѣ—XX, 1—16 и о талантахъ изъ XXV, 14—30 Мѳ. Такъ, съ прибавленіемъ прежнихъ притчей, получится группа; но въ текстѣ Евангелія отъ Матѳея эти притчи поставлены далеко одна отъ другой. И если такъ далеко разстоящія притчи можно сносить въ логическія группы; то тѣмъ легче составлять такъ, например, двѣ притчи—о талантахъ: XXV, 14—30 и рядомъ съ ней стоящую, даже соединенную съ ней въ текстѣ грамматически (ωσπερ γαρ ανθρωπος) и одинаковую по смыслу, притчу о десяти дѣвахъ (XXV, 1—13), а въ такомъ и подобномъ случаѣ обыкновенно-раввинское число семь будетъ увеличено нѣсколькими единицами.

Присоединяя двѣ притчи изъ XX, 1—16 ст. и XXV, 14 ст. къ предыдущимъ, Эвальдъ, впрочемъ, и по своему счету, при такомъ избраніи и комбинированіи притчей, не получаетъ числа „семи"; а въ Евангеліи отъ Матѳея подобныхъ же, по его мнѣнію, еще не находится. Это не затрудняетъ автора теоріи искуственно-раввинскаго построенія матеріи (изреченій): недостающія притчи онъ находитъ въ Евангеліи отъ Луки: XIX, 12—17 ст. Однако, почему же такъ и только у ев. Луки, а не у ев. Марка еще?—„ потому, замѣчаетъ (подстрочно) Эвальдъ,

что здѣсь—въ XIX гл. переплетены нѣсколько притчей" [151]). Изъ этихъ-то, будто бы переплетенныхъ, притчей онъ беретъ одну, ему недостающую. Сущность дѣла въ томъ, что Эвальдъ, желая дать седьмую притчу второй группы и не находя ее въ Евангеліи отъ Матѳея, указываетъ оную въ Евангеліи отъ Луки,—именно притчу о десяти минахъ—ст. 12—27, XIX гл.,—эту, потому что она будто бы передѣлана изъ: Мѳ. XXV, 14—30, т. е. изъ притчи о талантахъ. Что та притча сходна съ этой, конечно, это вѣрно; но что послѣдняя передѣлана изъ той, это нисколько не вѣроятно. И—что отсюда, если бы это было и такъ?—только то, что притча о талантахъ—одна и та же притча, лишь помѣщенная въ разныхъ Евангеліяхъ и съ различными синонимами своихъ главныхъ понятій (талантъ—мина). А если такъ, то она не особая и не седьмая, какъ бы желательно Эвальду; иначе,—теорія повторяетъ одну и ту же притчу, чтобы восполнить число семь. Слѣдовательно, и здѣсь нѣтъ примѣра правильно-составленной группы изъ семи притчей.

Эвальдъ впрочемъ вынуждается и самъ признаться въ томъ, что въ существующихъ еще притчахъ—кромѣ двухъ, имъ составленныхъ группъ—искуственной группировки нельзя указать.

Дѣйствительно, еще бóльшими недостатками страдаютъ слѣдующія комбинаціи притчей, „представляющія, по теоріи, надлежащее ожиданіе конечнаго исполненія и рѣшенія всѣхъ дѣлъ (d. Parusie)" [152]). Сюда относятся притчи: Мѳ. XXIV, 43; 44—50. XXV, 1—13; Лук. IX, 5—8; XVIII, 1—8; Мѳ. XXIV, 32; Лук. XIII, 7—9 [153]).

151) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 137. Anmerkung erst. Отмѣтимъ, кстати, что такія выраженія, какъ: «перепутаны», «переплетены», странны при мысли, что притчи искуственно и искусно группированы.

152) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 137.

153) Ibidem.

Очевидно, эта группа составлена не только изъ разныхъ главъ съ большими пропусками и перестановками, но и изъ разныхъ Евангелій. А такъ составленная группа притчей, конечно, показываетъ только, что въ текстѣ Евангелій нѣтъ никакой группы, что тамъ притчи стоятъ въ другомъ порядкѣ, нежели какой даетъ имъ Эвальдъ. А это заставляетъ сомнѣваться въ правильности и справедливости его теоріи. Дѣйствительно, основанія, почему Эвальдъ переставляетъ, разставляетъ и сопоставляетъ притчи, много-иначе расположенныя Евангелистами, суть общія мысли; какъ, напримѣръ: „надлежащее ожиданіе конечнаго исполненія и рѣшенія всѣхъ дѣлъ" и др. т. п. [154]). Чѣмъ доказать, что именно такая мысль была у Евангелиста при выборѣ и размѣщеніи притчей, если, соотвѣтствующія этой, будто-бы основной, мысли, притчи расположены въ Евангеліи далеко нес трого по этому плану ? Чѣмъ доказать, что Евангелистъ выбиралъ притчи соотвѣтственно именно указанному въ теоріи основанію, если у него (напримѣръ, у Ев. Матѳея или у Ев. Луки) нѣтъ всѣхъ притчей, сюда относящихся и относимыхъ по теоріи, хотя Евангелистъ и могъ бы это сдѣлать, какъ дѣлаетъ Эвальдъ ? Чѣмъ доказать, что основныя мысли въ планѣ Евангелія были именно тѣ, кои указываетъ теорія, если по нимъ нельзя найдти непремѣнное число семь и если могутъ быть другія основанія—мысли, или болѣе общія, или болѣе частныя?—На это въ теоріи нѣтъ и не можетъ быть инаго отвѣта, какъ рѣшительное—ничѣмъ и ничѣмъ; потому что выборъ притчей совершался теоріей на произвольныхъ и безъ опредѣленнаго критерія принятыхъ, основныхъ, неизвѣстно почему стольких и такихъ общихъ, понятіяхъ; а такой выборъ всегда допускаетъ иныя основанія и при нихъ другую, если нужно, болѣе соотвѣтственную textus receptus, комбинацію.

---

154) Ibidem.

Если принятыя теоріей основанія не исключаютъ другихъ и при нихъ иныхъ комбинацій притчей; то указанныя теоріей комбинаціи (группы) не обязательны и не убѣдительны на столько, чтобы построеніе ихъ признать искуственно-раввинскимъ, а не соотвѣтственнымъ исторически-послѣдовательному порядку ихъ изложенія и произнесенія,—изложенія, какое давалъ имъ Самъ Спаситель,—произнесенія, когда и какъ Онъ Самъ ихъ предлагалъ своимъ слушателямъ. И если въ textus receptus не заключается строго-логическаго размѣщенія притчей: то можетъ быть принято историческое, въ извѣстной мѣрѣ послѣдовательное, изложеніе ихъ,—по воспоминанію. За это скорѣе говоритъ нетолько отсутствіе порядка ихъ размѣщенія, указаннаго теоріей, но и отсутствіе нѣкоторыхъ притчей, требуемыхъ порядкомъ (раввинскимъ) Эвальда.

Фактическое противорѣчіе теоріи Эвальда представляетъ слѣдующая, составленная имъ группа притчей.— „Истинный видъ вспомоществующей любви и правосудія Божія выясняется наглядно въ трехъ притчахъ, въ прекраснѣйшей ихъ послѣдовательности: Лук. XV, 3—7; 8—10; 11—32; а лживость высокомѣрной человѣческой праведности, такъ же въ трехъ: Лук. X, 30—37. XVIII, 9—14. XVII, 7—10“ [155]. Очевидно, при обычной, но не правой перестановкѣ притчей изъ разныхъ главъ, Эвальдъ въ настоящей группѣ набралъ только шесть притчей. Но, продолжаетъ Эвальдъ, если принимать сродную по содержанію притчу о человѣческомъ милосердіи (Vergeben): Мѳ. XVIII, 23—35; то и здѣсь, въ данной группѣ, опять оказывается число семь [156]. Здѣсь, какъ видно, Эвальдъ находитъ еще возможность набрать семь притчей; потому что въ основаніе своего выбора принимаетъ весьма общія понятія, какъ любовь и правосудіе Божіе.

---

155) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 137.
156) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 137.

Но если Эвальдъ открываетъ себѣ такъ и такую возможность; то за это онъ самъ лишаетъ свою теорію всякаго вѣроятія и значенія; потому что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ полнѣйшую возможность совмѣстить въ одну группу вдвое болѣе, нежели семь притчей: такъ общи его основныя понятія для выбора притчей и группированія ихъ!—Если, напримѣръ, теорія на ряду съ притчей о блудномъ сынѣ ставитъ притчу о царѣ и должникѣ (Мѳ. XVIII, 23—35); то, принимая за основаніе общее понятіе правосудія Божественнаго, въ ту же группу можно и съ полнымъ правомъ должно отнести притчу о сѣмени и плевелахъ (XIII, 24—30 и 37—43), и о царѣ, устроившемъ брачный пиръ для сына своего (Мѳ. XXII, 1—14), гдѣ, по мнѣнію Эвальда, говорится также о правосудіи Божіемъ, награждающемъ или наказывающемъ. Такъ теорія вступаетъ въ явное и фактическое противорѣчіе сама съ собой—вступаетъ и остается въ немъ потóмъ!

Шаткость принятыхъ основаній для комбинированія притчей, затруднительное и постепенно значительно затрудняющееся примѣненіе оныхъ къ тексту Евангелій довели Эвальда до крайней невозможности составить группу притчей въ числѣ семи, и ему оставалось и пришлось сказать: „есть еще три притчи, изъясняющіе должное поведеніе христіанъ въ отношеніи къ земнымъ сокровищамъ. Эти три притчи содержатся теперь у Луки: XII, 16—21; XVI, 1—13; 19—31 [157]).“ Это пришлось Эвальду сказать, такъ какъ нельзя же было игнорировать эти притчи, оставшіяся внѣ группировки. Но что же значитъ обнаруженіе самаго факта ихъ существованія?—Прежде всего, эти притчи не стоятъ въ группѣ, такъ какъ первая—въ XII гл., а вторая—въ XVI-й, даже и третья не рядомъ со второй (ст. 13-й и 19-й). „Но, говоритъ теорія, по крайней мѣрѣ двѣ изъ нихъ еще теперь довольно близко

---

157) Ср. Jahrb. d. b. W. 1848 S. 137—138.

другъ подлѣ друга [158]". А когда же они стояли еще ближе одна къ другой?!—По крайней мѣрѣ, въ этой послѣдней группѣ только двѣ притчи стоятъ близко одна при другой,—двѣ, а не семь! Это—фактъ, по признанію самой теоріи; а онъ составляетъ прямое и никакъ не отстранимое противорѣчіе ей: онъ прямо, но противъ мнѣнія Эвальда, говоритъ, что притчи, содержащіяся въ нашихъ Евангеліяхъ, не могутъ быть сгруппированы по семи—при возможно-произвольныхъ пріемахъ и многоразличномъ насильственномъ измѣненіи текста безъ всякихъ основаній на то со стороны древнихъ рукописей Евангельскаго текста.

Это фактическое противорѣчіе мнѣнію Эвальда былобы рѣшительнымъ и окончательнымъ, еслибы самый фактъ былъ указанъ въ Евангеліи отъ Матѳея; но, по теоріи, „весьма многія притчи, содержащіяся въ Евангеліи отъ Луки, заимствованы не изъ того Собранія изреченій, изъ котораго у ев. Матѳея [159]". Но—откуда же?—Указаніе на неизвѣстный и для самого Эвальда источникъ, значитъ, есть тоже, что отрицаніе основаній собственнаго его мнѣнія: ссылаться на неизвѣстное основаніе—тоже, что сказать: нѣтъ извѣстнаго основанія. А вмѣстѣ съ этимъ открывается новый и важный логическій недостатокъ даннаго мнѣнія,—circulus in demonstrando. Въ Евангеліи отъ Матѳея притчи сгруппированы по числу семи; а въ Евангеліи отъ Луки нѣтъ; потому что Евангелистъ Лука заимствовалъ свои притчи изъ другаго Собранія, а не изъ того, изъ котораго бралъ ихъ Евангелистъ Матѳей; слѣдовательно, источникъ ев. Луки иной, нежели ев. Матѳея; а это вѣрно потому, что у ев. Луки нѣтъ группъ такихъ, какъ у ев. Матѳея. Здѣсь, очевидно, одно предположеніе основывается на другомъ,

---

158) Jahrb d. b. W. 1848. S. 138.
159) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 138.

и оба почти равно не доказаны. Оттого легко то и другое устраняются.—Въ самомъ дѣлѣ: если притчи Евангелія отъ Луки потому не въ группахъ, что они взяты были изъ другаго Собранія, а не изъ того, изъ коего бралъ ихъ ев. Матѳей; то слѣдуетъ, что Евангеліе отъ Луки или, точнѣе, его источникъ не содержалъ такихъ группированныхъ притчей; а отсюда,—было Собраніе изреченій (или притчей), изложенныхъ не по раввинскому обыкновенію,—не по круглому числу семи. И это—не только въ источникѣ Евангелія отъ Луки, но также и въ источникѣ Евангелія отъ Матѳея. И здѣсь, по указанію самой теоріи, „существуютъ такіе длинные отрывки рѣчей, гдѣ отдѣльныя изреченія упорядочены только въ возможно-тѣсную связь по смыслу и въ группы, но не въ круглыхъ числахъ, какъ, напримѣръ, Рѣчь при посланіи Апостоловъ на проповѣдь: Мѳ. X, 5—42, или: XVIII, 1—20. 24.“ [160]). И это опять—фактъ, подобный предшествующему.

Такъ неопровержимые и признанные самимъ Эвальдомъ факты свидѣтельствуютъ, что въ Евангеліи отъ Луки притчи, а въ Евангеліи отъ Матѳея изреченія и притчи изложены безъ искуственной связи или обычно-раввинской группировки. А это составляетъ прямое противорѣчіе мнѣнію Эвальда о характерѣ первоначальнаго Собранія изреченій.

Факты неискуственной связи изреченій представляются нагляднымъ доказательствомъ того, что изреченія составлялись просто по воспоминанію; по Эвальду, напротивъ, „открывается (и по теоріи прямо слѣдуетъ) только то, что когда гдѣ-либо сходное могло соединяться и довольно твердо въ группы по круглому числу, тогда предпочитался такой именно способъ сопоставленія (Sammelart), а гдѣ оно было невозможно, тамъ, по крайней мѣ-

160) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 138.

рѣ, сродное по содержанію стремилось соединяться въ легчайшія группы“ 161). Но такого способа сопоставленія притчей не было и, при строго-опредѣленныхъ началахъ соединенія ихъ въ группы, не могло быть, если они сопоставлялись и произносились безыскуственно, не по-раввински. А группы, составленныя на основаніяхъ, указанныхъ теоріей, неправильны, потому что притчи принимались въ ней изъ различныхъ, далеко отстоящихъ одна отъ другой главъ, изъ двухъ разныхъ Евангелій и т. п.; при всемъ томъ, однако, оставались притчи, которыхъ не возможно сгруппировать по числу семи. Такъ составляемыя группы притчей всегда даютъ возможность измѣнять свой составъ; потому что очень не опредѣленны логическія основанія, на которыхъ группируются притчи. По всему этому, притчи, содержащіяся въ нашихъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангеліяхъ, не представляютъ примѣровъ обычно-раввинской группировки,—искуственной связи изреченій и потому не оправдываютъ мнѣнія Эвальда о трудностяхъ первоначальнаго образованія Евангельской матеріи.

Если же, не смотря на отсутствіе прямыхъ указаній и надлежащихъ основаній для мнѣнія Эвальда, признать справедливымъ, что рѣчи и притчи Спасителя въ каноническихъ Евангеліяхъ отъ Матѳея, Марка и Луки расположены дѣйствительно по группамъ; то изъ этого факта должно будетъ прямо заключить, что содержаніе Христовой проповѣди принимало такую форму прежде, чѣмъ оно было записано, и—для болѣе удобнаго запоминанія; подобно тому, какъ это было, по словамъ Эвальда, въ ученіи іудейскихъ раввиновъ того времени. Поэтому, группированіе изреченій Іисуса Христа указываетъ на возможно тщательное храненіе ихъ въ памяти Апостоловъ. А такъ какъ въ томъ же видѣ группъ они перешли и

161) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 138.

въ писанія Апостоловъ—въ Евангелія; то слѣдуетъ, что Апостолы записали ученіе Христово по своему воспоминанію. Такимъ образомъ группированіе изреченій Іисуса Христа свидѣтельствуетъ съ своей стороны о возможно прочномъ запоминаніи, однообразномъ (въ одной опредѣленной формѣ) воспоминаніи и непосредственномъ письменномъ изложеніи устнаго Евангелія самими Апостолами. Это слѣдствіе столько же прямо противорѣчитъ теоріи Эвальда, какъ и предыдущее.

—Общій результатъ: такъ какъ Нагорная бесѣда не представляетъ примѣра искуственной группировки изреченій, если принимать за основаніе ветхозавѣтныя цитаты (заповѣди) и общія логическія понятія; такъ какъ, потомъ, Рѣчь противъ фарисеевъ не представляетъ типа раввинской проповѣди съ внѣшней стороны (изложенія), если имѣть въ виду (при анализированіи) логическія и филологическія основанія, на которыя указываетъ Эвальдъ; такъ какъ, наконецъ, рядъ Притчей не представляетъ примѣра группировки по числу семи, если брать ихъ въ одномъ или въ двухъ Евангеліяхъ и комбинировать на основаніи общихъ (объединяющихъ) понятій: то слѣдуетъ, что ни въ одномъ изъ трехъ приведенныхъ Эвальдомъ примѣровъ не оправдывается то мнѣніе его, что собираніе (и собраніе) Ев. изреченій принимало раввинскій характеръ, искуственную связь въ видѣ группъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ ни въ одномъ изъ тѣхъ же примѣровъ не оправдывалось и главное мнѣніе Эвальда о трудностяхъ первоначальнаго образованія матеріи Евангелій. На оборотъ,—оправдалось въ разсмотрѣнныхъ трехъ примѣрахъ противоположное теоріи мнѣніе, что матерія первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій образовалась безъ трудностей, излагаясь по воспоминанію и доселѣ сохраняется въ оныхъ въ своемъ простомъ, первоначальномъ не искуственномъ видѣ.

VI.

Собраніе изреченій Іисуса Христа, это—по Эвальду—одна сторона дѣла въ образованіи матеріи Евангелій; вторая—образованіе связныхъ разсказовъ. И если то явилось прежде и имѣло при этомъ свои многія трудности, это, какъ позднѣйшее, должно было имѣть ихъ еще болѣе; поэтому образованіе связныхъ разсказовъ, какъ дѣло болѣе трудное, должно было бы и болѣе оправдывать теорію Эвальда, по которой предполагаются многія трудности при образованіи матеріи Евангелій. Дѣйствительно, развивая понятіе трудности образованія связныхъ разсказовъ почти до понятія невозможности, теорія Эвальда, по видимому, находитъ въ томъ свое полнѣйшее оправданіе.

Трудности въ образованіи отрывочныхъ изреченій Спасителя, по теоріи, преодолѣвались обыкновеннымъ раввинскимъ способомъ комбинированія или сопоставленія извѣстныхъ отрывковъ въ группы; такъ составлялись сборники рѣчей: но такими и такъ составленными трудами не могло, однако, удовлетвориться первоначальное христіанское общество—должно было явиться собраніе связныхъ разсказовъ о Евангельскихъ событіяхъ. „Много труднѣе, нежели собраніе, по воспоминанію, оставшихся словъ (Worte) Христа, было собраніе воспоминаній объ отдѣльныхъ обстоятельствахъ и дѣлахъ Его“ [162]),—о всѣхъ въ связи:

162) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 138—139.

и „если принимать понятіе такой связи въ томъ строжайшемъ его смыслѣ, чтобы каждое отдѣльное малое происшествіе и каждое отдѣльное дѣло было возстановлено совершенно точно на своемъ первоначальномъ мѣстѣ: то ясно, что уже по причинѣ великаго множества подобныхъ отдѣльныхъ обстоятельствъ, строжайшая связь ихъ (при воспоминаніи) была рѣшительно невозможна“.

Такъ, по теоріи, трудность въ нестрого-связномъ и невозможность въ строжайше-связномъ образованіи Ев. разсказовъ, основываются на великомъ множествѣ разсказываемыхъ обстоятельствъ. Кажется, это—такъ; но множественность сама по себѣ не трудность и не условіе трудности, тѣмъ болѣе не причина рѣшительной невозможности. Человѣкъ способенъ весьма многое и столь же разнообразное запомнить въ связи, если для этого существуютъ свои условія, какъ, на-оборотъ, и для того, чтобы забывать все, должны быть также свои условія. Для правильнаго и соотвѣтственнаго воспоминанія служитъ условіемъ усиленное до извѣстной степени вниманіе при воспріятіи воспоминаемаго; для забвенія, на-оборотъ, разсѣянность въ томъ же актѣ мышленія, который обусловливаетъ воспоминаніе, и т. д.

Если множественность и можетъ быть, говоря неточно, трудностію, то при полнѣйшей безсвязности воспринимаемаго;—а ея-то и не было въ многочисленныхъ событіяхъ Ев. исторіи; такъ какъ и сама теорія условіемъ воспоминанія событій Ев. исторіи, съ своей стороны, ставитъ исключительный, необыкновенный духъ Христа, который всѣ частныя дѣла въ Его жизни объединялъ въ сознаніи наблюдателей ихъ—Евангелистовъ; слѣдовательно, каждый изъ нихъ могъ, конечно, если не всѣ, то весьма многія событія изъ жизни Господа воспроизвести, по воспоминанію, въ связи и безъ труда, подъ однимъ условіемъ всеобъединяющаго духа Христова. Но такое условіе воспоминанія еще не было единственнымъ.

Если притчи Христовы можно было соединять въ

связи внутренней или внѣшней, формальной, потому что они были составлены въ группы и проникнуты одной общею мыслію; то отчего же не могли быть соединены въ связи и самыя событія Ев. исторіи? Притчи, какъ разсказы, содержатъ въ себѣ дѣйствія или состоянія извѣстныхъ предметовъ и въ то же время выражаютъ смыслъ ученія Христова: не то же ли для воспоминанія и самыя дѣйствія Господа?—Дѣйствительныя событія еще яснѣе и сильнѣе отражались въ сознаніи, отчетливѣе и сильнѣе напечатлѣвались въ соображеніи и крѣпче оставались въ памяти очевидцевъ—слушателей, нежели притчи. И этому сильнѣйшему вліянію со стороны предметовъ запоминанія вполнѣ соотвѣтствовала необыкновенная ревность, а съ нею и внимательность, со стороны самихъ наблюдателей, глубоко-искренно интересовавшихся каждымъ дѣйствіемъ и мановеніемъ Господа—Сына Божія.

Условія Апостольскаго воспоминанія, какъ: единство духа Христова во всѣхъ его проявленіяхъ историческихъ, имъ же самимъ объединяемыхъ, живость и сильнѣйшая впечатлительность самыхъ Ев. событій на приверженно-внимательныхъ наблюдателей,—эти условія, кромѣ другихъ, тѣмъ подобныхъ, какъ: знаніе мѣстъ, дѣйствій, лицъ, при коихъ они совершались, многократное повтореніе нѣкоторыхъ фактовъ на дѣлѣ, а нѣкоторыхъ въ воспоминаніи и повѣствованіи нетолько Апостоловъ, но и многихъ другихъ очевидцевъ,—всѣ эти условія устраняютъ совершенно трудность воспоминанія Ев. событій, состоящую въ ихъ множественности. Напротивъ, чѣмъ болѣе совершалось разныхъ событій, тѣмъ болѣе работало надъ ними сознаніе, мышленіе и воспоминаніе наблюдателей, тѣмъ скорѣе „становилось гласнымъ имя Іисуса по всей странѣ“ (Мр. VI, 14). Поэтому о сравнительно-труднѣйшемъ воспроизведеніи и образованіи матеріи Ев. разсказовъ въ связи и по воспоминанію не должно быть и рѣчи.

Если не было трудности для воспоминанія при воспроизведеніи Ев. событій въ соотвѣтственной имъ дѣйст-

вительности и объективно данной связи; то оно могло затрудняться только при возстановленіи разсказываемыхъ событій въ ихъ исторической послѣдовательности. Но „относительно образованія (Entwickelung) отдѣльныхъ происшествій не могли быть неясныя представленія: принадлежитъ ли отдѣльное происшествіе раннему или позднему времени открытой дѣятельности Христа, это не могло быть много сомнительнымъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ важнѣйшимъ и особенно выдающимся. Точно также мало можно отрицать то, что въ нѣкоторыхъ большихъ отдѣлахъ Ев. исторіи (исторія удаленія Христа изъ Галилеи, исторія Его страданій) первоначально была дана наибольшая связь отдѣльной повѣствовательной матеріи[163]). Это ясное представленіе объ образованіи въ связи отдѣльныхъ, особенно выдающихся, событій и еще первоначально данная связь матеріи отдѣльныхъ Ев. разсказовъ служатъ новымъ, несомнѣнно важнымъ и значительнымъ условіемъ для нетруднаго воспоминанія и образованія связной повѣствовательной матеріи собственно синоптическихъ Евангелій,—какъ въ главныхъ частяхъ, такъ и въ цѣломъ.

Но, по теоріи, не та была связь въ первоначальныхъ Ев. трудахъ, какая существуетъ между разсказами въ каноническихъ Евангеліяхъ. Какъ же образовалась предполагаемая связь и въ какомъ видѣ она была?—Не смотря на многія трудности, говоритъ теорія, нѣкоторые Евангелисты, хотя и съ усиліемъ, достигали наибольшей полноты отдѣльныхъ воспоминаній; при этомъ сродные разсказы и воспоминанія они старались соединять въ группы [164]). Такой результатъ и такого усилія, какъ фактъ дѣйствительно-историческій, необходимо сомнителенъ, потому что предположеніе усилія нѣкоторыхъ Евангелистовъ ничего не объясняетъ. Дѣло зависитъ именно отъ

---

163) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 139.
164) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 139.

ліи отъ Луки: IX, 57—62 и X, 1 и сл. разсказывается о призваніи и посланіи семидесяти учениковъ и еще тѣхъ двухъ, о призваніи которыхъ сказано прежде (IX, 57—62), какъ объ одномъ событіи: въ Евангеліи отъ Матѳея содержится разсказъ только о началѣ этого событія, о призваніи двухъ учениковъ, а въ Евангеліи отъ Луки, хотя и кратко, оно излагается все вполнѣ. Что Ев. Лука разсказываетъ объ одномъ и томъ же призваніи и посланіи семидесяти и двухъ учениковъ, это видно прямо изъ его словъ: „послѣ сего избралъ Господь и другихъ семьдесятъ (και ετερους εϐδομηκοντα) и послалъ ихъ по два предъ лицомъ Своимъ во всякій городъ (X, 1)“. На это значеніе Апостольскаго служенія Самъ Спаситель ясно указываетъ и первымъ двумъ ученикамъ, одному—просящемуся и другому — отказывающемуся поступить въ число его послѣдователей (ст. 58—62, IX). Евангелистъ Лука говоритъ, что Спаситель призывалъ, избиралъ и посылалъ своихъ учениковъ не прежде, какъ говорилъ имъ кратко о ихъ назначеніи и положеніи въ мірѣ: „послѣ сего Господь избралъ и другихъ семьдесятъ“, разумѣется, такимъ же или подобнымъ образомъ. Слѣдовательно, призваніе, избраніе и посланіе семидесяти учениковъ излагается у ев. Луки, какъ одно, послѣдовательно-историческое событіе съ призваніемъ прежнихъ двухъ. И если, по теоріи, только ст. 58—62, IX составляютъ группу; то не къ чему отнести слова ст. 1, X гл.: „послѣ сего, μετα δε ταυτα; а стихи: 58—62, очевидно, имѣютъ тѣсную грамматическую связь между собою въ гл. IX и повѣствовательную со ст. 1, X гл. [168]). Стихи 58—62, IX гл. характеризуютъ въ самыхъ главныхъ чертахъ призваніе истинныхъ послѣдователей Христа, а стихъ 1, X гл. указываетъ число дѣйствительно избранныхъ послѣдователей

---

168) По синоптическимъ таблицамъ Sevin'a, Bunsen'a и Tischendorf'a.

и отправленіе ихъ на спеціальное служеніе въ званіи Апостоловъ. Слѣдовательно, ст. 58—62, IX гл. нельзя отдѣлять отъ ст. 1, X гл., не нарушая прямой послѣдовательности повѣствованія; а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя признать группой стиховъ 58—62, IX гл., какъ послѣдовательно соединенныхъ съ X, 1 ст. и д.

Желая сильнѣе аргументировать свои соображенія относительно образованія связныхъ Ев. разсказовъ, въ видѣ группъ, Эвальдъ дѣлаетъ еще но..ое сближеніе нѣкоторыхъ разсказовъ о событіяхъ Ев. исторіи и выдаетъ это за примѣръ группированія; именно въ Евангеліи отъ Марка: VI, 30—44 и VIII, 1—9; ср. Мѳ. XIV, 13—21 (Лук. IX, 10—17) и XV, 32—38 ст. Здѣсь разсказаны двѣ исторіи чудеснаго насыщенія народа въ пустынѣ. Одинъ разсказъ о насыщеніи содержится у ев. Марка въ VI гл., а другой въ VIII гл.; у ев. Матѳея одинъ находится въ XIV гл., а другой, хотя и въ слѣдующей XV, но отдѣленъ отъ перваго сорока шестью стихами (XIV, 22—36 и XV, 1—31), гдѣ излагаются нѣсколько исторій, не имѣющихъ внутренней связи съ разсказами о насыщеніи. Ясно, что разсказы о двукратномъ насыщеніи не составляютъ группы, потому что находятся или не въ одной и той же главѣ Ев. текста, или не рядомъ одинъ съ другимъ, хотя и въ одной главѣ оба.—Если же такъ неблизко расположенные одинъ отъ другаго разсказы признавать за группу, то какъ же далеко слѣдовало бы ихъ разставить, чтобы они потóмъ не казались сгруппированными?—Понятно, они кажутся такъ сгруппированными только Эвальду, и—ему-то одному потому, что сходны одинъ съ другимъ по своему содержанію,—что отнюдь не даетъ права считать ихъ когда-то записанными вмѣстѣ и поставленными рядомъ въ группу, а послѣ нѣсколько раздвинутыми посредствомъ нѣкоторыхъ вставочныхъ разсказовъ. Они могли быть воспроизведены Евангелистами вмѣстѣ, но также могли быть воспомянуты вмѣстѣ съ ними и другія событія, которыя какъ произошли между тѣми, такъ

и записаны, и поставлены между тѣми,—что и указываетъ на ихъ историческую разновременность. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ и тотъ же Евангелистъ могъ припоминать вмѣстѣ съ двумя событіями чудеснаго насыщенія и нѣсколько другихъ, какъ напримѣръ утишеніе бури и проч., и поставить ихъ въ исторической связи и послѣдовательности одно за другимъ: послѣ разсказа о первомъ чудесномъ насыщеніи—разсказъ объ утишеніи бури на морѣ и т. д., а потомъ разсказъ о второмъ чудесномъ насыщеніи; такъ что настоящее изложеніе и мѣсто этихъ разсказовъ въ каноническихъ Евангеліяхъ соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности самыхъ событій, не представляя, на-оборотъ, искуственной группировки.

Подобно тому и въ группѣ: Мр. VII, 31—37. VIII, 22—26 ст. „двѣ сходныя исторіи исцѣленія хотя нѣкоторыми краткими разсказами инаго содержанія и раздѣлены одна отъ другой, но и теперь еще, по мнѣнію Эвальда, могутъ быть сгруппированы“ [169]). Конечно, если для взгляда Эвальда разсматриваемые разсказы не представляютъ дѣйствительныхъ признаковъ того, что они когда-то существовали въ одной группѣ; то его настоящее предположеніе не имѣетъ научнаго значенія. Непосредственно и посредственно въ текстѣ Евангелія очевидны только нѣкоторые краткіе разсказы различнаго содержанія, которыми раздѣляются двѣ исторіи чудеснаго исцѣленія: глухаго косноязычнаго—въ предѣлахъ Десятиградія, и слѣпаго—въ Вивсаидѣ. А если они раздѣлены, какъ очевидно, то—не представляютъ группы; если же между ними есть только сходство, но нѣтъ связи, то нѣтъ основаній и думать, чтобы они были и когда-нибудь въ одной группѣ.

Изъ всѣхъ, по теоріи указанныхъ, примѣровъ связнаго расположенія Ев. разсказовъ въ видѣ группъ, какъ и изъ каждаго отдѣльно, не слѣдуетъ, что какъ отрывки

---

169) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 139—140.

рѣчей, оставшіеся въ воспоминаніи Евангелистовъ, такъ и въ извѣстной мѣрѣ малые или большіе отрывки разсказовъ, гдѣ только это было возможно, соединялись по внутреннему сходству въ искуственныя группы,—для того, чтобы только чрезъ это можно было еще тверже удержать ихъ въ памяти,—этого не слѣдуетъ, потому что такихъ искуственно-сгруппированныхъ разсказовъ нѣтъ въ каноническихъ Евангеліяхъ. Что это за группы разсказовъ, если они состоятъ изъ двухъ, размѣщенныхъ врозь и далеко одно отъ другаго Ев. повѣствованій, не представляющихъ никакой непосредственной связи?!—Слѣдовательно, и въ такихъ, какъ и въ предшествовавшихъ, примѣрахъ, теорія Эвальда и въ частности это его мнѣніе объ образованіи связныхъ Ев. разсказовъ, не находятъ себѣ оправданія; а потому слѣдуетъ признать, что не было искуственной связи и трудностей при первоначальномъ образованіи (Entwickelung) Ев. разсказовъ, какъ и всей матеріи синоптическихъ Евангелій.

Болѣе соотвѣтственно своей цѣли теорія представляетъ примѣръ послѣдующаго опыта связныхъ разсказовъ о всѣхъ событіяхъ изъ жизни Іисуса Христа (Евангеліяхъ).

Такіе опыты несомнѣнно требовались первымъ обществомъ христіанъ; но ясно само собою, что такому требованію „возможно было удовлетворить только посредствомъ искусной (geschickte) связи двухъ родовъ Ев. матеріи: рѣчей и разсказовъ“ [170]); въ такой связи и составлялась вся Ев. исторія. Но—какъ?

—„Главныя отдѣленія цѣлой Ев. исторіи опредѣлялись важнѣйшими событіями изъ жизни и дѣятельности Христа, а между ними, соотвѣтственно, размѣщены были группы отдѣльныхъ разсказовъ; такимъ же образомъ вставлены были туда и группы отрывковъ рѣчей,—на соотвѣтственныя (однако!) имъ мѣста. Такое составленіе Ев. ис-

---

170) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 140.

торіи должно было сохранять свой видъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока оно первоначально оставалось еще сравнительно болѣе простымъ, несложнымъ. Въ такъ составленной цѣлостной Ев. исторіи отдѣльныя части матеріи еще мало могли располагаться (въ связи) и приводиться къ своему высшему единству: они должны были еще оставаться болѣе или менѣе отдѣльными или легко отдѣлимыми одна отъ другой. Это ясно открывается изъ того, что въ Евангеліяхъ отъ Марка и Матѳея часто встрѣчаются слова (Wörtchen): και ευθεως и τοτε (тотчасъ, потомъ, тогда), какъ переходныя и вставленныя для связи; или замѣчанія, находящіяся въ началѣ отдѣльныхъ отрывковъ, какъ: „Іисусъ пришелъ въ городъ, Онъ пришелъ на берегъ, Онъ перешелъ на другой берегъ",—особенно повторяющіяся въ Евангеліи отъ Марка. Отсюда—тѣмъ вѣрнѣе то, что такой трудъ сохранялъ отдѣльныя части Ев. матеріи существенно еще совершенно въ первоначальномъ видѣ устнаго преданія и тѣмъ прозрачнѣе (durchsichtiger) оставалось въ немъ простое основаніе весьма многихъ разсказовъ, по которому эти были расположены. Однако и при такой простой связи матеріи многихъ Ев. разсказовъ могъ сохраниться искуственный порядокъ ея изложенія. И трудъ въ такомъ простѣйшемъ видѣ, хотя и нечуждомъ искуственности, могъ очень достаточно соотвѣтствовать своей цѣли и отвѣчать потребности перваго времени и перваго общества христіанъ болѣе, нежели какой другой" [171]).

Понятно, что указанное расположеніе повѣствовательнаго матеріала по главнымъ отдѣленіямъ Ев. исторіи ни мало не представляетъ группировки его въ чисто формальной связи и не препятствуетъ представлять изложеніе Ев. разсказовъ безыскуственнымъ. Противъ этого ничего не говорятъ и слова και ευθεως и τοτε (тотчасъ,

171) Jahrb. d. b. W. 1848 S. 140—141.

вскорѣ); они указываютъ скорѣе на безыскуственную связь разсказовъ по воспоминанію и на простое, но послѣдовательное расположеніе ихъ по времени,—разсказовъ хотя отрывочныхъ, но вѣрныхъ исторической дѣйствительности.—Иначе, въ Евангеліяхъ нѣтъ и не можетъ быть правильно-послѣдовательной исторіи, если разсказы, составляющіе ея содержаніе, представляютъ событія не въ дѣйствительной и соотвѣтственно-исторической связи, а въ предполагаемой искуственной послѣдовательности; такъ что по нимъ нельзя знать о постепенномъ ходѣ исторіи Спасителя. А этому прямо противорѣчитъ мнѣніе самого Эвальда о расположеніи Ев. матеріи по главнымъ событіямъ Ев. исторіи и—соотвѣтственно.

Расположеніе событій въ исторіи по главнымъ, особенно выдающимся, ея періодамъ Эвальдъ выясняетъ, и тѣмъ старается оправдать свое мнѣніе, въ примѣрѣ. „Мы, говоритъ онъ, въ состояніи теперь показать все существо опыта такого ранняго изслѣдованія (т. е. собранія воспоминаній о Ев. событіяхъ) въ трудѣ, сохранившемся еще въ своемъ почти первоначальномъ состояніи. Это—Евангеліе отъ Марка: впрочемъ, не теперешнее второе Евангеліе, будто бы такъ въ своемъ первоначальномъ видѣ принятое въ канонъ, но и не много измѣненное,—такъ, что съ достаточною точностію еще можетъ быть принято какъ бы въ его первоначальномъ состояніи (Urstande),—такъ что мы съ правомъ можемъ здѣсь разсматривать его, какъ образецъ (Muster) начальныхъ Ев. произведеній“; слѣдовательно, это—такъ называемое Urmarcus [172]). Очевидно, этотъ первоначальный трудъ есть историческое X: это Евангеліе отъ Марка, но не каноническое; оно сохранилось въ каноническомъ Евангеліи, но измѣнено; оно измѣнено, но можетъ быть разсматриваемо, какъ образецъ первоначальныхъ Ев. произведеній!... Ясно, что Эвальдъ

172) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 141.

представляетъ себѣ это дѣло неясно: что́ въ Евангеліи отъ Марка отнести къ каноническому его составу, что́—къ доканоническому (Urmarcus),—это ни по чему не извѣстно. На это, конечно, должна бы отвѣчать только сама же теорія; но здѣсь она сама настолько вѣрна, насколько оправдывается примѣромъ доканоническаго Евангелія отъ Марка (Urmarcus): здѣсь примѣръ основывается на теоріи, а теорія оправдывается тѣмъ же, на ней самой основаннымъ примѣромъ; а это—circulus in demonstrando. Отсюда,—остается подлиннымъ произведеніемъ перваго времени Евангеліе отъ Марка въ его каноническомъ видѣ, такъ какъ о другомъ, доканоническомъ, никто, кромѣ самого Эвальда, никогда и ничего основательно не зналъ. Слѣдовательно, примѣръ образованія цѣлостной Ев. исторіи остается далеко не соотвѣтствующимъ въ этомъ своемъ видѣ теоріи Эвальда, по его собственному сознанію,—хотя этотъ примѣръ представляетъ дѣйствительно тотъ планъ изложенія Евангельской исторіи, который указанъ Эвальдомъ. Отсюда слѣдуетъ, что первоначальные труды по составленію Ев. исторіи имѣли планъ и составъ такіе, примѣръ коихъ представляетъ именно каноническое Евангеліе отъ Марка. А это Евангеліе показываетъ, что разсказы о Ев. событіяхъ излагались въ порядкѣ исторической послѣдовательности самыхъ событій,—по тремъ главнымъ моментамъ (періодамъ) жизни и дѣятельности Господа, а не въ искуственной группировкѣ.

Общій характеръ и подробный планъ каноническаго Евангелія отъ Марка обнаруживаетъ ясно всю безыскуственность изложенія разсказовъ и рѣчей въ такихъ же Ев. трудахъ, какъ оно само.

„Евангеліе отъ Марка ограничиваетъ область своего разсказа еще только открытымъ явленіемъ и общественною дѣятельностію Христа, какъ это показываетъ и надписаніе книги: Αρχη του Ευαγγελιου Iησου Χριστου, υιου του Θεου (I, 1 ст.). Это надписаніе хотя относится только къ пер-

вому отдѣленію книги и находитъ для себя ближайшее примѣненіе къ разсказу о томъ, между какими обстоятельствами Христосъ впервые возвѣстилъ Евангеліе (I, 14 ст. и д.), однако оно стоитъ и вмѣсто надписанія всей книги, которая сначала, конечно (sicher), не имѣла довольно долго никакого; оно показываетъ также, что авторъ этой книги принялъ слово Ευαγγελιον въ его ближайшемъ значеніи разсказа только объ открытой проповѣднической дѣятельности Христа" [173]).

Что же это?—надписаніе показываетъ, что содержаніе книги ограничивалось открытымъ явленіемъ Христа,—надписаніе, которое то относится только къ первому отдѣленію книги, то можетъ быть принято за надписаніе и всей книги, то сначала довольно долго совсѣмъ несуществовало въ книгѣ и т. д. Все это показываетъ, что Евангеліе отъ Марка повѣствуетъ объ открытой жизни и дѣятельности Господа; но какое Евангеліе?—конечно, то, надъ которымъ стоитъ надписаніе: αρχη του Ευαγγελιου, а не доканоническое (Urmarcus). Надписаніе: αρχη του Ευαγγελιου... о доканоническомъ Евангеліи (Urmarcus) ничего не говоритъ и не можетъ ничего говорить, потому что оно само, по теоріи, неподлинное; такъ какъ его долгое время не было. Отсюда,—если надписаніе Евангелія свидѣтельствуетъ, что оно имѣетъ видъ первоначальнаго труда; то само Евангеліе отъ Марка, имѣющее это надписаніе, и есть первоначальное произведеніе и прямо или непосредственно въ его каноническомъ видѣ, гдѣ нѣтъ искуственной связи разсказовъ; такъ какъ они расположены очевидно по тремъ періодамъ всей Ев. исторіи и опредѣленно—по главнымъ событіямъ оной, но не по группамъ.

Какъ внѣшній видъ и характеръ Евангелія отъ Марка не противорѣчатъ тому, что оно составлено непосред-

---

173) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 141.

ственно по воспоминанію, хотя оно, по мнѣнію Эвальда, изображаетъ только внѣшнюю сторону жизни и дѣятельности Господа, т. е. Его открытое служеніе въ мірѣ (das öffentliche Erscheinen und Leben Christi); такъ и подробный планъ этого Евангелія почти вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической послѣдовательности дѣйствительныхъ событій Ев. исторіи.

„Открытая жизнь Христа, какъ предметъ, которымъ ограничивается это раннее произведеніе (Евангеліе отъ Марка), раздѣляется на три, очень различныя, главныя части. Какъ главную и средоточную часть всей Ев. исторіи оно опредѣляетъ время, когда Христосъ избралъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ и образовалъ Двѣнадцать Апостоловъ, какъ первыхъ, коренныхъ и постоянныхъ членовъ своего собственнаго общества. И дѣйствительно, время, когда Христосъ обращался въ этомъ, твердо замкнутомъ числѣ ближайшихъ учениковъ, только такъ ограничивая Свою открытую дѣятельность, съ цѣлію потомъ усилить и утвердить ее (bekräftigen und befestigen), это время образовало большой періодъ въ Ев. исторіи [174]). Третій главный и послѣдній отдѣлъ Ев. исторіи начинается съ путешествія Господа изъ Галилеи въ Іерусалимъ къ послѣднему празднику пасхи. Этимъ опредѣляются начало и конецъ каждой изъ трехъ главныхъ частей, такъ что теченіе всей Ев. исторіи, въ трехъ величайшихъ ея пе-

---

174) Этотъ отдѣлъ открытой дѣятельности Господа, начинающійся избраніемъ Апостоловъ, по теоріи Эвальда, есть средній (Mitteltheil), такъ признаваемый второй періодъ изъ жизни Спасителя, а первый періодъ—время до выступленія Его на открытое общественное служеніе и первое время Его дѣятельности до избранія Двѣнадцати Апостоловъ. Denn ganz verkehrt zu denken wäre, Herr hätte seine thätigkeit sogleich mit der Aüswahl und Bildung der Zwölf angefangen. Jahrb d. b. W. 1848. S. 142.

ріодахъ, не легко можетъ быть развито (entwickelt) правильно и наглядно". [175]).

Этотъ очеркъ общаго расположенія и плана Евангелія отъ Марка нисколько не выдѣляетъ его изъ числа самыхъ первоначальныхъ опытовъ образованія Евангельской матеріи, потому что оно представляетъ собою образецъ именно первоначальнаго труда, гдѣ матерія расположена соотвѣтственно по главнымъ періодамъ Евангельской матеріи. Но и Нагорная проповѣдь, и Рѣчь противъ книжниковъ и фарисеевъ, и Притчи расположены подобнымъ же образомъ,—по извѣстнымъ главнымъ пунктамъ или нѣсколькимъ основнымъ мыслямъ. А потому, изложеніе связныхъ разсказовъ, имѣющее сходство съ изложеніемъ изреченій, должно быть признано одновременнымъ по своему происхожденію, одинаково первоначальнымъ.

При этой аналогичности построенія Евангелія отъ Марка съ первоначальными произведеніями по изложенію Ев. исторіи, при его отрывочности и, по мнѣнію Эвальда, искуственной связи, съ точки зрѣнія самой же теоріи, становится яснымъ, что Евангеліе отъ Марка было также, если не менѣе, трудно составить, какъ и первые опыты, если то и другіе, судя по аналогіи ихъ построенія, должны были явиться весьма приблизительно въ одно время. Но если они одновременны, какъ и одинаково изложены; то слѣдуетъ, что Нагорная проповѣдь, Рѣчь противъ фарисеевъ и Притчи должны были явиться не прежде и отдѣльно, а именно въ одно время съ Евангеліемъ отъ Марка, вмѣстѣ съ нимъ и въ немъ или подобномъ ему трудѣ, напримѣръ, Евангеліи отъ Матѳея. На-оборотъ, Евангеліе отъ Марка должно было содержать въ себѣ вмѣстѣ и разсказы и собраніе изрече-

175) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 142. Первая главная часть Евангелія отъ Марка, по раздѣленію, предложенному Эвальдомъ, это: I, 1—III, 6; вторая: III, 7—IX; третья: X—XVI.

ній. Это основывается на аналогіи самаго типа Евангелія отъ Марка съ предшествующими ему трудами и утверждается на дальнѣйшей аналогичности и даже сродствѣ ихъ съ онымъ.

Аналогичность Евангелія отъ Марка съ предшествующими ему трудами открывается и въ тѣхъ недостаткахъ изложенія, какіе Эвальдъ указываетъ въ первой доканонической редакціи этого Евангелія, какъ именно признаки его первоначальнаго происхожденія и вида. „При ясномъ и твердомъ опредѣленіи трехъ великихъ періодовъ исторіи Спасителя въ Евангеліи отъ Марка оказываются два преимущественные недостатка, которые весьма ясно обозначаютъ этотъ трудъ, какъ произведеніе только начальнаго опыта. Первый изъ недостатковъ Евангелія отъ Марка тотъ, что въ немъ почти совсѣмъ недостаетъ опредѣленія времени историческихъ событій; только разъ оно сдѣлано и то скорѣе какъ бы случайно: указана собственно связь открытой дѣятельности Христа съ ученіемъ и судьбою І. Крестителя (І, 4—14 и VI, 14—29). Второй недостатокъ тотъ, что при ограниченности свѣдѣній о времени и обстоятельствахъ разсказываемой жизни Іисуса, представляется вся Ев. исторія на одномъ, тѣсно ограниченномъ горизонтѣ—въ Галилеѣ; такъ что Евангеліе отъ Марка справедливо можно назвать собственно Галилейскимъ Евангеліемъ. Эти два недостатка различны по характеру: первый—чисто книжный, а второй конечно мѣстный. Судя по второму, понятно, что Евангеліе отъ Марка составлено изъ такой обширной повѣствовательной матеріи, которая имѣла свое происхожденіе и была собрана преимущественно въ Галилеѣ“ [176]).

Если все это такъ, то что же отсюда?—конечно, если книжный недостатокъ существовалъ и въ первыхъ опытахъ образованія Ев. исторіи,—ибо счисленія време-

176) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 142—143.

ни недоставало и въ нихъ; то слѣдуетъ, что разсказы и рѣчи расположены одинаково нехронологически, хотя и по главнымъ основаніямъ,—одинаково совершенны и недостаточны по своему изложенію; слѣдовательно, они, по всей вѣроятности, явились одновременно и должны быть, какъ и дѣйствительно находятся, совмѣстными въ Евангеліи отъ Марка. А съ точки зрѣнія Эвальда за эту одновременность и совмѣстность Ев. разсказовъ и рѣчей, напримѣръ, въ Евангеліи отъ Марка, говоритъ еще и то, что тѣ и другія располагались по группамъ. Послѣ этого, различія между обоими въ отношеніи ко времени ихъ появленія не остается никакого,—они безразличны въ отношеніи воспоминанія и образованія ихъ.

Отсюда прямо слѣдовало бы, что Евангеліе отъ Марка, въ его каноническомъ видѣ, и два другія синоптическія Евангелія, съ тѣмъ совершенно аналогичныя по характеру и расположенію содержанія, имѣютъ видъ первоначальныхъ трудовъ по Ев. письменности, или—произошли непосредственно изъ устнаго преданія,—слѣдовало, если бы теорія не признавала еще за расположеніемъ Евангелія отъ Марка характеръ группированія; такой характеръ расположенія въ немъ, по теоріи, есть.

Но характера искуственной группировки дѣйствительно не должно признавать за расположеніемъ исторической матеріи въ Евангеліи отъ Марка (конечно каноническомъ, ибо Urmarcus—историческое X); потому что разсказы о частныхъ событіяхъ размѣщались (и въ Евангеліи отъ Марка, что безспорно-вѣрно) по тремъ періодамъ исторіи Спасителя и соотвѣтственно распредѣлялись при изложеніи главнѣйшихъ событій; а вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же и также удобно размѣщались и отрывки рѣчей. Такъ это очевидно и вообще въ Евангеліи отъ Марка. Но это не можетъ быть въ тоже время совмѣстно съ понятіемъ группировки—на основаніи сходства расказовъ по ихъ содержанію. Сходные разсказы пришлось бы соединять вмѣстѣ, тогда какъ самыя событія сходныя совер-

шились въ разные періоды Ев. исторіи; одно, напримѣръ, въ первомъ, а другое въ третьемъ. Такое сближеніе сходныхъ разсказовъ о далеко разновременныхъ событіяхъ (т. е. группированіе ихъ, по теоріи) противорѣчило бы общему плану каждаго Евангелія, гдѣ размѣщались частные разсказы при болѣе общихъ,—построеніе не соотвѣтствовало бы плану, указываемому даже теоріей Эвальда.

„Если, говоритъ Эвальдъ, пограничные столбы (grenzpfähle) и основоположенія для сооруженія зданія утверждены; то соотвѣтственно устраиваются и его отдѣльныя части—отъ величайшихъ до малѣйшихъ" [177]). Но если эти столбы суть дѣйствительно главные пункты (моменты) дѣятельности и жизни Господа, то и всѣ подробности, примыкающія къ нимъ, должны соотвѣтствовать историческому ходу Ев. событій, должны быть естественнымъ воспроизведеніемъ обстоятельствъ изъ жизни Господа, а не искуственнымъ группированіемъ ихъ. Если же такъ, то общая связь разсказовъ въ Евангеліи отъ Марка есть истинно историческая.

Такова эта связь и въ каждой отдѣльной части Евангелія отъ Марка.—Вотъ полный планъ Евангелія отъ Марка, какъ онъ излагается въ теоріи Эвальда. Въ первой части этого Евангелія (I, 1—3, VI) излагается начало открытой дѣятельности Христа и ея продолженіе до того момента, когда Онъ рѣшился основать небольшое общество (избрать учениковъ). Отсюда, эта первая часть распадается далѣе на три меньшія части. Во-первыхъ, излагается то, какъ выступленіе Іисуса Христа на открытое служеніе трояко обусловливалось исторіей І. Крестителя, —всѣмъ его ученіемъ и крещеніемъ и особеннымъ крещеніемъ, которое принялъ Самъ Христосъ (на Іорданѣ), наконецъ взятіемъ Крестителя подъ стражу, что было для Христа послѣднимъ и рѣшительнымъ побужденіемъ, что-

177) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 143.

бы съ этого времени начать Самому дѣйствовать открыто (I, 1—20). Послѣ этого указано, какъ Онъ дѣйствительно является въ Галилеѣ съ евангеліемъ и призываетъ первыхъ учениковъ. Во-вторыхъ, показывается, какой былъ родъ открытой дѣятельности Спасителя въ Капернаумѣ и въ окрестностяхъ его (21—39), какъ предотвращалось постороннее вниманіе къ чудотвореніямъ Его, хотя, наконецъ, и напрасно (40—45). Въ-третьихъ сообщается, какое впечатлѣніе необычайный родъ дѣятельности Христа производилъ на тѣхъ людей, на которыхъ онъ даже и не желалъ производить его, но которые, однако, очень скоро стали внимательными къ Нему и преимущественно къ Его земному дѣланію; это были властители и книжники того времени [178]).

Теченіемъ событій, изложенныхъ въ первой части

---

178) Эвальдъ говоритъ при этомъ: Also wird hier gruppenweise geschildert wie die vollmacht die er (Herr) sich in reinen religionsdingen nahm die schriftgelehrten 2, 1—12, seine speisesitten die Pharisäer 2, 13—22 (zwei ähnliche stücke). Seine ansicht über den Sabbat endlich die Pharisäer zugleich mit den saddukäisch gesinnten Herodianern 2, 23—3, 6 (wieder zwei ähnliche stücke) gegen ihn aûfgebracht habe, sodass schon jezt nachdem alle arten der damaligen machthaber mit ihm ûnzufrieden geworden waren sein ende nicht zweifelhaft seyn konnte. „Sie fassten den rath ihn zu vernichtet“; damit schlieszt bedeutungsvolle dieser erste haupttheile der geschichte: und schon können wir (Ewald) ahnen, wie auch der lezte schlieszen und wie diesem anfange der thätigkeit Christi ihr leztes ende entsprechen werde.—Jahrb. d. b. W. 1848 S. 144. Но, обращая вниманіе собственно на планъ Евангелія отъ Марка, мы не будемъ разбирать указанныхъ здѣсь групъ Ев. разсказовъ. Важно въ данномъ случаѣ только общее расположеніе содержанія въ первоначальномъ трудѣ, какъ Евангеліе отъ Марка: говорить о предлагаемомъ группированіи Ев. разсказовъ, послѣ выше сказаннаго, считаемъ излишнимъ.

Евангелія отъ Марка, естественно подготовлялся слѣдующій второй періодъ дѣятельности Господа и—вторая часть Его исторіи. Здѣсь изображаются средина и высшій пунктъ напряженія открытой дѣятельности Христа,—описывается особенное дѣло Христа (избраніе Апостоловъ), слѣдствіемъ чего наконецъ было то, что временный исходъ Его исторіи былъ не такимъ только, какимъ его желали видѣть враги Христа (III, 7—IX). Если обнаружилось, что міръ готовъ былъ уничтожить Христа или лучше—Его дѣло на землѣ, то Онъ долженъ былъ напротивъ прямо теперь избраніемъ и образованіемъ Двѣнадцати (Апостоловъ) положить основу своей дальнѣйшей дѣятельности—учредить малое, соединенное закономъ и нераздѣльное общество, если бо́льшаго, каковое Онъ желалъ, въ то время еще не могло существовать. Съ этого времени исторія Христа становится также и исторіей Двѣнадцати (Апостоловъ); и если Онъ прежде являлся какъ Учитель и Спаситель (чудотворецъ), то теперь Онъ является какъ Воспитатель и Образователь (Bildner). Онъ образовалъ Двѣнадцать (Апостоловъ), довелъ ихъ постепенно до самостоятельнаго пониманія глубочайшихъ истинъ, такъ что они стали надлежаще-свѣдущими. Въ-частности говорится: 1, что Двѣнадцать (Апостоловъ) становились совершеннѣе въ своихъ взглядахъ и въ пониманіи ученія Іисуса Христа (III, 7—19 ст. и д.); 2, что они уже не были со Христомъ при Его трудахъ и отдыхѣ, при прославленіи и почитаніи Его въ народѣ, что Двѣнадцать (Апостоловъ) были вполнѣ уже самостоятельными (VI, 1—6). 3, Евангелистъ показываетъ, какъ между тѣмъ оканчивается служеніе Крестителя (VI, 14—29) и Христосъ поэтому не остается далѣе въ землѣ Ирода. Онъ долженъ былъ еще многому учить Двѣнадцать (Апостоловъ), преимущественно всей высотѣ и непоколебимости правой вѣры при всѣхъ различныхъ и величайшихъ жизненныхъ нуждахъ,—въ голодѣ, непогодѣ (sturmesnoth) и проч. (VI, 30—56). Онъ долженъ былъ выяснить дѣйствительное существо

фарисеевъ, какъ самыхъ сильныхъ враговъ царства Божія, которые все чаще и враждебнѣе старались уничтожить оное въ самомъ его основаніи (VII, 1—VIII, 20). Между тѣмъ Спаситель спокойно продолжалъ свою дѣятельность какъ въ отношеніи къ Двѣнадцати (Апостоламъ), такъ и къ остальному міру; при этомъ оказывалось, что въ кругу Двѣнадцати (Апостоловъ) уже начало зарождаться знаніе глубочайшаго существа христіанства и взоръ особенно успѣвшихъ въ этомъ между ними былъ пораженъ яснымъ блескомъ всего откровенія Христова,—внутренней и совершенной дѣятельности Его; а Онъ тѣмъ усерднѣе продолжалъ свою дѣятельность, сознавая необходимость близкой смерти своей и заботясь о надлежащемъ управленіи (Herrschaft) только-что основанной имъ церкви (VIII, 27—IX).

Такимъ естественнымъ теченіемъ событій подготовлялся послѣдній періодъ дѣятельности Христовой, чему соотвѣтствуетъ изложеніе третьей части Евангелія отъ Марка (X—XVI). Здѣсь Евангелистъ повѣствуетъ, что Іисусъ Христосъ, имѣя въ виду скорый конецъ своей дѣятельности, учитъ Апостоловъ Своихъ еще многому, въ высшей степени удивительному и тому, что имѣетъ важное и вѣчное значеніе,—разсказываетъ далѣе о томъ, что было при самомъ путешествіи Христа въ Іерусалимъ на страданія и что совершилось въ послѣднія недѣли и дни Ев. исторіи. Въ-частности: 1, при повѣствованіи собственно о путешествіи—то, что совершилъ Христосъ въ послѣднія минуты своего пребыванія въ Галилеѣ (X, 1—31), что совершено при самомъ путешествіи (X, 32—52),—при торжественномъ входѣ Его въ Іерусалимъ (XI, 1—26). 2,—Такъ какъ Христосъ при торжественномъ входѣ въ Іерусалимъ сталъ еще ближе извѣстенъ властямъ народа, то должна была скоро рѣшиться и земная судьба Его: всѣ главныя партіи (народа) желали уловить Его лукавыми словами, но при такомъ средствѣ они не достигли никакого успѣха и только обнаружили неизцѣльную внутрен-

нюю порчу своего времени (XI, 27—XII, 44). Между тѣмъ Христосъ предсказываетъ необходимую погибель господства (Reiches) фарисеевъ и выражаетъ твердую увѣренность относительно скораго наступленія (Vollendung) и вѣчнаго продолженія истиннаго царства Божія (XIII). Вслѣдствіе этого, фарисеи рѣшились употребить противъ Христа еще остающееся у нихъ единственное средство—насильственное умерщвленіе Его, чего они могли достигнуть неожиданно быстро, по благопріятному для того случаю (XIV). 3,—Но прямо съ этого момента начинается неожиданное (для фарисеевъ) оживленіе (Neubelebung) и вѣчное прославленіе (Verklärung) умерщвленнаго Христа, что запечатлѣвается послѣднимъ великимъ порученіемъ Его Двѣнадцати Апостоламъ въ Галилеѣ (XVI)" [179]).

Если, какъ видно, по этому очерку плана каждая изъ трехъ предыдущихъ частей Евангелія отъ Марка стоитъ въ исторически-послѣдовательной связи и преемственности, такъ что содержаніе одной изъ нихъ исторически взаимно обусловлено содержаніемъ другой: то порядокъ изложенія доканоническаго Евангелія отъ Марка (Urmarcus) былъ именно историческій,—прагматическій въ общемъ смыслѣ. Потому, дѣйствительно „не требуется еще многихъ словъ для того, чтобы признать внутреннее существо, достоинство и довольно чистую первоначальность (Ursprünglichkeit) этого, столь же простаго, какъ и удовлетворительнаго порядка и его правильную послѣдовательность во всѣхъ большихъ и малыхъ частяхъ" (въ Евангеліи отъ Марка)" [180]). И если такой видъ и порядокъ принимали самые ранніе опыты связнаго цѣлостнаго изложенія всѣхъ Ев. событій, т. е., порядокъ нисколько не искуственный, а самый естественный, потому что всѣ они располагались по исторически-преемственной

---

179) Jahrb. d. b. W. 1848 S. 143—147.
180) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 147.

послѣдовательности и по главнымъ отдѣламъ Ев. исторіи, независимо отъ круглаго числа семи: то слѣдуетъ, что первоначальные опыты образованія Ев. разсказовъ были нетолько современны образованію рѣчей изъ отдѣльныхъ изреченій, но и одинаково, какъ тѣ, такъ и другіе были чужды искуственной связи—въ видѣ группъ. Разсказы были расположены по главнымъ тремъ періодамъ исторіи Спасителя: съ ними расположены были въ томъ же порядкѣ и рѣчи, какъ одновременные и по изложенію одинаково совершенные съ тѣми опыты по составленію Ев. исторіи. А если это такъ, то первоначальные опыты образованія Ев. исторіи были именно въ томѣ видѣ, какой имѣетъ наше каноническое Евангеліе отъ Марка.

Однако, первоначальнымъ трудамъ такимъ, какъ Евангеліе отъ Марка, по теоріи Эвальда, недоставало (сравнительно съ послѣдующими) высшаго характера, какъ именно Божественной исторіи,—чѣмъ, по теоріи, запечатлѣнъ характеръ Евангелій отъ Матѳея и Луки [181]). Но этотъ мнимый недостатокъ, съ точки зрѣнія самой же теоріи, скорѣе свидѣтельствовалъ бы не о первоначальности каноническаго Евангелія отъ Марка, а о появленіи его послѣ двухъ другихъ синоптическихъ Евангелій, и—наоборотъ—о томъ, что Евангеліе отъ Матѳея, судя по его характеру, должно было явиться прежде Евангелія отъ Марка, какъ и Евангелія отъ Луки.

Если труды по первоначальному образованію Ев. разсказовъ не имѣли, съ своей внутренней стороны, характера собственно Евангельскаго,—лицо Спасителя не имѣло на себѣ чертъ божественности и вся жизнь Его не представляла въ Немъ особенностей Небеснаго Посланника, Сына Божія въ мірѣ; то для какой цѣли составлялись подобные труды?—что они значили для слушателей или читателей, если имъ не доводилось слышать или читать

---

181) Ср. Jahrb. d. b. W. 1848. S. 147.

въ этихъ разсказахъ о Богочеловѣкѣ?—Богочеловѣчество Христа Спасителя было существеннымъ предметомъ въ дѣлѣ новой вѣры, а преимущественно—чудесныя событія изъ Его жизни были основаніями и авторитетными свидѣтельствами ея истинности. Вся проповѣдь Апостольская, имѣя въ виду царство Божіе, должна была представлять всегда предъ собою и другими Царя-Основателя такого царства, лице Господа Іисуса, какъ именно Сына Божія; а потому не могла быть и не должна была прежде появиться никакая исторія, какъ прямо и только исторія лица Спасителя—Бога: только такая исторія имѣла для себя цѣль и была нужна, а иной, какую напримѣръ представляетъ Эвальдъ въ древнѣйшемъ, впрочемъ исторически-неизвѣстномъ, Евангеліи отъ Марка (Urmarcus), не было нужды являться. Появленіе Ев. исторіи безъ ея небеснаго характера слѣдуетъ признать явленіемъ, несоотвѣтствующимъ своей цѣли. Если она должна была изобразить Христа, то она, чтобы быть соотвѣтственною своему предмету,—въ чемъ ея и цѣль,—должна была явиться хотя краткою, отрывочною, но именно исторіею Мессіи и Богочеловѣка, а не Учителя только (равви), какъ основателя новой религіи. Этого Основателя новой религіи Апостолы, еще задолго прежде Его смерти, исповѣдали Сыномъ Божіимъ (Мѳ. XVI, 16). Почему же они должны были изображать жизнь Его не какъ Богочеловѣка, если не только они, но и другіе изъ общества христіанъ знали, что Господь открылъ Себя Сыномъ Божіимъ?—А потому, если соврменники Апостоловъ желали имѣть исторію Спасителя, то она должна была изображать Его, какъ Богочеловѣка. Исторія, иначе изданная Апостолами, унижала бы достоинство ихъ собственнаго служенія, умаляла бы авторитетъ Спасителя и не служила бы основаніемъ для вѣры въ Него, какъ Богомъ посланнаго Спасителя міру (Іоан. XX, 31),—что противорѣчило бы призванію Апостоловъ, ихъ служенію, и что дѣйствительно противорѣчитъ неотразимымъ историческимъ свидѣтель-

ствамъ объ основанiи, распространенiи и утвержденiи христiанства въ мiрѣ. Апостолы проповѣдывали то, чему училъ Господь, а вмѣстѣ съ этимъ они должны были говорить и о томъ, что Онъ творилъ. Они проповѣдывали о царствѣ Божiемъ, основанномъ Спасителемъ, а вмѣстѣ съ этимъ имъ непремѣнно нужно было говорить и о Самомъ Основателѣ,—такъ, какъ Онъ Самъ открывалъ Себя предъ Апостолами и народомъ,—такъ, какъ исповѣдывали Его сами же Апостолы, разбойникъ, распятый на крестѣ, сотникъ и др.,—такъ, какъ свидѣтельствовалъ о Немъ Самъ Отецъ Его небесный на Iорданѣ и на горѣ преображенiя. А потому не только самая цѣль Евангелiя, но и слушатели устной, и читатели записанной проповѣди о Христѣ, требовали, чтобы Его исторiя на первыхъ же порахъ заключала въ себѣ Его божественныя дѣла и, вслѣдствiе того, необходимо отличалась характеромъ божественности.

Но, по теорiи Эвальда, дѣло представляется въ обратномъ смыслѣ: Евангелiе, съ его возвышеннымъ характеромъ, должно было явиться результатомъ постепеннаго развитiя и совершенствованiя Ев. письменности. Вслѣдствiе прогрессивнаго совершенствованiя оной изображенiе высшаго въ Евангелiи является уже послѣ написанiя доканоническаго Евангелiя отъ Марка (Urmarcus), какъ именно дальнѣйшее развитiе воспоминанiя о Евангельскихъ событiяхъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что изображенiе возвышеннаго, какъ и всего другаго въ Ев. исторiи, было результатомъ Апостольскаго воспоминанiя; но не естественнѣе ли прежде вспомнить самыя важныя и самыя возвышенныя событiя изъ жизни Господа и о нихъ именно проповѣдывать и разсказывать въ первоначальной исторiи Его?—

Правда, и по мнѣнiю Эвальда, общей возвышенности изображенiя, соотвѣтствующей внутреннему превосходству (Herrlichkeit) исторiи Христа, и сначала не могло недоставать,—она находится, напримѣръ, во всемъ Еван-

геліи отъ Марка (каноническомъ); но для того, чтобы выдающіяся высоты (hervorragenden Hohen) всей исторіи изложить въ соотвѣтствующихъ имъ мѣстахъ и обозначить надлежащими картинами, для этого требовалось счастливое воображеніе и вымыслъ (уже не воспоминаніе только!),—что̀ свойственно не всякому разскащику и сочинителю. Такіе опыты въ изображеніи возвышеннаго сначала были въ незначительномъ числѣ и въ немногихъ мѣстахъ Евангелія: только постепенно такія необыкновенныя изображенія проникали далѣе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко теряли свою возвышенность" [182]).—Такъ, изображеніе высшаго является уже не какъ дѣйствительное воспоминаніе, а какъ вымыселъ талантливыхъ разскащиковъ! Значитъ и все возвышенное, чтó повсюду находится въ Евангеліи отъ Марка, принадлежитъ также, если не болѣе, талантливымъ Евангелистамъ,—фантазирующимъ историкамъ?... Почему же, однако, такіе талантливые Евангелисты, создавшіе возвышеннѣйшій характеръ Ев. исторіи, примѣръ котораго представляется въ Евангеліи отъ Марка (каноническомъ), не произвели сами всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ, изображеній возвышеннаго, но предоставили окончаніе своего дѣла—именно окончаніе—другимъ? Что было для первыхъ художническихъ талантовъ препятствіемъ къ самоличному продолженію дѣла и, съ другой стороны, побужденіемъ для другихъ продолжить и окончить дѣло, начатое предшественниками, если это продолженіе состояло только въ полнѣйшемъ раскрытіи уже данныхъ, хотя и краткихъ, изображеній?— Что было побужденіемъ вымышлять картины для Ев. исторіи? Гдѣ окончили свое дѣло одни Евангелисты и начали другіе? когда одни замѣнили другихъ? почему вмѣсто этихъ другихъ нельзя признать самихъ же первыхъ Евангелистовъ, докончившихъ свои работы послѣ нѣкотораго времени? и проч. Всѣхъ этихъ

---

182) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 147—148.

и подобныхъ неизбѣжныхъ вопросовъ не рѣшаетъ и не можетъ разрѣшить Эвальдъ; а они устраняютъ предположеніе его объ особенномъ и отдѣльномъ появленіи изображеній выдающихся высотъ,—если такое предположеніе остается чисто теоретическимъ. Вообще, если другіе Евангелисты продолжали дѣло первыхъ, то значитъ у тѣхъ оно было неудовлетворительно; а это не гармонируетъ съ признаніемъ ихъ за талантливыхъ Евангелистовъ. Почему же нельзя, на-оборотъ, представить, что именно краткое изображеніе возвышеннаго явилось послѣ, какъ сокращеніе прежде обширнаго и подробнаго изображенія?—и на это нѣтъ отвѣта въ теоріи. Но уже самая неудовлетворительность краткихъ изображеній возвышеннаго свидѣтельствуетъ противъ того предположенія, что они явились прежде болѣе обширныхъ и подробныхъ. Краткость повѣствованія вполнѣ понятна, какъ во всякомъ краткомъ руководствѣ, при существованіи полной исторіи; а полнота изображенія возвышеннаго возможна и при первомъ началѣ воспоминанія Ев. событій, подъ условіемъ свѣжаго и сильнаго впечатлѣнія ихъ. Слѣдовательно, изображеніе возвышеннаго—и въ краткомъ, и въ полномъ его видѣ—слѣдуетъ относить къ первому началу образованія Ев. исторіи.

Единственно чѣмъ сколько нибудь можетъ объясняться по теоріи предполагаемая постепенность въ образованіи возвышеннаго въ Ев. исторіи, это—съ точки зрѣнія самой же теоріи—различная степень трудностей въ изображеніи событій Ев. исторіи вообще и особенно возвышеннѣйшихъ изъ нихъ въ-частности. Въ данномъ отношеніи трудность должна состоять въ томъ, что событія изъ жизни Господа, въ коихъ открывается участіе Неба, труднѣе было изображать, чѣмъ тѣ событія, при которыхъ этого участія не было; такъ какъ небесное вообще недоступнѣе земнаго. Поэтому, изображеніе до неба возвышенныхъ Ев. событій является послѣ изложенія наземныхъ, особенно возвышенныя картины небеснаго ха-

рактера—послѣ краткихъ эскизовъ. Однако такое разсужденіе есть (а оно непремѣнно выходитъ въ теоріи) въ собственномъ смыслѣ предразсудокъ; потому что теорія предполагаетъ это, не разсматривая самаго дѣла. Въ самомъ дѣлѣ: если Божество (у Эвальда—Небо) проявлялось съ неба, то оно, конечно, было замѣтно, ибо проявлялось,—такъ и настолько было замѣтно, какъ и насколько проявлялось или подлежало наблюденію; слѣдовательно, участіе Неба въ жизни Господа открывалось такъ, какъ оно было замѣтно на землѣ для наблюдателей,—какъ явленіе, наблюдаемое на землѣ, или какъ наземное явленіе. А если въ первое время могли быть воспроизводимы по воспоминанію факты, совершившіеся и наблюдавшіеся на землѣ, то такъ и настолько могли быть воспоминаемы и изображаемы всѣ Ев. событія, въ которыхъ участвовало Небо,—настолько, насколько его участіе было наблюдаемо на землѣ. Если, напримѣръ, ев. Маркъ припомнилъ крещеніе Господа и при этомъ голосъ Отца Небеснаго, то и ев. Матѳей могъ припомнить тоже, также или полнѣе,—обширнѣе и подробнѣе или, по крайней мѣрѣ, ев. Маркъ и ев. Матѳей могли одинаково полно припомнить событіе крещенія Господа, но ев. Матѳей могъ изобразить это подробнѣе, нежели Маркъ, какъ и многое другое въ Ев. исторіи; разность могла быть отъ различія дарованій (талантовъ, по Эвальду) самихъ Евангелистовъ, отъ разности въ цѣли, назначенія Евангелій и т. п.

Съ субъективной стороны въ этомъ дѣлѣ еще менѣе могло быть трудностей.—„Мы, говоритъ Эвальдъ, должны при этомъ припомнить, что отдѣльное изображеніе такого рода (т. е. частное изображеніе возвышеннаго) само собою могло быть дано при отдѣльномъ, но необычайномъ происшествіи. Въ Евангеліи отъ Марка моментъ смерти Христа обозначается не многими различными картинами, какъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Евангелія отъ Матѳея (Мр. XV, 37; ср. Мѳ. XXVII, 51—53), но одной краткой, сильной и довольно мѣткой картиной: „тогда

завѣса храма вдругъ раздралась съ вышняго края до нижняго“. Это возвышенное, но отдѣльное и краткое изображенiе обусловливается только особенностiю происшествiя и могло сохраняться очень долго съ разсказами о смерти Христовой“ 183). Очевидно, условiе отдѣльнаго изображенiя особенно возвышеннаго есть необычайность изображаемаго событiя. По такой необычайности, событiя изъ жизни Господа оставались долго въ памяти наблюдателей и разсказывались при данныхъ для того поводахъ и побужденiяхъ. Но такихъ поводовъ и побужденiй было много для запоминанiя и воспоминанiя всѣхъ другихъ, столь же необычайныхъ, обстоятельствъ, и составленiя соотвѣтственныхъ имъ разсказовъ. Напримѣръ: еще болѣе чудесно, чѣмъ раздранiе завѣсы храма, было воскресенiе мертвыхъ въ часъ смерти Господа. А эта еще бóльшая чрезвычайность подобныхъ другихъ событiй была лучшимъ условiемъ точныхъ разсказовъ о нихъ и основанiемъ для изображенiя возвышеннаго въ Ев. исторiи— лучшимъ, нежели такихъ событiй, какъ раздранiе завѣсы храма. Такъ и даже много лучше обусловленныя для воспоминанiя обстоятельства изъ жизни Господа и важнѣйшiя въ исторiи Его, какъ Богочеловѣка, должны и могли быть изображены прежде, нежели менѣе важныя событiя, какъ раздранiе завѣсы храма. Какъ всѣ наблюдатели болѣе чудесныхъ событiй, такъ и Апостолы (они даже попреимуществу), должны были скорѣе проповѣдывать и писать о томъ, что Iисусъ Христосъ есть Сынъ Бога Отца, возлюбленный и единородный,—подтверждать это ученiе не вымышленными, а дѣйствительными, самыми важнѣйшими, сверхъ-естественными дѣлами Его жизни. Исполненiе этой первой, прямой, непремѣнной и существенной ихъ обязанности слѣдуетъ признать дѣйствительнымъ на самыхъ первыхъ же порахъ. А потому

183) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 148.

изображеніе особенно выдающихся высотъ должно было находиться въ самыхъ первыхъ опытахъ составленія Ев. исторіи,—скорѣе даже этихъ однихъ, самыхъ возвышенныхъ событій, какъ особенно поразительныхъ, удобнѣе и скорѣе воспоминаемыхъ и существеннѣйшихъ въ дѣлѣ Апостольской проповѣди.

Если изображеніе возвышеннаго въ Ев. исторіи должно быть первою цѣлію исторіи, проповѣди, преданія и воспоминанія Апостоловъ; если воспроизводить возвышенныя событія было легче, потому что они долѣе хранились въ памяти и передавались съ другими разсказами,—по необычайности самыхъ событій; то слѣдуетъ, что первые труды по составленію Ев. исторіи должны были содержать такихъ возвышенныхъ событій много и по крайней мѣрѣ столько, сколько ихъ находится въ первыхъ трехъ каноническихъ Евангеліяхъ.

Не указывая цѣли, Эвальдъ представляетъ причину, почему изображенія возвышеннаго явились въ концѣ развитія Ев. письменности.—„Изображеніе особенно возвышеннаго изъ жизни Христовой, по теоріи, возникло только послѣ обзора менѣе выдающихся высотъ всей совокупной Ев. исторіи; подобныя изображенія, по-видимому, не мимоходомъ и не кратко набросаны, но представлены очень опредѣленно, какъ выдающіяся возвышенности цѣлой исторіи" [184]). Но если они являлись послѣ обзора всей совокупной Ев. исторіи; то, значитъ, Ев. исторія явилась прежде безъ нихъ, безъ самыхъ возвышеннѣйшихъ событій или, по крайней мѣрѣ, съ несоотвѣтствующимъ изображеніемъ ихъ. Почему же такъ?—Возвышенное изложено очень опредѣленно; но почему въ данной опредѣленности оно не могло быть въ исторіи при ея первоначальномъ и простомъ составѣ?—неизвѣстно... Если признать, что очень опредѣленное изложеніе возвышеннаго послѣ

184) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 148.

обзора цѣлой Ев. исторіи не заключалось въ самой исторіи при завершеніи перваго процесса ея образованія, а явилось послѣ и въ другихъ трудахъ; то слѣдуетъ, что Ев. исторія, безъ ея особенно выдающихся высотъ, была, во мнѣніи читавшихъ ее, недостаточною до неудовлетворительности съ этой стороны. Почему же, однако, этотъ недостатокъ, потребовавшій скораго удовлетворенія, не ощущался и не устранялся историкомъ-составителемъ цѣлаго Евангелія, заключавшаго въ себѣ возвышенное, но не особенно выдающееся, по выраженію Эвальда,—напримѣръ, ев. Маркомъ?—Этого нельзя объяснить неспособностію автора; потому что и въ Евангеліи отъ Марка встрѣчаются изображенія даже особенно выдающихся высотъ, притомъ вѣрно поставленныя и соотвѣтственно опредѣленныя на своихъ мѣстахъ: такова, напримѣръ, въ Евангеліи отъ Марка картина раздранія завѣсы храма и др. [185]). Нельзя того объяснить неизвѣстностію для автора многихъ событій или ихъ подробностей, потому что разсказы о такихъ событіяхъ долго сохранялись въ памяти наблюдателей ихъ и передавались изъ устъ въ уста новымъ поколѣніямъ долѣе, нежели другіе. Если Ев. событія, которымъ соотвѣтствовали изображенія возвышеннѣйшаго, были по преимуществу чудесны; то слѣдуетъ, что они тѣмъ болѣе могли и должны быть записаны прежде всего въ первой же полной исторіи, обнимающей жизнь Христа съ начала и до конца Его земнаго бытія. Иначе, какъ же Евангелистъ-историкъ могъ не замѣтить, что онъ въ своемъ трудѣ опустилъ самыя выдающіяся событія,—ему, какъ и другимъ, обще-извѣстные факты изъ жизни Господа?—Онъ могъ и долженъ былъ знать то, что долго помнили и разсказывали всѣ, какъ напримѣръ раздраніе завѣсы храма.—Изображеніе возвышеннаго должно было явиться, по мнѣнію Эвальда, послѣ обзора всей Ев. ис-

---

185) Jahrb d. b. W. 1848. S. 148.

торіи въ ея совокупности. Но такое обозрѣніе могъ и непремѣнно долженъ былъ сдѣлать самъ же авторъ впервые составленной цѣлой Ев. исторіи и каждый Евангелистъ-историкъ, прямо по написаніи своего труда, при первомъ его пересмотрѣ, какъ и всякій авторъ подобнаго произведенія. Обзоръ всей исторіи, способность замѣтить ея недостатки и восполнить ихъ,—это можно признать за однимъ и тѣмъ же авторомъ цѣлостнаго Ев. труда, за каждымъ Евангелистомъ-историкомъ. Это оправдывается и фактически Евангеліемъ отъ Марка. Въ этомъ Евангеліи есть изображеніе особенно выдающихся высотъ; и хотя въ немъ отдѣльныхъ возвышенныхъ картинъ менѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Евангеліи отъ Матѳея, но существующія равно возвышенны и одинаково распредѣлены на своихъ мѣстахъ. Если же ев. Маркъ помѣстилъ не всѣ или не столько, сколько ев. Матѳей; то это объясняется не тѣмъ, что Евангеліе отъ Матѳея явилось послѣ Евангелія отъ Марка, а тѣмъ, что ев. Маркъ вообще болѣе, нежели ев. Матѳей, сокращаетъ и число, и изложеніе событій, но не умаляя ихъ объективной возвышенности. Если же онъ иногда неполно передаетъ извѣстныя возвышенныя Ев. событія, то это опять объясняется его относительно краткимъ изложеніемъ: онъ и не особенно возвышенныя событія передаетъ столь же кратко, какъ возвышенныя: таковъ общій характеръ его Евангелія.

Если въ Евангеліи, вообще краткомъ, какъ въ Евангеліи отъ Марка, нѣтъ изображенія нѣкоторыхъ возвышенностей, или нѣкоторыя сравнительно менѣе полно изображены, а съ другой стороны—существующія одинаково возвышенны, то естественно, на-оборотъ, что въ болѣе полномъ Евангеліи, какъ Евангеліе отъ Матѳея, такія картины, какъ и все остальное содержаніе, могутъ и должны имѣть относительно большую подробность и обстоятельность. Именно въ такомъ отношеніи Евангеліе отъ Марка находится къ Евангеліямъ отъ Матѳея и Луки. Евангеліе отъ Марка, сравнительно, кратко; но по изоб-

раженію особенно выдающихся высотъ оно одинаково съ Евангеліями отъ Матѳея и Луки: такія изображенія возвышеннаго въ этихъ трехъ каноническихъ Евангеліяхъ совершенно параллельны и распредѣлены соотвѣтственно на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.—Отсюда, Евангеліе отъ Марка есть трудъ самаго перваго времени, но въ немъ есть изображеніе особенно выдающихся высотъ; значитъ, такое изображеніе высотъ было современно появленію Евангелія отъ Марка; иначе,—изображеніе возвышеннаго явилось не послѣ составленія цѣлостныхъ Ев. исторій, но съ ними и въ нихъ. Если же такъ, то и Евангелія отъ Матѳея и Луки, не смотря на ихъ болѣе подробное изображеніе особенно выдающихся высотъ, должны относиться, поэтому, также къ первоначальнымъ трудамъ, какъ и Евангеліе отъ Марка, съ которымъ они различны только по краткости изложенія, а не по возвышенности самыхъ высотъ. Но такъ какъ возвышеннѣйшія изображенія въ Евангеліяхъ соотвѣтствовали особенно чудеснымъ событіямъ изъ жизни Господа, которыя по этому своему свойству должны были на-долго остаться въ памяти современниковъ и Евангелистовъ; то слѣдуетъ, что возвышеннѣйшія событія записаны историками—Евангелистами или по ихъ собственному личному воспоминанію, или по преданію отъ очевидцевъ такихъ поразительныхъ возвышеннѣйшихъ событій.

По теоріи, изображеніе возвышеннѣйшихъ событій изъ жизни Господа, въ которыхъ проявлялось участіе Неба, еще не давало полнѣйшаго совершенства Ев. исторіи. При изображеніи возвышенныхъ событій, въ которыхъ проявлялось присутствіе Божества, должно было параллельно слѣдовать изображеніе чрезвычайныхъ дѣйствій темныхъ силъ.—„Вмѣстѣ съ земнымъ теченіемъ исторіи Спасителя всегда одновременно съ ней шло и небесное откровеніе съ его чистыхъ возвышенныхъ сторонъ; но оно можетъ быть представлено и съ его обратной стороны: въ исторіи Христа по необходимости было то, что

съ высшимъ и божественнымъ вступали въ борьбу темныя силы,—злое съ добрымъ, нечистое съ чистымъ; изъ борьбы этихъ противоположностей произошла конечная и полная побѣда божественнаго надъ земнымъ. Сюда относится изображеніе такихъ выдающихся событій изъ Ев. исторіи, главнымъ виновникомъ (Hauptspieler) которыхъ является Сатана. Эти изображенія возвышеннаго съ его обратной стороны должны были находиться при изложеніи трехъ главныхъ моментовъ откровенія Божества (Мр. 1, 10 и д. IX, 2—9. XIV, 28. XVI, 7)" [186]). Разумѣется, по теоріи, что и такія изображенія должны были явиться послѣ обзора всей Ев. исторіи, такъ какъ онѣ суть изображенія обратной стороны небесно-возвышеннаго. Но если такъ, то слѣдуетъ, что и эти изображенія обратно-возвышеннаго, какъ и первыя, съ коими они, по чрезвычайности, однохарактерны и параллельны, должны были существовать при первомъ же составленіи цѣлостной Ев. исторіи. Въ самомъ дѣлѣ,—изображеніе возвышеннаго даже съ его обратной стороны требовалось, конечно, для того, чтобы представить всему міру Христа Спасителя побѣдителемъ всего злаго, Небеснымъ Посланникомъ и Сыномъ Божіимъ. Эта цѣль единственно важная и непремѣнная для всякой Ев. исторіи; а потому и стремленіе къ осуществленію этой цѣли слѣдуетъ относить къ самому первому времени составленія полной Ев. исторіи.

Такъ, изображеніе возвышеннаго въ Ев. исторіи, съ обоихъ его сторонъ, должно было непремѣнно находиться при первоначальномъ составленіи Ев. исторіи по воспоминанію или преданію; а потому и не слѣдуетъ предполагать особую для того творческую дѣятельность, чтобы она удовлетворяла мнимо-особой потребности—изображать возвышеннѣйшее въ Ев. исторіи.

186) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 149.

Предположеніе новой творческой дѣятельности, однако, еще не рѣшительно устраняется тѣмъ, что изображеніе возвышеннѣйшаго въ Ев. исторіи было при самомъ первомъ началѣ ея составленія и по преданію или воспоминанію; потому что къ такому изображенію теорія относитъ еще своего рода поэтическій элементъ въ Ев. исторіи,—что́ предполагаетъ именно новую творческую дѣятельность (художественный талантъ) [187]).

Что же такое это поэтическое въ Ев. исторіи?—это—„большею частію суть опыты, съ цѣлію—дѣйствительныя возвышенности Ев. исторіи, какъ они должны казаться при взглядѣ на нее всю, въ цѣломъ ея составѣ, представить надлежащими,—въ истинно соотвѣтствующей возвышенности ея. Гдѣ рѣчь, по особенной высотѣ своего предмета, сильно возвышалась и подходила къ такту стиха, какъ напримѣръ при описаніи момента втораго славнаго пришествія Христова (Мѳ. XXIV, 30): тамъ такое пареніе ненамѣренно принимало поэтическій видъ; но по этому оно еще не должно быть относимо къ области собственно поэтическаго, подъ чѣмъ въ-древности разумѣлось то, что создано дѣйствительно поэтическимъ искусствомъ (т. е. безъ прямаго и точнаго отношенія къ дѣйствительному міру“ [188]). Если и принять слова Мѳ. XXIV, 30: „тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небѣ: и тогда восплачутся всѣ племена земныя, и увидятъ Сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою“—въ смыслѣ дѣйствительно возвышеннаго изображенія и—только въ этомъ смыслѣ—поэтическими; то еще нѣтъ основанія относить образованіе въ такомъ смыслѣ поэтическихъ Ев. изображеній ко времени послѣ составленія Ев. исторіи въ ея полномъ видѣ; потому что указанныя, по теоріи, слова Мѳ. XXIV, 30 ст.

---

187) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 151.
188) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 151—152.

суть изреченія Господа; а изреченія Его, по теоріи же, собирались прежде всего другаго. И возможно ли, чтобы слова Самого Спасителя, заключающія изображеніе втораго, славнаго пришествія Его, какъ Судіи живыхъ и мертвыхъ, какъ Господа Іисуса,—эти слова явились послѣ составленія всей исторіи?—Нѣтъ; ихъ нельзя было не помнить—по ихъ возвышеннѣйшему содержанію и поразительной картинности выраженія; ихъ нельзя было не передавать послѣдующимъ членамъ церкви Христовой—по существенности содержанія этихъ словъ въ отношеніи къ ученію вѣры и по конечной важности ихъ въ христіанской нравственной жизни. Запомнить, чтобы послѣ воспроизвести и передать такія слова, было сравнительно скорѣе, сильнѣе и полнѣе можно, чѣмъ что либо другое, потому что они составляютъ величественную картину, что для воспоминанія вообще легче, нежели отвлеченныя понятія, какія содержатся, напримѣръ, въ Нагорной бесѣдѣ. Не только по содержанію, но и по самой формѣ своей такъ называемыя поэтическія изображенія въ Ев. исторіи должны были относиться къ первымъ Ев. опытамъ: они написаны простою, прозаическою рѣчью, какъ и тѣ; они не требовали особой дѣятельности, творческой, будучи результатомъ простаго воспоминанія изреченій. А для такой только дѣятельности много было способныхъ людей. „Если и дѣйствительная поэзія находится въ Евангеліяхъ, то мы, говоритъ Эвальдъ, должны напередъ признать, что это не иначе могло быть, какъ потому, что въ обществѣ Новаго Завѣта поэзія ожила вновь вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ожили вновь всѣ лучшія силы и искусство древнихъ, а также—и поэзія“ 189). Но при такомъ возникновеніи поэзіи въ народѣ еврейскомъ собраніе такъ называемыхъ поэтическихъ изображеній въ Ев. исторіи не должно представлять труднымъ: Ев. разсказы съ поэтическимъ оттѣн-

189) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 152.

комъ, судя по теоріи, могли быть даже самымъ нерѣдкимъ явленіемъ въ то время. Но какъ рано они могли явиться въ исторіи развитія собственно Ев. письменности? —конечно, въ самый ранній періодъ ея. Такъ можно заключать не только по ихъ содержанію, формѣ и по соотвѣтственнымъ тому удобствамъ, но и по тому свидѣтельству, что „для непрославленнаго еще Христа, въ день Его торжественнаго входа во Іерусалимъ, воспѣвалась радостная пѣснь побѣды, составленная въ народѣ такъ, какъ она соотвѣтствовала тому моменту, именно: „осанна сыну Давидову! Благословенъ грядущій во имя Господне! Осанна въ вышнихъ (Мѳ. XXI, 9 ст.)!“ И эта древняя пѣснь (Urlied) могла быть пѣта съ того дня и позднѣе въ христіанской церкви“—[190]). Понятно, такая пѣснь, составленная въ народѣ, употреблявшаяся позднѣе въ христіанской церкви, могла быть записана историкомъ-Евангелистомъ въ самое первое время образованія Ев. исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ ее зналъ или могъ легко запомнить, потому что ее знали и пѣли даже дѣти (Мѳ. XXI, 15). А потому, такія, хотя бы и поэтическія, украшенія еще не предполагаютъ для себя особой творческой дѣятельности особыхъ Евангелистовъ въ позднѣйшее время образованія Ев. исторіи; именно такія украшенія и составляютъ то, что, по теоріи, называется изображеніемъ „особенно выдающихся высотъ съ поэтическимъ оттѣнкомъ“. Таковы и всѣ другія подобныя изображенія (Мѳ. XXIV, 30; Мр. IX, 9 и слѣд.; срав. Мѳ. XXI, 9 и Лук. XIX, 38; Лук. I, 46—55; I, 68—79; II, 29—32; II, 14). Всѣ они суть изреченія разныхъ лицъ. Но самое понятіе изреченія даетъ полное право относить ихъ къ одному и тому же первоначальному времени собранія всѣхъ изреченій Христовыхъ. Поэтическія ли были эти изреченія или чисто прозаическія, по этому

---

190) Ibidem.

нельзя выдѣлять ихъ изъ Собранія изреченій; и самъ Эвальдъ эти, такъ называемые, поэтическіе отрывки неизбѣжно относитъ къ Собранію изреченій, явившемуся въ раннее время [191]). Слѣдовательно, дѣятельность занимающаяся, по теоріи, изображеніемъ высотъ Ев. исторіи, отожествляется съ дѣятельностію, не только вообще занимающеюся составленіемъ полной исторіи Спасителя, но и прямо—собраніемъ изреченій. Послѣ этого, дѣйствительно „можно не удивляться, что поэзія принималась для пополненія отрывочныхъ Ев. разсказовъ съ особенной стороны“ [192]): только это могло быть въ одномъ процессѣ составленія тѣхъ же разсказовъ о возвышенныхъ событіяхъ, которые составляли содержаніе полной или цѣлостной Ев. исторіи, и при нихъ, а не послѣ; потому что поэзія Евангельская, это—„простое, но весьма достаточное для своей цѣли искусство—такое, какимъ оно могло возродиться въ обществѣ Новаго Завѣта“ [193]). И эта возможность даетъ полное право признать не доказаннымъ то положеніе, что „поэзія явилась напослѣдокъ“, хотя такому появленію ея теорія Эвальда указываетъ и надлежащую цѣль.—„Напослѣдокъ, говоритъ Эвальдъ, поэзія пришла на помощь—для выраженія тѣхъ возвышенныхъ чувствъ, которыя должны были являться при историческомъ воспоминаніи,—чтобы эти чувства выразить и передать въ ихъ непосредственной живости и при томъ въ соотвѣтственно-краткихъ или длинныхъ пѣсняхъ“ [194]). Здѣсь обѣ мысли несправедливы, и та, что поэзія явилась напослѣдокъ, и та, что она явилась на помощь возвышеннымъ чувствамъ при историческомъ воспоминаніи, или, какъ разумѣется по теоріи, при обзорѣ

---

191) D. drei ersten Evangelien. S. 46, 47, 48 u a.
192) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 153.
193) Ibidem.
194) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 153.

всей совокупной Ев. исторіи. Къ дѣлу идетъ собственно та мысль, что поэзія явилась напослѣдокъ: Эвальдъ это и старался доказать. Но эта, недоказанная имъ, мысль становится вполнѣ несправедливою въ связи съ другою мыслію, что поэзія явилась на помощь—для выраженія чувствъ; потому что если она требовалась для выраженія чувствъ, то эти чувства были въ самое первое время воспоминанія и также, если не болѣе, требовали для себя удовлетворительнаго выраженія; слѣдовательно, поэзія, какъ она проявилась напослѣдокъ, собственно и правильно говоря, должна была, по той же своей цѣли, существовать въ начальныхъ опытахъ образованія Ев. исторіи. Мысль о раннемъ возникновеніи въ Ев. исторіи такъ называемыхъ поэтическихъ изображеній противорѣчитъ тому мнѣнію Эвальда, что „всѣ силы и дѣятельности, направленныя къ собиранію какъ и изложенію истинъ Евангельской исторіи, подъ-конецъ должны были возбуждаться и совмѣстно дѣйствовать съ тою цѣлію, чтобы полнѣе удовлетворить здѣсь предлежащей имъ задачѣ“ [195]). Почему же именно—подъ-конецъ?—Теорія, допуская съ одной стороны, что силы должны были дѣйствовать отдѣльно, заставляетъ, съ другой, дѣйствовать ихъ еще вмѣстѣ, и это—для поэтическихъ изображеній въ Ев. исторіи. Но если эти силы дѣйствовали прежде отдѣльно, то нѣтъ нужды предполагать совмѣстной дѣятельности ихъ, чтобы объяснить появленіе поэзіи въ Евангеліяхъ даже и на первыхъ порахъ. А если они дѣйствовали потóмъ совмѣстно, то какое было участіе каждой силы въ поэтическомъ изображеніи Ев. исторіи? почему отдѣльная сила не могла дѣйствовать самостоятельно и удовлетворительно для цѣли общей дѣятельности? Почему же и совмѣстная дѣятельность такихъ силъ не могла явиться и развиваться на первыхъ порахъ составленія Евангелій?—неизвѣстно...

---

195) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 153.

Если мыслимо участіе каждой такой силы въ изображеніи поэтическаго; то, конечно, всегда можно и должно признать за каждой содѣйствующей или взаимнодѣйствующей силой возможность дѣйствовать и отдѣльно, индивидуально. А когда собственно и отдѣльно могла дѣйствовать и дѣйствовала извѣстная индивидуальная сила (талантъ), это, говоря по теоріи, должно было опредѣляться потребностями времени или настроеніемъ общества. Но религіозное одушевленіе новозавѣтнаго общества было сильно при жизни еще и непрославленнаго Господа,—и тогда народъ воспѣвалъ Ему побѣдную пѣснь: „осанна"!.. Слѣдовательно, еще при жизни Господа такъ называемая поэзія являлась выраженіемъ чувствъ Еврейскаго народа; тѣмъ болѣе она могла быть въ первыхъ же опытахъ историческаго Апостольскаго воспоминанія о Христѣ послѣ Его смерти. Сомнѣніе касательно этого можетъ опираться только еще на томъ, что самый предметъ поэтическаго изображенія могъ быть труденъ и потому такое изображеніе его требовало приготовительныхъ занятій и особой дѣятельности,—чѣмъ отдалялось появленіе такъ называемой поэзіи въ Ев. исторіи. Но такъ можно разсуждать только относительно оригинальнаго творчества, а дѣломъ Евангелистовъ было—вспомнить или по преданію записать то, что̀ сказано и какъ выражено было Іисусомъ Христомъ и другими. Вообще, Ев. исторія безъ поэзіи или могла быть или не могла—въ раннее время ея образованія: она не могла быть, если не было поэтически-талантливыхъ Евангелистовъ, и могла быть, если были такіе люди. Такіе талантливые люди дѣйствительно были при оживленіи древняго поэтическаго творчества въ томъ же обществѣ Новаго Завѣта. Поэзія не могла бы явиться рано въ Ев. исторіи только при томъ условіи, если бы предметъ самой исторіи былъ менѣе труденъ, чѣмъ предметъ поэзіи; но этого не было. „Поэзія, по сознанію Эвальда, выражала только такія истины и мысли, которыя довольно сильно еще прежде вращались въ новоза-

вѣтномъ христіанскомъ обществѣ, получивъ въ самой Ев. исторіи свое конечное поощреніе (Anregung)" [196]). Такая общедоступность поэтическаго содержанія Ев. исторіи не побуждаетъ предполагать особой способности—чтобы внести поэзію въ исторію, если эта требовала той; а исторія требовала при собраніи изреченій вносить и такъ называемые поэтическіе отрывки. То же дѣлаетъ и самъ Эвальдъ, внося ихъ въ составленное имъ Собраніе изреченій— произведеніе историческое и, по его мнѣнію, первоначальное по времени составленія [197]).

Слѣдовательно, такъ называемыя поэтическія изображенія въ Ев. исторіи не должно относить къ позднѣйшему времени, какъ и изображенія особенно выдающихся высотъ оной: то и другое должно было находиться въ самыхъ первыхъ устныхъ и письменныхъ произведеніяхъ по Ев. исторіи.

Отсюда изображеніе высотъ въ Ев. исторіи, съ ихъ поэтическимъ оттѣнкомъ, составленіе полной исторіи въ видѣ, напримѣръ, каноническаго Евангелія отъ Марка, собраніе разсказовъ и изреченій—все это могло быть въ одно и то же первоначальное время, или хотя и въ разное время, но не преемственно и послѣдовательно,—появленіе одного не обусловливалось непремѣнно предварительнымъ существованіемъ другаго. А съ отсутствіемъ такой преемственной послѣдовательности образованія сначала изреченій, потомъ отдѣльныхъ разсказовъ и т. д., оно остается простымъ изложеніемъ исторіи—по воспоминанію или преданію. Поэтому вполнѣ несправедливо мнѣніе Эвальда, основанное на невозможности одновременнаго появленія разсказовъ и рѣчей Спасителя въ видѣ одного полнаго Евангелія, какъ, напримѣръ, канониче-

---

196) Jahrb. d. b. W. 1848 S. 154.

197) D. drei ersten Evangelien: Mtth. XXIV, 30 u. s. w.

скаго Евангелія отъ Марка или Матѳея, или Луки. На-оборотъ, вполнѣ справедливо то положеніе, что каждое изъ трехъ первыхъ каноническихъ Евангелій могло явиться прямо, въ его настоящемъ видѣ, непосредственно изъ устнаго преданія, не слагаясь постепенно изъ послѣдовательно-образующихся составныхъ частей его: изреченій, отдѣльныхъ разсказовъ и п. т., но прямо и непосредственно совмѣщая въ себѣ разсказы и рѣчи,—по воспоминанію или преданію.

Такъ, для объясненія происхожденія синоптическихъ Евангелій остается справедливо указанный, но неправильно развиваемый Эвальдомъ, только одинъ принципъ устнаго Апостольскаго преданія или воспоминанія.

Настоящій результатъ предшествующаго разбора теоріи Эвальда можно теперь силлогистически выразить въ общемъ видѣ такъ:

Если такъ называемая поэтическая сторона въ Евангеліяхъ есть тоже, что изображеніе особенно выдающихся въ нихъ высотъ—для составителей-Евангелистовъ; если изображеніе высотъ современно простому повѣствовательному изложенію Ев. исторіи въ полномъ ея объемѣ; если образованіе полной исторіи Христа (Евангеліе отъ Марка и под.) современно образованію отдѣльныхъ и связныхъ Ев. разсказовъ; если составленіе разсказовъ современно собранію изреченій Христа; если образованіе разсказовъ и собраніе изреченій чужды искуственной группировки и естественны по своему непосредственному возникновенію или изъ воспоминанія, или изъ устнаго преданія Апостоловъ: то слѣдуетъ заключить, что образованіе всѣхъ Евангельскихъ рѣчей и разсказовъ или, что-тоже, цѣлостной Евангельской исторіи, въ настоящемъ ея видѣ, какъ каждое изъ трехъ синоптическихъ Евангелій,—вопреки теоріи Эвальда—могло возникнуть, развиваться и завершиться при одномъ источникѣ устнаго Апостольскаго преданія и предшествующаго ему или съ нимъ со-

вмѣстнаго воспоминанія. Вообще, теорія Эвальда не представляетъ строго-научныхъ основаній того своего положенія, что до появленія письменныхъ каноническихъ Евангелій существовала еще письменная Евангельская литература въ разнообразномъ ея видѣ,—что эта литература, въ количествѣ нѣсколькихъ книгъ, послужила источникомъ и для синоптическихъ Евангелій. Напротивъ, теорія Эвальда скорѣе убѣждаетъ въ томъ, что Ев. исторія, въ такомъ видѣ, какъ каждое изъ каноническихъ Евангелій, представляетъ собою письменное изложеніе только устнаго преданія, безъ посредствующихъ письменныхъ источниковъ.

Такъ дознанная и такая возможность образованія и составленія первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій непосредственно изъ устнаго преданія и воспоминанія прямо устраняетъ всѣ предположенія на счетъ преодолѣванія трудностей, представленныхъ въ теоріи, и главное—то, что существовали, для устраненія ихъ, особые, кромѣ Двѣнадцати, дѣятели—Евангелисты, усердными трудами которыхъ преодолѣвались всѣ трудности образованія и составленія устной и письменной Ев. исторіи.

VII.

Предполагаемое по теоріи Эвальда, постепенное и многостороннее развитіе Ев. письменности обусловливалось трудностями воспоминанія событій Ев. исторіи. Но всякая объективная трудность ограничивается въ значительной мѣрѣ свойствами трудящагося лица. А потому,

соотвѣтственно предполагаемымъ трудностямъ, Эвальдъ представляетъ и лицъ трудящихся, такъ называемыхъ первоначальныхъ Евангелистовъ. Кто же они были и какъ для нихъ было возможно и удобно составленіе Ев. исторіи?—

„Если образованіе Евангельскихъ разсказовъ на дѣлѣ было столь трудно и если оно должно было всю свою задачу выполнить совершенно, если оно требовало столь различныхъ способностей, и до своего конечнаго завершенія должно было пройти столько различныхъ степеней (Stufen), какъ все это выше указано и представлено наглядно (?) въ нѣкоторыхъ большихъ примѣрахъ; то мы, говоритъ Эвальдъ, не должны удивляться, что скоро возникъ (sich erhob) особый родъ людей, которые преимущественнымъ дѣломъ (Geschäft) своей жизни поставляли то, чтобы по возможности вѣрно и обильно собирать, образовать, сохранять и распространять Ев. разсказы. Мы можемъ еще и теперь довольно опредѣленно показать существованіе и дѣятельность такого рода людей въ первенствующемъ христіанствѣ. Это первоначальные Евангелисты, безъ предварительнаго появленія которыхъ не могли бы явиться и существовать позднѣйшіе, собственно такъ называемые, т. е. каноническіе, Евангелисты"[198]). Это предположеніе даетъ основаніе и право разсматривать существованіе такихъ Евангелистовъ, какъ историческій фактъ. Но дѣйствительно ли были такіе именно Евангелисты, какъ лица историческія?—По теоріи, они занимались образованіемъ, сохраненіемъ и распространеніемъ Ев. разсказовъ; такъ ли это по свидѣтельству исторіи первенствующаго христіанства?—

„Двѣнадцать (Апостоловъ), говоритъ Эвальдъ, были первыми и дѣятельнѣйшими Евангелистами въ самомъ началѣ Апостольскаго вѣка; такъ какъ они заключали

---

198) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 180.

(zusammenschlossen) въ себѣ всѣ силы и дѣятельности общества; и нѣкоторые изъ нихъ особенно должны были составить свое изложеніе жизни Іисуса по всегда главнымъ источникамъ восноминанія о Немъ. Впрочемъ, скоро должно было оказаться, что желаніе и искусство собрать историческія воспоминанія и передать ихъ въ полнотѣ—дѣло не всякаго; и къ тому же еще Двѣнадцать (Апостоловъ) стали скоро самыми высшими руководителями (Leiter) великаго, постоянно возрастающаго и далѣе распространяющагося, движенія" [199]. Очевидно, если Эвальдъ признаетъ, что Двѣнадцать Апостоловъ были самыми авторитетными Евангелистами, какъ первоисточники для всѣхъ, то этимъ, по крайней мѣрѣ, устраняется авторитетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивается и дѣятельность другихъ Евангелистовъ.—„Двѣнадцать (Апостоловъ) и особенно нѣкоторые изъ нихъ понимали всю полноту свѣдѣній о жизни Господа настолько, насколько могли ее понимать люди; но, говоритъ Эвальдъ, собираніе и пересказываніе Ев. воспоминаній менѣе всего было обыкновеннымъ ихъ дѣломъ. Отсюда, какъ все въ первенствующей церкви въ теченіи немногихъ лѣтъ столь дивно развивалось, раздѣлялось на части, членилось и снова вмѣстѣ объединялось,—какъ въ весьма раннее время въ Матери-церкви обособились семь діаконовъ (Gemeindepfleger) (Дѣян. VI, 1—6), а потомъ старѣйшіе изъ нихъ, какъ предстоятели этого отдѣльнаго общества, оставались при Двѣнадцати (Дѣян. XI, 30. XV, 2. 4. 6. 22...): такъ же (?) возникли скоро и особые Евангелисты" [200].

Возникновеніе Евангелистовъ представляется дѣйствительнымъ историческимъ фактомъ; но въ исторіи Апостольскаго вѣка ничего неизвѣстно о такихъ Евангелистахъ, какіе предполагаетъ Эвальдъ. Дѣйствительно было

---

199) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 181.
200) Jahrb d. b. W. 1849. S. 181.

члененіе и разнаго рода назначеніе въ первенствующей церкви, но никто изъ ея членовъ не назначался прямо именно въ Евангелисты,—путешествовать по разнымъ мѣстамъ Палестины съ цѣлію собирать разсказы о жизни Іисуса Христа. Въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ такъ передается разсказъ объ избраніи семи діаконовъ: „тогда двѣнадцать Апостоловъ, созвавъ множество учениковъ, сказали: не хорошо намъ, оставивъ слово Божіе, пещись о столахъ. И такъ, братія, выберите изъ среды себя семь человѣкъ извѣданныхъ, исполненныхъ Святаго Духа и мудрости; ихъ поставимъ на сію службу. А мы постоянно пребудемъ въ молитвѣ и служеніи слова (VI, 2—4)“ [201]). Только такъ и только семь діаконовъ были избраны для служенія трапезамъ,—съ тѣмъ, чтобы только Двѣнадцать Апостоловъ оставались именно служителями слова; а другихъ еще Евангелистовъ-„служителей слова“ не было избрано.

Принимая во вниманіе авторитетъ Двѣнадцати Апостоловъ, не слѣдуетъ даже и предполагать особаго назначенія Евангелистовъ—„собирателей, хранителей и распространителей Ев. разсказовъ“. И кто бы на первыхъ порахъ могъ быть настоящимъ Евангелистомъ, кромѣ кого-либо изъ Двѣнадцати Апостоловъ? По Эвальду—кто „свое главное призваніе (Hauptberuf) находилъ въ томъ, чтобы прилежно собирать матерію исторіи Іисуса и Его времени, а преимущественно слова Христа, и сообщать другимъ, тотъ назывался Евангелистомъ“ [202]). Но что за призваніе собирать матерію Евангельской исторіи? что за призваніе передавать ее другимъ? въ комъ еще должно предполагать такое призваніе, если только Двѣнадцать Апостоловъ, по мнѣнію Эвальда, были первыми и дѣятельнѣйшими Евангелистами въ самомъ началѣ Апо-

---

201) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 181.
202) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 181.

стольскаго вѣка?—какъ могъ кто-либо иной выполнить такую задачу, если и Двѣнадцать Апостоловъ встрѣчали въ этомъ дѣлѣ великія и многія трудности?—„Легко понять, что такой Евангелистъ (т. е. обыкновенный членъ первенствующей христіанской церкви,—не Апостолъ изъ числа Двѣнадцати), по словамъ Эвальда, долженъ былъ предпринимать очень много путешествій, чтобы собрать матерію Ев. исторіи на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она впервые явилась, и чтобы о всемъ, что̀ отъ него спрашивалось, давать надлежащія свѣдѣнія: его дѣломъ (Geschäft) или, такъ сказать, его призваніемъ, было первоначально такое же занятіе, какое и вообще было дѣломъ посланнаго отъ Двѣнадцати (Апостоловъ),—дѣломъ уполномоченнаго благовѣстника или же какъ нѣкоего пророка (Дѣян. XI, 27 и сл. XXI, 10 и др. ср. Евр. II, 1. 3. XIII, 7)". 203) „Если былъ Евангелистъ, то онъ совершалъ очень много путешествій"... но—для чего, когда Двѣнадцать Апостоловъ были первыми и дѣятельнѣйшими Евангелистами?—когда они заключали въ себѣ всѣ дѣятельности и силы общества?—когда они были главнымъ источникомъ воспоминаній о Спасителѣ?—Если бы составленіе исторіи и не было ихъ обыкновеннымъ дѣломъ, то они могли быть источниками для другихъ Евангелистовъ, которымъ уже не нужно и не должно было бы путешествовать. Предполагаемые Евангелисты „путешествовали"; но—для чего?—чтобы на мѣстѣ событія получить разсказъ о немъ. А чрезъ это сообщался ли бо́льшій авторитетъ ихъ разсказу?—Нѣтъ,—и на мѣстѣ событія, о немъ можно было знать отъ очевидцевъ-слышателей такъ же, если не менѣе, вѣрно, какъ и отъ Апостоловъ.—Ужели предполагаемые Евангелисты должны были путешествовать для того, чтобы собирать какъ можно болѣе свѣдѣній о жизни и дѣятельности Іисуса Христа?—нѣтъ,—неавторизованное множе-

203) Jahrb. d. W. 1849. S. 181—182.

ство свѣдѣній ничтожно по своему значенію; а конечно не могло быть авторизовано то, чего не знали сами Двѣнадцать Апостоловъ, какъ ближайшіе Ученики и всегдашніе, постоянные спутники Господа.

Если предположеніе первоначальныхъ Евангелистовъ теоретически становится излишнимъ, то исторически оно представляется неосновательнымъ.—Откуда видно, что дѣйствительно было желаніе путешествовать и собирать Ев. разсказы не только у Двѣнадцати Апостоловъ, но и у другихъ лицъ, и—что эти лица были именно служителями слова въ первое время Апостольскаго вѣка?—Если въ Св. писаніи Новаго Завѣта говорится, напримѣръ, о пророкахъ Апостольскаго времени, къ которымъ Эвальдъ приравниваетъ предполагаемыхъ имъ Евангелистовъ, то тамъ прямо говорится и о дѣятельности ихъ. Напримѣръ, Книга Дѣяній Апостольскихъ повѣствуетъ: „въ тѣ дни пришли изъ Іерусалима въ Антіохію пророки. И одинъ изъ нихъ, по имени Агавъ, вставъ, предвозвѣстилъ Духомъ, что по всей вселенной будетъ великій голодъ, который и былъ при Кесарѣ Клавдіи (XI, 27—28)". Или еще: „пришелъ изъ Іудеи нѣкто пророкъ, именемъ Агавъ; и вошедши къ намъ, взялъ поясъ Павловъ, и связавъ себѣ руки и ноги, сказалъ: такъ говоритъ Духъ Святый: мужа, чей этотъ поясъ, такъ свяжутъ во Іерусалимѣ Іудеи, и предадутъ въ руки язычниковъ (XXI, 10—11)". Много менѣе, нежели это свидѣтельство, говоритъ въ пользу теоріи то наставленіе Апостола Павла, на которое ссылается Эвальдъ: „поминайте наставниковъ вашихъ, которые проповѣдывали вамъ слово Божіе... (Евр. XIII, 7)" [204]). Здѣсь весьма трудно видѣть прямое свидѣтельство о существованіи Евангелистовъ, путешествовавшихъ по Палестинѣ и собиравшихъ воспоминанія о Христѣ. Въ этомъ Апостольскомъ наставленіи дѣйстви-

---

204) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182. Anmerkung erst.

тельно говорится о проповѣдывавшихъ слово Божіе, но такихъ лицахъ, которыя въ то же время были наставниками или руководителями (ἡγουμένων), а не собирателями разсказовъ о Христѣ. Эти наставники были такими же Апостолами, какъ св. Павелъ (ср. Евр. XIII, 7 и 17. 18). Слѣдовательно, существованіе предполагаемыхъ Эвальдомъ Евангелистовъ остается еще только въ возможности: между тѣмъ въ теоріи существованіе такихъ Евангелистовъ представляется историческимъ фактомъ. Гдѣ же фактъ?—его нѣтъ, а потому, если Эвальдъ и говоритъ категорически: возникли Евангелисты. совершали много путешествій, и т. д.; то все это недостаточно основанныя предположенія, неимѣющія значенія научныхъ положеній. Отсюда понятно и то, что такія предположенія легко опровергаются сами собой.—„Мы, говоритъ Эвальдъ, не очень много знаемъ опредѣленное время, когда впервые появились такіе Евангелисты; но въ тѣ времена, когда Матерь-церковь, послѣ побіенія камнями Стефана, впервые распространилась столь сильно въ разныхъ странахъ, когда Ап. Павелъ и многіе другіе новые посланники-вѣстники возвысились и скоро достигли столь великихъ послѣдствій своей дѣятельности, тогда могли возникнуть и Евангелисты" [205]). Однако,—только могли, а не дѣйствительно были. Эвальдъ представляя эту возможность, замѣняетъ ее потомъ дѣйствительностію.—„Первымъ примѣромъ такихъ Евангелистовъ, говоритъ онъ, былъ Ап. Филиппъ, сначала одинъ изъ семи діаконовъ въ Іерусалимѣ, а потомъ ставшій Евангелистомъ (Дѣян. XXI, 8; VIII, 4—40; Лук. X, 1—17; Дѣян. I, 21" [206]).

Евангелисты дѣйствительно были; но ихъ служеніе состояло не въ томъ, въ чемъ предполагаетъ Эвальдъ. Ап. Филиппъ былъ благовѣстникомъ, но былъ ли онъ Еванге-

---

205) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182.
206) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182.

листомъ въ смыслѣ Эвальда и при томъ первымъ въ своемъ родѣ?—нѣтъ и нѣтъ. Гдѣ же оправданіе предположеній о дѣйствительно-историческомъ существованіи первоначальныхъ Евангелистовъ?—Рѣшительно произвольно Эвальдъ признаетъ Ап. Филиппа первымъ Евангелистомъ,—только потому, что онъ упоминается впервые, какъ благовѣстникъ: это первое упоминаніе не указываетъ на него, какъ перваго Евангелиста, ничего не говоритъ о путешествіяхъ его для собиранія матеріи Ев. исторій и составленія разсказовъ о Христѣ; здѣсь не видно, что Ап. Филиппъ первый началъ составлять повѣствованія о совершенно извѣстныхъ Апостоламъ вещахъ, и пр. Еще болѣе остается сомнѣнія въ томъ, что Ап. Филиппъ составлялъ (επεχειρησατο ανατaξασθαι) Ев. повѣствованія. Въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (XXI гл. ст. 8 и д.) сказано: „Павелъ и мы, бывшіе съ нимъ, вышедши, пришли въ Кесарію и, вшедши въ домъ Филиппа, благовѣстника, одного изъ семи діаконовъ, остались у него“. Все основаніе для мнѣнія Эвальда содержится въ словѣ „благовѣстникъ“; но прямой и точный смыслъ этого слова простъ и понятенъ. Филиппъ благовѣствовалъ или п р о п о в ѣ д ы в а л ъ Евангеліе и только; а по теоріи Эвальда, Евангелистъ долженъ быть путешествующимъ собирателемъ, хранителемъ и распространителемъ исторіи Спасителя. Очевидно, въ этомъ смыслѣ Ап. Филиппъ не можетъ быть признанъ Евангелистомъ. Онъ долженъ быть признанъ примѣромъ Евангелиста, но только въ смыслѣ провозвѣстника Евангелія. Думать такъ, что если Ап. Филиппъ названъ „благовѣстникомъ“, то онъ есть Евангелистъ—собиратель и составитель Ев. повѣствованій,—нельзя: это—circulus in demonstrando. Именно, въ первенствующей христіанской церкви были Евангелисты путешественники, собиратели, хранители, провозвѣстники и распространители Ев. повѣствованій: это подтверждается примѣромъ Ап. Филиппа; а что онъ былъ такимъ Евангелистомъ, это видно изъ самаго названія его благовѣст-

никомъ (Εὐαγγελιστος). Здѣсь теорія подтверждаетъ значеніе примѣра, а примѣръ подтверждаетъ положеніе теоріи... Это не доказательство!—

Вообще, Евангелистами въ обширномъ смыслѣ могли называться всѣ тѣ лица, которыя возвѣщали о жизни и ученіи Спасителя, а по преимуществу тѣ, кому повелѣвалось возвѣщать о Немъ, но только и непосредственно возвѣщать, а не путешествовать для предварительнаго собиранія Ев. повѣствованій о Немъ, и пр. Такъ было повелѣно возвѣщать Евангеліе о Христѣ и Ап. Филиппу. Слѣдовательно, историческій фактъ, какъ такой, точно содержитъ только то, что Ап. Филиппъ благовѣствовалъ по порученію и назначенію отъ Двѣнадцати Апостоловъ или отъ Духа Святаго; но не путешествовалъ въ качествѣ собирателя сказаній о Христѣ. Такъ же и въ VIII-й главѣ, 4—40 ст. Книга Дѣяній Апостольскихъ только и прямо повѣствуетъ: „разсѣявшіеся ходили и благовѣствовали слово. Такъ Филиппъ пришелъ въ городъ Самарійскій, и проповѣдывалъ имъ Христа. Народъ единодушно внималъ тому, что говорилъ Филиппъ, (ст. 4, 5, 6)... Но, когда повѣрили Филиппу, благовѣствующему о царствіи Божіемъ и о имени Іисуса Христа: то крестились и мужчины и женщины (ст. 12).... Филиппъ отверзъ уста свои и, начавъ отъ сего Писанія (т. е. книги пророка Исаіи), благовѣствовалъ ему (каженнику) объ Іисусѣ (ст. 35)... Филиппъ оказался въ Азотѣ: и, проходя, благовѣствовалъ всѣмъ городамъ, пока пришелъ въ Кесарію (40 ст.)“. Изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что Ап. Филиппъ благовѣствовалъ о Христѣ съ цѣлію крестить потóмъ вѣрующихъ во имя Его, при своей проповѣди онъ толковалъ пророчества, относящіяся ко Христу, и—только. По этому и только въ такомъ смыслѣ онъ названъ „благовѣстникомъ“.

Ап. Филиппъ былъ, по мнѣнію Эвальда, первымъ Евангелистомъ, значитъ,—изъ числа многихъ или нѣсколькихъ. Кто же были эти нѣсколькіе и были ли?—

„Многіе, говоритъ онъ, которыхъ Ев. Лука причисляетъ къ ученикамъ Христа, избраннымъ послѣ Двѣнадцати Апостоловъ (Лук. X, 1—17; Дѣян. I, 21 и сл.); они и могли быть Евангелистами“ [207]). Слѣдовательно, Ап. Филиппъ опять былъ первымъ изъ могущихъ быть многихъ Евангелистовъ. Но были ли эти многіе на самомъ дѣлѣ такими, какъ Ап. Филиппъ,—Евангелистами въ смыслѣ Эвальда?—Ев. Лука говоритъ: „избралъ Господь и другихъ семьдесятъ учениковъ; и послалъ ихъ по два предъ лицемъ своимъ во всякій городъ и мѣсто, куда Самъ хотѣлъ идти (Лук. X, 1—17)“.—Для чего избралъ?—говорить, какъ заповѣдалъ Спаситель: „миръ дому сему“... исцѣлять больныхъ... говорить: „приблизилось царствіе Божіе“... и т. п. Слѣдовательно и семьдесятъ учениковъ отнюдь не были собирателями разсказовъ, а только, по заповѣди Спасителя, должны быть (ст. 1—17) и дѣйствительно были (ст. 18 и сл.) проповѣдниками царствія Божія. Они могли быть, но неизвѣстно, дѣйствительно ли были такими Евангелистами, какихъ старается указать Эвальдъ. Они могли быть, но не всѣ, а кто именно и почему—неизвѣстно.—Еще менѣе, чѣмъ свидѣтельствомъ Ев. Луки: X, 1—17, оправдывается мнѣніе Эвальда словами Книги Дѣяній Апостольскихъ: I, 21 ст. Здѣсь Апостолъ Петръ говоритъ: „и такъ надобно, чтобы одинъ изъ тѣхъ, которые находились съ нами во все время, когда пребывалъ и обращался съ нами Господь Іисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся отъ насъ, былъ вмѣстѣ съ нами свидѣтелемъ воскресенія Его... И выпалъ жребій, повѣствуетъ далѣе дѣеписатель, Матѳію, и онъ сопричисленъ къ одиннадцати Апостоламъ (ст. 21—26)“. Ясно, что избранъ только одинъ изъ многихъ—Матѳей,—изъ числа находившихся съ Апостолами мужей-свидѣтелей жизни Іисуса

207) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182. Ammerkuug zw.

отъ крещенія до вознесенія Его. Онъ былъ избранъ во свидѣтели воскресенія и въ число Двѣнадцати Апостоловъ. Отсюда очевидно, что Ап. Матѳей до своего избранія не былъ собирателемъ, составителемъ, хранителемъ и распространителемъ Ев. исторіи, потому что онъ еще не былъ служителемъ слова. Онъ теперь сталъ Евангелистомъ по избранію его въ число Двѣнадцати Апостоловъ, но такимъ служителемъ слова, какими были сами Апостолы, а не такимъ, какимъ представляетъ его Эвальдъ (ср. Дѣян. VI, 1—6). Апостолы избрали во свидѣтели о Христѣ только одного Матѳея, который былъ, какъ и они сами, очевидцемъ всей жизни Господа; это было сдѣлано такъ по важности самаго Апостольскаго назначенія. Двѣнадцать Апостоловъ только за собою, какъ за очевидцами всей жизни Господа, оставили служеніе слову (т. е. Евангелію), а не за многими (Дѣян. VI, 1—6), сознавая, что не всѣ такъ точно знаютъ и могутъ проповѣдывать слово спасенія о Христѣ: другіе, многіе ученики Христовы были ихъ сотрудниками, но подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ. А потому нѣтъ основанія предполагать, что въ послѣдствіи явились и многіе Евангелисты кромѣ Двѣнадцати Апостоловъ. „Чѣмъ далѣе распространялось христіанство, говоритъ Эвальдъ, и чѣмъ тверже полагалось его основаніе сильною рукою великаго Апостола (Павла) на многихъ главныхъ мѣстахъ, тѣмъ необходимѣе была вспомоществующая дѣятельность этихъ Евангелистовъ: мы, продолжаетъ Эвальдъ, видимъ къ концу Апостольскаго времени особо стоящихъ между Апостолами и пророками нѣкоторыхъ учителей отдѣльныхъ обществъ (христіанскихъ) съ очень опредѣленнымъ названіемъ: Евр. IV, 11; 2 Тимоѳ. IV, 5" [208]). Правда, здѣсь указываются Евангелисты, какъ лица особыя, но здѣсь не видно, чтобы эти Евангелисты были собирате-

208) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182.

лями, хранителями и распространителями Евангелія—въ томъ смыслѣ, какъ полагаетъ Эвальдъ: не видно, чтобы эти Евангелисты спеціально трудились надъ постепеннымъ образованіемъ Ев. исторіи, преодолѣвая всѣ, неизбѣжныя для нихъ, трудности—не зависимо отъ Двѣнадцати Апостоловъ. Здѣсь указывается только, что Іисусъ Христосъ „поставилъ однихъ Апостолами, другихъ пророками, иныхъ Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова".—Для этой именно цѣли между прочими Спаситель поставилъ нѣкоторыхъ и Евангелистами,—благовѣстниками и только [209]. Это были не писатели, а проповѣдники Евангелія,—имъ принадлежитъ устная проповѣдь уже извѣстной имъ Ев. исторіи,—конечно отъ Апостоловъ, какъ служителей Слова. Для чего, кромѣ проповѣдниковъ Евангелія, должны были существовать путешествующіе Евангелисты,—только собирать свѣдѣнія о Христѣ? или—для помощи распространителямъ христіанства?—но и безъ ихъ помощи основаніе уже было твердо положено на многихъ главныхъ мѣстахъ сильною рукою такихъ Апостоловъ, какъ, напримѣръ, св. Павелъ. Что вспомогательнаго можно и должно было ожидать отъ повсемѣстнаго собиранія, многочисленнаго и многораз-

---

209) Eph. IV, 11. Die Ευαγγελισται sind solche Lehrer, die umherreisend zur weitern Verbreitung des Evangeliums wirkten, wie schon Theodoret richtig erklärt οι περιιοντες εκηρυττον (Vergl. Evseb. H. E. III. 37. V, 10). Dagegen sind die ποιμενες und διδασκαλοι solche Lehrer, die an einer Gemeine fest angestellt sind. Vergl. I Kor. XII, 28. Dr. Olshausens: Bibl. Commentar. 4 Band. S. 237. Königsb. 1840.—Ευαγγελιστας, welche περιιοντες εκηρυττον, Theodoret. Gehülfs—Missionär der Apostel. S. Act. 21, 8.—W. Meyers: Kommentar. Acht. Abtheil. S. 177. Gött. 1859.

личнаго составленія Ев. исторіи, если эта исторія была извѣстна Апостоламъ и чрезъ нихъ стала уже извѣстною въ основанныхъ ими церквахъ? При Апостольской проповѣди скорѣе необходимо не должны быть такіе Евангелисты—путешественники и собиратели; потому что и безъ нихъ вѣра Христова распространялась и утверждалась; потому что чрезъ нихъ, безъ воли Апостоловъ, не могло быть ни того, ни другаго; потому что только при авторитетѣ самихъ Апостоловъ имѣла свое значеніе и проповѣдь ихъ посланниковъ или сотрудниковъ. Какая же была бы цѣль собирать разсказы о Христѣ, независимо отъ Апостольской проповѣди и передавать ихъ другимъ независимо отъ Апостольскаго авторитета,—какъ предполагаетъ теорія Эвальда?—никакая. Это тѣмъ болѣе справедливо, что „между самими Апостолами всегда могли и должны были находиться такіе, которымъ слѣдовало оставить послѣ себя изложеніе Ев. исторіи, которые могли это исполнить; такъ какъ въ кругу Двѣнадцати Апостоловъ первоначально и заключались всѣ силы и дѣятельности первенствующей церкви христіанской; такъ какъ они были всегда главными руководителями всякаго движенія въ развитіи христіанства“ [210]).

Столь же мало мнѣніе Эвальда находитъ подтвержденіе для себя въ словахъ Ап. Павла: 2 Тимоѳ. IV, 5. Здѣсь Апостолъ говоритъ своему ученику Тимоѳею: „ты будь бдителенъ во всемъ, переноси скорби, совершай дѣло благовѣстника“,—благовѣстника, но не собирателя и составителя Ев. разсказовъ,—совершай дѣло благовѣствователя Ев. проповѣди въ виду того, что „меня, говоритъ здѣсь же Апостолъ, уже приносятъ въ жертву, и время моего отшествія настало (2 Тимоѳ. IV, 5)“.—„Изъ этого мѣста (IV, 5 ст.) ясно видно, говоритъ Эвальдъ, что служеніе Евангелистовъ признавалось въ высшей степени

---

210) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 181.

близкимъ къ Апостольскому и пророческому, при томъ какъ совершенно свободное (freiwilliges)" [211]). Каково бы ни было дѣло благовѣстника въ отношеніи его къ дѣлу Апостоловъ и пророковъ—зависимое или независимое отъ того, но оно было дѣломъ благовѣствованія только, а не собиранія Ев. разсказовъ для постепеннаго составленія Ев. исторіи.

Іисусъ Христосъ „поставилъ однихъ Апостолами, другихъ пророками, иныхъ Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями", но всѣхъ сихъ—„къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова (т. е. церкви)", а не для путешествія и собиранія Ев. разсказовъ. Апостолъ далѣе прямо говоритъ: „Онъ поставилъ.... дабы мы не были болѣе младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству человѣковъ.... Вы не такъ познали Христа; потому что вы слышали о Немъ и въ Немъ научились (такъ какъ истина во Іисусѣ).... Я Павелъ сдѣлался узникомъ Іисуса Христа за васъ язычниковъ. Какъ вы слышали о домостроительствѣ благодати Божіей, данной мнѣ для васъ, потому что мнѣ чрезъ откровеніе возвѣщена тайна... которая не была возвѣщена прежнимъ поколѣніямъ сыновъ человѣческихъ, какъ нынѣ открыта Святымъ Апостоламъ... и пророкамъ Духомъ Святымъ, чтобы и язычникамъ быть сонаслѣдниками, составляющими одно тѣло и сопричастниками обѣтованія Его во Христѣ Іисусѣ посредствомъ благовѣствованія, котораго служителемъ сдѣлался и я по дару благодати Божіей, данной мнѣ дѣйствіемъ силы Его (Ефес. IV, 11—12. 14. 20—21. III, 1—3. 5—7.)".— Ясно, какой авторитетъ и какого благовѣстія указываетъ здѣсь Ап. Павелъ Ефесянамъ; очевидно,—непутешествующихъ Евангелистовъ, въ смыслѣ Эвальда, а истинныхъ Апостоловъ—Наставниковъ, вдохновленныхъ благодатію

---

211) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182. Anmerkung drit.

Св. Духа. Тотъ же Апостолъ Павелъ почти то же разумѣетъ подъ „дѣломъ благовѣстія" и въ завѣщаніи своему ученику Тимоѳею,—то именно благовѣстіе, надъ которымъ самъ трудился, на которое поставилъ его своею благодатію Іисусъ Христосъ. Приготовляясь перейти въ жизнь вѣчную, Апостолъ говорилъ Тимоѳею: „подвигомъ добрымъ я подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ (2 Тим. IV, 7)". Какимъ же подвигомъ подвизался Апостолъ?—разумѣется, подвигомъ апостольства, которое состояло собственно въ служеніи слову (Дѣян. VI, 1—6). То же дѣло онъ завѣщаетъ и Тимоѳею: „ты будь бдителенъ во всемъ, переноси скорби (слѣдовательно, подвизайся), совершай дѣло благовѣстника (2 Тим. IV, 5)". Это—подвигъ Апостола какъ благовѣстника, а не собирателя Ев. разсказовъ, какимъ не были ни Ап. Павелъ, ни ученикъ его св. Тимоѳей.

Если, такимъ образомъ, въ указанныхъ Эвальдомъ мѣстахъ Евангелія отъ Луки: X, 1—17,—Дѣяній Апостольскихъ: I, 21 и сл., посланія къ Ефесянамъ: IV, 11 и 2-го посланія къ Тимоѳею: IV, 5—нѣтъ прямаго и яснаго свидѣтельства о существованіи въ вѣкъ Апостольскій Евангелистовъ—путешественниковъ и собирателей Ев. разсказовъ, какъ предполагаетъ Эвальдъ, то слѣдуетъ, что его предположеніе недостаточно основательно и, какъ такое, ненаучно. А если такъ, то рѣшительно нельзя признать, что „въ теченіе того же времени, Апостольскаго вѣка, слѣдовалъ одинъ рядъ Евангелистовъ за другимъ [212]". Апостольская исторія не указываетъ нетолько нѣсколькихъ рядовъ, но и ни одного ряда и даже ни одного такого Евангелиста, который бы собиралъ Ев. разсказы, путешествуя для этой цѣли по разнымъ мѣстамъ Палестины. А потому, конечно, не можетъ быть ни характеристики, ни сравненія однихъ Евангелистовъ съ другими,

---

212) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182.

какъ это сильно желаетъ сдѣлать и опредѣленно признать Эвальдъ. Онъ говоритъ: „изъ того же времени мы получаемъ Евангелистовъ уже втораго рода—дѣятельнаго. Это основывается на свидѣтельствѣ предисловія къ Евангелію отъ Луки, которое читается такъ: „уже многіе начали составлять повѣствованія о совершенно извѣстныхъ между нами событіяхъ, какъ предали намъ то бывшіе съ самаго начала очевидцами и служителями слова... (I, 1.)“. Изъ первой половины этого предисловія ясно, что тогда уже были такіе люди, которые почитались первыми, живыми источниками Евангельскихъ воспоминаній. Они были очевидцами и слугами слова, именно Евангелія, которое здѣсь еще по обороту рѣчи, употреблявшемуся въ вѣкъ Апостольскій, было названо словомъ Божіимъ, или короче словомъ [213]). Выраженіе „слово“ (λογος), которое, конечно, само собою могло означать также и Слово Божіе Ветхаго Завѣта, но которое тогда, когда сила Слова Божія въ устахъ Христа была еще совершенно свѣжа, могло довольно ясно, хотя и не строго точно, означать то же, что и Евангеліе. Здѣсь подразумѣваемые очевидцы-свидѣтели были таковыми въ отношеніи именно къ этому слову: оно стало первымъ условіемъ достовѣрности ихъ свидѣтельства. Но эти мужи служили этому слову съ болѣе опредѣленнымъ участіемъ, именно при его распространеніи, хотя бы то были Апостолы или только Евангелисты“ [214]). Изъ словъ Ев. Луки, на которыя указываетъ Эвальдъ, очевидно только, что главнымъ условіемъ достовѣрности Евангельскаго повѣствованія признавалось устное преданіе Апостоловъ, какъ служителей слова, т. е. Евангелія. Отсюда прямо слѣдуетъ, что Апостолы сами знали Ев. исторію и другихъ учили оной; а при этомъ для нихъ не требовались

---

213) Ср: Лук. Ев: V, I. VIII, 11—21. XI, 28; Дѣян. IV, 4. 31. VI, 2. 4. 7. VIII, (4) 14. 25. X, 44. XI, 1. 19. XII, 24. XIII, 5. 7. Апокал. X, 7. XIV, 6 и под.

214) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 183.

еще Евангелисты, которые бы путешествовали по разнымъ мѣстамъ Палестины съ цѣлію собирать Ев. разсказы и составлять Ев. исторію. Такая цѣль ихъ могла быть достигнута и безъ путешествій, при болѣе удобномъ и вѣрномъ средствѣ. Ев. исторія твердо хранилась въ памяти Апостоловъ, и—только Апостольское преданіе было достовѣрно, потому что Апостолы, какъ служители слова, знали исторію Христа съ самаго ея начала.—Но, можетъ быть, подъ очевидцами и служителями слова Ев. Лука разумѣетъ не Апостоловъ только. По Эвальду—„общее выраженіе „служители слова"—показываетъ, что Евангелистовъ было болѣе, нежели только двѣнадцать; оно указываетъ и на позднѣйшихъ дѣятелей по составленію Ев. исторіи, которыхъ Ев. Лука въ другихъ мѣстахъ своихъ писаній довольно ясно различаетъ (Лук. X, 1—17. Дѣян. I, 21 и сл.). За первымъ рядомъ Евангелистовъ слѣдовалъ другой, въ которомъ были многіе Евангелисты-писатели, какъ и самъ Ев. Лука" [215]). Напрасно Эвальдъ указываетъ на общность выраженія „очевидцы-свидѣтели и служители слова". Это выраженіе точно и понятно замѣняетъ собою выраженіе „Двѣнадцать Апостоловъ", потому что въ первенствующей христіанской церкви только Двѣнадцать признавались „съ самаго начала очевидцами и служителями слова", какъ это видно изъ Книги Дѣяній Апостольскихъ (I, 21—22). Ап. Петръ, при избраніи Матѳея въ число Двѣнадцати Апостоловъ, говорилъ: „надобно, чтобы одинъ изъ тѣхъ, которые находились съ нами во все время, когда пребывалъ и обращался съ нами Господь Іисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся отъ насъ, былъ вмѣстѣ съ нами свидѣтелемъ воскресенія Его (Дѣян. I, 21—22)". Только такіе свидѣтели и были впослѣдствіи служителями слова. Евангелистъ и Дѣеписатель Лука по-

---

215) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 183—184.

вѣствуетъ, что Двѣнадцать Апостоловъ, при избраніи семи діаконовъ, обратились къ множеству своихъ учениковъ съ такими словами: „братія, выберите изъ среды себя семь человѣкъ извѣданныхъ, исполненныхъ Св. Духа и мудрости; ихъ поставимъ на сію службу (т. е. пещись о столахъ). А мы постоянно пребудемъ въ молитвѣ и служеніи слова (Дѣян. VI, 3—4; ср. 2)". Какъ эти семь человѣкъ, избранные на служеніе при столахъ, назывались діаконами и съ этимъ названіемъ были опредѣленно извѣстны въ первенствующей церкви; такъ и Апостолы по своему специальному „служенію слова" были извѣстны какъ именно „служители слова"; это ихъ опредѣленное и собственное, а не общее съ другими, названіе.

Если же служителями слова, какъ и очевидцами всей жизни Господа отъ самаго ея начала были собственно и только Двѣнадцать Апостоловъ (Дѣян. I, 21—22. VI, 4), а другіе Евангелисты проповѣдывали и письменно излагали Евангеліе только по преданію этихъ очевидцевъ и служителей, какъ ихъ сотрудники и ученики (Дѣян. VI, 2 и Лук. I, 1—2): то предположеніе Эвальда о путешествующихъ Евангелистахъ, собирающихъ Ев. разсказы независимо отъ Апостольскаго преданія и постепенно составляющихъ Ев. исторію, слѣдуетъ признать рѣшительно неосновательнымъ и неоправданнымъ историческими свидѣтельствами.—На-оборотъ, историческое свидѣтельство, заключающееся въ предисловіи къ Евангелію отъ Луки, даетъ полное основаніе отрицать предположеніе теоріи объ особеннаго рода Евангелистахъ.—

Въ самомъ дѣлѣ, если Двѣнадцать Апостоловъ, независимо отъ другихъ еще Евангелистовъ, дѣйствительно могли быть и были „источниками" всякаго воспоминанія объ Іисусѣ, даже главными „источниками"; то образованіе и составленіе трехъ первыхъ каноническихъ Евангелій не предполагаетъ еще многихъ другихъ особыхъ источниковъ, которые должны были бы явиться результа-

томъ многихъ путешествій и розысковъ, совершенныхъ другими различными Евангелистами. Даже и такое, сравнительно позднее и болѣе полное изложеніе Ев. исторіи, какое находится въ Евангеліи отъ Луки, составлено на основаніи преданія служителей слова, т. е. Двѣнадцати Апостоловъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самое предисловіе этого Евангелія,—свидѣтельство самое вѣроятное и по мнѣнію Эвальда (geschichtlicher Zeugniss).

Если же происхожденіе и образованіе матеріи Ев. исторіи не требовало для себя особыхъ Евангелистовъ, кромѣ Двѣнадцати Апостоловъ; то, по теоріи Эвальда, сохраненіе до времени и распространеніе Евангелія необходимо требовало особыхъ Евангелистовъ, кромѣ Двѣнадцати Апостоловъ. Это требованіе имѣетъ значеніе только по отношенію къ условіямъ распространенія Евангелія внѣ Палестины; а сохраненіе Евангелія, какъ устнаго и какъ письменнаго слова, рѣшительно не требуетъ спеціальныхъ для того Евангелистовъ, потому что вся матерія Ев. исторіи твердо сохранялась въ памяти или самихъ же Двѣнадцати Апостоловъ или даже весьма многихъ другихъ членовъ церкви, учениковъ Апостольскихъ, но не Евангелистовъ въ смыслѣ теоріи Эвальда.

Почему же требовались особые, кромѣ Двѣнадцати, Евангелисты при распространеніи Евангелія ?—Потому, отвѣчаетъ теорія, что для распространенія Евангелія и религіи Христовой нужны были такія необходимыя средства, которыми (будто-бы) не обладали Апостолы, а именно: искусство рѣчи и знаніе иностранныхъ языковъ,— чѣмъ въ совершенствѣ владѣли Евангелисты—сотрудники Апостоловъ.—„Способность и искусство (Geschicklichkeit) рѣчи были, конечно, всегда главными потребностями Евангелиста, былъ ли онъ дѣятельнымъ самъ по себѣ, или сопровождалъ особенно уважаемыхъ благовѣстниковъ. Когда Ап. Павелъ, при своемъ самомъ раннемъ путешествіи, какъ спутникъ старѣйшаго Апостола Варнавы, былъ почтенъ язычниками за бога Меркурія (Дѣян. XIV, 12);

то онъ былъ тогда въ качествѣ Евангелиста самаго ранняго времени, не имѣя первенствующаго значенія, но соединяя высшую любовь къ Евангелію съ высшимъ искусствомъ рѣчи (Redefertigkeit) и неутомимую дѣятельность. Какъ чистый первообразъ самыхъ раннихъ Евангелистовъ, является въ Апостольской исторіи еще Іоаннъ Маркъ, сынъ нѣкоторой набожной вдовы въ Іерусалимѣ, жившій тамъ около времени распятія Христова еще какъ дитя; а впослѣдствіи онъ является въ качествѣ спутника Апостоловъ Варнавы и Павла, за тѣмъ—только одного Варнавы и, наконецъ, толкователемъ (Dolmetscher) Ап. Петра, въ его далекихъ путешествіяхъ, и былъ любимъ послѣднимъ, какъ сынъ (по свидѣтельству 1 Петр. V, 13 и Отцевъ церкви)" 216). Однако, въ этихъ примѣрахъ Евангелистовъ—проповѣдниковъ и толкователей совсѣмъ не видно, чтобы „искусство рѣчи было для нихъ всегда главною потребностію". Былъ ли Ап. Павелъ Евангелистомъ ранняго времени потому, что имѣлъ хорошій даръ слова, или этотъ даръ слова былъ для него„ всегда главною потребностію", это не находитъ себѣ объясненія въ указанномъ примѣрѣ. Ни изъ того, ни изъ другаго примѣра не видно—почему безъ особеннаго дара, съ обыкновенною рѣчью, не могъ, напримѣръ, Ап. Павелъ быть Евангелистомъ—проповѣдникомъ или распространителемъ христіанства?—Самъ Ап. Павелъ говорилъ, что когда онъ приходилъ къ Коринѳянамъ, то приходилъ возвѣщать (καταγγελλων) имъ свидѣтельство Божіе не въ превосходствѣ слова или мудрости... Слово и проповѣдь его были не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы (1 Кор. II, 1 и 4 ст.). Онъ благовѣствовалъ (ευαγγελιζεσθαι) не въ премудрости слова (ουκ εν σοφια λογου), чтобы не упразднить креста Христова (1 Кор. I, 17 ст.). Достаточно-важное основаніе для простоты слова

216) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 184.

и столько же важное свидѣтельство высказываетъ здѣсь самъ Ап. Павелъ противъ того мнѣнія, будто бы ему, какъ Евангелисту перваго времени, всегда и главнымъ образомъ требовалось искусство рѣчи (σοφια λογου?). И понятно слово Апостольское: не внѣшнее краснорѣчіе, σοφια λογου, а искреннее чувство вѣры и любви христіанской требовались для распространенія ученія Христова и утвержденія церкви Его; вѣра и любовь святыхъ Апостоловъ, при всей простотѣ ихъ сердца, покорили міръ,— въ простотѣ слова, а не въ мудрости слова (ουκ εν σοφια λογου) возвѣщалось Евангеліе Апостолами, служителями слова (το Ευαγγελιον).

Даже и тамъ, гдѣ обыкновенно употребляется искусство рѣчи,—при письменномъ изложеніи устнаго слова,— Евангелисты отличаются необыкновенной простотой повѣствованія. Это очевидно для прямаго взгляда на каждое изъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій. Самое сходство ихъ въ общемъ планѣ повѣствованія и въ изложеніи отдѣльныхъ разсказовъ ясно свидѣтельствуетъ только о намѣреніи Евангелистовъ передать Евангельскую исторію по возможности точно и въ порядкѣ самой исторической послѣдовательности Ев. событій: здѣсь нѣтъ признаковъ сравнительно большаго или меньшаго искусства исторіографіи. Такой характеръ изложенія Евангельской исторіи вполнѣ согласуется съ историческими свидѣтельствами о происхожденіи синоптиковъ. Напримѣръ, одно изъ нихъ говоритъ: Евангелистъ „Маркъ, истолкователь Ап. Петра, съ точностію записалъ, сколько запомнилъ, то, чему училъ и что творилъ Христосъ, хотя и не по порядку (ȣ μεντοι ταξει)... Впослѣдствіи, правда, онъ былъ съ Петромъ, но Петръ излагалъ ученіе съ цѣлію удовлетворить нуждамъ слушателей, а не съ тѣмъ, чтобы бесѣды Господни передавать по порядку. Посему Маркъ нисколько не погрѣшилъ, описывая нѣкоторыя событія такъ, какъ припоминалъ ихъ; онъ заботился только о томъ, какъ бы не пропустить чего нибудь слышаннаго, или не

переиначить“ [217]). Такъ поступалъ Евангелистъ и толкователь (Dolmetscher) Маркъ, на котораго Эвальдъ указываетъ, какъ на „чистый первообразъ Евангелистовъ ранняго времени“. Очевидно,—по самому древнему свидѣтельству пресвитера Іоанна, со словъ котораго такъ говоритъ о Ев. Маркѣ св. Папій, еп. Іерапольскій,—что Евангелисты—толкователи (Dolmetscher) или сотрудники Апостоловъ въ дѣлѣ распространенія христіанскаго ученія, не употребляли никакого искусства рѣчи, какъ ораторскаго средства—словеснаго витійства: они толковали то, что было проповѣдано въ томъ или другомъ мѣстѣ тѣмъ или другимъ Апостоломъ, или сами проповѣдывали въ качествѣ Апостольскихъ учениковъ и сотрудниковъ. Если же они иногда обращали особенное вниманіе слушателей къ своему слову, то отнюдь не витіеватостію рѣчи, а ея глубочайшимъ содержаніемъ,—святостію истинъ и божественнымъ авторитетомъ Ев. проповѣди. Такъ, напримѣръ, Ап. Павелъ и Варнава въ городѣ Листрѣ обратили своей проповѣдію особенное вниманіе слушателей, которые признали ихъ за боговъ, но—тогда, когда Ап. Павелъ исцѣлилъ хромаго отъ рожденія (Дѣян. XIV, 7—12). Ни откуда не видно, чтобы подобный успѣхъ проповѣди зависѣлъ именно отъ искусства рѣчи.

Кромѣ искусства рѣчи, для Евангелиста-распространителя христіанскаго ученія, по Эвальду, необходимо требовалось еще знаніе иностранныхъ языковъ. „Мало, говоритъ Эвальдъ, можно сомнѣваться въ томъ, что Евангелистъ, какъ скоро онъ желалъ дѣйствовать внѣ Священной Земли, долженъ былъ по возможности скоро усвоить себѣ чужеземный языкъ: иначе онъ не могъ бы достигнуть своего назначенія (Beruf). Примѣрами этого служатъ Евангелисты Маркъ и Лука, оба знавшіе европейскій языкъ (т. е. греческій) такъ совершенно, какъ зна-

---

217) У *Евсевія* Кесар. Церк. Исторія. III, 39.

-ли въ ихъ время немногіе изъ христіанъ. Это, можно сказать, прежде всего были Евангелисты, благодаря заслугамъ которыхъ, столь рано и столь основательно повсюду было распространено христіанство. Самъ Ап. Павелъ сначала былъ такимъ же Евангелистомъ, хотя имъ прежде овладѣло еще высшее стремленіе, которое потомъ находило въ немъ только наивысшую помощь (Oberhand), такъ что и ему самому опять служили толкователи (Dolmetscher) и Евангелисты" [218]).—Заслуги спутниковъ и сотрудниковъ Апостольскихъ не были такъ велики, какъ представляетъ это Эвальдъ; иначе дѣло Апостоловъ слѣдовало бы признать дѣломъ ихъ помощниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и то, что сами Апостолы не были служителями слова: такъ какъ, по теоріи, они не могли распространять Евангеліе внѣ Священной Земли, потому что не знали чужеземныхъ языковъ [219]). Но какъ при этомъ смотрѣть на Ап. Павла, потрудившагося болѣе другихъ Апостоловъ для распространенія Евангелія? Эвальдъ и Ап. Павла ставитъ въ рядъ Евангелистовъ-толкователей, не замѣчая того, что такъ онъ становится въ прямое противорѣчіе съ своимъ мнѣніемъ. Евангелисты по своему языкознанію нужны были Апостоламъ при распространеніи христіанства; но Апостолы сами были распространителями христіанства, какъ, напримѣръ, Ап. Павелъ и другіе.—

По теоріи Эвальда, Евангелисты-толкователи необходимо были нужны для Апостоловъ; безъ нихъ Апостолы не могли (будто-бы) распространять христіанства; потому что для этого требовалось знаніе иностранныхъ языковъ, которымъ Апостолы не владѣли.—Но Апостолы,

---

218) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 185.

219) Насколько были самостоятельны спутники Апостоловъ въ своей дѣятельности, это можно видѣть въ изслѣдованіи о дѣятельности св. Тимоѳея, спутника Ап. Павла.—Образованіе канона св. книгъ *А. В. Горскаго*. Прибавл. къ твор. Св. О. Москва. 1871.

которые распространяли христіанство внѣ Священной земли, сами знали чужеземные языки. Ап. Павелъ, во время своихъ путешествій, не имѣлъ при себѣ спутниковъ, но онъ также, если не лучше, зналъ греческій языкъ, какъ и тѣ. Напримѣръ, св. Тимоѳей, спутникъ Ап. Павла, былъ сынъ Еллина, зналъ, конечно, греческій языкъ; но, судя по дѣятельности самого Тимоѳея и Апостола Павла, слѣдуетъ признать, что и самъ Апостолъ, и его сотрудникъ были вмѣстѣ отнюдь не потому, что не одинаково хорошо знали греческій языкъ (Дѣян. XVI, 1—6 и дал.).

Но могли ли всѣ Двѣнадцать Апостоловъ обойтись безъ особыхъ спутниковъ-евангелистовъ при распространеніи христіанства внѣ Священной Земли и насколько велики были заслуги этихъ спутниковъ Апостольскихъ? Это опредѣляется свѣдѣніемъ о томъ, на какомъ изъ иностранныхъ языковъ должны были и какъ могли говорить сами Апостолы—Палестинскіе Евреи; этимъ же опредѣляется и мѣра трудностей самостоятельнаго Апостольскаго распространенія вѣры Христовой внѣ Священной Земли.

—„Совершенно напрасно принимаютъ, говоритъ Эвальдъ, что Христосъ возвѣщалъ свое Евангеліе по частямъ и по собственному выбору на греческомъ языкѣ: само собою ясно, что только общепонятный языкъ страны могъ послужить Его цѣли; и Ему не было никакого побужденія употреблять при томъ еще какой либо другой" [220]). Очевидно, Эвальдъ игнорируетъ нѣкоторые факты изъ жизни Христа, свидѣтельствующіе о томъ, что Онъ долженъ былъ иногда употреблять и греческій языкъ,—напримѣръ, когда Господь разговаривалъ съ Сирофиникіянкою, которая называется ελληνις (Мр. VII, 26), съ языческимъ сотникомъ (Мѳ. VIII, 5), съ Пилатомъ, съ Елли-

220) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 185.

нами (Іоан. XII, 20—22) и пр. Много случаевъ представлялось Спасителю говорить по-гречески и въ Галилеѣ, которая въ тотъ вѣкъ была населена большею частію язычниками Еллинами. „Если же, продолжаетъ Эвальдъ, иногда и употреблялъ Господь иной, именно греческій языкъ, то слѣды этого употребленія очень незначительны. Въ доказательство того, что во время земной жизни Христа греческій и латинскій языки были очень обыкновенными въ Палестинѣ, обыкновенно ссылаются на Пилатову трехъязычную надпись на крестѣ Христа (Іоан. XIX, 29 и сл.) и двухъязычную Пальмирскую, но эти надписи показываютъ только, что тогда языкъ страны не былъ языкомъ ея правителей (Herrscher). Всѣ слѣды скорѣе показываютъ то, что Іисусъ со Своими (Апостолами) употреблялъ языкъ страны, выражаясь приблизительно такъ, какъ въ то время говорили въ Галилеѣ, причемъ онъ могъ быть довольно понятенъ также и во Іерусалимѣ [221])". Но въ томъ и дѣло—какой же былъ этотъ отечественный и въ-частности Галилейскій языкъ во время Спасителя?—Эвальдъ рѣшительно опредѣляетъ, что это былъ „еврейскій или точнѣе арамейскій; потому что прямо въ тѣхъ же первенствующихъ христіанскихъ писаніяхъ, которыя мы, говоритъ Эвальдъ, находимъ въ древнѣйшія времена, оставались еврейскія слова какъ священныя, по особенному обаянію ихъ, и противостояли чуждому вліянію" [222]). Но можно сказать, что это—такіе же незначительные слѣды еврейскаго языка, какими прежде самъ Эвальдъ признавалъ слѣды греческаго. Если же слѣды греческаго и еврейскаго языковъ, оставшіеся въ Священныхъ Новозавѣтныхъ книгахъ, одинаковы, то по

---

221) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 185.

222) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 186. Слѣды Еврейскаго языка находятся напримѣръ въ Ев. отъ Мѳ: V, 22; XXIII, 7 и сл. Мр. V, 41; VII, 34; XV, 34; III, 17; IX, 5; XI, 21; XIV, 45. (X, 51); 1 Кор. XVI, 21; Гал. IV, 6; Рим. VIII, 15; Мр. XIV, 36 ст.—

нимъ нельзя опредѣлить и того, какой именно былъ языкъ, на которомъ говорили Христосъ и Его Апостолы въ Палестинѣ,—нельзя утверждать и того, что Христосъ не имѣлъ никакихъ побужденій говорить по-гречески, если еще неизвѣстно—какой языкъ былъ въ то время болѣе распространенъ въ Палестинѣ: нельзя, по крайней мѣрѣ, на этихъ основаніяхъ, и—тѣмъ болѣе, если самъ же Эвальдъ признаетъ, что еврейскія слова „остались въ каноническихъ Евангеліяхъ только какъ священныя, по особому ихъ обаянію".—

По Эвальду,—„весьма пространное и столь же неопровержимое доказательство того мнѣнія, что во время Іисуса Христа (въ Палестинѣ) разговорный языкъ былъ арамейскій, лежитъ въ греческомъ языкѣ нашихъ настоящихъ Евангелій (каноническихъ). Этотъ греческій языкъ имѣетъ болѣе или менѣе еврейскую окраску и, какъ кажется, такая окраска его признавалась существенно принадлежащею разсказамъ Ев. исторіи, и не только въ числѣ нѣсколькихъ прибавочныхъ (eingestreuten) словъ, но должна была проникать все содержаніе и поддерживать тонъ рѣчи; она давалась, такъ сказать, вмѣстѣ съ біеніемъ сердца и обусловливалась внутреннею жизнію Евангелистовъ. Напрасно думаютъ, продолжаетъ Эвальдъ, что эта окраска явилась отъ того, что первые христіанскіе писатели (Евангелисты) недостаточно понимали греческій языкъ: скорѣе и такіе авторы, которые даже хорошо могли писать по-гречески, должны были удерживать болѣе или менѣе такую окраску языка; такъ какъ Ев. Лука, по ясному свидѣтельству его предисловія (къ Евангелію) и по другимъ признакамъ, дѣйствительно могъ правильно и хорошо писать по-гречески и въ послѣднихъ частяхъ своей Книги Дѣяній Апостольскихъ дѣйствительно употребляетъ настоящій (безъ гебраизмовъ) греческій языкъ; но гдѣ онъ излагаетъ собственно Евангельскую исторію или самыя раннія дѣянія Апостоловъ,

тамъ подчиняется священной еврейской окраскѣ языка" [223]). Однако еврейская окраска греческаго языка каноническихъ Евангелій не показываетъ того, что первые христіанскіе писатели и Евангелисты-разскащики недостаточно понимали греческій языкъ; такъ какъ еврейскія слова принимались въ греческій текстъ какъ священныя. Если же еврейская окраска греческаго языка Евангелій имѣетъ только такое значеніе, то она рѣшительно не доказываетъ, что Христосъ и Его Апостолы пользовались еврейскимъ или арамейскимъ языкомъ.— Напротивъ, греческій языкъ былъ въ употребленіи, но съ примѣсью еврейскаго, или арамейскаго, какъ священнаго,—подобно тому, какъ это бываетъ, напримѣръ, и во всякой проповѣди, составленной на извѣстномъ господствующемъ языкѣ съ намѣреннымъ или ненамѣреннымъ употребленіемъ священныхъ словъ и фразъ, напримѣръ, въ русскомъ языкѣ—славянскихъ. Слѣдовательно, въ употребленіи еврейскихъ словъ въ Евангеліяхъ нѣтъ доказательства, что Христосъ и Апостолы говорили или только на греческомъ, или только на еврейскомъ; а есть только свидѣтельство, что Они говорили и на томъ, и на другомъ, или на смѣшанномъ греческо-арамейскомъ,—то болѣе на арамейскомъ, то на греческомъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ и мѣстамъ, гдѣ и когда были и говорили.

Такъ, языкъ Христа и Апостоловъ былъ особеннымъ по отношенію и къ арамейскому и греческому въ чистомъ ихъ видѣ. Особенность этого языка признаетъ и самъ Эвальдъ.—„Мы, говоритъ авторъ теоріи, должны сказать, что вмѣстѣ съ Ев. исторіей произошелъ совершенно особенный родъ языка ея разсказовъ; онъ произошелъ изъ полно-таинственныхъ нѣдръ самаго перваго и тѣснаго христіанскаго общества (Апостоловъ и сотрудниковъ ихъ), и въ послѣдующее время тверже и тверже опредѣ-

223) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 186—187.

лялся“ [224]).— Какая же особенность языка Ев. исторіи и почему онъ не могъ послужить средствомъ при распространеніи христіанства внѣ Палестины?—„потому что новый языкъ, по мнѣнію Эвальда, составился изъ дотолѣ господствовавшаго Галилейскаго языка страны, соединеннаго съ особой окраской словъ Христа и видоизмѣненнаго подъ вліяніемъ Его мысли и чтенія Св. книгъ Ветхаго Завѣта“ [225]). Слѣдовательно, это былъ особый языкъ, но неизвѣстно какой именно: онъ былъ Галилейскій; но неизвѣстно въ чемъ состояла особенность этого Галилейскаго языка. Онъ былъ видоизмѣненъ подъ вліяніемъ чтенія Ветхозавѣтнаго Св. Писанія и собственной мысли Іисуса Христа; но неизвѣстно, въ чемъ состояла особенность этого видоизмѣненнаго Галилейскаго языка въ сравненіи его съ священнымъ арамейскимъ и эллинистическимъ. Однако, этотъ новый языкъ или языкъ Новозавѣтнаго Св. Писанія, по мнѣнію Эвальда, не могъ быть эллинистическимъ, и вслѣдствіе этого, Апостолы, какъ Галилеяне, не могли распространять христіанства внѣ Палестины,—не зная греческаго языка, распространеннаго въ то время во всей Римской Имперіи и въ Малой Азіи. Понятно, такая неправильность вывода Эвальда изъ его соображеній состоитъ въ сущности въ томъ, что онъ, не опредѣляя точно особенности Галилейскаго языка, несправедливо заключаетъ, что Апостолы, какъ Галилеяне, не могли говорить по-гречески, и потому (будто-бы) необходимо должны были имѣть при себѣ помощниковъ—особыхъ Евангелистовъ при распространеніи христіанства внѣ Священной земли.

Если же, по мнѣнію Эвальда, всякій Евангелистъ, желавшій дѣйствовать внѣ Священной земли, долженъ былъ по возможности скорѣе усвоить себѣ иностранный языкъ,

---

224) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 187.
225) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 187.

именно греческій, какъ самый распространенный, а для незнающаго и неусвоившаго этотъ языкъ требовался необходимо переводчикъ; то такой переводчикъ могъ явиться конечно только въ самой же Палестинѣ. Отсюда естественно возникаетъ вопросъ,—былъ ли во время Іисуса Христа въ Палестинѣ распространенъ греческій языкъ такъ, что Апостолы могли говорить по-гречески?—Несомнѣнно вѣрнымъ признается многими изслѣдователями, что въ Палестинѣ, какъ и въ другихъ провинціяхъ Римской Имперіи, въ вѣкъ Октавіана Августа, кромѣ языка страны (Landsprache), былъ распространенъ языкъ греческій [226].

Еще за-долго до Рождества Христова, Греки посѣщали Востокъ и распространяли здѣсь свой языкъ. По свидѣтельству Полигистора и Абидена, Греки при Сеннахиримѣ вторглись въ Киликію и были имъ разбиты [227], По свидѣтельству Страбона, братъ поэта Алкея, современника Навуходоносора, приходилъ въ Вавилонъ [228]. Клеархъ, ученикъ Аристотеля, свидѣтельствуетъ объ одномъ Евреѣ, жившемъ въ Нижней Сиріи, который, по его словамъ, былъ нетолько по языку, но и въ душѣ су-

---

226) Извѣстно, говоритъ *Э. Ренанъ*, что всѣ первоначальные памятники христіанства, которые дошли до насъ, даже Евангеліе Св. Матеея, не смотря на общераспространенное прежде мнѣніе, были написаны на греческомъ языкѣ. Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ видно, что Галилея имѣла языкъ весьма отличный отъ языка жителей Іерусалима... Первые ученики Христа были урожденцы Галилеи и Самаріи, двухъ странъ, попреимуществу населенныхъ иностранцами,—странъ, которыя по отношенію къ языку такъ же, какъ и ортодоксіи пользовались плохой репутаціей въ Іерусалимѣ, который отличался отъ тѣхъ и по языку, и по ортодоксальной чистотѣ. E. Renan: L' Histoir gentrale et system comparé des langues semitiqes. Paris. 1858. p. 223—225.

227) Apud Eyseb. Chronic. I. I. c. V, I et IX, I.

228) L. XIII, p. 917. Ed. Iansonii. 1707.—У *В. Потапова*: О книгѣ св. пр. Даніила. Москва. 1868. Стр. 71.

щій грекъ [229]). К. Курцій разсказываетъ, что въ Персидскомъ войскѣ, вышедшемъ противъ Александра Македонскаго, находилось одно изъ греческихъ по происхожденію племенъ, переселившееся нѣкогда къ Мидянамъ, но уже выродившееся [230]). Со времени похода Александра Македонскаго въ Азію, Греки и ихъ языкъ проникли далеко на Востокъ, и особенно распространились въ Малой Азіи, Сиріи и Египтѣ.—Съ этими данными вполнѣ согласно и свидѣтельство Св. писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Еще со временъ пр. Исаіи Галилея называлась языческою, Γαλιλαια των εθνων, gelil haggoim (Ис. VIII, 23); потомъ во времена Маккавеевъ она называлась „Галилея иноплеменниковъ", Γαλιλαια αλλοφυλων (I Мак. V, 15), и во времена Христа „Галилея языческая", Γαλιλαια των εθνων (Мѳ. IV, 15). Кромѣ того, Іудейскій историкъ Іосифъ Флавій по крайней мѣрѣ два города Десятоградія—Гадару и Гиппосъ называетъ греческими, Ελληνιδες πολεις [231]).

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ распространеніи Грековъ въ Сиріи и въ Палестинѣ, а въ частности въ Галилеѣ, какъ до Рождества Христова, такъ и послѣ, былъ распространенъ и греческій языкъ. Ко времени жизни Спасителя Ветхозавѣтное Св. писаніе въ Палестинѣ читалось на греческомъ языкѣ, иногда даже только на одномъ греческомъ. Передаютъ фактъ, что нѣкто „Равви Левій пошелъ въ Кесарію и услышавъ, что Евреи шестую главу изъ книги Второзаконія читаютъ на-изустъ по-гречески, хотѣлъ имъ запретить; но Равви Іосія, замѣтивъ это, ска-

229) *С. Смирнова*: Филологическія замѣчанія о языкѣ Новозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ при чтеніи посланія Ап. Павла къ Ефесеямъ. М. 1873. Предисл. стр. VIII—IX.

230) *В. Потапова*: О книгѣ пр. Даніила, стр. 71.

231) Antiqvit. XVII, 11, 4. См. у Böhl's: Forschungen nach einer Volksbibel zur Zeit Iesu. Wien. 1873. S. 9—10.

залъ съ гнѣвомъ: кто не можетъ усвоить себѣ чтенія по-еврейски (въ Кесаріи Палестинской!), ужели онъ совсѣмъ не долженъ читать на-изустъ изъ Писанія ? Пусть онъ твердитъ Писаніе на томъ языкѣ, который понимаетъ; онъ такимъ образомъ исполнитъ свой долгъ". Іосифъ Флавій, родомъ Іерусалимлянинъ, былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ греческаго языка и, какъ самъ свидѣтельствуетъ, изучилъ его грамматически; сочиненіе свое „о войнѣ Іудейской" онъ написалъ на арамейскомъ языкѣ, а потомъ самъ перевелъ его на греческій [232]). Подобно тому, Ев. Матѳей написалъ свое Евангеліе первоначально по-еврейски или арамейски, а потомъ, вѣроятно, самъ же перевелъ его на греческій языкъ, хотя первоначально оно назначалось для Евреевъ [233]). Всѣ другія каноническія писанія Новаго Завѣта написаны тоже по-гречески [234]). Это все показываетъ, что греческій языкъ въ вѣкъ Христа и Его Апостоловъ былъ очень распространеннымъ въ Палестинѣ. А потому, вѣроятно, и Апостолы могли и должны были знать и говорить по-гречески. Эмому можно указать и фактическое подтвержденіе. Книга Дѣяній Апостольскихъ повѣствуетъ, что Ап. Павелъ, по случаю возмущенія противъ него жителей Іерусалима, былъ скованъ по повелѣнію тысяченачальника, какъ возмутитель народа. Тысяченачальникъ спрашивалъ его, кто онъ и что сдѣлалъ? Павелъ, желая оправдаться, сказалъ тысяченачальнику: „можно ли мнѣ сказать тебѣ нѣчто? А тотъ сказалъ: ты знаешь по-гречески? Такъ не ты ли тотъ Египтянинъ, который предъ сими днями произвелъ воз-

232) *С. Смирнова:* Филологическія замѣчанія. Стр. VIII—IX.

233) Объ этомъ свидѣтельствуютъ древнѣйшіе Отцы церкви: напримѣръ, Ириней, еп. Ліонскій: Adv. haer. III, 1; у Евсевія: Hist. eccl. V, 8.

234) Ср. Renan: L'Histoir des langues semitiques. Paris. 1858. p. 223—225.

мущеніе?... Павелъ же сказалъ: я іудеянинъ, Тарсянинъ... позволь мнѣ говорить къ народу", т. е., оправдательную рѣчь. Когда же тотъ позволилъ, Павелъ...."началъ говорить на еврейскомъ языкѣ", очевидно,—такъ потому, что изъ его греческой рѣчи тысяченачальникъ и народъ заключили, что онъ Египтянинъ,—Египетскій іудей или Эллинистъ-возмутитель. Павелъ, оправдываясь предъ іудеями въ томъ, что онъ не возмутитель-Эллинистъ, началъ говорить по-еврейски. Когда они услышали оправданіе его на еврейскомъ языкѣ, еще болѣе утихли. Еврейская рѣчь Апостола въ данномъ случаѣ много значила особенно потому, что въ то время былъ очень сильно распространенъ въ Іудеѣ языкъ греческій. Павелъ, говоря такъ, дѣйствительно могъ доказать іудеямъ, что онъ не эллинистъ, а такой же іудей, ревностный въ законѣ, какъ и они,—могъ, ибо говорилъ какъ іудей, на священномъ языкѣ, какъ обыкновенно мало употреблявшемся въ Іудеѣ (Дѣян. XXI, 31—40. XXII, 1—3). Въ томъ, что Ап. Павелъ говорилъ эту рѣчь къ іудеямъ въ Іерусалимѣ на еврейскомъ языкѣ, содержится прямое указаніе, что обыкновенная рѣчь произносилась не по-еврейски, а, разумѣется, по-эллински, или на еврейскомъ, который былъ перемѣшанъ съ греческимъ въ видѣ разныхъ діалектовъ, такъ сильно, что діалектъ, напримѣръ, галилейскій нелегко понимали собственно іудеи [235]). Эллинизованный еврейскій языкъ въ разныхъ мѣстахъ Палестины склонялся то болѣе къ арамейскому, то болѣе къ греческому, впрочемъ, такъ, что жители разныхъ мѣстъ Палестины могли понимать другъ друга и даже говорить какъ на арамейскомъ, такъ и на грецескомъ-Палестинскомъ. Если

---

235) Въ самой Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ этотъ фактъ представляется исключительнымъ и потому сопровождается замѣчаніемъ, что» «эту рѣчь, т. е. къ іудеямъ, Ап. Павелъ сказалъ на Еврейскомъ языкѣ»; а другія, разумѣется, онъ говорилъ по-гречески: для чего было бы замѣчать это, если Ап. Павелъ и другія рѣчи говорилъ по-есрейски?...

жители Іерусалима, Кесаріи, Виѳсаиды, Капернаума и другихъ подобныхъ городовъ знали греческій языкъ,—понимали и говорили по-гречески; то и Апостолы, какъ жители именно Виѳсаиды, Капернаума, Іерусалима и другихъ городовъ Палестины, конечно, говорили по-гречески. Правда, они были изъ людей простыхъ, неученыхъ, αγραμματοι και ιδιωται, промысломъ большею частію рыбари; но кому же и знать практически греческій языкъ въ Галилеѣ, какъ не промышленникамъ Капернаума и Виѳсаиды, рыбарямъ Галилейскаго озера,—Апостоламъ? Они были людьми не книжными, αγραμματοι, но они знали греческій языкъ не грамматически или литературно, какъ знали его, напримѣръ, Ап. Павелъ, Іосифъ Флавій и др.: имъ знакомъ былъ непосредственно общеупотребительный въ ихъ странѣ, прямо разговорный, греческій языкъ. Судя по промыслу, коимъ занимались Апостолы до своего призванія, должно предположить скорѣе, что имъ непремѣнно нуженъ былъ именно разговорный языкъ греческій болѣе, нежели кому другому изъ ихъ соотечественниковъ [236]).

---

236) «Въ ту эпоху, говоритъ *Диксонъ*, когда Христосъ жилъ въ Назаретѣ, въ одномъ изъ срединныхъ галилейскихъ городовъ, лежавшихъ на склонѣ холма около четырехъ миль отъ столицы,—Галилея обладала смѣшаннымъ населеніемъ, состоявшимъ изъ Грековъ, Евреевъ, Египтянъ, Кипріотовъ, Итальянцевъ, Арабовъ,—людей, говорившихъ различными языками.... Въ такихъ большихъ городахъ, какъ Птолемаида, Сефарисъ и Гадара, общественная жизнь была такая же, какъ въ азіатскихъ Аѳинахъ, а языкъ, въ торговыхъ, ученыхъ и общественныхъ дѣлахъ, былъ греческій. Впрочемъ, въ собственномъ домѣ, среди своего семейства, іудей могъ говорить на арамейскомъ языкѣ, древнемъ нарѣчіи его племени, материнскомъ языкѣ.... Единственный языкъ, который могъ бы быть общимъ проводникомъ взаимныхъ сношеній для всѣхъ племенъ (въ Палестинѣ), былъ языкъ греческій. Каждый человѣкъ, который по своему общественному положенію былъ выше дровосѣка и водоноса,—которому, приходилось дѣлать передвиженіе по всей области, который имѣлъ дѣла съ иностранцами, долженъ былъ являться въ судилища, совѣтоваться съ медиками, исполнять какую нибудь общественную обязанность,—короче, купецъ, горожанинъ, священникъ и солдатъ, должны были употреблять греческій языкъ.—Во время малолѣтства Христа этотъ прекрасный языкъ получилъ то преобладаніе, какимъ англійскій языкъ пользуется въ Калькуттѣ, французскій—въ Алжирѣ, турецкій—въ Стамбулѣ» и, прибавимъ, русскій въ Тифлисѣ. *В. Диксонъ*: Святая земля. Пер. съ англ. С—Петерб. 1869. Стр. 12—14 и 15.

Рѣшительнымъ доказательствомъ того, что Апостолы понимали и говорили по-гречески до сошествія на нихъ Св. Духа въ день Пятидесятницы, служатъ свидѣтельства Евангелистовъ Іоанна и Матѳея.—„Изъ пришедшихъ (въ Іерусалимъ) на поклоненіе въ праздникъ были, говоритъ Ев. Іоаннъ, нѣкоторые Еллины. Они подошли къ Филиппу, который, замѣчаетъ Евангелистъ, былъ изъ Виѳсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господинъ! намъ хочется видѣть Іисуса. Филиппъ идетъ и говоритъ о томъ Андрею; и потомъ Андрей и Филиппъ сказываютъ о томъ Іисусу (Іоан. XII, 20—22)". Такъ, Еллины обращались къ Апостоламъ-Галилеянамъ Филиппу и Андрею; а Филиппъ, по указанію того же Евангелиста Іоанна, былъ „изъ Виѳсаиды, изъ одного города съ Андреемъ и Петромъ (Іоан. 1, 44)"; а потому, если эти Апостолы и не выставляются прямо знавшими греческій языкъ, то, по аналогіи съ Филиппомъ, какъ ихъ согражданиномъ, должно признать, что и они знали по-гречески. Ап. Андрей носилъ греческое имя, а былъ братомъ Петра, также и Филиппъ [237]). Относительно же собственно писателей каноническихъ Евангелій—Матѳея, Марка и Луки, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что они могли говорить по-гречески. Ев. Матѳей, до своего призванія къ апостольскому служенію, былъ мытаремъ и, какъ такое должностное лице, долженъ былъ знать греческій языкъ. Ев. Маркъ, родомъ Іерусалимлянинъ, по утвержденію Эвальда, тоже зналъ греческій языкъ. Ев. Лука признается всѣми и Эвальдомъ за эллиниста, и—справедливо.

Итакъ, Апостолы и Евангелисты знали разговорный языкъ греческій,—только разговорный и только греческій,—какъ могли знать его жители, напримѣръ, Виѳсаиды Галилейской. А если такъ, то не должно предполагать осо-

---

237) Ср. Böhl's: Forschungen nach einer Volksbibel zur Zeit Iesu. Wien. 1873. S. 9—10.

быхъ Евангелистовъ-переводчиковъ (Dolmetscher) при составленіи, по крайней мѣрѣ, трехъ каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки. Эти Евангелисты несомнѣнно знали греческій языкъ и потому не затруднялись передавать Ев. исторію по-гречески.

Положимъ, что Апостоламъ, при распространеніи христіанства, требовались помощники-Евангелисты. Но эти Евангелисты уже извѣстны, какъ сотрудники Апостоловъ въ дѣлѣ Евангельской проповѣди. Такими Евангелистами были Маркъ и Лука. Извѣстна и самая дѣятельность этихъ Евангелистовъ. Они оба были спутниками Апостола Павла. Дѣйствительно, они помогали ему проповѣдывать Евангельское ученіе, но отнюдь не служили ему въ качествѣ переводчиковъ, потому что онъ самъ, родившійся и жившій въ Тарсѣ Киликійскомъ, зналъ хорошо языкъ греческій. Эти Евангелисты не были переводчиками при Ап. Павлѣ; не были они для него и источниками Евангельской исторіи; потому что онъ, сопутствуемый ими, зналъ Евангеліе Христово по преданію отъ очевидцевъ-свидѣтелей и служителей слова—Двѣнадцати Апостоловъ. На-оборотъ, сопровождающіе его Евангелисты, можетъ быть, сами отъ него узнали и поняли Ев. исторію. А Ев. Маркъ, какъ извѣстно изъ Отеческаго преданія, былъ спутникомъ, толкователемъ и ученикомъ еще и Ап. Петра. Слѣдовательно, Ев. Маркъ и Лука узнали Ев. исторію отъ самихъ Апостоловъ, а не отъ путешествующихъ Евангелистовъ—собирателей Ев. разсказовъ, и сами не были такими путешествующими собирателями ихъ. Но эти именно Евангелисты—Маркъ и Лука были писателями и каноническихъ Евангелій, извѣстныхъ подъ ихъ именами. Каноническое Евангеліе отъ Марка имѣло источникомъ своимъ устную проповѣдь Апостоловъ Павла и Петра, которыхъ Ев. Маркъ былъ спутникомъ; а каноническое Евангеліе отъ Луки имѣло своимъ источникомъ устную проповѣдь Ап. Павла, котораго Ев. Лука былъ спутникомъ. Такимъ образомъ, каноническія Еван-

гелія отъ Марка и Луки слѣдуетъ признать письменнымъ изложеніемъ непосредственной устной Апостольской проповѣди а потому рѣшительно не должно предполагать въ нихъ Евангелистовъ, путешествовавшихъ по Палестинѣ для собиранія Ев. разсказовъ. А каноническое Евангеліе отъ Матѳея, принадлежащее самому Ап. Матѳею, какъ одному изъ очевидцевъ Господа и служителей Его Евангелія, также не предполагаетъ для себя сборника Ев. разсказовъ, составленнаго путешествовавшими Евангелистами,—уже потому только, что всѣ разсказы, содержащіеся въ Евангеліи отъ Матѳея, весьма сходны съ разсказами, находящимися въ другихъ синоптическихъ Евангеліяхъ, содержаніе которыхъ несомнѣнно Апостольскаго происхожденія. И относительно рѣчей Іисуса Христа, содержащихся въ Евангеліи отъ Матѳея, Эвальдъ самъ убѣжденъ, что они воспроизведены самимъ Ап. Матѳеемъ, очевидцемъ-слушателемъ Іисуса Христа и служителемъ Его слова[238]). Слѣдовательно, первыя три каноническія Евангелія произошли изъ устнаго Апостольскаго преданія и для своего составленія не требовали особыхъ спеціальныхъ Евангелистовъ, путешествовавшихъ и собиравшихъ Ев. разсказы.—Иначе говоря: предположеніе особыхъ Евангелистовъ для постепеннаго образованія Ев. исторіи дѣлается излишнимъ съ точки зрѣнія самой же теоріи Эвальда, признающей дѣйствительность того историческаго факта, что Ев. Маркъ и Лука были спутниками Апостоловъ Петра и Павла и что Ап. Матѳей былъ однимъ изъ числа Двѣнадцати очевидцевъ-свидѣтелей Господа и служителей Его слова [239]).

Впрочемъ, устраненіе дѣятельности особыхъ Евангелистовъ, какъ толкователей и переводчиковъ, еще не устраняетъ собственно авторскую дѣятельность ихъ или пись-

---

238) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 201—202.
239) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 184 и 221.

менность. По теоріи—„первоначальные Евангелисты, конечно, не много заботились о письменномъ изложеніи и литературной обработкѣ матеріи Евангелій; однако, если потребность въ письменномъ изложеніи ея появлялась, то они скоро удовлетворяли ей. Таковы: Ев. Маркъ, спутникъ и толкователь Ап. Петра, и Ев. Лука, другъ и спутникъ Ап. Павла. Однако, предостерегаетъ Эвальдъ, это неоспоримо-вѣрное и въ высшей степени важное положеніе не слѣдуетъ распространять такъ далеко, чтобы уже не оставалось возможности тому или другому изъ Двѣнадцати Апостоловъ письменно излагать Ев. исторію. Двѣнадцать Апостоловъ были большею частію главными проводниками всего христіанскаго движенія и нашли при этомъ много дѣла для себя: но Христосъ избралъ ихъ не для того только, чтобы имѣть въ нихъ хорошихъ (geschickte) руководителей многочисленными массами народа, а для того, чтобы они образовали собою существенную, основную часть общества и въ своемъ поведеніи подавали примѣръ жизни истинно-вѣрующихъ людей. Но при всемъ томъ Двѣнадцать Апостоловъ имѣли время и желаніе или особенную потребность увѣковѣчить свои воспоминанія о Христѣ въ писаніяхъ; и само собою не представляется никакого основанія, чтобы сомнѣваться въ томъ, составилъ ли Матѳей или Іоаннъ Ев. исторію, какъ равно нѣтъ основанія удивляться и тому, что, напримѣръ, Ап. Петръ не написалъ Евангелія“ [240]). Если это такъ, то мнѣніе Эвальда относительно авторской дѣятельности особыхъ Евангелистовъ нисколько не дѣлаетъ ихъ самостоятельными и непремѣнными помощниками Апостоламъ въ дѣлѣ благовѣствованія. Отсюда видно только, что первыя три каноническія Евангелія несомнѣнно могли быть написаны и самими Двѣнадцатью Апостолами, какъ первое изъ нихъ и дѣйствительно написано Апостоломъ Мат-

240) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 188—189.

ѳеемъ. А если второе и третье написаны Маркомъ и Лукою, сотрудниками Апостоловъ, то—подъ непосредственнымъ вліяніемъ и по преданію Апостоловъ Петра и Павла, н е зависимо ни отъ какихъ спеціальныхъ Евангелистовъ-писателей.

Слѣдовательно, ни для письменнаго изложенія Ев. исторіи, ни для устнаго распространенія ея, ни для собиранія ея матеріи не требовались первоначальные спеціальные Евангелисты, кромѣ Двѣнадцати Апостоловъ, служителей слова, избранныхъ и посвященныхъ на такое спеціальное служеніе. Такихъ „особыхъ Евангелистовъ" дѣйствительно и не было: были только помощники Апостоловъ въ устномъ благовѣстіи слова Божія, и тѣ были не какъ необходимые толкователи или источники Ев. исторіи, а какъ Апостольскіе ученики и сотрудники, благовѣствовавшіе съ дозволенія и по порученію кого либо изъ Двѣнадцати Апостоловъ или Ап. Павла.

Итакъ, н е было „особаго рода людей, которые бы преимущественнымъ дѣломъ своей жизни поставляли то, чтобы собирать, сохранять и распространять Ев. исторію", не было такихъ особыхъ Евангелистовъ, кромѣ Двѣнадцати Апостоловъ; потому что они сами или ихъ ближайшіе помощники, подъ ихъ вліяніемъ, безъ труда и непосредственно изъ устнаго преданія или воспоминанія могли составить каждое изъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій.—Предполагать будто бы необходимую дѣятельность особыхъ Евангелистовъ для составленія именно первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій совершенно излишне.

Дѣятельность предполагаемыхъ Эвальдомъ особыхъ Евангелистовъ, кромѣ Двѣнадцати Апостоловъ, по его мнѣнію, имѣла результатомъ своимъ обширную Евангельскую литературу, о чемъ можно судить по составу первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій.—„Мы, говоритъ авторъ теоріи, по всѣмъ извѣстнымъ слѣдамъ въ каноническихъ Евангеліяхъ можемъ достовѣрно указать древ-

нѣйшіе труды, которые въ видѣ отрывковъ содержатся уже въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Ев. литературы" [241]), именно—въ каноническихъ Евангеліяхъ. Раскрытіе того, какъ составлялись первыя три каноническія Евангелія (Composition) изъ разныхъ письменныхъ, предварительно составленныхъ, источниковъ, есть приложеніе втораго принципа теоріи Эвальда,—принципа заимствованія, и въ то же время—содержаніе дальнѣйшаго развитія теоріи. Для того, чтобы правильнѣе разобрать составъ (Composition) синоптическихъ Евангелій, который предлагаетъ теорія, должно внимательно критически разсмотрѣть признаки, по коимъ открываются „слѣды" древнѣйшихъ и вообще болѣе раннихъ Ев. трудовъ, нежели каноническія Евангелія, и провѣрить самый составъ ихъ на основаніи указываемыхъ Эвальдомъ „слѣдовъ", при всѣхъ другихъ средствахъ, предлагаемыхъ самой же теоріей для своего оправданія, какъ-то: филологическихъ и историческихъ доказательствахъ и свидѣтельствахъ. Отсюда—первый по важности и при изслѣдованіи вѣрно руководящій вопросъ долженъ быть такой: почему слѣдуетъ признать самостоятельнымъ извѣстное воспроизведенное по теоріи сочиненіе (Composition), какъ отдѣльное произведеніе по Ев. исторіи, которое было источникомъ, основаніемъ и частію другихъ Ев. трудовъ при постепенномъ и преемственномъ развитіи Ев. письменности?—Для рѣшенія этого вопроса всегда должно имѣть въ виду критерій, при которомъ теорія открываетъ, выдѣляетъ и обособляетъ извѣстныя части Ев. исторіи и сопоставляетъ ихъ потóмъ въ видѣ особыхъ Ев. произведеній, въ качествѣ источниковъ для первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій.

---

241) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 191.

VIII.

Первый древнѣйшій письменный трудъ по Евангельской исторіи, открытый Эвальдомъ по „извѣстнымъ и достовѣрно (будто-бы) дознаннымъ слѣдамъ", есть такъ называемое имъ Древнѣйшее Евангеліе [242]).

Вотъ содержаніе этого Евангелія. По Евангелію отъ Матѳея: III, 16—17; VIII, 19—22; XVII, 1—13; 22—23; XIX, 1—30; XXI, 1—3, 6—16 (ср. Мр. XI, 1—21); XXII, 15—46; XXIII, 36—38, XXVII, 28—31. По Ев. отъ Мр: I, 9—20; IX, 2—13; 30—32; X, 1—31; XI, 1—21; XII, 13—37. По Ев. отъ Лук. IX, 28—36; 51—62; X, 38—42; XI, 1—4; XII, 13—15; XIII, 1—5; 31—35; XVII, 5—6; 20—21; XIX, 41—44; XX, 21—44; XXI, 37—38; XXII, 1—2, 4—15, 19—20 [243]).—Здѣсь Эвальдъ указываетъ рядъ разсказовъ, которые, по его выраженію, описываютъ высшіе пункты исторіи явленія Христа. Это разсказы о крещеніи (Мр. I, 9—11), сорокадневномъ пребываніи въ пустынѣ (I, 12) и преображеніи Христа (IX, 1—13),—„разсказы, образующіе какъ бы твердые столбы, на которыхъ зиждется множество

---

242) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 191. u. a.

243) См. D. drei ersten Evangelien,—по соотвѣтствующему штрифту. Ср. Jahrb. d. b. W. 1849. S. 193.

другихъ разсказовъ въ Евангеліи отъ Марка, которые въ немъ выступаютъ какъ высокія крутизны (Steile Höhen), какъ первообразованные хребты (urgebirgsbildungen), высоко-восходящіе надъ остальною, наносною повѣствовательною матеріей. Нѣтъ недостатка въ особыхъ признакахъ того, что хотя они находятся въ тѣсной взаимной связи въ процессѣ разсказа Евангелія отъ Марка; но по содержанію и изложенію стояли первоначально въ иной связи, чѣмъ теперь. Легко понять, что хотя разсказы о крещеніи и искушеніи Господа могли образовать начало труда, однако между ними и исторіею преображенія Спасителя вѣроятно было изложено еще какое либо событіе; на это ясно указываетъ опредѣленіе времени самаго преображенія: „послѣ шести дней (Мр. IX, I)“..., что́ повторяетъ Ев. Матѳей (XVII, 1) и съ легкимъ измѣненіемъ Ев. Лука (IX, 28). Между тѣмъ это опредѣленіе въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка теперь находится совершенно отрывочнымъ и—вопреки обыкновенію самого Ев. Марка,—какъ остатокъ другаго труда“ 244).

Очевидно, первое основаніе, по чему теорія относитъ указанные разсказы къ Древнѣйшему Евангелію—то, что они представляются въ Ев. повѣствованіи о всей жизни Господа „высокими крутизнами, первообразованными хребтами“. Пусть такъ это кажется воображенію Эвальда, склоннаго къ пластическому представленію историческихъ событій; но это дѣло только его воображенія, а не критико-аналитическаго и собственно историческаго или научнаго сужденія. Критическое сравненіе указанныхъ разсказовъ съ другими въ Евангеліи отъ Марка показываетъ, что они ничего не имѣютъ въ себѣ такого, по чему бы они должны были выставляться изъ среды многихъ остальныхъ, какъ особенно возвышенные, какъ основы всего Ев. повѣствованія. Характеристическія стороны этихъ

244) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 192.

разсказовъ—откровеніе съ неба и явленіе злаго духа въ чувственномъ видѣ, т. е. необычайность событій. Но въ какихъ же разсказахъ Ев. исторіи нѣтъ своего рода необычайности, если вся она есть откровеніе Бога-Слова,—изображеніе высокихъ дѣлъ, произведенныхъ необычайнымъ духомъ Христовымъ?—Какое же преимущество имѣетъ необычайность этихъ разсказовъ предъ другими?—Она, очевидно, состоитъ въ обнаруженіи „небеснаго участія",—откровенія съ неба. Но явленіе необыкновеннаго въ небѣ, конечно, также необыкновенно, какъ то же явленіе и на землѣ, и въ водѣ; потому что производится такое явленіе божественною силою (вмѣсто небеснаго знаменія—знаменіе Іоны пророка,—воскресеніе Іисуса Христа). И почему исторію искушенія Іисуса Христа въ пустынѣ слѣдуетъ признавать выше, нежели исторію Его смерти, воскресенія и вознесенія на небо? Или: что такое, въ самомъ дѣлѣ, голосъ съ неба? какъ онъ былъ слышенъ при крещеніи Іисуса Христа? Какъ разверзлись надъ Нимъ небеса?—Все это опредѣлить точно нельзя, а потому и судить объ этомъ, какъ въ извѣстной степени особенномъ и преимущественно необыкновенномъ, нѣтъ основанія ни логическаго, ни историческаго. Собственно-небеснаго въ исторіи искушенія Іисуса Христа нѣтъ, кромѣ Его же Самого, какъ Сына человѣческаго, сущаго въ то же время на небеси, какъ Бога; а явленіе Сатаны въ воображеніи скорѣе представляется не съ неба, а изъ преисподней. Однажды Господь видѣлъ Сатану спадшимъ съ неба; но это явленіе не указывается въ теоріи въ числѣ такихъ же возвышенныхъ событій, какъ преображеніе Господа, и т. п., хотя то явленіе было съ неба. Поэтому признакъ чрезвычайности событій, какъ явленій съ неба, не имѣетъ опредѣленности и постояннаго значенія, настолько, чтобы по немъ можно было вѣрно составлять содержаніе перваго или Древнѣйшаго Евангелія. Этотъ признакъ и въ болѣе общемъ его значеніи, въ смыслѣ возвышенности Ев. событій, не можетъ быть при-

нять за основаніе для выдѣленія указанныхъ разсказовъ изъ Евангелія отъ Марка въ составъ содержанія особаго, Древнѣйшаго Евангелія. Кажущаяся высота событій, кажется такою только самому Эвальду; по ней только онъ можетъ указывать порядокъ и составъ Древнѣйшаго Евангелія; но ни что не ручается за объективность его взгляда, представляющаго такой порядокъ и составъ. Чистою субъективностію мнѣнія Эвальда о высотѣ указанныхъ событій устраняется его предположеніе о заимствованіи Ев. Маркомъ своихъ основныхъ разсказовъ изъ Древнѣйшаго Евангелія. И еслибы Ев. Маркъ дѣйствительно заимствовалъ свои разсказы, то почему же именно изъ Древнѣйшаго Евангелія, а не изъ другаго какого?—неизвѣстно. Между тѣмъ, другое подобное по своему содержанію, съ точки зрѣнія теоріи Эвальда, дѣйствительно могло быть. А если такъ, то еще нѣтъ основанія изъ данныхъ главныхъ Ев. разсказовъ составлять именно Древнѣйшее Евангеліе: источникъ Евангелія отъ Марка могъ быть такимъ же по объему, какъ и само каноническое Евангеліе отъ Марка, или—каноническое Евангаліе отъ Марка могло быть именно такимъ Древнѣйшимъ Евангеліемъ, какое открываетъ теорія.

Заимствовано ли содержаніе каноническаго Евангелія отъ Марка изъ другихъ трудовъ, предшествовавшихъ ему въ исторіи развитія Ев. письменности, и должно ли выдѣлять изъ каноническаго Евангелія отъ Марка нѣкоторые отрывки, будто бы заимствованные его писателемъ изъ древнѣйшаго Евангелія, какъ его источника?—нѣтъ. Въ доказательство компилятивнаго состава каноническаго Евангелія отъ Марка и въ тоже время самостоятельности отрывковъ, выдѣляемыхъ изъ его содержанія, Эвальдъ указываетъ на многократное употребленіе въ Евангеліи отъ Марка частицы ευθυς или ευθεως (I, 10. 12 и под.). Эта „частица (будто бы) указываетъ не на иное что, какъ только на то, что авторъ составлялъ свой трудъ изъ весьма многихъ отрывковъ, заим-

ствованныхъ изъ разныхъ, предшествовавшихъ ему, Ев. трудовъ“ 245). Частица εὐθὺς значитъ: тотчасъ, немедленно, за-разъ, тогда-же, сперва, сначала, едва, немного послѣ, лишь только 246). Такое значеніе, конечно, ничего не говоритъ въ пользу того положенія, что Евангеліе отъ Марка, по мнѣнію Эвальда, составлено изъ разнаго и разрозненно-отрывочнаго матеріала; потому что безъ такихъ частицъ, какъ: тогда же, немного послѣ и др. под., нѣтъ почти ни одного историческаго сочиненія. Слово εὐθὺς указываетъ только на отсутствіе точной хронологіи въ Евангельскомъ повѣствованіи, которое идетъ безъ ней, просто, но послѣдовательно. Отсутствіе хронологіи еще не ручается за компилятивную обработку даннаго историческаго матеріала каноническихъ Евангелій; потому что и въ другихъ Св. книгахъ Новаго Завѣта есть та же частица εὐθὺς (εως); между тѣмъ эти книги, по теоріи, признаются первоначальными, не компилятивными. Она встрѣчается, напримѣръ, въ Евангеліи отъ Матѳея: XIII, 20—21 (ср. Мр. IV, 16—εὐθεως); Іоанна: XIX, 34; XXI, 3; Марка: I, 12—28; Іоанна XIII, 32; Матѳея: III, 16; Марка I, 29 и IX, 2 ст. 247). При этомъ очевидно, что Эвальдъ неустойчивъ въ своемъ взглядѣ. Слова Евангелія отъ Матѳея: XIII, 20—21 и Марка: IV, 16 ст. хотя и заключаютъ въ себѣ εὐθὺς; но относятся не къ Древнѣйшему Евангелію, а къ Собранію изреченій; слова Марка: I, 28 и 29 ст. хотя и заключаютъ въ себѣ εὐθὺς, но относятся не къ Древнѣйшему Евангелію, а къ Собственно-

---

245) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 192. Anmerk. erst.

246) Schleisner'a: Novum Lexicon gr.—lat. B. I.

247) Текстъ Древнѣйшаго Евангелія и другихъ произведеній Евангельской письменности, указываемыхъ теоріей Эвальда, можно видѣть въ D. drei ersten Evangelien,—по соотвѣтственному шрифту.—Въ указанныхъ выше мѣстахъ частица εὐθὺς встрѣчается, но они относятся по теоріи не къ Древнѣйшему Евангелію, а къ другимъ Ев. трудамъ.

му Евангелію Марка (Ur-marcus); слова Мр.: I, 12; IX, 2 и Мѳ. III, 16—къ Древнѣйшему Евангелію. Отсюда ясно прежде всего, что частица ευθυς не можетъ быть основаніемъ къ выдѣленію IX-й главы изъ каноническаго Евангелія отъ Марка въ составъ содержанія Древнѣйшаго Евангелія, потому что она встрѣчается и въ другихъ произведеніяхъ Ев. письменности, какъ Собраніе изреченій, которое не компилятивно, и въ Собственномъ Евангеліи Марка, которое также не компилятивно въ отношеніи къ другимъ разсказамъ, составляющимъ остальное его содержаніе. Для чего же изъ Собственнаго Евангелія Марка выдѣлять нѣкоторые его отрывки съ частицею ευθυς, признавая ихъ частями содержанія собственно Древнѣйшаго Евангелія, а остальные отрывки его содержанія, также съ частицею ευθυς, признавать отрывками Собственнаго Евангелія Марка (какъ это очевидно изъ I, 10 и 12; и I-же, 28 и 29)? Для чего одно относить именно къ Древнѣйшему Евангелію, а другое, одинаковое съ тѣмъ, къ Собственному Евангелію Марка, если древности, а тѣмъ болѣе степени ея, нельзя различить по частицѣ ευθυς? Чѣмъ разнится эта частица по своему смыслу въ Древнѣйшемъ Евангеліи и въ Собственномъ Евангеліи Марка?—Сравненіе, напримѣръ, I гл. 10 и 12 ст. Евангелія отъ Марка съ 28 и 29 ст. той же главы не показываетъ рѣшительно никакого различія въ смыслѣ ευθυς. Вотъ самыя слова: „когда (ευθυς) выходилъ Іисусъ изъ воды (ст. 10)... вышедши вскорѣ (ευθυς) изъ синагоги (ст. 29)... немедленно (ευθυς) послѣ того Духъ ведетъ Его (ст. 12)... скоро (ευθυς) разошлась о Немъ (Іисусѣ) молва (ст. 28)“... Эти стихи одной и той же I-й главы, одного и того же Евангелія отъ Марка, имѣютъ ευθυς съ одинаковымъ значеніемъ: послѣ того, немедленно, скоро, вскорѣ и проч.,—значеніемъ, съ которымъ это слово одинаково употребляется при разныхъ Ев. событіяхъ—выходѣ изъ водъ Іордана, шествіи въ пустыню, выходѣ изъ синагоги и под. Однако, стихи 10

и 12, I-й гл., гдѣ εὐθὺς значитъ: когда, какъ только, тотчасъ, немедленно,—относятся къ Собственному Евангелію Марка; а стихи: 28 и 29, гдѣ εὐθὺς также значитъ: скоро, вскорѣ и под., относятся къ Древнѣйшему Евангелію. При этомъ слово εὐθὺς какъ въ ст. 10 и 12, такъ въ 28 и 29-мъ, употребляется одинаково съ окончаніемъ υς, а не εως [248]). Слѣдовательно, нѣтъ ни логическаго, ни филологическаго, ни экзегетико-историческаго основанія, чтобы по слову εὐθὺς (εως) выдѣлять имѣющіе его отрывки (напримѣръ, 28 и 29 ст., I гл. Мр.) изъ одного Евангелія въ содержаніе другаго, когда-то будто-бы отдѣльно существовавшаго, Древнѣйшаго.

Вторымъ признакомъ компилятивнаго составленія и свидѣтельствомъ за самостоятельность Древнѣйшаго Евангелія, находящагося будто-бы въ видѣ отрывковъ въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка, Эвальдъ указываетъ хронологическую замѣтку въ гл. IX, 1 ст. этого Евангелія: „послѣ шести дней". Касательно этихъ словъ онъ говоритъ, что „это остатокъ труда, который располагалъ главныя событія изъ жизни Іисуса по обще-принятымъ показаніямъ времени" [249]). Но почему же это—„послѣ шести дней"—должно признать именно остаткомъ и соб-

---

248) Такъ это по Novum Testamentum, ed. Tischendorf's; но у Walton'a: Biblia Sacra Poliglotta—это нѣсколько разнится: ст. 10—εὐθεως, а 12—εὐθὺς, въ варіантахъ—εὐθεως; ст. 28—εὐθὺς, а 29—εὐθεως; за тѣмъ, по Walton'у—въ Вульгатѣ: 10 ст.—statim; 12 ст.—statim; 28 ст.—statim; 29 ст.—protinus (это собственно означаетъ тоже, что и statim: тотчасъ, за-разъ, немедленно); слѣдовательно, и по разностямъ υς и εως у Walton'a въ стихахъ: 12 и 10-мъ ихъ нельзя выдѣлять изъ текста, оставляя тамъ ст. 28-й и 29-й,—нельзя, если принять за основаніе выдѣленія частицу εὐθὺς.

249) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 192.

ственно инаго труда?—потому, что оно стоитъ единично, не по обыкновенію Ев. Марка?—нѣтъ; въ Евангеліи отъ Марка и еще встрѣчается хронологическое указаніе, именно въ XIV гл., 1 ст. Между тѣмъ это мѣсто почему-то относится Эвальдомъ не къ Древнѣйшему Евангелію, а къ Собранію изреченій. Почему же не къ Собранію изреченій относится IX, 2 ст., а къ Древнѣйшему Евангелію?—потому, что въ IX-й гл. содержится разсказъ, а не рѣчь; слѣдовательно, основаніе выдѣленія IX-й главы заключается собственно въ ея содержаніи, а не въ хронологической замѣткѣ: иначе и XIV, 1 ст. и д. должно было бы отнести къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія. Если же XIV, 1 ст. нельзя относить къ Древнѣйшему Евангелію, а IX, 2—къ Собранію изреченій; то они должны оставаться на своихъ мѣстахъ въ составѣ каноническаго Евангелія отъ Марка. И почему не такъ?—Если положить, что это (IX, 2) хронологическое замѣчаніе есть остатокъ, то нужно показать, для чего или почему оно оставлено именно въ томъ мѣстѣ. Если трудъ, отъ котораго оно оставлено, содержалъ въ себѣ хронологическія показанія, какъ IX, 2 ст., то почему же не оставлено еще никакихъ указаній по хронологіи Ев. событій въ другихъ отрывкахъ отъ того же Древнѣйшаго Евангелія?... Тотъ трудъ, по мнѣнію Эвальда, содержалъ хронологическія опредѣленія главныхъ Ев. событій; но если такъ, то и въ Евангеліи отъ Марка хронологическія указанія находятся при такихъ главныхъ событіяхъ, какъ преображеніе Господа и послѣдній праздникъ Пасхи. Слѣдовательно, нѣтъ нужды предполагать Древнѣйшаго Евангелія, если такимъ можетъ быть признано собственно каноническое Евангеліе отъ Марка, какъ заключающее въ себѣ всѣ признаки онаго; или, наоборотъ, IX, 2 ст. и весь отрывокъ не должно относить къ Древнѣйшему Евангелію, какъ самостоятельному труду. Указаніе—„послѣ шести дней“—и въ Евангеліи отъ Марка имѣетъ ту же цѣль, что и въ Древнѣйшемъ Еван-

геліи: на-оборотъ, если это указаніе признать отрывкомъ или остаткомъ, или „слѣдомъ“; то всѣ эти понятія прямо возбуждаютъ вопросъ: какая же цѣль такого, напримѣръ, остатка и въ какой связи можно и должно разсматривать это, случайно оставшееся, замѣчаніе съ предыдущимъ разсказомъ?—„Послѣ шести дней....“ съ чего же слѣдуетъ начинать счисленіе „шести“?—Съ понятіемъ о ст. 2, IX гл., какъ объ остаткѣ, нельзя ничего сказать на подобный вопросъ; между тѣмъ, принявъ цѣль даннаго замѣчанія, можно указать и настоящую связь IX-й главы съ предыдущимъ повѣствованіемъ, разумѣется—историческую и хронологическую. „Послѣ шести дней“—начиная со дня воскрешенія Господомъ дочери Іаира (гл. V, 37 ст.)“ [250]). Понятно, если есть цѣль даннаго замѣчанія (IX, 2) и если это замѣчаніе указываетъ связь двухъ чудесныхъ событій; то его нельзя считать случайнымъ остаткомъ какого либо древнѣйшаго Ев. труда. Если же данное замѣчаніе должно признать именно намѣреннымъ; то оно по этому самому уже не будетъ признакомъ компилятивнаго состава каноническаго Евангелія отъ Марка.

Если при связи, которая опредѣляется хронологическимъ указаніемъ IX, 2 ст., устраняется компилятивный характеръ Евангелія отъ Марка, насколько, по теоріи, можно судить о томъ, принимая во вниманіе будтобы остатокъ Древнѣйшаго Евангелія—IX, 2 и д.; то тѣмъ болѣе оказывается несправедливою та мысль, что этотъ мнимый отрывокъ, а съ нимъ, разумѣется, и всѣ другіе, въ теоріи отмѣченные, отрывки, заимствованы изъ Древнѣйшаго Евангелія. Главное въ этомъ отношеніи то, что невозможно выводить изъ такихъ хронологическихъ данныхъ извѣстнаго труда древность его составленія; между тѣмъ только по этому Эвальдъ и признаетъ источникъ Еван-

---

250) Avg. Klostermann: D. Markusevangelium. Göttingen. 1867. S. 183.

гелія отъ Марка древнѣйшимъ трудомъ, а не современнымъ, и данный отрывокъ непринадлежащимъ прямо Евангелію отъ Марка. Если это хронологическое замѣчаніе—остатокъ; то почему же именно древнѣйшаго труда?—Самъ Эвальдъ указываетъ тотъ фактъ, что „то же самое замѣчаніе (Мр. IX, 2) повторяютъ Ев. Матѳей въ XVII, 1 ст. и, съ небольшимъ измѣненіемъ, Ев. Лука въ IX, 28“. Если оно осталось у Ев. Марка, то почему же оно осталось и у Ев. Матѳея?—если по уваженію автора къ древности замѣчанія, то оно должно быть оставлено со смысломъ, въ связи, чего, по мнѣнію Эвальда, нѣтъ; и почему Ев. Лука нѣсколько измѣняетъ хронологическое замѣчаніе Ев. Марка, если предположить, что оно взято и Ев. Лукою изъ того же столь важнаго, Древнѣйшаго Евангелія. На-оборотъ, если хронологическое замѣчаніе IX, 2 ст. Евангелія отъ Марка есть остатокъ—въ смыслѣ Эвальда; то почему же такъ безотчетно Ев. Матѳей и Лука слѣдовали Ев. Марку? Почему же Ев. Лука такъ мало измѣнилъ замѣчаніе Ев. Марка, какъ-бы не имѣя въ своемъ сознаніи настоящаго значенія 2 ст. IX-й гл.? Евангеліе отъ Луки, по Эвальду, есть самое позднѣйшее изъ числа предполагаемыхъ имъ девяти произведеній Ев. письменности; а потому писатель его не имѣлъ права или основанія измѣнять хронологическое указаніе самаго Древнѣйшаго Евангелія; такъ какъ это не соотвѣтствовало цѣли Евангелиста—обстоятельно изложить всю Евангельскую исторію (Лук. I, 1—4). Если же, на-оборотъ, онъ имѣетъ не точно такое же хронологическое замѣчаніе, какъ IX, 2 ст. Мр., то слѣдуетъ, что онъ не имѣлъ въ виду никакого авторитетнаго произведенія и былъ въ своемъ опредѣленіи хронологіи независимъ отъ Древнѣйшаго Евангелія. Но если такое позднѣйшее писаніе, какъ Евангеліе отъ Луки, могло опредѣлять событіе преображенія Господа хронологически независимо отъ Древнѣйшаго Евангелія, то тѣмъ болѣе могъ это сдѣлать Ев. Маркъ, спутникъ Ап. Петра, бывшаго очевидцемъ

славнаго преображенія Господа. И самое понятіе о Древнѣйшемъ Евангеліи, какъ трудѣ хронологическомъ, ничѣмъ не оправдывается. Если предположить, что ст. 1, IX-й гл. Евангелія отъ Марка есть остатокъ Древнѣйшаго Евангелія—труда, излагавшаго главныя событія изъ Ев. исторіи по общепринятому счисленію времени; то откуда слѣдуетъ, что онъ остатокъ именно отъ такого труда, какъ Древнѣйшее Евангеліе?—ни откуда. Заключеніе, что отрывокъ хронологическаго изложенія принадлежитъ труду N; слѣдовательно, этотъ N былъ расположенъ хронологически,—неправильно, въ виду того, что это хронологическое замѣчаніе есть и въ другихъ Евангеліяхъ, которыя не расположены точно-хронологически, въ полномъ смыслѣ этого слова. Сколько такихъ хронологическихъ замѣчаній, какъ IX, 2 ст. Евангелія отъ Марка, есть, напримѣръ, въ Евангеліи отъ Луки, хотя оно имѣетъ и соотвѣтственное тому хронологическое замѣчаніе—въ IX, 28 ст. Разумѣется нельзя заключать такъ: хронологическое замѣчаніе Ев. Матѳея: XVII, 1 ст. или Ев. Луки: IX, 28 ст. заимствовано изъ труда N; слѣдовательно, этотъ трудъ N былъ расположенъ хронологически; потому что въ этомъ случаѣ N есть Евангеліе отъ Марка, изъ коего, по мнѣнію Эвальда, заимствовалъ свое замѣчаніе (XVII, 1) Ев. Матѳей [251]). А Евангеліе отъ Марка расположено не хронологически; даже и оно само, по мнѣнію Эвальда, заимствовало данное замѣчаніе изъ Древнѣйшаго Евангелія. Но заключеніе, что замѣчаніе IX, 2 ст. Ев. Марка принадлежитъ труду N; слѣдовательно, этотъ трудъ N былъ расположенъ хронологически, есть собственно circulus in demonstrando. Почему N есть трудъ, расположенный хронологически?—потому, что ему принадлежитъ хронологическое замѣчаніе IX, 2 ст. Ев. Марка; а почему IX, 2 ст. принадлежитъ

---

251) См. D. drei ersten Evangelien,—по соотвѣтственному шрифту.

труду N?—потому, что N былъ расположенъ хронологически. Такъ, по хронологическому замѣчанію IX, 2 ст. Ев. Марка, нельзя заключать о томъ, что IX-я глава заимствована имъ изъ другаго древнѣйшаго Ев. труда; а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ уже основанія въ Евангеліи отъ Марка, чтобы тотъ или другой отрывокъ его выдѣлять и относить къ новому, дотолѣ еще неизвѣстному труду, напримѣръ, Древнѣйшему Евангелію. Поэтому, предполагаемое Эвальдомъ, Древнѣйшее Евангеліе не можетъ быть признано отдѣльнымъ самостоятельнымъ произведеніемъ: оно составляетъ собственное содержаніе первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій.

Но Эвальдъ нетолько въ Евангеліи отъ Марка, но и въ Евангеліи отъ Луки старается указать слѣды самостоятельнаго существованія Древнѣйшаго Евангелія. Эти слѣды онъ находитъ у Евангелиста Луки за вторымъ большимъ отдѣленіемъ всей Ев. исторіи его, начиная съ IX, 51 ст.,—въ „очень длинной вставкѣ, въ которой изложены только рѣчи Іисуса съ очень краткими историческими введеніями (объясненіями). Между здѣсь поставленными отрывками находятся нѣкоторые, частію по ихъ краткости и при томъ полнотѣ, частію по ихъ простому, но въ тоже время важному, содержанію историческому, въ высшей степени отличные отъ всего остальнаго содержанія Евангелія. Они суть: IX, 51—56, 57—62; X, 38—42; XI, 1—4; XII, 13—15; XIII, 1—5, 31—33, 34 и сл.; XVII, 5—6, 20—22. Всѣ эти отрывки, по мнѣнію Эвальда, имѣютъ одну, сильно выступающую, особенность и каждый изъ нихъ, при всей своей великой краткости, есть одинъ изъ драгоцѣнныхъ перловъ историческаго воспоминанія. Ихъ можно назвать древнѣйшимъ Собраніемъ изреченій Христа. Каждое изреченіе стоитъ здѣсь еще совершенно отдѣльно (für sich), такъ что едва только нѣкоторыя, сродныя по содержанію, составлены въ группы, и каждое всегда имѣетъ при томъ свое краткое историческое изъясненіе (кромѣ XII,34 ст.).

А что эти изреченія записаны очень рано, это доказывается словами только Ев. Луки: XIII, 1—5 [252]). Такъ ли это?—

Прежде всего, сравненіе текста отрывковъ Древнѣйшаго Евангелія, указанныхъ въ изложеніи самой теоріи съ одной стороны и въ „Трехъ первыхъ Евангеліяхъ“ съ другой, представляетъ нѣкоторыя разности [253]). Въ самомъ изложеніи теоріи опущены: IX, 28—36; XVII, 7—10; XIX, 41—44; XX, 21—44; XXI, 37—38; XX, 1—2, 4—15, 19—20. При такомъ различіи въ указаніи цитатъ примѣчательно, напримѣръ, то, что изъ XVII-й гл. указаны въ теоріи, какъ относящіеся къ дѣлу, только ст. 5 и 6-й, а рядомъ съ ними стоящіе и слѣдующіе далѣе 7, 8, 9 и 10-й ст. опущены. Поэтому становится подозрительнымъ то сужденіе, какое въ теоріи основывается только на 5 и 6 ст. XVII гл. Дѣйствительно ли указанные Эвальдомъ отрывки изъ Евангелія отъ Луки имѣютъ одну, сильно выступающую, особенность?—нѣтъ.

Общій основный характеръ данныхъ отрывковъ состоитъ въ ихъ краткости и при томъ полнотѣ, въ простомъ, но въ то же время и важномъ, историческомъ содержаніи ихъ. Очевидно, эти характеристическія понятія не могутъ быть мѣрой для точнаго опредѣленія отрывковъ Древнѣйшаго Евангелія,—особенно по отношенію къ изреченіямъ Господа, которыя всегда были кратки при ихъ неизмѣримо-полномъ содержаніи. Поэтому, руководствуясь понятіями краткости и притомъ полноты изреченій, можно, независимо отъ указаній Эвальда, набрать въ каноническихъ Евангеліяхъ такихъ же по характеру отрывковъ много болѣе, нежели онъ указалъ. А это зна-

252) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 192—193.

253) Т. е.,—въ статьѣ Эвальда Die Ursprung und Wesen der Evangelien. Jahrb. d. b. W. 1849; и въ Die drei ersten Evangelien. 1850.

чить, что понятія, опредѣляющія характеръ даннаго Ев. труда, сами неопредѣленны; при нихъ возможенъ и произвольный выборъ содержанія его изъ каноническихъ Евангелій. Это можно видѣть и на самомъ дѣлѣ, при тщательномъ сравненіи избранныхъ Эвальдомъ отрывковъ. Въ „Трехъ первыхъ Евангеліяхъ" онъ начинаетъ свой выборъ съ IX, 28—36 ст. Мр. Здѣсь съ 28—36 ст. разсказывается о преображеніи Господа; а далѣе повѣствуется объ исцѣленіи бѣсноватаго: ст. 37—42. Эвальдъ первое отдѣляетъ отъ втораго потому, что то̀ по своему содержанію выше, нежели это; но одной высоты содержанія для этого выдѣленія 28—36, IX гл. еще недостаточно: высокое событіе, естественно, потому высоко, что при немъ находятся или разумѣются еще другія, менѣе важныя. Почему же не представлять, что въ Евангеліи дѣло излагается въ естественномъ, послѣдовательномъ и историческомъ порядкѣ?—Эвальдъ выдѣляетъ стихи 28—36 изъ IX-й, какъ существо̀вавшіе когда-то отдѣльно; но ничто не ручается за подлинность такого существованія ихъ: нельзя доказать, что высоко-содержательное въ Ев. исторіи было записано прежде и отдѣльно отъ всего другаго, что̀ появилось послѣ. Если Эвальдъ обращаетъ свое вниманіе на высоту содержанія извѣстнаго Ев. разсказа, то почему же онъ въ Евангеліи отъ Луки начинаетъ свой выборъ съ отрывка, въ которомъ содержится разсказъ о преображеніи Господа, а не съ того, въ коемъ разсказывается о крещеніи Его? Конечно, съ точки зрѣнія Эвальда, это можетъ быть объяснимо тѣмъ, что Ев. Лука разсказъ о крещеніи (III, 21—22) заимствовалъ изъ Евангелія отъ Марка; но это еще вопросъ, было ли это дѣйствительно такъ. Если же оно было такъ, то почему не предположить, что и 28—36 стихи IX-й гл. также заимствованы изъ другаго какого-либо Евангелія, а не изъ Древнѣйшаго? Заимствовалъ же Ев. Лука свой высоко-содержательный разсказъ о крещеніи Господа изъ Собственнаго Евангелія Марка, какъ полагаетъ Эвальдъ; слѣ-

довательно, высота разсказа о преображенiи Христовомъ еще не даетъ основанiя относить его къ Древнѣйшему Евангелiю.—Высота разсказа о крещенiи Спасителя не препятствовала Ев. Лукѣ этотъ разсказъ нѣсколько измѣнить и, сравнительно съ изложенiемъ его у Ев. Матѳея, сократить; а это значитъ, что такiе высоко-содержательные разсказы обращали на себя вниманiе Евангелистовъ не по высотѣ своего содержанiя, а по историческому и догматическому ихъ значенiю, какое должно признать и за многими другими, кромѣ указанныхъ Эвальдомъ, разсказами съ небеснымъ характеромъ. Здѣсь же, именно въ Евангелiи отъ Луки, не видно, почему Эвальдъ и разсказъ о преображенiи Господа признаетъ слѣдомъ или остаткомъ Древнѣйшаго Евангелiя. Но если и считать его остаткомъ, то онъ, какъ такой, долженъ стоять отдѣльно; между тѣмъ этотъ разсказъ у Ев. Луки стоитъ въ строгой хронологической связи съ послѣдующимъ его разсказомъ объ исцѣленiи бѣсноватаго.—Именно, ст. 36-й: „когда былъ гласъ... остался Iисусъ одинъ. И они (Ученики Его) умолчали, и ни кому не говорили въ тѣ дни о томъ, что видѣли“. Далѣе, ст. 37-й: „въ слѣдующiй же день, когда они (Апостолы) сошли съ горы, встрѣтило Его (Спасителя) много народа, εγενετο δε τη εξης ημερα, κατελθοντων αυτων απο του ορους“... Слова: „въ слѣдующiй же день, когда они сошли съ горы“... служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что исцѣленiе бѣсноватаго (ст. 37—42) было именно на другой день послѣ преображенiя Господа на горѣ (ст. 28—36); такъ что преображенiе Господа было „чрезъ восемь дней, ως ει ημεραι οκτω“ на девятый; а исцѣленiе бѣсноватаго —на слѣдующiй, τη εξης, по счету Ев. Луки, десятый [254]. Если же два данныя сказанiя въ Евангелiи отъ Луки со-

---

254) Только въ A стоитъ εν τη... ημερα. См. Novum Testamentum graece. Edit. Tischendorf'a.

поставлены такъ хронологически, то слѣдуетъ, что они были такъ и исторически; поэтому нѣтъ основанія ихъ и отдѣлять другъ отъ друга. А если ихъ отдѣлить, то нельзя будетъ объяснить того, на какой „слѣдующій“ день было исцѣленіе бѣсноватаго,—указать то, за чѣмъ онъ „слѣдующій“. Слово „слѣдующій“ вообще предполагаетъ счетъ дней; а этотъ счетъ и есть въ предыдущемъ 28-мъ ст. и въ послѣдующемъ 51-мъ. Почему же Ев. Лука, взявъ ст. 28—36 изъ Древнѣйшаго Евангелія, соединилъ ихъ съ 37 ст. и слѣдующими, взятыми изъ Евангелія отъ Марка, словомъ „слѣдующій“?—неизвѣстно. Но если это и такъ, то слово „слѣдующій“ принадлежитъ собственно Ев. Лукѣ; а слова Евангелія отъ Луки: „въ слѣдующій же день, когда они сошли съ горы“... Эвальдъ относитъ къ Собственному Евангелію Марка, тогда какъ у Ев. Марка такихъ словъ нѣтъ, а говорится только: „пришедши къ ученикамъ, увидѣлъ (Іисусъ) много народа (IX, 14)“.. [255]). Если же ст. 14, IX гл. Марка передѣланъ Ев. Лукою въ ст. 37, IX гл.; то слово „слѣдующій“, прямо очевидно, вставлено имъ, а этого не замѣчаетъ и не отмѣчаетъ Эвальдъ [256]). Однако странно на самомъ дѣлѣ считать вставкой собственно слово „слѣдующій“ въ Евангеліи отъ Луки, сдѣланной независимо отъ двухъ его источниковъ —Древнѣйшаго Евангелія и Собственнаго Евангелія Марка, въ коихъ этого слова „слѣдующій“ нѣтъ,—странно, такъ какъ для Ев. Луки не было побужденія сказать, что исцѣленіе бѣсноватаго было именно на „слѣдующій“ день послѣ преображенія Господа; потому что это исцѣленіе—

255) Такъ читаетъ эти мѣста и самъ Эвальдъ, мѣста, очевидно, различныя: Луки ст. 37: und es geschah am nachherigen Tage..., а ст. 14, IX гл. Марка: und zu den Jungern gekommen sah Er viel Volk... Очевидно, одно различно отъ другаго, а потому—одно незаимствовано изъ другаго; а если и заимствовано, то, значитъ, передѣлано Ев. Лукою, чего, однако, не указываетъ Эвальдъ. D. drei ersten Evangelien.

256) См. D. drei ersten Evangelien.

дѣло, по сознанію Эвальда, неважное, какъ и всѣ подобныя исцѣленія, или, по крайней мѣрѣ, исцѣленіе бѣсноватаго менѣе важно, чѣмъ преображеніе Господа и, какъ такое, оно не требовало хронологическаго опредѣленія. А если въ данномъ мѣстѣ есть хронологическое замѣчаніе, то нѣтъ нужды считать его безцѣльнымъ „остаткомъ" чужаго труда. Если же данное хронологическое указаніе у Ев. Луки есть „остатокъ" бѣзцѣльный, то онъ долженъ былъ первоначально принадлежать именно древнѣйшему Ев. труду, потому что такой же хронологическій отрывокъ въ Евангеліи отъ Марка: IX, 2 ст. Эвальдъ самъ призналъ точнымъ „слѣдомъ" древнѣйшаго труда, изложеннаго хронологически—Древнѣйшаго Евангелія. Итакъ, стихи: 37—50, IX гл. должно признать собственнымъ содержаніемъ Евангелія отъ Луки, а съ ними также и предыдущіе стихи: 28—36-й, или—тѣ и другіе относить къ Древнѣйшему Евангелію; но раздѣлять ихъ рѣшительно нельзя: хронологическое основаніе ихъ единенія важнѣе, нежели разность въ характерѣ ихъ содержанія, что у Эвальда принимается основаніемъ ихъ раздѣленія. Событіе исцѣленія бѣсноватаго у всѣхъ трехъ синоптическихъ Евангелистовъ излагается прямо послѣ разсказа о преображеніи Господа (Мѳ. XVII, 14, 23; Мр. IX, 14—29; Лук. IX, 37 и д.), какъ это признаетъ и самъ Эвальдъ. Такъ какъ Эвальдъ, далѣе, ст. 51—62-й IX-й гл. Луки считаетъ исторически вмѣстѣ данными со ст. 28—38-мъ [257]; то слѣдуетъ, что и всѣ стихи съ 28 по 62-й въ IX-й гл. Евангелія отъ Луки не должно признавать также вмѣстѣ данными, нераздѣльными,—тѣмъ болѣе, что стихи: 43, IX Лук., 22, XVII Мѳ. 30—32, IX Мр. Лук. 46, IX и 33—37, IX Мр. 1—15, XVIII Мѳ. Лук. IX, 49—50.

---

257) См. D. drei ersten Evangelien.

Мр. IX, 38—40 ст., синоптически параллельны, какъ это представляется и у самого Эвальда [258]).

Стихи 51—62, IX-й гл. Евангелія отъ Луки относятся Эвальдомъ также къ Древнѣйшему Евангелію; но почему же эти стихи?—Здѣсь говорится о непринятіи Іисуса Христа Самарянами, когда Онъ путешествовалъ въ Іерусалимъ, и о предложеніи Ему со стороны Апостоловъ—низвести огонь съ неба на Самарянъ, о воспрещеніи Апостоламъ этого дѣйствія со стороны Спасителя (ст. 51—62). Затѣмъ повѣствуется о желаніи нѣкотораго человѣка быть въ числѣ Апостоловъ и о призваніи еще нѣкоторыхъ Самимъ Іисусомъ Христомъ, при чемъ излагаются ихъ отказы и замѣчанія Господа (ст. 57—58 и 59—62). Очевидно, здѣсь нѣтъ содержанія, сходнаго по высотѣ своей съ тѣми первыми примѣрами (Мр. I, 9—11, 12; IX, 1—13, и Луки: IX, 28—36); здѣсь нѣтъ ни слова о Богѣ Отцѣ, о Святомъ Духѣ, о зломъ духѣ и о голосѣ съ неба, какъ въ I, 9—11 и 12 Мр. и т. п. За-то здѣсь есть много обыкновеннаго, не столь возвышеннаго, —что прямо противорѣчитъ намѣренію Эвальда выдѣлить этотъ разсказъ и обособить его, какъ первоначально составную часть другаго самостоятельнаго Ев. труда. Желаніе Господа идти въ Іерусалимъ, дѣйствительность этого путешествія, непринятіе Его Самарянами, какъ іудея и пр., все это по своей важности можетъ быть сходно не только со многимъ другимъ, по мнѣнію Эвальда, неважнымъ, но и рѣшительно со всѣмъ содержаніемъ Евангелія отъ Луки и другихъ каноническихъ Евангелій: сюда относится все содержаніе Евангелій, гдѣ излагаются различныя оскорбленія Господа, различныя намѣренія Его учениковъ, запрещенія имъ со стороны Учителя и подобное. Особенно примѣчательно, что съ этимъ, содержащимся въ ст. 50-мъ, запрещеніемъ совершенно сходно то,

---

258) См. Die drei ersten Evangelien.

которое содержится въ ст. 55-мъ. Запрещеніе въ ст. 50-мъ: „не запрещайте“ относится къ тѣмъ же ученикамъ, къ коимъ относится и запрещеніе въ ст. 55-мъ: „не знаете какого вы духа“ и проч. Въ первомъ случаѣ Іисусъ сказалъ: „не запрещайте“..., а во второмъ: „обратившись (Іисусъ) къ нимъ (ученикамъ, съ коими шелъ), запретилъ имъ...“. Оба эти запрещенія носятъ одинъ характеръ терпимости и кротости Господа, но Эвальдомъ относятся къ разнымъ источникамъ [259]). И — что особенно странно — сказанныя въ одно время (при путешествіи въ Іерусалимъ), эти запрещенія раздѣляются и представляются, по Эвальду, отрывками разныхъ Ев. трудовъ, — вопреки смыслу ст. 51 и 52-го. Одно запрещеніе Господь дѣлаетъ до своего отправленія — въ Галилеѣ; а потомъ отправляется въ Самарію, чтобы пройти въ Іерусалимъ, и въ Самарійскомъ городѣ дѣлаетъ еще другое запрещеніе. Значитъ, то и другое запрещеніе были именно послѣ преображенія Господа и послѣ исцѣленія Имъ бѣсноватаго; слѣдовательно, послѣ сказанія о ясно выраженномъ намѣреніи Іисуса Христа идти въ Іерусалимъ на страданія; ибо это намѣреніе Его ясно указано въ ст. 9 и 12, IX гл. Евангелія отъ Марка, — что, по теоріи, признается первоисточникомъ для Евангелія Луки въ настоящемъ отдѣленіи его; слѣдовательно, стихи: 43—50 и 51—56 должно оставить такъ, какъ они находятся теперь въ текстѣ каноническихъ Евангелій. А если ст. 43—50 относить къ Собственному Евангелію Марка, то и ст. 51—56 слѣдуетъ отнести къ нему же. — Еще болѣе сходства съ повѣствованіемъ, будто-бы, съ „неважнымъ по содержанію“, находится въ ст. 57—62. Здѣсь рѣчь идетъ о произвольномъ поступленіи нѣкоторыхъ лицъ въ число учениковъ

---

259) По D. drei ersten Evangelien, ст. 51—62, IX гл. Лук. относятся къ Древнѣйшему Евангелію, а ст. 43—50 той же IX-й гл. Лук. относятся къ Собственному Евангелію Марка (Ur-marcus).

Господа,—чему, конечно, прямо параллельно по характеру и смыслу, напримѣръ, призваніе Левія или Матѳея (въ V, 27—32 ст. Лук. и Мр. II, 13—17; ср. Мѳ. IX, 9—13). Однако это призваніе Эвальдъ относитъ къ Собственному Евангелію отъ Марка. Съ подобными призваніями сходна по своему содержанію притча о званныхъ на вечерю (Лук. XIV гл.). Въ аналогіи со ст. 57—62 стоятъ ст. 1—2 и сл., X гл. Евангелія отъ Луки, ибо и здѣсь говорится также объ избраніи Семидесяти учениковъ и излагается рѣчь Господа къ нимъ (до ст. 16, X). —Кромѣ возможной аналогіи, есть прямая связь ст. 1. X гл. съ предыдущими 61—62 и выше въ IX-й гл., а именно въ словахъ: „послѣ сего избралъ Господь и другихъ семьдесятъ учениковъ“; это—слова 1 ст. X гл.: но —„послѣ чего“?—на это отвѣчаютъ ст. 57—62, IX гл., —послѣ здѣсь разсказаннаго избранія учениковъ. А такая связь ст. 1, X и 57—62, IX-й гл. заставляетъ оставить эти стихи такъ, какъ они находятся въ Евангеліи отъ Луки, тогда какъ, по мнѣнію Эвальда, Ев. Лукѣ приписывается собственно только одинъ 1-й ст. X-й главы. Но почему этотъ 1-й ст. приписывается только одному Ев. Лукѣ и только изъ всѣхъ одинъ стихъ 1-й? Можетъ быть Лука заимствовалъ весь разсказъ, начиная со ст. 1, X гл. изъ другаго источника, какъ сдѣлалъ, по предположенію Эвальда, Ев. Матѳей относительно разсказа объ избраніи Двѣнадцати Апостоловъ? не могутъ ли и не должны ли быть приписаны самому же Ев. Лукѣ и 2—16 ст. X гл., какъ 1-й стихъ ея?—могутъ, и тѣмъ болѣе, что разсказъ объ избраніи Двѣнадцати Апостоловъ (Мѳ. X, 1—5) Эвальдъ усвояетъ собственно и именно Ев. Марку; значитъ, онъ признаетъ, что Матѳей заимствовалъ свой разсказъ изъ другаго источника; почему же этого не могъ сдѣлать и Ев. Лука? относитъ же Эвальдъ разсказъ объ избраніи Двѣнадцати Апостоловъ къ Евангелію отъ Марка (и Луки?)? а этотъ фактъ (Мр. III, 16—19; Мѳ. X, 2—4; Лук. VI, 14—16) совершенно противорѣчитъ съ

тѣмъ мнѣніемъ Эвальда, что разсказъ объ избраніи нѣкоторыхъ другихъ учениковъ: Луки 57—62, IX гл. относится къ Древнѣйшему Евангелію: почему онъ относитъ къ Евангелію отъ Марка избраніе Двѣнадцати Апостоловъ, если оно важнѣе избранія нѣкоторыхъ двухъ учениковъ (57—62, IX Луки)? Отнесеніе ст. 57—62, IX гл. Луки къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія противорѣчитъ характеру этого труда и собственно важности его содержанія; оно противорѣчитъ понятію Эвальда о краткости отрывковъ этого произведенія. Въ Евангеліи отъ Марка: III, 16—19 избраніе Апостоловъ разсказано болѣе кратко, нежели избраніе двухъ учениковъ у Ев. Луки: IX, 57—62 ст.; между тѣмъ послѣднее входитъ въ составъ Древнѣйшаго Евангелія, а то нѣтъ. Кромѣ такого двоякаго противорѣчія указанныхъ отрывковъ характеру Древнѣйшаго Евангелія, собственно высотѣ и краткости его содержанія (въ III, 16—19 Мр., VI, 13—16 и наконецъ X, 1 и сл. Луки), здѣсь является полнѣйшее недоумѣніе относительно того, откуда Ев. Маркъ (ст. 16—19, III гл. и Ев. Лука 1, X гл.) заимствовалъ свои отрывочные разсказы. Если принять, что Ев. Лука и Матѳей объ избраніи Двѣнадцати Апостоловъ говорятъ со словъ Ев. Марка (хотя этого рѣшительно нельзя доказать); то откуда же самъ Ев. Маркъ заимствовалъ свой разсказъ объ избраніи Двѣнадцати (а Лука—семидесяти) Апостоловъ? Очевидно, для него не было письменнаго источника. Впрочемъ, принимая во вниманіе методъ Эвальдовой теоріи, можно думать, что призваніе Двѣнадцати Апостоловъ Ев. Маркъ заимствовалъ изъ Древнѣйшаго Евангелія. Призваніе Апостоловъ: Петра, Андрея и прочихъ въ Галилеѣ (Мѳ. IV, 18—28), по своей краткости, также сходно съ тѣмъ, а заимствовано Ев. Маркомъ изъ Древнѣйшаго Евангелія (у Марка—Матѳеемъ). А потому, если разсказы объ избраніи Спасителемъ нѣкоторыхъ учениковъ на пути въ Іерусалимъ—(ст. 57—62, IX гл. Луки) и Апостоловъ въ Галилеѣ (Мѳ. IV, 18—28; ср. Мр. I гл.)

относятся, по теоріи, къ Древнѣйшему Евангелію, то слѣдуетъ предположить, что свѣдѣнія и о другомъ избраніи, именно—Двѣнадцати Апостоловъ, Ев. Маркъ заимствовалъ изъ того же источника; такъ какъ это событіе разсказывается сходно съ тѣми. Съ точки зрѣнія Эвальда должно предположить это и скорѣе—это; потому что Ев. Маркъ, по его мнѣнію, имѣлъ у себя подъ руками Древнѣйшее Евангеліе и пользовался имъ, какъ источникомъ; потому что Ев. Марку, по теоріи, усвояется незначительное добавленіе отъ себя, изъ своихъ личныхъ воспоминаній; потому что ему приписывается заимствованіе своего матеріала изъ того же Древнѣйшаго Евангелія; потому, наконецъ, что съ непринятіемъ Луки: X, 1 ст. и д. въ составъ Древнѣйшаго Евангелія, съ Эвальдовой точки зрѣнія, является противорѣчіе въ характерѣ этого труда (если содержаніе X, 1 ст. и дал. въ Евангеліи отъ Луки сходно съ разсказомъ объ избраніи Двѣнадцати Апостоловъ: Мр. III, 16—19). По всему этому, руководствуясь основаніемъ выдѣленія извѣстныхъ частей содержанія Древнѣйшаго Евангелія изъ другихъ Ев. трудовъ, принятымъ теоріей, должно какъ Мр. III, 16—19; Лук. VI, 13—16, такъ и Лук. X, 1 и д. отнести къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія, потому что всѣ эти отдѣлы сходны по своему содержанію. Это такъ, если слѣдовать пріемамъ Эвальда, принявъ его же основаніе выдѣленія и опредѣленія относящихся сюда разсказовъ. Но этого не должно быть, потому что Эвальдово основаніе весьма неопредѣленно, что очевидно въ настоящемъ примѣненіи его: при немъ можно много болѣе указать такихъ разсказовъ, которые слѣдовало бы отнести къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія, а можно и весьма немного: строго разграничить характеръ извѣстныхъ разсказовъ по краткости и высотѣ ихъ содержанія въ каноническихъ Евангеліяхъ невозможно. При всемъ этомъ, и самъ Эвальдъ отступаетъ отъ принятаго имъ основанія выдѣленія разсказовъ, напримѣръ, въ X, 38—48 ст. Евангелія отъ Луки.

Стихи: 38—48, X гл. Ев. Луки Эвальдъ также относитъ къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія. Здѣсь разсказывается о принятіи Господа сестрами Лазаря Мареой и Маріей во время путешествія Его во Іерусалимъ. Этотъ простой историческій разсказъ Эвальдъ относитъ также къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія. Вмѣстѣ съ этимъ, очевидно, исчезаетъ всякое значеніе прежде принятыхъ имъ основаній выдѣленія, каковыми были понятія высоты и краткости содержанія извѣстныхъ Ев. разсказовъ: разсказу въ ст. 38—48, X гл. Луки можно, конечно, представить еще нѣсколько аналогичныхъ разсказовъ. Если этотъ разсказъ подходитъ подъ критерій теоріи Эвальда, то, конечно, по небольшому предисловію, историческаго содержанія, прибавленному къ краткимъ (афористическимъ) словамъ Спасителя: „Мареа! Мареа! ты заботишься и суетишься о многомъ; а одно только нужно (ст. 41—42)“... Слѣдовательно, историческій разсказъ является только введеніемъ или объясненіемъ къ изреченію (афоризму) Спасителя, и въ этомъ видѣ и значеніи онъ, по теоріи, относится къ краткому труду—Древнѣйшему Евангелію.

Такъ это или иначе, но стихамъ 38—48 гл. X-й Лук. можно представить совершенно аналогичную цитату по краткому же (афористическому) характеру содержанія. Такъ, однажды Спасителю сказали, что Мать Его и братья стоятъ внѣ дома, въ которомъ Онъ училъ, и желаютъ Его видѣть. Господь сказалъ, что Мать Его и братья Его суть слушающіе слово Божіе и исполняющіе его (Луки VIII, 19—21; и—многіе подобные сему разсказы). Между тѣмъ Эвальдъ то, что говорится о Мареѣ и Маріи, относитъ къ Древнѣйшему Евангелію; а то, что о Матери и братьяхъ Спасителя (Лук. VIII, 19—21; ср. Мѳ. XII, 46—50; Мр. III, 31—35), относитъ къ Собственному Евангелію Марка.—Почему же именно къ этому Евангелію? Оно, по теоріи, древнѣе Евангелій отъ Матѳея и Луки; но, можетъ быть, VIII, 19—21 ст. Ев. Луки древнѣе и самаго

Евангелія отъ Марка,—можетъ быть, гл. VIII, 19—21 стихи принадлежатъ Древнѣйшему Евангелію, какъ и X, 38—48 ст.?—И почему нѣтъ?—неизвѣстно. На-оборотъ, въ виду извѣстнаго сходства VIII, 19—21 ст. съ X, 38—48 ст. у Ев. Луки, должно признать, что содержаніе Древнѣйшаго Евангелія можетъ и очень удобно можетъ быть произвольно пополняемо и распространяемо: если выдѣлять X, 38—48 ст. изъ Евангелія отъ Луки въ Древнѣйшее Евангеліе, то за тѣмъ должно выдѣлять изъ того же Евангелія въ это и VIII, 19—21 ст. и т. д.; а потому ст. 38—48 гл. X-й должно оставить на своемъ мѣстѣ въ Евангеліи отъ Луки. За это ясно говоритъ и контекстъ рѣчи. Евангелистъ повѣствуетъ: „въ продолженіи пути (въ Іерусалимъ) ихъ (Іисуса Христа съ Апостолами послѣ Преображенія) пришелъ Онъ (Іисусъ) въ одно селеніе, здѣсь женщина, именемъ Мареа, приняла Его... (ст. 38, X)“. Здѣсь очевидна историческая связь въ словахъ: „въ продолженіи пути ихъ“...; такъ что только стиховъ 38—48, X-й гл. Ев. Луки выдѣлять въ составъ Древнѣйшаго Евангелія нельзя,—тѣмъ болѣе, что краткіе разсказы, какъ X, 38—48 ст., по теоріи, относятся къ такимъ же краткимъ; а такіе краткіе отрывочные разсказы далѣе прямо и слѣдуютъ въ XI-й гл. Евангелія отъ Луки.

Стихи 1—4, XI-й гл. Ев. Луки, гдѣ содержится молитва Господня „Отче нашъ“, Эвальдъ относитъ также къ Древнѣйшему Евангелію.—Эта молитва можетъ быть отнесена туда только по ея краткости; но по краткости аналогичныхъ изреченій можно указать еще нѣсколько, напримѣръ: Луки III, 16—17; IX, 44—45, 46—47, 48, 49—50. Сюда же, по краткости, могутъ быть отнесены и всѣ краткія притчи Спасителя, какъ Мө. гл. XIII, 31—32, 33, 44, 45—46, 47—53 ст. и многія другія изреченія Его. Кажется, Эвальдъ самъ не знаетъ, куда отнести „Отче нашъ“: онъ то относитъ эту молитву къ Древнѣйшему Евангелію,—собственно по Евангелію отъ Луки: XI, 1—4 ст., то къ Собранію изреченій—

именно по Евангелію отъ Матѳея: VI, 9—13 ст. [260]). Такое взаимно противорѣчащее распредѣленіе одного и того же отрывка не можетъ быть никакъ оправдано: у того и другаго Евангелиста изложеніе молитвы Господней собственно одно и то же, какъ по содержанію, такъ и по выраженію, по своему характеру воообще. Кромѣ того, у Ев. Луки и у Ев. Матѳея „Отче нашъ" поставлено рядомъ съ другими изреченіями Господа (Мѳ. VI, 9—13 и д.; ср. Лук. XI, 1—4 и д.). Не смотря на все это „Отче нашъ", изложенное Евангелистомъ Матѳеемъ, по теоріи Эвальда, относится къ Собранію изреченій, а „Отче нашъ", изложенное Ев. Лукою—къ Древнѣйшему Евангелію. Очевидно, здѣсь—произволъ. Противъ него говоритъ какъ то, чтó обличаетъ его, такъ и обыкновеніе самого Эвальда относить къ одному источнику тѣ Ев. изреченія, которыя отрывочны, но стоятъ въ связи съ другими такими же. Такого правила онъ держится когда, напримѣръ, молитву Господню, изложенную Ев. Матѳеемъ, ставитъ въ Собраніи изреченій вмѣстѣ со всею Нагорною проповѣдію; между тѣмъ онъ не дѣлаетъ этого относительно XI, 1—4 стиховъ Ев. Луки, которые стоятъ рядомъ съ другими изреченіями, относящимися, по теоріи, къ Собранію изреченій, какъ и должно, ибо они суть одни и тѣ же съ изреченіями Нагорной проповѣди. Поэтому и молитва Господня, изложенная въ Евангеліи отъ Луки, стоя рядомъ съ изреченіями, относящимися къ Собранію изреченій, должна относиться съ ними именно къ этому произведенію, какъ она относится дѣйствительно въ Евангеліи отъ Матѳея. Впрочемъ, молитва Господня, находящаяся у Ев. Луки: XI, 1—4 ст., носитъ характеръ отрывочности и хотя этимъ даетъ поводъ выдѣлять и относить ее въ составъ Древнѣйшаго Евангелія; совсѣмъ иное дѣло въ отношеніи къ слѣдующему отрывку: Лук. XII, 13—15.

---

260) См. Die drei ersten Evangelien.

Слѣдующій примѣръ или „слѣдъ“ компилятивной зависимости Ев. Луки отъ Древнѣйшаго Евангелія, по теоріи, есть гл. XII, 13—15 ст. Здѣсь разсказывается обращеніе со стороны нѣкотораго человѣка къ Господу за тѣмъ, чтобы Онъ позволилъ ему раздѣлиться съ своимъ братомъ, на что Господь отвѣчалъ: „кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?“.... Эвальду этотъ отвѣтъ кажется настолько краткимъ, что его слѣдуетъ отнести къ Древнѣйшему Евангелію. Но стихи 13—15, XII-й гл. вовсе не афоризмъ, если взять ихъ въ контекстѣ. Нѣкто изъ народа сказалъ Христу: „Учитель! скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство“. Спаситель сказалъ: „кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?“ При семъ сказалъ: „смотрите, берегитесь любостяжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія (ст. 13—14)“. Вопросительный отвѣтъ и замѣчаніе Спасителя по поводу вопроса показываютъ, что „нѣкто“ выражалъ своею просьбою о раздѣленіи имущества стремленіе къ любостяжанію. Предостереженіе его отъ любостяжанія, сдѣланное Спасителемъ, даетъ смыслъ стиху 15-му. Этотъ смыслъ выражаетъ ту мысль, что недолжно довѣряться любостяжанію, потому что прямое слѣдствіе его—великое пріобрѣтеніе не обусловливаетъ бытія человѣка,—ст. 15-й. Доказательствомъ, раскрытіемъ и уясненіемъ этой мысли служитъ прямо и непосредственно слѣдующая за тѣми словами притча: ст. 16—20. Здѣсь разсказывается, какъ одинъ злосчастный богачъ намѣренъ былъ расширить свои житницы для того, чтобы помѣстить въ нихъ болѣе прежняго своего имѣнія и при большемъ стяжаніи болѣе благоденствовать. Но Богъ сказалъ богачу, что въ слѣдующую же ночь душа его разстанется съ его тѣломъ; слѣдовательно, жизнь и богача не зависитъ отъ его невмѣстимаго богатства. Такъ, притча о богачѣ есть прямое и совершенно правильное раскрытіе мысли о несущественности любостяжанія въ самомъ приложеніи его къ обезпеченію жизни человѣка.

Между тѣмъ Эвальдъ отдѣляетъ здѣсь раскрываемую мысль или тему (ст. 15) отъ ея полнаго раскрытія (ст. 16—20),—какъ части двухъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ Ев. трудовъ—источниковъ. Такая неправильность метода теоріи тѣсно соединяется здѣсь еще со слѣдующею. Притча о богачѣ заключается собственно въ 16—20 ст., а заключеніемъ ея служитъ ст. 21-й, именно: „такъ бываетъ, т. е. какъ съ приточнымъ богачемъ, съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣетъ"; слѣдовательно, такъ бываетъ съ любостяжательнымъ, подобнымъ приточному богачу,—бываетъ, что у него Богъ отнимаетъ душу, лишаетъ его жизни при всемъ изобиліи его средствъ къ жизни; слѣдовательно, жизнь человѣка не зависитъ отъ пріобрѣтенныхъ имъ средствъ къ жизни (ст. 15-й). Ясно, самъ Ев. Лука въ ст. 21-мъ представляетъ заключеніе равное по содержанію своему со ст. 15-мъ, раскрываемымъ положеніемъ (темой). Отсюда,—если отдѣлять главную мысль—ст. 15-й отъ ея изложенія—ст. 16—20-го и относить къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія, то, послѣдовательно, должно отдѣлять отъ изложенія заключеніе его (ст. 21-й), совершенно одинаковое съ главнымъ положеніемъ —ст. 15-мъ. Но Эвальдъ заключеніе притчи оставляетъ вмѣстѣ съ ней въ Евангеліи отъ Луки; а главную мысль и историческій поводъ къ ея раскрытію отдѣляетъ и относитъ къ Древнѣйшему Евангелію.... Если, далѣе, ст. 15-й оставить вмѣстѣ со ст. 16—21-мъ, то онъ посредствомъ этихъ стиховъ соединяется съ 22-мъ; по крайней мѣрѣ, эту связь заставляетъ необходимо признать контекстъ рѣчи въ ст. 21-мъ. Здѣсь говорится: „такъ бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣетъ". Далѣе—ст. 22-й: „и сказалъ (Спаситель) ученикамъ Своимъ: посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть, ни для тѣла, во что вамъ одѣться". Этотъ стихъ очевидно прямо соединяется съ притчей о богачѣ словомъ „посему"—διά

τουτο υμιν λεγω,—почему?—потому, что „жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его благъ,—ст. 15-й. Этотъ контекстъ прямой и необходимо заставляющій признать связь ст. 15-го (а съ нимъ 13 и 14-го) съ остальными, не только 16—21, но и 22-мъ. Слѣдовательно, ст. 13—15-й отнюдь не „отрывокъ“ или „слѣдъ“ другаго Ев. письменнаго произведенія. И если Эвальдъ желаетъ отнести ст. 13—15-й къ Древнѣйшему Евангелію, то съ тѣми вмѣстѣ должно отнести туда же и слѣдующіе въ связи съ ними стихи: 16—22-й и д.; а этого Эвальдъ не желаетъ, да и не можетъ сдѣлать,—иначе пришлось бы признать, что въ содержаніе афористическаго труда, какъ Древнѣйшее Евангеліе, входилъ длинный отрывокъ, состоящій изъ ст. 13—22-го и сл., что прямо противорѣчитъ понятію Эвальда о Древнѣйшемъ Евангеліи, содержаніе котораго опредѣляется краткостію. Если бы это былъ и отрывокъ (ст. 13—15); то должно отнести его именно къ Древнѣйшему Евангелію только по указанной Эвальдомъ краткости этого отрывка, а не по важности его содержанія. Но такая краткость не имѣетъ здѣсь значенія въ виду того замѣчательнаго обстоятельства, что ст. 13—15-й находятся только въ Евангеліи отъ Луки [261]), т. е. не имѣютъ для себя синоптической параллели [262]). А это обстоятельство служитъ основаніемъ признать ст. 13—15-й принадлежащими собственно Ев. Лукѣ, а не Древнѣйшему Евангелію: иначе, почему же изъ числа всѣхъ семи, признанныхъ Эвальдомъ, Ев. книгъ (кромѣ Древнѣйшаго Евангелія и собственнаго Евангелія Луки), никакая не приняла въ свой составъ ст. 13—15-го,—этого „перла историческаго воспоминанія“, хотя другіе подобные были приняты (напримѣръ: XI, 1—4 и пр.)?—

---

261) такъ и по D. drei ersten Evangelien.

262) Такъ это и по синоптическимъ таблицамъ Sevin'а, Bunsen'а и Tischendorf'а.

неизвѣстно... Но въ томъ-то и дѣло, что стихи 13—15-й принадлежатъ собственно Евангелію отъ Луки [263]). Итакъ, стихи 13—21-й и сл. должно оставить въ Евангеліи отъ Луки, какъ ему одному принадлежащіе. Нельзя выдѣлять ихъ и по краткости содержанія, ибо эта краткость у Эвальда не имѣетъ опредѣленной, хотя сколько-нибудь однообразной, мѣры, что очевидно изъ предшествующихъ примѣровъ и еще болѣе изъ слѣдующихъ: XIII, 1—5, 31—33, 34 и сл., XVII, 5—6 и 20—22 ст. Лук., представляемыхъ Эвальдомъ также въ качествѣ „слѣдовъ“ Древнѣйшаго Евангелія.

Однако здѣсь указанныя цитаты рѣшительно не подходятъ подъ характеръ Древнѣйшаго Евангелія.—Въ гл. XIII, 1—5 ст. говорится объ избіеніи нѣкоторыхъ Галилеянъ, кровь которыхъ Пилатъ смѣшалъ съ жертвами ихъ, а затѣмъ приводятся слова Іисуса Христа, произнесенныя по этому поводу: „если не покаетесь, всѣ также погибнете (ст. 3—5)“. Потомъ, въ другомъ отрывкѣ: 31—33, 34 и сл. 35 ст. XIII-й гл. содержится предложеніе Господу со стороны фарисеевъ—избѣжать намѣренныхъ козней Ирода, желавшаго убить Іисуса; при чемъ приводятся слова Господа: „не бываетъ, чтобы пророкъ погибъ внѣ Іерусалима...“ и: „се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ“ (ст. 33 и 35). Въ этихъ словахъ нѣтъ особенной, въ смыслѣ Эвальда, чрезвычайной возвышенности, ни афористической краткости, нѣсколькихъ примѣровъ которой нельзя было бы указать въ каноническихъ Евангеліяхъ: даннымъ стихамъ по краткости соотвѣтствуютъ, напримѣръ: 14—18, XVI-й гл. и 41—44 ст. XIX-й гл. въ томъ же Евангеліи отъ Луки. При этомъ должно замѣтить, что XIII, 1—5 ст. находятся только у Ев. Луки

263) По Sevin'y, Tischendorf'y и Bunsen'y. Замѣчательно, что они даже не раздѣляютъ ст. 13—21, а прямо ставятъ рядомъ, какъ одинъ отрывокъ.

и въ строгомъ контекстѣ.—Далѣе, стихи 5—6 и 20—22-й, XVII-й гл. выдѣляются Эвальдомъ несправедливо и неправильно, потому что стихи 5 и 6, XVII гл. сходны по характеру своего содержанія со ст. 1—5-мъ той же главы [264]). Особенно страннымъ представляется выдѣленіе ст. 20—22. Въ 22-мъ говорится: „пріидутъ дни, когда пожелаете видѣть хотя одинъ изъ дней Сына человѣческаго, и не увидите“. Далѣе, ст. 23-й: „и скажутъ вамъ: вотъ, здѣсь, или: вотъ, тамъ; не ходите...“ Связь этихъ стиховъ очевидна; между тѣмъ, Эвальдъ вполнѣ произвольно относитъ ст. 20—22 къ Древнѣйшему Евангелію, а ст. 23-й: „и скажутъ вамъ: вотъ, здѣсь...“ къ Собранію изреченій. Если такая связь достаточна для того, чтобы не отдѣлять ст. 22-го отъ 23-го; то они непремѣнно должны оставаться вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что ст. 23-й совершенно параллеленъ ст. 21-му. Въ ст. 21-мъ говорится: „не скажутъ: вотъ, оно (царствіе Божіе) здѣсь, или: вотъ, тамъ. Ибо царствіе Божіе внутрь васъ“. Далѣе, ст. 23-й: „скажутъ вамъ: вотъ, здѣсь (Сынъ человѣческій), или: вотъ, тамъ...“ Параллелизмъ по одинаковой формѣ выраженія очевиденъ; а ст. 21-й, параллельный 23-му, имѣетъ свой смыслъ только при ст. 20-мъ; слѣдовательно, стихи 20—23-й должно признать однимъ отрывкомъ, при томъ не афоризмомъ и не частію или „слѣдомъ“ Древнѣйшаго Евангелія.

Такъ оказывается, что Эвальдъ вполнѣ произвольно и неправильно выдѣляетъ изъ каноническихъ Евангелій отъ Марка и Луки нѣкоторыя части ихъ содержанія, чтобы получить содержаніе отдѣльнаго труда—Древнѣйшаго Евангелія. Неправильность здѣсь зависитъ, очевидно, отъ неопредѣленности критерія. Основаніемъ „выдѣленія“ въ теоріи принимается высота содержанія и краткость

264) Цитата Эвальда отчасти неточная: въ изложеніи его теоріи указаны 20—22 ст., а въ D. drei erst. Ev.: 20 и 21-й ст. только.

изложенія (афористичность) извѣстныхъ разсказовъ или изреченій, содержащихся въ каноническихъ Евангеліяхъ; но это такія свойства, по которымъ нельзя отчетливо распредѣлить и строго разграничить содержаніе Евангелій,—какъ высшее отъ нисшаго, краткое отъ пространнаго,—что̀ достаточно видно изъ представленныхъ примѣровъ—отрывковъ Древнѣйшаго Евангелія. Краткость и высота понятія очень относительныя: въ области Божественнаго Откровенія, даннаго Самимъ Богомъ-Словомъ, нѣтъ ничего маловажнаго; здѣсь все недозримо высоко и чрезвычайно важно.

Независимо отъ неопредѣленности принятыхъ Эвальдомъ началъ „выдѣленія“, на самомъ дѣлѣ такого рода пріемъ всегда будетъ заключать въ себѣ логическій circulus. Древнѣйшее Евангеліе имѣло характеръ труда, кратко изложеннаго, но важнаго по содержанію; это извѣстно изъ его отрывковъ: а эти отрывки собственно принадлежатъ ему; это видно изъ ихъ характеристическихъ свойствъ —краткости и высоты... При всемъ томъ, Эвальду недостаетъ свѣдѣній объ остальномъ содержаніи Древнѣйшаго Евангелія, которое не дошло до настоящаго времени ни въ каноническихъ Евангеліяхъ, ни въ видѣ самостоятельныхъ отрывочныхъ записей Ев. событій (такъ называемыхъ Дигезъ).

И чисто теоретически составленная характеристика Древнѣйшаго Евангелія, независимо отъ предполагаемыхъ его отрывковъ, невѣроятна. Древнѣйшее Евангеліе, по теоріи, должно быть кратко и высоко-содержательно. Но не на-оборотъ ли?—не краткость, а полноту содержанія должно было бы предполагать въ самомъ древнѣйшемъ Евангельскомъ трудѣ,—именно это, какъ результатъ первоначальнаго Апостольскаго воспоминанія, которое было ближе къ дѣйствительнымъ Ев. событіямъ. По мнѣнію Эвальда—не такъ: „каждое Ев. изреченіе стояло въ Древнѣйшемъ Евангеліи совершенно отдѣльно (für sich), такъ что едва только нѣкоторыя, сродныя по содержанію, снесены

были въ группы, изъ коихъ каждая имѣетъ свое историческое введеніе или изъясненіе, какъ поводъ къ произнесенію, кромѣ: XIII, 34 ст. Луки" [265]). Но кѣмъ и когда они были такъ сгруппированы?—конечно, только Эвальдомъ въ его теоріи: ибо только онъ группируетъ Ев. изреченія, предполагая, что они въ видѣ группъ относятся къ Древнѣйшему Евангелію; а въ самомъ дѣлѣ эти группы не должно относить къ этому, будто бы, самостоятельному Ев. труду. Каждое изъ такихъ изреченій имѣетъ свое краткое историческое введеніе; но почему же краткое? и почему изреченія только съ краткими введеніями, а не съ болѣе полными, нужно признать содержаніемъ Древнѣйшаго Евангелія?... Эвальдъ, хотя и произвольно, признаетъ, что изреченія только съ краткими введеніями относятся къ Древнѣйшему Евангелію, однако допускаетъ нѣкоторое ограниченіе, выдѣляя для примѣра изреченіе, изложенное въ XIII, 34 ст. Луки, которое будто бы не имѣетъ для себя историческаго введенія.—Нѣтъ, въ ст. 33-мъ Спаситель говоритъ: „небываетъ, чтобы пророкъ погибъ внѣ Іерусалима"... Далѣе, въ ст. 34: „Іерусалимъ! Іерусалимъ! избивающій пророковъ"... Связь этихъ двухъ стиховъ очевидна. Мысль въ ст. 33-мъ, что пророки погибаютъ въ Іерусалимѣ, и въ ст. 34-мъ:—что Іерусалимъ избиваетъ пророковъ,—одинакова,—о пророко-убійствѣ Іерусалима. Однако въ томъ и другомъ стихѣ эта одинаковая мысль не тожественна; потому что вторая половина ст. 34-го представляетъ иное содержаніе, хотя въ связи съ содержаніемъ ст. 33-го. А для этихъ, находящихся въ такой связи, стиховъ 33—34-го историческимъ введеніемъ служитъ ст. 31-й и сл., гдѣ изложено извѣстіе, что Иродъ намѣренъ убить Іисуса и предложеніе Господу со стороны фарисеевъ удалиться отъ Іерусалима, въ которомъ погибаютъ всѣ пророки, какъ въ городѣ пророко-убійцѣ

---

265) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 193.

(ст. 31—34). Слѣдовательно, ст. 34, XIII-й гл. Луки нельзя представлять примѣромъ изреченій, не имѣющихъ для себя историческаго введенія и при этомъ относить этотъ ст. 34-й къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія, какъ тó дѣлается Эвальдомъ [266]). Такъ за древность Древнѣйшаго Евангелія въ его отрывкахъ не говоритъ характеръ ихъ содержанія, выраженія и изложенія,—тѣмъ менѣе все это говоритъ за ихъ самостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, отчего же не могли быть высокіе по содержанію, краткіе по выраженію и съ различными предварительными замѣчаніями въ изложеніи Ев. отрывки въ одномъ и томъ же трудѣ, одного автора, и того же времени?—всегда могли и могутъ быть: всякій историческій повѣствовательный трудъ, особенно если онъ писанъ человѣкомъ неученымъ (αγραμματος), по воспоминанію или преданію, можетъ быть дѣлимъ на отрывочныя части,—что, однако, не препятствуетъ такому труду быть оригинальнымъ и цѣлостнымъ.

Если за самостоятельность и древность, по теоріи, перваго Евангельскаго труда не говоритъ его содержаніе въ отрывкахъ, будто бы ему принадлежащихъ; то понятно, что трудно доказать его самостоятельность и древность при помощи историческихъ свидѣтельствъ,—чтó, однако, настоятельно нужно. Въ качествѣ историческаго свидѣтельства за самостоятельное существованіе Древнѣйшаго Евангелія Эвальдъ выставляетъ тотъ, будто-бы, фактъ, что этимъ Евангеліемъ пользовался Ап. Павелъ [267]). Несправедливость указанія видна въ немъ же самомъ: разсуждая о недоказанной самостоятельности Древнѣйшаго Евангелія, въ доказательство этой мнимой самостоятельности его, Эвальдъ ссылается на нѣкоторые Ев. отрыв-

---

266) За древность остальнаго отрывка: гл. XIII, 1—5 ст. говоритъ, будто бы, его краткость; но не все то древнее, что кратко, какъ и на-оборотъ. Притомъ и самое содержаніе его не говоритъ за древность его записи.

267) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 194.

ки; между тѣмъ эти отрывки, въ доказательство существеннаго своего свойства—отрывочности, еще не имѣютъ никакого историческаго свидѣтельства. Если дѣйствительно Ап. Павелъ пользовался такъ называемымъ Древнѣйшимъ Евангеліемъ, то—стоитъ только обратить вниманіе на тѣ мѣста въ Посланіяхъ этого Апостола, которыя параллельны Евангельскому тексту, и прямо будетъ видно, что Древнѣйшее Евангеліе не было источникомъ для Ап. Павла, т. е. въ Посланіяхъ Ап. Павла теорія Эвальда не находитъ историческаго свидѣтельства о такъ-называемомъ Древнѣйшемъ Евангеліи. Изъ всѣхъ мѣстъ Ап. Посланій, параллельныхъ Евангеліямъ, видно, что Ап. Павлу были извѣстны догматическія и нравственныя Ев. истины, даже въ такомъ подробномъ изложеніи ихъ, какъ Нагорная проповѣдь; кромѣ того, были извѣстны пророческія слова, приводимыя въ Евангеліи, историческія событія тамъ изложенныя,—всякаго рода содержаніе Евангелій, изложенное какъ въ первыхъ трехъ, такъ и въ четвертомъ каноническихъ Евангеліяхъ [268]).

Всякое мнѣніе о самостоятельности какого-либо письменнаго библейскаго памятника, или извѣстной книги Священнаго писанія, должно въ достаточной мѣрѣ подтверждаться исагогическими данными. Поэтому и Эвальдъ предлагаетъ свои свѣдѣнія въ пользу самостоятельности

---

268) Именно, число параллельныхъ мѣстъ въ Посланіяхъ Ап. Павла, напримѣръ, съ Евангеліемъ отъ Матѳея находится въ слѣдующемъ отношеніи къ числу такихъ же параллелей въ Евангеліяхъ отъ Марка и Луки: въ Посланіи къ Римл. изъ Ев. Матѳея 33,—изъ Ев. Лук.—9, изъ Ев. Мр.—2; въ I посл. къ Коринѳ. Мѳ.—36, Лук.—8, Мр.—2; во 2 посл. къ Коринѳ. Мѳ.—9, Лук.—5, Мр.—1. Это численное отношеніе цитатъ показываетъ, что въ посланіяхъ Ап. Павла, хотя только въ трехъ, матеріи Евангельской много болѣе, чѣмъ въ «Древнѣйшемъ Евангеліи»; слѣдовательно, Ап. Павелъ пользовался не однимъ этимъ Евангеліемъ: иначе содержаніе его будетъ инохарактерно и почти столь же широко изложено и полно почти такъ, какъ, напримѣръ, въ Евангеліи отъ Матѳея,—что противорѣчитъ понятію о Древнѣйшемъ Евангеліи. Слѣдовательно, цитаты изъ посланій Ап. Павла не только не подтверждаютъ мнѣнія Эвальда о самостоятельности Древнѣйшаго Евангелія, но даже противорѣчатъ понятію о немъ и отрицаютъ его, какъ самостоятельное Евангеліе.

древнѣйшаго библейскаго памятника, какъ новой, имъ открытой,—будто-бы по многимъ „слѣдамъ",—священной и самой драгоцѣннѣйшей Евангельской книги: онъ положительно говоритъ о языкѣ, времени составленія или появленія Древнѣйшаго Евангелія и даже объ авторѣ его.

„Что основной языкъ Древнѣйшаго Евангелія былъ не греческій, этого, говоритъ Эвальдъ, не видно. Христіанство очень рано было тѣснимо горячимъ противодѣйствіемъ Синедріона и само стремилось къ эллинизму: вся Евангельская письменность приняла преимущественно эллинскій языкъ, такъ что употребленіе въ ней еврейскаго остается только предположеніемъ. Такой эллиноеврейскій оборотъ, какъ αυτος το προσωπον αυτου εστηριξε του πορευεσθαι εις Ιερουσαλημ (ст. 51, IX Лук.), хорошо показываетъ, что это произведеніе, т. е. Древнѣйшее Евангеліе, которое также и по всѣмъ другимъ признакамъ было истинно-начальнымъ произведеніемъ, составлено въ то время, когда греческій языкъ еще весьма сильно подвергался еврейской окраскѣ" 269). Однако, изъ того, что христіанство склонялось къ эллинизму, по теоріи же, ничего не можетъ слѣдовать относительно языка предполагаемаго Древнѣйшаго Евангелія. Если это Евангеліе потому древнее, что сохраняетъ слѣды еврейскаго языка, при основномъ языкѣ греческомъ; то нельзя думать, чтобы послѣ него могло явиться такое же грекоеврейское произведеніе, и—уже вовсе не могло явиться прямо еврейское, потому что дальнѣйшее движеніе христіанства къ эллинизму постепенно должно было бы устранять еврейскій языкъ. Между тѣмъ сама теорія именно признаетъ, что слѣдующій же за Древнѣйшимъ Евангеліемъ трудъ—Собраніе изреченій—написанъ по-еврейски, собственно по-арамейски. А если бы и не было такого труда, то отчего не предположить, что Древнѣйшее Еван-

---

269) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 194.

геліе написано не въ древнѣйшее время, когда „звуки и обороты еврейской рѣчи выливались изъ души Апостоловъ—Евреевъ вмѣстѣ съ движеніями ихъ чувства, съ біеніемъ пульса новой жизни обновленнаго сердца“,—когда нѣкоторые изъ нихъ не забывали еще своего роднаго, священнаго языка, напримѣръ, Ап. Петръ: Мѳ. XXVI, 73 ст.? [270]).—„Выраженіе αυτος το προσωπον αυτου εστηριξε του πορευεσθαι εις Ιερουσαλημ можетъ принадлежать и самому Ев. Лукѣ; а если не можетъ, если Ев. Лука не могъ употребить такого выраженія, какъ эллинистъ, то почему же онъ не замѣнилъ этого ненужнаго, но удобно-замѣнимаго, гебраизма?—Если признать, что Ев. Лука взялъ это выраженіе такъ, какъ оно есть, изъ Древнѣйшаго Евангелія, то значитъ, что оно не было для него гебраизмомъ и было всякому понятно; значитъ, потомъ, что такихъ гебраизмовъ (если это тогда былъ уже гебраизмъ въ отношеніи къ другимъ Евангеліямъ) не было въ эллинской рѣчи Евангелистовъ послѣдующаго времени. А если это—такъ, то, что же значитъ все разсужденіе Эвальда о еврейской окраскѣ во **всей** эллинистической Евангельской письменности?—разумѣется, противорѣчіе его понятію о выраженіи αυτος το προσωπον αυτου εστηριξε του πορευεσθαι εις Ιερουσαλημ, какъ о гебраизмѣ, и понятію его о Древнѣйшемъ Евангеліи, какъ такомъ. Еще въ большее противорѣчіе мнѣнію Эвальда о греко-еврейскомъ языкѣ Древнѣйшаго Евангелія, можно указать на еврейскіе слова и обороты, находящіеся во всѣхъ послѣдующихъ восьми Ев. произведеніяхъ, предполагаемыхъ Эвальдомъ; напримѣръ: Ταλιθα, κουμι, Мр. V, 41 ст.; Βοανεργες, Мр. III, 17; Εφφαθα, Мр. VII, 34; Ηλι, Мѳ. XXVII, 46; Ελωϊ, Мр. XV, 34 и проч.—И нетолько въ каноническихъ Евангеліяхъ, но и въ посланіяхъ Ап. Павла есть такія слова. Такъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, которое,

---

270) Ср. Jahrb. d. b. W. 1849. S. 186—187 u. a.

конечно, явилось послѣ Древнѣйшаго Евангелія, находится выраженіе Μαραναθα (1 Кор. XVI, 22) и т. п. [271]). Въ виду этого должно признать совершенно несправедливымъ такія заключенія Эвальда, что если въ Евангеліи отъ Луки одинъ извѣстный отрывокъ заключаетъ въ себѣ еврейскій оборотъ рѣчи (напримѣръ, Луки IX, 51), то этотъ отрывокъ принадлежитъ Древнѣйшему Евангелію, то это Евангеліе было писано на греческомъ языкѣ съ еврейскою окраскою его,—то вся Ев. письменность носила эллинистическій характеръ рѣчи... Скорѣе слѣдуетъ думать на-оборотъ. Подобнымъ заключеніямъ отъ единичнаго факта къ общему языку всей Ев. письменности, —такъ какъ Эвальдъ судитъ о ней въ этомъ отношеніи по языку Древнѣйшаго Евангелія,—рѣшительно противорѣчитъ положеніе теоріи касательно времени составленія Древнѣйшаго Евангелія.

„Время, когда было составлено Древнѣйшее Евангеліе, вполнѣ точно опредѣлить, конечно, трудно; однако у насъ, говоритъ Эвальдъ, нѣтъ недостатка въ замѣчательныхъ данныхъ для того. Можно именно съ высшею вѣроятностію или еще болѣе съ точностію принять, что самое Древнѣйшее Евангеліе есть то, которое употреблялъ Ап. Павелъ. Что онъ употреблялъ вообще писанное Евангеліе, этого не должно оспаривать; а если онъ пользовался такимъ когда-либо, то мы, говоритъ Эвальдъ, можемъ думать ни о какомъ иномъ, какъ только объ этомъ самомъ древнѣйшемъ. Великое сродство между словами, сказанными на послѣдней вечери,—у Ев. Луки: XXII, 19 и сл. и у Ап. Павла: I Кор. XI, 23—25 ст., можетъ привести къ признанію этого труда каждаго внимательнаго читателя, какъ скоро онъ пойметъ, что Ев. Лука

---

271) Примѣры гебраизмовъ, разсѣянныхъ во всемъ Нов.—Зав. Св. Писаніи, можно видѣть въ Grammatik'ѣ Wienen'a,—Стр. 28—36.

должень быль въ данномъ случаѣ имѣть предъ собой этотъ трудъ, т. е. Древнѣйшее Евангеліе" [272]). Такое соображеніе отнюдь не доказательство. Совсѣмъ неизвѣстно, употреблялъ ли Ап. Павелъ именно писанное Евангеліе; а если и употреблялъ, то еще нѣтъ основанія думать, что это было именно такое Древнѣйшее Евангеліе. Оно, по мнѣнію Эвальда, было по своему содержанію кратко и возвышенно; но Ап. Павелъ въ тѣхъ мѣстахъ, какія указываетъ самъ же Эвальдъ, именно: I Кор. VII, 6. 10. 11. 25. 40; IX, 14; XI, 23; XV, 3. 1 Сол. II, 6; IV, 15 и конечно ст. 18-й [273]), выражаетъ нѣкоторыя, обыкновенныя въ Св. Писаніи, нравственныя положенія, именно: „женѣ не должно разводиться съ мужемъ (I Кор. VII, 10 и Мѳ. XIX, 9 ст.)..... проповѣдующимъ Евангеліе Господь повелѣлъ жить отъ благовѣстія (IX, 14 и—Луки X, 7)..... Господь Іисусъ въ ту ночь, въ которую преданъ былъ, взялъ хлѣбъ (ст. 23, и Луки XXII, 19; Мѳ. XXVI, 16 и Мр. XIV, 22).... Христосъ умеръ за грѣхи наши.... (XV, 3 и Луки XXIV, 26)..... не ищемъ славы человѣческой ни отъ васъ, ни отъ другихъ (1 Сол. XI, 6 и Іоан. V, 41. 44).... мы живущіе, оставшіеся до пришествія Господня, не предупредимъ умершихъ (IV, 15; I Кор. XV, 23; I Сол. IV, 16 и Мѳ. XXV, 31)..." Эти тексты не содержатъ въ себѣ ничего особенно важнаго сравнительно со всѣми прочими въ Евангеліи и не настолько характеристичны, чтобы только ихъ относить къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія. Только такою неопредѣленною характеристикой и можно объяснить слѣдующую путаницу въ теоріи Эвальда. Онъ, напримѣръ, I Кор. IX, 14 ст. относитъ къ Древнѣйшему Евангелію, а параллельный ему въ Евангеліи отъ Матѳея ст. 7, X-й гл. относитъ къ Собранію изреченій; или: стихъ

---

272) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 194—195.
273) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 195 Anmerk. erst.

23-й, XI-й гл. I Кор. параллеленъ стиху 19-му, XXII-й Луки, но этотъ ст. 19-й стоитъ въ строгой связи со ст. 18 и 17-мъ, которые Эвальдъ почему-то относитъ къ Собранію изреченій, хотя эти стихи одинаково важны со ст. 19-мъ; и т. д. [274]). Слѣдовательно, указанныя мѣста посланій Ап. Павла не должны относиться къ Древнѣйшему Евангелію и не могутъ, судя по ихъ параллельности одного другому.—Еще менѣе, чѣмъ за самостоятельность Древнѣйшаго Евангелія, говорятъ указанныя цитаты за то, что Ап. Павелъ пользовался письменнымъ Евангеліемъ; потому что такія изреченія Апостола, какъ: „это сказано мною, какъ позволеніе, а не какъ повелѣніе (VII, 6).... не я повелѣваю, а Господь (—ст. 10).... я не имѣю повелѣнія Господня, а даю совѣтъ (—ст. 25).... по моему совѣту (ст. 40).... Господь такъ повелѣлъ (ст. 14, IX).... я отъ самого Господа принялъ то, что и вамъ передалъ (ст. 23, XI гл.).... я преподалъ вамъ, что самъ принялъ (ст. 3, XV гл.).... говорилъ вамъ словомъ Господа (ст. 15, IV I Сол.)“... эти и подобныя изреченія ясно указываютъ на то, что Ап. Павелъ не пользовался письменнымъ Древнѣйшимъ Евангеліемъ для составленія перваго посланія къ Коринѳянамъ и перваго же къ Солунянамъ. Такое мнѣніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что Ап. Павелъ и самъ непосредственно очень близко стоялъ къ устному Апостольскому преданію и воспоминанію (απομνημονευματα). Поэтому-то самъ Апостолъ говоритъ о себѣ, что онъ передавалъ то, что самъ принялъ (ст 3, IV гл. I Сол. и 23, IX гл. I Кор.). По преданію онъ могъ хорошо знать, что—Господнее повелѣніе и что—нѣтъ; поэтому не слѣдуетъ предполагать, что онъ пользовался еще письменнымъ Евангеліемъ.—Если бы онъ и пользо-

---

274) Или—по D. drei ersten Evangelien—къ Собственному Евангелію отъ Марка (III).

вался письменнымъ Евангеліемъ, то оно было бы несравненно полнѣе по своему содержанію и не таково по характеру своему, какъ предполагаемое Древнѣйшее Евангеліе. При всемъ томъ остается страннымъ, что Ап. Павелъ пользовался именно такимъ Евангеліемъ, авторомъ котораго не былъ никто изъ Двѣнадцати Апостоловъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ быть для Ап. Павла, верховнаго изъ Апостоловъ, столь авторитетнымъ лицомъ—писателемъ, которому бы онъ довѣрился настолько, чтобы заимствовать у него свое благовѣстіе?—конечно, только кто-либо изъ Двѣнадцати Апостоловъ; а если еще кто-нибудь былъ для него столь обязательно-важнымъ лицомъ, то почему же Ап. Павелъ, говоря много разъ о своихъ спутникахъ и сотрудникахъ, ничего ни разу не упоминаетъ о своемъ руководителѣ—Евангелистѣ?—конечно потому, что онъ не имѣлъ для себя такого исключительно-авторитетнаго руководителя. Въ самомъ дѣлѣ, кто же былъ Евангелистомъ-руководителемъ Ап. Павла, или—что тоже—авторомъ Древнѣйшаго Евангелія, которое было основнымъ источникомъ для этого Апостола, какъ и для другихъ?

—„Еще труднѣе догадаться, говоритъ Эвальдъ, кто былъ дѣйствительнымъ **авторомъ** Древнѣйшаго Евангелія (разумѣется—труднѣе, нежели опредѣлить время его составленія и под.)“... [275]). И—тѣмъ труднѣе, должно прибавить, что Эвальдъ самого Ап. Павла напередъ призналъ Евангелистомъ (въ своемъ смыслѣ)—спутникомъ старѣйшаго Ап. Варнавы. Но, если Ап. Павелъ самъ былъ Евангелистомъ для другихъ (напримѣръ, для Варнавы,—при первомъ путешествіи его съ Павломъ), то для чего же еще предполагать для самого Ап. Павла другаго Евангелиста?—Предполагаемый Евангелистъ могъ знать болѣе Ап. Павла, но—изъ преданія отъ очевидцевъ—

275) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 195.

слушателей, которое было доступно и самому верховному Апостолу, который видѣлся неоднократно съ Ап. Петромъ и былъ нѣсколько времени вмѣстѣ съ нимъ. Итакъ, кто же былъ авторомъ самаго важнаго Древнѣйшаго Евангелія?—„признать такимъ кого-либо изъ Двѣнадцати (Апостоловъ) мы, говоритъ Эвальдъ, не имѣемъ ни какого основанія" 276). Это, съ точки зрѣнія Эвальда, несправедливо: противъ этого говоритъ авторитетъ Двѣнадцати Апостоловъ и то положеніе теоріи, что „Двѣнадцать (Апостоловъ) были всегда главными источниками преданія и самаго воспоминанія о Христѣ Іисусѣ"; или—что „кто-либо изъ Двѣнадцати долженъ былъ увѣковѣчить свое имя такимъ дѣломъ". Кромѣ того, Двѣнадцать Апостоловъ были служителями слова (т. е. Евангелія) и само Древнѣйшее Евангеліе это было первоначальнымъ, основнымъ, содержащимъ въ себѣ „перлы" историческаго воспоминанія объ Іисусѣ Христѣ, и, какъ такое, было принято въ составъ каноническихъ Евангелій. Кто же, однако, кромѣ Двѣнадцати Апостоловъ, могъ быть авторомъ Древнѣйшаго Евангелія?—„Можетъ быть, это былъ тотъ Филиппъ, который названъ опредѣленнымъ именемъ Евангелиста..." 277) замѣчаетъ, но, очевидно, не отвѣчаетъ на вопросъ Эвальдъ. Почему же именно Ап. Филиппъ?—ужели только потому, что онъ названъ Евангелистомъ?—потому, думаетъ Эвальдъ, что „въ столь раннее время никто не имѣлъ бы ни внутренняго, ни внѣшняго (?) призванія къ составленію Евангелія, не имѣлъ бы именно такого призванія, какъ Филиппъ—самый ближайшій въ ряду первыхъ семи попечителей общества (діаконовъ) послѣ Стефана; Филиппъ, къ тому же, былъ эллинистъ, совершенно такой, какимъ слѣдуетъ представлять себѣ автора такъ-называемаго Первоевангелія (Ur-

---

276) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 195.
277) Ibidem.

Evangelium). Такой взглядъ, замѣчаетъ Эвальдъ, и въ настоящее время долженъ оставаться догадкой; однако, онъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, представляется не безосновательнымъ" [278]). Конечно, этотъ взглядъ таковъ по тому, чтó сказано Эвальдомъ въ его пользу; но это далеко не основаніе. Авторъ Первоевангелія долженъ быть эллинистомъ; а св. Филиппъ былъ эллинистъ; слѣдовательно, онъ авторъ Первоевангелія... Здѣсь не доказано ни то, ни другое. Если предположить, что Ап. Филиппъ могъ быть авторомъ Первоевангелія; то, что же отсюда?—былъ ли Филиппъ дѣйствительно тѣмъ, кѣмъ онъ только могъ быть?—это неизвѣстно; слѣдовательно, какъ ни примѣчательно кажущееся Эвальду основаніе, но оно еще недоказано имъ и при всей придаваемой ему вѣроятности ведетъ собственно только къ тому, что Ап. Филиппъ могъ быть Евангелистомъ, ибо онъ былъ эллинистомъ, т. е., авторомъ Древнѣйшаго Евангелія. Однако, возможность тогда равняется дѣйствительности, когда эта возможность исключительно одна. Ап. Филиппа должно было бы признать дѣйствительнымъ авторомъ предполагаемаго Первоевангелія, если бы онъ одинъ былъ извѣстенъ, какъ Евангелистъ-эллинистъ; но самъ же Эвальдъ признаетъ, что и Ап. Павелъ былъ тоже эллинистомъ и Евангелистомъ, что въ извѣстномъ смыслѣ совершенно справедливо (1 Кор. XV, 1 ст. и др.; Дѣян. XXI, 37 и др.); слѣдовательно, и Ап. Павелъ могъ быть авторомъ предполагаемаго Первоевангелія. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что самъ Эвальдъ въ Посланіяхъ Ап. Павла находитъ слѣды Древнѣйшаго Евангелія, хотя и объясняетъ это тѣмъ, что Апостолъ только пользовался Древнѣйшимъ Евангеліемъ. Но теперь очевидно, что Ап. Павелъ могъ быть даже и авторомъ этого труда, съ коимъ во многомъ сходны его Посланія,—настолько, что Эвальдъ ихъ ставитъ прямо въ

278) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 195.

отношеніе зависимости отъ Древнѣйшаго Евангелія. А если съ точки зрѣнія Эвальда вѣроятно, что и Ап. Павелъ могъ быть авторомъ Первоевангелія, то этимъ явно отстраняется предположеніе, что такимъ авторомъ былъ только Филиппъ благовѣстникъ. Впрочемъ, это такъ съ точки зрѣнія Эвальда; а въ самомъ дѣлѣ ни благовѣстникъ Филиппъ, ни Ап. Павелъ не были составителями предполагаемаго Первоевангелія. Первое предположеніе, что Ап. Филиппъ былъ Евангелистомъ-эллинистомъ и авторомъ Первоевангелія, несправедливо потому, что Филиппъ хотя и былъ первымъ, послѣ Стефана, діакономъ (Дѣян. VI, 5), но именно діакономъ, а не „служителемъ слова" (Дѣян. VI, 4), т. е. не былъ Евангелистомъ въ собственномъ и полномъ смыслѣ этого слова, по теоріи; онъ не былъ даже и въ числѣ избираемыхъ въ это званіе. При избраніи Апостола въ число Двѣнадцати на мѣсто Іуды искаріотскаго были „поставлены двое: Іосифъ, называемый иначе Варсавою и прозванный еще Іустомъ, и Матѳій (Дѣян. I, 23)",—именно эти, потому что „они находились съ Апостолами во все время, когда пребывалъ и обращался съ ними Господь Іисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся отъ нихъ (Дѣян. I, 21—22)". Матѳей, избранный въ число Двѣнадцати Апостоловъ (Дѣян. I, 26), вмѣстѣ съ ними сталъ служителемъ слова" (Дѣян. VI, 4), а Филиппъ былъ служителемъ при трапезахъ или „попечителемъ о столахъ" въ числѣ семи діаконовъ (Дѣян. VI, 3 и 5), и потому, по крайней мѣрѣ, авторомъ самаго перваго, древнѣйшаго и важнѣйшаго первоевангелія онъ не былъ, такъ какъ въ первое время своего служенія онъ былъ только діакономъ, т. е. въ то время, когда Древнѣйшее Евангеліе должно было находиться уже въ употребленіи.—Съ точки зрѣнія Эвальда, даже вѣроятнѣе второе предположеніе, что Ап. Павелъ былъ авторомъ Древнѣйшаго Евангелія. Но это значило бы, что авторомъ былъ Апостолъ, даже первоверховный, избранный на

„служеніе слову“ или Евангелію. Однако, авторитетъ Ап. Павла и даже его воспитаніе іудейско-эллинистическое (Дѣян. XXI и XXII гл.) еще ничего не говорятъ за то, что онъ былъ авторомъ Первоевангелія: онъ всюду указываетъ на свое только устное проповѣдываніе Евангелія (ср. 2 Тим. II, 2 и д.; 1 Кор. XV, 1 ст. и др.),—онъ „передавалъ то, что самъ принялъ (1 Кор. XV, 3)“. Поэтому и Ап. Павла нельзя назвать и признать авторомъ Древнѣйшаго Евангелія. А если никто не можетъ быть признанъ авторомъ Первоевангелія,—ни изъ Двѣнадцати Апостоловъ—по теоріи, ни изъ ихъ помощниковъ, только благовѣстниковъ или проповѣдниковъ,—по свидѣтельству исторіи Апостольской; то авторъ его остается неизвѣстнымъ. Итакъ, предполагаемое Эвальдомъ, Древнѣйшее Евангеліе есть историческое X, ибо оно не имѣетъ ни самостоятельнаго существованія, ни особаго языка, ни опредѣленнаго времени, ни извѣстнаго автора, прямо говоря—его никогда не было въ дѣйствительности.

IX.

Слѣдующій за Древнѣйшимъ Евангеліемъ трудъ долженъ былъ не только собрать, по возможности, извѣстное количество изреченій Іисуса Христа, но и передать каждую рѣчь Его въ возможной полнотѣ и законченности. Эта задача разрѣшена въ высшей степени совершенно авторомъ Собранія изреченій. Содержаніе этого

труда Эвальдъ опредѣляетъ подобно предшествующему—по „слѣдамъ", находящимся въ каноническихъ Евангеліяхъ.—За Собраніемъ изреченій, по теоріи, слѣдовало каноническое Евангеліе отъ Марка, дошедшее въ цѣломъ, весьма мало измѣненномъ видѣ.—Когда этими предшествовавшими трудами были удовлетворены главныя потребности времени, явилось новое направленіе въ исторіи Евангельской письменности, опредѣляемое стремленіемъ—сопоставить вмѣстѣ многочисленные и разсѣянные письменные источники. Въ этотъ періодъ появились и дошли до насъ Евангеліе отъ Матѳея и Евангеліе отъ Луки; но, вѣроятно, было нѣсколько и другихъ Ев. произведеній. Къ нимъ относится Книга высшей исторіи [279]). Кромѣ поименованныхъ здѣсь Ев. трудовъ, Эвальдъ указываетъ еще „слѣды" нѣкоторыхъ, именно VI, VII и VIII-й книгъ Евангельской исторіи.

Опредѣленіе содержанія и всѣ доказательства самостоятельности VI, VII и VIII-й книгъ Евангельской исторіи представляютъ весьма характеристическіе моменты развитія Эвальдовой теоріи, лучшее выраженіе ея принциповъ, яснѣйшее обнаруженіе ихъ недостаточности и рѣшительныя крайности общаго мнѣнія Эвальда о происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій. На нихъ и слѣдуетъ обратить преимущественное вниманіе съ цѣлію—опредѣлить научное значеніе всего, что говоритъ теорія въ пользу самостоятельности такихъ источниковъ синоптическихъ Евангелій, какъ VI, VII и VIII-я книги Евангельской исторіи.

Принимая во вниманіе задачу труда, предшествовавшаго VI-й книгѣ Ев. исторіи, именно каноническаго Евангелія отъ Матѳея,—въ смыслѣ теоріи Эвальда,—а именно, что это Евангеліе имѣло главной задачей

279) Объ этихъ трудахъ см. Jahrb. d. b. W. 1849. S. 196—216 и 219—224.

своей—„искусно обработать уже письменные источники“ [280]),—слѣдуетъ думать, что послѣ этого труда не могло быть еще труда съ иной какой-либо задачей. Но Эвальдъ „усматриваетъ весьма точно слѣды трехъ произведеній, которыя опять обработываютъ Ев. исторію большею частію самостоятельно. Эти слѣды, по его словамъ, конечно, довольно разсѣяны и немногочисленны; они преимущественно находятся въ Евангеліи отъ Луки, однако, замѣчаетъ Эвальдъ, несправедливо было бы не признавать и не желать собрать ихъ въ одинъ понятный видъ (verständliches Bild) столько, сколько можно“ [281]). Общая задача всѣхъ этихъ трудовъ (VI, VII и VIII-й кн.) хотя здѣсь не опредѣляется точно и вполнѣ, но уже мысль о самостоятельности ихъ возбуждаетъ вопросъ, почему же Эвальдъ эти самостоятельныя произведенія ставитъ послѣ, по его мнѣнію, не самостоятельнаго каноническаго Евангелія отъ Матѳея? Если они всѣ (VI, VII и VIII-я кн.) самостоятельны, то почему же хотя нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, VI и VIII-я или VII и VIII-я книги, не стоятъ прежде каноническаго Евангелія отъ Матѳея?—На это нѣтъ и не можетъ быть удовлетворительнаго отвѣта въ общемъ понятіи Эвальда объ этихъ трудахъ. И если остается возможность рѣшать этотъ вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлять самостоятельность VI, VII и VIII Ев. книгъ, то—при частномъ опредѣленіи вида и характера каждой изъ нихъ. А это опредѣленіе стоитъ въ существенно-тѣсной связи съ указаніемъ и опредѣленіемъ самыхъ „слѣдовъ“ въ каноническихъ Евангеліяхъ,—по чему находится ихъ содержаніе.

„Мы, говоритъ Эвальдъ, находимъ весьма точно слѣды произведенія, которое явилось съ цѣлію—изложить въ прекрасно-подробномъ изображеніи много-различныя вос-

---

280) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 209—210.
281) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 216.

поминанія (о Христѣ), что́ до того времени еще не много было или даже совсѣмъ не было обработано письменно (noch wenig oder noch garnicht schriftlich behandelt war). Это—VI-я книга Ев. исторіи [282]). Въ настоящемъ случаѣ важно не только то, что оставались еще нѣкоторыя воспоминанія, но еще болѣе то, что они не были записаны. Въ самомъ дѣлѣ, весьма важно, какъ—„не много были" или—„даже совсѣмъ не были" записаны оставшіяся воспоминанія о Христѣ?— Рѣшить это весьма трудно, а рѣшить весьма нужно; потому что если не могли быть записаны, то, по теоріи, VI-ю Ев. книгу можно помѣстить послѣ каноническаго Евангелія отъ Матѳея; а если „не много были записаны", то, по теоріи, эта книга должна быть поставлена прежде каноническаго Евангелія отъ Матѳея, какъ его источникъ въ ряду другихъ подобныхъ, или совсѣмъ не быть. Между тѣмъ, по теоріи Эвальда, скорѣе можно рѣшить вопросъ такъ, что „не много были записаны", ибо Ев. Матѳей нашелъ нужнымъ собирать только письменные источники; а эта задача его времени и писанія предполагаетъ, что самостоятельныя работы уже были окончены. Слѣдовательно, всякія самостоятельныя по Ев. исторіи сочиненія, какъ VI-я книга и другія, ей подобныя, предшествовали каноническому Евангелію отъ Матѳея. Это—такъ, но при рѣшительно произвольномъ предположеніи Эвальда относительно свойствъ и содержанія VI-й книги Ев. исторіи. Это предположеніе предлагается въ такомъ видѣ: „сколько можно видѣть въ настоящее время, авторъ этой VI-й Ев. книги дѣйствительно и весьма удобно находилъ новую матерію, восходя къ самому началу открытой жизни Іисуса Христа и обнимая дотолѣ мало разсмотрѣнное воспоминаніе о Его дѣтствѣ, повторяя при томъ еще нѣкоторыя изображенія событій изъ открытой жизни Его, въ-особенности, если

282) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 216—217.

что содержало ученіе Христа, и преимущественно приводилъ нѣкоторыя изъ единократно высказанныхъ Имъ притчей“ [283]). Такое разъясненіе Эвальдомъ своего предположенія, конечно, нисколько не дѣлаетъ его доказательствомъ, что требуется для отвѣта. Остается не рѣшеннымъ вопросъ, находилъ ли дѣйствительно предполагаемый авторъ новую матерію, и не была ли она изложена еще прежде въ каноническомъ Евангеліи отъ Матѳея? Въ данномъ объясненіи скорѣе предрѣшается этотъ вопросъ отрицательно; потому что, по объясненію Эвальда, эта VI-я книга Ев. исторіи содержала воспоминаніе о дѣтствѣ Христа, которое уже излагалъ и Ев. Матѳей въ своемъ Евангеліи, пользуясь, по мнѣнію Эвальда, въ этомъ случаѣ источникомъ писаннымъ. Слѣдовательно, еще и до каноническаго Евангелія отъ Матѳея былъ писанный источникъ свѣдѣній о дѣтствѣ Іисуса Христа; а потому и то воспоминаніе, какое содержитъ VI-я книга Ев. исторіи, изложенное въ Евангеліи отъ Луки, могло быть Ев. Лукою заимствовано изъ того же источника, изъ котораго заимствовалъ его Ев. Матѳей. А что оно было дѣйствительно въ томъ источникѣ, это, съ точки зрѣнія Эвальда, положительно вѣроятно, потому что Ев. Матѳей изложилъ исторію дѣтства Христова въ своемъ Евангеліи неполно и не такъ, какъ Ев. Лука. Поэтому, замѣчаніе Эвальда, характеризующее VI-ю книгу Ев. исторіи, не отдѣляетъ ее отъ предшествующихъ Ев. трудовъ и собственно прямо относитъ къ числу писаній, существовавшихъ еще до каноническаго Евангелія отъ Матѳея.

Ничего нельзя вывести существенно основательнаго въ доказательство самостоятельности VI-й книги Ев. исторіи и изъ частной ея характеристики. „Въ отрывкахъ этой книги, въ-частности замѣчаетъ Эвальдъ, представляются высшая любезность (Lieblichkeit) и нѣжность

283) Jahrb. d. b. W. 1849. S.217.

(Zartheit), которыя въ связи съ спокойнымъ, прекраснымъ и подробнымъ изображеніемъ достаточно отчетливо выставляетъ матерію VI-й книги Ев. исторіи и дѣлаютъ ее замѣтною между сотнею другихъ отрывковъ [284]). Конечно, эта матерія по указаннымъ свойствамъ можетъ быть примѣтною, но нельзя еще признавать ее самостоятельною, такъ какъ эти свойства не могутъ быть постоянными и единственными во всякомъ историческомъ сочиненіи. Высшая нѣжность предполагаетъ и менѣе высшую: почему же та и другая не могли принадлежать одному и тому же автору?—Ужели каждый долженъ излагать одинаково высоко и нѣжно свою матерію во всѣхъ частяхъ своего труда?—это несправедливо въ виду того факта, что напримѣръ Ев. Матѳей въ своемъ изложеніи Ев. исторіи неодинаково изображаетъ различныя обстоятельства изъ жизни Господа, какъ дѣлаютъ то и другіе Евангелисты. Почему же этого не могъ сдѣлать и Евангелистъ Лука, притомъ—только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего Евангелія и, между прочимъ, когда онъ излагаетъ исторію дѣтства Іисуса Христа?—Ев. Лука самъ могъ передать эту „высшую нѣжность“, тѣмъ болѣе, что она заключается собственно въ словахъ тѣхъ лицъ, о коихъ разсказываетъ Евангелистъ, и есть не болѣе, какъ точное воспроизведеніе словъ Св. Дѣвы Маріи, Іосифа и самого Іисуса Христа—Отрока.... А точное воспроизведеніе данныхъ словъ, принадлежащихъ извѣстнымъ лицамъ, и у историка-писателя не измѣняетъ ихъ нѣжности. Поэтому, слѣдовало бы напередъ доказать, что этихъ нѣжныхъ словъ изъ дѣтской исторіи Христа въ дѣйствительности не было никогда сказано, что они принадлежатъ самому Евангелисту Лукѣ; но этого еще нисколько не доказалъ Эвальдъ. Такъ, VI-я книга Ев. исторіи можетъ быть помѣщена и прежде каноническаго Евангелія

284) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 217.

отъ Матѳея, и послѣ, и потому не можетъ быть признана самостоятельнымъ произведеніемъ. Тѣ части содержанія каноническихъ Евангелій, которыя Эвальдомъ относятся къ VI-й книгѣ Ев. исторіи, съ одной стороны могли принадлежать источнику исторіи дѣтства Іисуса Христа и быть записанными прежде каноническаго Евангелія отъ Матѳея; а съ другой стороны они могли принадлежать самому Ев. Лукѣ, у котораго находятся въ настоящее время, и потому не могутъ быть признаны самостоятельными. Въ самомъ дѣлѣ, если Ев. Лука счелъ нужнымъ помѣстить ихъ въ своемъ трудѣ, то почему же онъ не былъ тѣмъ авторомъ, который впервые ихъ записалъ? —Дѣйствительно, въ изложеніи указанныхъ Эвальдомъ частей Евангелія отъ Луки замѣтны „высшая любезность и нѣжность“; но почему же до той и другой не могъ возвыситься такой историкъ, какъ Ев. Лука?—VI-ю книгу Ев. исторіи и по теоріи слѣдуетъ отнести къ содержанію каноническаго Евангелія отъ Луки; это тѣмъ болѣе справедливо, что она содержитъ еще много такого, что составляетъ уже повтореніе изложеннаго въ предшествующихъ ей Ев. произведеніяхъ. Если такъ, то почему же эту книгу нельзя усвоить Евангелисту Лукѣ, какъ часть его Евангелія? Если качество и свойства принадлежащихъ ей отрывковъ ничего не говорятъ противъ этого; если, наконецъ, не говоритъ противъ этого же контекстъ и грамматическая связь ихъ въ Евангеліи отъ Луки: то самостоятельное существованіе этихъ отрывковъ, отдѣльное отъ всего содержанія Евангелія Луки, остается мнимымъ, прямо говоря—они принадлежатъ Ев. Лукѣ.

Такъ это оказывается и при разсмотрѣніи каждой части VI-й книги Ев. исторіи отдѣльно.—Первый по порядку „слѣдъ“ ея—Луки гл. II, 41—52 ст.—содержитъ разсказъ о путешествіи Іосифа и Маріи съ Отрокомъ-Іисусомъ въ Іерусалимъ, ихъ розыскѣ тамъ Іисуса, о бесѣдѣ Мессіи-Отрока съ учителями народа во храмѣ. Въ этомъ разсказѣ дѣйствительно содержится выраженіе

нѣжной родительской любви, и, конечно, это—подробная черта въ изложеніи Ев. исторіи; но почему же, при этомъ, нельзя данный отрывокъ приписать самому Ев. Лукѣ? Еслибы у него не находилось еще ничего подобнаго и при томъ неизвѣстны были его источники, то и тогда нельзя было-бы заключить, что онъ не могъ самъ изложить данныя событія такъ, какъ (неизвѣстно почему) могъ тотъ, кто признается писателемъ его по Эвальду. А въ Евангеліи отъ Луки содержится и еще подобный разсказъ, именно о встрѣчѣ Христа Спасителя во храмѣ Симеономъ и Анною пророчицей,—разсказъ, исполненный выраженіемъ любви ко Христу: но и этотъ разсказъ передаетъ все то прекрасное, что содержали въ себѣ слова и дѣйствія лицъ, о коихъ повѣствуетъ Евангелистъ. И совершенно нѣтъ нужды предполагать самостоятельный письменный источникъ для такихъ разсказовъ, какъ: гл. II, 41—52, тѣмъ болѣе, когда Ев. Лука при изложеніи разсказовъ изъ исторіи дѣтства Іисуса Христа, не намѣкаетъ ни на что въ родѣ VI-й книги Ев. исторіи и—вообще ни на какой писанный источникъ, но прямо указываетъ источникъ неписанный—устное преданіе: „Матерь Его (Іисуса), говоритъ Евангелистъ, сохраняла всѣ слова сіи въ сердцѣ своемъ (ст. 51, ср. XI, 19)“. Именно Пресв. Дѣва Марія сохраняла (συνετηρει) всѣ слова сіи, слагая (συμβαλλουσα) въ сердцѣ своемъ (εν τη καρδιᾳ αυτης)“. И это указаніе Ев. Лука даже повторяетъ, давая тѣмъ замѣтить, откуда онъ заимствуетъ свои свѣдѣнія. „Пресвятая Дѣва Марія, по бывшему Ей откровенію о зачатіи Господа, была глубоко вдохновлена и все глубоко-внимательно наблюдала... Она сохраняла всѣ эти изреченія (ρηματα); Она сохраняла, συνετηρει, глубоко запечатлѣнное въ памяти и глубокомъ умѣ, и при этомъ слагала въ сердцѣ своемъ,—συμβαλλουσα,—составляла или сопоставляла, т. е. въ смиренномъ сердечномъ размышленіи со-

ображала ихъ и объясняла“ [285]). Вотъ источникъ свѣдѣній Ев. Луки. Поэтому нѣтъ нужды предполагать еще отдѣльную, кромѣ Евангелія отъ Луки, VI-ю книгу Ев. исторіи, когда данный разсказъ Луки гл. II, 41—52 по всей вѣроятности заимствованъ оттуда же, откуда, напримѣръ, и разсказъ о пастыряхъ Виѳлеемскихъ, т. е. изъ устнаго источника исторіи дѣтства Христова,—откуда и всѣ другіе того же рода Ев. разсказы, какъ и вся исторія жизни Іисуса Христа до выступленія Его на общественное служеніе, помѣщенная у Ев. Матѳея и, по Эвальду, именно этому Евангелисту принадлежащая. Эту исторію дѣтства Христова можно и должно было заимствовать изъ преданія только отъ самой Пресв. Дѣвы Маріи, которая все сохраняла и слагала въ своемъ сердцѣ, и отъ самого Господа. А такъ какъ у Ев. Матѳея нѣтъ словъ Ев. Луки: гл. II, 19 и 51 ст., то слѣдуетъ, что Ев. Лука и не могъ заимствовать ихъ у Матѳея; слѣдовательно, заимствовалъ ихъ прямо и непосредственно изъ первоисточника—отъ Пресв. Дѣвы Маріи: на Нее, какъ на источникъ своихъ свѣдѣній, онъ указываетъ здѣсь же самъ,—на Нее, а не на какой бы то ни было письменный источникъ, въ родѣ VI-й книги Ев. исторіи. Такъ, эта книга несамостоятельна и въ отношеніи къ Евангелію отъ Матѳея, и въ отношеніи къ Евангелію отъ Луки.

Еще менѣе говоритъ за самостоятельность доселѣ еще несамостоятельной VI-й книги Ев. исторіи второй „слѣдъ“ ея—Луки гл. IV, 16—23 и 28 ст. Здѣсь содержится проповѣдь Іисуса Христа въ Назаретской синагогѣ. Желаніе Эвальда отнести этотъ отрывокъ къ VI-й книгѣ Ев. исторіи является страннымъ, потому что эта проповѣдь находится уже въ Евангеліяхъ отъ Марка и Матѳея, только въ нѣсколько сокращенномъ ея видѣ. Этотъ фактъ дока-

---

285) Meyer's: Kommertar üb. d. Evangelium Lucas: II, 41—52 ст.

зываетъ, что VI-я Ев. книга, судя по этому отрывку, не могла явиться послѣ Евангелія отъ Матѳея, ибо слѣды ея существовали прежде. Было ли содержаніе ея прежде записано—на это въ томъ же отрывкѣ нѣтъ никакого указанія. Если же судить съ Эвальдомъ, кому принадлежало составленіе Проповѣди въ Назаретской синагогѣ, то онъ, не сомнѣваясь, усвояетъ оное Ев. Марку; а Ев. Матѳей, по его мнѣнію, уже сократилъ содержаніе этой проповѣди, записанное Ев. Маркомъ; Ев. Лука, слѣдовательно, дополнилъ... Если такъ, то VI-я книга Ев. исторіи—произведеніе несамостоятельное, потому что часть ея находится въ Евангеліи отъ Марка (гл. VI, 1 и сл. ст.) и ему принадлежитъ, какъ собственность. Однако, замѣчательно, что находится повтореніе содержанія VI-й книги Ев. исторіи даже въ большемъ ея объемѣ и въ Евангеліи отъ Луки. Это показываетъ, конечно, то, что Ев. Лука писалъ свое Евангеліе независимо отъ Марка и Матѳея. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что если бы Ев. Лука заимствовалъ содержаніе своего Евангелія у Марка, то онъ долженъ былъ бы помѣстить, напримѣръ, весь вопросъ и вмѣстѣ мнѣніе народа, слушавшаго Спасителя въ Назаретской синагогѣ,—такъ, какъ это изложено у Ев. Марка: „откуда у Него это? что за премудрость дана Ему? и и какъ такія чудеса совершаются руками Его?—Не плотникъ ли Онъ, сынъ Маріи, братъ Іакова, Іосіи, Іуды и Симона? Не здѣсь ли между нами Его сестры?“ Напротивъ,—у Ев. Луки только: „и всѣ... дивились словамъ благодати, исходившимъ изъ устъ Его, и говорили: не Іосифовъ ли это сынъ?“ Понятно, Ев. Лукѣ, который замѣчаетъ даже, что Спаситель, при этомъ закрывъ книгу, и отдавъ слугѣ, сѣлъ, и очи всѣхъ въ синагогѣ были устремлены на Него (IV, 20 ст.), естественно слѣдовало бы полно изложить вопросъ удивленія и мнѣніе народа о происхожденіи Господа. Между тѣмъ, Ев. Лука, заимствуя свой разсказъ изъ одного источника съ Маркомъ, опускаетъ то, что болѣе важно и что Ев. Маркъ излагаетъ

подробнѣе его; какъ же, принимая одну подробную черту, хотя менѣе важную, и опуская другую, болѣе важную, Ев. Лука является одинаково подробнымъ съ Ев. Маркомъ? Это, съ точки зрѣнія Эвальда, непонятно. А потому и сравнительное сопоставленіе и отличіе будто бы подробнѣйшаго разсказа Ев. Луки съ разсказомъ Ев. Марка не доказываютъ самостоятельности VI-й книги Ев. исторіи. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Ев. Лука сокращеннѣе приводитъ слова Господа, именно такъ: „истинно говорю вамъ: никакой пророкъ не принимается въ своемъ отечествѣ“—и только; а Ев. Маркъ полнѣе: „и сказалъ (Господь) не бываетъ пророкъ безъ чести, развѣ только въ отечествѣ своемъ и у сродниковъ, и въ домѣ своемъ...“ Ев. Лука опускаетъ также замѣчаніе Ев. Марка и о томъ фактѣ, что Господь „не могъ совершить тамъ (въ Назаретѣ) послѣ никакого чуда; только на немногихъ возложивъ руки, исцѣлилъ ихъ. И дивился невѣрію ихъ“. Такое различіе разсказа Ев. Луки отъ разсказа Ев. Марка устраняетъ предположеніе о зависимости перваго отъ VI-й книги Ев. исторіи; такъ какъ эта книга, по предположенію теоріи Эвальда, должна была содержать все, что собственно принадлежитъ Ев. Марку; такъ какъ Ев. Лука является въ данномъ разсказѣ историкомъ сравнительно подробнѣйшимъ, даже въ малозначительномъ; такъ какъ у нихъ есть только различіе въ изображеніи подробностей.—При всемъ этомъ, не имѣетъ значенія и другое, здѣсь признаваемое Эвальдомъ, свойство даннаго разсказа—нѣжность: она заключается въ изреченіяхъ Спасителя, а Его проповѣдь, какъ и всякая другая, должна, по теоріи, принадлежать спеціальному по этой части Ев. труду—Собранію изреченій. Однако, эту именно проповѣдь Спасителя нельзя отнести къ Евангелію отъ Матѳея, гдѣ содержится большинство такихъ рѣчей, и нельзя считать ее заимствованною изъ Евангелія отъ Марка, ибо тамъ помѣщенная во многомъ различна отъ этой; слѣдовательно, эта проповѣдь Спасителя при-

надлежитъ Евангелію отъ Луки, имъ воспроизведена и такъ изложена. Содержащаяся въ ней „нѣжность“, переданная однимъ Евангелистомъ, объективно-точно воспроизведена Евангелистомъ другимъ, какъ историкомъ. Онъ могъ передать ее во всей ея свѣжести и точности, какъ и всѣ рѣчи, заключающіяся въ Собраніи изреченій, изложенныя Ев. Матѳеемъ. Ев. Лука, по несомнѣнно подлиннымъ его словамъ (по Эвальду—I, 1—4 ст.), писалъ при тщательномъ изслѣдованіи всего сначала, по порядку, какъ то передали ему бывшіе съ самаго начала очевидцами и служителями Евангелія. Если же онъ передаетъ эту рѣчь Спасителя по объему различно отъ Ев. Марка, то лишь потому, что Ев. Маркъ имѣлъ для себя другой источникъ Ев. свѣдѣній—проповѣдь Ап. Петра. Слѣдовательно, разсказъ, изложенный въ IV, 16—23 и 28 ст. Ев. Луки, принадлежитъ самому Ев. Лукѣ и не составляетъ части особой, самостоятельной VI-й книги Ев. исторіи.

Точно также мало говоритъ за самостоятельность VI-й книги Ев. исторіи и третій ея „слѣдъ“—Луки гл. V, 1—11 ст., гдѣ содержится разсказъ о чудесной ловитвѣ рыбы на Геннисаретскомъ озерѣ и о призваніи старѣйшихъ Апостоловъ изъ числа рыбарей. Этотъ разсказъ у Ев. Луки служитъ уже повтореніемъ того, что сказано у Марка и Матѳея. Почему же одинъ Лука, говорящій тоже, что Маркъ и Матѳей, не зависѣлъ отъ того источника, изъ коего, будто-бы, заимствовали этотъ разсказъ Евангелисты Маркъ и Матѳей?—То, что говоритъ Маркъ, Эвальдъ усвояетъ ему вполнѣ; а слѣдовательно, VI-я книга Ев. исторіи—трудъ, по отношенію къ Евангелію отъ Марка, несамостоятельный; иначе,—VI-я книга Ев. исторіи существовала въ первомъ періодѣ Ев. письменности до Евангелія отъ Марка. Такъ и въ самомъ дѣлѣ; ибо, по Эвальду, въ данномъ разсказѣ собственно и Ев. Маркъ несамостоятеленъ. Призваніе Апостоловъ, Симона и Андрея, Эвальдъ относитъ къ Древнѣйшему Евангелію. Но, при сравненіи разсказа Ев. Марка съ разсказомъ Ев.

Матѳея, по Эвальду, выходитъ, что Матѳей заимствовалъ его у Марка и, очевидно, изложилъ заимствованное съ собственнымъ добавленіемъ. Ев. Матѳей, напримѣръ, говоритъ о Спасителѣ: „проходя же близь моря Галилейскаго, Онъ увидѣлъ двухъ братьевъ, Симона, называемаго Петромъ и Андрея, брата его“... Ев. Маркъ—только: „проходя же близь моря Галилейскаго, увидѣлъ Симона и Андрея, брата его“... Или—Матѳей: „оттуда идя далѣе, увидѣлъ онъ другихъ двухъ братьевъ, Іакова Зеведеева и Іоанна въ лодкѣ съ Зеведеемъ, отцомъ ихъ“.— Ев. Маркъ: „и прошедши оттуда немного, Онъ увидѣлъ Іакова Зеведеева и Іоанна, брата его, также въ лодкѣ“. Эти незначительныя прибавки у Ев. Матѳея показываютъ, по крайней мѣрѣ, что вообще прибавки могли быть, независимо отъ существованія особаго источника для такихъ прибавокъ—VI-й книги Ев. исторіи. А потому, если въ Евангеліи отъ Луки данный разсказъ изложенъ полнѣе, нежели у другихъ, то еще нельзя думать, чтобы въ своей полнотѣ онъ былъ заимствованъ изъ особаго источника: иначе такихъ источниковъ логически послѣдовательно должно будетъ предположить множество.

Предположеніе особыхъ источниковъ на основаніи сравнительно большей полноты содержанія послѣдующихъ Ев. писаній приводитъ къ предположенію несоизмѣримо великаго множества посредствующихъ трудовъ, или къ тому, что каждый изъ послѣдующихъ писателей послѣдовательно и непремѣнно пользовался предыдущимъ. Въ результатѣ перваго предположенія отрицается мнѣніе объ одной только VI-й книгѣ Ев. исторіи, а въ результатѣ втораго признаются источниками необходимо всѣ подобныя многочисленныя книги или опять отрицается одна только. Поэтому, для каждаго подобнаго цикла отрывковъ или недолжно предполагать ни одного особаго письменнаго источника, или приходится предполагать несоизмѣримо великое число ихъ. Удобнѣе и научнѣе принять первое. А если такъ, то VI-я книга Ев. исторіи не-

самостоятельна. Ея предполагаемая самостоятельность опредѣлялась особыми, сравнительно подробнѣйшими, отрывками. Но эта, сравнительно большая подробность, у Ев. Луки не заключаетъ никакой сравнительно большей „любезности и нѣжности“. Въ этомъ разсказѣ, запечатлѣнномъ у Ев. Луки благотворительностію, любезность и нѣжность усиливаются развѣ только самою благотворительностію, а слова призванія Апостоловъ и обѣтованія, данныя имъ, находятся и въ тѣхъ отрывкахъ повѣствованія, которые относятся Эвальдомъ къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія. Но благотворительность Господа— дѣло постоянное въ Его исторіи. Отсюда—если брать за основаніе понятіе благотворительности для обособленія отрывковъ изъ каноническихъ Евангелій въ составъ ихъ письменныхъ источниковъ, то придется раздѣлить три каноническія Евангелія по числу разсказовъ, содержащихъ въ себѣ дѣло благотворительности Господа, и признать для такихъ разсказовъ отдѣльный писанный источникъ; въ этомъ, конечно, будетъ выражаться важное противорѣчіе теоріи ея принципамъ и методу. Такимъ образомъ,—VI-я книга Евангельской исторіи, судя по ея третьему отрывку—Луки гл. V, 1—11 ст., неумѣстна въ теоріи Эвальда и несамостоятельна.

Желая усилить значеніе своихъ теоретическихъ соображеній, Эвальдъ представляетъ еще и филологическія данныя въ доказательство самостоятельности VI-й книги Евангельской исторіи. Онъ говоритъ: „словоупотребленіе представляетъ въ этихъ книгахъ нѣкоторое особенное значеніе, особую окраску, какъ—οφρυς, Луки IV, 29 ст.; εις το παντελες, Луки XIII, 11 ст.; ανακυπτω, Іоан. VIII, 7. 10. Луки XIII, 11 (нѣсколько иначе—XXI, 28); υπολαμβανω въ значеніи— отвѣчать на что, возражать, erwiedern, Луки X, 30 ст. Это употребленіе, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ, что данные отрывки имѣли особенную окраску языка. Также и слово επιστατης, Луки V, 5. 17. 13 ст. Евангелистъ Лука могъ усвоить

себѣ только изъ этого труда и повторилъ въ гл. VIII, 24. 45 и IX, 33. 49 ст. Иногда является здѣсь нѣкоторое слово, принятое какъ бы съ особенною любовію Ев. Лукой и употребляющееся въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, какъ: παντως—IV, 23,—επιδιδωμι въ значеніи—подавать, протягивать, reichen—IV, 17 и XXIV, 30. 42. Дѣян. Ап. XV, 30 [286])". Это употребленіе словъ, по Эвальду, свидѣтельствуетъ объ особой окраскѣ рѣчи въ отрывкахъ VI-й книги Евангельской исторіи. Мнѣніе это въ умозаключеніи слагается такъ: отрывки N N имѣютъ нѣкоторыя слова, коихъ нѣтъ въ другихъ отрывкахъ; слѣдовательно, они взяты изъ другихъ источниковъ, которые имѣли особую окраску языка. Такое умозаключеніе—circulus in demonstrando. Чѣмъ доказать, что эти слова составляютъ именно особую окраску языка? почему данные отрывки съ этой окраской не принадлежатъ самому каноническому Евангелію отъ Луки?—Отвѣтъ—могутъ принадлежать—долженъ быть единственнымъ исходомъ изъ логическаго круга. Но данное умозаключеніе неправильно по принципу. Если отрывки N N содержатъ особыя слова и потому признаются частями особыхъ источниковъ, то каждое особое слово должно служить признакомъ особенности отрывка и основаніемъ его выдѣленія въ составъ особаго источника. На-оборотъ,—всѣ отрывки, содержащіе особыя, только Ев. Лукѣ принадлежащія, слова, должно относить къ одной VI-й книгѣ Ев. исторіи. Отсюда, всѣ отрывки съ особыми словами не должно выдѣлять изъ Евангелія отъ Луки. Противорѣчіе перваго слѣдствія съ теоріей Эвальда заставляетъ признать справедливымъ послѣднее положеніе, за что ручается, по крайней мѣрѣ, фактъ единства Евангелія отъ Луки въ настоящемъ его видѣ и существованіе у него многихъ, безспорно только ему принадлежащихъ,

286) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 217.

словъ [287]). А неисключительная принадлежность указанныхъ Эвальдомъ словъ Евангелію отъ Луки, въ виду другихъ, только ему принадлежащихъ, обнаруживаетъ рѣшительную неправильность умозаключенія Эвальда, наконецъ, и по содержанію; такъ какъ въ понятіи „особенныхъ" словъ взятъ не весь объемъ и число ихъ, и потому не строго опредѣлены самыя особенности ихъ. А это, далѣе, требуетъ точнѣйшаго разсмотрѣнія самыхъ особенностей въ употребленіи данныхъ словъ.

Первое по порядку „особенное" слово есть οφρυς, Луки гл. IV, 29 ст. Данный стихъ не имѣетъ отношенія къ VI-й книгѣ Ев. исторіи по характеру его содержанія, ибо здѣсь повѣствуется о покушеніи Іудеевъ свергнуть Іисуса со скалы, что̀, конечно, не выражаетъ ни любезности, ни нѣжности—понятій, характеризующихъ содержаніе отрывковъ VI-й книги Ев. исторіи. Потомъ, стихъ 29-й примыкаетъ къ 28-му по связи рѣчи; а 28-й ст. примыкаетъ къ ст. 27-му. Въ 27-мъ ст. Спаситель говоритъ, что „много было прокаженныхъ во Израилѣ—при пророкѣ Елисеѣ; и ни одинъ изъ нихъ не очистился, кромѣ Неемана Сиріянина". Ст. 28-й: „услышавъ сіе, всѣ въ синагогѣ исполнились ярости"... Ст. 29-й: „И вставъ... повели на вершину горы,—εως οφρυς". Слѣдовательно, всѣ три стиха: 27, 28 и 29-й въ контекстѣ неразрывны. Между тѣмъ ст. 27-й относится Эвальдомъ къ Собранію изреченій, а не къ VI-й книгѣ Ев. исторіи [288]). Поэтому, конечно, и 29-й ст. принадлежитъ не ей, хотя и содержитъ слово οφρυς: это слово между многими другими, собственно только Лукѣ принадлежащими, можно считать особеннымъ, но не относящимся къ VI-й книгѣ Ев. исторіи. Чѣмъ же, однако, объяснить особенность слова οφρυς?—Слово οφρυς значитъ собственно: бровь, выдав-

---

287) См. напримѣръ у *Гэрике*: Введеніе въ Н. Зав. книги Св. писанія. 1869. Перв. пол. Стр: 145—147.

288) См. D. drei ersten Evangelien.

шееся мѣсто на лбу, крутизна,—то, что вообще выдается; въ такомъ значеніи оно употребляется у Ксенофонта, Демосѳена, Страбона, Полибія и Гомера [289]). Въ такомъ значеніи данное слово принадлежитъ, очевидно, не одному Ев. Лукѣ, но и греческимъ классикамъ: а потому еще—вопросъ, оригинально ли Лука, какъ писатель-Евангелистъ, употребляетъ данное слово или онъ употребляетъ это слово какъ обычное, какъ употребилъ бы его и другой новозавѣтный священный писатель?—Нужно замѣтить, что это слово однажды только употребляется во всѣхъ Св. книгахъ Новаго Завѣта въ значеніи „выдавшаяся часть горы, крутизна“ [290]). А если такъ, то οφρυς слѣдуетъ назвать не особеннымъ, а только единственнымъ словомъ у Ев. Луки. Онъ долженъ былъ употребить это, а не другое слово—для точнаго обозначенія мѣста: при этомъ Ев. разсказъ о намѣреніи Іудеевъ свергнуть Спасителя съ такой вершины горы, какъ οφρυς, будетъ вполнѣ понятенъ и имѣетъ историко-географическое значеніе; потому что, по преданію, сохранившемуся до настоящаго времени, это мѣсто въ Назаретѣ представляетъ крутизну, именно какъ οφρυς [291]). Поэтому слово οφρυς есть самое точное, можетъ быть, даже мѣстное названіе данной крутизны и потому не служитъ знакомъ

---

289) Schleisner'a: Nov.-Lex. gr.-lat. B. II.

290) Ibidem.

291) Εως της οφρυος του ορους, собственно—до верхняго края горы... Мѣстоположеніе Назарета при горѣ, т. е. возлѣ самой горы, при ея подошвѣ, согласно вполнѣ съ теперешнимъ его положеніемъ: дома стоятъ на нижней части уступа (Abfalls) западной стороны горы, которая возвышается *круто* и высоко надъ ними; утесъ горы 40—50 ф. высоты отвѣсно. Отсюда и намѣрены были сбросить Іисуса Христа раздраженные жители Назарета. Robinson: Palest. III p. 419. 1. p. 423. у Meyer'a: Kommentar. S. 325. Срав. *Сказаніе о земной жизни Богородицы.* Изд. 2. 1870. Спб., гл. VII, стр. 114—119.

особой окраски языка Ев. Луки, а только точнымъ обозначенiемъ извѣстной стремнины, о которой другiе Евангелисты не упоминаютъ, по чему и слова такого не употребляютъ. Итакъ, данная особенность не отличаетъ Евангелiе отъ Луки, такъ какъ только здѣсь и говорится объ этой горѣ, и потому отрывокъ, содержащiй слово οφρυς, ни отъ чего и никакъ не отличается. Самъ Ев. Лука не говоритъ еще ни о какой крутизнѣ или вершинѣ, которую бы онъ называлъ иначе. Слѣдовательно, слово οφρυς, принадлежащее Евангелiю отъ Луки, одному изъ всѣхъ св. книгъ Новаго Завѣта, не составляетъ особой окраски его языка и не служитъ основанiемъ къ выдѣленiю отрывка гл. VI, 29 ст. и внесенiю его въ составъ особой VI-й книги Ев. исторiи, отличающейся, будто-бы, по своему языку отъ другихъ Евангельскихъ источниковъ.

Вторая отличительная особенность въ языкѣ VI-й книги Ев. исторiи—εις το παντελες, что собственно значитъ: до конца, во всемъ совершенствѣ, совершенно, всеконечно (εις—πας—τελεω). Въ Св. писанiи Новаго Завѣта данное слово въ такой формѣ употребляется только два раза и въ одинаковомъ значенiи—у Ев. Луки: XIII, 11 ст. и у Ап. Павла: Евр. VII, 25 ст. [292]). Ев. Лука говоритъ: „женщина... не могла выпрямиться, μη δυναμενη ανακυφαι εις το παντελες; у Ап. Павла: можетъ (Сынъ Божiй) всегда спасать,—οθεν και σοζειν εις το παντελες δυναται...“ Замѣчательно, что это εις το παντελες употребляется только въ двухъ книгахъ и при томъ только у Ев. Луки и у Ап. Павла, котораго Ев. Лука былъ спутникомъ. Отсюда у Ев. Луки и языкъ Ап. Павла,—судя по слову εις το παντελες. Но, и независимо отъ того, что слѣдуетъ изъ единократнаго употребленiя этого слова Ев. Лукою?—никакъ не особенность его языка: такъ выразились бы и другiе Евангелисты, если бы стали раз-

---

292) По Schleisner'у, S. 393—394.

сказывать о томъ же; по крайней мѣрѣ, нѣтъ основанія отрицать такую возможность, ибо инаго употребленія въ подобномъ случаѣ нѣтъ у другихъ Евангелистовъ. И почему даже самому Ев. Лукѣ иногда не сказать иначе, нежели говорятъ Ев. Матѳей и Маркъ?—онъ, по мнѣнію самого Эвальда, былъ лучшимъ знатокомъ греческаго языка, какъ эллинистъ.

Третье „особенное" слово—ανακυπτω—въ значеніи „выпрямиться",—Лук. XIII, 11 (ср. Іоан. VIII, 7. 10). Это слово встрѣчается не у одного Ев. Луки, но и у Ев. Іоанна, въ одномъ и томъ же коренномъ своемъ значеніи. Слѣдовательно, это слово могло принадлежать не только VI-й книгѣ Ев. исторіи, но и Евангелію отъ Луки, какъ оно принадлежитъ Евангелію отъ Іоанна,—тѣмъ болѣе, что Ев. Лука употребляетъ это слово и въ другомъ мѣстѣ своего Евангелія (XXI, 28-й ст.), и не „съ нѣкоторымъ отличіемъ", какъ думаетъ Эвальдъ, а въ такомъ же смыслѣ, какъ и въ первомъ мѣстѣ, именно—въ смыслѣ „восклоняться"; но употребляетъ въ такомъ отрывкѣ, который, по теоріи, относится къ Собранію изреченій [293]).

---

293) Въ самомъ дѣлѣ, Эвальдъ въ двухъ данныхъ случаяхъ даетъ различное значеніе слову ανακυπτω, но совершенно несправедливо. Главы XX-й ст. 28-й читается: αρχομενων δε τουτων γενεσθαι ανακυψατε. Эвальдъ переводитъ: wenn aber dies anfängt zu geschehen, so reckt euch.. А въ ст. 11, XIII-й гл. греческій текстъ: και μη δυναμενη ανακυψαι εις το παντελες... онъ переводитъ: und den Kopf niederhielt durchaus imfähig ihn aufzuheben—переводъ совершенно несоотвѣтствующій тексту; ибо у женщины не голова только одна была согбена, но весь организмъ —γυνη συνκυπτουσα; а потому должно быть и γυνη ανακυπτουσα: откуда же:—den Kopf niederhielt, и за тѣмъ—ihn aufzuheben?—Текстъ одинъ и тотъ же; а потому и переводъ слова долженъ быть одинъ и тотъ же. Слово ανακυπτω употреблено Ев. Лукою въ одномъ и томъ же смыслѣ и въ томъ отрывкѣ, который будто-бы относится къ Собранію изреченій и въ томъ, который относится къ VI-й книгѣ Ев. исторіи. Ср. D. drei ersten Evangelien: Luc. XIII, 11 und XX, 28.

Куда же именно отнести отрывокъ со стихомъ 11-мъ, XIII-й гл., если онъ содержитъ слово ανακυπτω, употребляемое писателемъ Собранія изреченій и даже Евангелистомъ Іоанномъ?... По слову ανακυπτω отрывокъ XII-гл. 11 ст. Евангелія отъ Луки отличается отъ другихъ частей этого Евангелія; но по этому же слову онъ соединяется и съ содержаніемъ Собранія изреченій; а такъ какъ теорія не вноситъ разсказовъ въ Собраніе изреченій: то отрывокъ XIII гл. 11 ст. остается внѣ этого предполагаемаго труда и внѣ VI-й книги Ев. исторіи, т. е. долженъ быть оставленъ на его настоящемъ и надлежащемъ мѣстѣ въ Евангеліи отъ Луки.— Слово ανακυπτω было общеупотребительнымъ и прямо въ значеніи „восклоняться, разгибаться“: поэтому Ев. Лука и не могъ употребить въ данномъ случаѣ инаго слова, съ значеніемъ, напримѣръ, „возвышаться“, aufheben, какъ думаетъ Эвальдъ.

Четвертое „особенное“ слово —υπολαμβανω, въ значеніи „отвѣчать на что, возражать“, erwiedern, Луки X, 30 ст. [294]). Но слово υπολαμβανω не составляетъ особой окраски языка VI-й книги Ев. исторіи; потому что въ той же главѣ (ст. 25-й), по теоріи, заимствованной изъ одного и того же источника, то же самое слово встрѣчается въ значеніи „отвѣчать“ (слово αποκριϑεις—erwiedern!). А потому, если на основаніи слова υπολαμβανω отрывокъ Луки X, 25—37 ст. слѣдуетъ относить къ VI-й книгѣ Ев. исторіи, то на основаніи слова αποκριϑεις, находящагося въ томъ же отрывкѣ, должно относить его, напримѣръ, къ Собранію изреченій. Слѣдовательно, слово

---

294) Замѣчательно, что Эвальдъ самъ неточно понимаетъ это слово. При изложеніи своей теоріи онъ переводитъ υπολαμβανω словомъ erwiedern, а въ Drei ersten Evangelien тоже слово переводитъ словомъ antworten—значеніе далеко не одно и тоже; такъ какъ Эвальдъ словомъ erwiedern въ иныхъ случаяхъ переводитъ слово αποκριϑεις. Здѣсь (VII, 22) очевидная неточность.

υπολαμβανω не составляетъ отличительной окраски языка, по чему можно было бы определить „слѣдъ" VI-й Ев. книги.—Слово υπολαμβανω употреблено въ смыслѣ—поднимать рѣчь другаго лица возраженіемъ [295]). Но такое значеніе слова υπολαμβανω было извѣстно и греческимъ писателямъ: Эсхилу, Сократу, Ксенофонту и др. [296]) Поэтому можно думать, что слово υπολαμβανω могло принадлежать самому Ев. Лукѣ, какъ и другія древне-классическія слова. Впрочемъ, важнѣе всего здѣсь то, что вся рѣчь, которую Ιησους υπολαβων ειπεν, есть собственно притча о милосердомъ Самарянинѣ и, какъ именно притча, она должна относиться не къ VI-й книгѣ Ев. исторіи, а къ Собранію изреченій куда, по теоріи, относятся всѣ притчи, сказанныя Господомъ. Итакъ, слово υπολαμβανω ни по употребленію его здѣсь, ни по употребленію вообще, ни по своему значенію не можетъ составлять особой окраски языка въ отрывкѣ: Луки X, 25—37 ст.

Пятое „особенное" слово—επιστατης, Луки V, 5 и XVII, 13 ст. Это слово дѣйстительно находится изъ всѣхъ Св. писаній Новаго Завѣта только въ одномъ Евангеліи отъ Луки, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ другіе Евангелисты употребляють слово ραββι. Судя по этому, слово επιστατης должно было бы признать особенностію отрывковъ: гл. V, 5 и XVII, 13 ст. Но Ев. Лука употребляетъ это слово не исключительно только здѣсь, въ этихъ отрывкахъ, а и въ VIII, 24. 45 и IX, 33. 49 ст. по указанію самого же Эвальда. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ употребляется слово επιστατης въ значеніи—„наставникъ",—вмѣсто слова ραββι, котораго въ Евангеліи отъ Луки нѣтъ. Ев. Лука принялъ одно слово вмѣсто другаго, какъ греческое вмѣсто

---

295) Meyer's, Kommentar. S. 405 У LXX υπολαβων, евр:—anah; тоже у классиковъ—Геродота, Демосѳена и др.: υπολαβων εφη.

296) Schleisner'a: Nov. Lex. gr.-lat. p. 1224.

еврейскаго, болѣе точное вмѣсто менѣе точнаго, какъ, напримѣръ, διδασκαλος и под., потому что Господь не былъ въ точномъ смыслѣ ραββι. А этотъ пріемъ Евангелиста показываетъ только, что онъ былъ эллинистомъ и зналъ греческій языкъ лучше, нежели еврейскій, греческимъ же и лучше пользовался въ своемъ историческомъ Евангеліи, болѣе литературномъ эллинистически. Ев. Лука долженъ былъ употреблять слово επιστατης вмѣсто ραββι и дѣйствительно такъ употребляетъ его всюду. Напримѣръ, оно находится въ гл. VIII, 24. 45 ст., что по теоріи, взято изъ Евангелія отъ Марка; въ гл. IX, 33. 49, ст., что взято изъ Древнѣйшаго Евангелія (ст. 33) или изъ Евангелія отъ Марка (ст. 49). Эвальдъ, впрочемъ, объясняетъ такое употребленіе тѣмъ, что Ев. Лука могъ слово επιστατης усвоить себѣ изъ VI-й же книги Ев. исторіи и потомъ повторить его въ отрывкахъ, заимствованныхъ имъ изъ Евангелія отъ Марка и Древнѣйшаго Евангелія [297]). Но это соображеніе съ равнымъ правомъ можетъ быть выставлено и на-оборотъ: слово επιστατης принадлежитъ Ев. Лукѣ въ отрывкахъ, будто бы, заимствованныхъ имъ изъ Евангелія отъ Марка и Древнѣйшаго Евангелія, а потомъ оно могло быть усвоено и повторено въ отрывкахъ, заимствованныхъ имъ изъ VI-й книги Ев. исторіи; а потому оно не принадлежитъ автору этой книги и не служитъ особой окраской ея языка. Если Ев. Лука переноситъ окраску языка изъ одного отрывка въ другой, то нужно еще доказать, что и въ данномъ отрывкѣ эта окраска не перенесенная,—тѣмъ болѣе, если Ев. Лука въ одной и той же IX-й главѣ, въ ст. 33-мъ, по Эвальду, относящемся къ Древнѣйшему Евангелію, употребляетъ слово επιστατης, Meister и въ ст. 49-мъ, относящемся къ Евангелію отъ Марка—тоже επιστατης, Meister; а въ ст. 38-мъ, относящемся тоже къ Евангелію отъ Марка, онъ упо-

297) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 217.

требляетъ иное слово—διδασκαλε(ος), Lehrer. Слѣдовательно, замѣна словъ у Ев. Луки происходила на извѣстномъ основаніи, и, вѣроятно, по желанію Евангелиста точно передать еврейское слово rabbi по-гречески, или точнѣе передать самую мысль изреченія, къ которому относится слово επιστατης (ср. напр. Луки IX, 49 ст. и Мр. IX, 38 ст.). И вообще Ев. Лука, по мнѣнію самого Эвальда, былъ опредѣленнѣе въ употребленіи нѣкоторыхъ словъ, нежели другіе Евангелисты; напримѣръ, Иродъ у Матѳея и Марка называется царемъ, а у Луки—четверовластникомъ. А если Лука слово επιστατης ставитъ тамъ, гдѣ оно должно быть, какъ слово точнѣйшее, то оно уже не свидѣтельствуетъ объ особенной окраскѣ языка нѣкоторыхъ, имѣющихъ его, отрывковъ,—когда есть отрывки другіе, также имѣющіе его тамъ, гдѣ оно должно быть. Слѣдовательно, слово επιστατης есть болѣе точное, нежели его синонимы; оно однимъ Лукою гдѣ должно употребляется, что доказываетъ единство его труда, свидѣтельствуетъ о единствѣ языка и самостоятельномъ словоупотребленіи его во всѣхъ отрывкахъ [298]).

---

298) Два остальныхъ «особенныхъ» слова: παντως и επιδιδωμι уже ровно ни о чемъ не свидѣтельствуютъ. Слово παντως будтобы съ особенною любовію употребляется Лукою и находится въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ,—слово вообще Лукѣ принадлежащее; а что оно особенно «облюблено» Лукою, противъ такого бездоказательнаго соображенія Эвальда можно выставить то, что въ Евангеліи отъ Луки это слово встрѣчается только однажды: IV, 23 ст., а въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ—трижды: XVIII, 21; XXI, 22 и XXVIII, 4,—при томъ въ нѣсколько иномъ значеніи. Слѣдовательно, это слово собственно принадлежитъ Ев. Лукѣ, такъ что онъ употребляетъ его независимо отъ какого бы то ни было письменнаго источника,—по своему усмотрѣнію; а если предположить, что онъ заимствовалъ это слово, то скорѣе— у Ап. Павла, котораго Ев. Лука былъ спутникомъ. У Ап. Павла данное слово дѣйствительно употребляется и неоднократно: Римл. III, 9; 1 Кор. V, 10. XVI, 12. IX, 10. 22 ст. Если же, на-оборотъ—это слово изъ Евангелія отъ Луки перешло въ Книгу Дѣяній Апостольскихъ, то непонятно, какъ оно перешло въ посланія Ап. Павла: болѣе возможнымъ должно признать, что оно отъ Ап. Павла перешло къ Ев. Лукѣ, которымъ, при томъ, обоимъ было хорошо извѣстно и Св. Писаніе Ветхаго Завѣта, въ греческомъ переводѣ 70-ти, гдѣ находится это слово: Тов. XIV, 11; 2 Мак. III, 13 ст.—О словѣ επιδιδωμι, reichen должно замѣтить, что Эвальдъ самъ неодинаково переводитъ его: въ ст.

Если же предположеніе особой окраски языка для особой будто бы VI-й книги Ев. исторіи не доказано и даже еще имѣетъ много соображеній противъ себя, то признать самостоятельность VI-й книги Ев. исторіи нѣтъ основаній; а потому отрывки, по теоріи, къ ней отно-

---

17, гл. IV-й επεδοθη онъ переводитъ—überreicht; въ ст. 30, XXIV-й επιδιδου—vertheilte; въ ст. 42-мъ: επεδωκαν—reichten. Понятно, что самъ Эвальдъ относится къ этому слову безразлично: такъ могъ относиться и Ев. Лука. О Ев. Лукѣ можно сказать такъ потому, что онъ употребляетъ это слово и въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ: XV, 30 ст. Но что такое επιδιδωμι?—оно значитъ собственно—insuper do, по Гомеру, Ксенофонту, Полибію (въ Св. писаніи Новаго Завѣта оно такъ не употребляется),—loco alicujus rei alteri aliquid porrigo, trado, do, exhibeo: у Мѳ. VII, 9, 10. Лук. XI, 11. 12; потомъ—trado, porrigo: у Лук. IV, 17 и XXIV, 30. 42; Іоан. XIII, 26 и Дѣян. XV, 30 (у Schleisner'a: Nov.—lex. gr.-lat. T. 1.). На томъ основаніи, что επιδιδωμι имѣетъ столько различныхъ значеній, Эвальдъ переводитъ его весьма разнообразно. Но здѣсь, въ самомъ разнообразіи перевода очевидно, что Эвальдъ не имѣетъ основанія опредѣленно перевести это слово такъ или иначе. Въ самомъ дѣлѣ, Мѳ. VII, 9: μη λιθον επιδωσει αυτῳ? онъ переводитъ: ihm doch nicht einen Stein reichen, ст. 10: μη οφιν επιδωσει αυτῳ?—переводъ: ihm doch nicht eine Schlange reichen. Луки XI, 11: μη λιθον επιδωσει; переводъ: ihm doch nicht einen Stein reichen; ст. 12: μη επιδωσει αυτῳ σκορπιων... переводъ: ihm doch nicht reichen. Стихъ 13-й той же гл. XI-й: διδωναι, переводъ—zu geben. Затѣмъ, Луки IV, 17: και επιδωθη αυτῳ,—das Buch überreicht; Луки XXIV, 30: επεδιδου αυτοις,—und vertheilte es ihnen; ст 42: οι δει επεδωκαν αυτῳ,—Sie aber reichen ihm. У Іоанна: XIII, 26: και επιδωσω αυτῳ,—geben. Если такимъ образомъ и по Эвальду слово επιδιδωμι можно переводить различно: reichen, überreichen, vertheilen и даже geben (какъ у Luther'a); то почему же онъ придаетъ ему именно значеніе überreichen только въ ст. 17, IV гл. Евангелія отъ Луки и на этомъ основаніи выдѣляетъ этотъ отрывокъ, какъ чужой, будто бы заимствованный Лукою изъ VI-й книги Ев. исторіи?—Можно перевести это слово и въ 17-мъ ст. IV-й гл. Луки словомъ reichen, какъ переводитъ здѣсь Лютеръ

симые, должно признать собственнымъ произведеніемъ Ев. Луки.

Еще менѣе доказательно, хотя столь же притязательно, Эвальдъ опредѣляетъ слѣдующій письменный источникъ для синоптическихъ Евангелій—VII-ю книгу Ев. исторіи. Придерживаясь тѣхъ же пріемовъ, онъ выдѣляетъ нѣкоторые отрывки изъ Евангелія отъ Луки, какъ

(См. по Polyglotten—Bibel zum praktischen Handgebrauch. D. N. Test. edit. Stier's und Theile. Bielefeld. 1864). А если такъ, то не остается «особеннаго» значенія за словомъ ἐπιδίδωμι въ ст. 17, IV гл. Луки и—основанія выдѣлять этотъ отрывокъ, какъ «слѣдъ» чужаго труда. При такомъ переводѣ у Эвальда и употребленіи слова ἐπιδίδωμι у Ев. Луки нельзя сказать, конечно, что Евангелистъ употребляетъ это слово какъ «чужое», но съ любовію усвоенное, потому что тогда нужно будетъ отказать ему во всякомъ, собственно ему принадлежащемъ словѣ: ибо и о всякомъ другомъ его собственномъ словѣ можно было также сказать, что оно «чужое», но съ любовію усвоенное Евангелистомъ; а это значило-бы признать, что—въ отрывокъ, относимый къ VI-й книгѣ Ев. исторіи, не могло войти ни одного слова, собственно Лукѣ принадлежащаго, хотя, по Эвальду, можно признать, на-оборотъ, что слово ἐπιδίδωμι изъ даннаго труда могло перейти въ другіе отрывки Евангелія отъ Луки, будто бы заимствованные имъ изъ другихъ письменныхъ источниковъ, конечно, съ своей особой лингвистической окраской.—Но какъ признать это слово съ любовію усвоеннымъ Лукою и въ тоже время «особеннымъ», когда оно находится у Ев. Матѳея VII, 9 и прямо въ томъ же значеніи—reichen, какъ и у Луки, по переводу Эвальда, въ томъ именно отрывкѣ Евангелія отъ Матѳея, который, по теоріи, относится къ Собранію изреченій, или—когда тоже слово, по переводу Эвальда, въ значеніи reichen, находится и у самого Луки въ отрывкѣ, принадлежащемъ Собранію изреченій,—когда тоже слово и въ значеніи reichen, по переводу Лютера, находится и у Ев. Іоанна. Почему же оно именно у Ев. Луки является несобственно ему принадлежащимъ, а только съ любовію имъ принятымъ?—слово ἐπιδίδωμι, очевидно, не должно признавать заимствованнымъ изъ VI-й книги Ев. исторіи, такъ какъ оно находится у Ев. Матѳея и, по Эвальду, въ Собраніи изреченій. Могло быть, напримѣръ, и такъ, что Ев. Лука заимствовалъ это слово изъ Собранія изреченій, а потомъ внесъ его въ отрывокъ, по теоріи, относимый къ VI-й книгѣ Ев. исторіи. Если же и это было возможно, то ἐπιδίδωμι въ 17 ст., IV гл. Луки нельзя признать особенностью VI-й книги Ев. исторіи и основаніемъ—относить самый отрывокъ къ содержанію этой книги. Слѣдовательно, въ данномъ отрывкѣ нѣтъ лингвистическаго основанія—признать самостоятельность VI-й книги Ев. исторіи. Это рѣшительно справедливо, наконецъ, потому, что Ев. Лука имѣетъ и свои собственныя слова, которыя привноситъ во всѣ отрывки своего труда, тѣмъ налагая на него печать *единства* по языку (см. *Гэрике*: Введеніе. Ч. 1. Стр. 145—147).

части содержанія второй, будто бы, самостоятельной, но неизвѣстной по названію и неизвѣстнаго автора, VII-й книги Ев. исторіи. Сюда относятся именно тѣ отрывки, которые „не могутъ быть выведены изъ всѣхъ предыдущихъ письменныхъ источниковъ", собственно: Луки III, 10—14. VII, 36. VIII, 3. XII, 16—21. XV, 1—24. XVI, 1—13. XVIII, 1—8. 9—14 и отрывокъ: Марка XVI, 9—20 ст. [299]).

Если эти отрывки „не могутъ быть выведены изъ предыдущихъ синоптическихъ источниковъ", то они должны быть по характеру своему существенно отличны отъ нихъ. Но—вотъ ихъ отличіе: „въ нихъ господствуетъ удивительная краткость рѣчи; эта рѣчь, большею частію отрывочная и тяжело развивающаяся, болѣе изъ намековъ состоящая, нежели подробная. Здѣсь замѣчается столь различный отъ всѣхъ прочихъ частей Евангелія духъ изображенія. Все это, при нѣкоторой внимательности, нельзя не примѣтить. Авторъ этой книги любитъ въ рѣчахъ своихъ излагать извѣстный кругъ въ высшей степени разнообразныхъ истинъ. И рѣчи самыя здѣсь, рѣшительно какъ у греческихъ философовъ, колкія и остроумныя (Spitz-schlagend und witzig): Луки III, 10—14. VII, 36—50. XIV, 1—24. Притчи здѣсь совершенно иначе изложены, чѣмъ у предыдущихъ Евангелистовъ или въ Собраніи изреченій, они набросаны только въ немногихъ основныхъ чертахъ и немного приведены—въ легкой, прозрачной и быстрой рѣчи,—въ нихъ выставлено болѣе разсужденіе, нежели дѣйствіе; впрочемъ они очень сходны между собой въ кругу своихъ картинъ и мыслей: XII, 16—21. XVI, 1—13. XVIII, 1—8. 9—14. Историческій разсказъ богатъ и полонъ, разнообразнѣйшихъ отдѣльныхъ обстоятельствъ, изложенъ сжато, хотя обнимаетъ богатую матерію: Луки VIII,

---

299) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 217.

1—3. Мр. XVI, 9—20 ст." [300]). Это опредѣленіе новаго труда, очевидно, очень неопредѣленно, судя только по фразамъ: „столь различный отъ прочихъ духъ изображенія... притчи совершенно иначе, чѣмъ у предыдущихъ Евангелистовъ... впрочемъ очень сходны между собой"... Такія понятія, какъ—неизвѣстно въ чемъ „различный духъ изображенія" и „совершенно иныя", а въ то же время и „очень сходныя" притчи,—такія понятія, конечно, не могутъ быть основаніемъ для выдѣленія извѣстныхъ отрывковъ Евангелія отъ Луки въ составъ содержанія, будто-бы, самостоятельной, VII-й книги Ев. исторіи; такъ какъ это основаніе весьма неустойчиво; на немъ можно построить съ равнымъ правомъ и много другихъ, столь же самостоятельныхъ источниковъ, какъ эта мнимая VII-я книга Ев. исторіи,—но, разумѣется, не имѣющихъ научнаго значенія.

Если признать это основаніе опредѣленнымъ въ логическомъ отношеніи; то отсюда можетъ послѣдовать такое заключеніе: отрывки NN въ содержаніи своемъ представляютъ краткость, отрывочность, особенность духа изображенія, колкость и остроуміе,—свойства, по которымъ эти отрывки не могутъ быть выведены изъ предыдущихъ трудовъ; слѣдовательно, они относятся къ особой, по принятому порядку—VII-й книги Ев. исторіи. Это умозаключеніе—circulus in demonstrando. Извѣстные отрывки выдѣляются изъ Евангелій потому, что не могутъ быть выведены изъ ихъ источниковъ; но почему же они должны быть выводимы изъ другихъ источниковъ?—потому, что они содержатъ свои особенности; а почему извѣстныя свойства суть ихъ исключительныя особенности?... Эти отрывки, представляя сходство другъ съ другомъ, представляютъ и многія разности въ своихъ свойствахъ. Отчего же нельзя, на основаніи этихъ нѣкоторыхъ разностей, при-

---

300) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 217—218.

знать ихъ только носящими на себѣ нѣкоторое отличіе, но принадлежащими къ прежде указаннымъ источникамъ, напримѣръ, къ VI-й книгѣ Ев. исторіи?—Почему они со своими особенностями не могутъ быть признаны отрывками, такими въ предыдущихъ Ев. трудахъ, какъ теперь находится каждый со своими, отчасти различными, свойствами въ VII-й книгѣ Ев. исторіи?—просто потому, что не могутъ...

Нѣтъ, теорія не выставляетъ никакихъ препятствій признать эти, указанныя ею, отрывки принадлежащими предшествующимъ Ев. трудамъ. Если они имѣютъ нѣкоторое отличіе, напримѣръ, по краткости и т. п.; то, конечно, можетъ быть въ одномъ и томъ же трудѣ и краткое изреченіе, и обширное; если они отрывочны, то у одного и того же автора можетъ быть отрывочность и полнота; въ нихъ есть колкость и остроуміе, но почему же этихъ свойствъ не могло быть въ рѣчахъ самого Господа, которыя потомъ точно были воспроизведены?—одно свойство въ сочиненіи не исключаетъ другаго, особенно когда оно несущественно противоположно тому, какъ здѣсь: отрывочность есть своего рода краткость, а краткость составляетъ душу остроумія; слѣдовательно, всѣ эти свойства въ сущности одно—краткость, то—по изложенію, то—по объему, то—по содержанію мысли. А краткость съ полнотой, которая предполагается въ другихъ Ев. отрывкахъ, будто-бы, относящихся къ инымъ источникамъ, суть два понятія относительно, а не существенно и на самомъ дѣлѣ, различныя, не исключаютъ другъ друга,—въ томъ конкретномъ смыслѣ, что при полнотѣ въ историческомъ сочиненіи всегда возможна краткость, особенно когда для того есть поводъ, побужденіе и причина,—напримѣръ, личное чувство, интересъ предмета, источникъ свѣдѣній, припоминаніе авторомъ содержанія по обстоятельствамъ и потребностямъ времени, слушателей и читателей, и т. д. Иное дѣло—напримѣръ, Нагорная проповѣдь, иное дѣло—Рѣчь противъ фарисеевъ; ужели ихъ слогъ въ устахъ Самого Господа долженъ быть одинъ и

тотъ же?—ужели ученіе положительное и обличеніе заблужденій должны быть излагаемы одинаково живо и плавно? Отсюда,—ужели Ев. трудъ, какъ, напримѣръ, Собраніе изреченій, долженъ былъ содержать только положительное ученіе, а не обличеніе и т. п.?—нѣтъ и нѣтъ: иное дѣло—обличеніе невѣрія и упорства, иное—проповѣдь блаженства, любви, смиренія,—воспроизведеніе видѣннаго и слышаннаго и—только слышаннаго. Что же послѣ этого значитъ особенность отрывковъ VII-й книги Ев. исторіи—относительная краткость ихъ содержанія, и т. п.?—Конечно, она не можетъ быть основаніемъ для выдѣленія отрывковъ,—что дѣлаетъ Эвальдъ. Въ противномъ случаѣ—и для этихъ отрывковъ, для каждаго, должно будетъ предположить особый источникъ—NN книги Ев. исторіи и т. д., соотвѣтственно индивидуальному свойству каждаго отрывка; потому что одни отрывки по краткости и отрывочности относятся къ VII-й Ев. книгѣ, а другіе по легкости и прозрачности живой рѣчи—къ другой, N-й, и т. п. Такъ это дожно быть именно потому, и можетъ быть тѣмъ болѣе, что нѣкоторые отрывки изъ данныхъ совершенно или до противоположности отличны другъ отъ друга. Именно: въ однихъ господствуетъ удивительно краткая, часто отрывочная, но—тяжело развивающаяся рѣчь и под., а въ другихъ, относящихся къ той же VII-й книгѣ Ев. исторіи, историческій разсказъ богатъ и полонъ разнообразнѣйшихъ, отдѣльныхъ обстоятельствъ и обнимаетъ богатую матерію и п., какъ: Луки VIII, 1—3. Мр. XVI, 9—20. Здѣсь очевидно совмѣщены не только краткость съ богатствомъ, но и рѣчь съ разсказомъ, тогда какъ Эвальдъ, ранѣе, разсказы относилъ къ одному труду—Древнѣйшему Евангелію, и къ VI-й книгѣ Ев. исторіи, а рѣчи—къ Собранію изреченій. Если же въ VII-й книгѣ Ев. исторіи Эвальдъ совмѣщаетъ матерію разнородную—разсказъ и рѣчь; то почему же онъ не можетъ совмѣстить отрывки съ различными свойствами также въ одномъ трудѣ, оставивъ ихъ въ Еван-

геліи отъ Луки?—Конечно, и такъ было бы можно и должно, потому что возможность такого совмѣщенія доказана Эвальдомъ въ его же собственной теоріи: а это и есть основаніе признать дѣйствительнымъ тотъ фактъ, что отрывки VII-й книги Ев. исторіи принадлежатъ именно Евангелію отъ Луки.—Ев. Лука дѣйствительно совмѣстилъ въ своемъ Евангеліи разнохарактерное изложеніе рѣчей и разсказовъ, и тѣмъ засвидѣтельствовалъ, что разнохарактерныя части его труда въ нѣкоторомъ отношеніи могутъ быть вмѣстѣ одна при и съ другой. Это и служитъ полнѣйшимъ доказательствомъ несправедливости того предположенія Эвальда, что различные по своимъ свойствамъ отрывки Евангелія отъ Луки предполагаютъ различные письменные источники для него. Такой писатель, какъ Ев. Лука, не счелъ неудобнымъ объективно различное оставить различно изложеннымъ въ своемъ трудѣ. И это различіе тѣмъ болѣе и рѣшительнѣе говоритъ въ пользу единства его Евангелія, если предположить, что Ев. разсказы и рѣчи записаны имъ со словъ одного или двухъ Апостоловъ: тогда рѣчь о письменныхъ источникахъ, на основаніи разныхъ свойствъ данныхъ отрывковъ мнимой VII-й книги Ев. исторіи, уже рѣшительно не будетъ имѣть научнаго значенія.

Самъ Эвальдъ, желая нѣкоторыя части Евангелій, на основаніи краткости ихъ содержанія, отдѣлить отъ болѣе полныхъ по содержанію, совмѣщаетъ въ тоже время и краткость и полноту въ предполагаемой своей VII-й книгѣ Ев. исторіи; а это—противорѣчіе, и оно тѣмъ важнѣе для опредѣленія значенія всего его мнѣнія объ этомъ предполагаемомъ источникѣ Евангелій, что оно, какъ и естественно, не оправдывается на самомъ дѣлѣ, въ текстѣ Евангелія отъ Луки. Эвальдъ относитъ къ VII-й книгѣ Ев. исторіи собственно притчи, какъ напримѣръ: Луки XII, 16—21 ст.—о гордомъ богачѣ; Луки XIV, 16—24,—о званныхъ на вечерю; XVI, 1—13,—объ упра-

вителѣ; XVIII, 1—8,—о мытарѣ и фарисеѣ [301]), и т. п. Всѣ эти притчи разнятся между собою по изложенію, объему и содержанію. Понятно, что иное дѣло—напримѣръ, притча о сѣятелѣ, иное—о сострадательномъ Самарянинѣ: они различны по характеру, содержанію и объему, потому что и предметы ихъ различны. Это, конечно, не препятствуетъ имъ быть вмѣстѣ, напримѣръ, въ Собраніи изреченій: здѣсь есть краткость и относительная полнота; таковы здѣсь изложенныя притчи о сѣятелѣ, о сѣмени и плевелахъ, о закваскѣ, о зернѣ горчичномъ и под. Признавая это возможнымъ относительно Собранія изреченій, Эвальдъ отвергаетъ, однако, тоже совмѣщеніе въ Евангеліи отъ Луки.—Но, по крайней мѣрѣ, притчи, предполагаемыя въ VII-й книгѣ Ев. исторіи, могутъ быть несомнѣнно отнесены къ Собранію изреченій; потому что авторъ VII-й книги Ев. исторіи, по мнѣнію Эвальда, пользовался Собраніемъ изреченій, въ такихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ: Луки XVI, 10—13. То же, съ его точки зрѣнія, еще скорѣе должно признать относительно притчи о званныхъ на вечерю: Луки XIV, 16—24 ст.; потому что ей совершенно параллельна та же притча въ Евангеліи отъ Матѳея: XXII, 1—14 ст., которую Эвальдъ относитъ къ Собранію изреченій.—Такъ Эвальдъ отчасти своимъ указаніемъ, отчасти самымъ дѣломъ прямо и рѣшительно уничтожаетъ особенность въ характерѣ предполагаемой VII-й книги Ев. исторіи, какъ самостоятельной,—будто-бы настолько, что „отрывки ея нельзя вывести изъ всѣхъ предыдущихъ Ев. письменныхъ трудовъ—источниковъ“. Между тѣмъ, по теоріи же, выходитъ, что извѣстные отрывки VII-й книги Ев. исторіи, какъ: Луки XVI, 10—13 и XIV, 16—21 ст., или параллельны отрывкамъ Собранія изреченій: Мѳ. VI, 24 и XXII, 1—14 ст., или заимствованы оттуда; слѣдователь-

---

301) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 218.

но, по самой меньшей мѣрѣ, сходны съ ними по своимъ свойствамъ, и потому относятся къ одному источнику, а не къ особой VII-й книгѣ Ев. исторіи.

Качественная недостаточность основаній мнѣнія Эвальда соединяется на этотъ разъ и съ количественною. Эвальдъ не указываетъ здѣсь, какъ при опредѣленіи VI-й книги Ев. исторіи, основаній собственно лингвистическихъ,—особаго словоупотребленія. А въ виду этой двоякой недостаточности въ доказательствахъ за самостоятельность предполагаемой VII-й книги Ев. исторіи слѣдуетъ тѣмъ рѣшительнѣе признать ее несамостоятельною и отрывки, относимые къ ней въ теоріи, слѣдуетъ признать собственнымъ содержаніемъ Евангелія отъ Луки, гдѣ они и находятся исторически дѣйствительно.—

Наконецъ, еще менѣе самостоятельна въ отношеніи къ Евангелію отъ Луки предполагаемая VIII-я книга Ев. исторіи,—и прежде всего по словамъ самого же Эвальда.—„Остальные отрывки Евангелія отъ Луки, говоритъ онъ, содержатъ исторію до вступленія Христа на общественное служеніе (гл. 1 и сл.) и при томъ еще нѣкоторыя нравственныя наставленія: Луки VII, 11—17. XIX, 1—10. XXIII, 6—16, 27—31, которыя по языку и изложенію обнаруживаютъ большое взаимное сродство“ 302). Пусть—такъ; но почему и отъ чего именно ихъ слѣдуетъ признать „остальными“?—Судя по связи рѣчи, отъ тѣхъ же остатковъ, которые были относимы къ VI и VII-й книгамъ Ев. исторіи, къ тѣмъ книгамъ, „содержаніе которыхъ не можетъ быть выведено изъ предыдущихъ Ев. трудовъ“. Если такъ, то они должны быть признаны или самостоятельными, или относиться къ Евангелію отъ Луки. На вопросъ, почему они должны быть самостоятельны—нѣтъ отвѣта; между тѣмъ, на вопросъ, могутъ ли они относиться къ Евангелію отъ Луки—прямой и положитель-

---

302) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 218.

ный отвѣтъ даетъ самъ Эвальдъ, говоря: „эти отрывки, какъ удобно можно думать, могли быть въ первый разъ записаны самимъ же Ев. Лукою“ [303]). И это—не просто мнѣніе Эвальда; нѣтъ, онъ старается доказать это слѣдующимъ соображеніемъ: „дѣйствительно, окраска ихъ языка уже носитъ, по крайней мѣрѣ, въ изложеніи многихъ отдѣльныхъ обстоятельствъ, не-незамѣтное сходство съ такими греческими выраженіями, которыя мы, говоритъ Эвальдъ, имѣемъ право признать собственностію именно этого же Евангелиста,“ т. е. Луки [304]). Эти слова доказываютъ только то, что данные отрывки, „впервые были записаны самимъ Ев. Лукою“, т. е. записаны были имъ прежде, нежели имъ же написано все его Евангеліе. Если оставить въ сторонѣ вопросъ, когда они записаны, то получится только, что они записаны самимъ Ев. Лукою, и потому въ отношеніи къ его Евангелію не самостоятельны,—собственно ему принадлежатъ.

Эта несамостоятельность VIII-й книги Ев. исторіи въ отношеніи къ Евангелію отъ Луки еще тѣмъ важнѣе, что простирается и на предыдущія книги Ев. исторіи—VI и VII-ю, такъ какъ отрывки VIII-й Ев. книги суть отрывки изъ исторіи до вступленія Христа на общественное служеніе (Vorgeschichte); а часть этой исторіи, именно изложеніе родословія Іисуса Христа, самъ Эвальдъ относитъ къ VII-й книгѣ Ев. исторіи, чѣмъ явно сливаетъ ихъ по характеру и по предмету. Этимъ, впрочемъ, еще не вполнѣ исключаестя самостоятельность VIII-й книги Ев. исторіи; потому что хотя Ев. Лука, по мнѣнію Эвальда, самъ составилъ первоначально VIII-ю книгу Ев. исторіи, но не въ одно время съ своимъ Евангеліемъ: она вошла въ это Евангеліе какъ посторонній источникъ [305]). Такъ-ли это?—

---

303) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 218.
304) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 218—219.
305) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 218—219.

Если VIII-я книга Ев. исторіи не имѣетъ для себя особаго автора, то не можетъ быть признана самостоятельною въ отношеніи къ Евангелію отъ Луки, потому что нѣтъ основаній предполагать ея самостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, почему можно думать, что Ев. отрывки, относимые къ VIII-й книгѣ Ев. исторіи, были записаны Ев. Лукою прежде самаго его Евангелія? Онъ, какъ писатель настоящихъ отрывковъ, могъ записать ихъ предварительно, ибо онъ ставитъ ихъ и въ своемъ Евангеліи предварительно (V o r-geschichte); но это предварительное записываніе могло быть только первымъ и предварительнымъ моментомъ въ цѣломъ процессѣ написанія всего Евангелія, и—только, а не законченнымъ произведеніемъ, какъ бы постороннимъ трудомъ или источникомъ въ отношеніи къ каноническому Евангелію отъ Луки. Поэтому предполагаемая VIII-я книга Ев. исторіи была предварительнымъ, но несамостоятельнымъ произведеніемъ въ отношеніи къ Евангелію отъ Луки.

—„Ев. Лука оказывается, по Эвальду, только собирателемъ и переработчикомъ; но въ существѣ дѣла лежитъ и въ исторіи Евангельской письменности оправдывается то положеніе, что одинъ авторъ, поставивъ своей главной задачей собираніе и переработку раннихъ писаній, не легко могъ быть творчески-дѣятельнымъ. Та и другая дѣятельность еще и теперь у разныхъ авторовъ не вмѣстѣ: исторія до вступленія Христа на общественное служеніе, помѣщенная въ Евангеліи отъ Луки: гл. 1 и сл., съ ея, такъ называемымъ, поэтическимъ приложеніемъ, съ ея въ высшей степени живописнымъ изображеніемъ, а также съ ея пѣснопѣніями, требовала по-истинѣ лучшей творческой способности“—[306]). Въ сущности этого соображенія Эвальда—circulus in demonstrando. Ев. Лука, думаетъ онъ, не могъ быть творчески-дѣятельнымъ; потому что онъ

306) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 219.

является въ своемъ Евангеліи только собирателемъ и переработчикомъ. Но почему же извѣстно, что онъ только переработчикъ?—потому что онъ не могъ быть творчески—дѣятельнымъ; а это потому, что онъ былъ только собирателемъ. Конечно, Ев. Лука занимался не собираніемъ и переработкою только готовыхъ источниковъ, но дѣлалъ и оригинальныя добавленія, къ которымъ, вѣроятно, относятся, напримѣръ, отрывки Эвальдовой VIII-й книги Ев. исторіи, записанные оригинально, хотя и до написанія Евангелія. Такъ очевидно, Ев. Лука является то собирателемъ и компиляторомъ, то писателемъ оригинальнымъ, но оригинальнымъ прежде составленія своего Евангелія. Не особенно важно, конечно, это „прежде", а важно именно то, что онъ могъ быть оригинальнымъ писателемъ-Евангелистомъ. А если это такъ, то соображеніе Эвальда, что „авторъ, поставивъ своимъ главнымъ дѣломъ собираніе и переработку предшествовавшихъ писаній, не легко можетъ быть творчески-дѣятельнымъ",—не имѣетъ научнаго значенія, потому что, напримѣръ, Ев. Лука имѣлъ способность къ такому оригинальному труду, какъ предполагаемая VIII-я книга Ев. исторіи. А если и это—такъ, то Ев. Лука могъ совмѣстить въ своемъ трудѣ, хотя въ разные моменты процесса его образованія, какъ собирательную, такъ и творческую дѣятельность. Слѣдовательно, VIII-я книга Ев. исторіи могла быть частью и одновременной работы Ев. Луки, а не отдѣльнымъ отъ его Евангелія самостоятельнымъ письменнымъ произведеніемъ. Такъ, въ отношеніи къ Евангелію отъ Луки, VIII-я книга Ев. исторіи несамостоятельна.

Несамостоятельность предполагаемой Эвальдомъ VIII-й книги Ев. исторіи тѣмъ болѣе вѣроятна, что, по заявленію его самого, Лука былъ Евангелистомъ-собирателемъ. Почему же ему не могли быть извѣстны эти отрывки VIII-й книги Ев. исторіи изъ устнаго Апостольскаго преданія?—Относительно отрывковъ VIII-й книги это, положительно говоря, было вполнѣ возможно, если

Ев. Лука писалъ по преданію (гл. I, 1 ст.),—если онъ собственно пѣснопѣнія, будто-бы, входящія въ составъ VIII-й книги Ев. исторіи, усвояетъ прямо извѣстнымъ лицамъ,—если самъ Эвальдъ предполагаетъ, что такія пѣснопѣнія пѣлись во всей первенствующей христіанской церкви и, слѣдовательно, были на памяти и въ устахъ самого Луки, какъ и всѣхъ, и т. д.,—если, наконецъ, Лука лично и долго находился при Апостолахъ-проповѣдникахъ Евангелія. Имѣя въ виду все это, должно утверждать, что Ев. Лука, будучи составителемъ Ев. исторіи, могъ быть даже составителемъ и пѣснопѣній. Исторія не исключаетъ возвышенной поэзіи и ораторства; поэзія и ораторство даже требуются отъ художественной исторіографіи и фактически существуютъ въ классическихъ произведеніяхъ этого рода. Тоже слѣдуетъ предположить и относительно Евангелія отъ Луки, которое по теоріи признается заключительнымъ и совершеннѣйшимъ произведеніемъ въ развитіи Ев. письменности.

Это справедливо въ частности и потому, что въ Ев. письменности, по указанію теоріи, встрѣчается такая возвышенная поэзія; напримѣръ,—въ Древнѣйшемъ Евангеліи и въ Книгѣ высшей Ев. исторіи. Слѣдовательно, положеніе, что Ев. Лука, будучи главнымъ образомъ собирателемъ Ев. матеріи, не легко могъ быть творчески-дѣятельнымъ, неосновательно. Впрочемъ, легко ли, трудно ли, но онъ могъ быть, хотя неизвѣстно какъ трудно и легко.

Всего важнѣе здѣсь то, что въ самомъ доказываемомъ положеніи находится полнѣйшая возможность принять совсѣмъ обратное; а потому, и при самыхъ серьёзныхъ доказательствахъ въ пользу самостоятельности VIII-й книги Ев. исторіи, она остается несамостоятельною.—„Ев. Лука былъ собирателемъ...“; но откуда видно, что онъ былъ собирателемъ только и прямо письменныхъ Ев. произведеній?— Если для всѣхъ его предшественниковъ была возможность заимствовать свои свѣдѣнія изъ устныхъ ис-

точниковъ, даже для ближайшихъ къ нему по времени (Матөей, Маркъ, Филиппъ), и даже для него самого (VIII-я книга Евангельской исторіи); то и самъ онъ могъ быть въ непосредственномъ отношеніи къ устному Апостольскому преданію, какъ къ своему источнику. Въ настоящемъ случаѣ безразлично—былъ онъ въ такомъ отношеніи до или послѣ составленія своего Евангелія, или не былъ: нѣтъ нужды предполагать, что преданіе отчасти было записано имъ немного ранѣе написанія его Евангелія и потомъ внесено въ него; для этого нѣтъ и не видится цѣли. А потому можно положить, что отрывки VIII-й книги Ев. исторіи записаны на основаніи устнаго Апостольскаго преданія самимъ Ев. Лукою и не составляютъ части особой VIII-й книги Ев. исторіи, какъ самостоятельнаго письменнаго источника для Евангелія отъ Луки.

Несамостоятельность VIII-й книги Ев. исторіи доказывается и самою недостаточностію въ пріемѣ доказыванія. Здѣсь Эвальдъ уже не представляетъ ни историческихъ, ни лингвистическихъ доказательствъ своего мнѣнія, какъ это онъ дѣлалъ, напримѣръ, въ отношеніи къ Древнѣшему Евангелію,—VI и VII-й книгамъ Евангельской исторіи [307]).

Такъ предполагамые самостоятельными источники—VI, VII и VIII-я книги Ев. исторіи не могутъ быть признаны таковыми, какъ теоретически несостоятельные, лингвистически не обоснованные и, наконецъ, исторически не засвидѣтельствованные, вообще—неизвѣстные.

Если самостоятельность предполагаемыхъ письменныхъ источниковъ, какъ VI, VII и VIII-я книги Евангельской исторіи, Древнѣйшее Евангеліе и под., не доказана въ изслѣдованіи Эвальда; то принципъ заимствованія, принимаемый, въ его теоріи, слѣдуетъ признать ложнымъ

---

307) Здѣсь должно обратить вниманіе еще на то положеніе теоріи, что VIII-я книга Ев. исторіи отличается отъ другихъ источниковъ также и по языку. Но это положеніе вовсе никакъ не доказывается.

и не научнымъ, а истиннымъ и научнымъ—единственный принципъ устнаго Апостольскаго преданія, изъ котораго непосредственно произошли первыя три каноническія Евангелія.

Общій выводъ изъ разбора теоріи Эвальда о происхожденіи синоптическихъ Евангелій слѣдующій.

Текстъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій не представляетъ твердыхъ научныхъ основаній предполагать, что они составлены на основаніи какихъ-бы то ни было письменныхъ источниковъ: нѣтъ для этого основаній историческихъ и лингвистическихъ. Нѣтъ основаній признать, что каноническая Евангельская письменность для своего развитія предполагаетъ особаго рода путешествующихъ Евангелистовъ—собирателей историческихъ свѣдѣній о чудесахъ и ученіи Іисуса Христа,—свѣдѣній, на основаніи которыхъ, будто-бы, составились всѣ предполагаемые письменные источники синоптическихъ Евангелій. Нѣтъ основаній и побужденій предполагать особыя условія для постепеннаго и разносторонняго развитія Евангельской письменности, изъ которой, какъ изъ своего, будто-бы, непремѣннаго источника произошли синоптическія Евангелія въ преемственно-послѣдовательномъ порядкѣ и во взаимной зависимости (Verwandtschaftverhältniss). Слѣдовательно, должно признать, что первыя три каноническія Евангелія отъ Матѳея, Марка и Луки произошли непосредственно изъ воспоминанія и устнаго Апостольскаго преданія,—что подтверждается теоретически, лингвистически и исторически.

X.

Мысль, что первыя три каноническія Евангелія составлены на основаніи письменныхъ источниковъ,—чѣмъ объясняется и взаимное ихъ отношеніе,—послѣ Эвальда нашла себѣ новое и значительно важное развитіе въ теоріи Ю. Гольцмана, которая изложена въ его сочиненіи: „Синоптическія Евангелія“ (Die Synoptischen Evangelien) [308]).

Онъ начинаетъ свое изслѣдованіе общимъ историческимъ обзоромъ и вмѣстѣ краткимъ разборомъ трудовъ по этому вопросу, и послѣдній результатъ этого обзора и разбора принимаетъ своей исходной точкой, развивая потомъ послѣдовательно и подробно свою теорію, которая излагается далѣе въ общемъ видѣ и, по возможности, собственными словами автора.

По мнѣнію Гольцмана,—

Единственнымъ положительнымъ результатомъ краткаго разбора теорій, предшествующихъ въ исторіи вопроса относительно происхожденія первыхъ трехъ канони-

---

308) Оно издано въ Лейпцигѣ, въ 1863 г., когда Ю. Гольцманъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Гэйдельбергѣ.

ческихъ Евангелій, слѣдуетъ признать то, что „отношеніе сродства синоптиковъ указываетъ на общее и основное для нихъ писаніе (Urschrift),“—что признаютъ почти всѣ новѣйшіе изслѣдователи. Это писаніе есть такъ называемое А. Основное писаніе ближе всѣхъ стоитъ къ Евангелію отъ Марка (Ur-marcus): два другія каноническія Евангелія Матѳея и Луки суть комбинаціи этого первоисточника и нѣкоторыхъ другихъ. При предположеніи такого первоисточника—А, отношеніе сродства, т. е. компилятивное отношеніе, въ которомъ (будто-бы) стоятъ три синоптика другъ къ другу, можно доказать, по мнѣнію Гольцмана, съ никогда несокрушимою доказательностію. Но что это за первоисточникъ,—какой его видъ?— въ этомъ Гольцманъ полагаетъ свою ближайшую задачу.

Построеніе первоисточника А, по Гольцману, нельзя опредѣлить съ буквальною точностію; но опредѣленное содержаніе этого основнаго писанія всюду въ Евангеліяхъ выступаетъ ясно, какъ день. Можно постоянно и основательно убѣждаться въ томъ, что извѣстный рядъ отрывковъ слѣдуетъ разсматривать какъ особенный источникъ, но принятый всѣми синоптическими Евангеліями. Существуютъ уклоненія въ Евангеліи отъ Матѳея и Луки отъ плана первоисточника, но они имѣютъ и свои основанія въ немъ же, т. е. въ А. Прибавленія Ев. Матѳея и Луки сравнительно съ Ев. Маркомъ совершенно понятны, именно при предположеніи А.

Предпославъ „предварительную исторію“, т. е. исторію до вступленія Спасителя на общественное служеніе, Синоптики Матѳей и Лука, также какъ и Маркъ, начинаютъ свое повѣствованіе съ разсказовъ объ Іоаннѣ Крестителѣ и слѣдуютъ порядку А до описанія обстоятельствъ открытой дѣятельности Христа въ Галилеѣ,—порядку, который впервые нарушается Ев. Матѳеемъ. Между тѣмъ Маркъ и Лука разсказываютъ по нити основнаго писанія, а Ев. Матѳей, непосредственно послѣ разсказа о призваніи старѣйшихъ Апостоловъ, излагаетъ (anticipirt)

Нагорную проповѣдь, какъ программу открытой учительной дѣятельности Господа и приводитъ еще отрывокъ изъ А только прибавочно (nachträglich). Скоро потомъ, Ев. Матѳей опять болѣе и болѣе склоняется слѣдовать за А, между тѣмъ какъ Лука, излагая разсказъ о входѣ Спасителя въ Назаретъ, впадаетъ въ безпорядочность относительно послѣдовательнаго размѣщенія фактовъ. Здѣсь ясно, что первоначальный порядокъ изложенія принадлежитъ скорѣе Марку. Потомъ, при разсказѣ о насыщеніи 5000 человѣкъ, опять встѣчаются всѣ три Синоптика; а затѣмъ только Матѳей и Маркъ идутъ гармонически другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ Лука отступаетъ отъ принятаго ими порядка— доколѣ опять, при повѣствованіи объ исповѣданіи Ап. Петра, не входитъ въ связь съ А, держась его порядка твердо до конца Галилейской дѣятельности Господа: а потомъ, начиная съ большой вставки (—IX, 51 и д. ст.), онъ вполнѣ опускаетъ связь А. Только съ разсказа о благословеніи дѣтей Лука является опять параллельнымъ въ отношеніи къ двумъ Синоптикамъ—за исключеніемъ немногихъ вставокъ и пропусковъ. Изъ всѣхъ такихъ, находящихся въ Евангеліи отъ Матѳея и Луки, будто-бы, очевидныхъ нарушеній исторической связи въ изложеніи Ев. событій, Маркъ не имѣетъ никакого. Поэтому, у него смѣло можно предположить вѣрную первоначальную послѣдовательность сказаній, которая была въ А, и въ такой послѣдовательности изложить не только отрывки, общіе всѣмъ тремъ синоптическимъ Евангеліямъ, но и тѣ, которые имѣетъ только Маркъ; это возможно еще болѣе, если очевидна причина опущенія ихъ у другихъ Евангелистовъ. Сюда же относятся и тѣ немногіе отрывки, которые находятся только у Матѳея и Луки,—въ томъ видѣ, въ какомъ Маркъ не принялъ и долженъ былъ опускать или сокращать ихъ. Именно; гдѣ Лука и Матѳей въ проведеніи связи Ев. событій буквально согласны другъ съ другомъ, тамъ есть настоящее основаніе предположить опущеніе у Марка. Наконецъ, существуютъ еще немногія

замѣтки (Notition), сохранившіяся только въ совершенномъ разъединеніи. Но въ первомъ письменномъ изложеніи устнаго преданія были нетолько согласующіяся, но и различающіяся извѣстія, если это позволяли содержаніе и преемственное послѣдованіе ихъ (аколуѳія). Оттого первоевангеліе—А было длиннѣе, нежели каноническое Евангеліе отъ Марка, но въ томъ же порядкѣ, какъ это. Самыя различія синоптиковъ между собою въ частностяхъ (in detail) изъясняются при этомъ изъ писательскихъ особенностей и тенденцій самихъ Евангелистовъ. При этомъ является дальнѣйшая задача—найти принципъ варіацій отдѣльно для каждаго Евангелиста.

Такъ, существовало письменное первоевангеліе—А, какъ первоисточникъ; а видоизмѣненія (Modification) его суть три синоптическихъ Евангелія. Но если этотъ первоисточникъ сообщилъ всей послѣдующей Евангельской литературѣ постоянный ея типъ; то, очевидно, онъ долженъ былъ получить большое распространеніе (въ церкви). Написанъ онъ былъ по-гречески.

Что первыя три каноническія Евангелія суть видоизмѣненія одного А, это подтверждается сравненіемъ ихъ текста.—Несмотря на всѣ уклоненія и взаимныя противорѣчія (?) одна нить разсказа проходитъ чрезъ всѣ три Евангелія; и такая нить могла быть только въ А. При всякомъ запутываніи и прикрываніи этой нити обнаруживается, однако, и сопротивленіе этому запутыванію, такъ что рядъ разсказовъ изъ А, какъ одна, замкнутая въ себѣ, масса, противопоставляется здѣсь вполнѣ безпорядочному изложенію остальныхъ составныхъ частей этихъ Евангелій.

Ни который изъ Синоптиковъ не представляетъ собою А вполнѣ. Маркъ по крайней мѣрѣ нѣчто опускаетъ изъ А, Матѳей и Лука видоизмѣняютъ его, прибавляютъ, убавляютъ и привносятъ другіе источники,—что имѣло своимъ необходимымъ послѣдствіемъ нарушеніе общей связи въ повѣствованіи. Правда, эти видоизмѣненія

не проникали въ существенный корень дѣла, но они были, однако же, столь значительны, что безъ Евангелія отъ Марка, которое только одно держится вполнѣ вѣрно основной нити Ев. повѣствованія, нельзя легко составить представленія о дѣйствительномъ ходѣ Евангельской исторіи.

Вотъ въ какомъ отношеніи Матѳей и Лука находятся къ А. Матѳей слѣдуетъ порядку А въ изображеніи открытой дѣятельности Іисуса Христа до Нагорной проповѣди. Далѣе слѣдуетъ въ немъ отступленіе отъ исторической нити А. Такое отступленіе простирается почти исключительно съ IV, 22 до XIV, 14 ст., гдѣ связь совершенно иная, нежели въ Евангеліяхъ отъ Марка и Луки. Но вмѣсто того, что̀ при такомъ составѣ было опущено изъ первой части А, принято содержаніе главъ: X, 1,—XIV, 14 ст.; однако при этомъ остаются общими по крайней мѣрѣ отрывки, гдѣ разсказывается о срываніи колосьевъ и о сухорукомъ (XII, 1—14), разсказы объ исцѣленіи разслабленнаго и призваніи мытаря (IX, 1—17); а это уже указываетъ на зависимость Матѳея отъ А. Съ XIV, 15 ст. Матѳей опять обращается къ общему порядку и еще опускаетъ изъ А только разсказы о двухъ чудесныхъ исцѣленіяхъ. Такимъ отношеніемъ Евангелія отъ Матѳея къ А объясняются всѣ различныя уклоненія его отъ А и нарушеніе его порядка, что замѣчается въ текстѣ этого Евангелія.

Въ Евангеліи отъ Луки подобныхъ отступленій отъ А—относительно рѣчей и разсказовъ—еще болѣе, нежели въ Евангеліи отъ Матѳея. Въ числѣ рѣчей здѣсь встрѣчаются особенными нѣкоторыя неважныя притчи, а также и нѣкоторыя добавленія—собственно въ паралленыхъ рѣчахъ. Съ повѣствовательной стороны здѣсь представляются совершенно особенныя побужденія къ произнесенію рѣчей, коотрыя Матѳей въ своемъ Евангеліи переработалъ въ наибольшей связи. Здѣсь, однако, ясно какъ день выступаетъ и то, что Лука долго держит-

ся А, видоизмѣняя этотъ источникъ сперва малыми, а потомъ большими вставками. Сперва онъ вставляетъ только генеалогическія и хронологическія замѣчанія, а потомъ обогащаетъ исторію—особенно исторію страданій —изложеніемъ нѣкоторыхъ извѣстій, заимствованныхъ имъ изъ устнаго преданія,—такъ что только отдѣльныя мѣста, какъ XXII, 10—13 ст. и XXIII, 3. 14. 52 ст., написаны имъ въ полной зависимости отъ А.—Когда Ев. Лука видоизмѣняетъ А вставками, то онъ принимаетъ потомъ опять первоначальную нить разсказа, хотя не непосредственно тамъ, гдѣ онъ ее оставлялъ: онъ опускаетъ изъ А нѣчто, но нѣсколько послѣ снова привноситъ существенное изъ опущеннаго. При самой большой вставкѣ онъ, непосредственно предъ нею, опускаетъ „предостереженіе отъ соблазна", а непосредственно послѣ—изреченіе Господа о разводѣ. Наконецъ къ особенностямъ Евангелія Луки относится то, что онъ всѣ отрывки, заимствованныя имъ изъ А и содержащіе живыя и богатыя изображенія, перемѣшиваетъ съ другими или замѣняетъ ихъ; такіе отрывки особенно сформированы, иначе поставлены и помѣщаются обыкновенно между такими отрывками, которые у Матѳея и Марка стоятъ рядомъ одинъ при другомъ.

Особенность каждаго Евангелиста (für sich) въ отношеніи къ первоисточнику А состоитъ, такимъ образомъ, частію въ особенной словесной или фактической обработкѣ данной исторіи (—варіація А), частію въ самостоятельно изложенныхъ рѣчахъ, притчахъ и разсказахъ. Подобной, т. е. самостоятельно изложенной, матеріи весьма немного находится въ Евангеліи отъ Марка, текстъ котораго почти вполнѣ принятъ въ Евангеліяхъ отъ Матѳея и Луки. Евангелію отъ Марка собственно принадлежатъ только слѣдующіе отрывки: гл. I, 1—3 ст. IV, 26—29. XIII, 33—37. VII, 32—37. VIII, 22—26. XI, 18—19. XIV, 51. 52. XV, 44. 45. XVI, 9—11. Но изъ этихъ отрывковъ собственно только 30-ть стиховъ при-

надлежать именно Евангелію отъ Марка и у другихъ синоптиковъ не находятъ себѣ параллели. Притомъ и эти стихи прибавлены не самимъ Ев. Маркомъ, и,—то какъ очень незначительные, то—какъ представляющіе возможность замѣны,—опущены другими Евангелистами. Поэтому для Евангелія отъ Марка нѣтъ необходимости представлять и выставлять какой-нибудь иной письменный источникъ, кромѣ А. Но—вопросъ, какое же различіе между А и каноническимъ Евангеліемъ отъ Марка, если оно есть видоизмѣненіе А?—они различаются чисто авторскими особенностями. Здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду сокращеніе рѣчей, особенно примѣтное тамъ, гдѣ Матѳей и Лука согласны. А въ разсказахъ, напротивъ того, у Марка находятся только незначительныя разности. Кромѣ этого у него находится значительное сокращеніе съ самаго начала и большой пробѣлъ въ срединѣ, образовавшійся отъ опущенія Нагорной проповѣди, вмѣстѣ съ которой опущены и разсказы о двухъ чудесахъ. Наконецъ, въ Евангеліи отъ Марка содержится нѣкоторое число вполнѣ краткихъ, но вполнѣ объяснимымъ, прибавокъ и вставокъ. При этомъ находятся нѣкоторыя весьма малыя прибавки, относительно которыхъ еще можно сомнѣваться —Маркъ-ли прибавилъ ихъ, или Лука и Матѳей ихъ опустили. Таковы, между прочимъ (кромѣ гл. XV, 28 ст.—что можно признать интерполяціей): I, 7. I, 13. I, 20. I, 33. II. 14. II, 16. II, 18 и пр. Различіе въ немногихъ частяхъ, принадлежащихъ Евангелію отъ Марка, основывается совершенно только на спеціализированіи общихъ, добавленіи (Amplification) краткихъ извѣстій и на указаніи нѣкоторыхъ конкретныхъ черть,—чѣмъ Ев. Маркъ намѣренъ былъ „прикрыть сравнительную бѣдность своего историческаго матеріала“ [309]).

---

309) Holtzmann: D. S. Ev. S. 66—67. 99—102. 103—107. 107—113.

Такъ, первый основной источникъ синоптическихъ Евангелій есть писаніе А, почти безъ измѣненія представляющееся въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка и лежащее въ основѣ всѣхъ трехъ Евангелій. Кромѣ этого перваго источника А, по мнѣнію Гольцмана, существовалъ еще второй.

Евангелисты Матѳей и Лука, помимо общей зависимости ихъ отъ А, не могутъ быть разсматриваемы, какъ два самостоятельные автора. Они заимствовали нѣкоторые отрывки и полныя рѣчи изъ А, но нѣкоторые отрывки хотя и общи имъ обоимъ, однако не заимствованы изъ А. Такіе отрывки у Матѳея не носятъ характера вставокъ, а скорѣе—характеръ послѣдовательной рѣчи. Матѳей, впрочемъ, довольно значительно измѣнилъ первоисточникъ вставкою цѣлаго ряда дидактическихъ мѣстъ, которыя, при первомъ взглядѣ на Евангеліе отъ Луки, являются особеннымъ свойствомъ именно Евангелія отъ Матѳея, основаніемъ всѣхъ уклоненій его отъ строя (Baurisse) источника А и выставляютъ архитекторское отношеніе Матѳея къ А. Происхожденіе и отношеніе этихъ частей, именно отрывковъ Евангелія отъ Матѳея, ненаходящихся въ А, къ подобнымъ же, но совершенно иначе мотивированнымъ и расположеннымъ въ Евангеліи отъ Луки, можно объяснить слѣдующимъ способомъ. Ясно какъ день, что здѣсь является одна, объединенная въ себѣ, но много различающаяся отъ А, матерія Ев. исторіи. Главныя части этой матеріи въ первомъ каноническомъ Евангеліи расположились вполнѣ между пятью-шестью пунктами, тогда какъ таже самая матерія у Ев. Луки расположена при отрывкахъ, между которыми она собственно вставлена такъ, что не образуетъ никакого хронологическаго порядка. А второе, столь неоспоримое, наблюденіе заставляетъ признать полнѣйшее различіе при взаимныхъ отношеніяхъ (Mischungsverhältnissen) этихъ отрывковъ, общихъ Матѳею и Лукѣ, но незаимствованныхъ ими изъ А. Есть немногіе, являющіеся самосто-

ятельными у Матѳея, отрывки, большею частію притчи; но существуютъ и еще отрывки рѣчей, стоящіе внѣ Λ и не ему принадлежащіе; у Луки они поставлены изолированно, хотя и рядомъ другъ за другомъ, а у Матѳея они стоятъ такъ, какъ будто они внесены въ связи Λ. Матѳей большую часть этихъ изреченій помѣстилъ въ своемъ Евангеліи безъ тѣхъ историческихъ поводовъ, которые предпосылаетъ имъ Лука, не допуская чрезъ то особыхъ отдѣленій (Perikopen); такъ какъ они не столько уменьшаютъ и сокращаютъ отдѣленія Λ, сколько пополняютъ и расширяютъ. Матѳей менѣе обращалъ вниманія на то, чтобы сообщить Ев.изреченія съ присоединеніемъ къ нимъ историческихъ поводовъ и въ хронологической послѣдовательности, нежели на то, чтобы сопоставить однородное и сходное. При такомъ отношеніи данныхъ отрывковъ слѣдуетъ предположить второй источникъ, общій Матѳею и Лукѣ, но обработанный обоими въ совершенно различномъ видѣ. Это предположеніе оправдывается всѣмъ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ и тѣмъ фактомъ, что весьма многіе новѣйшіе критики признаютъ въ первоевангеліи Марка (Urmarcus) или первоевангеліи Матѳея (Ur-matthäus), того же рода источникъ подъ именемъ Собранія изреченій или Собранія рѣчей. Особенно же оно оправдывается фактомъ дословнаго сходства Евангелія отъ Матѳея съ Евангеліемъ отъ Луки въ отрывкахъ, общихъ имъ, исключая Евангелія отъ Марка. Это былъ общій для Матѳея и Луки греческій источникъ, который по его характеру можно обозначить литтерой Λ, т. е. λογια, изреченія.

Какое же содержаніе этого источника ?—Сюда относятся большія рѣчи, какъ, напримѣръ, Нагорная проповѣдь, рѣчь при посланіи Апостоловъ на проповѣдь, рѣчь противъ фарисеевъ и п. под. Такимъ образомъ въ составъ втораго источника входятъ вообще изреченія Господа. Эти изреченія въ самомъ источникѣ были не въ видѣ рѣчей, а въ видѣ ихъ отрывковъ,—въ видѣ не-

обработанной матеріи, которую автору перваго Евангелія отъ Матеея приходилось организовать и представить въ связи въ своемъ трудѣ. Онъ всю матерію раздѣлилъ на части и каждую поставилъ на соотвѣтствующее ея содержанію мѣсто, придерживаясь историческаго порядка А,—соотвѣтственно извѣстному моменту жизни и дѣятельности Господа. Между тѣмъ самъ авторъ источника Λ сопоставлялъ только отдѣльныя группы, не имѣя намѣренія указать ихъ главныя части или хронологическую послѣдовательность,—какъ фрагменты Ев. исторіи. Поэтому въ Λ не доставало спеціальной исторической связи: только Матеей однообразныя и сходныя по содержанію изреченія излагалъ въ связи, но безъ историческихъ мотивовъ; при этомъ отрывки изъ Λ онъ вставлялъ въ срединѣ исторіи и фактическую связь проводилъ насчетъ исторической,—не придерживаясь порядка А. Это—такъ; въ противномъ случаѣ не возможно доказать, что рѣчи у Матеея суть оригиналы, что они въ этой именно формѣ и объемѣ дѣйствительно были произнесены Іисусомъ. Вѣроятнѣе то, что краткія изреченія были написаны ранѣе, нежели длинныя рѣчи, письменная передача которыхъ требовала многихъ размышленій. „Вѣроятнѣе то, что не Лука самовольно разбилъ великое зданіе и развалины разсыпалъ по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ, а Матеей выстроилъ тѣ стѣны (цѣльныя рѣчи) изъ груды камней, разсыпанныхъ у Луки. Матеей, какъ искусный сборщикъ, разсудительно сопоставилъ въ ряды тѣ отрывки, хотя онъ и не всегда могъ передать первоначальную связь ихъ". Великое множество изреченій, которыя Матеей записалъ въ своемъ сочиненіи,—разумѣется, въ связи,—у Луки встрѣчается въ видѣ отрывковъ, такъ что ихъ можно сравнить съ безпорядочнымъ сырымъ матеріаломъ, а не съ органически цѣлымъ и по времени опять раздѣлившимся. Въ противоположность Матеею, Лука всегда при извѣстномъ изреченіи указываетъ опредѣленный историческій

поводъ. Ясно само по себѣ, что отрывки рѣчей въ Λ слѣдовали одинъ за другимъ такъ именно отрывочно, что Лука видѣлъ себя вынужденнымъ дать имъ нѣкоторый порядокъ (arrangiren) и какъ либо мотивировать, хотя данная при этомъ связь является искуственною и натянутою. Цѣль ея была та, чтобы цѣлое сдѣлать ровнымъ (безъ перикопъ),—соединить одинъ отрывокъ съ другимъ, не оставляя въ изложеніи пробѣловъ и шероховатостей. Въ историческомъ отношеніи такая связь и указаніе поводовъ извѣстныхъ рѣчей мало имѣютъ значенія, ибо во всемъ этомъ мало содержится собственно-исторической основы. Такъ въ первое время и въ первоисточникѣ было собрано большое число изреченій Спасителя безъ присоединенія поводовъ къ ихъ произнесенію; только впослѣдствіи возрастающая—по мѣрѣ временнаго отдѣленія отъ дѣйствительно историческихъ побужденій—трудность пониманія извѣстныхъ изреченій побудила отчасти къ составленію комментарія на Λ, а отчасти къ самостоятельнымъ трудамъ, которые своей задачей поставляли обработку исторической стороны дѣятельности Іисуса Христа. Правда, и въ самомъ источникѣ Λ были нѣкоторыя историческія замѣчанія, но ихъ первоначальный видъ (Ur-gestalt) былъ иной, нежели теперешнихъ „введеній“ въ Евангеліи отъ Луки: подробнѣйшія „введенія“ Луки первоначально—въ источникѣ Λ—были въ гораздо ограниченномъ видѣ. И съ такими совершенно краткими и общесодержательными историческими объясненіями были только немногіе отрывки, въ которыхъ вообще безъ хронологическихъ замѣчаній и только въ широкомъ смыслѣ слова дается фактическій порядокъ Ев. изреченіямъ. Такимъ образомъ „введенія“ Луки изъясняются въ смыслѣ опытовъ въ возможной мѣрѣ распространить немногія, въ Λ только кратко приведенныя, объясненія, и—совершенно правильно сдѣлать ихъ указаніями опредѣленныхъ моментовъ въ жизни Іисуса, къ которымъ относятся самыя изреченія Его.

Итакъ, второй источникъ—Λ слѣдуетъ поставить рядомъ съ A совершенно самостоятельнымъ и независимымъ отъ него. Между тѣмъ, какъ отъ A находятся въ зависимости всѣ три Синоптика, отъ Λ—только Матѳей и Лука.

Но въ какой зависимости находятся Матѳей и Лука отъ Λ? была ли матерія Λ вполнѣ принята однимъ изъ двухъ этихъ Евангелистовъ такъ, чтобы можно было все, что въ одномъ или другомъ не находится сходнаго съ A, искать въ Λ?—Свобода ихъ выбора въ отношеніи къ A даетъ право ожидать отрицательнаго отвѣта. И дѣйствительно, какъ показываютъ примѣры, Матѳей и Лука многое опустили изъ источника Λ. Лука принялъ изъ втораго источника въ содержаніе своего Евангелія также мало, какъ и изъ перваго. Съ другой стороны очень многое, чтó находится только въ Евангеліи отъ Матѳея и что при поверхностномъ сужденіи признается заимствованнымъ изъ Λ, разсмотрѣнное точнѣе, оказывается авторскою собственностію самого Матѳея. Лука почти вполнѣ, а Матѳей столько, сколько онъ могъ себѣ усвоить, приняли второй источникъ; поэтому Евангеліе отъ Матѳея относится къ Евангелію отъ Луки какъ соразмѣрное (ebenmässig) искуственное произведеніе къ произвольно (belibig) слишкомъ распространенному трудусборнику. Источникъ Λ употребляемъ былъ Лукою въ его первоначальномъ видѣ,—въ его Евангеліи остались отрывки (многочисленные) въ ихъ первоначальномъ видѣ. Но если бы поставить своей задачей—воспроизвести этотъ второй источникъ на основаніи данныхъ отрывковъ, то здѣсь самая природа дѣла такова, что поставленная задача не можетъ быть выполнена, какъ и—въ отношеніи первоисточника A. Если нельзя было—не переступая границъ достижимаго въ отношеніи къ научной комбинаціи—обѣщать достаточной точности въ нѣкоторыхъ случаяхъ при опредѣленіи отношеній синоптиковъ къ A; то при воспроизведеніи втораго источника это повторяется

еще въ бóльшей мѣрѣ: первоначальный составъ Λ можетъ быть данъ только въ приблизительно надлежащемъ видѣ. Между прочимъ начало источника Λ опредѣляется изреченіями Христа относительно достоинства и значенія Іоанна (Крестителя): Луки VII, 18—35. Мѳ. XI, 2—11. 16—19; а конецъ—Мѳ. XIII, 52 ст.—

Но послѣ того, какъ содержаніе, общее всѣмъ тремъ Синоптикамъ, отнесено къ A и обще къ двумъ, Матѳею и Лукѣ—къ Λ, остальное, что принадлежитъ тому или другому изъ нихъ только одному, это, очевидно, предполагаетъ еще нѣкоторые источники. Сюда относятся отдѣлы, напримѣръ, въ Евангеліи отъ Матѳея: а) исторія рождества Іисуса Христа: гл. I и II; б) бесѣда Іоанна Крестителя съ Іисусомъ: III, 14—15; в) ветхозавѣтная цитата при извѣстіи (изъ A—Мр. I, 21) о мѣстѣ жительства Іисуса: IV, 14—16; г)—изъ Нагорной проповѣди изреченія, для которыхъ нѣтъ параллельныхъ мѣстъ: V, 14. 16. 17. 19—24. 27. 28 (31). 33—38. VI, 1—8. 16—18. 34. VII, 6. 15. 21—и пр. Въ Евангеліи отъ Луки: а) родословная таблица: III, 23—38; б) разсказъ о юношѣ Наинскомъ: VII, 11—17; в)—о грѣшницѣ: VII, 36—50, и пр. Такіе и многіе подобные примѣры совсѣмъ не принадлежатъ ни A, ни Λ. Откуда они?—это собственное произведеніе обоихъ Евангелистовъ, которое ими впервые было записано. Тѣмъ не менѣе и здѣсь оказываются слѣды нѣкотораго письменнаго источника, а можетъ быть и нѣсколькихъ....

Слѣдовательно, результатъ теоріи Гольцмана въ отношеніи къ синоптическимъ первоисточникамъ слѣдующій:

Во-первыхъ, существовали письменные источники:

а) Въ основаніи всѣхъ трехъ синоптическихъ Евангелій лежитъ общій источникъ—A; онъ даетъ главную матерію. Весьма много имъ пользовался Ев. Маркъ и весьма мало Ев. Лука.

б)—Собраніе изреченій—Λ, которое въ одной и той-

же греческой формѣ изложенія было употребляемо Матѳеемъ и Лукою, и—болѣе Лукою, нежели Матѳеемъ.

в)—Неопредѣленное, однако, во всякомъ случаѣ, не очень значительное число небольшихъ письменныхъ замѣтокъ.

Во вторыхъ, существовалъ устный источникъ Евангельской исторіи—преданіе, которое встрѣчалось въ первенствующей Христіанской церкви въ различномъ видѣ и прежде, чѣмъ на него обратили свое наблюдательное вниманіе синоптики-Евангелисты. Они заимствовали изъ него различные разсказы, изложивъ ихъ въ связи перваго источника A, и даже—нетолько малыя изреченія (dicta) Іисуса, но и цѣлыя исторіи, какъ о статирѣ—у Матѳея, и о посланіи къ Ироду—у Луки.

Эти источники передаются въ синоптическихъ Евангеліяхъ слѣдующимъ образомъ: а) Евангеліе отъ Марка изъясняется вполнѣ при предположеніи только одного источника, именно A.—б) Въ основаніи Евангелія отъ Матѳея лежитъ A, но Ев. Матѳей вставляетъ въ свое Евангеліе изъ устнаго преданія, собственно церковнаго, то отдѣльныя замѣчанія, то части рѣчей и разсказы; но онъ преимущественно нарушаетъ связь A, какъ большими, такъ и небольшими вставками изъ Λ.—в) Ев. Лука въ цѣломъ полагаетъ въ основаніе своего Евангелія источникъ A; но такъ какъ этотъ источникъ имѣлъ опредѣленную связь, то Лука долженъ былъ видоизмѣнить его типъ своими вставками и выпусками. Что касается вставокъ, то небольшія части ихъ заимствованы изъ A, а наибольшая масса, организованная въ двухъ отдѣлахъ, сообщена преимущественно изъ Λ и іудейскаго преданія [310]).

Теорія съ такими выводами, по мнѣнію Гольцмана, вполнѣ оправдывается и внѣшними историческими

310) Holtzmann,—S. 126—157. 157—168.

свидѣтельствами, каковы суть: главнымъ образомъ „введеніе" (Prolog) Евангелія отъ Луки: I, 1—4; и—свидѣтельство Папія, епископа Іеропольскаго († 120 г.).— Во „введеніи" къ своему Евангелію Ев. Лука а) ясно различаетъ Евангельскую исторію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и потомъ исторію, возникшую по потребности, которой слѣдовалъ самъ Ев. Лука, по потребности—начинать изложеніе Ев. исторіи съ самаго начала, именно съ рождества Іоанна Крестителя.—б) „Введеніе" даетъ право заключать о томъ, что писатель, именно Лука, пользовался источниками двоякаго рода—письменными и устными. Но тщательный анализъ словъ этого „введенія" показываетъ, что его источники различаются другъ отъ друга не по категоріямъ устнаго и письменнаго, но по категоріямъ первой и второй важности. У Луки были какъ письменные памятники Апостоловъ, такъ и устное ихъ преданіе.—в) „Введеніе" показываетъ, что источники Луки были, однако, не вполнѣ совершенны, такъ что, желая передать жизнь Іисуса Христа христіанамъ, жившимъ внѣ Палестины, Лука долженъ былъ признать всѣ эти предварительные труды по Ев. исторіи неудовлетворительными и, между прочимъ, Евангелія, основывающіяся на Апостольскомъ авторитетѣ, онъ могъ признать недостаточными, по крайней мѣрѣ, въ общемъ изображеніи жизни Христа, а равно и въ отношеніи полноты, точности и порядка повѣствованія.—г) Въ числѣ многихъ, πολλοι, о которыхъ говорится во „введеніи", Лука имѣлъ въ виду и каноническое Евангеліе отъ Марка, которое въ первоначальномъ своемъ видѣ (Ur-marcus) было для Луки однимъ изъ главныхъ источниковъ.—д) Ев. Лука въ своемъ „введеніи" намѣренъ былъ сказать не то, что существовали многіе, πολλοι, а то, что онъ самъ сталъ заниматься побуждаемый ихъ примѣромъ,—что и онъ переработалъ первоисточники Евангелій также, какъ и эти многіе его предшественники. Кромѣ „введенія" Евангелія отъ Луки, въ пользу теоріи говоритъ второе

внѣшнее свидѣтельство, именно еп. Папія, который передаетъ, что Ев. Матѳей написалъ изреченія Господа (λογια). Смыслъ этого свидѣтельства, будто-бы, говоритъ именно въ пользу существованія Собранія изреченій— втораго главнаго источника синоптиковъ—Λ [311]).

Отношеніе Синоптиковъ одного къ другому, независимо отъ экзегетическихъ и историческихъ данныхъ, по Гольцману, можно ясно показать при изслѣдованіи ихъ исключительныхъ стилистическихъ особенностей. Оно подтверждаетъ результаты предшествующихъ изслѣдованій (Гольцмана). Изслѣдованіе относительно характера рѣчи и слово-употребленія (Sprachcharaktër oder Sprachgebrauch) именно показываетъ, что: а) въ основаніе всѣхъ трехъ синоптиковъ положенъ первоисточникъ A, а у Матѳея и Луки сверхъ того еще источникъ Λ. Эти источники оба представляютъ особую область языка.—б) Сверхъ того, каждый отдѣльный Евангелистъ имѣетъ свой собственный стиль, который равномѣрно проходитъ чрезъ разсказы, какъ и чрезъ рѣчи.—в) Этимъ устраняется то старинное мнѣніе, что Синоптики только копировали Первоевангеліе; скорѣе,—они переработывали A съ самостоятельнымъ словоупотребленіемъ.—г) О „чистой передачѣ только записей" отъ одного Евангелиста другому не можетъ быть и рѣчи. Филологическое изслѣдованіе показываетъ, что источники Синоптиковъ не оставались непереработанными, но самостоятельно редактировались (—противъ Шлейермахера и Эвальда).—д) Если существуютъ писательскія особенности въ подробностяхъ Ев. изображенія, то справедливо слѣдуетъ признать, что они относятся преимущественно къ распорядку матеріала, а не къ самому содержанію.—Наконецъ, самое сравненіе параллельнаго текста—языка и выраженій—показываетъ,

---

311) Holtzmann,—S. 243—254.

что наши синоптики суть варіаціи одних и тѣхъ же источниковъ [312]).

Слѣдовательно, со стороны экзегетической, историческої и лингвистической, по теоріи Гольцмана, выходитъ, что первыя три каноническія Евангелія—результатъ переработки однихъ и тѣхъ же письменныхъ источниковъ, впрочемъ достигнутый съ помощію устнаго преданія. Главный характеръ ихъ—компиляція.

Очевидно, результатъ изслѣдованія Гольцмана, въ общемъ и существенномъ, тотъ же, что и у Эвальда, именно синоптическія Евангелія—ничто иное, какъ компилятивная обработка готовыхъ источниковъ—А, Λ и другихъ. Этотъ одинаковый результатъ и достигнутъ былъ съ помощію однихъ и тѣхъ же способовъ изслѣдованія, а главное—при однихъ и тѣхъ же принципахъ изслѣдованія—писанія и устнаго преданія.

Насколько же правильно, научно и важно приложеніе и оправданіе на дѣлѣ перваго принципа теоріи—принятіе письменныхъ источниковъ,—вотъ существенный и главный вопросъ при разборѣ данной теоріи. Опредѣленіе основательности и научнаго значенія теоріи Гольцмана требуетъ разсмотрѣнія его изслѣдованія, съ его же точки зрѣнія, при помощи главнымъ образомъ и въ возможной мѣрѣ его же собственныхъ пріемовъ. При разсмотрѣніи приложенія извѣстныхъ пріемовъ и выведенія, при помощи ихъ, точныхъ результатовъ необходимо обращаться къ критеріямъ,—къ тому, по чему именно должно принять то, а не другое положеніе; это необходимо для того, чтобы отчетливо дознать, основательна ли данная теорія.

Имѣя въ виду эти условія изслѣдованія, должно поставить слѣдующіе вопросы при разборѣ теоріи Гольцмана: а) Слѣдуетъ ли признать существованіе

---

312) Holtzmann,—S. 264—280.

Первоевангелія—А, какъ письменнаго общаго первоисточника для всѣхъ Синоптиковъ? б) Слѣдуетъ ли признать существованіе Собранія изреченій, какъ письменнаго втораго источника для двухъ Синоптиковъ—Матѳея и Луки? в) Находитъ ли теорія Гольцмана подтвержденіе для себя въ изслѣдованіи стилистическихъ особенностей каждаго Евангелиста—Синоптика? г) Оправдывается ли теорія Гольцмана тѣми историческими свидѣтельствами, на которыя она указываетъ въ свою пользу?

Но всѣмъ этимъ главнымъ вопросамъ долженъ предшествовать общій въ отношеніи къ нимъ и такъ же главный вопросъ: д) Слѣдуетъ ли признать существованіе письменныхъ источниковъ вообще,—что̀ теорія принимаетъ своимъ исходныхъ положеніемъ?

Эти вопросы главные, съ рѣшеніемъ которыхъ рѣшается существенно главный и общій вопросъ нашего изслѣдованія съ отрицательной стороны.—Если, по справедливости, наиболѣе удачное приложеніе принципа заимствованія въ изслѣдованіи о составѣ синоптическихъ Евангелій, сдѣланное Гольцманомъ, окажется неимѣющимъ истинно научнаго значенія; то останется признать господствующимъ и единственно правильнымъ приложеніе втораго принципа—преданія, что́ слѣдовало изъ разбора и предшествующей теоріи Эвальда. А это и будетъ отвѣтомъ на нашъ главный и существенный вопросъ, какіе были источники каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки, письменные или устные?

XI.

На вопросъ о первоисточникахъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій теорія Гольцмана рѣшительно отвѣчаетъ такъ: источники Синоптиковъ были письменные и устные, и письменные по преимуществу. Этотъ отвѣтъ, въ виду теоріи Эвальда и цѣлаго ряда ей предшествовавшихъ теорій, конечно, не новый. Имѣя въ виду судьбу подобныхъ рѣшеній, самъ Гольцманъ, послѣ историческаго обзора литературы этого вопроса, счелъ нужнымъ высказать и свое собственное мнѣніе, именно потому, что его предшественники рѣшали интересующій его вопросъ неудовлетворительно. Разборъ ихъ мнѣній, сдѣланный Гольцманомъ, показалъ ему, что въ силу неудовлетворительности ихъ слѣдуетъ отвергнуть каждую изъ такихъ теорій, развивающихъ подобное мнѣніе, почти совершенно. Гольцманъ такъ и поступаетъ, признавая во всѣхъ теоріяхъ заимствованія справедливымъ лишь одинъ самый общій, по его выраженію, результатъ.

„Единственный положительный (positiv) результатъ, полученный нами, говоритъ Гольцманъ въ заключеніе своего историко-критическаго очерка литературы вопроса,—тотъ, что отношеніе сродства синоптическихъ Евангелій указываетъ на общее и основное для нихъ писаніе [313]).

---

313) Holtzmann,—S. 66.

Но слѣдствіемъ чего является этотъ результатъ? по ходу рѣчи и дѣла оказывается, что онъ есть слѣдствіе историко-критическаго разбора предшествовавшихъ теорій, такихъ, изъ которыхъ ни одну нельзя признать за правильную и удовлетворительную. „Положительный результатъ" явился такимъ образомъ слѣдствіемъ обнаруженія несостоятельности всѣхъ теорій, предшествовавшихъ Гольцмановой. Но—какъ именно?—Имѣя въ виду отношеніе сродства синоптиковъ, многіе изслѣдователи предполагали, что это сродство явилось при однихъ и тѣхъ же источникахъ, коими они пользовались, и—что эти источники были устные и письменные, но письменные употреблялись по преимуществу всѣми тремя синоптиками. Каждый изслѣдователь такъ или иначе старался доказать свое такого рода предположеніе, оправдать свои принципы, рѣшить вопросъ въ этомъ духѣ подробно и обстоятельно, —научно. Съ этою цѣлію создавались разнообразныя и многочисленныя теоріи, при помощи оригинальныхъ пріемовъ объяснялись всевозможныя—при такой постановкѣ общаго дѣла—трудности, и каждая теорія выставляла свой результатъ за болѣе или мѣнѣе вѣроятный, и научный. Разсматривая труды многочисленныхъ такихъ изслѣдователей, Гольцманъ приходитъ къ убѣжденію, что между ними нѣтъ ни одного прочно, правильно, научно рѣшающаго свою задачу. Итакъ, по Гольцману же, выходитъ, что предположеніе, при которомъ отношеніе сродства синоптиковъ объясняется съ помощію письменныхъ, тремъ или двумъ Евангелистамъ общихъ, источниковъ, не оправдано и остается только предположеніемъ. Но самъ Гольцманъ, въ заключеніе своего критико-историческаго обзора, говоритъ: „единственный положительный результатъ, полученный нами доселѣ,—тотъ, что отношеніе сродства синоптиковъ указываетъ на общее и основное для нихъ писаніе". Очевидно, этотъ „положительный результатъ" есть собственно проблемма тѣхъ многочисленныхъ теорій, несостоятельность которыхъ показана въ

историко-критическомъ обзорѣ Гольцмана; слѣдовательно, этотъ результатъ—недоказанное предположеніе, не строго научный, положительный выводъ. А потому доселѣ остается не „положительный результатъ", а недоказанное предположеніе, хотя доказать его старались весьма многіе изслѣдователи. Съ этого-то многократно и многоразлично недоказаннаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ уже и ненадежнаго, предположенія начинаетъ Гольцманъ свою теорію, какъ съ „положительнаго результата" многочисленныхъ работъ своихъ предшественниковъ.—Отдѣленный отъ прочихъ излѣдователей собственной своей критикой, Гольцманъ можетъ быть разсматриваемъ одинъ, самъ по себѣ, или безотносительно.

Какая же исходная точка собственнаго изслѣдованія Гольцмана?—Имѣя общимъ съ другими изслѣдователями только главное предположеніе, что сродство синоптиковъ указываетъ на ихъ общее основное писаніе, Гольцманъ отступаетъ, однако, отъ обыкновеннаго, принятаго почти всѣми его предшественниками, пути „тривіальнаго". Вмѣсто того, чтобы, по ихъ примѣру, прикрѣпить свою теорію къ какой-нибудь опредѣленной, болѣе или менѣе постоянной и прочной, точкѣ опоры, напримѣръ, къ историческому или экзегетическому основанію, Гольцманъ начинаетъ свою теорію съ мнимо „положительнаго результата": это и есть исходный пунктъ его теоріи.

Такъ, исходный пунктъ теоріи Гольцмана есть предположеніе, которое, по указанію самого же автора, не оправдано въ многочисленныхъ трудахъ его предшественниковъ. Поэтому, естественно требовалось бы оправдать это предположеніе напередъ какими-либо соображеніями, какъ это сдѣлано, напримѣръ, Эвальдомъ въ отношеніи къ своей теоріи; слѣдовало бы выяснить, по крайней мѣрѣ, возможность основнаго предположенія и показать сообразность его съ дѣломъ, чтобы видно было, насколько оно основательно и что даетъ Гольцману поводъ думать такъ, какъ другіе, а не иначе. Это слѣдовало бы сдѣлать въ

виду того, что иногда возможно объяснять и дѣйствительно объясняють факты до извѣстной степени удовлетворительно съ помощію недостаточно ясныхъ свѣдѣній, ошибочно составленныхъ понятій и любимыхъ, намѣренно предвзятыхъ, но въ сущности ложныхъ, предположеній и тенденцій. Таковы въ этомъ отношеніи многочисленныя ошибки философскихъ системъ, таковы ложные выводы естествознанія, таковы результаты тенденціозной критики Евангельской исторіи и под. [314]). Тѣмъ не менѣе иногда такія неправильныя толкованія, ложные выводы и одностороннія заключенія долго жили въ качествѣ научныхъ истинъ, много значили въ общественномъ мнѣніи и находили большое число пріемниковъ и приверженцевъ. Въ виду этого еще скорѣе требовалось бы Гольцману исходнымъ пунктомъ своего изслѣдованія поставить какое-либо безспорное положеніе или по крайней мѣрѣ слѣдовало бы показать, что лежитъ въ основаніи принятаго положенія. Иначе, его предположеніе, общее съ другими изслѣдователями, но неоправданное ими, съ перваго же раза представляется научно несостоятельнымъ; а такъ какъ оно есть именно исходное въ отношеніи ко всему изслѣдованію, то и все изслѣдованіе, въ самомъ его началѣ, лишается довѣрія, потому что начинается съ подозрительной, предвзятой, достаточно не обоснованной мысли,—съ проблеммы, выдаваемой за результатъ многочисленныхъ изслѣдованій.

Такъ и необходимо являющееся недовѣріе къ данной теоріи безпокоитъ читателя всего излѣдованія, если онъ помнитъ, что исходный пунктъ теоріи—предвзятая мысль, уже неудавшаяся во многихъ теоріяхъ въ качествѣ основ-

---

314) Припомнимъ, напримѣръ, странную гипотезу знаменитаго Кеплера «о душѣ земли и ея фибрахъ», которую онъ старался подтвердить фактами: подземной теплотой, рожденіемъ металловъ, выпотѣніемъ тумановъ и т. д. *Любимова*: Духъ естествовѣдѣнія»,— въ *Университетскомъ Отчетѣ*, за 1867 г. Москва. Стр. 118.

наго положенія. Въ-замѣнъ всякихъ желаемыхъ соображеній, въ пользу исходнаго своего предположенія, Гольцманъ успокоиваетъ читателя тѣмъ, что это предположеніе „общепринятое“.—„Отношеніе сродства синоптиковъ, по его словамъ, указываетъ на общее, основное для нихъ, писаніе; а должно ли это принять, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ позднѣе, т. е. всѣмъ изслѣдованіемъ. Но, прибавляетъ Гольцманъ, такое положеніе усиливается уже тѣмъ соображеніемъ (Wahrnehmung), что приблизительно всѣ новѣйшіе изслѣдователи здѣсь согласны“ [315]). Это, конечно, не успокоительно; потому что если они и всѣ согласны, то всѣ же они опять, по ясному указанію самого Гольцмана, въ томъ же предположеніи и несостоятельны; всѣ изслѣдователи здѣсь одинаково думаютъ, но у нихъ это предположеніе является одинаково неосновательно обдуманнымъ и неудовлетворительно развитымъ; оно общепринято, но и вообще недоказано, а потому еще болѣе сомнительно, и—настолько, насколько велико число трудившихся надъ нимъ безъ успѣха; но таковы именно почти всѣ новѣйшіе изслѣдователи, какихъ здѣсь разумѣетъ Гольцманъ.

Справедливо ли, однако, и основательно ли указаніе Гольцмана на новѣйшихъ изслѣдователей, если разсматривать большинство ихъ независимо отъ неудачныхъ, хотя многократныхъ и многоразличныхъ, опытовъ этого большинства?—Нѣтъ. Гольцманъ говоритъ: „приблизительно почти всѣ новѣйшіе изслѣдователи здѣсь согласны“... почти или приблизительно, но—не всѣ. Что важнаго въ томъ, если большинство изслѣдователей здѣсь согласно?—Гольцманъ не указываетъ, чѣмъ мнѣніе большинства лучше, нежели меньшинства; а развѣ истина всегда бываетъ на сторонѣ большинства?—нѣтъ [316]). Гольц-

---

315) Holtzmann,—S. 66.

316)—Omnes sic putant, ergo—veritas?—нѣтъ. Припомнимъ,

манъ не указываетъ даже, что предположеніе большинства имѣетъ достоинство само по себѣ. А если такъ, то предположеніе, неоправданное само по себѣ, хотя бы и принятое большинствомъ, не получаетъ особеннаго достоинства отъ количества лицъ, принявшихъ его, и не имѣетъ значенія въ наукѣ. Неправда, принятая почти или вполнѣ всѣми, будетъ и всегда останется неправдой, только почти или прямо всеобщей. Но недостаточность соображенія Гольцмана относительно большинства ученыхъ, принимавшихъ его начальное предположаніе, еще очевиднѣе обнаруживается имъ же самимъ въ томъ, что такое предположеніе потребовало новаго съ его собственной стороны приложенія въ новомъ изслѣдованіи. Гольцманъ только въ своей теоріи видитъ совершенное и прочное оправданіе этого обще-принятаго предположенія,—у себя, а не у большинства, и—одинъ идетъ противъ всѣхъ. Что же значитъ большинство?—ничего противъ одного Гольцмана или сравнительно съ нимъ однимъ... Слѣдовательно, большинство, если и говоритъ, то—противъ Гольцмана, такъ какъ оно даже предъ нимъ однимъ неавторитетно.

Такъ всѣ новѣйшіе изслѣдователи, на которыхъ ссылается въ данномъ случаѣ Гольцманъ, не говорятъ за него; потому что одни изслѣдователи совсѣмъ не принимаютъ его начальнаго предположенія (письменныхъ источниковъ), а другіе многіе или большинство, хотя и принимаютъ, но недостаточностію своихъ теорій, а вмѣстѣ и самымъ качествомъ своихъ изслѣдованій говорятъ скорѣе въ пользу первыхъ и противъ Гольцмана, который ставитъ себя съ ними на одну точку опоры,—на ту же, которая оказалась непрочнымъ основаніемъ всего большинства изслѣдованій.

Большинство ученыхъ, о коихъ говоритъ Гольцманъ,

какъ еще незнаменитый дотолѣ Галилей, предъ «избранною мудростью университетовъ, представителями ученыхъ обществъ и толпами народа», побѣдоносно опровергъ теорію Аристотеля о паденіи тѣлъ. *Митчелля*: «Небесныя свѣтила». Изд. 3-е. Москва. 1868. Стр. 77—78.

важно не однимъ только своимъ количествомъ; оно имѣетъ значеніе въ отношеніи къ разсматриваемому предположенію по своему авторитету: такъ можно думать, и— по справедливости. Уже одно то, что каждая изъ предшествовавшихъ теорій „начинала, по словамъ Гольцмана, съ извѣстной внѣшней точки опоры", какъ, напримѣръ, свидѣтельства преданія и п.,—уже это одно сравнительно много говоритъ какъ въ пользу значенія большинства изслѣдователей, такъ и противъ теоріи Гольцмана. Но нѣкоторыя теоріи не только начинали съ внѣшней точки опоры—свидѣтельства преданія или самыхъ Евангелій, но и предпосылали общія историческія соображенія въ пользу своего извѣстнаго принципа, какъ это очевидно, напримѣръ, въ теоріи Эвальда. Такія теоріи, въ этомъ отношеніи, по праву могутъ быть признаны совершеннѣйшими, нежели теорія самого Гольцмана. А если предшествовавшія, сревнительно въ этомъ отношеніи лучшія, теоріи обнаружили свою несостоятельность и общее предположеніе, принятое ими, осталось неоправданнымъ, то такое обстоятельство съ своей стороны еще болѣе лишаетъ научнаго значенія теорію Гольцмана, которая начинается прямо и только съ того неоправданнаго предположенія. И если эта теорія, указывая на большинство изслѣдователей, коими ея исходное предположеніе было принято, но не оправдано, тѣмъ самымъ ставитъ это свидѣтельство большинства противъ самой себя; то это, противорѣчащее ей, свидѣтельство получаетъ теперь еще большее значеніе, когда самое большинство изслѣдователей въ данномъ случаѣ авторитетнѣе, нежели Гольцманъ.

Можетъ быть для мнѣнія Гольцмана имѣетъ значеніе то обстоятельство, что большинство изслѣдователей очень велико,—„приблизительно всѣ?"... Неправда, нетолько не „приблизительно всѣ", но и неизвѣстно даже сколькіе, неизвѣстно съ точностію—бóльшее-ли число такихъ изслѣдователей, которые принимаютъ письменные

источники синоптиковъ, или меньшее. Гольцманъ не даетъ такого точнаго свѣдѣнія объ этомъ и не можетъ дать; потому что едвали можно прослѣдить всю литературу вопроса на разныхъ языкахъ и статистически-точно знать, кокого мнѣнія объ этомъ предметѣ, напримѣръ, всѣ французскіе и англійскіе ученые; трудно съ точностію опредѣлить и самую близость, о которой говорить Гольцманъ, даже въ средѣ собственно нѣмецкихъ ученыхъ [317].

Если, такимъ образомъ, нельзя сказать съ точностію—большинство или меньшинство принимаетъ основное предположеніе Гольцмановой теоріи, то значеніе успокоительнаго завѣренія, какое предлагаетъ авторъ, теряетъ свою важность.—Какъ будто въ пользу того же исходнаго предположенія говоритъ еще то, что это большинство составляютъ изслѣдователи „новаго времени“. Но почему теорія даетъ значеніе согласію въ этомъ пунктѣ изслѣдователей именно новѣйшихъ?—Напередъ слѣдовало бы показать, что труды этихъ новѣйшихъ изслѣдователей совершеннѣе предшествовавшихъ имъ. Извѣстно, напротивъ, что многіе новѣйшіе изслѣдователи во взглядахъ

---

317) Вотъ, напримѣръ, изслѣдователи, непризнающіе такого предположенія и утверждающіе происхожденіе Евангелій на основаніи устнаго преданія: Herder,— Regel der Zusammenstimmung unserer Evangelien, 1797. Eckermann,—Theologische Beiträge. Bd. V; und Erklärng aller dunkeln Stellen d. N. T. 1806—8. Kaiser,—Biblische Theologie.—Въ-особенности Gieseler,—Über die Entstehung und frühesten schicksale der Schrift Evangelien. 1818. Sartorius,—Drei Abhandlungen ünber wichtige Gegenstände der exegetischen und systematischen Theologie. 1820. F. J. Schwarz,—Neue Untersuchungen über das verwandtschaftverhältniss d. Evangelien. 1844. Tiersch,—Versuch. und d. Kierche im Apost. Zeitalter. 1852. Meyer,—Zeitschrift für die Protestantische Theologie,—и многіе другіе.

своихъ на данный предметъ имѣютъ сходство со своими предшественниками и обнаруживаютъ въ своемъ дѣлѣ такіе же недостатки, какіе имѣютъ изслѣдователи старѣйшіе, такъ что о новѣйшихъ произносится тотъ же приговоръ, что и объ ихъ предшественникахъ. Такъ „Эйхгорнова гипотеза Первоевангелія, говоритъ, напримѣръ, Бауръ (Тюбингенскій), происхожденіе нашихъ Евангелій основываетъ на бездушномъ механизмѣ, заставляя составителей ихъ сидѣть надъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ писанныхъ свитковъ, чтобы изъ существовавшихъ уже писаній составить новыя. Она полагаетъ, что сдѣлала все, чего только можно желать, если о каждомъ отдѣленіи нашихъ Евангелій умѣетъ сказать, что оно заимствовано или изъ Древнѣйшаго Евангелія, или изъ Собранія притчей, первоначальнаго или измѣненнаго, или изъ книги „Высшей исторіи", или даже изъ 6, 7, 8-й неизвѣстныхъ книгъ. Положимъ, что со всѣми этими книгами случилось то, что полагаютъ; что же узнано чрезъ это?... Получается въ итогѣ только аггрегатъ матеріаловъ, который накопляется механическимъ способомъ атомистическихъ соединеній, и форма обработки котораго является только случайностію; но гдѣ же творческій духъ, который проникалъ данную матерію, одушевлялъ и давалъ единство цѣлому?—Этотъ вопросъ на этомъ пути всегда останется безъ отвѣта" [318]). Таково мнѣніе Баура объ Эйхгорновой гипотезѣ.—„Эвальдъ ,говоритъ потомъ Гэрике, конечно, проще и естественнѣе воспроизводитъ Эйхгорнову гипотезу, когда онъ отъ такъ-называемыхъ имъ древнѣйшихъ Евангелистовъ чрезъ Марка и Матѳея до Луки проводитъ 9-ть Евангельскихъ переработокъ, между которыми Маркъ занимаетъ третье, Матѳей—пятое, наконецъ, Лука—девятое мѣсто. Еще болѣе

318) *Гэрике,*—Введеніе въ Н.—Зав. кн. Св. П. Т. I. Стр. 96.

упрощаютъ Эвальдово предположеніе Гольцманъ, Вэйцсеккеръ и др. Но всѣ эти гипотезы страдаютъ обоими главными недостатками гипотезы Эйхгорновой. Вымышляютъ Первоевангеліе, Собраніе рѣчей, 6-ю, 7-ю, 8-ю книгу, изъ которыхъ должны были произойти первыя три Евангелія, и принимаютъ это за аксіому, а между тѣмъ для всѣхъ постороннихъ людей остается рѣшительно непостижимымъ, почему они пренебрегаютъ всѣми историческими свидѣтельствами. И эти гипотезы, какъ и Эйхгорнова, видятъ въ Евангеліяхъ только историческій матеріалъ, который отъ критика получаетъ форму и видъ, а самъ по себѣ лишенъ смысла. За что Бауръ упрекаетъ вообще цѣлое направленіе, то относится столько же и къ дочерямъ, сколько и къ матери" 319). Подобные отзывы можно находить не только у людей противной стороны, какъ Бауръ, Гэрике и др., но и у самого Гольцмана. Говоря въ пользу своего первоисточника—А, онъ выражается такъ: „если нашъ первоисточникъ по своему объему менѣе, нежели представленный Блэкомъ (также новѣйшій изслѣдователь!); то съ другой стороны онъ представляетъ и не такое краткое писаніе, какъ нищенская схема Эйхгорна (т. е. Urevangelium) или еще болѣе (!) недостаточное Евангеліе Филиппа, предполагаемое Эвальдомъ" 320).—Или, предлагая читателямъ результатъ своей теоріи, Гольцманъ говоритъ: „считаемъ нужнымъ замѣтить, что этотъ результатъ рекомендуется по своей простотѣ предъ безконечными цѣпями, которыя ковали приверженцы старой теоріи Первоевангелія, такъ же какъ и недавніе, иногда чисто количественно относящіеся къ труду, какъ, напримѣръ, Эвальдъ и другіе, которые стараются указать, сколько было письменныхъ источниковъ" 321). Всѣ они недостаточны, потому что въ

---

319). *Гэрике,*—Введеніе. Стр. 96—97.
320) Holtzmann,—S. 102.
321) Holtzmann,—S. 168.

ихъ изслѣдованіяхъ обнаруживается тотъ же способъ и характеръ, какой, напримѣръ, у Эвальда,—они также признаютъ много источниковъ.... По этому очевидно, что новѣйшіе изслѣдователи въ сравненіи съ своими предшественниками еще не отличаются много и существенно въ своихъ общихъ взглядахъ на дѣло, не представляютъ сравнительно бóльшихъ достоинствъ; по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія и по словамъ самого Гольцмана, это—такъ. Новѣйшіе изслѣдователи новы только по времени появленія ихъ трудовъ, а не по характеру ихъ мнѣній: въ этомъ отношеніи они также стары, какъ ихъ предшественники. По Гольцману слѣдуетъ, что Эвальдъ и Эйхгорнъ одинаковы въ данномъ отношеніи. И если эти новѣйшіе изслѣдователи ушли впередъ во многихъ частностяхъ своихъ теорій, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ общемъ, въ признаніи того, что въ основаніи синоптиковъ лежитъ одно писаніе (Urevangelium, или Ur-marcus, или Евангеліе Филиппа, или А)—въ этомъ согласны новѣйшіе изслѣдователи со своими предшественниками. Поэтому Гольцманъ всего менѣе могъ въ данномъ случаѣ ссылаться на новѣйшихъ изслѣдователей, говоря: „въ этомъ (общемъ и основномъ предположеніи) насъ усиливаетъ то соображеніе, что приблизительно всѣ новѣйшіе изслѣдователи здѣсь согласны...“ Они дѣйствительно согласны, но—не новы!—Если же Гольцманъ ссылается на новѣйшихъ излѣдователей, не желая вспомнить о прежнихъ, то этимъ онъ свидѣтельствуетъ, что авторитетъ прежнихъ палъ и не имѣетъ значенія. А если теперь новѣйшіе въ данномъ положеніи согласны со старѣйшими; то, значитъ, Гольцманъ самъ даетъ приговоръ и новѣйшимъ, которые согласны со старѣйшими, къ каковымъ относится его приговоръ, конечно—implicite. Такъ, Гольцманъ самъ осуждаетъ собственное свое указаніе на новѣйшихъ изслѣдователей даннаго вопроса.—Такъ какъ, потомъ самъ Гольцманъ въ своемъ мнѣніи согласенъ съ новѣйшими изслѣдователями, а эти согласны со старѣй-

шими; то, осуждая послѣднихъ implicite, а первыхъ прямо и открыто, онъ осуждаетъ вмѣстѣ съ ними и самого себя, именно свое исходное предположенie и въ этомъ пунктѣ—всю свою теорiю.

Остается еще предположить, что подъ новѣйшими разумѣются изслѣдователи самаго послѣдняго времени; но и тогда трудно представить, кого именно разумѣетъ Гольцманъ. Болѣе извѣстные изслѣдователи даннаго вопроса о происхожденiи Евангелiй въ самое послѣднее время суть самъ Гольцманъ, Вэйцсеккеръ и Клостерманъ,—съ 1863—1867 г. Но, не говоря уже объ ихъ предшественникахъ, какъ Гризбахъ и другiе, сами они, будучи самыми послѣдними изслѣдователями даннаго вопроса, обнаруживаютъ тѣ же недостатки, въ коихъ упрекаютъ другихъ. Такъ Гольцманъ относитъ Эвальда къ числу послѣдователей Эйхорнова мнѣнiя и даже съ преувеличенiемъ упрекаетъ своихъ предшественниковъ въ „кованiи безконечныхъ цѣпей" источниковъ, но не замѣчаетъ, что самъ онъ страдаетъ тѣми же недостатками,—ведетъ дѣло изслѣдованiя въ томъ же духѣ и въ томъ же общемъ видѣ. И дѣйствительно: онъ принимаетъ положенie, общее всѣмъ его предшественникамъ,—что сродство Евангелiй указываетъ на ихъ основное писанie; а потомъ онъ развиваетъ это положенie подобно такимъ своимъ предшественникамъ и, напримѣръ, Эвальду. Именно, Гольцманъ упрекаетъ Эвальда въ томъ, что онъ предполагалъ такiе мелкiе источники, какъ Евангелiе Филиппа (хотя этотъ упрекъ Гольцмана рѣшительно несправедливъ) или Книга высшей Ев. исторiи, которую онъ согласенъ признать явленiемъ чисто субъективнымъ, результатомъ какого-то загадочнаго исканiя чего-то въ потемкахъ, и со словъ Кэстлина прямо относитъ её къ области басенъ [322]). Между тѣмъ самъ находится „вынужденнымъ" признать

---

322) Holtzmann, —S. 168.

кромѣ двухъ главныхъ источниковъ—A и Λ еще „неопредѣленное, хотя во всякомъ случаѣ не значительное число (2-хъ или 3-хъ) весьма небольшихъ записокъ“ [323]). Какъ именно велико число этихъ записокъ, Гольцманъ не опредѣляетъ, потому что самъ этого не знаетъ. Если положить, что эти „нѣсколькіе“ отрывки были въ числѣ, напримѣръ, трехъ, то данное число небольшихъ писаній будетъ равно VI, VII и VIII-й Ев. книгамъ Эвальда.— Слѣдовательно, не только новые, но и новѣйшіе изслѣдователи, даже самъ Гольцманъ, не ушли отъ своихъ предшественниковъ, и—нетолько въ самомъ общемъ предположеніи письменныхъ источниковъ, но и въ общемъ характерѣ,—въ духѣ и формѣ дѣла, даже въ частномъ примѣненіи своихъ общихъ принциповъ. И если, напримѣръ, Эвальдъ относится Гольцманомъ къ послѣдователямъ Эйхгорновой теоріи, потому что онъ предполагаетъ „цѣпь источниковъ“—Евангеліе Филиппа,—VI, VII и VIII-ю книги Ев. исторіи, Книгу высшей Ев. исторіи, и пр., то потому же должно отнести къ числу оныхъ и самого Гольцмана, который принимаетъ источники A, Λ и нѣкоторое даже неопредѣленное число небольшихъ писаній, конечно, подобныхъ VI, VII и VIII-й книгамъ, принятымъ въ теоріи Эвальда. Такъ Гольцманъ самъ себя ставитъ на-равнѣ съ Эвальдомъ и вмѣстѣ съ нимъ становится на одну линію съ послѣдователями Эйхгорновскаго взгляда, т. е. является устарѣлымъ во взглядѣ и характерѣ, а тѣмъ болѣе въ общемъ положеніи изслѣдованія и въ признаніи компилятивности за характеромъ синоптическихъ Евангелій. А такъ такъ Гольцманъ указываетъ только на новѣйшихъ изслѣдователей и тѣмъ самымъ implicite осуждаетъ ихъ предшественниковъ; то, при рѣшеніи даннаго вопроса, будучи согласенъ, какъ съ тѣ-

---

323) Holtzmann,—S. 168.

ми, такъ и съ другими во многомъ существенномъ и несущественномъ, онъ осуждаетъ самъ себя.

Если указаніе на новѣйшихъ изслѣдователей съ той стороны, что они принимаютъ письменные источники, не оправдываетъ исходнаго положенія Гольцмана, именно потому, что это положеніе, собственно говоря, принадлежитъ старѣйшимъ изслѣдователямъ и, какъ такое, implicite осуждается самимъ же Гольцманомъ: то разсматриваемое указаніе теряетъ всякое свое значеніе для исходнаго пункта теоріи Гольцмана, наконецъ, еще болѣе потому, что самые новѣйшіе изслѣдователи даннаго вопроса, явившіеся послѣ Гольцмана и Вэйцсеккера, вполнѣ отрицаютъ это положеніе,—косвенно или прямо. Таковы Гэрике и Эбрардъ [324]). Вотъ что говоритъ первый изъ нихъ: „не согласна съ характеромъ первыхъ временъ распространенія христіанства мысль, будто исторія Іисуса Христа съ самаго же начала должна была явиться въ письменномъ видѣ, хотя эта исторія несомнѣнно была главнымъ предметомъ устной Евангельской проповѣди и хотя она непремѣнно должна была сдѣлаться со временемъ главнымъ предметомъ и будущей христіанской письменности. Совершенно вѣроятно, по крайней мѣрѣ, что доколѣ живы были ближайшіе очевидцы, которые большею частію были сами свидѣтелями событій со времени крещенія Іоаннова, не было никакого основанія предпочитать письменное свидѣтельство, хотя бы начертанное самими Апостолами, ихъ живому устному слову.—Проповѣдь очевидцевъ въ собраніи вѣрующихъ образовала такимъ образомъ первоначальное устное Евангеліе,—λογος, κηρυγμα, λογος ακοης и пр.“ [324]). Вотъ такому-то изслѣ-

---

324) Мы разумѣемъ собственно dritte Auflage der wissenschaftliche Kritik der evangel. Geschichte,—Ebrad's. 1868. S. 964—1060.

324) *Гэрике*,—Введеніе. Стр. 79 и 97.

дователю и подобнымъ ему другимъ „остается рѣшительно непостижимымъ, почему «другаго рода изсѣдователи» пренебрегаютъ всѣми историческими свидѣтельствами“ [325]). Нельзя думать, чтобы такой упрекъ, какой содержится въ этомъ сужденіи Гэрике,—что нѣкоторые неосновательно начинаютъ прямо съ предположенія письменныхъ источниковъ,—не былъ извѣстенъ и Гольцману, нельзя, потому что высказанное Гэрике въ сущности есть тоже, что говорили Бауръ, Шлейермахеръ и Штрауссъ. Бауръ, разсматривая характеръ теорій заимствованія справедливо возражалъ: „положимъ, что со всѣми этими книгами VI, VII, VIII-й и под., случилось то, что полагаютъ; что же узнано чрезъ это?... получается въ итогѣ только аггрегатъ матеріаловъ, который накопляется механическимъ путемъ атомистическихъ соединеній и форма обработки котораго является только случайностію; но гдѣ же творческій духъ, который проникалъ данную матерію, одушевлялъ и давалъ единство цѣлому? Этотъ вопросъ на этомъ пути всегда (и у Гольцмана) остается безъ отвѣта. Потому новѣйшая критика всѣмъ этимъ попыткамъ, въ которыхъ, какъ въ вѣчномъ кругѣ, такъ долго кружились безъ особеннаго успѣха, ведущаго къ цѣли, положила конецъ тѣмъ, что поставила главный вопросъ не въ матеріалахъ, которыхъ писатели Евангелій искали тутъ или тамъ, но въ духѣ и характерѣ писателей Ев. исторіи“ [326]). Въ виду этого, Гольцману скорѣе слѣдовало бы въ характерѣ самыхъ новѣйшихъ излѣдованій найти побужденіе для себя представить объясненіе въ пользу своего исходнаго положенія,—скорѣе это, нежели ссылаться на нихъ, какъ на большинство.

Такъ Гольцманъ предварительнымъ историко-критическимъ обзоромъ и разборомъ предшествующихъ теорій

---

325) Тамъ же.
326) *Гэрике*,—Введеніе. Стр. 96.

даетъ приговоръ ихъ общему и своему основному предположенію. Онъ не указываетъ въ пользу этого исходнаго положенія своей теоріи никакого достаточнаго основанія, хотя и чувствуетъ, что оно должно быть здѣсь, потому что самъ указываетъ на большинство новѣйшихъ изслѣдователей, принимающихъ и тѣмъ, какъ-будто, утверждающихъ предположеніе о письменныхъ источникахъ синоптиковъ. Въ-замѣнъ достаточнаго основанія и при немъ оправданія общаго своего положенія Гольцманъ implicite даже осуждаетъ и другихъ, и себя за подобное положеніе, осуждая косвенно характеръ и методъ новѣйшихъ изслѣдователей [327]).

---

327) Здѣсь мы должны замѣтить, что Гольцманъ рѣшается слѣдовать принципамъ и методу теоріи *письменнаго* Первоевангелія только потому, что синоптики *поразительно* сходны между собою, какъ въ общемъ, такъ и въ частномъ содержаніи и его изложеніи, и уже только это одно служитъ для Гольцмана достаточнымъ основаніемъ признать компилятивный характеръ синоптиковъ. Онъ разсуждаетъ объ этомъ именно такъ: «Если учительная дѣятельность Іисуса Христа, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлилась мѣстно (ortlich) и временно (zeitlich), то откуда же произошло, что синоптики излагаютъ ее въ однихъ и тѣхъ же рамкахъ? Если Онъ, безъ сомнѣнія, держалъ неисчислимыя рѣчи, то почему всѣ Синоптики ограничиваются *почти* однимъ и тѣмъ же выборомъ ихъ? Если Іисусъ исцѣлилъ такъ много больныхъ, то почему всѣ три Синоптика сообщаютъ доинаковые примѣры? Если Онъ призывалъ «горе» на Хоразинъ и Виѳсаиду, то почему Матѳей: гл. XI, 21—24 ст. и Лука: гл. X, 13—15 ст. оба приводятъ только слова Христа, но ни тотъ, ни другой не указываютъ никакихъ дѣлъ, которыя заслуживали это «горе»?—Ясно, заключаетъ Гольцманъ, что эти факты основываются на литературномъ подражаніи (Anordnung), на зависимости синоптиковъ отъ одного, уже оформленнаго повѣствовательнаго типа (Erzählungstypus)... Изъ этого (величайшаго сходства синоптиковъ), по Гольцману, выходитъ, что о такомъ происхожденіи синоптиковъ, при которомъ каждый изъ ихъ составителей писалъ-бы независимо отъ другихъ, не можетъ быть болѣе и рѣчи. Скорѣе критика должна показать, какія именно были умѣстны отношенія между ними, дабы ихъ поразительное взаимное сходство было понятно (стр. 11—13-я)».—Однако, ничего такого не слѣдуетъ изъ указанныхъ фактовъ. Можно принять, что всѣ эти факты зависятъ отъ *одного* типа Ев. повѣствованій; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что этотъ типъ разсказа былъ именно *письменнымъ*. Нѣтъ, несправедливо думаетъ Гольцманъ, что синоптики излагаютъ ученіе Іисуса Христа въ однихъ и тѣхъ же «рамкахъ»; только о весьма немногихъ можно выразиться приблизительно, а неточно такъ, и о весьма многомъ нельзя. Для большей части содержанія синоптическихъ Евангелій Гольцманъ самъ признаетъ недостаточнымъ предположить существованіе только одного источника,—для удобнѣйшаго объясненія различій въ содержаніи Евангелій Матѳея и Луки отъ Евангелія Марка онъ предполагаетъ еще другой источникъ, котораго, впро-

Слѣдовательно, исходная мысль теоріи Гольцмана, мнимый результатъ его предварительной критики, что „отношеніе сродства синоптиковъ указываетъ на общее и основное для нихъ писаніе“, эта мысль—предвзятая, ни на чемъ достаточно не основанная, самимъ Гольцманомъ implicite осужденная и рѣшительно отрицаемая нѣкоторыми новѣйшими и самыми позднѣйшими изслѣдователями вопроса о происхожденіи Евангелій.

чемъ, не требуется, такъ какъ изреченія, содержащіяся въ этихъ Евангеліяхъ и относящіяся ко второму источнику, изложены весьма разнообразно, а не въ однихъ и тѣхъ же «рамкахъ». Гольцманъ говоритъ въ-частности: а) что «рѣчи изложены *почти* одни и тѣ же»... Но это «почти» рѣшительно говоритъ противъ него; потому что общихъ рѣчей у синоптиковъ очень мало, далеко не столько, сколько принадлежитъ отдѣльно тому или другому изъ нихъ, что очевидно въ синоптическихъ таблицахъ. Тоже должно сказать б) относительно разсказовъ о чудесахъ. Наконецъ, в) Гольцманъ обращаетъ свое вниманіе еще на то обстоятельство, что Матѳей и Лука, помѣстивъ въ своихъ Евангеліяхъ призываніе «горя» на Хоразинъ и Виѳсаиду, оба не указываютъ, самыхъ дѣлъ, заслуживающихъ это «горе». Почему же, однако, они должны были указывать эти дѣла? Евангелисты воспроизводятъ точно только слова самого Христа и при томъ относящіяся къ будущей судьбѣ Хоразина и Виѳсаиды. Евангелисты желали только воспроизвести точно то, что говорилъ Спаситель: и если Онъ Самъ не указывалъ никакого дѣла въ-частности, то не указывали и они.—Впрочемъ, и при этомъ Спаситель Самъ указываетъ то дѣло, которымъ вызывалось «горе», это—нераскаянность городовъ Хоразина и Виѳсаиды. Если же это сходство Евангелій такъ поразительно для Гольцмана, то существуетъ такое же и различіе между ними. Гольцманъ самъ говоритъ: «но согласіе въ изложеніи цѣлаго (содержанія Евангелій), какъ и въ отдѣльныхъ извѣстіяхъ, трудно выяснить, и эта трудность увеличивается еще отъ того обстоятельства, что часто въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, по которымъ можно заключать о взаимномъ отношеніи отдѣльныхъ Евангелій, представляются *поразительныя* различія, которыя часто доходятъ до видимыхъ или дѣйствительныхъ (?) противорѣчій (стр. 13-я)».—Слѣдовательно, если величайшее сходство Евангелій, по мнѣнію Гольцмана, говоритъ о компилятивномъ отношеніи ихъ писателей; то величайшее же различіе ихъ, по нашему мнѣнію, говоритъ, на-оборотъ, о независимости ихъ одного отъ другаго при письменномъ изложеніи Ев. исторіи. Иначе говоря, сходство Евангелій, какъ такое, еще не говоритъ о компиляціи именно письменнаго источника.

XI.

Положеніе, что теорія Гольцмана начинается съ предвзятой мысли, можетъ быть оправдано и становится вполнѣ вѣрнымъ при разсмотрѣніи его дальнѣйшаго изслѣдованія.—Можно ли на самомъ дѣлѣ указать первоисточники Евангелій въ ихъ настоящемъ каноническомъ текстѣ и тѣмъ оправдать предвзятую мысль, что когда-то были записи А и Λ?

Если нѣтъ историческаго или другаго какого-либо внѣшняго свидѣтельства о томъ, что было когда-то важное писаніе, „основное для всей послѣдующей Евангельской письменности"; то слѣдуетъ найти ясное указаніе на то въ самомъ текстѣ синоптическихъ, въ отношеніи къ предполагаемому основному писанію компилятивныхъ, Евангелій, чтобы съ достовѣрностію сказать, что относится къ основному писанію и что нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ требуется выразить отчетливо тотъ критерій, на основаніи котораго можно и нужно группировать извѣстные отрывки синоптиковъ для составленія того или другаго источника ихъ. Это требованіе должно быть дѣйствительнымъ и важнымъ въ виду аналогичныхъ изслѣдованій, напримѣръ, о составѣ такъ называемыхъ „лѣтописныхъ сводовъ" въ сферѣ исторической литературы вообще и нашей отечественной въ частности. Здѣсь только по не-

сомнѣннымъ признакамъ опредѣляютъ компилятивность „свода“ 328). Но есть ли у Гольцмана такіе несомнѣнные признаки, которые уполномочивали бы его опредѣлять компилятивный составъ синоптиковъ? Можетъ ли онъ указать хотя одинъ литературный памятникъ, существовавшій отдѣльно отъ синоптиковъ, содержавшій извѣстныя

---

328) Выяснимъ этотъ весьма важный пунктъ подробнѣе въ слѣдующемъ примѣрѣ. Такъ, нашъ отечественный ученый историкъ *Бестужевъ-Рюминъ*, разсматривая составъ русскихъ лѣтописей и между прочимъ «Повѣсти Временныхъ лѣтъ», говоритъ:

«Внимательное изученіе текста „Повѣсти“ давно уже указало на многія литературныя произведенія, вошедшія въ ея составъ. Къ счастію для изслѣдователей, иныя изъ нихъ *сохранились* въ отдѣльности; есть *несомнѣнные* признаки, что существовали и другія...» Ясно, что т. Б.-Рюминъ сначала указываетъ дѣйствительное существованіе отдѣльныхъ записей, кои вошли въ составъ лѣтописей; потомъ уже приступаетъ къ анализу прочихъ частей „состава“ лѣтописи. «Такъ, продолжаетъ историкъ, въ разсказѣ о Василькѣ читаемъ: мнѣ ту сущу Володимери, въ едину нощь присла по мя князь Давыдъ... и рече ми:... да се, Василю, шлю тя, иди къ Василькови, тезу своему...» Въ томъ, что этотъ разсказъ вставленъ, нѣтъ, говоритъ Б.-Рюминъ, никакого сомнѣнія: иныя изъ событій, въ немъ повѣствуемыхъ, передаются далѣе, подъ другими годами, въ отдѣльныхъ лѣтописныхъ замѣткахъ» и т. п. — «Доказывать, говоритъ критикъ, что этотъ разсказъ вставленъ позднѣе, мы пока не имѣемъ никакихъ основаній: онъ существуетъ во всѣхъ главныхъ спискахъ „Повѣсти“, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, и т. д.» Признавая по несомнѣннымъ признакамъ компилятивный характеръ лѣтописи, Б.-Рюминъ имѣетъ основанія опредѣлить и нѣкоторые источники ея. «Очерчивая характеръ первоначальной лѣтописи, мы, говоритъ критикъ, уже имѣли случай коснуться отдѣльныхъ сказаній, служившихъ ея источниками, и даже отчасти видѣли источники и лѣтописныхъ замѣтокъ,—указывая на тѣ отдѣльныя сказанія, которыя или до сихъ поръ сохранились въ отдѣльности, или носятъ несомнѣнные слѣды этой отдѣльности... По лѣтописнымъ записямъ „повѣсти“, какъ и по подробнымъ сказаніямъ можно, говоритъ изслѣдователь, заключить, что она составлена изъ различныхъ источниковъ, даже въ разныхъ мѣстахъ писанныхъ. Такъ разсказъ о проповѣди св. Апостола Андрея противорѣчитъ названію Ап. Павла учителемъ славянъ и заявленію, что Апостолы не учили на Руси; упоминаніе о Переяславлѣ при Олегѣ противорѣчитъ извѣстію о построеніи его при Владимірѣ; не одинъ лѣтописецъ два раза упомянулъ о первомъ набѣгѣ Печенеговъ; въ „Повѣсти“ мы читаемъ: Родимичи... платятъ дань Руси, повозъ везутъ до сего дне». М. П. Погодинъ основательно замѣчаетъ по этому случаю, что этого «не могло быть написано Несторомъ, ибо Родимичи, принадлежа съ 1057 года къ Черниговскому удѣлу, не могли везти дани въ Кіевъ»; слѣдовательно это писано до Ярослава; о первомъ приходѣ Половцовъ говорится также два раза, какъ и о первомъ приходѣ Печенѣговъ; конечно не одинъ и тотъ же лѣтописецъ записалъ, что Всеславъ носитъ „язвено“—до сего дне» и упомянулъ о его смерти.—Какъ разсмотрѣніе этихъ противорѣчій, заканчиваетъ изслѣдователь, такъ и простое соображеніе, что нельзя одному человѣку на пространствѣ столькихъ лѣтъ записать всѣ событія—такъ долго жить человѣкъ не можетъ—давно уже повело къ заключенію о существованіи какихъ-либо записокъ, которыми пользовался лѣтописецъ». *Б.-Рюмина:* О составѣ русскихъ лѣтописей. С.п.б. 1868. Стр. 2—3.

событія Ев. исторіи и вошедшій въ составъ Евангелій въ качествѣ источника? Есть ли въ самыхъ Евангеліяхъ указанія или даже намеки на то, что они составлены на основаніи записей? Есть ли въ нихъ явныя и непримиримыя противорѣчія, свидѣтельствующія (будто-бы) о разныхъ записяхъ противорѣчащихъ извѣстій? Есть ли, наконецъ, хотя какой либо намекъ на предполагаемый компилятивный составъ синоптическихъ Евангелій въ церковномъ преданіи?—Нѣтъ и нѣтъ. Ни одному изъ подобныхъ требованій не отвѣчаетъ теорія.

Гольцманъ утверждаетъ, что „сходство всѣхъ трехъ синоптическихъ Евангелій указываетъ на общее и основное для нихъ писаніе". Этимъ предполагается, что если есть сходство и въ двухъ письменныхъ извѣстіяхъ, то они суть также компиляціи; а это предполагаетъ для нихъ одинъ и тотъ же, именно письменный, источникъ. А этимъ, далѣе, предполагается, что одно и тоже не можетъ быть сходно записано разными лицами независимо другъ отъ друга или отъ общаго имъ источника и непосредственно. Несправедливость такого предположенія доказывается тѣмъ, что какъ логически, такъ и психически всегда возможно двумъ, тремъ и многимъ лицамъ запомнить то, настолько и такъ, что, насколько и какъ запоминаетъ одно извѣстное лицо. А если многое могутъ запомнить многіе и одинаково, то и записать то, что одинаково помнится, могутъ многіе, а потому и записи могутъ быть сходны многія. Одинъ наставникъ, разсказывая нѣсколькимъ ученикамъ объ одномъ и томъ же историческомъ событіи, при внимательномъ слушаніи съ ихъ стороны, естественно встрѣчаетъ однообразный раз-

---

31—32. 33—35. Такъ существованіе отдѣльныхъ записей, внесенныхъ въ лѣтопись, повтореніе въ ней однихъ и тѣхъ же разсказовъ, явныя и непримиримыя противорѣчія, длинный періодъ времени повѣствуемыхъ событій—вотъ признаки и основанія компиляціи „сводовъ". Приложимо-ли все это къ Синоптикамъ?—Ничто и ни какъ!—

сказъ, много или совершенно сходный даже въ выраженіяхъ, а тѣмъ болѣе въ мысляхъ и порядкѣ ихъ расположенія съ тѣмъ, что и какъ говорилъ самъ. Необходимо сходныя по этому и записи слушателей еще не будутъ свидѣтельствовать о компиляціи и общемъ непремѣнно письменномъ источникѣ ихъ. Поэтому-то заключать такъ: Матѳей, Маркъ и Лука одинаково передаютъ извѣстное событіе; слѣдоватетьно, они переписали его съ одной и той же готовой записи,—нельзя. Они могли записать одинаково извѣстное событіе на основаніи общаго устнаго источника, который между прочими признаетъ и самъ Гольцманъ. Почему же Гольцманъ отъ сходства заключаетъ именно къ компилятивности въ собственномъ смыслѣ, когда идетъ дѣло о происхожденіи синоптиковъ?—это неизвѣстно. Поэтому предположеніе письменнаго источника синоптиковъ на основаніи ихъ сходства не имѣетъ научнаго значенія.

Если же предположить общій письменный источникъ, то, по теоріи, можно ли доказать, что онъ общій именно для трехъ, а не для двухъ, и основной не для одного изъ нихъ, а для всѣхъ?—Нѣтъ, хотя теорія прямо признаетъ его общимъ для всѣхъ трехъ. Почему нельзя предположить, что если и существовалъ письменный источникъ, то имъ воспользовался только одинъ изъ Евангелистовъ, а этимъ другой, а послѣднимъ третій,—или: первоисточникомъ непосредственно пользовались два Евангелиста, а этими—третій; или: не написалъ-ли два синоптическихъ Евангелія одинъ авторъ для разныхъ цѣлей нѣсколько различно, но какъ одинъ—во многомъ сходно?—Можно полагать такъ или иначе, этому не можетъ препятствовать сходство трехъ синоптиковъ и теорія Гольцмана, основанная прежде всего и главнымъ образомъ на сходствѣ ихъ. Если, поэтому, нельзя признать предполагаемый источникъ общимъ для всѣхъ трехъ синоптиковъ; то еще менѣе можно утвержать, что онъ долженъ быть для всѣхъ трехъ основнымъ. Общій порядокъ синопти-

ковъ обусловливается общею у нихъ историческою послѣдовательностію, которая въ частности у каждаго различна, отчего и порядокъ отчасти видоизмѣненъ. Слѣдовательно, по общему сходству синоптиковъ, нельзя заключать ни объ одномъ общемъ, ни объ одномъ основномъ для нихъ письменномъ источникѣ. Напротивъ, понятіе взаимнаго сходства синоптиковъ можетъ быть равно твердымъ основаніемъ, напримѣръ, и для такого предположенія, что всѣ они написаны однимъ авторомъ, но для разныхъ цѣлей, для разныхъ обществъ и лицъ.

Такому предположенію, съ точки зрѣнія Гольцмана, могло бы препятствовать только одно обстоятельство,— если бы можно было указать съ буквальною точностію, гдѣ начинается и оканчивается основное писаніе въ каждомъ изъ синоптиковъ. Но, по теоріи, нельзя опредѣлить точно, гдѣ именно должно видѣть самый текстъ источника А, и особенно если имѣются въ виду общія сказанія, но, по предположенію, изложенныя иначе въ каждомъ изъ списковъ съ А, т. е. въ каноническомъ Евангеліи.— „Основное писаніе или А, говоритъ Гольцманъ, какъ подробное или обстоятельное, нельзя получить только чрезъ комбинацію тройственнаго общаго содержанія синоптическихъ Евангелій... Что принадлежитъ собственно А, этого нельзя указать съ буквальною точностію...“ Если же такъ, то почему не допустить, что предполагаемое основное писаніе было таковымъ только для двухъ Евангелистовъ, напримѣръ, Матѳея и Марка? Съ точки зрѣнія Гольцмана, это невозможно было бы только тогда, когда бы у нихъ былъ одинъ письменный источникъ, а не два, при которыхъ возможно допустить, что, напримѣръ, Лука пользовался не А, но другимъ, а именно Λ, который могъ быть сходенъ съ А, и чрезъ Λ Евангеліе отъ Луки могло быть сходно съ Евангеліями Марка и Матѳея, которые пользовались только А. Это возможно тѣмъ болѣе, что Гольцманъ самъ признаетъ еще другаго рода источникъ—устное преданіе, изъ коего Евангелисты могли

заимствовать если не буквально сходные по изложенію, то хотя по содержанію общіе Ев. разсказы. Въ виду этого, можно думать, что синоптики составлены и такимъ образомъ. Одинъ Евангелистъ, напримѣръ, Матѳей, записалъ, что могъ, на основаніи устнаго преданія и по собственному воспоминанію. Имъ воспользовался Маркъ именно въ тѣхъ частяхъ исторіи, которыя ему лично были мало извѣстны; при этомъ онъ нѣчто, по разнымъ побужденіямъ, опустилъ, а нѣчто добавилъ по собственному воспоминанію или по преданію. Подобнымъ образомъ съ Евангеліемъ отъ Марка могъ поступить Лука: одно опустить, какъ излишнее, или недостаточное для его цѣли, а другое добавить или пояснить. Съ точки зрѣнія Гольцмана, это могло быть и такъ: сходство синоптиковъ этому не противорѣчитъ. Что же принять?—одно несомнѣнно вѣрно, что на основаніи сходства еще нельзя достаточно правильно и научно предполагать одинъ общій письменный источникъ для всѣхъ трехъ синоптиковъ, какъ то дѣлалъ Гольцманъ.

Если нетвердо предположеніе Гольцмана о существованіи письменнаго общаго и основнаго для синоптиковъ первоисточника A; то естественно, что неудовлетворительно его объяснеиіе и того, какъ составились они на основаніи этого источника,—какъ опредѣлить значеніе его въ отношеніи къ тому или другому Евангелію.— „Мы, говоритъ Гольцманъ, постоянно и основательно убѣждаемся въ томъ, что извѣстный рядъ синоптическихъ отрывковъ слѣдуетъ разсматривать, какъ особенный, общій письменный источникъ.—Уже косвенный сравнительный взглядъ на каноническія Евангелія научаетъ, что почти всѣ уклоненія въ Евангеліяхъ Матѳея и Луки отъ установленнаго плана, т. е. порядка, принятаго Маркомъ, имѣютъ свое основаніе въ извѣстныхъ прибавкахъ, которыми надѣлено было дотолѣ краткое Евангеліе—A, т. е. уже со стороны Матѳея и Лу-

ки“.—Понятно, это заявленіе Гольцмана можетъ имѣть значеніе только тогда, когда онъ докажетъ напередъ существованіе особаго основнаго писанія А. Иначе, слово „прибавки“—безъ значенія: чьи и къ чему эти прибавки?—Къ первоисточнику А? но еще ни одного слѣда его не открыто. Гольцманъ видитъ въ этихъ „прибавкахъ“ основаніе къ уклоненію синоптиковъ отъ общаго плана. Но откуда видно, что предварительно существовалъ уже именно общій планъ для всѣхъ синоптиковъ?—по чему можно замѣтить, что они держались этого предварительно даннаго плана, хотя и уклонялись отъ него?—Вмѣсто того, чтобы доказать, что синоптики имѣли предъ собой планъ опредѣленый, основанный на первоисточникѣ, и признавали его обязательнымъ для себя, Гольцманъ прямо во имя его предварительнаго существованія—въ предположеніи—рѣшается объяснять самыя уклоненія отъ него. По его словамъ, прибавки синоптиковъ совершенно понятны при предположеніи А.—Нѣтъ, при этомъ предположеніи еще только можно находить прибавки... такъ какъ доселѣ еще не было основанія извѣстныя особенности того или другаго Евангелія признать именно прибавленіями. Они могутъ быть прибавками къ А, но самый А еще не существуетъ, а только предполагается. Гольцманъ еще только рѣшается опредѣлить А, и для опредѣленія, между прочимъ, намѣренъ указать общій планъ, которому, какъ основному, слѣдуютъ три синоптическія Евангелія. Откуда же явились „прибавки“, когда еще не опредѣленъ общій источникъ, такъ какъ не указано еще даже общаго порядка или плана? Можно признать прибавкой и то, что̀ относится къ основному писанію и заимствовано изъ него, напримѣръ, Матѳеемъ, но опущено другими; можно признать отступленіе отъ общаго плана и въ томъ случаѣ, когда, напримѣръ, Матѳей ему слѣдуетъ, а другіе опускаютъ, изъ-за прибавокъ или по опущенію нѣкоторыхъ разсказовъ; нельзя, наконецъ, указать, кто изъ Евангелистовъ слѣдуетъ общему

плану, когда всѣ они переставляютъ разсказы, и т. д. Итакъ, есть ли общій планъ синоптиковъ, какъ его опредѣлить, и принятъ ли онъ ими изъ А ?

—„ Примѣчательно, говоритъ Гольцманъ, что, не смотря на всѣ уклоненія и противорѣчія (?), одна нить разсказа проходитъ чрезъ всѣ три Евангелія и, по правдѣ, это можетъ быть только нить А...“ Но откуда же слѣдуетъ, что эта нить основная для всѣхъ трехъ Евангелій и какъ нить именно А?— На это отвѣчаетъ общій анализъ Евангельскихъ разсказовъ при слѣдованіи ихъ одного за другимъ,—при чемъ обнаруживается, будто-бы, первенство Евангелія отъ Марка—по времени его появленія. Предпославъ „ предварительную исторію “, Евангелія Матѳея и Луки начинаютъ, какъ и Евангеліе отъ Марка, съ разсказа о служеніи Іоанна Крестителя и слѣдуютъ потомъ порядку А до обстоятельствъ открытой дѣятельности Христа въ Галилеѣ,—порядку, который впервые нарушается Матѳеемъ, такъ что только Маркъ и Лука разсказываютъ далѣе по нити основнаго писанія. Матѳей непосредственно послѣ разсказа о призваніи старѣйшихъ Апостоловъ излагаетъ (anticipirt) Нагорную проповѣдь, какъ программу открытой учительной дѣятельности Господа, и приводитъ отрывокъ изъ А только прибавочно, безъ порядка и обстоятельности. Но скоро потомъ Матѳей опять склоняется болѣе и болѣе къ порядку А, между тѣмъ какъ Лука, побуждаемый вставкою повѣствованія о входѣ Христа въ Назаретъ, на короткое время впадаетъ въ безпорядочное расположеніе Ев. фактовъ одного за другимъ. Такъ, заключаетъ Гольцманъ, здѣсь ясно оказывается сравнительная первоначальность А, судя по порядку Евангелія Марка, т. е. Евангеліе отъ Марка сравнительно ближе всѣхъ стоитъ къ А [329]).

---

329) Holtzmann,—S. 99—100.

„Наибольшая первоначальность этого Евангелія...“ является, очевидно, при сравненіи его съ другими Евангеліями. Но какое же, однако, основаніе полагать, что у нихъ общій порядокъ?—Что синоптики держатся одного общаго порядка А, это требуется доказать предварительно, а потомъ уже—что онъ въ извѣстномъ Евангеліи первоначальнѣе. Между тѣмъ въ теоріи Гольцмана это не такъ. Первоначальность Евангелія Марка основывается на томъ, что Матөей и Лука уклонились отъ его порядка въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Такъ полагаетъ Гольцманъ; но можно думать иначе, и, напримѣръ, такъ: не Матөей и Лука уклонились отъ Марка, а Матөей и Маркъ отъ Луки, при чемъ Матөей многое прибавилъ и опустилъ, а Маркъ немногое измѣнилъ и многое опустилъ, и т. п. Поэтому порядокъ предполагаемаго А не будетъ общимъ для синоптиковъ, такъ какъ онъ можетъ быть усвоенъ кому либо изъ трехъ Евангелистовъ-синоптиковъ, а не прямо А, съ которымъ, по Гольцману, почти отождествляется Евангеліе отъ Марка. Это мнѣніе не противорѣчитъ общему характеру теоріи и принципу заимствованія. А если это возможно, то, на-оборотъ, невозможно признать строго научнымъ предыдущее, противорѣчащее этому, соображеніе, и—тѣмъ болѣе, что Гольцманъ самъ выставилъ на видъ всю независимость Евангелій Матөея и Луки отъ плана Евангелія Марка въ данномъ отдѣлѣ Евангельской исторіи. Матөей и Лука разсказываютъ исторію Спасителя до вступленія Его на открытое служеніе не такъ, какъ Маркъ. Они говорятъ о Крестителѣ, но много подробнѣе, нежели Маркъ. Искушеніе Іисуса Христа Матөей и Лука также подробнѣе разсказываютъ, нежели Маркъ. О проповѣднической дѣятельности Іисуса Христа и о призваніи старѣйшихъ Апостоловъ всѣ три Синоптика разсказываютъ опять неодинаково. Здѣсь различіе у нихъ заключается въ полнотѣ и порядкѣ разсказа, въ изложеніи и размѣщеніи фактовъ. Если есть что общаго всѣмъ тремъ, такъ это—одинако-

вая послѣдовательность разсказа объ искушеніи Спасителя, что изложено прямо за разсказомъ о крещеніи Его, и—только. Но ужели только на томъ основаніи, что три Евангелиста однажды сходятся въ порядкѣ повѣствованія о Ев. событіяхъ, слѣдуетъ думать, чтъ они стоятъ въ компилятивной зависимости отъ одного, общаго и основнаго для нихъ порядка особаго письменнаго первоисточника А?—Нѣтъ; это всегда можно объяснить и безъ предположенія общаго письменнаго источника, строготочнымъ соотвѣтствіемъ историческаго разсказа самому ходу дѣйствительныхъ событій. Евангелисты Матѳей, Маркъ и Лука послѣ разсказа о крещеніи Іисуса Христа одинаково непосредственно разсказываютъ объ искушеніи Его въ пустынѣ: но почему же не различно?—На это прямой отвѣтъ находится въ самомъ текстѣ Евангелій. „Немедленно послѣ того, т. е. послѣ крещенія Господа во Іорданѣ, Духъ ведетъ Его въ пустыню,“—для искушенія отъ діавола... Мр. гл. I. ст. 12; ср. Мѳ. IV, 1.—Если же искушеніе Христа послѣдовало за крещеніемъ Его дѣйствительно немедленно, т. е. между крещеніемъ Господа и восхищеніемъ Его въ пустыню еще ничего особенно примѣчательнаго не произошло; то Евангелисты, держась въ изложеніи Ев. событій общаго историческаго порядка, должны были всѣ за крещеніемъ непосредственно говорить объ искушеніи Іисуса Христа. Опустить такое событіе, какъ искушеніе Христа, нельзя было по его чрезвычайности и догматической величайшей важности. А если, поэтому, слѣдовало говорить о немъ, то непремѣнно и непосредственно послѣ разсказа о крещеніи; такъ какъ между тѣмъ и другимъ ничего инаго не слѣдовало и не должно было разсказывать: искушеніе Іисуса Христа послѣ Его крещенія послѣдовало немедленно, ευϑυς [330]). Такимъ образомъ изъ то-

330)—Ευϑυς и по изданію Tischendorf'a: Novum Testamentum graece, Mar. 1, 12.

го, что Евангелисты въ первомъ отдѣлѣ своей исторіи въ одномъ пунктѣ изложенія разсказовъ сходны, еще никакъ не слѣдуетъ, что они во всемъ этомъ отдѣлѣ стоятъ въ компилятивной зависимости отъ основнаго, внѣшняго для нихъ, письменнаго источника—А.

Независимость синоптиковъ отъ повѣствовательнаго порядка А несомнѣнна далѣе еще болѣе, потому что послѣ повѣствованія объ искушеніи Христа они расходятся въ порядкѣ изложенія Ев. разсказовъ. Матѳей говоритъ о поселеніи Іисуса Христа въ Капернаумѣ; Маркъ прямо о призваніи Апостоловъ при морѣ Галилейскомъ; Лука передаетъ проповѣдь и событіе въ синагогѣ Назаретской. Потомъ: Матѳей передаетъ Нагорную бесѣду; Маркъ говоритъ о проповѣди въ Капернаумѣ и объ исцѣленіи бѣсноватаго; Лука—о прибытіи Спасителя въ Капернаумъ и о томъ же исцѣленіи. Далѣе: Матѳей, послѣ Нагорной бесѣды, разсказываетъ объ исцѣленіи прокаженнаго; Маркъ—объ исцѣленіи тещи Симоновой; Лука—о томъ же исцѣленіи. Наконецъ: Матѳей—объ исцѣленіи слуги сотника Капернаумскаго; Маркъ—о прокаженномъ; Лука передаетъ чудесный ловъ рыбы. Гдѣ же общность плана и главное—его первоначальность?—Повидимому и самъ Гольцманъ сознаетъ, что здѣсь нѣтъ общности, когда говоритъ: „порядокъ Марка нарушается Матѳеемъ, который вставляетъ Нагорную проповѣдь, какъ программу открытой учительной дѣятельности Господа, и приводитъ отрывокъ изъ А только прибавочно, безъ порядка и обстоятельности“ 331). Нарушеніе порядка Евангелія Марка у Матѳея дѣйствительно есть, если представлять его общимъ. Но нельзя признать его въ собственномъ смыслѣ нарушеніемъ, ибо еще не доказано существованіе общаго, нарушаемаго порядка; не такъ должно представлять происхожденіе этого, собственно говоря, не-

---

331) Holtzmann,—S. 99.

сходства въ порядкѣ, какъ представляетъ Гольцманъ. Онъ думаетъ, что Матѳей держится того же повѣствовательнаго порядка, какъ и Маркъ,—что порядокъ Марка implicite остается и въ Евангеліи отъ Матѳея, но только повидимому нарушается вставкой Нагорной проповѣди, какъ учительной программы. Непонятно, однако, что здѣсь чѣмъ доказывается: нарушеніе плана вставкой, или—вставка общимъ планомъ ?—Принять, что планъ въ Евангеліяхъ Матѳея и Марка общій, по Гольцману, можно, такъ какъ Нагорная проповѣдь и исцѣленіе прокаженнаго—у Матѳея вставка; а представляется это вставкой потому, что вообще предполагается одинъ планъ у всѣхъ синоптиковъ... Нѣтъ, это несправедливо, и—потому, что Нагорная бесѣда не программа учительной дѣятельности Іисуса Христа, а дѣйствительное историческое событіе въ Его жизни [332]). Такъ объ этомъ разсказываетъ самъ Ев. Матѳей: „слѣдовало за Нимъ, т. е. Іисусомъ, множество народа изъ Галилеи и Десятиградія, и Іерусалима, и Іудеи, и изъ-за Іордана. Увидѣвъ народъ, Онъ взошелъ на гору; и когда сѣлъ, приступили къ Нему ученики Его. И Онъ, отверзши уста Свои, училъ ихъ“: Мѳ. IV, 25—V, 1—2. Такъ Нагорная бесѣда, очевидно, есть событіе историческое, какъ въ Евангеліи отъ Луки—Проповѣдь въ синагогѣ Назаретской (у Іоанна—бесѣды съ Никодимомъ и самарянкой),—событіе, о которомъ не разсказываетъ Ев. Маркъ. Ев. Матѳей, однако, не этой только „программой“ различается отъ Марка, а именно порядкомъ историческаго разсказа, какъ указываетъ на то самъ Гольцманъ. Матѳей послѣ Нагорной проповѣди разсказываетъ объ исцѣленіи прокаженнаго, потомъ—о слугѣ сотника Капернаумскаго. А Маркъ—иначе,—о бѣснова-

---

332)—«Въ противномъ случаѣ трудно доказать, говоритъ Гольцманъ, что Христосъ говорилъ такія длинныя рѣчи».—А съ точки зрѣнія Гольцмана трудно представить—что же слушалъ народъ отъ Господа, оставаясь съ Нимъ по цѣлымъ днямъ въ пустынѣ?

томъ, о тещѣ Симона и потомъ уже о прокаженномъ,—тогда какъ Матөей разсказываетъ о тещѣ Симоновой уже послѣ того, какъ разсказалъ объ исцѣленіи слуги сотника Капернаумскаго. Маркъ, далѣе, разсказываетъ о разслабленномъ въ Капернаумѣ и т. д. Итакъ, держится ли Матөей порядка, принятаго Маркомъ, или—что одно и тоже—А ?—Очевидно, нѣтъ; и это такъ ясно, что даже самъ Гольцманъ невольно говоритъ: „Матөей... приводитъ отрывки изъ А безъ порядка и обстоятельности, nachträglich und ohne Ordnung und Vollständigkeit“... По крайней мѣрѣ, у Матөея не тотъ порядокъ, что у Марка или въ А.

Понятно, здѣсь Гольцманъ самъ отрицаетъ свое мнѣніе: если Матөей не держится порядка Марка, т. е. А, а поэтому только и слѣдовало-бы заключать о существованіи А, то значитъ, что А не существуетъ,—судя по независимости отъ него Матөея въ данномъ отношеніи.—Для Матөея не было первоисточника А, такъ какъ онъ не имѣетъ даже и одного порядка съ тѣмъ, какой находится въ Евангеліи отъ Марка и тожественъ съ А.

Такъ, общій послѣдовательный обзоръ перваго отдѣла Евангельской исторіи у Синоптиковъ не открываетъ существовавшаго когда-то общаго и основнаго для нихъ порядка, а вмѣстѣ съ тѣмъ письменнаго источника, которому принадлежитъ этотъ порядокъ А [333]).

Еще менѣе оправдывается теорія Гольцмана въ данномъ отношеніи анализомъ разсказовъ слѣдующаго отдѣла Евангельской исторіи у синоптиковъ.—„Наконецъ,

---

333) Относительно Евангелія Луки въ этомъ отдѣлѣ должно сказать тоже, что и о Евангеліи отъ Матөея, если самъ Гольцманъ выражается о немъ такъ: «Лука, побуждаемый вставкою повѣствованія о входѣ Христа въ Назаретъ, на короткое время впадаетъ въ столь же безпорядочное размѣщеніе фактовъ»...—Что же дѣйствительно и какъ именно побуждаетъ обоихъ Матөея и Луку отступать отъ такого авторитетнаго источника какъ А?—Если Луку—вставка разсказа о входѣ въ Назаретъ, то Матөея—что ?—то же «вставка»?—Впрочемъ, та или эта, но несомнѣнно, что Матөей и Лука *отступаютъ* отъ плана А...

говоритъ Гольцманъ, при разсказѣ о насыщеніи 5000 человѣкъ, опять сходятся вмѣстѣ всѣ три Синоптика; но потомъ только Матѳей и Маркъ совершенно гармонируютъ другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ Лука оставляетъ общій съ ними порядокъ, до тѣхъ поръ, пока при изложеніи исповѣданія Ап. Петра опять не входитъ въ связь первоисточника А: онъ твердо держится связи А до конца Галилейской дѣятельности Господа, а потомъ съ началомъ большой вставки: гл. IX, 51 ст. и сл. опять опускаетъ эту связь. Только съ разсказа о благословеніи дѣтей Лука снова становится параллельнымъ А, за исключеніемъ немногихъ вставокъ и пропусковъ [334]). Такъ излагаетъ исторію Лука; а Матѳей ?—о немъ умалчиваетъ Гольцманъ. Онъ не говоритъ о Матѳеѣ, какой у него порядокъ, поставивъ это дѣло на второй планъ фразой: „Матѳей и Маркъ совершенно гармонируютъ другъ съ другомъ"—послѣ повѣствованія о насыщеніи 5000 человѣкъ. Нѣтъ, такой гармоніи между ними не находится. Матѳей говоритъ о насыщеніи 5000 человѣкъ; Маркъ—о томъ, какъ Іисусъ училъ народъ притчами. За тѣмъ Матѳей говоритъ о чудесномъ хожденіи Господа по водамъ; Маркъ—о томъ же. Потомъ, Матѳей передаетъ бесѣду Іисуса Христа съ Іерусалимскими книжниками о преданіи старцевъ; Маркъ—объ исцѣленіи бѣсноватаго, вышедшаго изъ гробовъ. Далѣе, Матѳей разсказываетъ о женщинѣ хананеянкѣ; Маркъ—объ исцѣленіи дочери начальника синагоги Іаира, и т. п. Такое отношеніе Евангелія Матѳея къ Евангелію Марка говоритъ прямо противъ компилятивной зависимости одного Евангелія отъ другаго, и— Матѳея отъ А,—въ порядкѣ размѣщенія Ев. событій. Впрочемъ, говоря строго, тоже оказывается и въ отношеніи Луки къ Марку. По выраженію Гольцмана, Лука то вполнѣ нарушаетъ связь А, то держится оной,

334) Holtzmann,—S. 99—100.

то снова вполнѣ опускаетъ ее, то опять остается параллельнымъ Евангелію Марка, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вставокъ и пропусковъ... Конечно, изъ того, что Лука такъ сильно и много нарушаетъ порядокъ Марка, а Матѳей совершенно отступаетъ отъ него, слѣдуетъ, что нѣтъ для нихъ общей или основной нити разсказа, или связи А.—Однако, по Гольцману, это—не такъ. „Изъ всѣхъ такихъ явныхъ нарушеній порядка въ повѣствованіи у Марка нѣтъ никакого. Слѣдовательно, у него мы, заключаетъ Гольцманъ, смѣло можемъ предположить вѣрную послѣдовательность первоначальнаго контекста и потомъ изложить въ этомъ контекстѣ не только эти три общія части въ данномъ отдѣлѣ, но и всѣ, кои имѣетъ только Маркъ,—тѣмъ болѣе, что причина опущенія ихъ у другихъ Евангелистовъ ясно очевидна; сюда же должно отнести и тѣ немногіе отрывки, которые находятся только у Матѳея или только у Луки...“ Неправильность этого умозаключенія Гольцмана очевидна: нѣкоторыхъ частей Евангелія отъ Марка не находится въ Евангеліяхъ отъ Матѳея и Луки, а нѣкоторыя расположены у нихъ не такъ, какъ у Марка; это, думаетъ Гольцманъ, произошло оттого, что въ размѣщеніи сходныхъ разсказовъ Матѳей и Лука отступаютъ отъ Марка по яснымъ, будто бы, причинамъ, а порядокъ Марка остается первоначальнымъ, такъ какъ онъ измѣняется Матѳеемъ, напримѣръ, по причинѣ вставки Нагорной проповѣди, и т. п., чего нѣтъ въ Евангеліи Марка. Но у Марка есть также такіе отдѣлы повѣствованія, которыхъ нѣтъ у Матѳея?—Эти отдѣлы не препятствуютъ Гольцману признать за Евангеліемъ Марка первенство по времени составленія его, такъ какъ они, будто бы, опущены другими, а въ его Евангеліи остаются въ твердой преемственной связи. Ясно, что можно съ равнымъ правомъ сказать тоже и относительно Евангелія Матѳея; именно: Матѳей имѣетъ первоначальный порядокъ, который измѣняется Маркомъ, такъ какъ Маркъ опустилъ, напримѣръ, Нагорную бесѣду, на-

ходящуюся у Матоея и т. д., и вставилъ нѣкоторые отрывки, только ему принадлежащіе, и т. д. Гдѣ же первоначальный порядокъ у Марка или Матоея? Очевидно, нѣтъ твердаго основанія сказать—у котораго именно. У Марка нѣтъ такихъ нарушеній порядка А, какія находятся у Матоея,—Евангеліе Марка первоначальное; но и у Матоея нѣтъ такихъ нарушеній порядка А, какъ у Марка,—Евангеліе Матоея первоначальное: почему же можно узнать, гдѣ порядокъ А, и кто изъ Евангелистовъ отъ него отклоняется: Матоей и Лука—отъ Марка, или Матоей и Маркъ—отъ Луки, или Маркъ и Лука—отъ Матоея?—

Какая бы не была связь разсказовъ въ Евангеліи Марка—первоначальная или не-первоначальная,—одно только остается несомнѣнно вѣрнымъ, что эта связь у него не общая съ другими Синоптиками, которые независимы отъ нея. А изъ того, что она не общая, конечно, слѣдуетъ, что Синоптики въ размѣщеніи своихъ разсказовъ не отклоняются отъ А и его основной нити, и не зависятъ отъ него въ порядкѣ изложенія своего содержанія. И это вѣрно—тѣмъ болѣе, что нить разсказа въ Евангеліи отъ Марка никакъ нельзя признать первоначальною даже и по тѣмъ соображеніямъ, какія предлагаетъ теорія. „Во всѣхъ, видимыхъ у Матоея и Луки, явныхъ нарушеніяхъ исторической связи Евангелія Марка, самъ Маркъ не имѣетъ никакого“... Однако, при этомъ не доказано, что тѣ разности, какія имѣетъ въ виду Гольцманъ, суть дѣйствительно отклоненія именно отъ первоначальнаго контекста Евангелія Марка или А, такъ какъ не доказано еще, что Маркъ представляетъ первоначальную связь А въ отношеніи къ Матоею и Лукѣ. Иначе говоря, здѣсь circulus in demonstrando. Первоначальность связи въ Евангеліи Марка слѣдуетъ изъ того, что оно не имѣетъ ни одного изъ всѣхъ, видимыхъ у Матоея и Луки, уклоненій отъ порядка А; между тѣмъ самое понятіе отступленій или нарушеній оправдывается перво-

началъностію Евангелія Марка; слѣдовательно, одно положеніе основывается на другомъ, но ни то, ни другое отдѣльно Гольцманомъ не доказаны.—Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ признать предположеніе первоначальности въ размѣщеніи разсказовъ у Марка недоказаннымъ. Наконецъ, самое желаніе Гольцмана—изложить въ связи Евангелія Марка нѣкоторые отрывки, общіе всѣмъ Синоптикамъ или двумъ изъ нихъ—Матѳею и Лукѣ, свидѣтельствуетъ только о томъ, что они изложены не въ общей съ нимъ связи, независимо отъ него; связь въ повѣствованіи Марка для нихъ не первоначальная, они ее не измѣняютъ, потому что отъ нея не зависятъ. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что на основаніи двухъ или трехъ извѣстныхъ отрывковъ, хотя бы они въ каждомъ Евангеліи стояли одинаково, одинъ за другимъ,—чего, однако, нѣтъ на самомъ дѣлѣ, —нельзя заключать, что порядокъ Евангелій, содержащихъ данные отрывки между многими другими, собственно имъ принадлежащими, одинъ и тотъ же,—что собственно нить разсказа одна, а все остальное уклоненія отъ нея,—что эта нить принадлежитъ А. Заключать такъ нельзя тѣмъ болѣе, что и сходные разсказы размѣщены не въ одинаковой послѣдовательности одинъ за другимъ въ каждомъ изъ синоптиковъ.—Такъ изъ разсмотрѣнія и втораго отдѣла синоптическихъ разсказовъ слѣдуетъ, что Матѳей и Лука въ порядкѣ изложенія ихъ не зависятъ отъ предполагаемаго А или Марка. А если Гольцманъ изъ зависимости Синоптиковъ отъ основной нити разсказа Евангелія Марка или А заключаетъ къ зависимости ихъ отъ этого именно источника и по содержанію: то, наоборотъ, отъ независимости ихъ въ своемъ повѣствовательномъ порядкѣ отъ Марка или А должно заключать къ ихъ самостоятельности по содержанію.

Зависимость Синоптиковъ отъ А по содержанію—что предполагаетъ Гольцманъ—скорѣе, полнѣе и яснѣе должна бы обнаружиться въ томъ изъ нихъ, который ближе стоитъ къ А и по порядку, и по содержанію своему: въ

которомъ же изъ синоптиковъ и какъ опредѣляется содержаніе А?—По Гольцману, „ни который изъ синоптиковъ не представляетъ собою А. Маркъ по крайней мѣрѣ нѣчто опускаетъ, Матѳей и Лука видоизмѣняютъ его и привносятъ разсказы изъ другихъ источниковъ. Это должно было имѣть своимъ необходимымъ послѣдствіемъ нарушеніе общей связи. Правда, такія видоизмѣненія не проникали въ существенный корень дѣла, однако они были такъ значительны, что безъ Евангелія Марка, которое только одно вполнѣ вѣрно держится основной нити разсказа, нельзя довольно легко составить представленія о дѣйствительномъ ходѣ Евангельской исторіи."—Но если съ одной стороны Маркъ не представляетъ собою первоисточника А и, какъ другіе, видоизмѣняетъ его, хотя это видоизмѣненіе состоитъ только въ сокращеніяхъ; а съ другой стороны и видоизмѣненія, сдѣланныя Матѳеемъ и Лукой проникаютъ „до самаго корня": то слѣдуетъ, что основное писаніе—А измѣнено въ синоптикахъ именно въ самомъ корнѣ. Какъ же, имѣя въ виду такую коренную перемѣну А въ синоптикахъ, судить о томъ, что Маркъ, Матѳей и Лука стоятъ въ зависимости отъ А,—въ той или другой степени?—Если, по Гольцману, вставки, какія находятся у Матѳея и Луки, должны были весьма значительно измѣнять порядокъ повѣствованія А; то, конечно, подобное слѣдствіе должно быть и отъ пропусковъ. А такъ какъ Маркъ, по теоріи, долженъ былъ многое опускать, то слѣдуетъ, что и онъ многое долженъ былъ измѣнять въ порядкѣ А. Если же такъ, то у котораго изъ Синоптиковъ находится планъ, точнѣе соотвѣтствующій порядку А—не доказано, и неможетъ быть извѣстно, потому что при этомъ вмѣстѣ съ точностію соотвѣтствія исчезаетъ и самое А. Въ самомъ дѣлѣ еще неизвѣстно, въ какомъ видѣ и порядкѣ оно предлежало Синоптикамъ; а чрезъ это является невозможность опредѣлить—въ какомъ отношеніи (близости и пр.) каждый изъ

нихъ стоялъ къ А,—такому первоисточнику, который и въ порядкѣ, и по виду почти въ корнѣ измѣненъ.

Если нельзя точно опредѣлить порядка А и отношеній къ нему Синоптиковъ, то, конечно, нельзя сказать, въ какой мѣрѣ далеко Евангелія Матѳея, Марка и Луки уклонились отъ А. Если же это такъ, то остается дѣйствительно и единственно вѣрнымъ только одно положеніе Гольцана, что „ни который изъ синоптиковъ не представляетъ собою А“. Если Гольцманъ и старается опредѣлить ихъ отношеніе, то въ результатѣ получается однако опять неопредѣленность: „Маркъ нѣчто опускаетъ... Матѳей и Лука прибавляютъ...“ Но какъ и сколько?—опредѣленно неизвѣстно. Или, такъ еще соображаетъ Гольцманъ: „особенность каждаго Евангелиста состоитъ частію въ особенной фактической или словесной обработкѣ (варіаціи А), частію въ самостоятельно составленныхъ рѣчахъ, притчахъ и разсказахъ...“ но въ какой именно мѣрѣ велико было личное участіе каждаго Евангелиста въ обработкѣ первоисточника?—опять неизвѣстно. Слѣдовательно, поэтому еще нельзя отрицать самостоятельность „каждаго“ изъ Синоптиковъ.

Но если неизвѣстны мѣра и степень зависимости Евангелій Матѳея, Луки и даже Марка отъ А; то можно ли, однако, предполагать самую зависимость ихъ, хотя и не въ опредѣленной мѣрѣ для каждаго Синоптика?—Гольцманъ предполагаетъ, что Маркъ немного измѣнилъ А (Ur-marcus) и, слѣдовательно, по его Евангелію можно судить о зависимости другихъ синоптиковъ отъ основнаго источника. Въ самомъ дѣлѣ представляется, если Матѳей и Лука „богаты особенностями словесной и фактической обработки Ев. исторіи и самостоятельно составленными рѣчами, притчами, разсказами“, а вслѣдствіе этого и порядкомъ изложенія отличаются отъ А; то, конечно, Евангеліе Марка, имѣющее всего такого весьма немного и почти вполнѣ все принятое Матѳеемъ, стоитъ ближе къ А (Ur-marc'у). Однако, само по себѣ

мнѣніе Гольцмана о близости Евангелія Марка къ А требуетъ основаній. Должно опредѣлить, насколько именно оно близко, если извѣстно, что въ немъ многое опущено?—Насколько въ немъ точнѣе прочихъ сохранился порядокъ А, если извѣстно, что оно само также не представляетъ собою А, какъ и другія Евангелія, имѣющія содержаніе А въ большей мѣрѣ?—Если Евангелія Матѳея и Луки, содержащія полнѣе матерію А, хотя въ иномъ порядкѣ, не представляютъ собою А, то Евангеліе Марка не уклоняется ли еще болѣе, нежели они отъ А (Ur-marc'a), такъ какъ оно содержитъ А въ меньшей мѣрѣ, нежели прочіе синоптики?—Подобныя соображенія побуждаютъ признать вполнѣ неопредѣленнымъ отношеніе каноническаго Евангелія отъ Марка къ предполагаемому его источнику—А (или Ur-marc'y). При неопредѣленности же отношенія ихъ, нельзя опредѣлить и самую зависимость (Verwandtschaftverhältniss); а при этомъ, наконецъ, нельзя опредѣлить, въ какой мѣрѣ несамостоятельно то или другое синоптическое Евангеліе въ отношеніи къ А (Ur-marc'y).

Что же, послѣ этого, говоритъ за несамостоятельность или компилятивную зависимость синоптиковъ отъ Евангелія Марка или А?—только одно сходство нѣкоторыхъ разсказовъ, общихъ тремъ Евангелистамъ. Но сходство можетъ служить основаніемъ къ предположенію и нѣсколькихъ письменныхъ источниковъ, существовавшихъ, напримѣръ, даже въ числѣ всѣхъ сходныхъ Ев. разсказовъ: можно думать, что сходные разсказы заимствованы изъ многихъ, отдѣльно существовавшихъ, частныхъ записей (διηγησις πολλων), коими пользовались Матѳей, Маркъ и Лука, а не изъ одного только А. Слѣдовательно, предположеніе Гольцмана о зависимости синоптиковъ отъ А не имѣетъ научнаго основанія, такъ какъ предположеніе самаго А легко устраняется другимъ предположеніемъ многихъ источниковъ, подобныхъ предполагаемому А.

Этотъ выводъ еще болѣе представляется справедливымъ, если имѣть въ виду, что и самое **сходство** далеко отъ **тожества**, по чему между прочимъ можно было бы думать о рѣшительной независимости синоптиковъ отъ общаго источника, и даже самого Марка отъ А (Urmarc'a).—Измѣненіе А въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка должно предполагать весьма значительнымъ, если извѣстно, что Ев. Маркъ, вслѣдствіе опущенія нѣкоторыхъ разказовъ, долженъ былъ измѣнять порядокъ и даже содержаніе другихъ разсказовъ, оставшихся послѣ опущенныхъ имъ,—сохраняя свой общій характеръ — краткость [335]).

Если каноническое Евангеліе отъ Марка стоитъ ближе другихъ къ первоисточнику А, какъ полагаетъ Гольцманъ; то эта близость А къ Евангелію Марка, а съ нею и зависимость его отъ А, должны быть болѣе всего видны въ тѣхъ разсказахъ, которые находятся у трехъ синоптиковъ и при томъ расположены синоптически въ одномъ порядкѣ,—что свидѣтельствуетъ, по Гольцману, именно о первоначальномъ видѣ такихъ разсказовъ и въ чемъ, будто-бы, очевидно предварительное и самостоятельное существованіе А. Это тѣмъ болѣе должно быть справедливымъ, что Маркъ, по Гольцману, только опускаетъ нѣкоторые разсказы, сравнительно съ другими синоптиками. Конечно, близость и тожество синоптиковъ необходимо должны быть въ пунктахъ преимущественно

---

335) Здѣсь мы имѣемъ въ виду Евангеліе Марка, ибо Матѳей и Лука, по словамъ Гольцмана, слишкомъ далеки отъ А, почему и судить объ А по нимъ достаточно основательно нельзя. Если же и Маркъ, самый ближайшій къ А, можетъ оказаться очень далеко уклонившимся отъ общаго источника, то и вся теорія, основанная, въ данномъ пунктѣ, на близости Марка къ А, будетъ уже необязательна въ своихъ выводахъ. Теперь видно, что Маркъ измѣняетъ порядокъ А (Urmarc'a), но по содержанію онъ остается въ зависимости отъ него; если же онъ и здѣсь окажется независимымъ, то А—не источникъ для синоптиковъ.—О сравнительно большемъ или меньшемъ уклоненіи синоптиковъ отъ А см. Holtzmann'a, S. 104—105.

важныхъ, если ихъ сравнивать съ другими во всей послѣдующей Ев. исторіи, изложенной синоптиками и будтобы заимствованной ими изъ А. Но вотъ такой важный пунктъ, именно исторія искушенія Іисуса Христа. Здѣсь сходятся всѣ три Евангелиста и взаимно параллельны,—при изложеніи событія держатся одного порядка, т. е. помѣщаютъ разсказъ объ искушеніи послѣ разсказа о крещеніи. Однако, не смотря на чрезвычайность и великую догматическую важность событія искушенія, Маркъ разсказыватъ далеко неодинаково съ Матѳеемъ и Лукою. Тѣ подробно и обстоятельно передаютъ это событіе, а Маркъ въ высшей степени кратко. Если предположить для синоптиковъ общій источникъ А и въ этомъ пунктѣ, то какъ опредѣлить отношеніе каждаго изъ нихъ къ этому источнику?—Если предположить, что искушеніе было разсказано такъ кратко, какъ у Марка, въ самомъ А; то трудно объяснить большую полноту и большое сходство въ разсказахъ о томъ же Матѳея и Луки. Если принять, что полнота разсказа имѣетъ источникомъ преданіе церковное, то значитъ А восполнялся такимъ преданіемъ; такъ что нельзя отдѣлить его содержанія отъ элементовъ церковнаго устнаго преданія и—опредѣлить его составъ и видъ. Если принять, что сходство разсказовъ объясняется заимствованіемъ, напримѣръ, Матѳея у Луки или на-оборотъ; то это уничтожаетъ всю теорію въ ея принципѣ, такъ какъ тогда о самомъ А (Urmarc'ѣ) не можетъ быть и рѣчи,—уже рѣшительно нельзя будетъ опредѣлить кто и что, какъ и у кого заимствовалъ. Скорѣе, по Гольцману, слѣдуетъ думать, что въ основаніи Евангелій Матѳея и Луки лежитъ А; и слѣдовательно Маркъ въ этомъ пунктѣ сокращаетъ А (Ur-marc'а). При этомъ однако, является еще бо́льшее затрудненіе. Почему Маркъ сократилъ столь важную исторію, если онъ и менѣе важныя событія излагалъ также полно, какъ и другіе Евангелисты, напримѣръ, исцѣленіе разслабленнго въ Капернаумѣ и под.? Почему Маркъ, сокративъ весь разсказъ

объ искушенiи Спасителя въ высшей степени кратко,—такъ что не говоритъ о троекратности онаго,—оставляетъ менѣе важное замѣчанiе: Iисусъ „былъ тамъ (въ пустынѣ) со звѣрями",—такое замѣчанiе, которое даже опущено другими Евангелистами?— Но главное затрудненiе здѣсь состоитъ въ томъ, что Маркъ, сокращая до такой степени А, измѣняетъ его въ данномъ разсказѣ болѣе, нежели Матѳей и Лука. Евангелiе отъ Марка является сравнительно большимъ видоизмѣненiемъ А, нежели Евангелiя другихъ Синоптиковъ,—чего, по теорiи, быть не должно [336]). Если же, такимъ образомъ, Маркъ въ тѣхъ разсказахъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ-бы въ своемъ Евангелiи представлять А, отклоняется отъ него болѣе, нежели Матѳей и Лука; то, слѣдуетъ, что нѣтъ основанiя судить о зависимости отъ А и Марка, и другихъ Синоптиковъ, какъ отъ общаго первоисточника. Каноническiя Евангелiя отъ Матѳея, Марка и Луки различаются одинъ отъ другаго и въ порядкѣ расположенiя, и въ самомъ изложенiи разсказовъ Ев. исторiи. Слѣдовательно, Синоптики самостоятельны и А, какъ письменнаго первоисточника, для нихъ не было.

Въ-частности, самостоятельность главнымъ образомъ Марка тѣмъ несомнѣннѣе, что и самъ Гольцманъ признаетъ за нимъ нѣкоторую особенность, которая говоритъ въ пользу его независимости отъ А.—Если нельзя опредѣлить содержанiя А въ каноническомъ Евангелiи отъ Марка и доказать его зависимость отъ А, съ одной стороны, потому, что Маркъ нѣкоторыя событiя, о коихъ говорятъ другiе Синоптики, излагаетъ неодинаково подробно; то, съ другой стороны, нельзя этого сдѣлать потому, что въ Евангелiи отъ Марка находятся нѣкоторые разсказы, только ему принадлежащiе. Откуда они заимствованы ?—находились ли—они въ Первоевангелiи?

---

336) Holtzmann,—S. 104—105.

—если они тамъ были, то почему ихъ опустили другіе Синоптики?—Были, думаетъ Гольцманъ и отчасти указываетъ причины опущенія ихъ другими.

„Марку собственно принадлежатъ только слѣдующіе отрывки его Евангелія: а) вступленіе: I, 1—3;—б) двѣ притчи: IV, 26—29. XIII, 33—37;—в) двѣ исторіи исцѣленія: VII, 32—37. VIII, 22—26;—г) замѣчанія, относящіяся къ исторіи страданія Христа: XI, 18. 19;—д) исторія о нѣкоторомъ юношѣ: XIV, 51. 52;—е) ходатайство Іосифа предъ Пилатомъ: XV, 44. 45;—ж) заключеніе: XVI, 9—11“.—Эти исторіи и замѣчанія были въ А, но ихъ удержалъ только Маркъ; почему же не другіе? На этотъ вопросъ, относительно перваго пункта—вступленія: I, 1—3 ст., Гольцманъ не даетъ никакого отвѣта, говоря только: „это есть именно начало А...“ Относительно двухъ притчей, именно—о сѣмени: IV, 26—29 ст. и о домовладыкѣ, отходящемъ въ путь: XIII, 33—37, Гольцманъ говоритъ: „вмѣсто первой притчи Матѳей предпочелъ совершеннѣйшую форму той же самой притчи: Мѳ. XIII, 24—30 ст.“—именно притчу о сѣмени и плевелахъ.—Такъ сдѣлалъ Матѳей; но какъ отнесся къ этой притчѣ Ев. Лука?—Это Гольцману неизвѣстно. Однако, и то, что, по его мнѣнію, Матѳей сдѣлалъ съ данной притчей, странно.—Если Матѳей предпочелъ болѣе совершенную форму той же притчи, то слѣдуетъ, что она въ двоякомъ видѣ существовала въ самомъ А. Если же такъ, то для чего въ основномъ источникѣ было двѣ одинаковыхъ притчи и—при совершенной несовершенная по формѣ? Еслитамъ были такія двѣ притчи, то почему не поступилъ и Маркъ подобно Матѳею? Если были двѣ притчи, то почему же Лука не воспользовался ниодной изъ нихъ, ни болѣе, ни менѣе совершенной?—Нѣтъ двухъ такихъ притчей въ А не слѣдуетъ предполагать, такъ какъ несовершенная по формѣ при совершеннной—лишняя. Нѣтъ, указанныя притчи суть двѣ различныя притчи, а не двѣ формы одной и дой же притчи. Въ одной говорится: „царство

небесное подобно человѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ...“ Въ другой: „царство Божіе подобно тому, какъ если человѣкъ бросить сѣмя въ землю...“ Первая: „когда же люди спали, пришелъ врагъ его, и посѣялъ между пшеницею плевелы и ушелъ...“ Вторая: „и спитъ, и встаетъ ночью и днемъ; и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ. Ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ... (Мѳ. XIII, 33—37 и Мр. IV, 26—29)“, и т. д. Въ каждомъ такомъ пунктѣ содержанія притчей—совершенной и несовершенной, общими остаются только два понятія „сѣяніе“ и „сѣмя“; но ихъ отношеніе, смыслъ и значеніе въ каждой притчѣ различны, какъ и весь общій характеръ каждой изъ нихъ. Это прямо очевидно въ томъ особенно, что изъясненіе одной притчи: Мѳ. XIII, 24—30 совершенно не соотвѣтствуетъ содержанію другой: Мр. IV, 26—29. А если—что весьма неудобно предположить—изъясненіе, содержащееся у Матѳея, относится и къ этой притчѣ; то почему же ни Маркъ, ни Лука не воспользовались такимъ изъясненіемъ?—Нѣтъ, въ изложеніи данныхъ притчей Синоптики совершенно независимы одинъ отъ другаго и всѣ вмѣстѣ отъ А [337]. „Другую притчу—о домовладыкѣ, по мнѣнію Гольцмана, Матѳей, XXIV, 42—51 и Лука, XII, 39—46 ст., равнымъ образомъ имѣютъ въ совершеннѣйшемъ видѣ“,—совершеннѣйшемъ, нежели Маркъ. Но при этомъ становится еще бо-

337) Правда, Гольцманъ указываетъ причину, почему Лука опустилъ первую притчу (IV, 26—29),— будто бы именно потому, что она «слишкомъ незначительна». Но какое же основаніе такъ говорить, когда извѣстно, что есть болѣе совершенная форма этой же притчи?—Значитъ, и совершенная притча тоже незначительна?—Почему же для Луки казалась значительнѣе притча, напримѣръ, о пропадшей овцѣ, нежели притча о сѣмени и плевелахъ? А эту болѣе совершенную притчу Лука имѣлъ предъ глазами, какъ и Матѳей въ источникѣ А. Но самъ Лука и сравнительно неважныя притчи записалъ въ своемъ Евангеліи, какъ, напримѣръ, объ овцѣ пропадшей и—что особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи—рядомъ съ ней записалъ еще такую же по смыслу притчу о потерянной драхмѣ. Слѣдовательно, для Евангелистовъ не представлялись подобныя притчи незначительными и не опускались по этой ихъ, будто бы, незначительности.

лѣе непостижимымъ, почему Маркъ, имѣя въ виду—въ источникѣ А—притчу болѣе совершенную, оставилъ ее и взялъ менѣе совершенную. Онъ, конечно, не могъ этого сдѣлать, если зналъ о существованіи болѣе совершенной притчи; по крайней мѣрѣ, такъ должно думать, имѣя въ виду примѣръ Матѳея и Луки въ этомъ отношеніи. Почему только Маркъ, и уже второй разъ, выбираетъ несовершенныя притчи, а совершенныя опускаетъ? Причина этого выбора неизвѣстна, даже и не могло ея быть. Конечно, всякому автору желательно, а Евангелисту необходимо нужно было писать болѣе совершенно и въ лучшемъ видѣ, если это было возможно. Нѣтъ, предположеніе Гольцмана и здѣсь неосновательно и не имѣетъ обязательнаго значенія: ясно, что Синоптики независятъ отъ А въ изложеніи данной притчи.

Различіе синоптиковъ отъ А, по указанію Гольцмана, находится не только въ притчахъ, но и въ разсказахъ.—„Двѣ исторіи, гл. VII, 32—37,—о глухо-нѣмомъ, и гл. VIII, 22—26,—о слѣпомъ, опущены Матѳеемъ и Лукою, потому что они уже много подобнаго разсказали“. Это заявленіе, говоря точно, не менѣе странно, какъ и предыдущее. Прежде всего, если эти исторіи Матѳеемъ и Лукою опущены, то какое же основаніе относить ихъ къ А и не признавать ихъ собственно принадлежащими Марку?—это неизвѣстно. Потомъ, если они были въ А, то зачѣмъ же ихъ опустили Матѳей и Лука?—если потому, что они „подобныхъ исторій разсказали уже нѣсколько“, то этой причинѣ Гольцманъ непосредственно здѣсь же противопоставляетъ еще другую. Онъ говоритъ: „Матѳей, въ XII, 22 и Лука въ XI, 14 ст. воспоминаютъ хотя и нетожественно первую исторію; а второй исторіи не достаетъ у Луки потому, что онъ опустилъ все путешествіе Христа въ Кесарію...“ Очевидно, Матѳей то опустилъ, то воспоминаетъ... и Лука—то опустилъ потому, что многое подобное уже разсказалъ, то потому, что опустилъ все путешествіе въ Кесарію... Такія соображенія, конечно,

весьма нетверды. Въ самомъ дѣлѣ, ужели цѣлый отдѣлъ изъ Ев. исторіи, какъ путешествіе Христа въ Кесарію, Лука долженъ былъ опустить? почему это такъ?—Ужели этотъ отдѣлъ казался ему незначительнымъ (пусть здѣсь таже причина у Гольцмана)?—Нѣтъ, нетолько всего отдѣла, но даже и указаныхъ исторій, какъ Матѳей, такъ и Лука не признавали такими. Первая исторія — о глухомъ -косноязычномъ: VII, 32 — 37 ст. заканчивается словами: „ и чрезвычайно дивились (очевидцы чуда) и говорили: все хорошо дѣлаетъ (Іисусъ); и глухихъ дѣлаетъ слышащими и нѣмыхъ говорящими", —ст. 37-й. То, что всѣмъ очевидцамъ чуда казалось чрезвычайно дивнымъ, ужели только для Евангелистовъ представлялось незначительнымъ?—Нѣтъ!... Вторая исторія—объ исцѣленіи слѣпаго въ Виѳсаидѣ—именно тѣмъ и замѣчательна, что „подобнаго" ей ничего нѣтъ у синоптиковъ. Іисусъ, какъ повѣствуетъ Маркъ, плюнувъ на глаза слѣпаго, возложилъ на него руки и спросилъ его, видитъ ли онъ что-либо. Слѣпой, по дѣйствію Господа, взглянувъ, сказалъ: вижу проходящихъ людей, какъ деревья. Потомъ Іисусъ, опять возложивъ руки на слѣпаго, велѣлъ ему взглянуть. Тотъ исцѣлился и сталъ видѣть ясно,—VIII, 23—25 ст. Это—чудо; а Господь творилъ безчисленное множество чудесъ; но изъ разсказанныхъ у Матѳея и Луки „подобнаго" нѣтъ. Это не то, что—„хочу, очистись..." или „встань, возьми постелю твою и иди въ домъ свой..." Здѣсь представляется обстоятельно все дѣйствіе исцѣленія, которое раздѣляется на два главные момента. Подобнаго описанія чудесныхъ исцѣленій у Матѳея и Луки нѣтъ. И если такое исцѣленіе опустилъ, напримѣръ, Лука потому, что онъ уже много столь же чудеснаго разсказалъ, то что же особеннаго въ сравненіи съ этимъ исцѣленіемъ слѣпаго въ Виѳсаидѣ представляетъ разсказъ о скорченной: XIII, 10—13, если Лука предпочелъ сказать объ этомъ исцѣленіи, а не о томъ?—На „скорченную" Іисусъ Христосъ только воз-

ложилъ руки, и она стала пряма. Между тѣмъ исторія „скорченной" имѣетъ болѣе сходства съ другими Ев. разсказами, сравнительно важнѣйшими, какъ, напримѣръ, съ разсказомъ объ исцѣленіи разслабленнаго въ Капернаумѣ. Разсказъ о скорченной скорѣе могъ казаться излишнимъ, нежели разсказъ объ исцѣленіи слѣпаго въ Виѳсаидѣ. Однако этотъ разсказъ опущенъ Лукою, а объ исцѣленіи скорченной у него повѣствуется [338]). Самостоятельность Марка въ изложеніи даннаго разсказа очевидна, а при ней и независимость Матѳея и Луки отъ первоисточника А.

При объясненіи слѣдующей особенности Евангелія отъ Марка мысль Гольцмана о „незначительности нѣкоторыхъ исторій", какъ причинѣ ихъ опущенія тѣмъ или другимъ Евангелистомъ, является еще болѣе смѣлою.— „Замѣчаніе: XI, 18. 19, относящееся къ исторіи страданія Христа, удобно оставлено другими";—говоритъ Гольцманъ. Судя по названію замѣчаніе (Notition), объясненіе дѣла, по Гольцману, кажется достаточнымъ. Однако, каково это замѣчаніе? Ев. Маркъ передаетъ то, какъ книжники и первосвященники отнеслись къ Іисусу Христу, когда услышали Его свидѣтельство о самомъ Себѣ въ словахъ: „домъ Мой домомъ молитвы нарѣчется... Они, услышавъ это, искали какъ-бы погубить Его: ибо боялись Его, потому что весь народъ удивлялся ученію Его..." Свидѣтельство это, очевидно, весьма важно, потому что въ немъ выражено мнѣніе всего народа объ Іисусѣ Христѣ—съ одной стороны, а книжниковъ и первосвященниковъ, какъ вождей и представителей всего народа—съ другой; при томъ выражено и отношеніе

338) Можно указать и еще подобный же разсказъ въ Евангеліи отъ Луки, напримѣръ, объ исцѣленіи кровоточивой. Подобныя исцѣленія совершались Господомъ сравнительно скорѣе, и, напримѣръ, потому уже не столь примѣчательны, какъ исцѣленіе слѣпаго въ Виѳсаидѣ.

этихъ сторонъ одной къ другой. Кромѣ того, это „замѣчаніе" важно потому, что указываетъ на рѣшительный поводъ для народныхъ властей и водителей искать смерти Іисуса. Слѣдовательно, это „замѣчаніе" въ высшей степени важно; оно было бы необходимо записано Матѳеемъ и особенно Лукою, если бы они нашли его въ первоисточникѣ А, которымъ они будто бы такъ много пользовались. Маркъ, при всей своей краткости, счелъ нужнымъ внести это замѣчательное обстоятельство изъ жизни Господа въ свое Евангеліе; чтоже препятствовало Матѳею и Лукѣ внести или благопріятствовало имъ опустить такое замѣчаніе?—неизвѣстно.

Но если объясненіе замѣчанія: XI, 18. 19 ст. не совсѣмъ достаточно въ теоріи; то, съ другой стороны, и не настолько безосновательно, какъ слѣдующее соображеніе. „Ходатайство Іосифа предъ Пилатомъ опущено другими Евангелистами: XV, 44—45,"—говоритъ Гольцманъ. Почему же опущено?—на это въ теоріи Гольцмана нѣтъ никакого отвѣта: оставлены... и—только!— Здѣсь Гольцманъ не указываетъ и на обыкновенно предполагаемый имъ мотивъ опущенія, на незначительность опускаемаго; впрочемъ, здѣсь и нельзя указывать на это: извѣстный поступокъ Іосифа Аримаѳейскаго весьма замѣчателенъ. Это—фактъ, открывающій глубокую и великую вѣру Іосифа въ Господа Іисуса.

Разсматривая послѣднюю особенность Евангелія отъ Марка—его заключеніе, Гольцманъ обращается уже къ новому и какъ-бы болѣе сильному основанію своего мнѣнія.—„Заключеніе—XVI, 12—20 ст. болѣе, нежели сомнительно въ отношеніи подлинности; это—явная комбинація словъ Матѳея и Луки". Однако, не эти только стихи 12—20, XVI-й гл. составляютъ особенность Евангелія Марка, но и 9—11, XVI-й же гл. Какъ же объяснить эту особенность въ ст. 9—11, XVI-й гл.? Гольцманъ указываетъ только на неподлинность стиховъ 12—20, XVI-й гл. Его заявленіе здѣсь очень важно, но, какъ основаніе

его мнѣнія, оно незначительно.—„Отдѣла этого, какъ извѣстно, говоритъ Гольцманъ, нѣтъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ, особенно въ такъ называемыхъ Codex Sinaiticus и Codex Vaticanus. Это заявленіе, впрочемъ, не новое и основано на авторитетной критикѣ текста каноническихъ Евангелій. Указанныя рукописи были отлично извѣстны К. Тишендорфу; тѣмъ не менѣе этотъ знаменитый археографъ стихи 9—20, XVI-й гл. внесъ въ свое изданіе Новаго Завѣта на греческомъ языкѣ [339]). Слѣдовательно, и самая основательная критика, особенно авторитетная для Гольцмана, не признаетъ вполнѣ возможнымъ совсѣмъ опустить эти стихи. Но не въ этихъ стихахъ 9—20-мъ, XVI-й гл. вся важность дѣла. Въ XVI-й гл. Маркъ имѣетъ такую особенность, которую Гольцманъ игнорируетъ и, какъ кажется, только потому, что она говоритъ противъ всей его теоріи, особенно противъ предположенія первоисточника А. Эта особенность—ст. 1—8-й, XVI-й же главы; здѣсь повѣствуется о воскресеніи Іисуса Христа. Эти стихи несомнѣнно принадлежатъ Евангелію отъ Марка, даже и по убѣжденію самого Гольцмана; но содаржаніе ихъ много разнится отъ того, что

---

339) См. Novum Testamentum graece. Этого здѣсь и довольно. Въ оправданіе этого можно сказать слѣдующее. Самъ Тишендорфъ не опускаетъ совсѣмъ этихъ стиховъ 9—20, XVI-й гл. въ своемъ изданіи по слѣдующимъ общеизвѣстнымъ уже основаніямъ. *Евсевій*, еп. Кесарійскій, свидѣтельствуетъ, что стиховъ 9—20, XVI-й гл. Мрк. не было *почти* во всѣхъ, ему извѣстныхъ, рукописяхъ, но не прямо—во *всѣхъ*; слѣдовательно, въ нѣкоторыхъ они были. Нѣкоторые изъ этихъ стиховъ вполнѣ или съ небольшимъ измѣненіемъ встрѣчаются въ твореніяхъ Иринея, еп. Ліонскаго, Іустина Мученика, Григорія Нисскаго, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ такъ называемыхъ Византійскаго и Египетскаго семейства, въ G, L, потомъ въ D, въ Peschito, въ переводѣ Itala, у Ипполита, Августина, Льва Великаго и пр. См. объ этомъ у Ebrard'a, въ его d. Wissenschaftliche Kritik der evangelischen Geschichte. 3—te Auflage. 1868. S. 1022. Въ нашей отечественной литературѣ см. у *Архим. Михаила*, въ его брошюрѣ «О текстѣ Синайской рукописи Библіи». Москва. 1863. Стр. 14—18.—Ср. *М. Соболева*,—«Дѣйствительность воскресенія Іисуса Христа». Москва. 1874. Стр. 54.

разсказывается въ параллельныхъ имъ мѣстахъ у Матѳея и Луки. Различіе здѣсь такъ велико, что это мѣсто отрицательная критика считаетъ „классическимъ примѣромъ (будто-бы) противорѣчій въ Евангеліяхъ". Матѳей говоритъ: „Марія Магдалина и другая Марія пришли посмотрѣть гробъ..." Маркъ повѣствуетъ: „Марія Магдалина, Марія Іаковлева и Саломія купили ароматы, чтобы идти, помазать Его, т. е. Іисуса". Матѳей продолжаетъ: „они со страхомъ и радостію побѣжали возвѣстить ученикамъ Его (о воскресеніи)..." Маркъ свидѣтельствуетъ: „и вышедши, побѣжали отъ гроба; ихъ объялъ трепетъ и ужасъ, и никому ничего не сказали, потому что боялись" [340]). Если это Матѳеемъ и Маркомъ заимствовано изъ одного источника—А, то какъ объяснить самое различіе въ ихъ повѣствованіяхъ?—Какъ произошло то, что Матѳей и Маркъ, имѣя подъ руками одинъ предполагаемый письменный источникъ—А, говорятъ столь различно объ одномъ и томъ же, весьма важномъ, если не самомъ важномъ, событіи? Если они болѣе сходны другъ съ другомъ въ повѣствованіи объ исцѣленіи разслабленнаго въ Капернаумѣ, то почему же здѣсь они расходятся такъ далеко? Это различіе и въ такой степени не могло быть, если бы Синоптики пользовались только однимъ и

---

340 Вотъ текстъ Евангелія подробнѣе:

По Матѳею:

«Пришла Марія Магдалина и другая Марія посмотрѣть гробъ. И вотъ сдѣлалось великое землетрясеніе: ибо Ангелъ Господень, сошедшій съ небесъ, приступивъ, отвалилъ камень отъ двери гроба, и сидѣлъ на немъ. Видъ его былъ, какъ молнія, и одежда его бѣла, какъ снѣгъ. Устрашившись его, стрегущіе пришли въ трепетъ и стали какъ мертвые. Ангелъ же, обративъ рѣчь къ женщинамъ, сказалъ: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Іисуса Распятаго. Его нѣтъ здѣсь: Онъ воскресъ, какъ сказалъ». Мѳ. XXVIII гл. 1—6.

По Марку:

«Марія Магдалина и Марія Іаковлева и Саломія купили ароматы, чтобы идти помазать Его... Приходятъ ко гробу, при восходѣ солнца. И говорятъ между собою: кто отвалитъ намъ камень отъ двери гроба? И взглянувъ, видятъ, что камень отваленъ; а онъ былъ весьма великъ. И вошедши во гробъ, увидѣли юношу, сидящаго на правой сторонѣ, облеченнаго въ бѣлую одежду; и ужаснулись. Онъ же говорилъ имъ: не ужасайтесь. Іисуса ищете Назарянина Распятаго: Онъ воскресъ; Его нѣтъ здѣсь. Мр. XVI, 1—6.

прямо письменнымъ источникомъ A: оно объясняется только тѣмъ предположеніемъ, что у нихъ не было подъ руками одного основнаго письменнаго источника.—Такъ въ объясненіи послѣдней особенности Евангелія отъ Марка, какъ и въ предыдущихъ, оказывается и доказывается только независимость Синоптиковъ одного отъ другаго и тамъ, гдѣ они повѣствуютъ объ однихъ и тѣхъ же, хотя бы и самыхъ важныхъ, Ев. событіяхъ. Слѣдовательно, нѣтъ основанія признать общей ихъ компилятивной зависимости отъ A, иначе говоря—они самостоятельны.

Если, не смотря на всю несостоятельность мнѣнія Гольцмана о существованіи первоисточника A, предположить, вмѣстѣ съ нимъ, что каноническое Евангеліе отъ Марка есть именно только видоизмѣненіе (варіація) этого A; то какого рода это видоизмѣненіе, въ какой мѣрѣ, какая цѣль и въ чемъ его значеніе?—„Литературная обработка, которой подвергся A отъ каноническаго Евангелиста Марка, состоитъ именно въ томъ, что Маркъ сократилъ нѣкоторыя рѣчи Христовы и оставилъ незначительно малыя частности въ разсказахъ, допустилъ значительный пробѣлъ, опустивъ Нагорную проповѣдь, и сверхъ того сдѣлалъ нѣкоторыя прибавки [341]).

Что за цѣль и какое могло быть значеніе такого труда, какъ каноническое Евангеліе отъ Марка?—кому нуженъ былъ такой компилятивный трудъ, если уже суще-

---

341) Эти, по видимому незначительныя, прибавки суть: гл. I, ст. 7. 13. 20. 33. II, 14. 16. 18. 25. 26. 27. III, 17. 26. IV, 3. 7. 8. 11. 19. V, 13. 19. 23. 34. VI, 3. 13. 37. 48. 50. 52. VIII, 32. 35 (ср. X, 29). 38. IX, 12. у Holtzmann'a. S. 110.—Что же думать о такихъ и подобныхъ весьма многихъ прибавкахъ?—Относительно ихъ «можно, говоритъ Гольцманъ, сомнѣваться. Маркъ ли ихъ прибавилъ или Матөей и Лука ихъ опустили... Между ними есть изъясненія, сдѣланныя въ интересѣ опредѣленнаго круга читателей, какъ: VII, 2—4 ст. и под.»—То или—другое; но Маркъ, приводя подобныя замѣчанія, долженъ былъ ихъ на-передъ знать, независимо отъ A. Въ противномъ случаѣ Ев. Лука, тщательно изслѣдовавшій Ев. исторію, долженъ былъ удержать эти опредѣленныя замѣчанія. Или, на-оборотъ, Маркъ самъ зналъ точно все, что писалъ въ своемъ Евангеліи.

ствовалъ еще прежде него гораздо подробнѣйшій и лучшій оригиналъ его, каковымъ въ теоріи представляется первоисточникъ А?—Такіе вопросы, естественно, приходили на мысль и самому Гольцману.—„Загадка, говоритъ онъ, какъ возникъ и существовалъ при А столь тожественный съ нимъ, почти только сокращеніемъ отъ него отличающійся, трудъ—Евангеліе отъ Марка, разрѣшается только предположеніемъ опредѣленнаго круга читателей, употреблявшаго А только въ переработанномъ видѣ“. Нѣтъ, загадка этимъ не разрѣшается, а только осложняется; на загадку Гольцманъ отвѣчаетъ опять загадкой. Вопросъ, какъ могло возникнуть и распространиться Евангеліе отъ Марка, разрѣшается у Гольцмана тѣмъ, что оно распространилось въ кругу опредѣленныхъ читателей. Но въ томъ-то и дѣло, какъ оно могло найти себѣ читателей, когда было такою незначительной компиляціей первоисточника А?—Какъ могла возникнуть такая компиляція, которая состояла почти только въ сокращеніи А, которая даже существенно измѣняла этотъ основной источникъ, опуская, напримѣръ, Нагорную бесѣду, и пр.?—Какъ нашлись читатели, которымъ больше нравилась такая компиляція, когда существовали еще лучшіе труды этого рода, какъ Евангелія Матөея и Луки и самый первоисточникъ А? — ужели этимъ предполагаемымъ читателямъ ненужны были тѣ части содержанія первоисточника А, которыя опущены Маркомъ, какъ, напримѣръ, исторія искушенія, Нагорная бесѣда Спасителя и пр.?—потомъ, какъ могло случиться, что Евангеліе отъ Марка, будучи несовершенной компиляціей и книгой опредѣленнаго круга читателей, распространилось во вселенской церкви, вошло въ составъ св. канона и осталось въ немъ до настоящаго времени, а его оригиналъ, основной и въ высшей степени важный источникъ, замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ произведеній того времени и того же рода, сообщившій всей послѣдующей Евангельской литературѣ опредѣленный типъ и содержаніе первымъ тремъ

каноническимъ Евангеліямъ, который былъ поэтому весьма распространеннымъ не въ кругу только опредѣленныхъ читателей, а во всемъ обществѣ первенствующихъ христіанъ,—какъ такой трудъ могъ потеряться?—это, по-истинѣ, величайшая „загадка“ и исторически никакъ неразрѣшимая!—Какъ сами Евангелисты Матѳей, Маркъ и Лука довѣрялись вполнѣ авторитету первоисточника А; такъ, слѣдовательно, должны были довѣряться ему и всѣ тѣ, кто собственные труды Евангелистовъ (варіаціи А) принималъ за А или за равные съ нимъ по вѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній, именно—вся первенствующая христіанская церковь. Всѣ читатели Евангелій, безъ всякаго исключенія, должны были признавать величайшій авторитетъ А, какъ Первоевангелія, если они признавали важное значеніе вообще за какимъ-либо изъ Евангелій, потому что каждое синоптическое Евангеліе, по предположенію, имѣло А своимъ основнымъ источникомъ. Какъ же могло случиться, что такое Евангеліе, какъ А, при такомъ необходимомъ, всеобщемъ и весьма великомъ уваженіи и значеніи, могло потеряться безъ всякаго слѣда и свидѣтельства о томъ? Почему и Ев. Лука, указывая на многихъ лицъ, начавшихъ въ его время слагать Ев. разсказы,—съ цѣлію, какъ полагаетъ Гольцманъ, сказать о своихъ источникахъ,—почему онъ не упомянулъ о единственно важномъ и главномъ источникѣ вообще всей Евангельской литературы и каноническихъ Евангелій въ-частности?—Почему и въ писаніяхъ Отцовъ церкви всюду встрѣчаются цитаты только въ томъ видѣ, въ какомъ они содержатся въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка и рѣшительно нѣтъ ничего такого, что свидѣтельствовало бы о когда-то существовавшемъ первоисточникѣ Евангелій—А.

Такъ, существованіе источника А совершенно недоказано Гольцманомъ; а потому и мнѣніе его о томъ нужно признать научно несостоятельнымъ. Слѣдовательно, синоптики остаются некомпилятивными, а самостоятельными.—Это было бы рѣшительнымъ выводомъ, по отно-

шенію къ мнѣнію Гольцмана и общему вопросу о происхожденіи синоптиковъ, если бы его теорія ограничивалась признаніемъ только одного источника ихъ—А; но она указываетъ еще другой, не менѣе важный, письменный же источникъ хотя только для двухъ Евангелій Матѳея и Луки.

Что такое этотъ второй источникъ, какъ онъ относится къ предыдущему труду А, имѣетъ ли онъ свое самостоятельное содержаніе и пр. под.?—На все это теорія предлагаетъ отвѣты въ положительно рѣшительномъ тонѣ. Однако, самая мысль о существованіи втораго источника не находитъ для себя опредѣленной точки опоры въ текстѣ Евангелій, а скорѣе вытекаетъ изъ главнаго предположенія Гольцмана, что сходство синоптиковъ указываетъ на ихъ сродство и компилятивную зависимость отъ общаго и основнаго писанія, т. е. изъ того предположенія, которое не оправдалось въ многочисленныхъ теоріяхъ прежде Гольцмановой и въ этой послѣдней относительно первоисточника А.—И теперь, какъ прежде, Гольцманъ дѣлаетъ предположеніе, выходя изъ предвзятой мысли относительно компилятивности синоптическихъ Евангелій; а потому и далѣе можно и должно ожидать той же неуспѣшности въ примѣненіи теоріи къ дѣлу.

XIII.

Гольцманъ говоритъ рѣшительно, что и „ кромѣ общей своей зависимости отъ А, Евангелія Матѳея и Луки не могутъ быть разсматриваемы какъ два самостоятельныя произведенія“.—Почему же?—Потому, что если „ они, съ одной стороны, имѣютъ нѣкоторые разсказы и рѣчи общіе, заимствованные ими изъ А; то, съ другой стороны, у нихъ находятся нѣкоторые отрывки разсказовъ и рѣчей также общіе, но незаимствованные изъ А“, слѣдовательно, заимствованные изъ другаго источника.—

Прежде всего, весьма важно знать, съ точки зрѣнія Гольцмана, какой есть поводъ думать, что отрывки разсказовъ и рѣчей, общіе у Матѳея съ Лукою, не заимствованы ими изъ А, и—почему для всѣхъ подобныхъ отрывковъ должно еще предполагать другой самостоятельный письменный источникъ, именно—Λ? На это въ теоріи Гольцмана отвѣчается такъ: „ отрывки, общіе Матѳею и Лукѣ, именно у Матѳея не носятъ характера вставокъ, т. е. имѣютъ характеръ послѣдовательной связной рѣчи. Но Матѳей довольно значительно видоизмѣнилъ первый источникъ рядомъ дидактическихъ мѣстъ, которыя, при первомъ взглядѣ на Евангеліе отъ Марка, тотчасъ являются особенною принадлежностію Евангелія отъ Матѳея и основаніемъ всѣхъ его уклоненій отъ главнаго строя (Baurisse) источника А и особенныхъ автор-

скихъ отношеній его къ этому источнику". Однако, это соображеніе нельзя признать удовлетворительнымъ отвѣтомъ на вопросъ, по чему должно предположить для этихъ, неодинаково изложенныхъ у Матѳея и Луки, но общихъ имъ, отрывковъ, еще новый, самостоятельный, именно письменный источникъ А. Если, съ одной стороны, такіе общіе отрывки у Матѳея не носятъ вставочнаго характера и представляютъ собою связныя рѣчи, то съ другой стороны они въ иномъ видѣ находятся въ Евангеліи отъ Луки,—безъ связи, именно отрывочно, и, какъ такіе, могутъ быть отнесены къ А. Могло быть, что отсюда ихъ взялъ Матѳей и сгруппировалъ такъ, какъ ему представилось должнымъ. Эта возможность получаетъ еще большее вѣроятіе, потому что Матѳей и съ тѣмъ, что, по теоріи, несомнѣнно онъ заимствовалъ изъ А, поступалъ также „архитекторски". Поэтому, еще нѣтъ основанія извѣстные общіе двумъ Евангелистамъ отрывки признавать содержаніемъ другаго самостоятельнаго письменнаго источника А.

По Гольцману, напротивъ, именно эта разнохарактерность въ изложеніи общихъ Матѳею и Лукѣ отрывковъ и служитъ основаніемъ предполагать источникъ А.— „Мы, говоритъ Гольцманъ, теперь имѣемъ дѣло съ одной, объединенной въ себѣ и отличающейся отъ А, матеріей; это ясно какъ день".—Это именно такъ „ясно" въ виду выше указаннаго литературнаго свойства Матѳея, отличающаго его въ разсматриваемыхъ отрывкахъ отъ А. Однако, это различіе отрывковъ отъ содержанія **А** еще только предполагается въ теоріи, потому что содержаніе А еще не опредѣлено строго. Здѣсь можетъ быть прямой вопросъ, таковъ ли А, какъ о немъ думаетъ Гольцманъ?—отрывочно ли его содержаніе и отлично ли оно отъ Евангелія Матѳея?—Оно можетъ быть признано отрывочнымъ, если предположить въ тоже время, что Матѳей отрывки, общіе у него съ Лукою, не заимствовалъ изъ А. Но то предположеніе, что онъ ихъ оттуда не заимство-

валъ, подтверждается только тѣмъ, что они у него изложены въ связи. Здѣсь, очевидно—circulus in demonstrando. Каковъ самъ А, это еще неизвѣстно; такъ какъ еще недоказано, что Матѳей не заимствовалъ своихъ рѣчей изъ этого источника; потому что это основывается на отрывочномъ характерѣ этого А, что опять основывается на независимости Матѳея отъ А, и т. д.—Если бы эта отрывочность въ содержаніи А была доказана какъ либо иначе, то и тогда самостоятельность Λ не была бы защищена; потому что части рѣчей, принадлежащія Матѳею, по мнѣнію Гольцмана, первоначально состояли именно изъ отрывковъ въ такомъ видѣ, какъ они теперь находятся, напримѣръ, въ Евавгеліи отъ Луки. И если особенное свойство Матѳея обнаруживается въ „построеніи“ цѣлыхъ рѣчей изъ отрывочныхъ изреченій; то при этомъ открывается и вмѣстѣ доказывается опять несамостоятельность источника Λ. Отрывки, относимые спеціально къ его содержанію, находящіеся, однако, въ своемъ первоначальномъ видѣ въ Евангеліи отъ Луки, скорѣе могутъ быть отнесены къ А, которое отличается отрывочностію изложенія, сравнительно, напримѣръ, съ Евангеліемъ Матѳея, нежели къ особому еще письменному источнику Λ.

Это заключеніе о несамостоятельности Λ нисколько не ослабляется и слѣдующими, будто бы „ясными какъ день и непрерѣкаемыми свидѣтельствами (соображеніями)“. —„Существованіе матеріи, отдѣльной отъ А, т. е. существованіе источника Λ ясно, какъ день, какъ скоро, по выдѣленіи содержанія, общаго тремъ синоптикамъ, получается остатокъ (Rest), главныя массы коего въ Евангеліи отъ Матѳея расположены почти вполнѣ въ пятишести пунктахъ, если, потомъ, та же самая матерія въ Евангеліи Луки не представляетъ никакой хронологической связи съ тѣми отрывками, между которыми она тамъ вставлена,—и если скорѣе слѣдуетъ думать, что она здѣсь почти цѣликомъ восполняетъ собою пробѣлъ (паузу) и явно приставлена къ А между IX, 51 ст. и

XVIII, 14". Это умозаключеніе Гольцмана, составляющее сущность его соображенія о самостоятельности Λ, можетъ быть выражено такъ: нѣкоторые отрывки у Луки стоятъ не въ хронологическомъ порядкѣ; слѣдовательно, они образуютъ вставку именно въ содержаніе источника A и не принадлежатъ ему, какъ матерія, по отношенію къ нему, внѣшняя, и тѣмъ самымъ предполагающая другой письменный источникъ.—Это заключеніе могло бы имѣть, хотя и не очень великую, силу, если бы напередъ было доказано, что въ источникѣ A содержалась матерія въ хронологическомъ порядкѣ или въ связи. Но этого еще не доказано въ теоріи; такъ какъ строго не разграничено содержаніе A отъ Λ.—По мнѣнію Гольцмана слѣдуетъ, что A не содержалъ въ себѣ отрывочной матеріи (не въ порядкѣ), какъ она расположена, напримѣръ, въ Евангеліи Луки; но почему?—потому что A излагалъ свою матерію не такъ, какъ Лука,—именно въ порядкѣ. Здѣсь очевиденъ логическій недостатокъ—petitio principii. Чтобы вывести теорію изъ этого логическаго круга, должно предположить, что матерія, относимая къ Λ, должна быть расположена въ A въ связи, а не отрывочно, не такъ, какъ она находится у Луки. Но какъ возможно такое предположеніе, когда, по теоріи, извѣстно, что матерія Λ у Луки изложена не въ порядкѣ и въ самомъ Λ она содержалась также не въ порядкѣ? почему же она должна была находиться въ связи только въ источникѣ A?—Очевидно, и тамъ она могла быть изложена такъ же, какъ находится у Луки и какъ, по предположенію, находилась въ самомъ Λ; иначе говоря, она могла быть въ A не въ порядкѣ и оттуда могла быть заимствована Лукой и Матѳеемъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда Гольцманъ могъ знать, что матерія Λ должна была находиться въ порядкѣ вообще гдѣ-бы то ни было?—на это единственное указаніе для него находится только въ Евангеліи отъ Матѳея,—если его сравнивать въ этомъ отношеніи съ Евангеліемъ отъ Луки:

у Матѳея матерія Λ изложена въ порядкѣ. Но судить объ Λ и вообще о первоисточникѣ по Евангелію отъ Матѳея Гольцманъ не имѣетъ права; потому что, говоря его же словами, порядокъ изложенія отрывочныхъ изреченій, какой находится у Матѳея, есть его отдѣльное свойство, личная особенность его, а не источника Λ или А, или т. п. Отсюда, напротивъ, слѣдуетъ, что такой порядокъ этой матеріи, какой находится въ Евангеліи отъ Матѳея, въ первоисточникѣ его—Λ или А, или др. п., не существовалъ: только Матѳей самъ привелъ въ порядокъ отрывочную матерію Λ или А, или какого-либо инаго источника. Въ Λ или въ А она могла находиться точно въ такомъ же видѣ, въ какомъ содержится въ Евангеліи отъ Луки.

Почему же, послѣ этого, матерію, относимую къ Λ, не признать частію А ?—потому ли, что разсказы изъ А въ Евангеліяхъ Матѳея и Луки представляютъ нѣкоторый порядокъ, сравнительно съ которымъ матерія Λ у Луки представляется не въ порядкѣ?—Нѣтъ, если этотъ порядокъ и представляетъ правильное размѣщеніе разсказовъ, то—лишь разсказовъ; а относительно рѣчей ничего изъ этого выводить нельзя, потому что рѣчи не всегда излагаются въ порядкѣ даже и въ каноническихъ Евангеліяхъ, какъ, напримѣръ, у Луки. Они изложены здѣсь не въ видѣ цѣльныхъ рѣчей, а въ видѣ отрывковъ, и не въ стройной послѣдовательности. А если думать, что и рѣчи должны были находиться въ хронологическомъ порядкѣ, въ связи, какъ, напримѣръ, у Матѳея, такъ и въ самомъ источникѣ; то почему же Лука, принявшій Собраніе изреченій своимъ вторымъ источникомъ, изложилъ содержаніе его не въ порядкѣ ?—Нѣтъ, матерія предполагаемаго Λ какъ находится у Луки, такъ могла быть и въ А, не въ порядкѣ, такъ же, какъ и въ самомъ предполагаемомъ Λ. Если же матерія Λ могла быть въ А въ такомъ же видѣ, какъ у Луки, то предположеніе Λ будетъ излишнимъ.

Теперь можно прямо поставить такой вопросъ: что же это былъ за сборникъ изреченій, къ которому теорія относитъ отрывки рѣчей Христа, общіе у Матѳея съ Лукою, какъ особому, самостоятельному источнику ихъ?— Здѣсь, въ данномъ отношеніи, возможно предположить или то, что этотъ сборникъ изреченій содержалъ свой матеріалъ не въ порядкѣ и безъ связи, или въ связи и хронологическомъ порядкѣ. Если принять первое, то будетъ непонятно, почему Лука излагаетъ заимствованные отрывки такъ, какъ они были въ этомъ сборникѣ, когда извѣстно изъ его же Евангелія (I, 1—4), что онъ рѣшился тщательно все изслѣдовать и написать именно въ порядкѣ. Если признать вѣрнымъ второе, то почему можно будетъ отнести общіе отрывки къ источнику А, вмѣсто Λ, и нельзя будетъ доказать, что А не могъ имѣть ихъ въ томъ же, не строго упорядоченномъ, изложеніи, въ какомъ они предполагаются въ Λ?—То и другое предположенія непремѣнно уничтожаютъ самостоятельность втораго источника Λ въ отношеніи его матеріи къ содержанію А.

Столь же мало защищаетъ самостоятельность Λ и слѣдующее соображеніе Гольцмана.—„Второе, столь же неоспоримое, наблюденіе (Beobachtung) побуждаетъ признать различіе нѣкоторыхъ отрывковъ отъ А. Кромѣ нѣкорыхъ немногихъ отрывковъ, представляющихся у Матѳея самостоятельными, каковы большею частію притчи Христовы, есть и еще отрывки, не входящіе въ содержаніе А, которые Лука принялъ въ отдѣльномъ изолированномъ видѣ и поставилъ рядомъ одинъ за другимъ, а Матѳей по большей части поставилъ ихъ въ своемъ Евангеліи такъ, что они явно лишены связи А.“—Это новое „наблюденіе“ очевидно открываетъ новую часть матеріи Λ, какъ самостоятельнаго источника. Сущность этого соображенія въ умозаключеніи излагается такъ: нѣкоторые отрывки Евангелій Матѳея и Луки нельзя отнести къ А,— они нарущаютъ связь этого источника; слѣдовательно, они

вставлены, принадлежатъ другому источнику—Λ, и пр. Вмѣстѣ съ этимъ ясно и непремѣнно предполагается, что А имѣлъ связь именно такую, которая не допускала никакихъ слѣдовъ подобныхъ вставокъ,—что всѣ отрывки рѣчей помѣщены были въ немъ со своими историческими введеніями,—поставлены были при тѣхъ обстоятельствахъ, къ которымъ исторически относились,—размѣщались въ хронологическомъ порядкѣ и т. п. Но такъ ли все это было въ А?—что такое самое А?—Прежде всего о немъ ничего точно не извѣстно,—нельзя вполнѣ точно опредѣлить его плана, вида и содержанія; такъ какъ матерія А, и даже не вполнѣ, расположена въ трехъ синоптикахъ разнообразно: писатель каждаго изъ нихъ измѣнялъ планъ, содержаніе и форму разсказовъ А, потому что приводилъ ихъ невполнѣ точно,—то сокращая, то добавляя ихъ, соотвѣтственно своимъ индивидуальнымъ особенностямъ. Вмѣстѣ съ этимъ нельзя точно опредѣлить характера А и строго разграничить его отъ Λ. Теорія дѣлаетъ это разграниченіе, но съ очевиднымъ и существеннымъ недостаткомъ.—„По словамъ Гольцмана, нѣкоторые небольшіе отрывки являются въ видѣ вставокъ и не стоятъ въ связи съ разсказами А...“ Но откуда слѣдуетъ, что они должны бы удовлетворять этому требованію?—откуда слѣдуетъ, что такъ не должно быть въ самомъ А?—или, почему можно думать, что они въ А находились въ такомъ же видѣ, какъ у Матѳея, т. е. не были измѣнены уже самими Евангелистами и лишены связи, какую они имѣли въ А?—Если думать, что эти отрывки не относятся къ А потому, что въ А они должны быть въ связи, такъ какъ у Матѳея они носятъ вставочный характеръ; то этимъ предполагается, что Матѳей уже не могъ видоизмѣнять А, напримѣръ, опустить нѣкоторые разсказы и чрезъ то въ своемъ Евангеліи нарушить связь. Но это несправедливо, какъ въ отношеніи къ Матѳею, который имѣлъ „свойство переработывать свои источники“, такъ и въ отношеніи къ Лукѣ, который также весь-

ма значительно видоизмѣнялъ А. Несомнѣнно, что предполагаемый А долженъ былъ имѣть нѣкоторое сравнительное несовершенство въ изложеніи, именно какъ первоисточникъ и какъ сборникъ матеріала въ видѣ отрывковъ. Иначе, если бы А былъ обработанъ такъ, что въ немъ не оставлено было и слѣда вставокъ; то что значили бы обработки (Modification) его у Матѳея, Марка и Луки и при томъ такія, при которыхъ явилась весьма замѣтная безсвязность?—Нѣтъ, если предположить А, въ смыслѣ теоріи Гольцмана, то оно не исключаетъ такой необработанно изложенной матеріи, какою она въ видѣ отрывковъ находится въ Евангеліи отъ Луки. Пусть въ Евангеліи отъ Луки она помѣщена нѣсколько иначе; дѣло не въ размѣщеніи: каждый писатель долженъ отличаться особымъ свойствомъ изложенія; но это не исключаетъ возможности инаго изложенія. Иной порядокъ изложенія той же матеріи могъ быть и въ А. Слѣдовательно, отрывки изреченій могли быть и въ А; этимъ исключается самостоятельность Л.

Положеніе, что данные отрывки рѣчей въ какомъ бы ни было источникѣ могли стоять безъ опредѣленнаго порядка, доказывается и самымъ отношеніемъ къ нимъ Евангелистовъ Матѳея и Луки, которое указываетъ Гольцманъ. Оно, по меньшей мѣрѣ, нисколько не препятствуетъ отнести эти отрывки къ А.—„Матѳей, по словамъ Гольцмана, большею частію лишилъ эти изреченія тѣхъ историческихъ „введеній“ или поводовъ, которые предпосылаетъ имъ Лука, чтобы не дѣлать тѣмъ особыхъ нарушеній связи разсказовъ, такъ что изреченія, принятыя Матѳеемъ изъ Л, даже сокращаютъ и уменьшаютъ число мѣстъ нарушенной связи А въ Евангеліи Луки“. Очевидно, по мысли Гольцмана, что къ изреченіямъ изложеннымъ въ Л, Матѳей и Лука относились свободно: одинъ оставлялъ историческіе „поводы“, другой опускалъ. Конечно, этого не слѣдовало бы имъ дѣлать, если бы отрывки стояли въ твердой связи въ самомъ источникѣ

ихъ. Если же они не стояли такъ твердо въ источникѣ Λ, сравнительно позднѣйшемъ; то могли также не стоять и въ А, источникѣ первоначальномъ. Но указанное отношеніе Евангелистовъ къ даннымъ отрывкамъ служитъ основаніемъ предполагать, что они существовали въ самомъ А въ нѣкоторой связи, по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ. Это оправдывается именно тѣмъ, что данные отрывки содержатся безъ связи только у Матѳея, а Лука даетъ имъ нѣкоторые историческіе „поводы" и чрезъ то излагаетъ ихъ въ нѣкоторой связи. Это въ свою очередь предполагаетъ, что Лука заимствовалъ ихъ изъ труда историческаго, имѣвшаго повѣствовательный характеръ. Поэтому можетъ быть вѣроятнѣе, что Лука заимствовалъ ихъ изъ предполагаемаго А, гдѣ они находились въ связи, на что указываютъ историческіе „поводы"; по крайней мѣрѣ они тамъ могли имѣть большую связь, нежели имѣютъ теперь у Матѳея. Если же теперь у Луки они не представляютъ строгой послѣдовательной связи, то это объясняется или самымъ понятіемъ первоисточника, откуда ихъ заимствовалъ Лука, или тѣмъ, что онъ многое опускалъ, вслѣдствіе чего также значительно нарушалась связь источника. Послѣднее можетъ быть вѣроятнѣе въ виду того, что Маркъ, по теоріи, вслѣдствіе только сокращенія сдѣлалъ изъ А отрывочный повѣствовательный трудъ; такъ что, судя по Евангелію Марка, нельзя и предполагать строгой послѣдовательной связи въ А. Если же имѣть въ виду отрывочность А въ разсказахъ, подобную отрывочности каноническаго Евангелія отъ Марка, то она не только не исключаетъ, но прямо допускаетъ возможность, что Лука заимствовалъ отрывки рѣчей съ ихъ историческими введеніями именно изъ А (Ur-marc'a), чѣмъ устраняется предположеніе особаго сборника изреченій—Λ.

За самостоятельность Λ еще менѣе говоритъ самый характеръ его, на который указываетъ теорія.—Въ какомъ видѣ была матерія А, если признать её отдѣльно

существовавшею и потомъ принятою Матѳеемъ и Лукой? —и можно ли признать, что матерія ими принятая есть одна и таже только въ разныхъ мѣстахъ, въ разное время и въ разномъ видѣ сгруппированная? Гольцманъ отвѣчаетъ на это рѣшительно и положительно. „При опредѣленіи содержанія втораго источника обыкновенно, говоритъ Гольцманъ, начинаютъ, какъ напримѣръ Тоблеръ, съ большихъ отрывковъ Евангелія Матѳея, которые одинъ за другимъ нарушаютъ связь А, таковы: Нагорная бесѣда, V—VII,—рѣчь при посланіи Апостоловъ на проповѣдь, X,—ученіе объ отношеніи Евангелія къ современникамъ Христа, гл. XI,—собраніе притчей, XIII,—ученіе относительно общественныхъ обязанностей, XVIII,— рѣчь противъ фарисеевъ, XXIII,— эсхатологическая рѣчь, XXIV—XXV. Какъ самъ Матѳей всегда сознательно дѣлаетъ такія вставки, это онъ показываетъ въ заключеніи извѣстной рѣчи при окончаніи вставки,—именно въ такой формулѣ: και εγενετο οτε ετελεσεν ο Ιησους τους λογους τουτους, которая встрѣчается только въ VII, 28. XI, 1. XIII, 53. XIX, 1 (?). XXVI, 1 (?). За тѣмъ, онъ, безъ всякаго другаго оборота рѣчи прямо слѣдуетъ опять порядку А, начиная тамъ, гдѣ его оставилъ, т. е. съ того пункта, на которомъ онъ остановился предъ вставкой“. Очевидно, здѣсь для новой цѣли употребляется прежнее средство. Чтобы опредѣлить самое содержаніе источника, для этого напередъ доказывается вставочный характеръ нѣкоторыхъ отрывковъ, которые по мысли Гольцмана должны составить содержаніе Λ.—Если отрывки: V—VII, X, XI, XIII, XVIII, XXIII, XXIV, XXV-й гл. оказываются вставленными; то слѣдуетъ, заключаетъ Гольцманъ, что они принадлежатъ Λ.—Нѣтъ; если они—вставлены, то еще только требуется доказать, откуда и какъ вставлены?— можетъ быть изъ А?... И въ самомъ дѣлѣ, если предположить, что данные отрывки находились въ А въ иномъ видѣ, нежели въ Евангеліи Матѳея, а потомъ только иначе изложены имъ въ содержаніи самаго этого А, съ

цѣлію привести ихъ въ группы въ видѣ цѣльныхъ рѣчей; то естественно, что они теперь кажутся у него вставками. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и по самой теоріи эти рѣчи, какъ Нагорная бесѣда и пр., составлены именно изъ краткихъ отрывокъ. „Каждая изъ этихъ группированныхъ рѣчей была образована такъ, что дѣйствительная, т. е. произнесенная самимъ Спасителемъ, рѣчь представляла только основной стволъ той, которая теперь находится у Матѳея. Такъ, въ Нагорную проповѣдь вставлены ряды изреченій Іисуса общаго нравоучительнаго содержанія. Въ рѣчи къ Апостоламъ находятся отрывки изъ другихъ завѣщаній Спасителя Апостоламъ. Такъ различныя сѣтованія на фарисеевъ сводятся въ большую цѣльную рѣчь (Angreifsrede) и пророчественные отрывки, сказанные при различныхъ обстоятельствахъ—въ большую эсхатологическую рѣчь.“ Если такъ настойчиво и открыто указывается составной и вставочный характеръ рѣчей Христовыхъ даже и у самого Матѳея; то какъ можно, послѣ этого, опредѣлить, откуда взяты составныя части этихъ рѣчей—изъ А или изъ Λ?— „Не изъ А“—остается думать только потому, что они представляются вставочными, а такими они представляются потому, что сгруппированны въ длинныя рѣчи, неудобно и, по видимому, безъ порядка размѣщены въ содержаніи А, изложенномъ у Матѳея. Но такъ какъ эти рѣчи въ своемъ первоначальномъ, отрывочномъ видѣ находятся у Луки, то и нельзя еще думать о томъ, что они вставлены у Матѳея; нѣтъ, они только составлены, сгруппированы у него; а это не препятствуетъ отнести ихъ къ содержанію А. Ясно, что если и опредѣляется матерія Λ по составному характеру длинныхъ рѣчей Христовыхъ: V—VII, X, XI, XIII, XVIII, XXIII, XXIV—XXV; то еще не слѣдуетъ, что матерія этихъ рѣчей вставлена и при томъ изъ другаго письменнаго источника Λ.

Но въ самомъ дѣлѣ, можно ли признать, что рѣчи у Матѳея: V—VII, X, XI, XIII, XVIII, XXIII, XXIV, XXV гл.

составлены изъ отрывковъ Λ и вставлены въ Евангеліе отъ Матѳея?—Доказательствомъ того, что они вставлены, служитъ то, что они составлены; а доказательствомъ того, что они составлены служитъ повтореніе въ томъ же Евангеліи нѣкоторыхъ составныхъ частей этихъ рѣчей. Такъ смотритъ на это Гольцманъ. Слѣдовательно, въ пользу своего мнѣнія о составѣ, напримѣръ, Нагорной бесѣды, онъ заключаетъ такъ: нѣкоторыя извѣстныя части этой рѣчи,—V—VII гл. и др. повторяются въ другихъ мѣстахъ того же Евангелія; слѣдовательно эта рѣчь,—V—VII и др. составлена изъ этихъ частей. Это заключеніе рѣшительно несправедливо, потому что нѣкоторыя части длинныхъ рѣчей Христовыхъ могли быть повторены самимъ Спасителемъ, по требованію обстоятельствъ проповѣднической дѣятельности его, напримѣръ—въ отвѣтъ на одинаковые вопросы, при одинаковыхъ обстоятельствахъ исцѣленій, и т. д. Именно Нагорная проповѣдь представляется Гольцманомъ какъ программа учительной дѣятельности Спасителя; а программы, при выполненіи ихъ по частямъ, постоянно должны повторяться, если всѣхъ слушателей не могло быть въ одно время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ,—если эти слушатели составляли цѣлый народъ, населяющій извѣстную территорію, каковы и были слушатели Іисуса Христа[342]). Если, наконецъ, признать неповторяемость изреченій Іисуса Христа, то при этомъ какъ объяснить составъ рѣчей, изложенныхъ въ V—VII, X, XI и пр. гл., если, какъ допускаетъ теорія, повторялись только нѣкоторыя „несущественныя" ихъ части?—Признать эти „несущественныя" ихъ части прибавками къ „дѣйствительнымъ" рѣчамъ?—но тогда нельзя доказать той мысли,

342) Гольцману пришлось бы зачеркнуть цѣлую главу своего труда—Die Doubletten,-§ 16-й, гдѣ онъ разсматриваетъ подобныя повторенія, если бы онъ призналъ, вопреки ясному свидѣтельству Евангелій и Ап. посланій, что Господь и Апостолы не повторяли нѣкоторыхъ своихъ изреченій.—

что требовалось къ дѣйствительнымъ рѣчамъ прибавлять то, что въ устахъ Самого Спасителя къ нимъ не относилось. —Ужели только для того, чтобы нѣкоторыя изреченія „не стояли отдѣльно"? —Нѣтъ, самъ же Гольцманъ говорить противъ такого предположенія. Онъ соглашается съ Гильгенфельдомъ въ томъ, что есть такія повторенныя изреченія Іисуса Христа (Doubletten): „мы, продолжаетъ Гольцманъ, и по сію пору не знаемъ еще о томъ, куда относятся сѣтованія на Виѳсаиду и на Хоразинъ, и т. п." Слѣдовательно, изреченія Господа могли стоять и стоять отдѣльно, не въ группахъ; а это противорѣчитъ предположенію о присоединеніи нѣкоторыхъ отрывковъ къ „дѣйствительнымъ" рѣчамъ, съ содержаніемъ коихъ они не имѣютъ органической связи, такъ какъ прежде не были въ устной рѣчи Господа произнесены вмѣстѣ съ тѣми. Если же не было нужды прибавлять нѣкоторыхъ отрывковъ къ „дѣйствительнымъ" рѣчамъ Спасителя, такъ что они могли стоять отдѣльно одинъ отъ другаго, если при томъ главное содержаніе „дѣйствительныхъ" рѣчей не имѣетъ для себя параллельныхъ отрывковъ; то остается признать, что эти рѣчи не составныя, что извѣстныя части ихъ не приставлены къ нимъ изъ другихъ источниковъ; слѣдовательно, рѣчи, изложенныя въ V—VII, X, XI, XIII, XVIII, XXIII, XXIV и XXV гл., не вставочныя, хотя для нѣкоторыхъ своихъ частей они имѣютъ параллельные отрывки—Die Doubletten.

За цѣлостность рѣчей, содержащихся въ Евангеліи отъ Матѳея, V—VII, X, XI гл. и пр., далѣе говоритъ самъ Гольцманъ: „такъ какъ второй источникъ—Λ содержитъ не столько изреченія, сколько рѣчи; то писателю перваго Евангелія, т. е. Матѳею, при этомъ приходилось матерію рѣчей этого втораго источника организовать совершеннѣе и представить въ своемъ трудѣ въ большей связи. И вотъ онъ извѣстныя части Собранія изреченій или уже извѣстныя рѣчи вставилъ въ содержаніе А на извѣстныхъ, соотвѣтственныхъ имъ, мѣстахъ, располагая

ихъ по соотвѣтственнымъ моментамъ жизни Іисуса". Если справедливо говоритъ Гольцманъ, то какъ тогда согласить съ его словами понятіе объ отрывочности изреченій, которыя однако размѣщены по соотвѣтственнымъ мѣстамъ?—Слѣдуетъ принять что нибудь одно, или—то, что Матѳей составлялъ рѣчи изъ разныхъ отрывочныхъ изреченій, сказанныхъ при особыхъ поводахъ, и потому эти отрывки въ его Евангеліи не пришлись на своихъ мѣстахъ и не находятся въ соотвѣтствіи съ извѣстными моментами жизни Іисуса Христа; или—то, что они размѣщены по своимъ мѣстамъ соотвѣтственно, какъ должно имъ быть, и при этомъ не предполагаютъ уже группировки. Во всякомъ случаѣ вѣроятнѣе, что Ев. Матѳей могъ заимствовать ихъ изъ Λ въ нѣкоторой связи, и при этомъ онъ могъ скорѣе и вѣрнѣе поставить отрывочныя изреченія на исторически соотвѣтствующія имъ мѣста, принимая связь и послѣдовательность Λ, гдѣ та и другая, по теоріи, были въ первоначальномъ и надлежащемъ ихъ видѣ.—Иначе, какъ Матѳей, заимствуя многія отрывочныя изреченія изъ Λ, гдѣ они не имѣли опредѣленной и твердой связи, могъ дать имъ видъ и связь обработанныхъ рѣчей и при томъ помѣстить ихъ на соотвѣтственныя имъ мѣста?—Это несогласно съ понятіемъ Гольцмана о содержаніи Λ. „Въ источникѣ Λ, говоритъ онъ, были сопоставлены въ группы отдѣльныя изреченія, но группировавшій ихъ не имѣлъ въ виду при этомъ указывать время, къ которому относилось извѣстное изреченіе или составныя части группъ; они были какъ фрагменты Ев. исторіи... Въ Λ не доставало спеціальной исторической связи; здѣсь только разнообразныя изреченія (λογια) безъ историческихъ къ нимъ поводовъ излагались въ связи. Такія изреченія были въ Евангеліи Матѳея и онъ группировалъ ихъ: отрывки изъ Λ онъ поставлялъ въ срединѣ своего повѣствованія, переставляя отчасти факты въ ущербъ исторической послѣдовательности". Если, такимъ образомъ, Λ не имѣлъ связи, а у

Матѳея находится сравнительно величайшая связь этихъ отрывковъ (хотя Гольцманъ объясняетъ ее группированіемъ); то скорѣе и вѣроятнѣе слѣдуетъ предположить независимость Матѳея отъ Λ и—цѣлостность рѣчей въ V—VII, X, XI и пр. гл.— Здѣсь весьма важно то, что Матѳей въ своемъ Евангеліи имѣетъ величайшую связь, а Λ ее не имѣетъ. Гольцманъ объясняетъ связь въ рѣчахъ, изложенныхъ у Матѳея, группированіемъ (какъ объяснялъ это и Эвальдъ); но ее можно объяснять, съ его точки зрѣнія, и заимствованіемъ этихъ рѣчей изъ Λ. Что въ рѣчахъ Матѳея находится величайшая связь, это положительно извѣстно; а что Матѳей самъ изложилъ дотолѣ безсвязную матерію Λ въ связи, это еще нисколько неизвѣстно,—именно потому, что еще неизвѣстно, откуда Матѳей заимствовалъ матерію своихъ рѣчей. Гольцманъ думаетъ, что—изъ Λ, но Λ существуетъ въ предположеніи настолько, насколько доказано, что рѣчи, изложенныя у Матѳея въ V—VII, X, XI и пр. гл., принадлежатъ этому Λ; а это доказано настолько, насколько вѣрно то, что Матѳей группировалъ свои рѣчи изъ отрывковъ Λ; а это справедливо въ той мѣрѣ, въ какой дознано, что рѣчи у Матѳея въ V—VII, X, XI и пр. гл. содержатъ одну и ту же матерію, которая находится въ Евангеліи отъ Луки, т. е. составлены изъ отрывочныхъ изреченій, находящихся въ этомъ видѣ у Луки. Но этого-то еще и не доказалъ Гольцманъ. Такъ доселѣ неизвѣстно, изъ одного ли источника Λ Матѳей и Лука заимствовали отрывки рѣчей, находящихся въ ихъ Евангеліяхъ. Остается справедливымъ только то, что у Матѳея находятся сравнительно большія рѣчи, кои по частямъ, но неглавнымъ, соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ изреченіямъ въ Евангеліи отъ Луки (die Doubletten), притомъ далеко не вполнѣ и несущественно. Отсюда слѣдуетъ, что рѣчи, находящіяся въ Евангеліи отъ Матѳея, нельзя признать комбинаціями отрывочнаго содержанія Λ.

—„Отрицать это заключеніе о группированіи рѣчей въ Евангеліи Матѳея тотъ имѣлъ бы полное право, кто постарался бы взять на себя трудъ доказать, что большія рѣчи Христа суть прямо оригиналы, и въ этой формѣ и въ томъ же объемѣ дѣйствительно были произнесены Господомъ. Это—невозможное предположеніе", восклицаетъ Гольцманъ. Но и утверждать такъ тотъ имѣлъ бы полное право, кто напередъ постарался бы доказать, что этого быть не могло, что рѣчи Матѳея составлены изъ отдѣльныхъ изреченій, что Іисусъ Христосъ не могъ произносить именно такихъ рѣчей. А это странное и невозможное предположеніе!—на это нѣтъ никакихъ основаній въ самыхъ этихъ рѣчахъ, а равно и въ теоріи Гольцмана, гдѣ, напротивъ, указывается большая связь въ нихъ. Ужели Спаситель только и долженъ былъ, только и могъ произносить одни отрывочныя изреченія?—Конечно, форма и объемъ рѣчей Христовыхъ у Матѳея не существенная сторона въ настоящемъ дѣлѣ, чтобы доказывать возможность той и другаго для устной бесѣды Спасителя, который былъ въ превосходномъ смыслѣ Учителемъ и Пророкомъ. Если и кажется Гольцману, что рѣчи въ V—VII, X, XI, XIII и пр. гл. у Матѳея не въ первоначальномъ объемѣ, не въ оригинальной формѣ, то неправильность его взгляда и недостаточность сдѣланной имъ характеристики изложенія этихъ рѣчей выражаются довольно полно и опредѣленно въ тѣхъ несправедливыхъ требованіяхъ, какія Гольцманъ предъявляетъ въ отношеніи устныхъ рѣчей Іисуса Христа, по воспоминанію изложенныхъ Ев. Матѳеемъ. Рѣчь Христову противъ фарисеевъ, изложенную въ XXIII-й гл. у Матѳея, Гольцманъ называетъ „филиппикой"! Послѣ этого, ему естественно придти къ мысли, что эта рѣчь не имѣетъ первоначальной формы, что въ Евангеліи она далека отъ совершенства по художественности изложенія,—по формѣ; здѣсь

она представляется ему составленною изъ отрывочныхъ изреченій,—какъ бы компилятивная композиція [343])...

Но о составномъ характерѣ рѣчей, изложенныхъ у Матѳея, Гольцманъ думаетъ подъ вліяніемъ своей исходной и предвзятой мысли о сродствѣ и компилятивномъ составѣ синоптическихъ Евангелій, въ частности—Евангелія отъ Матѳея. При сознаніи этой будто-бы компилятивной зависимости синоптиковъ, Гольцману и въ настоящемъ „случаѣ кажется, что краткія сентенціи", зерна изреченій „и отдѣльныя мысли (Gnomen) должны быть записаны много ранѣе, нежели длинныя рѣчи Христовы, письменное изложеніе которыхъ требовало многихъ соображеній... И что само по себѣ вѣроятнѣе, спрашиваетъ Гольцманъ,—то ли, что Лука великое зданіе, т. е. цѣльныя рѣчи Христовы, какъ въ Евангеліи Матѳея, произвольно разбилъ и развалины разсыпалъ на четыре стороны; или—то, что Матѳей выстроилъ тѣ стѣны, т. е. свои рѣчи, изъ груды камней, разсыпанныхъ у Луки?" Однако comparaison n'est pas raison. Вѣроятность того или другаго предположенія опредѣляется не сама собой, но предыдущимъ соображеніемъ Гольцмана, хотя въ недостаточной мѣрѣ.—Что вѣроятнѣе?—прежде всего—ни то, ни другое изъ указанныхъ предположеній Гольцмана; потому что еще неизвѣстно положительно, могло или не могло быть прежде изложеніе прямо длинныхъ рѣчей Господа, каковыя находятся въ Евангеліи Матѳея. Гольцману кажется, что прежде должны были явиться въ записяхъ краткія изреченія—„зерна изреченій"; но для него и это соображеніе очень неудобно. Если дѣйствительно запоминались и записывались отдѣльныя изреченія; то слѣду-

343) Замѣтимъ,—какое роскошное, неумѣренное и неудачное сравненіе съ риторической точки зрѣнія!—Да, Рѣчь Спасителя противъ фарисеевъ не носитъ на себѣ ни греческой риторической рамки, ни римской,—какъ рѣчи Демосѳена и Цицерона: она—вдохновенная импровизація и по вдохновенію воспроизведенная Ев. Матѳеемъ!—

етъ, что могло составляться и записываться содержаніе такихъ длинныхъ рѣчей, какъ у Матѳея въ V—VII, X, XI, XIII, XVIII, XXIII, XXIV—XXV гл., прямо въ видѣ группъ, потому что они, по настойчивому мнѣнію Гольцмана, и здѣсь составлены или сгруппированы (Composition und Gruppe) изъ тѣхъ же отрывочныхъ изреченій. Этотъ составъ ихъ у Матѳея нисколько не умаляетъ возможности первоначальнаго или сравнительно болѣе ранняго появленія ихъ именно въ видѣ группъ или группированныхъ изреченій, а не рѣчей въ собственномъ смыслѣ, какъ они изложены именно въ Евангеліи отъ Матѳея. Конечно, и предполагаемый первоначальный Сборникъ изреченій или источникъ Λ не представлялъ собою только аггрегата изреченій. Отдѣльныя изреченія, какія находятся у Луки, представляются отдѣльными и у Матѳея; только у Матѳея они сложены въ группы. Или, по сравненію Гольцмана, у Луки находятся „камни", но не въ порядкѣ; у Матѳея эти „камни" въ порядкѣ, но — не въ связи; а все же „камни", т. е. отдѣльныя изреченія, безъ органической связи. Теперь ясно представляется слѣдующая дилемма: или рѣчи Христовы у Матѳея суть группы изреченій, и поэтому могли быть записаны въ самое раннее время, какъ въ Λ; или они отличаются отъ содержанія Λ строгою связію и поэтому не группы уже, а цѣльныя рѣчи. Такъ или иначе, но слѣдуетъ принять за-вполнѣ справедливое, что рѣчи у Матѳея могли быть записаны независимо отъ Λ. Избрать среднее предположеніе, что рѣчи Матѳея имѣютъ не особенно строгую связь, такъ что они суть группы, хотя и не аггрегаты изреченій, нельзя; потому что это предположеніе стоитъ въ противорѣчіи съ признаніемъ Гольцмана, что связь рѣчей здѣсь величайшая [344]); а съ другой стороны потому, что это предположеніе непригодно Гольц-

---

344) Holtzmann,—S. 129.

ману для цѣли его доказательства. Если связь рѣчей у Матѳея такъ незначительна, что ихъ удобно можно признать за группы; то эта связь нетолько не препятствуетъ, а даже благопріятствуетъ тому предположенію, что этотъ видъ рѣчей и есть первоначальный: въ такой, не особенно строгой, связи только и можно первоначально сохранять въ памяти, и потомъ непосредственно по воспоминанію излагать такое содержаніе изреченій, которыя предполагаются афористическими. Связь въ предполагаемой мѣрѣ въ отношеніи къ отрывочнымъ изреченіямъ есть лучшее условіе ихъ запоминанія и воспоминанія, а также и предварительнаго изложенія; такъ какъ безъ всякой связи несравненно труднѣе помнить отрывочныя изреченія. Въ противномъ случаѣ слѣдуетъ предположить, что всякая рѣчь, относительно длинная, должна быть отнесена къ числу группированныхъ рѣчей, составныхъ; а это, по теоріи, невозможно, такъ какъ и въ составныхъ рѣчахъ „основные стволы“ или дѣйствительныя рѣчи Христа, составляющія главное содержаніе композицій, уже не составныя, а именно такъ записаны Евангелистомъ, какъ были произнесены Спасителемъ. Слѣдовательно, связь рѣчей у Матѳея, ничего не говоритъ противъ возможности ихъ первоначальнаго произнесенія и существованія въ такомъ видѣ. А потому нѣтъ нужды предполагать композицію рѣчей у Матѳея, и при ней особый источникъ матеріи для группированія, именно—Λ.

Поэтому тотъ „фактъ, что великое множество частей и отрывковъ рѣчей, которыя Матѳей изложилъ въ своемъ Евангеліи, встрѣчается въ Евангеліи Луки въ отрывочномъ видѣ, такъ что его поэтому можно сравнить съ безпорядочной матеріей въ отношеніи къ рѣчамъ у Матѳея...“,—этотъ фактъ, служащій исходнымъ пунктомъ всѣхъ предположеній Гольцмана о существованіи источника Λ, нельзя признать дѣйствительнымъ и научно обоснованнымъ. Справедливо то, что у Луки есть нѣкоторыя изреченія въ отрывочномъ видѣ, сходныя съ изреченіями у

Матѳея, но изложенными въ связи и составѣ цѣлыхъ рѣчей, и—только. Но что Матѳей составилъ свои рѣчи именно изъ такихъ отдѣльныхъ изреченій, взявъ ихъ, какъ и Лука, изъ особеннаго письменнаго источника Λ, это—не фактъ, а только недоказанное предположеніе, неимѣющее, поэтому, научнаго значенія.

Независимость изложенія рѣчей Христовыхъ у Матѳея отъ Λ еще болѣе доказывается тѣмъ, что они имѣютъ большую связь и въ параллельныхъ отрывкахъ отличаются по самому своему содержанію.—Главный пунктъ и, по теоріи, ясно доказывающій составъ, напримѣръ, Нагорной проповѣди, это—„Молитва Господня", которая, по мнѣнію Гольцмана, какъ и Эвальда, очевидно, вставлена въ Нагорную проповѣдь.—„Извѣстно, говоритъ онъ, что есть случаи, когда Лука указываетъ спеціальный поводъ къ произнесенію рѣчи, которую Матѳей излагаетъ въ связи большой проповѣди. Такъ, Молитва Господня у Матѳея включена въ Нагорную проповѣдь, а Лука мотивируетъ произнесеніе ея иначе въ гл. XI, 1 ст." Но откуда явилось у Луки это „введеніе"?—историческое ли оно?—„Если его далъ самъ Лука, то какъ онъ могъ дозволить себѣ такого рода поступокъ?"—спрашиваетъ себя даже самъ Гольцманъ и отвѣчаетъ на свой вопросъ такъ: „для отвѣта на это должно знать пріемъ (Manier) Луки въ подобныхъ случаяхъ". А онъ вотъ въ чемъ состоитъ: „гдѣ при изреченіяхъ Христовыхъ въ Λ находились надписанія, тамъ и Лука передавалъ ихъ всегда, хотя съ добавленіями; а гдѣ не было никакихъ, тамъ онъ часто самъ пріискивалъ таковыя, и излагалъ въ связи (прагматической). По этому-то правилу (Kanon!) онъ и при Молитвѣ Господней ставитъ „введеніе": гл. XI, 1 ст. Однако, слишкомъ далеко заходятъ тѣ, которые полагаютъ, что цѣлый 1-й стихъ есть только приписка Луки, и что Іисусъ неоднократно прежде, по собственной потребности къ молитвѣ, молился такъ въ кругу своихъ учениковъ, прежде, нежели эта Его молитва была высказана

Имъ по требованію одного изъ учениковъ. Конечно, ученикамъ много разъ приходилось слышать Господа молящагося; но чтобы они примѣтили именно эту краткую формулу молитвы, для этого требовалось особенное побужденіе, подобное требованію: „научи насъ молиться, какъ и Іоаннъ научилъ учениковъ своихъ". Это требованіе по своему характеру отличается отъ всѣхъ приписокъ, собственно Лукѣ принадлежащихъ, и взято изъ когда-то бывшихъ отрывковъ, введеній и надписаній". — Такъ для Гольцмана, не смотря на всѣ его чисто субъективныя предположенія, остается вѣроятнымъ, что Молитва Господня заимствована Матѳеемъ и Лукой изъ одного источника; при чемъ Матѳей взялъ ее безъ введенія, а Лука къ тому введенію, какое тамъ было, прибавилъ еще нѣчто отъ себя.—Нѣтъ, если Лука приводитъ Молитву Господню съ предисловіемъ, въ которомъ говорится, что Іисусъ Хистосъ молился „въ одномъ мѣстѣ", εν τινι τοπῳ...; то, очевидно, Евангелистъ разумѣетъ не ту, которая была сказана предъ множествомъ народа на горѣ блаженствъ. Если Молитва Господня была произнесена въ часъ молитвы εν τινι τοπῳ; то какое же право имѣлъ Ев. Матѳей помѣстить эту молитву именно въ Нагорной проповѣди и тѣмъ дать знать, что она произнесена именно на горѣ блаженствъ,—когда самъ составитель Собранія изреченій не зналъ, гдѣ именно она была сказана,—когда и Ев. Лука, желавшій достовѣрно опредѣлить и тщательно обработать свѣдѣнія о жизни Господа и Его ученіи, ограничивается въ настоящемъ случаѣ только словами εν τινι τοπῳ?... Почему Матѳей относитъ Молитву Господню ко времени бесѣды, а не ко времени молитвы?— Если же, судя по различному опредѣленію мѣста и времени, когда дана Молитва Господня, должно предположить, что Матѳей здѣсь не зависитъ отъ Луки; то слѣдуетъ признать, что Матѳей не зависитъ и отъ Λ; слѣдовательно, Молитва Господня заимствована Матѳеемъ и Лукой изъ разныхъ источниковъ; а отсюда слѣдуетъ то,

что Нагорная проповѣдь не составлена изъ отрывковъ Λ,—по крайней мѣрѣ это—такъ, если судить по одному изъ главныхъ пунктовъ ея содержанія—Молитвѣ Господней.—

Это тѣмъ вѣроятнѣе, что о независимости изложенія Молитвы Господней отъ источника Λ свидѣтельствуетъ не только различное у Матѳея и Луки опредѣленіе мѣста и времени ея произнесенія, но и самый текстъ молитвы. Фактъ, что текстъ Молитвы Господней у Матѳея и Луки невполнѣ тожественъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Евангелисты заимствовали эту молитву не изъ одного письменнаго источника. Если что-либо они дожны были заимствовать дословно-сходно и точно изъ одного письменнаго источника, то преимущественно молитву или заповѣдь, какія были даны Господомъ Спасителемъ; тѣмъ болѣе, что уже самое заимствованіе обыкновенно обнаруживаетъ въ предполагаемомъ компиляторѣ незнаніе точнаго изложенія заимствуемыхъ словъ. Текстъ Молитвы Господней долженъ бы оставаться неизмѣннымъ еще болѣе потому, что помѣщеніе ея въ Нагорной проповѣди не требовало никакого измѣненія ни въ формѣ, ни въ содержаніи оной, а напротивъ даже требовало тщательно точной, дословной передачи ея, потому что тотъ и другой Евангелистъ приводятъ ее, какъ образецъ молитвы. Между тѣмъ этого дословнаго сходства во всей молитвѣ нѣтъ, именно,—

у Матѳея:	у Луки:
„хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день; и прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ...“	„хлѣбъ нашъ насущный подавай намъ на каждый день; и прости намъ грѣхи наши, ибо и мы прощаемъ всякому должнику нашему...“ XI, 3—4 [345]).

345) И нельзя думать, что это произошло отъ «перестановки словъ или за-

Какъ возможно было такое различіе, если Матѳей имѣлъ предъ собою Молитву Господню, изложенную письменно въ томъ ея видѣ, въ какомъ она находится въ Евангеліи отъ Луки?—Для чего ему нужно было измѣнять точное изложеніе такой молитвы, которая дана и указана Самимъ Господомъ, какъ образецъ молитвы, и притомъ по желанію самихъ же учениковъ, для точнаго отличія ихъ молитвы отъ той, какая была въ устахъ учениковъ Іоанна Крестителя?—По мнѣнію Гольцмана, Молитва Господня была записана въ Λ ранѣе въ такой точности и совершенствѣ, при которыхъ она еще болѣе соотвѣтствуетъ характеру Нагорной проповѣди, гдѣ показывается преимущество и совершенство христіанскихъ добродѣтелей предъ іудейскими. Такому характеру бесѣды болѣе соотвѣтствуютъ слова молитвы, напримѣръ: „прощаемъ всякому должнику нашему“, какъ говорится у Луки, нежели вообще—„должникамъ нашимъ,“ какъ у Матѳея. Поэтому, если бы Матѳей заимствовалъ Молитву Господню изъ одного источника, откуда и Лука; то она должна быть у обоихъ дословно тожественна, такъ какъ цѣли Матѳея болѣе соотвѣтствовало то изложеніе молитвы, какое находится у Луки, по теоріи—тоже, что—въ Λ. Это даетъ основаніе предполагать съ большею вѣроятностію, что Лука записалъ Молитву Господню, сказанную не на горѣ блаженствъ, но въ иное время, въ другомъ мѣстѣ, при другихъ обстоятельствахъ и относительно точнѣе, нежели Матѳей; а потому нѣтъ основанія предполагать общій источникъ Λ для Матѳея и Луки; слѣдовательно, Матѳей въ изложеніи этой молитвы не зависитъ

мѣны буквъ», судя по греческому тексту: Мѳ. δος—Лук. διδου. Мѳ. σημερον—Лук. το καθ' ημεραν. Мѳ. οφειληματα—Лук. τας αμαρτιας. Мѳ. ως και ημεις αφειμεν τοις οφειλετοις ημων —Лук. και γαρ αυτοι αφιεμεν παντι οφειλοντι ημιν... См. по изданію *Тишендорфа:* Novum Testamentum graece.

отъ Л,—Нагорная проповѣдь не составлена изъ отрывковъ изреченій, сказанныхъ въ различное время; она только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ сходна съ нѣкоторыми изреченіями, сказанными Спасителемъ въ другой разъ, въ иное время.

Если же Молитва Господня не заимствована изъ источника Л, то слѣдуетъ, что она записана Евангелистами по преданію или воспоминанію. И это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ содержанію самой Молитвы Господней. —„Отче нашъ", какъ образецъ молитвы, предложенное Самимъ Господомъ по требованію Его учениковъ, конечно, очень твердо сохранялось въ ихъ памяти, по крайней мѣрѣ въ памяти собственно Апостоловъ и прямо тѣхъ изъ нихъ, которые желали не только сами помнить о Спасителѣ, но и другимъ завѣщали содержаніе своего воспоминанія о Немъ—Евангеліе, каковы были Матѳей и Лука. Ужели и для нихъ, и въ этомъ отношеніи требовался непремѣнно письменный источникъ Л?—Нѣтъ, если „Іоаннъ могъ научить молиться своихъ учениковъ", то—тѣмъ болѣе Мессія-Спаситель!...

Такъ, текстъ молитвы Господней далеко недоказываетъ, что Нагорная проповѣдь составлена изъ отрывочныхъ изреченій, сказанныхъ Іисусомъ Христомъ въ разное время, при извѣстныхъ различныхъ обстоятельствахъ; напротивъ, она ясно свидѣтельствуетъ о независимости Матѳея отъ Луки и обоихъ отъ одного общаго, основнаго письменнаго источника, по теоріи—самостоятельнаго Л,—въ изложеніи своихъ рѣчей.

Независимость изложенія Нагорной бесѣды отъ Л еще болѣе обнаруживается при сравненіи нѣкоторыхъ мѣстъ этой бесѣды съ параллельными отрывками ея у Луки. Эти сходные отрывки у Матѳея представляются вставочными столько же, сколько и Молитва Господня, и это ясно видно не только по контексту, но и по самому тексту ихъ. Въ сходныхъ отрывкахъ у Матѳея и Луки текстъ иногда до того разнится, что прямо это различіе

свидѣтельствуетъ о другомъ назначенiи извѣстнаго изреченiя у Луки, нежели какое предполагается параллельнымъ ему изреченiемъ у Матѳея. Такого измѣненiя, которымъ видоизмѣняется самый смыслъ изреченiя не могъ сдѣлать Матѳей только потому, будто бы, что онъ „произвольно желалъ представить въ связи тѣ отрывочныя изреченiя, которыя у Луки были въ видѣ необработанной матерiи (или, по Гольцману—въ Λ): этого не допустилъ бы никакой благоразумный ученикъ въ отношенiи къ достопамятнѣйшимъ словамъ своего учителя; тѣмъ болѣе не могъ подобнаго сдѣлать Апостолъ Iисуса Христа Сына Божiя, питавшiй къ Нему величайшую любовь еще до своего призванiя, каковымъ былъ Евангелистъ Матѳей [346]).

Гольцманъ, указывая сходство Матѳея и Луки въ параллельныхъ отрывкахъ, относящихся къ Нагорной проповѣди, почему-то игнорируетъ тотъ непререкаемый фактъ, что въ изложенiи многихъ отрывковъ, также отно-

346) Разности у Матѳея сравнительно съ Лукой въ изложенiи изреченiй есть и очень значительныя. Такъ, напримѣръ,—

У Матѳея:	*У Луки:*
«входите тѣсными вратами, потому что широкiя врата и пространенъ путь, ведущiе въ погибель и многiе идутъ ими... потому, что тѣсныя врата и узокъ путь, ведущiе въ жизнь и немногiе находятъ ихъ... Мѳ. VII, 13—14.	«подвизайтесь войти сквозь тѣсныя врата, ибо сказываю вамъ, многiе поищутъ войти и не возмогутъ... Когда хозяинъ дома встанетъ и затворитъ двери; тогда вы, стоя внѣ, станите стучать въ двери и говорить: Господи! Господи! отвори намъ! но Онъ скажетъ вамъ въ отвѣтъ: не знаю васъ, откуда вы... Лук. XIII, 24—25.—

Такого различiя въ этихъ изреченiяхъ и въ другихъ подобныхъ не могло, по самой крайней мѣрѣ, не должно было быть, если предположить, что Матѳей имѣлъ полную возможность записать подобныя изреченiя буквально сходно изъ одного письменнаго источника. Очевидно, Матѳей не зависитъ отъ источника Λ. Кто изъ двухъ Евангелистовъ—Матѳей или Лука дѣйствительно былъ въ зависимости отъ Λ, это рѣшительно неизвѣстно; былъ ли когда-либо самый этотъ Λ, тоже неизвѣстно; составнаго ли характера Нагорная бесѣда, также неизвѣстно. Все это нисколько не доказано.

сящихся къ Нагорной проповѣди, и Маркъ сходенъ съ Матѳеемъ. Такъ,—если, съ одной стороны, Мѳ. V, 1—12 стихи параллельны Лук. VI, 20—26 ст.; то, съ другой стороны, Мѳ. V, 31—22 стихи параллельны Мр. X, 11—12 ст. [347]). На шестьдесятъ параллельныхъ стиховъ Луки въ Евангеліи Марка находятся только девять, относящихся собственно къ Нагорной бесѣдѣ, изложенной у Матѳея. Это, по видимому, пропорція незначительная, но—судя только по количеству стиховъ, а не по самому сходству ихъ, которое въ данномъ отношеніи много важнѣе количества.—Нѣкоторые стихи изъ Евангелія Марка, параллельные стихамъ Нагорной проповѣди у Матѳея, даже буквально сходны съ этими стихами ея: это, конечно, служитъ основаніемъ признать, согласно съ теоріей, что и Маркъ пользовался источникомъ Λ. Но если такъ, то—источника Λ не было, потому что онъ предполагается въ теоріи только для двухъ Евангелистовъ Матѳея и Луки. Если предположить, что Маркъ не зависитъ отъ Λ только потому, что онъ сравнительно менѣе Луки имѣетъ такихъ стиховъ, параллельныхъ Нагорной проповѣди, то можно будетъ признать, что и Лука не зависитъ отъ Λ, потому что и онъ, сравнительно съ Матѳеемъ, менѣе заимствовалъ изреченій изъ источника Λ,—менѣе ему и параллеленъ, нежели Матѳей. Если же, на-оборотъ, признать,—несмотря на то или другое число параллельныхъ отрывковъ у извѣстнаго Евангелиста,—что они дѣйствительно заимствовали ихъ изъ одного общаго источника; то будетъ слѣдовать, что Нагорная проповѣдь, отрывки изъ которой находятся у всѣхъ трехъ Евангелистовъ, должна быть, по теоріи, отнесена къ источнику А, но не къ Λ; такъ какъ для отрывковъ, общихъ всѣмъ тремъ синоптикамъ, въ те-

---

347) Авторы синоптическихъ таблицъ Sevin, Bunsen и Tischendorf прямо, какъ и должно, указываютъ параллели Марка съ Матѳеемъ. См. ихъ Synopsis'ы.

оріи указанъ первый источникъ А; слѣдовательно, второй—Λ не нуженъ и за тѣмъ—не самостоятеленъ.—Несамостоятельность Λ въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе вѣроятна, что „Маркъ, по словамъ Гольцмана, имѣлъ подъ руками Нагорную бесѣду, но опустилъ ее...“ 348). А такъ какъ онъ опустилъ ее не совершенно всю,—нѣкоторые отрывки изъ нея оставилъ въ своемъ Евангеліи, подобно тому, какъ онъ поступилъ и съ разсказами, заимствованными изъ А; то слѣдуетъ, что и для него должно предполагать источникъ Λ. Слѣдовательно, этотъ Λ есть тоже, что А, потому что онъ источникъ общій для трехъ Евангелистовъ; иначе говоря—Λ не самостоятельное произведеніе.

Такимъ образомъ, если отрывки изреченій, изложенныхъ параллельно у Матѳея и Луки въ Нагорной проповѣди, не буквально тожественны; если нѣкоторымъ параллельнымъ отрывкамъ у Матѳея находятся соотвѣтственные и буквально сходные отрывки у Марка: то слѣдуетъ признать или то, что Λ не самостоятельное письменное произведеніе только въ отношеніи къ Евангеліямъ Матѳея и Луки, или—то, что оно не самостоятельно и по отношенію ко всѣмъ тремъ синоптикамъ, такъ какъ его отдѣльное существованіе исключается признаніемъ первоисточника А, общаго для трехъ Евангелій.

Независимость Евангелія Матѳея отъ Λ въ Нагорной проповѣди доказывается нетолько тѣмъ, что параллельные отрывки ея у Луки не одинаковы съ тѣми, которые находятся у Матѳея; но и главнымъ образомъ тѣмъ еще, что „изложеніе существенной части этой проповѣди, какъ и другихъ рѣчей Христовыхъ, принадлежитъ только Матѳею“, т. е. не имѣетъ себѣ параллели.—Такъ это сознаетъ и самъ Гольцманъ относительно именно Нагорной проповѣди, когда говоритъ: „первая и бо́льшая изъ

---

348) Holtzmann,—S. 75 u. a.

этихъ композицій—Нагорная проповѣдь не изъясняется предположеніемъ только А и Λ...“; поэтому онъ полагаетъ, что „были для подобныхъ композицій еще нѣкоторые, даже письменные, источники...“ Но, продолжаетъ Гольцманъ, остается неяснымъ, откуда у Матѳея получалась матерія, которая составляетъ существенное (!) содержаніе Нагорной проповѣди... Въ такихъ пунктахъ первое Евангелеліе есть вѣроятно оригиналъ [349]). Слѣдовательно, какъ въ главномъ и существенномъ содержаніи, такъ и въ остальныхъ частяхъ своихъ, Нагорная проповѣдь, изложенная у Матѳея, не относится къ источнику Λ; потому что она имѣетъ твердую связь въ цѣломъ; потому что параллельные отрывки ея у Луки съ ея же частями у Матѳея различны по изложенію; потому что есть параллельные отрывки, соотвѣтствующіе ей у Марка; потому что главное содержаніе ея не заимствовано Матѳеемъ ни изъ какого письменнаго источника и принадлежитъ собственно этому Евангелисту.

Независимость Евангелія Матѳея отъ Λ обнаруживается не только въ Нагорной проповѣди, но и въ другихъ рѣчахъ Христовыхъ, по теоріи, входящихъ въ составъ источника Λ,—въ томъ именно, что и въ нихъ есть отрывки, которымъ можно указать параллели въ Евангеліи отъ Марка. Такъ, въ рѣчи при посланіи Апостоловъ на проповѣдь, отрывки, общіе у Марка съ Матѳеемъ и Лукой, суть: VI, 6—7. V, 9. XIII, 9—13. IV, 22. VI, 12; общіе только съ Матѳеемъ: VI, 10—11. IX, 41. VI, 13.—Въ Рѣчи при посланіи 70-ти учениковъ отрывки, общіе у Марка съ Матѳеемъ и Лукой, суть: IV, 8—11 и д. Въ Рѣчи противъ фарисеевъ: XII, 38—39, 40 и пр. Этотъ фактъ требуетъ того же объясненія, какое предложено въ теоріи совершенно сходному съ нимъ факту согласія трехъ Евангелистовъ—синоптиковъ

---

349) Holtzmann,—S. 158. 161—162.

въ разсказахъ. Для сходныхъ отрывковъ указанныхъ рѣчей, по теоріи, должно предполагать одинъ общій источникъ; а если эти сходные отрывки находятся именно у трехъ Евангелистовъ; то для нихъ остается опять одинъ первый, общій всѣмъ тремъ, источникъ А, и потому второй—Λ не нуженъ и несамостоятеленъ.

Эта полная несамостоятельность Λ сознается, наконецъ, и самимъ Гольцманомъ, когда онъ спрашиваетъ себя, въ какомъ опредѣленномъ видѣ должно представлять себѣ источникъ Λ.—„Если мы, говоритъ Гольцманъ, обратимся теперь къ вопросу, какъ построить второй источникъ, т. е. Λ, насколько это возможно по даннымъ основоположеніямъ; то мы должны напередъ замѣтить, что здѣсь по существу дѣла въ высшей степени трудно достигнуть желаемаго результата, подобно тому, какъ это было и въ отношеніи перваго источника...“ Почему же?—„потому что Матѳей и Лука воспроизводятъ источникъ Λ только относительно вѣрно...“ Этого и довольно. Если нельзя точно опредѣлить каждый источникъ въ отдѣльности, то, конечно, невозможно разграничить ихъ одинъ отъ другаго, доказать ихъ самостоятельность или независимость одного отъ другаго.

Итакъ, получается слѣдующая рѣшительная дилемма: или должно признать зависимость Матѳея отъ Λ и самостоятельность этого втораго источника; или—независимость Матѳея отъ Λ, и самостоятельность Матѳея, Марка и Луки. Перваго положенія нельзя принять, потому что трудно и даже невозможно разграничить содержаніе Λ отъ А; чрезъ это приходится признать существованіе только одного А, основнаго для всѣхъ трехъ синоптиковъ, письменнаго источника. Это противорѣчитъ какъ самымъ основнымъ положеніямъ теоріи Гольцмана, такъ и всему направленію, котораго онъ держится въ своемъ изслѣдованіи. Но признаніе одного общаго и основнаго письменнаго источника А для всѣхъ трехъ синоптиковъ есть тоже, что признаніе теоріи П е р в о е в а н г е л і я,—

что неизбѣжно ведетъ ad absurdum, какъ показало историческое развитіе этой теоріи въ школѣ Эйхгорна.— Нельзя признать одного А, но нельзя признать при немъ и другаго Λ; а потому теорія, выставляя два источника А и Λ, изъ коихъ Λ не можетъ быть самостоятельнымъ, а другой—А—единственнымъ, неудовлетворяетъ своей цѣли — выяснить взаимныя отношенія синоптиковъ и, какъ такая, должна быть признана научно несостоятельною. Слѣдовательно, остается вѣрнымъ второе положеніе выше поставленной дилеммы, что Матѳей, Маркъ и Лука не имѣли для себя письменныхъ источниковъ А и Λ, или—только одного А.

Неудовлетворительность теоріи Гольцмана всего лучше подтверждается необходимымъ съ ея стороны предположеніемъ еще нѣкоторыхъ письменныхъ источниковъ кромѣ А и Λ.—„Послѣ того, какъ мы, говоритъ Гольцманъ, содержаніе, общее всѣмъ тремъ Синоптикамъ, отнесли къ А, а общее двумъ Матѳею и Лукѣ къ—Λ, остается еще рядъ отдѣловъ въ Евангеліяхъ Матѳея и Луки, кои принадлежатъ именно только тому или другому изъ нихъ и возбуждаютъ вопросъ, не было ли при А и Λ еще нѣкоторыхъ письменныхъ источниковъ?—Эту массу (!) невыводимой ни откуда и неотносимой ни къ какому изъ предположенныхъ источниковъ должно разсматривать какъ авторскій продуктъ обоихъ Евангелистовъ...“ [350]). Одна-

350) Этихъ отрывковъ, не относящихся, по теоріи, къ **А** и къ **Λ**, довольно много. *У Матѳея:* I—II. III, 14—15. IV, 14—16. V, (14) 16—17. 19—24. 27—28 (31). 33—38. VI, 1—8. 16—18. 34. VII, 6. 15. 21. VIII, 17. IX, 27—31. X, 5—6. 8. (6). 23. 25. XI, 28—30. XII, 5. 7. 17—21. 33. 36. 37. XIII, 24—30. 36—52. XIV, 28—32. XV, 12. 13. XVI, 17—19. XVII, 24—27. XVIII, 15—20. 23—35. XIX, 11. 12. XX, 1—16. XXI, 4—5. 14—16. 28—32. XXIII, 2. 3. 5. 8—12. 15—22. 24. XXIV и почти вся эсхатологическая рѣчь. XXVI, 1. 2. 52—54. XXVII, 3—10. 19. 24.. 51—54. 62—66. XXVIII, 2—4. 9. 10. 11—15. 16—20.—*у Луки:* I—II. III, 1. 2. 10—14. 23—38. IV, 16—30. V, 1—11. VII, 11—17. 36—50. VIII, 1—3. IX, 51—56. 61—62. X, 17—20. 25—37. 38—42. XI, 5—8. 27—28. XII, 13—21. 32—33. 35—38. 41. 47—48. 49—50. XIII, 1—5. 6—9. 10—17. 22. 31—33. XIV, 1—15. 16—24. 28—33. XV, 8—10. 11—32. XVI, 1—12. 14. 15. 19—31. XVII, 7—10. 11—19. 20. 23. 25. 28. 29. 32. XVIII, 1—8. 9—14. XX, 1—10. 11—27. 39—44. XXII, 24—30.—

ко, откуда, напримѣръ, у Матѳея явилась та матерія, которая составляетъ существенное содержаніе Нагорной проповѣди и отчасти Рѣчи противъ фарисеевъ?—„Въ этомъ случаѣ Евангеліе Матѳея есть собственно оригиналъ", отвѣчаетъ Гольцманъ. Такое мнѣніе возбуждаетъ прежде всего вопросъ, неужели только одинъ Ев. Матѳей зналъ и помнилъ существенное содержаніе Нагорной проповѣди, а все общество первыхъ учителей вѣры Христовой не знало этого, одного изъ самыхъ важныхъ пунктовъ ученія Спасителя?—Если же знали это и другіе—что рѣшительно несомнѣнно по примѣру даже самого Ап. Матѳея; то могло быть твердое воспоминаніе какъ того, что составляетъ самое существенное содержаніе Нагорной проповѣди, такъ и того, что менѣе существенно, т. е. изреченій, общихъ у Матѳея съ другими Евангелистами Маркомъ и Лукой. А отсюда слѣдуетъ, что или Матѳей не оригиналенъ въ изложеніи и тѣхъ отрывочныхъ изреченій, которыя находятся только въ его Евангеліи, или въ параллельныхъ отрывкахъ онъ могъ быть оригинальнымъ также, какъ и въ особенныхъ, ему только принадлежащихъ. Съ точки зрѣнія Гольцмана, слѣдуетъ принять первое положеніе, тѣмъ вѣрнѣе, что и въ собственно Матѳею принадлежащихъ отрывкахъ Гольцманъ усматриваетъ слѣды еще нѣкоторыхъ даже письменныхъ источниковъ. По его мнѣнію,—„опредѣленные слѣды очень небольшаго письменнаго источника можно указать, напримѣръ, въ обоихъ родословныхъ таблицахъ".—Но если для явно различныхъ, а по мнѣнію отрицательной критики—даже противорѣчащихъ, генеалогій, Гольцманъ позволяетъ себѣ предполагать письменный источникъ; то уже совершенно не остается основанія, почему можно было бы узнать, какой отрывокъ принадлежитъ собственно Матѳею и какой—Лукѣ. А если притомъ за нѣкоторыми особенно важными по своему содержанію отрывками, находящимися только у одного изъ Евангелистовъ, есть возможность и основаніе при-

знать, съ точки зрѣнія Гольцмана, компилятивный характеръ; то теорія, очевидно, лишается всякаго опредѣленнаго критерія, такъ какъ, по Гольцману, слѣдуетъ, что сходные и несходные отрывки Евангелій, записанные Синоптиками, непремѣнно компилятивны. Это и служитъ коренным противорѣчіемъ всей теоріи Гольцмана.

Сущность этой теоріи состоитъ въ томъ, что содержаніе Евангелій, сходно изложенное у трехъ Синоптиковъ, предполагаетъ одинъ, а сходное у двухъ изъ нихъ —другой письменный источникъ. Но это основное и существенное положеніе теоріи отрицается тѣмъ, что и несходные отрывки, по теоріи, также предполагаютъ письменный источникъ. Если, на-оборотъ, предположить, что несходные отрывки, составляющіе иногда главное содержаніе большихъ Ев. рѣчей, оригинальны; то сходные тѣмъ болѣе должны быть таковыми, если они даже не составляютъ главнаго содержанія рѣчей, относимыхъ къ письменнымъ источникамъ А и Λ.

—Общій результатъ предыдущаго разбора: нельзя признать научно вѣрнымъ какъ то положеніе Гольцмановой теоріи, что а) сходство синоптиковъ предполагаетъ общій для нихъ письменный источникъ; такъ и то, что б) содержаніе общее тремъ синоптикамъ должно отнести къ одному источнику—А, и общее двумъ изъ нихъ—къ другому—Λ. Слѣдовательно, синоптики вполнѣ самостоятельны.

XIV.

Въ подтвержденіе своихъ соображеній о существованіи письменныхъ источниковъ для первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій Гольцманъ обращается къ филологическимъ или вообще лингвистическимъ основаніямъ,— къ языку и слово-употребленію Синоптиковъ. Здѣсь, по его выраженію, находится полное оправданіе его мнѣнія и, какъ ему кажется, потому, что „можетъ быть весьма ясно выражено взаимное отношеніе трехъ Евангелистовъ къ ихъ источникамъ, если тщательно изслѣдовать стилистическія особенности ихъ Евангелій".

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что каждому писателю свойственны особенныя, его лично-характерныя выраженія, составляющія его стиль; и если такія выраженія напередъ будутъ извѣстны критику текста извѣстныхъ сочиненій, то, конечно, онъ можетъ указать тѣ или другіе отрывки, написанные слогомъ извѣстнаго уже ему автора въ сочиненіи другаго, также напередъ уже извѣстнаго по своему стилю. А если сочиненія, подлежащія критикѣ, принадлежатъ такому автору-компилятору, который то пополняетъ, то опускаетъ, то видоизмѣняетъ и замѣняетъ, то поясняетъ или иначе представляетъ разсказы и рѣчи,—предложенія и выраженія,—слова и ихъ формы

въ извѣстномъ компилируемомъ сочиненіи; то можно a priori справедливо сказать, что при этихъ условіяхъ нѣтъ возможности дать какой-либо опредѣленный, не-субъективный критерій, съ помощію котораго можно было бы одни обороты рѣчи отнести по принадлежности къ сочиненію одного автора или его источника, а другіе къ другому.

Впрочемъ, по замѣчанію Гольцмана—„основное положеніе, что стиль есть человѣкъ, должно быть правильно понято". Это—конечно; но въ томъ-то и состоитъ трудность,—какъ соблюсти эту желаемую правильность, если въ данномъ дѣлѣ—при опредѣленіи письменныхъ источниковъ синоптическихъ Евангелій—нѣтъ опредѣленнаго и точнаго критерія. Это—такъ и по сознанію самого Гольцмана: „различные источники и оригиналъ могутъ быть легко указаны и измѣрены лишь только тогда, когда критикъ вспомоществуется въ этомъ отношеніи надежной нормой и основаніями".—Да. Но какъ опредѣлить норму и дать основанія для того, чтобы въ достаточной мѣрѣ точно указать отношеніе между мнимо-извѣстной компиляціей и оригиналомъ источникомъ Евангелій?—на это нѣтъ и не можетъ быть удовлетворительнаго отвѣта въ теоріи Гольцмана, которая въ данномъ моментѣ своего развитія идетъ отъ указанія особенностей къ опредѣленію имъ соотвѣтствующихъ, хотя по нимъ же и опредѣляемыхъ, источниковъ Евангелій.

Что именно признать особенностію въ стилѣ и какого собственно источника?—вотъ существенно главный вопросъ въ настоящемъ дѣлѣ; но онъ необходимо остается безъ удовлетворительнаго отвѣта,—по ложному направленію и неправильному приложенію самаго метода изслѣдованія со стороны Гольцмана.—Сущность дѣла, съ точки зрѣнія Гольцмана, можетъ быть выражена такъ: нѣкоторые разсказы или рѣчи, заключающіе въ себѣ извѣстныя выраженія или слова, которыя составляютъ ихъ особенность, принадлежатъ собственно такому-то источ-

нику, напримѣръ—А. Это само собою возбуждаетъ вопросъ, почему же не другому—Λ?—На это необходимо должно и можно искать отвѣтъ только уже въ самомъ содержаніи данныхъ разсказовъ или рѣчей. Между тѣмъ само содержаніе ихъ относится, по теоріи, напримѣръ, къ А только потому въ данномъ случаѣ, что они заключаютъ въ себѣ такія фразы или слова. Такъ, по теоріи, приходится объ особенностяхъ стиля А или т. п. судить по содержанію отрывковъ извѣстнаго источника, а содержаніе этого источника опредѣляется по извѣстнымъ стилистическимъ особенностямъ или вообще лингвистическимъ даннымъ. Очевидно, должно принять за вѣроятное что-либо одно, или—то, что стилистическія особенности Евангелій, опредѣляемыя содержаніемъ ихъ отрывковъ, не имѣютъ самостоятельной силы доказательности, или—независимо отъ этого—никакой совершенно. Но для теоріи Гольцмана, которая доказательность стилистическихъ особенностей обусловливаетъ самымъ содержаніемъ ихъ включающихъ отрывковъ, независимое отъ того разсмотрѣніе этихъ особенностей, собственно говоря, и невозможно. Также и второй способъ разсматриванія для опредѣленія значенія ихъ, какъ аргументовъ, не достигаетъ цѣли именно потому, что тогда и всякая другая теорія можетъ найдти въ нихъ для себя столь же твердую опору. Иначе говоря, эти стилистическія особенности синоптиковъ не могутъ быть строго научнымъ средствомъ для оправданія какой-бы то ни было теоріи. Это положеніе не отрицается самымъ пониманіемъ и приложеніемъ понятія о стилистическихъ особенностяхъ въ теоріи Гольцмана, хотя онъ и заявляетъ, что „такое пониманіе и правильное приложеніе его, дѣлаютъ стилистическія особенности средствомъ, пригоднымъ для цѣли, —что этими особенностями опредѣляются извѣстные письменные источники и даже извѣстное число ихъ“ 351).

---

351) Нужно замѣтить, что Гольцманъ для своей цѣли пользуется трудами

По изслѣдованію Гольцмана, открывается, что а) въ основаніи всѣхъ трехъ синоптическихъ Евангелій лежитъ источникъ A, сверхъ того, для Евангелій Матѳея и Луки—еще источникъ Λ. Эти два источника представляютъ особую область языка.—б) Каждый Евангелистъ имѣетъ свой собственный стиль, который равномѣрно въ его Евангеліи проходитъ чрезъ всѣ разсказы и рѣчи. Та и другая часть Евангелія равномѣрно обработана. Относительно рѣчей Матѳей и Лука весьма значительно обнаруживаютъ свою самостоятельную авторскую дѣятельность,—они тотъ и другой источникъ комбинируютъ въ одномъ Евангеліи.—в) Синоптики переработывали свои источники при самостоятельномъ словоупотребленіи: никто изъ нихъ не передаетъ свою матерію словами A или Λ исключительно, т. е. каждый непремѣнно привноситъ свои слова и обороты рѣчи или оригинальный стиль. Не извѣстно, однако, что и чѣмъ здѣсь оправдывается: тео-

---

своихъ давнихъ и позднѣйшихъ предшественниковъ, каковы суть: Wetstein, Von-Willes, Iohan Daniel Schulze, David Schulz; большое значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи Саксонскій пасторъ Christophor Gotthelf G e r s d o r f, который «былъ увѣренъ, что такія *малости*, какъ слова, ихъ формы, обороты рѣчи и п., суть именно то, чрезъ что можно различить писателей Новозавѣтныхъ точнѣе, подлинное отъ неподлиннаго отдѣлить острѣе, не впасть въ ошибку по поводу схолій, интерполяцій и глоссемъ». Ему принадлежитъ: Beitrage zur Sprach—Charakteristik der Schriftsteller d. N. T., eine Sammlung meist neuer Bemerkungen. 1. 1816. Послѣ Gersdorf'a извѣстны: Köstlin, De-Wette, Credner, Zeller, Mayerhoff, Wilke, Hitzig und Weiss, наконецъ къ къ числу ихъ отчасти относится и самъ Holtzmann. Понятно само собою, что всѣ эти ученые въ такомъ дѣлѣ, какъ опредѣленіе слога извѣстнаго источника синоптиковъ, должны были разногласить другъ съ другомъ. И дѣйствительно, Гольцманъ говоритъ, что Gersdorf «принималъ за характерное то, что не было даже особеннымъ,—относилъ къ Матѳею и Лукѣ то, что скорѣе было характеристикой Марка или его источниковъ (!)...» Такъ «ошибался» Gersdorf, менѣе другихъ тенденціозный лексикологъ Н.—З. св. писанія; что же сказать объ авторахъ разбираемыхъ нами теорій ?—

рія-ли извѣстнымъ употребленіемъ стиля или употребленіе стиля разсматривается и опредѣляется соотвѣтственно теоріи. Такъ или иначе; но прежде всего самые тезисы Гольцмана, касающіеся стилистическихъ особенностей Евангелій, представляютъ взаимное противорѣчіе одинъ другому.

Въ самомъ дѣлѣ, если „каждый Евагнелистъ имѣетъ свой собственный стиль, проходящій въ его Евангеліи одинаково по всѣмъ разсказамъ, какъ и по всѣмъ рѣчамъ (тезисъ 2-й)“; то какъ можно отличить при этомъ еще источники каждаго Евангелія и дознать, что въ основаніе всѣхъ трехъ синотиковъ положенъ одинъ общій источникъ А (тезисъ 1-й)?—Понятно, такъ: слова и выраженія, которыя встрѣчаются только у одного Евангелиста, будутъ относиться къ числу особенностей его стиля, а сходныя у трехъ или двухъ—къ области языка извѣстнаго источника, напримѣръ А. Но если такъ, то съ этимъ трудно примирить тотъ тезисъ, что „Синоптики не были только копіистами, а переработывали свои источники при самостоятельномъ употребленіи языка (тезисъ 3-й)“?—Слѣдовательно, должно признать, что синоптики были и самостоятельны, и компилятивны въ отношеніи къ языку письменныхъ источниковъ. А это возбуждаетъ новый вопросъ, почему же нѣкоторыя слова Синоптики замѣняли другими, а нѣкоторыя и большинство ихъ оставляли?—На это въ теоріи нѣтъ и не можетъ быть удовлетворительнаго отвѣта. И это—такъ, именно потому, что предположеніе—сходные обороты рѣчи или слова указываютъ одинъ источникъ, а особенные у того или другаго Евангелиста—другой,—уничтожается тѣмъ соображеніемъ Гольцмана (тезисъ 3-й), что различныя формы выражаютъ собственно одно и тоже содержаніе (—одинъ источникъ?), только самостоятельно переработанное въ стилистическомъ отношеніи. Слѣдовательно, стиль еще не свидѣтельствуетъ о различіи письменныхъ источниковъ. Этотъ выводъ подтверждается еще тѣмъ соображеніемъ

Гольцмана (тезисъ 2-й), что Матөей и Лука при изложеніи рѣчей весьма много обнаруживаютъ свою авторскую самостоятельность, комбинируя оба главные источника А и Λ. Отсюда, если даже есть сходство въ извѣстныхъ отрывкахъ по стилю, то и оно не свидѣтельствуетъ объ одномъ и томъ же источникѣ; потому что оно можетъ быть объяснено переработкою двухъ источниковъ въ одномъ трудѣ и однимъ авторомъ—въ одномъ опредѣленномъ отдѣлѣ его труда. А потому, сходство (по тезису 2-му) не свидѣтельствуетъ о тожествѣ одного источника, такъ какъ оно можетъ быть слѣдствіемъ самостоятельной обработки и комбинаціи двухъ источниковъ; разнообразіе выраженій (по тезисамъ 2-му и 3-му) не свидѣтельствуетъ о двухъ различныхъ источникахъ, такъ какъ оно могло быть слѣдствіемъ также самостоятельной переработки одного и того же источника.—Итакъ, если (по тезису 1 му) представляется, что существовали два источника А и Λ съ особенной окраской языка; то они (по тезису 3-му) могли быть двумя редакціями одного и того же источника въ стилистическомъ отношеніи. Если (по тезису 2-му) каждый Евангелистъ имѣетъ свой собственный стиль; то (по тезису 1-му) нѣтъ основанія предполагать для него особой окраски языка, указывающей на другой основной для него источникъ. Если (по тезису 3-му) Синоптики не были только копіистами, а напротивъ, обработывали свои источники при самостоятельномъ словоупотребленіи; то ихъ обработка (по тезису 1-му) не представляетъ ничего вполнѣ и существенно самостоятельнаго или (по тезису 2-му) не даетъ возможности указать ихъ источники; такъ какъ они переработывали свои источники иногда А и Λ вмѣстѣ, иногда одинъ А или Λ, придавая имъ (по тезису 2-му) самостоятельный стиль и (по тезису 3-му) даже языкъ.—Такъ изъ самыхъ тезисовъ теоріи видно, что ея указаніе стилистическихъ особенностей въ текстѣ синоптиковъ, не имѣетъ значенія научной арг-

ментаціи въ пользу ихъ компилятивной зависимости отъ источиковъ А и Λ.

Сбивчивость и несостоятельность тезисовъ, касающихся стилистическихъ особенностей, обнаруживается въ самомъ приложеніи къ дѣлу того общаго сужденія, что„ стиль есть человѣкъ“.—Въ теоріи: „судя по сравненію языка и выраженій, синоптическія Евангелія въ главномъ дѣлѣ являются варіаціями одного и того же источника и уклоненія ихъ отъ него состоятъ въ перемѣнѣ а) синонимическихъ выраженій,—б) въ выборѣ названій лицъ,—в) въ положеніи, которое принимаетъ опредѣленное слово въ составѣ предложенія,—г) въ выраженіи предложенія,—д) въ приведеніи пояснительныхъ предложеній,—е) въ различномъ спряженіи однихъ и тѣхъ же словъ“. Этимъ, по теоріи, и доказывается, что „всѣ Синоптики, судя по ихъ языку и словоупотребленію, имѣли предъ собой опредѣленный текстъ, которому они то слѣдуютъ до-словно, то перемѣняютъ нѣкоторыя выраженія“. Слѣдовательно, какъ сходство, такъ и различіе въ языкѣ Синоптиковъ одинаково говорятъ въ пользу теоріи, предполагающей для нихъ письменный источникъ. На-оборотъ, что же требуется отъ писателей-синоптиковъ, чтобы они стали для критики Гольцмана самостоятельными въ стилистическомъ отношеніи?—ужели полнѣйшее различіе въ ихъ текстѣ и языкѣ?—Если это такъ, то слѣдуетъ предположить вмѣстѣ съ тѣмъ такое же различіе и въ самомъ содержаніи ихъ, выраженіемъ котораго служитъ синоптическій текстъ. Сходное содержаніе,—особенно если оно точно выражается или прямо изъ устъ въ уста передается и воспоминается,—неизбѣжно должно быть сходнымъ въ изложеніи и въ самомъ языкѣ у различныхъ посредствующихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. Самостоятельность не есть то, что называется совершеннѣйшею независимостію или полнѣйшимъ различіемъ одного автора отъ другаго въ содержаніи и изло-

женіи одного и того же предмета [352]). Разсказы и рѣчи, сходные по содержанію, однако достаточно различные по выраженію и языку, еще не предполагаютъ для себя непремѣнно общій письменный источникъ, объясняющій, по теоріи, это сходство. Тамъ, гдѣ теорія по сходству заключаетъ объ одномъ источникѣ, можно на-оборотъ думать, что оно зависѣло отъ одного автора; гдѣ различіе въ стилѣ, по теоріи, предполагаетъ особенности автора, тамъ, на-оборотъ, можно думать объ одномъ источникѣ, переработанномъ съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ въ стилистическомъ отношеніи и т. д.

Если это вѣрно вообще, то также оно вѣрно и въ частностяхъ.

а) Относительно „перемѣны синонимическихъ выраженій" должно сказать, что она при письменномъ источникѣ не имѣетъ цѣли. Гольцманъ указываетъ слѣдующіе примѣры въ этомъ отношеніи. Въ притчѣ о сѣятелѣ у Марка стоитъ слово σαταvας, у Матѳея вмѣсто этого—πovηρος, у Луки—διαβολος. Это, по мнѣнію Гольцмана, доказываетъ, что Синоптикамъ предлежалъ одинъ письменный источникъ, но они съ своей стороны перемѣнили названіе сѣявшаго плевелы синонимами σαταvας, πovηρος, διαβολος. По какому же поводу произошла эта перемѣна синонимовъ?—неизвѣстно и не можетъ быть извѣстно; такъ какъ отъ перемѣны этихъ синонимовъ смыслъ притчи не измѣняется; при томъ даже и неизвѣстно, какой именно изъ синонимовъ σαταvας, πovηρος, διαβολος принадлежитъ собственно первоисточнику: синонимъ σαταvας, принятый Маркомъ, встрѣчается и у другихъ, а синонимъ διαβολος, принятый Лукою, встрѣчается въ Евангеліи

---

352) Одни и тѣже разсказы или изреченія, ясно и опредѣленно переданные искренно интересующимся, а потому тщательно внимательнымъ, слушателямъ всегда находятъ себѣ приблизительно полное, одинаково точное, а потому и вообще сходное изложеніе и выраженіе при устной или письменной ихъ передачѣ. Это предполагаютъ, знаютъ и подтверждаютъ Психологія и Дидактика.

Матѳея,—нетолько въ данной притчѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. Эти синонимы употребляются какъ въ одномъ источникѣ, такъ и въ другомъ, и въ разныхъ [353]). Слѣдовательно, употребленіе разныхъ синонимовъ, какъ σατανας, πονηρος, διαβολος, не говоритъ ни объ особенномъ стилѣ синоптическихъ Евангелистовъ, ни о письменномъ источникѣ ихъ: въ данномъ случаѣ синоптики различны, но не стилистически; они употребляютъ различные синонимы, но не видно, чтобы они держались одного письменнаго источника,—различіе вообще указываетъ только на независимость...

Еще примѣръ того же рода: Ев. Маркъ въ той же притчѣ употребляетъ οι σπειρομενοι, Матѳей—ο σπαρεις, Лука—το πεσον. Дѣйствительно, у Марка въ одномъ и томъ же объясненіи притчи о сѣятелѣ употребляется слово σπειρομενοι трижды; у Матѳея слово σπαρεις—четыре раза; у Луки слово πεσον—однажды. Но что же отсюда слѣдуетъ?—никакъ не особенность стиля. Прежде всего опять неизвѣстно, какое изъ трехъ словъ σπειρομενοι, σπαρεις и πεσον было въ первоисточникѣ; неизвѣстно, почему одинъ Евангелистъ отступаетъ отъ другаго; у двухъ —Матѳея и Марка слова́ σπειρομενοι и σπαρεις одного корня и различаются только въ числахъ,—одно во множественномъ числѣ, другое въ единственномъ; а это нельзя признать особенностію стиля. Въ той же притчѣ и Ев. Матѳей нѣкоторыя слова употребляетъ во множест-

353) Слово σαταν(ας) встрѣчается: Мѳ. XVI, 23. Мр. VIII, 33. Мѳ. IV, 10. XII, 26. Мр. I, 13. III, 23. 26. IV, 15. Лук. IV. 8. X, 18, XI, 18. XIII 16, XXII, 3. 31.—Πονηρος: Мѳ. VI, 23. VII, 17. 18. Лук.: XI, 34. Мѳ. V. 37. 45. IX, 4. (3). XII, 34. 35. 39. 45. XIII, 49. XV, 19. XVI, 4. XVIII, 32 Мр.: VII, 23. Лук.: III, 19. VI, 35. 45. VII, 21. VIII, 2. XI. 26. 29. Мѳ. V, 39. VII, 11. XX, 15. Мр. VII, 22. Лук. XI, 13. Мѳ. VI, 14. Лук. XI, 4. Мѳ. XIII, 19. Мр. IV, 15. Лук. VIII, 12. Мѳ. XIII, 38. VI, 13. Лук. XI, 4. Мѳ. XXV, 26. Лук. XIX, 22. Мѳ. XXII, 10. Лук. VI, 22. Мѳ. V, 11.—Διαβολος: Мѳ. IV, 1. Мр. I, 13. 38. Мѳ. IV. 5. 8. XXV, 41. Лук. IV. 2. 3. VIII, 12.—по Lexicon'у Schleisner'a.

венномъ числѣ, напримѣръ: *α μεν επεσεν, αλλα*... какъ и Маркъ, на-оборотъ,—въ единственномъ: *ο μεν επεσεν, αλλο επεσεν*... Лука употребляетъ *το πεσον*—по корню отличающееся отъ тѣхъ словъ, принятыхъ Матѳеемъ и Маркомъ; но и это не стилистическая разность; потому что слово *το πεσον* соотвѣтствуетъ употребляющемуся въ притчѣ слову, одного съ нимъ корня—*επεσον*, а это слово въ формѣ *επεσεν* употребляютъ Матѳей и Маркъ, именно такъ: Матѳей—*α μεν επεσεν*; Маркъ—*ο μεν επεσεν*; Лука также—*ο μεν επεσεν*. А съ другой стороны слова у Марка *σπειρομενοι*, у Матѳея—*σπαρεις*, тоже не стилистическія особенности: какъ у того, такъ и у другаго Евангелиста этимъ словамъ, употребляющимся въ изъясненіи притчи соотвѣтствуютъ въ самой притчѣ слова одного съ ними корня, какъ *σπειραι* и под. Матѳей говоритъ: *εξηλθεν ο σπειρων του σπειραι*... Маркъ: *εξηλθεν ο σπειρων σπειραι*... А этому слову *σπειραι* и у Луки въ той же притчѣ есть нѣсколько словъ соотвѣтствующихъ по корню и сходныхъ по формѣ; онъ употребляетъ такой оборотъ: *εξηλθεν ο σπειρων του σπειραι... και εν τω σπειρειν*... Такъ Матѳей и Маркъ, держась глагола *σπειραι* употребляютъ потомъ *σπειρομενοι* и *σπαρεις*, а Лука, держась глагола *επεσεν*, употребляетъ *το πεσον*. Но у всѣхъ трехъ Синоптиковъ есть и *σπειραι*, и *επεσεν*. Если же такъ, то какое между ними стилистическое или лингвистическое различіе?—его нѣтъ; а потому еще непонятнѣе становится самое отступленіе Евангелистовъ отъ текста предполагаемаго письменнаго источника: перемѣна синонимическихъ выраженій *σπειρομενοι, σπαρεις* и *πεσον* не даетъ притчѣ ни большей ясности, ни точнѣйшей опредѣленности, и потому не представляетъ доказательсва, что при этомъ отношеніи синонимовъ синоптическія Евангелія суть видоизмѣненія одного и того же, именно письменнаго, источника.

б) Относительно „перемѣны въ выборѣ выраженій для названія лицъ" нужно замѣтить, что это различіе

Синоптиковъ не есть въ собственномъ смыслѣ варіація, которая предполагаетъ проведеніе извѣстнаго слова чрезъ весь варіируемый текстъ; этого здѣсь нѣтъ. Напримѣръ: „названіе Ἰησους Χριστος,—впослѣдствіи solenne Name, какъ выражается Гольцманъ,—правда, находится нѣсколько разъ въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, однако ни разу не встрѣчается у Луки въ Евангеліи, мало и у другихъ Синоптиковъ (Мѳ. I, 18—variant), если не имѣтьвъ виду надписи на крестѣ Христа, у Марка въ I, 1 и Матѳея: I, 1 ст., что открываетъ позднѣйшую точку зрѣнія разсказщика.—Первоисточникъ А и Синоптики обыкновенно говорятъ ὁ Ἰησους. Членъ ὁ отбрасывается, если слово Ἰησους точнѣе опредѣляется какимъ-либо другимъ словомъ (напр. Мр. I, 9. X, 46. XVI, 6). Отъ этого правила иногда уклоняется Матѳей, какъ въ гл. XXVI, 51 ст.,—что, напримѣръ, въ XXIX, 30 ст. изъясняется по крайней мѣрѣ опущеніемъ слова ο Ναζαρηνος, Мр. X, 47. Лук. XVIII, 37. Кромѣ ὁ Ἰησους первоисточника А употребляютъ еще иногда ὁ Χριστος, какъ имя должности, напримѣръ: Мр. VIII, 29. Мѳ. XVI, 16. Лук. IX, 20. Мр. XII, 35. Мѳ. XXII, 42. Лук. XX, 41. Это слово-употребленіе усвоилъ себѣ Матѳей (ср. I, 17. 18. II, 4. XI, 2); но онъ употребляетъ это слово въ составѣ съ другимъ: Ἰησους ο λεγομενος Χριστος (I, 16. 27. XXVII, 17. 22),—какъ съ другой стороны, Лука прибавляетъ названіе Κυριος; и это слово, которое у другихъ встрѣчается только въ рѣчахъ, онъ вводитъ въ историческій разсказъ (VII, 13. X, 1. XI, 39. XII, 42. XIII, 15. XVII, 5. 6. XVIII, 6. XXII, 31. 61)" [354]. Пусть все это—такъ; но все это нисколько не говоритъ въ пользу теоріи. Можно ли назвать Евангелія отъ Матѳея, Марка и Луки видоизмѣненіями А, если въ каждомъ изъ нихъ много разъ и разнообразно встрѣчаются слова Ἰησους и Χρι-

354) Holtzmann,—S. 276.

στος. Здѣсь весьма важно знать, какое собственно имя варіируется—Ιησους или Χριστος. Если—Χριστος, то зачѣмъ же употребляется слово Ιησους у всѣхъ трехъ Синоптиковъ и притомъ какъ въ А, такъ и въ Λ? Если—слово Ιησους, то какъ же оно является опять тоже у всѣхъ трехъ Евангелистовъ?—Нѣтъ, слова, какъ Ιησους и Χριστος не могутъ быть признаны варіантами, потому что то и другое суть имена равно важныя и кромѣ нихъ нѣтъ еще такого. И что за нужда была измѣнять преблаженное имя Ιησους Χριστος?—Въ Евангеліи встрѣчаются попеременно имена Ιησους и Χριστος; но это не варіанты источника А или Λ, а только точная передача словъ, сказанныхъ извѣстными Евангельскими лицами. Здѣсь именно нужно имѣть въ виду то, что теорія явно погрѣшаетъ противъ литературно-исторической правды, усвояя названія Ιησους и Χριστος, какъ стилистическую собственность, Матѳею, Марку и Лукѣ или ихъ источникамъ—А и Λ; она забываетъ, что эти имена передавались въ Евангеліяхъ приблизительно такъ, какъ они были первоначально произнесены извѣстными Евангельскими лицами. Сверхъ того иногда было нужно и прилично поставить именно то, а не другое названіе [355]).

---

355) Такъ, напримѣръ, бѣсноватый въ Капернаумѣ говорилъ: τι ημιν και σοι, Ιησουσε Ναζαρηνε,—Мр. I, 24. Лук. IV, 34. Сотникъ Капернаумскій называетъ Спасителя Κυριος, говоря: Κυριε, ουκ ειμι ιχανος ινα μου υπο την στεγην εισελθες... или: Κυριε, μη σκυλλου ου γαρ ιχανος ειμι ινα μου υπο την στεγην εισελθης... Матѳ. VIII, 8. Лук. VII, 6. Или: Βιβλος γενεσεος Ιησου Χριστου... Мѳ. I, 1 ст. Ιησου Χριστου η γενεσις... Мѳ. I, 18 ст. Χριστου Κυριου,—сказано было Симеону Богопріимцу—Лук. II, 26. Αρχη του ευαγγελιου Ιησου Χριστου... Мр. I, 1.—Такое и иное употребленіе Евангелистами названій Ιησους и Χριστος не доказываетъ ни стилистической особенности, ни зависимости отъ того или другаго источника. Имя Ιησους употребляется даже въ параллельныхъ мѣстахъ у всѣхъ трехъ Евангелистовъ, напримѣръ: ιδων ο Ιησους

Слѣдовательно, слова Ιησους и Χριστος никакъ не могутъ быть признаны стилистическими особенностями Синоптиковъ въ отношеніи ихъ къ предполагаемымъ источникамъ: они употребляются тѣмъ или другимъ, или третьимъ Евангелистомъ и всѣми тремя вмѣстѣ, смотря по обстоятельствамъ и потребностямъ ихъ авторской дѣятельности. А потому то и другое названіе—Ιησους и Χριστος нисколько не говорятъ о существованіи письменныхъ источниковъ съ особой областью языка.

в) Относительно „перемѣны въ положеніи, которое принимаетъ опредѣленное слово въ составѣ предположе-

---

την πιστην αυτων, ειπεν... Мѳ. IX, 2.— ιδων ο Ιησους πιστην αυτων, λεγει... Мр. парал. — καθηκαν αυτων (ανθρωπον, ος ην παραλελυμενος) συν τω κλινιδιῳ εις τω μεσον εμπροσθεν του Ιησου και ιδων την πιστην αυτων, ειπεν... Лук. V, 19—20. Оно встрѣчается только у двухъ, напримѣръ: λεγει αυτοις ο Ιησους... Мѳ. XIX, 8. —ο δε Ιησους ειπεν αυτοις... Мр. X, 5.—αποκρηθεις ο Ιησους ειπεν αυτοις... Мѳ. XI, 2—6.—προσκαλεσαμενος διω τινας των μαθητων ο Ιωαννης επεμφεν προς τον Ιησουν... και αποκρηθεις, ειπεν αυτοις... Лук. VII, 19 и 22. Оно встрѣчается только у одного Евангелиста, хотя и въ параллельныхъ отрывкахъ, напримѣръ: αποκρηθεις ο Ιησους ειπεν προς αυτον (Σιμονον)... Лук. VII, 40.—του δε Ιησου γεννηθεντος εν Βηθλεεμ... Мѳ. II, 1. Слово Χριστος употребляется всѣми тремя Синоптиками, напримѣръ: συ ει ο Χριστος υιος του Θεου... Мѳ. XVI, 13. 28.—συ ει ο Χριστος ο υιος του Θεου... Мр. VIII, 29.—τον Χριστον του Θεου... Лук. IX, 20. Это одинаковое употребленіе имени Χριστος въ параллельныхъ отрывкахъ ясно подверждаетъ ту мысль, что Евангелисты желали передать точно въ настоящемъ случаѣ въ высшей степени замѣчательныя слова «исповѣданія» Петра,—такъ сказать его символъ; оттого у нихъ и одинаковая постановка этого слова съ другими. Оно упоминается у одного Евангелиста, напримѣръ: Χριστος Κυριος... Лук. II, 11. — Χριστου Κιριου... Лук. II, 26.—αυτος ειη ο Χριστος... Лук. III, 15.—τον Χριστον αυτον ειναι... Лук. IV, 14.—τα εργα του Χριστου... Мѳ. XI, 2; ср. Лук. VII, 18—23.

нія", должно замѣтить, что эта особенность въ отношеніи къ другимъ подобнымъ несамостоятельна. Такъ, слѣдующая особенность—„перемѣна въ выраженіи предложенія" есть, конечно, одно и тоже съ этой предшествующей. Къ этимъ двумъ относится и послѣдующая, по счету шестая, особенность, состоящая въ „различномъ спряженіи словъ въ одномъ и томъ же предложеніи". Эти три особенности составляютъ собственно одну—„перемѣну въ выраженіи предложеній".—Но эта и только такая перемѣна всего менѣе можетъ быть причислена къ стилистическимъ особенностямъ. Если авторъ перемѣняетъ форму спряженія слова, мѣсто, которое оно занимаетъ въ предложеніи, иначе выражаетъ данное слово, но не въ опредѣленной и постоянной формѣ; то чрезъ это онъ еще не получаетъ своего опредѣленнаго, характеристическаго стиля (какъ —А, Λ и под.); потому что такая особенность необходимо должна быть и у всякаго другаго писателя, излагающаго тотъ же разсказъ со словъ очевидца, слѣдовательно она неособенность [356]).

---

356) Таковы именно: 1)—перемѣна положенія слова въ предложеніи: Лук. VIII, 12.—αιρει τον λογον соединено съ απο της καρδιας αυτων; между тѣмъ какъ Мр. IV, 15 (А)= Мѳ. XIII, 19 при τον λογον прибавляется τον εσπαρμενον εις αυτοις; далѣе въ эсхатологической рѣчи изъ εις μαρτυριον αυτοις Мр. XIII, 9 (А)=Мѳ. XXIV, 14 ст. составлено предложеніе: αποβησεται δε υμιν εις μαρτυριον... и οταν δε ιδητε το βδελυγμα της ερημωσεως (XXI, 13) Мр. XIII, 14 (А)=Мѳ. XIV, 15 является въ видѣ οταν δε ιδητε—γνωτε οτι ηγγικεν η ερημωσις (XXI, 20); и т. п.—2) Перемѣна въ выраженіи предложенія. Такъ: Мѳ. XXI, 26: εφοβουντο τον λαον передѣлано въ φοβουμεθα τον οχλον. А Лука вмѣсто этой фразы поставилъ ο λαος απος καταλιθασει ημας... Или Маркъ говоритъ: ο Πετρος ην συγκαθημενος μετα των υπηρετων... Мр. XIV, 54,—Матѳей: εκαθητο μετα των υπηρετων... XXVI, 58,—Лука: συγκαθησαντων εκαθητο ο Πετρος μεσος αυτων... XXII, 55.—3)—Перемѣна въ спряженіи или склоненіи словъ: Мр. VIII, 36: τι ωφελησει (вмѣсто τι ωφελειται); но болѣе—у другихъ. Ср. Лук. IX, 4:

Но въ чемъ же и выразится самостоятельность автора, передающаго одну и ту же мысль, одинъ и тотъ же разсказъ, слышанные отъ другихъ, какъ не въ особенностяхъ только такого рода,—въ измѣненіи и перестановкѣ словъ, въ передачѣ одной и той же мысли собственными словами,—въ парафразѣ готовыхъ предложенiй,—въ измѣненіи формъ словъ одного корня, и под. Но какъ понять несамостоятельность автора, прикрытую такимъ видоизмѣненіемъ текста источника, какъ перемѣщеніе словъ, перемѣна формъ глагола, легкій парафразъ предложеній и т. п.? Едва ли можно указать какую-либо цѣль для Евангелиста, которому было безцѣнно дорого каждое подлинное слово Господа—отступать настолько отъ основнаго и первоначальнаго источника А, Λ и под.—По крайней мѣрѣ, съ этой точки зрѣнія, въ теоріи нѣтъ отвѣта на вопросъ относительно цѣли и значенія самостоятельности Синоптиковъ въ стилѣ. А потому и нѣтъ основанія признавать такія отступленія ихъ въ словоупотребленіи за самостоятельныя особенности, указывающія, будто бы, на обработку текста готовыхъ источниковъ съ опредѣленнымъ собственнымъ стилемъ.—Эти особенности указываютъ скорѣе на независимость Синоптиковъ; потому что они очень незначительны. Самая эта ихъ незначительность есть значительное доказательство самостоятельности авторовъ, которымъ они принадлежатъ: такая зависимость была бы при этомъ нисколько не сокрыта отъ внимательнаго читателя синоптиковъ; ина-

---

και εκειθεν εξερχεσθε вмѣсто εως αν εξελθητε εκειθεν; XX, 24: τινος εχει εικονα—вмѣсто τινος η εικων αυτη; XXII, 34: ου φωνησει αλεκτρων εως απαρνηση вмѣсто πριν αλεκτορα φωνησαι απαρνηση. Мѳ. XII, 4: ους α ουκ εξον η—вмѣсто ους ουκ εξεστι; XIX: εκλοβωθησαν αι ημεραι можетъ быть вмѣсто ο κυριος εκολοβωσε τας ημερας.—

че—особенности были бы въ совершенно иномъ видѣ и несравненно большей мѣрѣ.

г) Многозначительнѣе въ этомъ отношеніи того же рода по счету пятая особенность—„введеніе пояснительныхъ прибавленій“ 357).

Но такого рода прибавки, какъ напримѣръ—τον πατερα Αλεξανδρȣ και Ρουφου и под., разсматриваемыя сами по себѣ, могутъ свидѣтельствовать только о томъ, что автору подобныхъ прибавокъ хорошо былъ извѣстенъ предметъ его повѣствованія, потому что онъ излагаетъ свой разсказъ въ данномъ отношеніи точнѣе, нежели другіе. Подобныя особенности въ стилѣ могутъ указывать скорѣе на независимость Синоптиковъ отъ какихъ либо письменныхъ источниковъ. Такія пополненія скорѣе противорѣчать тому заключенію теоріи, что Матѳей имѣетъ въ своемъ Евангеліи нѣкоторыя прибавки, слѣдовательно, онъ заимствовалъ извѣстный свой разсказъ изъ источника А. Нѣтъ; скорѣе можно думать на-оборотъ: Матѳей дѣлалъ нѣкоторыя прибавки къ источнику А, слѣдовательно онъ зналъ и излагалъ полнѣе, яснѣе и точнѣе извѣстное событіе или изреченіе, нежели то зналъ и излагалъ авторъ предполагаемаго источника А.

Всѣ подобныя стилистическія особенности еще имѣли бы нѣкоторое значеніе въ ряду доказательствъ теоріи, если бы они находились въ самомъ священномъ текстѣ

---

357) Такъ, напримѣръ, Мр. II, 25: οτε χρειαν εσχε... и XV, 21: τον πατερα Αλεξανδρου και Ρουφου... далѣе, Мѳ. XVI, 21: απελθειν εις Ιεροσολυμα... и XIX, 13: και προσευξηται... далѣе, Лук. VIII, 15: εν καρδια καλη και αγαθη... и XXI, 8: και ο καιρος ηγγικε. Послѣ того какъ у Марка въ XII, 27 ст. было сказано: ουκ εστιν Θεος νεκρων αλλα ζωντων... Матѳей въ XXII, 33 ст. приводитъ замѣчаніе, которое содержитъ описаніе впечатлѣнія этихъ словъ Спасителя, какое они произвели на народъ; а Лука приводитъ поясненіе въ XX, 38 ст.: παντες γαρ αυτῳ ζωσιν. Маркъ заканчиваетъ рѣчь словами: πολυ πλανασθε...

также изолированно и были только въ такомъ числѣ и только въ такомъ именно родѣ, какъ ихъ излагаетъ Гольцманъ. Но въ самомъ дѣлѣ это—не такъ. Всѣ такія и весьма многія иныя особенности синоптиковъ находятся у нихъ въ каждомъ разсказѣ, во всякой рѣчи. При этомъ становится очевидно и ясно, что Евангелисты, судя по всѣмъ особенностямъ ихъ писаній, совершенно независимы отъ текста предполагаемыхъ источниковъ А, Λ и под. Если, въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ отрывкѣ разсказа и рѣчи встрѣчаются всѣ особенности, какія указываетъ Гольцманъ; то по этимъ особенностямъ должно судить конечно такъ, что и Евангелисты, которымъ они принадлежатъ настолько же отличаются одинъ отъ другаго, насколько велики ихъ особенности. Однако,—въ какой именно мѣрѣ? остается-ли основаніе предполагать между ними и зависимость?—Нѣтъ; если въ каждомъ пораллельномъ отрывкѣ разсказа или рѣчи встрѣчаются: перемѣна въ спряженіи глагола, измѣненіе другихъ словесныхъ формъ, перемѣщеніе однихъ словъ на мѣсто другихъ, замѣна однихъ другими, опущеніе нѣкоторыхъ, прибавленіе нѣсколькихъ, перемѣна предложенія по формѣ, парафъ иногда всѣхъ предложеній отрывка, сокращеніе и пополненіе рѣчи, приведеніе частныхъ объясненій и мн. т. под., какъ это не совсѣмъ полно перечисляетъ и самъ Гольцманъ,—если все это встрѣчается въ каждомъ отрывкѣ; то нѣтъ никакого основанія отрицать, что Евангельскіе разсказы и рѣчи записаны съ устнаго преданія или по воспоминанію, и утверждать противное, что они записаны непремѣнно подъ руководствомъ письменнаго источника. А такіе примѣры, въ коихъ обнаруживаются всѣ указанныя (и многія неуказанныя) особенности, находятся въ такомъ количествѣ, въ какомъ содержатся въ Евангеліяхъ самые пораллельные отрывки, относимые Гольцманомъ къ тому или другому источнику.

Вотъ изъясненіе притчи о сѣятелѣ (Мѳ. XIII, 18—23. Мр. IV, 14—20. Лук. VIII, 11—15), которое,

по теоріи, представляется примѣромъ сходства и несомнѣнно относится къ источнику А. Оно дѣйствительно весьма сходно у Синоптиковъ въ самомъ содержаніи и стилѣ. Каково же именно это сходство даннаго отрывка?—подтверждаетъ ли оно мнѣніе Гольцмана о зависимости Синоптиковъ въ этомъ отрывкѣ отъ одного основнаго и общаго для нихъ источника А?—Всѣхъ словъ въ данномъ отрывкѣ по Евангелію отъ Матѳея числомъ 100,—включая сюда и многократныя повторенія однихъ и тѣхъ же словъ; по Евангелію отъ Марка въ томъ же отрывкѣ такихъ словъ 116-ть; у Луки—82. Очевидно уже по этому, что синоптики въ данномъ отрывкѣ не до-словно сходны, хотя этотъ отрывокъ изъ числа самыхъ сходныхъ. Это число словъ у одного изъ нихъ болѣе, у другаго менѣе, а у третьяго еще менѣе. Но какъ велико сходство и сколько именно сходныхъ, сколько различныхъ словъ?—Совершенно сходныхъ словъ у всѣхъ трехъ Синоптиковъ, не считая повтореній, только шестнадцать. Конечно, это число сравнительно не очень велико. Затѣмъ, число словъ сходныхъ, но не вполнѣ, а только образованныхъ отъ одного корня, или сходныхъ по значенію, но различныхъ по формѣ, только семь. Итакъ, у всѣхъ Синоптиковъ всѣхъ сходныхъ словъ только 16 и 7, или—23, и эти даже не совершенно сходны! Но это для Гольцмана служитъ основаніемъ признать, что Евангелисты-Синоптики компиляторы . . . Нѣтъ; только это число и даже невполнѣ сходныхъ словъ въ небольшомъ отрывкѣ несомнѣнно могло быть и при томъ условіи, если бы онъ былъ записанъ по воспоминанію того, что неоднократно слушалось и произносилось самимъ Евангелистомъ. Иначе придется прямо утверждать, что строго-внимательный ученикъ поистинѣ обожаемаго Учителя не могъ запомнить настолько сходно съ другими, одинаково съ нимъ внимательными, слушателями, того изъясненія притчи, каторое было предложено ихъ вниманію и завѣщано имъ, какъ важный предметъ ихъ памятованія (Мѳ. XIII) и притомъ—по ихъ требованію (Мѳ.

XII, 36). На-оборотъ, обыкновенный дидактическій опытъ весьма легко можетъ подтвердить возможность этого, и—прямо въ отношеніи къ изъясненію той же самой притчи Спасителя.—Если возможность этого вѣроятна только въ виду самаго числа сходныхъ словъ; то она становится еще вѣроятнѣе при разсмотрѣніи самаго сходства этихъ словъ и причинъ повторенія нѣкоторыхъ изъ нихъ у всѣхъ Синоптиковъ, по чему они не замѣняются другими словами.

Совершенно сходныя слова суть: και, ακουω, λογος, ερχομαι, εν, αυτος, ειμι, παρα, οδος, επι, μετα, χαρας, ουκ, ριζαν, ακανθας, πλουτου, и—только. Если принять во вниманіе, что здѣсь между шестнадцатью совершенно сходными словами заключаются четыре предлога: εν, παρα, επι и μετα, одинъ союзъ και и одно нарѣчіе ουκ,—шесть такъ-называемыхъ служебныхъ частицъ рѣчи; то сходство между синоптиками въ данномъ отрывкѣ остается только въ десяти словахъ вполнѣ одинаковыхъ. Впрочемъ, эти служебныя частицы еще не слѣдуетъ принимать въ строгое вниманіе при разсужденіи о сходствѣ и различіи даннаго отрывка, именно потому, что они сами всегда находятся въ зависимости отъ другихъ словъ и оборотовъ рѣчи, не составляя чего-либо самостоятельнаго. Союзъ και встрѣчается въ данномъ отрывкѣ у всѣхъ трехъ Синоптиковъ; но онъ же встрѣчается здѣсь и у каждаго изъ нихъ по нѣскольку разъ: у Матѳея—7, у Марка—15, у Луки—8 разъ,—такъ часто, въ разнообразныхъ комбинаціяхъ съ различными словами.—Предлогъ εν встрѣчается у всѣхъ трехъ Евангелистовъ, но только Матѳей употребляетъ его однажды, а Маркъ и Лука—по четыре раза, и—также въ разныхъ сочетаніяхъ съ разными словами.—Предлоги παρα, επι, μετα употребляются у всѣхъ трехъ Синоптиковъ въ одинаковомъ соединеніи,—παρα την οδον—Мѳ. ст. 19; Мр. ст. 15; Лук. ст. 12-й; επι τα πετρωδη—Мѳ. ст. 20; Мр. ст. 16-й; επι την πετραν—Лук. ст. 13-й; μετα χαρας—Мѳ. ст. 20; Мр. ст. 16; Лук. ст. 13-й,—хотя, очевидно, употребляются не съ совершенно оди-

наковыми словами. Притомъ, предлогъ επι у Матѳея употребляется дважды, у Марка—трижды, у Луки—однажды. Сходство въ настоящемъ случаѣ происходитъ отъ того, что предлоги παρα и μετα суть составныя части однихъ и тѣхъ же выраженій, которыя усвоены Синоптиками одинаково, какъ тому и должно быть, именно—παρα την οδον... επι τα πετρωδη... μετα χαρας... А также сходство въ выраженіяхъ обусловлено и самою важностію ихъ или точнѣе—самыхъ понятій, входящихъ въ составъ выраженій,—въ логическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ такія понятія, какъ αχουω, λογος, ερχομαι, αυτος, οδος, χαρας, αχανθα и πετρα, суть одни изъ самыхъ главныхъ понятій какъ данной притчи, такъ и ея значенія; а потому вполнѣ естественно то, что они повторяются у каждаго Евангелиста. Это было даже необходимо, иначе—измѣнился бы весь смыслъ самой притчи и ея значенія. Притча говоритъ о сѣмени, которое есть собственно слово; за тѣмъ, въ изъясненіи указывается значеніе этого сѣмени въ отношеніи его къ почвѣ,—каменистой, покрытой терніемъ и доброй землѣ, т. е. къ сердцу человѣческому съ различными его свойствами. Какъ же можно, разсказывая притчу или передавая ея значеніе, не упоминать такихъ понятій, какъ λογος и при немъ αχουω,—αχανθα и при немъ εις, и т. п.?—Дѣло простое и естественное, тѣмъ болѣе, что такихъ словъ употребляется весьма немного, только семь: это—естественно, но не такъ необходимо, какъ представляетъ себѣ Гольцманъ. Здѣсь есть одни и тѣ же слова, но они встрѣчаются у Синоптиковъ не въ одинаковыхъ сочетаніяхъ и формахъ.

Изъ общаго числа сходныхъ словъ имѣются девять такихъ, которыя различны по формѣ [358]. Относитель-

---

358) А именно: Мѳ.—*αχουσατε*, Мр.—*αχουσωσιν*, Лук.—*αχουσαντες*. Мѳ.—*παραβολης*, Мр.—*παραβολας* (и *παραβολην*), Лук.—*παραβολη*. Мѳ.—*σπειραντος*, Мр.—*σπει-*

но этихъ, хотя и не вполнѣ сходныхъ, словъ, должно замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ употребляются неоднократно. Такъ, παραβολη у Марка является въ двухъ формахъ παραβολην (какъ и у Матөея) и παραβολας (а у Луки—παραβολη), чѣмъ прямо указывается на довольно значительную перемѣну выраженій текста даннаго отрывка. Потомъ—σπειραντος, εσπαρμενον и четыре раза σπαρεις. Этому у Марка соотвѣтствуютъ σπειρων, σπειρει, σπειρεται, εσπαρμενον, σπειρομενοι (дважды) и σπαρεντες. У Луки всему этому соотвѣтствуетъ только—σπορος. Здѣсь опять и по количеству словъ, и, при этомъ количествѣ, по различію ихъ формъ, видно, что одинъ Евангелистъ далекъ отъ другаго въ стилистическомъ отношеніи. Такъ, изъ шестикратно употребленнаго у Матөея слова σπειρω въ различныхъ его формахъ, у Марка есть только одна сходная форма его, встрѣчающаяся у Матөея, именно—εσπαρμενον, тогда какъ Маркъ употребляетъ слово σπειρω въ другихъ различныхъ формахъ семь разъ. Лука употребляетъ это слово однажды и при томъ въ такой формѣ, какой нѣтъ у другихъ—σπορος. Или: еще—Матөей дважды употребляетъ слово αυτος въ формахъ αυτου и αυτον; Маркъ—трижды въ формѣ αυτον и дважды въ формѣ αυτοις; Лука—дважды въ формахь αυτη и αυτων. Опять очевидно, что Матөей и Маркъ сходны только въ одной формѣ слова αυτος, именно—αυτον, а Лука въ обоихъ случаяхъ имѣетъ особенную форму, употребляемую различно съ Матөеемъ и Маркомъ. Потомъ, Матөей четыре раза употребляетъ слово ειμι въ формѣ εστιν;

ρων, Лук.—σπορος. Мө.—αυτου, Мр.—αυτοις, Лук.—αυτη. Мө.—ουτος, Мр.—ουτοι, Лук.—ουτοι. Мө.—πετρωδη, Мр.—πετρωδη, Лук.—πετραν. Мө.—εχει, Мр.—εχουσι, Лук.—εχουσιν. Мө.— μεριμνα, Мр.—μεριμναι, Лук.—μεριμνων. Мө.—συμπνιγει, Мр.—συμπνιγει, Лук.—συμπνιγονται. Мө.—καρποφορει, Мр.—καρποφορουσιν, Лук.—καρποφορουσιν.

Маркъ—шесть разъ въ формѣ εισιν; Лука употребляетъ тоже въ формѣ εισιν, но только дважды. Далѣе,—Матѳей четыре раза употребляетъ слово ουτος и только въ этой его формѣ; Маркъ—трижды, но только въ формѣ ουτοι; также—и Лука. Одно даже изъ главныхъ понятій самой притчи и ея значенія, именно πετρα, Матѳей употребляетъ однажды и въ формѣ имени прилагательнаго πετρωδη; Маркъ—тоже; но Лука—въ формѣ имени существительнаго πετραν. Другое понятіе и опять изъ числа самыхъ главныхъ—μεριμνα у Матѳея употребляется однажды и прямо въ формѣ μεριμνα, у Марка—μεριμναι, у Луки—μεριμνων. Даже отсюда очевидно, что и въ одинаковыхъ словахъ, какія неизбѣжно приходится передавать каждому Евангелисту въ силу строго вѣрнаго изложенія притчи и особенно ея значенія, есть различіе, объясняемое только тѣмъ, что Евангелисты не имѣли подъ руками данныхъ и опредѣленныхъ формъ выраженій и словъ, которыя по корнямъ своимъ были одинаковы,—не имѣли текста готоваго источника A или под. Оттого именно одинъ Евангелистъ говоритъ: σπειρων, другой—σπειρομενοι, третій—σπαρεις; одинъ—αυτου, другой—αυτοις, третій—αυτη; одинъ—μεριμνα, другой—μεριμναι, третій—μεριμνων. Или: Матѳей и Маркъ—παραβολην, Лука—παραβολη; Матѳей и Маркъ—πετρωδη, Лука—πετραν; Матѳей и Маркъ—συμπνιγει, Лука—συμπνιγονται; Матѳей и Маркъ—καρποφορουσιν, Лука—καρποφορει; Маркъ и Лука—εχουσι(ν), Матѳей—εχει; Маркъ и Лука—εισιν, Матѳей—εστιν; Маркъ и Лука—ουτοι, Матѳей—ουτος, и т. п.—Только тѣмъ предположеніемъ, что данный отрывокъ записанъ Синоптиками по воспоминанію, а не списанъ съ готоваго письменнаго источника, объясняется то, что одинъ Евангелистъ нетолько отступаетъ отъ другаго въ формѣ слова, но и въ выборѣ его. Только при этомъ понятно и то, что одно и то же слово однимъ или двумя Евангелистами употребляется, а третьимъ нѣтъ. Отсюда, въ данномъ отрывкѣ должно различать слова, принадле-

но этихъ, хотя и не вполнѣ сходныхъ, словъ, должно замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ употребляются неоднократно. Такъ, παραβολη у Марка является въ двухъ формахъ παραβολην (какъ и у Матѳея) и παραβολας (а у Луки—παραβολη), чѣмъ прямо указывается на довольно значительную перемѣну выраженій текста даннаго отрывка. Потомъ—σπειραντος, εσπαρμενον и четыре раза σπαρεις. Этому у Марка соотвѣтствуютъ σπειρων, σπειρει, σπειρεται, εσπαρμενον, σπειρομενοι (дважды) и σπαρεντες. У Луки всему этому соотвѣтствуетъ только—σπορος. Здѣсь опять и по количеству словъ, и, при этомъ количествѣ, по различію ихъ формъ, видно, что одинъ Евангелистъ далекъ отъ другаго въ стилистическомъ отношеніи. Такъ, изъ шестикратно употребленнаго у Матѳея слова σπειρω въ различныхъ его формахъ, у Марка есть только одна сходная форма его, встрѣчающаяся у Матѳея, именно—εσπαρμενον, тогда какъ Маркъ употребляетъ слово σπειρω въ другихъ различныхъ формахъ семь разъ. Лука употребляетъ это слово однажды и при томъ въ такой формѣ, какой нѣтъ у другихъ—σπορος. Или: еще—Матѳей дважды употребляетъ слово αυτος въ формахъ αυτου и αυτον; Маркъ—трижды въ формѣ αυτον и дважды въ формѣ αυτοις; Лука—дважды въ формахъ αυτη и αυτων. Опять очевидно, что Матѳей и Маркъ сходны только въ одной формѣ слова αυτος, именно—αυτον, а Лука въ обоихъ случаяхъ имѣетъ особенную форму, употребляемую различно съ Матѳеемъ и Маркомъ. Потомъ, Матѳей четыре раза употребляетъ слово ειμι въ формѣ εστιν;

ρων, Лук.—σπορος. Мѳ.—αυτου, Мр.—αυτοις, Лук.—αυτη. Мѳ.—ουτος, Мр.—ουτοι, Лук.—ουτοι. Мѳ.—πετρωδη, Мр.—πετρωδη, Лук.—πετραν. Мѳ.—εχει, Мр.—εχουσι, Лук.—εχουσιν. Мѳ.— μεριμνα, Мр.—μεριμναι, Лук.—μεριμνων. Мѳ.—συμπνιγει, Мр.—συμπνιγει, Лук.—συμπνιγονται. Мѳ.—καρποφορει, Мр.—καρποφορουσιν, Лук.—καρποφορουσιν.

Маркъ—шесть разъ въ формѣ εισιν; Лука употребляетъ тоже въ формѣ εισιν, но только дважды. Далѣе,—Матѳей четыре раза употребляетъ слово ουτος и только въ этой его формѣ; Маркъ—трижды, но только въ формѣ ουτοι; также—и Лука. Одно даже изъ главныхъ понятій самой притчи и ея значенія, именно πετρα,- Матѳей употребляетъ однажды и въ формѣ имени прилагательнаго πετρωδη; Маркъ—тоже; но Лука—въ формѣ имени существительнаго πετραν. Другое понятіе и опять изъ числа самыхъ главныхъ—μεριμνα у Матѳея употребляется однажды и прямо въ формѣ μεριμνα, у Марка—μεριμναι, у Луки—μεριμνων. Даже отсюда очевидно, что и въ одинаковыхъ словахъ, какія неизбѣжно приходится передавать каждому Евангелисту въ силу строго вѣрнаго изложенія притчи и особенно ея значенія, есть различіе, объясняемое только тѣмъ, что Евангелисты не имѣли подъ руками данныхъ и опредѣленныхъ формъ выраженій и словъ, которыя по корнямъ своимъ были одинаковы,—не имѣли текста готоваго источника А или под. Оттого именно одинъ Евангелистъ говоритъ: σπειρων, другой—σπειρομενοι, третій—σπαρεις; одинъ—αυτου, другой—αυτοις, третій—αυτη; одинъ—μεριμνα, другой—μεριμναι, третій—μεριμνων. Или: Матѳей и Маркъ—παραβολην, Лука—παραβολη; Матѳей и Маркъ—πετρωδη, Лука—πετραν; Матѳей и Маркъ—συμπνιγει, Лука—συμπνιγονται; Матѳей и Маркъ—καρποφορουσιν, Лука—καρποφορει; Маркъ и Лука—εχουσι(ν), Матѳей—εχει; Маркъ и Лука—εισιν, Матѳей—εστιν; Маркъ и Лука—ουτοι, Матѳей—ουτος, и т. п.—Только тѣмъ предположеніемъ, что данный отрывокъ записанъ Синоптиками по воспоминанію, а не списанъ съ готоваго письменнаго источника, объясняется то, что одинъ Евангелистъ нетолько отступаетъ отъ другаго въ формѣ слова, но и въ выборѣ его. Только при этомъ понятно и то, что одно и то же слово однимъ или двумя Евангелистами употребляется, а третьимъ нѣтъ. Отсюда, въ данномъ отрывкѣ должно различать слова, принадле-

жащія уже не тремъ, а двумъ Евангелистамъ: Матѳеею съ Лукой или Матѳею съ Маркомъ, или Марку съ Лукой.

Всѣхъ словъ сходныхъ въ данномъ отрывкѣ у Матѳея и Марка девятнадцать; у Матѳея съ Лукой только три; у Марка съ Лукой только четыре. Изъ этого опять видно, что Синоптики въ стилистическомъ отношеніи другъ къ другу стоятъ не близко. И это число девятнадцати сходныхъ словъ получитъ здѣсь еще меньшее значеніе, если принять во вниманіе, что нѣкоторыя изъ нихъ или не вполнѣ сходны, или стоятъ на разныхъ мѣстахъ въ иной конструкціи и связи. Такъ слова, сходныя у Матѳея только съ Маркомъ, суть: πας, αρπαζω, ευϑυς, λαμβανω, εαυτος, αλλα, προσκαιρος, γινομαι, ϑλιψις, η, διωγμος, δια, σκανδαλιζω, αιων, απατη, ακαρπος, εκατον, εξηκοντα, τρεακοντα. Но эти слова не вполнѣ одинаково употреблены Матѳеемъ и Маркомъ. Слово πας Матѳей употребляетъ въ формѣ παντος, а Маркъ—πασας; Матѳей—λαμβανων, Маркъ—λαμβανουσιν; Мѳ.—εαυτῳ, Мр.—εαυτοις; Мѳ. —προσκαιρος, Мр.—προσκαιροι; Мѳ.—σκανδαλιζεται, Мр.—σκανδαλιζονται. Есть и еще нѣсколько словъ сходныхъ у Матѳея съ Маркомъ, но употребляемыхъ не въ одинаковомъ числѣ разъ. Слово ευϑυς Матѳей употребляетъ дважды, Маркъ—трижды. Слово γινομαι употребляется по дважды, но не одинаково: Мѳ.—γινεται и γενομενης; Мр.—γινεται и γενομενης. Или—такія слова стоятъ не въ одинаковомъ порядкѣ; напримѣръ, Матѳей говоритъ: ποιει ο μεν εκατον, ο δε εξηκοντα, ο δε τριακοντα; а Маркъ—καρποφορουσιν εν τριακοντα και εν εξηκοντα και εν εκατον... Сходныхъ и въ одинаковой связи стоящихъ словъ остается только восемь: αρπαζω, въ формѣ αρπαζει, за тѣмъ—αλλα, ϑλιψεως, η, διωγμου, δια, αιωνος, απατη, ακαρπος. Но изъ числа этихъ словъ, напримѣръ, αρπαζω слѣдовало, хотя и не необходимо употребить каждому изъ Евангелистовъ; потому что въ отношеніи къ понятію „похищать“, которое въ притчѣ необходимо, могутъ быть два синонимическихъ слова—αρπαζω и αιρω. Матѳей и Маркъ употребляютъ сло-

во *αρπαζω*, а Лука—синонимическое *αιρω*. Всѣ остальныя сходныя слова составляютъ одно предложеніе, общее двумъ Синоптикамъ, а именно Матѳей говоритъ: *γενομενης δε θλιψεως, η διωγμου δια τον λογον ευθυς σκανδαλιζεται*... Маркъ:—*ειτα γενομενης θλιψεως η διωγμου, δια τον λογον ευθυς σκανδαλιζονται*... Эти, отчасти различающіяся, фразы у Луки находятъ себѣ такого рода параллель: *εν καιρω πειρασμω αφιστανται!*...

Слова, сходныя только у Матѳея и Луки, суть: *μη, καρδια, εις*,—слова, очевидно, не свидѣтельствующія нисколько о зависимости Евангелистовъ одного отъ другаго при посредствѣ А. Частица *μη* употреблена ими въ совершенно различныхъ случаяхъ. Матѳей говоритъ: *παντος ακουοντος τον λογον της βασιλειας και μη συνιεντος*... Лука: *ερχεται διαβολος και αιρει τον λογον απο της καρδιας αυτων, ινα μη πιστευσαντες*... Слово *καρδια* у Матѳея встрѣчается однажды, у Луки—два раза. Матѳей говоритъ: *ερχεται ο πονηρος και αρπαζει το εσπαρμενον εν τη καρδιᾳ*.. Лука: *ερχεται ο διαβολος και αιρει τον λογον απο της καρδιας αυτων*. Слѣдовательно, здѣсь Синоптики держатъ себя свободно отъ всякаго опредѣленнаго источника. Но Лука употребляетъ слово *καρδια* еще иначе: *το δε εν τη καλη γη, ουτοι εισιν οιτινες εν καρδια καλη*,—чему уже нѣтъ никакого соотвѣтствія ни у Матѳея, ни у Марка.

Тоже оказывается при разсмотрѣніи словъ, сходныхъ только у Марка и у Луки. Эти слова суть: *οταν, ειτα, πορευομαι* и *οιτινες*. Но изъ нихъ *ειτα* употребляется тѣмъ и другимъ Евангелистомъ въ совершенно различныхъ мѣстахъ и въ различномъ соединеніи. Маркъ говоритъ: *ειτα γενομενης θλιψεως η διογμου δια τον λογον ευθυς σκανδαλιζεται*; а Лука: *ειτα ερχεται διαβολος και αιρει τον λογον απο της καρδιας*.—Слово *οταν* стоитъ у обоихъ Евангелистовъ также въ различномъ соединеніи. Матѳей говоритъ: *και οταν ακουσωσιν, ευθυς ερχεται ο σατανας*... Лука: *οι δει επι πετραν οι οταν ακουσωσιν μετα χαρας δεχονται τον λογον του Θεου*... Слово *οιτινες* употребляется также въ различ-

жащія уже не тремъ, а двумъ Евангелистамъ: Матѳею съ Лукой или Матѳею съ Маркомъ, или Марку съ Лукой.

Всѣхъ словъ сходныхъ въ данномъ отрывкѣ у Матѳея и Марка девятнадцать; у Матѳея съ Лукой только три; у Марка съ Лукой только четыре. Изъ этого опять видно, что Синоптики въ стилистическомъ отношеніи другъ къ другу стоятъ не близко. И это число девятнадцати сходныхъ словъ получитъ здѣсь еще меньшее значеніе, если принять во вниманіе, что нѣкоторыя изъ нихъ или не вполнѣ сходны, или стоятъ на разныхъ мѣстахъ въ иной конструкціи и связи. Такъ слова, сходныя у Матѳея только съ Маркомъ, суть: πας, αρπαζω, ευθυς, λαμβανω, εαυτος, αλλα, προσκαιρος, γινομαι, θλιψις, η, διωγμος, δια, σκανδαλιζω, αιων, απατη, ακαρπος, εκατον, εξηκοντα, τρεακοντα. Но эти слова не вполнѣ одинаково употреблены Матѳеемъ и Маркомъ. Слово πας Матѳей употребляетъ въ формѣ παντος, а Маркъ—πασας; Матѳей—λαμβανων, Маркъ—λαμβανουσιν; Мѳ.—εαυτω, Мр.—εαυτοις; Мѳ.—προσκαιρος, Мр.—προσκαιροι; Мѳ.—σκανδαλιζεται, Мр.—σκανδαλιζονται. Есть и еще нѣсколько словъ сходныхъ у Матѳея съ Маркомъ, но употребляемыхъ не въ одинаковомъ числѣ разъ. Слово ευθυς Матѳей употребляетъ дважды, Маркъ—трижды. Слово γινομαι употребляется по дважды, но не одинаково: Мѳ.—γινεται и γενομενης; Мр.—γινεται и γενομενης. Или—такія слова стоятъ не въ одинаковомъ порядкѣ; напримѣръ, Матѳей говоритъ: ποιει ο μεν εκατον, ο δε εξηκοντα, ο δε τριακοντα; а Маркъ—καρποφορουσιν εν τριακοντα και εν εξηκοντα και εν εκατον... Сходныхъ и въ одинаковой связи стоящихъ словъ остается только восемь: αρπαζω, въ формѣ αρπαζει, за тѣмъ—αλλα, θλιψεως, η, διωγμου, δια, αιωνος, απατη, ακαρπος. Но изъ числа этихъ словъ, напримѣръ, αρπαζω слѣдовало, хотя и не необходимо употребить каждому изъ Евангелистовъ; потому что въ отношеніи къ понятію „похищать“, которое въ притчѣ необходимо, могутъ быть два синонимическихъ слова—αρπαζω и αιρω. Матѳей и Маркъ употребляютъ сло-

во *αρπαζω*, а Лука—синонимическое *αιρω*. Всѣ остальныя сходныя слова составляютъ одно предложеніе, общее двумъ Синоптикамъ, а именно Матѳей говоритъ: *γενομενης δε θλιψεως, η διωγμου δια τον λογον ευθυς σκανδαλιζεται*... Маркъ:—*ειτα γενομενης θλιψεως η διωγμου, δια τον λογον ευθυς σκανδαλιζονται*... Эти, отчасти различающіяся, фразы у Луки находятъ себѣ такото рода параллель: *εν καιρω πειρασμω αφιστανται*!...

Слова, сходныя только у Матѳея и Луки, суть: *μη, καρδια, εις*,—слова, очевидно, не свидѣтельствующія нисколько о зависимости Евангелистовъ одного отъ другаго при посредствѣ А. Частица *μη* употреблена ими въ совершенно различныхъ случаяхъ. Матѳей говоритъ: *παντος ακουοντος τον λογον της βασιλειας και μη συνιεντος*... Лука: *ερχεται διαβολος και αιρει τον λογον απο της καρδιας αυτων, ινα μη πιστευσαντες*... Слово *καρδια* у Матѳея встрѣчается однажды, у Луки—два раза. Матѳей говоритъ: *ερχεται ο πονηρος και αρπαζει το εσπαρμενον εν τη καρδια*... Лука: *ερχεται ο διαβολος και αιρει τον λογον απο της καρδιας αυτων*. Слѣдовательно, здѣсь Синоптики держатъ себя свободно отъ всякаго опредѣленнаго источника. Но Лука употребляетъ слово *καρδια* еще иначе: *το δε εν τη καλη γη, ουτοι εισιν οιτινες εν καρδια καλη*,—чему уже нѣтъ никакого соотвѣтствія ни у Матѳея, ни у Марка.

Тоже оказывается при разсмотрѣніи словъ, сходныхъ только у Марка и у Луки. Эти слова суть: *οταν, ειτα, πορευομαι* и *οιτινες*. Но изъ нихъ *ειτα* употребляется тѣмъ и другимъ Евангелистомъ въ совершенно различныхъ мѣстахъ и въ различномъ соединеніи. Маркъ говоритъ: *ειτα γενομενης θλιψεως η διογμου δια τον λογον ευθυς σκανδαλιζεται*; а Лука: *ειτα ερχεται διαβολος και αιρει τον λογον απο της καρδιας*.—Слово *οταν* стоитъ у обоихъ Евангелистовъ также въ различномъ соединеніи. Матѳей говоритъ: *και οταν ακουσωσιν, ευθυς ερχεται ο σατανας*... Лука: *οι δε επι πετραν οι οταν ακουσωσιν μετα χαρας δεχονται τον λογον του Θεου*... Слово *οιτινες* употребляется также въ различ-

номъ соединеніи. Маркъ говоритъ: οιτινες ακουσωσιν τον λογον... Лука: ουτοι εισιν οιτινες εν καρδια καλη... Наконецъ, слово πορευομαι употреблено въ различномъ видѣ, иной формѣ и неодинаковомъ соединеніи. Маркъ говоритъ: και αι περι τα λοιπα επιθυμιαι εισ πορευομεναι... Лука: υπο μεριμνων... και ηδονων του βιου πορευομενοι...

Такъ и въ сколько-нибудь сходныхъ словахъ, хотя сравнительно весьма немногихъ по числу, нѣтъ для теоріи основанія признать прямо и только то, что отрывокъ: Мѳ. XIII, 18—23. Мр. IV, 13—20. Лук. VIII,11—15 ст., гдѣ содержится изъясненіе притчи о сѣятелѣ, заимствованъ изъ письменнаго источника: стиль Синоптиковъ, насколько о немъ можно судить по „сходнымъ“ словамъ, не даетъ права утверждать этого положенія. И это тѣмъ болѣе справедливо, что у каждаго изъ трехъ Синотиковъ есть свои собственныя слова, исключительно одному изъ нихъ принадлежащія. Такъ, напримѣръ, у Матѳея находятся: υμεις, ουν, βασιλεια, πονηρος, δη, ποιεω, α и под. Эти слова сами уже свидѣтельствуютъ о независимости Матѳея отъ письменнаго источника. Въ самомъ дѣлѣ, если въ первоисточникѣ стояли слова, напримѣръ: λογος του Θεου, какъ у Луки, то для чего Матѳей замѣнилъ ихъ словами: λογος της βασιλειας, а Маркъ даже совсѣмъ ихъ опустилъ, говоря только: ο σπειρων τον λογον σπειρει..?—у Марка особенныя слова суть: οιδατε, πως, γνοσεσθαι, οπου, οταν, σατανας, ομοιως, δια, αλλοι, περι, λοιπα, επιθυμιαι, εισπορευομενοι, εκεινοι, οιτινες, παραδεχονται.—У Луки такихъ словъ еще болѣе: διαβολος, αιρει, ιπο, ινα, πιστευσαντες, σωθωσιν, δεχονται, Θεου, προς, καιρον, καιρω, πειρασμου, αφιστανται, υπο, ηδονων, βιου, ου, τελεσφορουσιν, αγαθη, κατεχουσιν, υπομονη.

Оттого вполнѣ понятно выходитъ то, что у всѣхъ трехъ Синоптиковъ нѣтъ ни одного общаго предложенія, которое было бы у всѣхъ трехъ вполнѣ тожественно; такъ что и въ самыхъ сходныхъ предложеніяхъ всегда встрѣ-

чается значительное различіе. Напримѣръ, по Матѳею: *ο δε επι τα πετρωδη σπαρεις, ουτος εστιν, ο τον λογον ακουων και ευθυς μετα χαρας λαμβανων αυτων· ουκ εχει δε ριζαν εν εαυτω αλλα προς καιρος εστιν· γενομενης δε θλιψεως η διωγμου δια τον λογον ευθυς σκανδαλιζεται*... У Марка это такъ: *και αυτοι ομοιως εισιν οι επι τα πετρωδη σπηρομενοι, οι οταν ακουσωσιν τον λογον, ευθυς μετα χαρας λαμβανουσιν αυτον και ουκ εχουσι ριζαν εν εαυτοις αλλα προσκαιροι εισιν, ειτα γενομενοις θλιψεως η διωγμου δια τον λογον ευθυς σκανδαλιζονται*... У Луки—такъ: *οι δε επι την πετραν, οι οταν ακουσωσιν μετα χαρας δεχονται τον λογον του Θεου. Ουτοι ριζαν ουκ εχουσιν οι προς καιρον πιστευουσιν και εν καιρω πειρασμου αφιστανται*... Еще, Матѳей говоритъ: *ος δη καρποφορει, και ποιει ο μεν εκατον, ο δε εξηκοντα, ο δε τριακοντα*... Маркъ—вмѣсто этого: *παραδεχονται και καρποφορουσιν εν τριακοντα και εν εξηκοντα και εν εκατον*... Лука—только: *και καρποφορουσιν εν υπομονη*...

Итакъ: если у всѣхъ трехъ Синоптиковъ въ данномъ отрывкѣ есть много словъ несходныхъ, для каждаго изъ нихъ особенныхъ; если изъ числа сходныхъ словъ многія различны по формѣ и сочетанію ихъ въ предложеніи; если и вполнѣ сходныя слова суть непремѣнныя и главныя понятія притчи и ея изъясненія, неимѣющія для себя даже и синонимовъ (какъ *λογος*, *ακανθα* и т. п.); если, вслѣдствіе этого, въ данномъ отрывкѣ нѣтъ ни одного предложенія, совершенно сходнаго у всѣхъ трехъ Синоптиковъ; если, наконецъ, такіе, по видимому одинаковые и сравнительно самые сходные, отрывки представляютъ скорѣе нестрогій парафразъ, неимѣющій опредѣленной формы изложенія, одинаковой полноты содержанія, однообразнаго стиля въ выраженіи: то, по всему этому, слѣдуетъ признать неосновательнымъ то заключеніе, что въ данномъ отрывкѣ, какъ и во всѣхъ ему подобныхъ остальныхъ, Матѳей, Маркъ и Лука компилятивно сходны, что имѣли подъ руками одинъ и тотъ же письменный источникъ, что поэтому они несамостоя-

тельны и что существовалъ источникъ А съ своимъ особымъ языкомъ и словоупотребленіемъ. Нѣтъ, въ данномъ отрывкѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ, синоптики такъ мало сходны въ стилистическомъ отношеніи и такъ много различны, что ихъ рѣшительно нельзя признать списками съ одного и того же письменнаго источника: вмѣсто того и удобнѣе того слѣдуетъ признать ихъ независимыми другъ отъ друга и отъ первоисточника. Ихъ сходство по содержанію, а въ общемъ и по изложенію, весьма удобно и сравнительно лучше можно объяснить только при помощи личнаго Апостольскаго воспоминанія и устнаго Евангельскаго преданія. Если это съ полнымъ правомъ можно сказать относительно притчей и ихъ изъясненій; то тѣмъ болѣе это справедливо въ отношеніи къ разсказамъ по Ев. исторіи.

Общій результатъ критическаго разбора мнѣнія Гольцмана:

Если не въ языкѣ и текстѣ синоптиковъ, ни въ анализѣ ихъ содержанія и его изложенія, ни въ самомъ порядкѣ повѣствованія нѣтъ основанія признать существованіе какихъ-бы ни было письменныхъ источниковъ; то предположеніе Гольцмана должно признать неимѣющимъ научнаго значенія, а это служитъ новымъ подтвержденіемъ той мысли, что сходство синоптиковъ еще не указываетъ на ихъ основное писаніе, какъ то полагалъ Гольцманъ въ самомъ началѣ своего изслѣдованія.

Такъ, въ виду результатовъ разбора теорій Гольцмана, какъ и Эвальда, остается признать, что сходство синоптическихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки слѣдуетъ объяснять возможно точной, но устной передачей изреченій и дѣлъ Іисуса Христа, а равно и обстоятельствъ того и другаго,—Апостольскимъ воспоминаніемъ и устнымъ преданіемъ, по которымъ непосредственно была записана Ев. исторія въ видѣ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки.

XV.

Кромѣ общихъ теоретическихъ и филологическихъ соображеній, основанныхъ отчасти на анализѣ текста синоптическихъ Евангелій, Эвальдъ и Гольцманъ, въ подтвержденіе своихъ мнѣній о письменныхъ источникахъ, обращаются и къ такъ называемымъ внѣшнимъ или историческимъ свидѣтельствамъ, каковы суть главнымъ образомъ Предисловіе (Prolog, Proëmium) къ Евангелію отъ Луки и свидѣтельство Папія, епископа Іерапольскаго. Но тщательный анализъ того и другаго устраняетъ предположеніе письменныхъ источниковъ для Синоптиковъ.

А.

Напротивъ, именно за самостоятельность Евангелія отъ Луки особенно важное и сильное свидѣтельство находится въ его предисловіи. Вотъ оно. „Какъ уже многіе начали составлять повѣствованія о совершенно извѣстныхъ между нами событіяхъ, какъ предали намъ то бывшіе съ самаго начала очевидцами и служителями Слова: то разсудилось и мнѣ, по тщательномъ изслѣдованіи всего сначала, по порядку описать тебѣ, достопочтенный Ѳеофилъ, чтобы ты узналъ твердое основаніе того ученія, въ которомъ былъ наставленъ (Лук. I, 1—4).„

тельны и что существовалъ источникъ А съ своимъ особымъ языкомъ и словоупотребленіемъ. Нѣтъ, въ данномъ отрывкѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ, синоптики такъ мало сходны въ стилистическомъ отношеніи и такъ много различны, что ихъ рѣшительно нельзя признать списками съ одного и того же письменнаго источника: вмѣсто того и удобнѣе того слѣдуетъ признать ихъ независимыми другъ отъ друга и отъ первоисточника. Ихъ сходство по содержанію, а въ общемъ и по изложенію, весьма удобно и сравнительно лучше можно объяснить только при помощи личнаго Апостольскаго воспоминанія и устнаго Евангельскаго преданія. Если это съ полнымъ правомъ можно сказать относительно притчей и ихъ изъясненій; то тѣмъ болѣе это справедливо въ отношеніи къ разсказамъ по Ев. исторіи.

Общій результатъ критическаго разбора мнѣнія Гольцмана:

Если не въ языкѣ и текстѣ синоптиковъ, ни въ анализѣ ихъ содержанія и его изложенія, ни въ самомъ порядкѣ повѣствованія нѣтъ основанія признать существованіе какихъ-бы ни было письменныхъ источниковъ; то предположеніе Гольцмана должно признать неимѣющимъ научнаго значенія, а это служитъ новымъ подтвержденіемъ той мысли, что сходство синоптиковъ еще не указываетъ на ихъ основное писаніе, какъ то полагалъ Гольцманъ въ самомъ началѣ своего изслѣдованія.

Такъ, въ виду результатовъ разбора теорій Гольцмана, какъ и Эвальда, остается признать, что сходство синоптическихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки слѣдуетъ объяснять возможно точной, но устной передачей изреченій и дѣлъ Іисуса Христа, а равно и обстоятельствъ того и другаго,—Апостольскимъ воспоминаніемъ и устнымъ преданіемъ, по которымъ непосредственно была записана Ев. исторія въ видѣ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки.

XV.

Кромѣ общихъ теоретическихъ и филологическихъ соображеній, основанныхъ отчасти на анализѣ текста синоптическихъ Евангелій, Эвальдъ и Гольцманъ, въ подтвержденіе своихъ мнѣній о письменныхъ источникахъ, обращаются и къ такъ называемымъ внѣшнимъ или историческимъ свидѣтельствамъ, каковы суть главнымъ образомъ Предисловіе (Prolog, Proëmium) къ Евангелію отъ Луки и свидѣтельство Папія, епископа Іерапольскаго. Но тщательный анализъ того и другаго устраняетъ предположеніе письменныхъ источниковъ для Синоптиковъ.

A.

Напротивъ, именно за самостоятельность Евангелія отъ Луки особенно важное и сильное свидѣтельство находится въ его предисловіи. Вотъ оно. „Какъ уже многіе начали составлять повѣствованія о совершенно извѣстныхъ между нами событіяхъ, какъ предали намъ то бывшіе съ самаго начала очевидцами и служителями Слова: то разсудилось и мнѣ, по тщательномъ изслѣдованіи всего сначала, по порядку описать тебѣ, достопочтенный Ѳеофилъ, чтобы ты узналъ твердое основаніе того ученія, въ которомъ былъ наставленъ (Лук. I, 1—4).„

Эти слова—свидѣтельство самого Ев. Луки, потому что именно и безспорно онъ есть писатель всего своего Евангелія. Такъ въ этомъ увѣренъ даже и самъ Эвальдъ. „Для сомнѣнія въ томъ, что Лука есть авторъ этого писанія, нѣтъ, говоритъ Эвальдъ, никакого основанія... И хотя извѣстный самый ранній писатель, выразительно свидѣтельствующій объ этомъ, есть только Ириней [359]); но, по состоянію дошедшей до насъ литературы древнѣйшихъ Отцовъ церкви, это очень неудивительно„. Если же Лука есть писатель своего Евангелія, то ему принадлежитъ и предисловіе онаго. Такъ это признаютъ Эвальдъ и Гольцманъ, и усвояютъ это предисловіе именно самому Лукѣ, притомъ прямо какъ оригинальное и весьма замѣчательное. Но въ этомъ предисловіи Эвальдъ видитъ „краткое, однако достаточное, указаніе на возникновеніе и цѣль Евангелія отъ Луки, т. е. на то, что оно возникло компилятивнымъ способомъ и имѣло цѣлію изложить все до него написанное; слѣдовательно, оно есть сводъ памятниковъ Ев. литературы перваго періода (compendium). Эвальдъ, впрочемъ, не анализируетъ подробно содержаніе этого „предисловія„ [360]).

Много подробнѣе и обстоятельнѣе взглядъ на это „предисловіе„ изложенъ въ теоріи Гольцмана.—Онъ согласенъ съ Эвальдомъ въ той основной мысли, что предисловіе Евангелія отъ Луки „указываетъ въ этомъ трудѣ комбинацію нѣсколькихъ письменныхъ источниковъ. За тѣмъ онъ подробно выражаетъ это свое мнѣніе въ слѣдующихъ положеніяхъ.—а) Въ своемъ предисловіи Ев. Лука ясно различаетъ Евангельскую исторію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и потомъ исторію, возникшую по той современной потребности, которой слѣдовалъ самъ Ев. Лука, желая изложить Ев. исторію съ самаго начала,

359) Contra eres. I. 1. 14.
360) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 219. 220 und 224.

именно съ рождества Іоанна Крестителя.—б) Предисловіе даетъ право заключать о томъ, что авторъ, т. е. Лука, пользовался источниками двоякаго рода—письменными и устными. Но тщательный анализъ содержанія Предисловія показываетъ также и то, что источники Евангелія отъ Луки различаются одинъ отъ другаго не по категоріямъ устнаго и письменнаго, но по категоріямъ первой и второй важности. У Луки были какъ письменные памятники по Ев. исторіи, такъ и устное церковное преданіе.—в) Предисловіе показываетъ, что источники у Луки были, однако, невполнѣ совершенны, такъ что, желая передать жизнь Іисуса Христа иноземнымъ христіанамъ, Лука долженъ былъ признать всѣ предварительныя работы неудовлетворительными, и, между прочимъ, Евангелія, основывающіяся на Апостольскомъ авторитетѣ признать недостаточными по крайней мѣрѣ въ общемъ изображеніи Ев. событій, а равно и въ отношеніи полноты и точности порядка изложенія оныхъ. —г) Въ числѣ многихъ составителей Ев. разсказовъ, πολλοί, о которыхъ говоритъ Предисловіе, Лука разумѣлъ и каноническое Евангеліе отъ Марка, которое въ первоначальномъ своемъ видѣ (Ur-marcus) было для Луки однимъ изъ главныхъ источниковъ.—д) Лука въ своемъ Предисловіи намѣренъ былъ сказать не то, что существовали „многіе“ составители Ев. разсказовъ, а то, что онъ самъ сталъ заниматься тѣмъ же дѣломъ, побуждаемый ихъ примѣромъ,—что онъ переработалъ свои письменные источники такъ же, какъ и они.

Изъ числа всѣхъ этихъ положеній для дѣла важно и нужно только второе, потому что остальныя имѣютъ свое значеніе только при этомъ положеніи, или не относятся къ теоріи, какъ ея подтвержденіе [361]).

---

361) Разборъ историческихъ свидѣтельствъ, находящихся въ Евангеліи отъ Луки и у Папія Іерапольскаго, мы дѣлаемъ по греческому тексту,—того требуетъ задача и методъ нашего изслѣдованія.

Эти слова—свидѣтельство самого Ев. Луки, потому что именно и безспорно онъ есть писатель всего своего Евангелія. Такъ въ этомъ увѣренъ даже и самъ Эвальдъ. „Для сомнѣнія въ томъ, что Лука есть авторъ этого писанія, нѣтъ, говоритъ Эвальдъ, никакого основанія. . . И хотя извѣстный самый раннiй писатель, выразительно свидѣтельствующій объ этомъ, есть только Ириней [359]; но, по состоянію дошедшей до насъ литературы древнѣйшихъ Отцовъ церкви, это очень неудивительно„. Если же Лука есть писатель своего Евангелія, то ему принадлежитъ и предисловіе онаго. Такъ это признаютъ Эвальдъ и Гольцманъ, и усвояютъ это предисловіе именно самому Лукѣ, притомъ прямо какъ оригинальное и весьма замѣчательное. Но въ этомъ предисловіи Эвальдъ видитъ „краткое, однако достаточное, указаніе на возникновеніе и цѣль Евангелія отъ Луки, т. е. на то, что оно возникло компилятивнымъ способомъ и имѣло цѣлію изложить все до него написанное; слѣдовательно, оно есть сводъ памятниковъ Ев. литературы перваго періода (compendium). Эвальдъ, впрочемъ, не анализируетъ подробно содержаніе этого „предисловія„ [360]).

Много подробнѣе и обстоятельнѣе взглядъ на это „предисловіе„ изложенъ въ теоріи Гольцмана.—Онъ согласенъ съ Эвальдомъ въ той основной мысли, что предисловіе Евангелія отъ Луки „указываетъ въ этомъ трудѣ комбинацію нѣсколькихъ письменныхъ источниковъ. За тѣмъ онъ подробно выражаетъ это свое мнѣніе въ слѣдующихъ положеніяхъ.—а) Въ своемъ предисловіи Ев. Лука ясно различаетъ Евангельскую исторію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и потомъ исторію, возникшую по той современной потребности, которой слѣдовалъ самъ Ев. Лука, желая изложить Ев. исторію съ самаго начала,

359) Contra eres. I. 1. 14.
360) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 219. 220 und 224.

именно съ рождества Іоанна Крестителя.—б) Предисловіе даетъ право заключать о томъ, что авторъ, т. е. Лука, пользовался источниками двоякаго рода—письменными и устными. Но тщательный анализъ содержанія Предисловія показываетъ также и то, что источники Евангелія отъ Луки различаются одинъ отъ другаго не по категоріямъ устнаго и письменнаго, но по категоріямъ первой и второй важности. У Луки были какъ письменные памятники по Ев. исторіи, такъ и устное церковное преданіе.—в) Предисловіе показываетъ, что источники у Луки были, однако, невполнѣ совершенны, такъ что, желая передать жизнь Іисуса Христа иноземнымъ христіанамъ, Лука долженъ былъ признать всѣ предварительныя работы неудовлетворительными, и, между прочимъ, Евангелія, основывающіяся на Апостольскомъ авторитетѣ признать недостаточными по крайней мѣрѣ въ общемъ изображеніи Ев. событій, а равно и въ отношеніи полноты и точности порядка изложенія оныхъ. —г) Въ числѣ многихъ составителей Ев. разсказовъ, πολλοι, о которыхъ говоритъ Предисловіе, Лука разумѣлъ и каноническое Евангеліе отъ Марка, которое въ первоначальномъ своемъ видѣ (Ur-marcus) было для Луки однимъ изъ главныхъ источниковъ.—д) Лука въ своемъ Предисловіи намѣренъ былъ сказать не то, что существовали „многіе“ составители Ев. разсказовъ, а то, что онъ самъ сталъ заниматься тѣмъ же дѣломъ, побуждаемый ихъ примѣромъ,—что онъ переработалъ свои письменные источники такъ же, какъ и они.

Изъ числа всѣхъ этихъ положеній для дѣла важно и нужно только второе, потому что остальныя имѣютъ свое значеніе только при этомъ положеніи, или не относятся къ теоріи, какъ ея подтвержденіе [361]).

---

361) Разборъ историческихъ свидѣтельствъ, находящихся въ Евангеліи отъ Луки и у Папія Іерапольскаго, мы дѣлаемъ по греческому тексту,—того требуетъ задача и методъ нашего изслѣдованія.

„Предисловіе, говоритъ Гольцманъ, даетъ право заключать о томъ, что авторъ, т. е. Лука, пользовался источниками двоякаго рода—письменными и устными. Но эти источники въ предисловіи различаются не по категоріямъ устнаго и письменнаго, а по категоріямъ первой и второй важности". Какъ же это выходитъ изъ словъ Луки: I, 1—4 ст.?

„Слова: χαθως παρεδοσαν ημιν... всегда, говоритъ Гольцманъ, давали возможность заключать о двухъ главныхъ источникахъ, изъ коихъ παραδοσις свидѣтелей-очевидцевъ означало первый, а διηγησις των πολλων—второй. По предисловію кажется, говоритъ Гольцманъ со словъ Кэстлина, что авторъ, т. е. Лука, пользовался письменными и устными источниками; онъ—историкъ, соединившій литературу съ устнымъ преданіемъ и этимъ способомъ онъ желалъ представить со всѣхъ сторонъ отчетливое, столь же совершенное, какъ и вѣрное изображеніе Евангельской исторіи [362]), Въ подтвержденіе этого мнѣнія Гольцманъ, съ своей стороны, приводитъ слѣдующія соображенія.— „Во всякомъ случаѣ вѣрнѣе то, что πολλοι также, какъ и самъ Ев. Лука, были писателями; потому что попытка понимать слова ανατaξασθαι διηγησιν въ смыслѣ только одной дѣятельности, направленной на устное преданіе, уничтожается тѣмъ соображеніемъ, что слову επεχειρησαν составляетъ противоположность не γραφαι, а χαθεξης γραφαι. Лука въ словѣ χαμοι явно желаетъ поставить себя на равнѣ съ πολλοι, какъ писатель съ другими писателями. А что αυτοπται και υπηρεται του λογου и никакимъ образомъ нельзя признать писателями и что ихъ παραδοσις было исключительно и необходимо устнымъ преданіемъ (Tradition), этого по крайней мѣрѣ прямо не сказано. Предисловіе у Луки не различаетъ источникъ отъ источника, но указываетъ совершенно инаго вида противоположность, кото-

---

362) H lt z m a n n,—S. 244. (у Köstlin'а S. 134.)

рая находится между дѣятельностію лицъ передающихъ и дѣятельностію лицъ слагающихъ Ев. разсказы. Тѣ имѣютъ въ виду только источники, а эти художественность изложенія или авторство въ собственномъ смыслѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ лица, которыя разумѣются при παραδοσαν и πολλοι, различаются между собою не по категоріямъ устнаго и письменнаго преданія, но по категоріямъ первой и второй степени важности. Второстепенной важности тѣ писатели, кои работали по источникамъ; сюда же относится и самъ Ев. Лука. Но изъ этого не то слѣдуетъ, что лица, которыя разумѣются при παραδοσαν, не были писателями, а только то, что они не работали по источникамъ. Въ словѣ πολλοι разумѣются вообще тѣ писатели, которые дѣлали попытки относительно αναταξις на основаніи παραδοσις; но это доказываетъ, что Лука зналъ и другія писанія, которыя основывались не на тѣхъ же самыхъ источникахъ, какіе лежали въ основаніи его собственнаго труда. Съ этими πολλοι онъ ставитъ и себя самого (какъ это выходитъ изъ словъ ημιν и χαμοι) въ одинъ и тотъ же рядъ; такъ какъ онъ имѣлъ предъ собой первоисточникъ—παραδοσις, и пользовался имъ также, какъ и πολλοι,—въ первоначальномъ его видѣ. И ничто не препятствуетъ предположить, что Лука подъ общимъ выраженіемъ παραδοσις разумѣетъ какъ письменный источникъ (письменные памятники Апостоловъ), такъ и отъ Апостоловъ исходящее устное преданіе, по которому, слѣдовательно, онъ и себѣ также, какъ и своимъ сотрудникамъ (πολλοι), приписываетъ непосредственное знаніе Евангельской исторіи. Только это преданіе—письменное или устное—было для Луки источникомъ " [363]).

Итакъ,—какое же было это преданіе, на основаніи котораго Лука составилъ свое Евангеліе? —Сущность дѣ-

---

363) Holtzmann,—S. 244—245.

ла—въ томъ, что Лука, по мнѣнію Гольцмана, пользовался двумя источниками: преданіемъ церковнымъ и писаніями Апостоловъ. Онъ переработалъ тѣ же источники, что и πολλοι, но только лучше, художественнѣе, нежели тѣ; слѣдовательно, Евангеліе отъ Луки—компиляція. Вотъ мнѣніе Гольцмана; но, выраженное такъ, оно невѣрно вполнѣ.

Кто такіе были πολλοι?—это писатели второстепенной важности, говоритъ Гольцманъ, потому что они передѣлывали готовый матеріалъ. Нѣтъ; это, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно; о нихъ сказано только, что „многіе начали составлять разсказы...“ Какъ понимать слово составлять, ανατaξασθαι?—въ смыслѣ—писать при помощи готоваго письменнаго источника, говоритъ Гольцманъ. Нѣтъ; относительно этого опять ничего неизвѣстно: сказано только, что „многіе начали составлять...“ а какъ составлять, этого не сказано. Гольцманъ выводитъ свое значеніе слова ανατξαασθαι изъ того, что слову επεχειρησαν, начали, служитъ противоположностію не γραφαι, а καθεξης γραφαι, и изъ того, что Лука въ словѣ καμοι противопоставляетъ себя какъ писателя другимъ писателямъ—πολλοι. Нѣтъ; Лука говоритъ о себѣ только, что „и ему разсудилось написать по порядку Θеофилу то, что онъ, Θеофилъ, зналъ изъ устной Апостольской проповѣди. Въ этихъ словахъ Лука противопоставляетъ свое настоящее дѣло трудамъ своихъ предшественниковъ въ томъ же отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трудамъ „многихъ“, составлявшихъ разсказы о жизни Іисуса Христа. Такимъ образомъ Лука не со-поставляетъ себя со „многими“, а противо-поставляетъ себя тѣмъ „многимъ“ повѣствователямъ, о коихъ точно неизвѣстно, чѣмъ они пользовались при своемъ „составленіи“ разсказовъ—писаніемъ или преданіемъ, и какого рода было ихъ „составленіе“. Нѣтъ никакой необходимости признавать, что αυτοπται και υπηρεται не должны быть писателями“, говоритъ Гольцманъ. Да; но также нѣтъ остованій и признавать ихъ таковы-

ми. А потому, опять неизвѣстно, какаго рода было то преданіе очевидцевъ и служителей Слова. Если αυτοπται και υπηρεται различаются между собою не по категоріямъ устнаго и письменнаго, то и не по степени важности; такъ какъ еще неизвѣстно, пользовались ли πολλοι преданіемъ „самовидцевъ и служителей Слова“ вообще и въ частности—письменнымъ преданіемъ ихъ, именно какъ источникомъ. А если—такъ, то и самого Ев. Луку нельзя причислять ко „многимъ“, какъ писателя второстепенной важности; такъ какъ еще неизвѣстно, тотъ ли самый онъ переработывалъ источникъ, какой былъ въ рукахъ πολλοι, или иной,—былъ ли его источникъ письменнымъ или такого онъ вовсе не имѣлъ предъ собой. И самъ Лука не ставитъ себя въ одинъ рядъ съ πολλοι въ словахъ ημιν и καμοι—въ томъ смыслѣ, что пользуется одними и тѣми же источниками: онъ говоритъ только, что разсудилось и ему написать по порядку... не такъ, какъ пишутъ „многіе“,—но поелику, επειδηπερ „многіе“ начали слагать разсказы не по порядку... Лука предпринимаетъ свой трудъ, пользуясь не тѣми источниками, которые были у „многихъ“, а непосредственно преданіемъ очевидцевъ, о которомъ еще неизвѣстно, что именно оно и было источникомъ у „многихъ“; о немъ скорѣе можно думать такъ, что „многіе“ его не имѣли, а сами, независимо отъ него, составляли свои разсказы (вѣроятно, апокрифическаго характера) о томъ и такъ, что не имѣло полной исторической точности (ασφαλια). И если, съ одной стороны, „ничто не препятствуетъ Гольцману принять παραδοσις Луки въ смыслѣ записаннаго преданія“; то, съ другой стороны, нѣтъ на то и никакого права [364]). А по-

364) Съ точки зрѣнія Гольцмана это должно быть понятнымъ: для предположенія письменной работы «многихъ» онъ указываетъ основаніе въ противоположеніи словъ επεχηρησαν—γραφαι καθεξεις; а для предположенія «письменной традиціи» нѣтъ такого же основанія; слѣдовательно, не должно быть и тому подобнаго заключенія...

тому, ни для πολλοι, ни для Ев. Луки нѣтъ основанія признавать самостоятельный письменный источникъ; такъ какъ нельзя разумѣть въ этомъ смыслѣ παραδοσις въ „предисловіи“ Евангелія отъ Луки; а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ основанія видѣть здѣсь и двоякой важности источники двоякаго рода писателей, и Евангеліе Луки нельзя признавать переработкой готовыхъ письменныхъ источниковъ. Слѣдовательно, предисловіе Евангелія отъ Луки,—по выраженію Эвальда „самое историческое, т. е. несомнѣнно подлинное мѣсто въ его книгѣ“, а по выраженію Гольцмана „достопримѣчательное введеніе“,—не подтвержаетъ ихъ общей мысли, что Евангеліе отъ Луки есть переработка предшествовавшихъ ему письменныхъ Евангельскихъ трудовъ и, на-оборотъ, показываетъ, что теоріи ихъ въ этомъ предисловіи не имѣютъ для себя исторической опоры.

Это вполнѣ ясно при положительномъ раскрытіи смысла стиховъ 1—4-го, І-й гл. Луки,—по переводу Эвальда:

„Когда многіе старались, чтобы сочинить разсказы о дѣлахъ, между нами совершенно достовѣрныхъ (vollgeglaubten), такъ какъ намъ передали (übergaben) ихъ тѣ, которые были сначала свидѣтелями-очевидцами и слугами слова: то и я почелъ за благо, послѣ того, какъ я напередъ точно (genau) все изслѣдовалъ, написать по порядку (geordnet) тебѣ, превосходительный Θеофилъ, съ тѣмъ, чтобы ты получилъ твердое знаніе (Gewissheit) того, о чемъ ты былъ извѣщенъ“ [365]). Ясно, поэтому, что „многіе“ писали о такихъ событіяхъ, которыя были достовѣрно извѣстны другимъ, и что къ числу этихъ другихъ принадлежитъ самъ Ев. Лука (—εν ημιν); поэтому Ев. Лука не былъ изъ числа „многихъ“. Слѣдовательно,

---

365) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 183. Cp. d. Drei ersten Evangelien.

было два разряда людей, знавшихъ жизнь Іисуса Христа,—тѣ, которые разумѣются въ словѣ πολλοι, и тѣ, которые разумѣются въ словѣ εν ημιν. Ев. Лука принадлежитъ ко вторымъ. Первые писали о томъ, что было достовѣрно извѣстно вторымъ: εν ημιν των πεπληροφορημενων πραγματων. А если бы и первымъ Ев. исторія была также достовѣрно извѣстна, какъ вторымъ и Лукѣ, то не было бы нужды предпринимать новыхъ изслѣдованій и потомъ писать одно и тоже, одинаково достовѣрное; по крайней мѣрѣ, Лукѣ не слѣдовало-бы говорить о томъ, что ему достовѣрно извѣстно, если тоже и также было извѣстно „многимъ" по-мимо его, изъ одного и того же источника. А это достовѣрно было извѣстно Лукѣ потому, что ему (и подобнымъ ему—εν ημιν) передали благовѣстіе Христово бывшіе сначала свидѣтелями-очевидцами и слугами слова: καθως παρεδοσαν ημιν οι απ, αρχης αυτοπται και υπηρεται γενομενοι του λογου; слѣдовательно,—по точному и вѣрному преданію. И вотъ Лука, зная такъ достовѣрно о событіяхъ Ев. исторіи, о которыхъ доставляли разсказы „многіе", вознамѣрился самъ написать: επειδηπερ πολλοι επεχειρησαν αναταξασθαι διηγησιν.—Но если уже „многіе" начали составлять разсказы, то—что же за цѣль была у самого Луки писать,—когда и безъ него επεχειρησαν πολλοι?—Онъ говоритъ: „разсудилось и мнѣ... по порядку описать тебѣ, достопочтенный Θеофилъ, съ тѣмъ, чтобы ты узналъ твердое основаніе того ученія, въ которомъ былъ наставленъ". Вотъ—цѣль: Евангелистъ признаетъ недостаточнымъ для Θеофила прежнее наставленіе его въ Евангеліи, опасаясь, чтобы оно не стало для него нѣтвердымъ, ибо сообщалось ему устно и не по порядку. Поэтому Евангелистъ говоритъ: „вознамѣрился и я, т. е. какъ вознамѣрились „многіе," описать тебѣ, а не вообще составить, какъ дѣлали „многіе",—съ тѣмъ, чтобы ты, Θеофилъ, узналъ твердое основаніе того, въ чемъ былъ уже наставленъ,—а не съ тѣмъ, чтобы переписать тебѣ то же, что дѣлали „многіе",—

чтобы узналъ то, чего прежде не зналъ или не такъ зналъ, какъ будешь теперь знать, разумѣется, потому, что теперь сообщается тебѣ твердое основаніе, именно историческое, въ порядкѣ изложенное повѣствованіе о Христѣ, писанное на основаніи Апостольскаго преданія,—оно есть основаніе прежде сообщеннаго тебѣ устнаго ученія. Эта цѣль при сознаніи Луки, что πολλοι επεχειρησαν, могла быть только тогда, когда Θеофилу не возможно было узнать την ασφαλιαν изъ (του) ανατaξασθαι των πολλων; а это могло быть потому, что или πολλοι не знали Ев. исторіи такъ же основательно, какъ Лука, и трудами ихъ нельзя было воспользоваться ни Лукѣ, ни Θеофилу, или—потому, что не писали тѣхъ разсказовъ, которые составляли, при чемъ не было твердости въ ихъ (το) ανατaξασθαι. Слѣдовательно хотя πολλοι επεχειρησαν, но они не имѣли την ασφαλιαν. Лука по поводу и въ сознаніи этого намѣренъ былъ изложить Ев. исторію такъ, чтобы Θеофилъ имѣлъ въ ней την ασφαλιαν, чего, разумѣется, въ предварительномъ наставленіи Θеофила не было. Эта ασφαλια была возможна у Луки, потому что онъ вполнѣ достовѣрно зналъ о томъ, о чемъ писали (?) или составляли разсказы πολλοι, и не такъ, какъ знали они.—несовершено, а вполнѣ точно,—зналъ потому, что и ему вмѣстѣ съ другими παρεδοσαν οι απ, αρχης αυτοπται και υπηρεται τȣ λογου γενομενοι. Слѣдовательно, Евангеліе Луки является какъ достовѣрнѣйшее изложеніе событій, о коихъ писали „многіе„ но незнавшіе совершенно достовѣрно о нихъ. Его писаніе достовѣрнѣйшее нежели всѣхъ πολλοι, но именно потому, что оно основано на личномъ непосредственномъ свидѣтельствѣ очевидцевъ и служителей Слова. Это свидѣтельство есть παραδοσις очевидцевъ; это παραδοσις Лука намѣренъ записать для Θеофила; слѣдовательно, παραδοσις было у него неписаннымъ источникомъ; иначе онъ долженъ былъ бы только списать съ него какъ съ Первоевангелія; а такое παραδοσις устраняло бы

и трудъ изслѣдованія, съ котораго Лука начинаетъ свое дѣло; такъ какъ и первая запись Апостольская должна была имѣть ту же цѣль—изложить устную проповѣдь въ порядкѣ, какъ и Евангеліе Луки (за это ручается цѣль всякаго каноническаго Евангелія); παραδοσις Апостоловъ въ писаніи представляло бы ту же ασφαλιαν, какой желаетъ для Θеофила Ев. Лука [366]). Слѣдовательно, Евангеліе Луки имѣло своимъ источникомъ устное преданіе очевидцевъ и служителей Слова, а не частныя записи „многихъ" или писанное преданіе, какъ полагали Эвальдъ и Гольцманъ. О тѣхъ Ев. событіяхъ, о которыхъ слагали разсказы πολλοι, Лука зналъ совершенно достовѣрно,—такъ, какъ ему передали, и такъ вѣрно, какъ могли то сдѣлать сами очевидцы, αυτοπται. Свое знаніе онъ сообщалъ уже и другимъ, напримѣръ Θеофилу. А потому, если бы и были у Луки подъ руками мнимо-писанные διηγησεις των πολλων, то они ему не были бы нужны въ качествѣ источника, такъ какъ то, о чемъ они повѣствовали, Лука самъ зналъ совершенно достовѣрно и безъ нихъ,—зналъ, какъ ему передали свидѣтели очевидцы и слуги Слова отъ начала. Это ненужное предположеніе письменныхъ источниковъ для Луки, знавшаго въ совершенствѣ все ихъ содержаніе по преданію, необъясняетъ и того относительнаго совершенства писанія Луки, которое обозначается словомъ „по порядку," χαθεξης, geordnet. Лука писалъ въ порядкѣ, потому что пользовался многими источниками (διηγησις—у Эвальда); значитъ, этотъ порядокъ онъ находилъ въ нихъ, а поэтому его трудъ, имѣющій своей задачею именно порядокъ, является ненужною новостію,—тѣмъ болѣе, что и этотъ порядокъ не могъ быть

366) Это, по пріему Гольцмана, можно выразить такъ: о томъ, что πολλοι были писателями, онъ заключаетъ изъ словъ: χαμοι—γραφαι χαθεξης. На-оборотъ, изъ того, что сказано ημιν, а не χαμιν (χαι ημιν) слѣдуетъ, что πολλοι не имѣли παραδοσις.

вѣроятнѣе указаннаго въ его источникѣ—διηγησις. Это обстоятельство лишаетъ Евангеліе Луки относительнаго совершенства, изъ-за котораго онъ спеціально принимается за самый трудъ писанія. Нѣтъ, Лука пишетъ Ев. исторію въ порядкѣ, потому что онъ извѣстенъ ему совершенно достовѣрно, такъ, какъ ему передали„ свидѣтели—очевидцы". Евангеліе Луки является дѣйствительно совершеннѣйшимъ писаніемъ, но—потому, что оно не только болѣе упорядочено со стороны послѣдовательнаго изложенія фактовъ Ев. исторіи, а потому, что оно болѣе достовѣрно и точно, αχριβως, нежели διηγησις των πολλων. Но для того, чтобы писать болѣе совершенное, надобно напередъ знать менѣе совершенное, что бы не написать ненужнаго; и Ев. Лука дѣйствительно говоритъ о себѣ: εδοξε χαμοι, παρηχολουθηχοτι ανωθεν πασιν αχριβως χαθεξης σοι γραφαι; но почему εδοξε?—επειδηπερ πολλοι επεχειρησαν... При „тщательномъ изслѣдованіи всего сначала," Лука узналъ, что было невѣрно и чего недоставало въ подробномъ и вѣрномъ повѣствованіи у его предшественниковъ—„многихъ," потомъ написалъ свое Евангеліе, совершеннѣйшее предъ всѣми тѣми по степени достовѣрности и порядку повѣствованія, совершенство котораго состоитъ также главнымъ образомъ, конечно, въ его достовѣрности, —короче говоря, Ев. Лука писалъ на основаніи самаго достовѣрнаго источника—преданія очевидцевъ—Апостоловъ Іисуса Христа.

Такимъ образомъ содержаніе Предисловія, собственно принадлежащаго Евангелію отъ Луки,—какъ самыя подлинныя слова этого Евангелиста,—ясно говоритъ о цѣли и возникновеніи этого труда, именно о томъ, что Лука имѣлъ цѣлію сообщить Өеофилу точнѣйшее, достовѣрное и упорядоченное историческое свѣдѣніе о жизни и ученіи Іисуса Христа на основаніи устнаго непосредственнаго преданія свидѣтелей-очевидцевъ Его,—по поводу того, что „многіе" начали составлять разсказы о Немъ, но не на основаніи такого источника, которымъ

пользовался Евангелистъ Лука. Слѣдовательно, Евангеліе Луки, по его самоподлинному свидѣтельству, имѣло свою цѣль, свой поводъ, свой источникъ и высокое совершенство независимо отъ письменныхъ произведеній „многихъ“ посторонних писателей или составителей Ев. разсказовъ; а потому оно есть трудъ Ев. Луки собственный, некомпилятивный, въ которомъ изложено твердое знаніе жизни и ученія Іисуса Христа, именно—устное преданіе Его Апостоловъ [367]).

Б.

Кромѣ предисловія Евангелія отъ Луки, какъ Эвальдъ, такъ и Гольцманъ находятъ подтвержденіе для своихъ теорій въ другомъ внѣшнемъ или историческомъ свидѣтельствѣ, которое принадлежитъ Папію, епископу Іерапольскому († 120 г.). Онъ передаетъ, что Ев. Матѳей написалъ Ев. изреченія, λογια; а это, будто бы, свидѣтельствуетъ о томъ, что существовало когда-то Собраніе изреченій (Эвальдъ) или источникъ Λ, какъ особое писаніе (Гольцманъ) [368]).

---

367) Такъ оправдывается наша общая мысль о происхожденіи Евангелій изъ *устнаго* Апостольскаго преданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то древнее мнѣніе о смыслѣ стиховъ: 1—4, I гл. Луки, принадлежащее св. Аѳанасію Великому, отъ кое го отступаетъ не только отрицательная, но и апологетическая критика въ данномъ случаѣ, хотя послѣдняя только иногда. Несомнѣнно, что св. Аѳанасій отлично хорошо зналъ греческій языкъ Св. новозавѣтнаго писанія и потому могъ совершенно точно и критически отчетливо опредѣлить смыслъ словъ въ 1—4 стихахъ I-й гл. Луки. И вотъ онъ, имѣя въ виду контекстъ данныхъ стиховъ, говорилъ: «боюся, чтобы, какъ писалъ къ Коринѳяномъ Павелъ, нѣкоторые изъ простодушныхъ не были уклонены отъ простоты и чистоты хитростію человѣковъ и потомъ не начали внимать инымъ книгамъ, такъ называемымъ апокрифическимъ, будучи обмануты единоименностію ихъ съ истинными книгами: то потерпите, молю, аще о извѣстномъ вамъ еще и я воспоминаю ради нужды и пользы церкви. Желая же о семъ воспомянути, употреблю, для оправданія моего дерзновенія, *образъ словесъ Ев. Луки*, и реку и я: понеже нѣкіе начали слагати себѣ такъ именуемыя апокрифическія книги и смѣшивати оныя съ Богодухновеннымъ писаніемъ, о которомъ мы удостовѣрены, якоже предаша отцамъ отъ начала самовидцы и слуги бывшіе словесе: изволися и мнѣ . . . по порядку изложити, какія книги приняты . . .» Изъ 39-го Посл. о Праздн.—См. *Книгу правилъ*. Москва. 1874. Стр. 334—335.

368) Надобно замѣтить, что разборъ этого свидѣтельства Папія можно находить въ весьма многихъ сочиненіяхъ нѣмецкихъ ученыхъ изслѣдователей, то въ довольно подробномъ видѣ, то въ видѣ краткихъ замѣчаній. Такъ самъ Гольцманъ

Эвальдъ указываетъ на свидѣтельство Папія, какъ на сравнительно болѣе опредѣленное, и утверждаетъ, что это свидѣтельство опредѣленно говоритъ въ пользу его мнѣнія, а именно—то, что Евангелистъ Матөей написалъ τα λογια, т. е. изреченія Іисуса Христа по-еврейски. „Конечно, говоритъ Эвальдъ, онъ, т. е. Папій, не придавалъ еще особаго смысла этому слову (—λογιον), а скорѣе полагалъ важность дѣла въ томъ, что Матөей написалъ не въ примѣръ другимъ по-еврейски; однако мы не имѣемъ права смыслъ слова λογια—„изреченія" расширять до послѣдняго предѣла и разумѣть подъ нимъ трудъ, въ которомъ изреченія Христа не были бы единственнымъ и главнымъ дѣломъ,—тѣмъ болѣе, что Папій напередъ сказалъ кратко и совершенно иначе о Евангеліи Марка. Слѣдовательно, мы, заключаетъ Эвальдъ, имѣемъ основаніе тотъ трудъ, который—соотвѣтственно его содержанію—мы назвали Собраніемъ изреченій, разумѣть подъ словомъ λογια, о чемъ и говоритъ Папій". Вотъ и все доказательство; оно очень кратко и шатко!...

Необходимо возникаетъ вопросъ—въ самомъ дѣлѣ, говоритъ-ли Папій о Собраніи изреченій, въ томъ его видѣ, какой опредѣляется теоріей Эвальда, или, напротивъ, онъ говоритъ о каноническомъ Евангеліи отъ Матөея?—

указываетъ многихъ, каковы суть: Tobler, Steitz, Hilgenfeld, Delitsch, Bleek, Baur, Meyer, Siffert, Tholuk, Schneckenbürger, Lachmann, Credner, Weisse, Wieseler, Baumgarten-Crusius, Köstlin, Reuss, Weiss, Lücke, Kern, Fromann, De-Wette, Harless, Ebrard, Kuhn, Guerike, Thirsch, Feilmoser, Schleiermacher, Strauss, Gfrörer, Schwegler, Fritsch, Weizsäcker, Sepp, Kirchhofer u. v. a. Въ нашей отечественной литературѣ разборъ этого свидѣтельства тоже есть. См. у *Архм. Сергія*,—Несомнѣнная истинность Ев. и Ап. исторіи. М. 1867. Стр. 9—11. Полнѣе еще—у *Архм. Михаила*,—о Евангеліяхъ и Ев. исторіи. М. 1870. Стр. 106—112. Почти тоже—у *Свящ. Влад. Маркова*,—о Евангеліи отъ Матөея. М. 1873. Стр. 129—137.—Тѣмъ не менѣе, въ виду новыхъ возраженій Гольцмана главнымъ образомъ противъ этого свидѣтельства, намъ приходится сдѣлать разборъ этого свидѣтельства снова и нѣсколько иначе.

По крайней мѣрѣ, здѣсь нельзя находить указаніе на существованіе именно Собранія изреченій, предполагаемаго теоріей Эвальда. Онъ самъ прямо говоритъ: „мы не имѣемъ права смыслъ выраженія λογια—Sprüche расширять до послѣдняго предѣла“. Очевидно, здѣсь Эвальдъ даетъ возможность принимать слово λογια въ болѣе или менѣе тѣсномъ смыслѣ, если на то будетъ дано право. Онъ признаетъ въ нѣкоторомъ отношеніи возможнымъ расширеніе смысла λογια и до крайняго предѣла, если на то опять дано будетъ право. Самъ онъ не желаетъ понимать—это слово въ обширнѣйшемъ его смыслѣ, ограничиваясь значеніемъ только изреченія или рѣчи. Но Эвальдъ, съ своей точки зрѣнія, не имѣетъ права распространять точнаго значенія слова λογια; по праву онъ долженъ признавать за нимъ только буквальное значеніе. Иначе, онъ даетъ возможность и право безпрепятственно переходить отъ точнаго къ менѣе точному и самому неточному значенію. Однако, Эвальдъ напрасно заявляетъ здѣсь о томъ, что онъ не имѣетъ права понимать слово λογια иначе, а не какъ ему желательно. Онъ самъ неоднократно прежде, какъ и въ настоящемъ случаѣ, отступалъ и отступаетъ отъ буквальнаго пониманія нѣкоторыхъ словъ въ текстѣ историческихъ свидѣтельствъ. Такъ, напримѣръ, еще прежде простому слову ευαγγελιστης онъ для своей цѣли придавалъ значеніе нетолько благовѣстника, но и составителя письменныхъ разсказовъ, собирателя устныхъ сказаній о Христѣ,—значеніе, которое скорѣе опирается на особенное употребленіе этого слова, нежели на этимологическій составъ его. Въ настоящемъ же случаѣ—относительно свидѣтельства Папія—Эвальдъ соображаетъ иначе: онъ говоритъ, что нѣтъ права понимать слова λογια въ иномъ, обширномъ, а не въ тѣсномъ смыслѣ, какъ изреченіе—Spruch... Но и здѣсь Эвальдъ самъ первый поступаетъ противъ своего собственнаго правила и понимаетъ слово λογια не въ одномъ только буквальномъ его значеніи...

Этимологически слово λογιον(α)—отъ λογος (или λογιζομαι)—значитъ собственно: связь, собраніе, сношеніе; потомъ—изреченіе; отсюда—изреченіе бога (оракула), отвѣтъ, откровеніе, правило божественное [369]). Какое же значеніе даетъ Эвальдъ слову λογιον и—λογος?—За словомъ λογος Эвальдъ признаетъ значеніе слова Божія, Евангелія и всего Священнаго Писанія. Именно такъ объясняя слова Луки гл. I, ст. 1—4, онъ говоритъ, что Апостолы были очевидцами и слугами Слова, του λογου, именно—Евангелія, которое по обороту рѣчи, не мало употреблявшемуся въ вѣкъ Апостольскій, еще называлось словомъ Божіимъ или короче—Словомъ. Это выраженіе, конечно, само по себѣ тоже могло обозначать и слово Божіе ветхаго завѣта".—Дѣло въ томъ, что словомъ λογος, по мнѣнію Эвальда, называлось все Священное Писаніе [370]); слѣдовательно, λογος и λογιον означали не только слово, но и рѣчь о дѣлахъ,—слово и дѣло, что́ на Еврейскомъ языкѣ обозначается однимъ словомъ dawar,—слово и дѣло. Это вѣроятно еще болѣе потому, что λογια, по мнѣнію Эвальда, были написаны на еврейскомъ языкѣ. Если же это такъ, то согласно съ тѣмъ Эвальдъ долженъ понимать и слово λογια, какъ слово одного корня съ λογος, такъ какъ и λογια соотвѣтствуетъ слову dewarim.—Нѣтъ, Эвальдъ не желаетъ этого. Тѣмъ не менѣе онъ, вопреки своему желанію и праву, долженъ и здѣсь отступить отъ своего правила; этого требуетъ лексикальное значеніе слова λογιον. Слово λογιον значитъ именно: а) изреченіе оракула, б) отвѣтъ бога (языческаго), в) откровеніе божественное вообще. Въ сви-

---

369) Ср. по Schleisner'у— W. λογιον (a v. λογος).

370) Эвальдъ не только указываетъ, но и доказываетъ такое употребленіе слова λογος и—относительно словъ Ευαγγελιον и ευαγγελιζω: X, 7; XIV, 6. Оно находится у Луки очень часто: Ев. V, 1, VIII, 11—21. XI, 28. Дѣян. IV, 4. 31. VI, 2. 4. 7. VIII, 14 (4). XXI, 25. X, 44. XII, 24 и т. д. Изъ этого ясно, говоритъ Эвальдъ, что рѣчь Евангелистовъ допускала такое сокращеніе словъ. См. Jahrb. d. b. W. 1849. S. 183.

дѣтельствѣ Папія слово λογιον нельзя понимать въ первомъ смыслѣ, потому что несомнѣнно это были λογια του Κυριου. Если принять это слово во второмъ смыслѣ, то въ Собраніи изреченій, предполагаемомъ у Эвальда, должны быть помѣщены только отвѣты Господа и должно быть исключено главное содержаніе его—Нагорная проповѣдь, ибо она сказана не какъ отвѣтъ на вопросъ, а въ видѣ прямой рѣчи. Съ другой стороны, отвѣты предполагаютъ вопросы и Собраніе отвѣтовъ безъ вопросовъ не должно быть. А если такъ, то слово λογια будетъ означать бесѣды, а не отвѣты; это значеніе уже не лексикальное. Если же принять это значеніе, то слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предположить, что въ Евангеліи отъ Матѳея были и нѣкоторыя указанія на тѣ историческія побужденія, по которымъ велись бесѣды. Такое значеніе за словомъ λογια принужденъ признать и самъ Эвальдъ. Онъ, съ одной стороны, утверждаетъ, что подъ словомъ λογια у Папія должно разумѣть Собраніе изреченій, а съ другой, что это Собраніе изреченій содержало въ себѣ не одни только рѣчи или изреченія, но и историческія введенія, показывавшія, по какимъ обстоятельствамъ они были произнесены, именно—небольшіе разсказы. Здѣсь важно то, что въ λογια должны были находиться разсказы, а не исключительно изреченія. Теперь—вопросъ: почему и сколько въ Собраніи изреченій должно допустить историческаго содержанія, или—какъ и чѣмъ опредѣлить его много, мало и столько?—У Эвальда нѣтъ на это опредѣленной мѣры. Онъ вноситъ въ содержаніе Собранія изреченій чисто историческіе разсказы, неимѣющіе иногда необходимой органической или чисто логической связи съ тою или другою Ев. рѣчью. Такъ, напримѣръ: у Матѳея,—III, 4—6 ст., гдѣ разсказывается, каковъ былъ Іоаннъ Креститель по виду и жизни; или—у Матѳея въ XII, 22—25 ст., гдѣ говорится: „тогда привели къ Нему (Іисусу) бѣсноватаго слѣпаго и нѣмаго; и (Онъ) исцѣлилъ его такъ, что слѣпой и нѣмой сталъ и говорить и видѣть. И ди-

вился весь народъ, и говорилъ: не это ли Христосъ, Сынъ Давида? Фарисеи же, услышавъ сіе, сказали: Онъ изгоняетъ бѣсовъ не иначе, какъ силою веельзевула, князя бѣсовскаго... [371]). Слѣдовательно, λογια означаетъ не изреченія только, а бесѣды съ историческими введеніями. Но если это—такъ, то каноническое Евангеліе отъ Матѳея почти все состоитъ изъ такихъ бесѣдъ; потому что всѣ бесѣды Спасителя были при различныхъ обстоятельствахъ и всѣ дѣла Его сопровождались рѣчами или изреченіями Его и постороннихъ лицъ,—отвѣтами, собесѣдованіями, совѣщаніями. Такъ, напримѣръ, крещеніе Христа сопровождалось бесѣдою съ Іоанномъ Кр., искушеніе Спасителя—бесѣдою съ духомъ-искусителемъ, и т. п. Но если Эвальдъ одни дѣла Господа, при совершеніи которыхъ Онъ велъ свои бесѣды, относитъ къ числу λογια; то слѣдуетъ относить туда же и другія подобныя, и почти всѣ; такъ какъ всѣ дѣйствія Спасителя сопровождались Его бесѣдами,—Его устнымъ словомъ по какому либо поводу. Если же въ Евангеліяхъ и находятся нѣкоторыя историческія примѣчанія, по видимому не строго относящіяся къ извѣстной рѣчи, то и они, однако, имѣютъ цѣлію—выяснить эту рѣчь съ исторической ея стороны; таковы, напримѣръ, указанія Евангелистовъ, что Спаситель былъ въ такомъ-то мѣстѣ, потомъ отправился въ другое, за Нимъ слѣдовалъ народъ, такое-то слово или дѣло произвело извѣстное впечатлѣніе и м. т. п. Но и при всѣхъ подобныхъ историческихъ замѣчаніяхъ Евангеліе отъ Матѳея можетъ быть названо Собраніемъ бесѣдъ Христовыхъ или λογια,—на чемъ настаиваетъ теорія Эвальда.—Въ самомъ дѣлѣ, если Евангелистъ записывалъ рѣчи Господа, то онъ долженъ былъ изложить и то, гдѣ они были сказаны, по какому поводу,

371) См. другіе подобные и многіе примѣры — у Эвальда, въ его d. Drei ersten Evangelien, —по соотвѣтствующему шрифту *Собранія изреченій*.

какое произвели впечатлѣніе на слушателей и т. п. Но вотъ онъ долженъ дать названіе этому своему труду; является вопросъ—о чемъ онъ писалъ?—конечно, о томъ, что̀ Іисусъ проповѣдывалъ, ходя и исцѣляя всякій недугъ въ людяхъ... Слѣдовательно, онъ записалъ, главнымъ образомъ, рѣчи, сказанныя Господомъ тогда-то, тамъ-то, такъ-то... Понятіе р ѣ ч и здѣсь остается главнымъ и существеннымъ. Сообразно съ этимъ и названіе Евангельской книги могло быть болѣе соотвѣтствующимъ дѣлу такое—бесѣды или изреченія Христа. Но если бесѣды Христа можно было назвать λογια, то и трудъ, заключающій ихъ, Папій могъ назвать также словомъ λογια. Это названіе соотвѣтствуетъ главному предмету Ев. писанія; но, какъ всякое такое названіе, оно не исключаетъ непремѣнно-придаточныхъ и второстепенныхъ частей его содержанія. Названіе λογια дано Евангелію отъ Матѳея потому, что въ немъ содержатся большею частію бесѣды, а меньшею—разсказы, причемъ въ большинствѣ и самыхъ разсказовъ содержатся также рѣчи Христовы съ указаніемъ историческихъ обстоятельствъ ихъ произнесенія. Это ясно вполнѣ по сравненію самаго названія λογια съ тѣмъ, какое носитъ трудъ Ев. Марка. Онъ называетъ свое писаніе Ευαγγελιον τȣ Ιησου Χριστου, т. е. благовѣстіемъ, хотя оно содержитъ описаніе дѣлъ Спасителя болѣе, нежели изложеніе рѣчей и изреченій Его; оно менѣе проповѣдь, чѣмъ историческое повѣствованіе. А если оно называется благовѣстіемъ Іисуса Христа, то—по существенному предмету своего содержанія (ср. Мр. гл. I, ст. 1 и 14-й,—κηρυσσων το ευαγγελιον της βασιλειας...). Подобно тому и слово λογια можетъ означать вообще бесѣды Христа, изъ коихъ дѣйствительно и состоитъ бо̀льшая часть каноническаго Евангелія отъ Матѳея. Дѣйствительно, оно содержитъ собесѣдованіе Господа—то съ Іоанномъ Крестителемъ, то съ народомъ, то съ Своими Учениками, то съ фарисеями и пр. Слѣдовательно, λογια του Κυριου есть точное названіе труда Ев. Матѳея: оно бо-

лѣе соотвѣтствуетъ его содержанію, нежели, напримѣръ, λογος, потому что слово λογια значитъ собственно „божественныя откровенія", какъ и слѣдуетъ назвать всѣ бесѣды Господа.

Это заключеніе слѣдовало бы признать вполнѣ удовлетворительнымъ для положительнаго рѣшенія вопроса о значеніи слова λογια; но противъ такого заключенія имѣются еще нѣкоторыя возраженія другаго изслѣдователя вопроса о Папіевомъ выраженіи—λογια, именно—Гольцмана. Онъ главнымъ образомъ опирается на контекстъ этого свидѣтельства, имѣя въ виду, что сказано объ этомъ свидѣтельствѣ со стороны апологетическихъ изслѣдователей того же свидѣтельства.

„Обратимъ вниманіе, говоритъ Гольцманъ, на важныя основанія изъ свидѣтельства Папія, приводимыя въ пользу подлинности каноническаго Евангелія отъ Матѳея". Затѣмъ онъ прямо излагаетъ эти основанія въ трехъ пунктахъ, сопровождая ихъ своими отрицательно-критическими замѣчаніями; и такимъ образомъ, въ этомъ древнѣйшемъ свидѣтельствѣ онъ находитъ, по его выраженію, „блестящее оправданіе своего изслѣдованія".

1.—Λογιον, говоритъ Гольцманъ, по общему греческому и эллинистическому языкоупотребленію значитъ не „изреченіе вообще", но скорѣе—„божественное изреченіе". Такъ и Отцы церкви подъ этимъ словомъ понимали цѣлое, какъ учительное, пророческое, такъ вмѣстѣ и историческое содержаніе Св. Писанія. Но, продолжаетъ критикъ, ко времени Папія еще не существовало никакого(?) новозавѣтнаго священнаго писанія. Если бы Папій представленіе о вдохновеніи (Inspiration) уже вознамѣрился перенести на нѣкоторыя отрывочныя писанія Евангелистовъ, извѣстныя ему съ опредѣленнымъ именемъ, то по крайней мѣрѣ онъ призналъ бы ихъ недостаточными. Могъ-ли онъ еще прежде и такъ рано обозначить содержаніе Евангелія, какъ λογια Κυριακα (ср. Евр. V, 12—τα λογια του Θεου...)? Поэтому иные подъ словомъ λογια разумѣли устныя преда-

нія объ Іисусѣ. Но какъ могъ Апостолъ Матѳей, какъ „самовидѣцъ", поставить задачей своего труда—собираніе устныхъ преданій и слагать ихъ въ видѣ Евангелія?—Скорѣе съ этимъ словомъ (λογια) тѣсно соединяется понятіе авторитета (effatum, oraculum). Рѣчи, повелѣнія, сентенціи, ученіе и пророчество Іисуса образовали первое содержаніе Апостольскаго преданія; а разсказы только тогда могли быть названы λογια, когда они стояли уже въ каноническомъ писаніи и сами являлись какъ откровенія Святаго Духа (effata Spiritus sancti), т. е. только спустя долго послѣ Папія" [372]). Нѣтъ, все это неправда. Если слово λογιον по общему греческому и эллинистическому словоупотребленію означаетъ божественное изреченіе, какъ откровеніе; то въ этомъ смыслѣ, а не въ иномъ, и Папій всего скорѣе могъ приложить это слово къ Евангелію отъ Матѳея. Важно здѣсь не то, что словомъ λογια обозначено Евангеліе отъ Матѳея, а то, что собраніе рѣчей Господа Іисуса Христа, составленное Матѳеемъ, получило именно это авторитетное названіе λογια, что значитъ Божественное откровеніе. Поэтому-то не было нужды Папію дожидаться того времени, когда церковь кононизовала священныя Ново-завѣтныя книги и, между прочимъ, писаніе Ев. Матѳея, чтобы рѣчи Господа, собранныя ранѣе, признать за „откровенія" Его. Самая идея вдохновенія (Inspiration) и канона должна была существовать, конечно, ранѣе самаго собранія каноническихъ книгъ вмѣстѣ. Какъ собираніе, такъ и отдѣленіе св. писаній отъ прочихъ предполагаютъ общую церковную увѣренность въ ихъ Божественномъ достоинствѣ, какъ книгъ Боговдохновенныхъ. Раздѣлялъ ли такую увѣренность самъ Папій въ отношеніи къ писанію Ев. Матѳея?—Это несомнѣнно по самымъ словамъ того же свидѣтельства. Гольцманъ понимаетъ это

---

372) Holtzmann,—S. 251.

свидѣтельство Папія такъ: „онъ (Папій) свидѣтельствуетъ объ Апостолѣ Матѳеѣ, что сей составилъ изреченія Господа—λογια του Κυριου.." Если самъ Гольцманъ такъ понимаетъ свидѣтельство Папія, то слово του Κυριου показываетъ, насколько были авторитетны для Папія рѣчи, собранныя Матѳеемъ: для Папія они были λογια του Κυριου. А сказать, что это—бесѣды Господа, значитъ тоже, что признать ихъ „откровеніями" Его. Могъ ли, далѣе, Папій быть убѣжденъ въ томъ, что эти „бесѣды Христа," записанныя Ев. Матѳеемъ дѣйствительно, принадлежатъ этому Евангелисту, какъ дѣло его вдохновеннаго воспоминанія и—точно Христовы рѣчи?—На это отвѣчаетъ положительно во-первыхъ то обстоятельство, что самъ Папій получилъ о томъ свое свѣдѣніе отъ пресвитера Іоанна, ученика прямо Апостольскаго (если не отъ Апостола Іоанна), во-вторыхъ то, что Папій самъ занимался изслѣдованіемъ подобныхъ вопросовъ и тщательно узнавалъ о томъ, что относится къ истинѣ Евангелія. Это мнѣніе о немъ раздѣляетъ и самъ Гольцманъ [373]). Остается припомнить, что вѣра въ божественный авторитетъ Лица Христова и отсюда въ божественный авторитетъ Его рѣчей, какъ откровеній, увѣренность въ божественномъ достоинствѣ и Апостольскаго слова (а въ частности и проповѣди Ев. Матѳея), были не только у самихъ Апостоловъ (ср., напримѣръ, Дѣян. VI, 10 ст. I Кор. II, 4, 5 и 10) и непосредственныхъ преемниковъ ихъ, но и вообще во всей церкви Христовой во всѣ времена, какъ и во второмъ вѣкѣ ея существованія. А потому и Папій, епископъ Апостольскаго вѣка, несомнѣнно зналъ и питалъ ту же вѣру въ авторитетъ Апостольскаго устнаго и письменнаго слова [374]). Онъ, будучи

---

373) Holtzmann,—S. 249.

374) Ученіе *о вдохновеніи* св. Писанія Новаго Завѣта въ исторически послѣдовательномъ порядкѣ изложено у Ersch'a und Gruber'a въ Allgemeine Encyklopädie W. und K. Leipzig. 1841. II. 19. S. 72 u. f.

епископомъ Іерапольскимъ, занимался изслѣдованіемъ „свидѣтельствъ, относящихся къ жизни, дѣламъ и ученію Іисуса Христа"; а потому ему, какъ и другимъ древнѣйшимъ Отцамъ церкви (Иринею Ліонскому, Клименту Александрійскому и др.), несомнѣнно было извѣстно Апостольское ученіе о Христѣ Спасителѣ, котораго онъ по этому называетъ Господомъ—и слова его—λογια του Κυριου,—еще до времени составленія Новозавѣтныхъ каноническихъ писаній, до полнаго развитія и церковнаго опредѣленія ученія о вдохновеніи,—подобно другимъ древнѣйшимъ Отцамъ церкви.

2.—„Гильгенфельдъ, по словамъ Гольцмана, изъясняетъ свидѣтельство Папія о Евангеліи Матѳея изъ свидѣтельства его о Евангеліи Марка". Вотъ это свидѣтельство: „пресвитеръ Іоаннъ говорилъ и то, что Маркъ, истолкователь Петра, съ точностію записалъ, сколько запомнилъ, то, чему училъ и что говорилъ Христосъ,—τα υπο τε Χριστου η λεχθεντα η πραχθεντα,—хотя и не по порядку,—ου μεντα ταξει,—потому что самъ не слушалъ Господа и не сопутствовалъ Ему. Въ послѣдствіи, правда, онъ былъ, какъ сказано, съ Петромъ, но Петръ излагалъ ученіе съ цѣлію удовлетворить нуждамъ слушателей, а не съ тѣмъ, чтобы бесѣды Господни передавать по порядку (συνταξις των κυριακων λογιων). Посему Маркъ нисколько не погрѣшилъ, описывая нѣкоторыя событія такъ, какъ припоминалъ ихъ; онъ заботился только о томъ, какъ-бы не пропустить чего нибудь слышаннаго, или не переиначить. Такъ Папій повѣствуетъ о Маркѣ, а о Матѳеѣ онъ (Папій) говоритъ слѣдующее: Матѳей записалъ бесѣды (λογια) Господа на еврейскомъ языкѣ, а толковалъ (ηρμηνευσε) ихъ кто какъ могъ" [375]). Маркъ, продолжаетъ Гольцманъ, написалъ ου μεντοι ταξει τα υπο

375) У *Евсевія* Кесарійскаго: Церк. Исторія: III, 39,—по рус. переводу при С.—Птб. Д. Академіи.

τϰ Χριστοῦ η λεχθεντα η πραχθεντα; но Папій, имѣя въ виду прежде всего рѣчи Христа, не обращаетъ вниманія на πραχθεντα, а потому и говоритъ далѣе: αλλ' ουχ ωσπερ συνταξιν των χυριαχων ποιϰμενος λογιων (или скорѣе λογων); слѣдовательно, противоположности между λογια Матѳея и τα λεχθεντα η τα πραχθεντα нѣтъ; а есть противоположность только въ недостаткѣ порядка, котораго по словамъ Папія нѣтъ именно у Марка. А что вопреки Марку у Матѳея, по словамъ Папія, находится συνταξις των λογιων, это произошло просто отъ того, что рѣчи образуютъ существенное содержаніе его Евангелія. Но, критически замѣчаетъ Гольцманъ, контрастъ въ свидѣтельствѣ Папія (о Маркѣ и Матѳеѣ) можно признать двойственнымъ; такъ что въ противоположность отрывкамъ только рѣчей (—у Матѳея), полное Евангеліе, какъ каноническое Евангеліе отъ Марка, было обозначено какъ содержащее υπο τϰ Χριστου η λεχθεντα η πραχθεντα“ [376]).

—Нѣтъ. Маркъ записалъ τα λεχθεντα η τα πραχθεντα, но не въ порядкѣ, такъ какъ онъ записывалъ по воспоминанію то, что говорилъ Ап. Петръ; а Петръ говорилъ тоже не въ историческомъ порядкѣ. Очевидно, однако, что слово „порядокъ“ относится къ τα λεχθεντα и къ τα πραχθεντα,—у Марка то и другое было „не въ порядкѣ“, но то и другое должно было изложить „въ порядкѣ“. Слѣдовательно, η λεχθεντα η πραχθεντα, написанное въ порядкѣ, будетъ συνταξις των λογιων, а написанное не въ порядкѣ будетъ просто τα λογια. Въ томъ и другомъ случаѣ η λεχθεντα η πραχθεντα будетъ то же, что λογια. Но словомъ λογια Папій обозначаетъ Евангеліе Матѳея, говоря: Ματθεος μεν ουν εβραΐδι διαλεχτω τα λογια συνεταξατο... Слѣдовательно, и содержаніе λογια есть то же, что η λεχθεντα η πραχθεντα Марка; это такъ тѣмъ болѣе, что въ трудѣ Матѳея Папій указываетъ именно συνταξις

---

376) Holtzmann,—S. 251.

(συνεταξατο) τον λογιων τȣ Κυριου.—Этому выводу противорѣчитъ то соображеніе Гольцмана, что Папій говоритъ будто-бы объ отсутствіи порядка только въ рѣчахъ Евангелія Марка,—въ τα λεχθεντα; и потому нельзя заключать о тожествѣ λογια съ τα λεχθεντα η πραχθεντα,—λογια соотвѣтствуютъ, будто бы, только τα λεχθεντα.—Нѣтъ; Маркъ записалъ по воспоминанію то, что говорилъ Ап. Петръ и не въ порядкѣ, такъ, какъ преподавалъ ученіе самъ Петръ (προς τας χρειας εποιειτο τας διδασκαλιας). Конечно, нельзя предполагать, чтобы Петръ только изреченія Господа передавалъ προς τας χρειας, потому что прямо сказано—διδασκαλιας, а не λογια. А если такъ, то слѣдуетъ, что все Евангеліе—τα λεχθεντα η πραχθεντα, записанное со словъ Ап. Петра, было изложено Маркомъ не въ порядкѣ. А потому, если сказано, что Ап. Петръ не имѣлъ въ виду передавать „бесѣды Господни" по порядку, то значитъ, что этотъ непорядокъ простирался на все преподаваемое имъ ученіе или Евангеліе. Такимъ образомъ Папій говоритъ не объ однихъ „бесѣдахъ" Марка, но о всемъ его Евангеліи.—Теперь, ученіе, διδασκαλια Петра тоже-ли, что Κυριακα λογια?—Папій говоритъ:... Ος (Πετρος) προς τας χρειας εποιειτο τας διδασκαλιας... Что отсюда слѣдуетъ?—то, что Πετρος εποιειτο ου ταχξει... Потомъ Папій говоритъ: αλλ' ουχ ωσπερ συνταχξιν των κυριακων ποιȣμενος (Πετρος) λογιων... Почему?—потому что (Πετρος) προς τας χρειας εποιειτο τας διδασκαλιας. Здѣсь одна мысль поясняется другой: διδασκαλιας стоитъ вмѣсто λογια и на-оборотъ. Петръ излагалъ λογια κυριακα не по порядку, потому что εποιειτο τας διδασκαλιας не въ порядкѣ. Отсюда, если Петръ преподавалъ „бесѣды Господни" не въ порядкѣ; то почему же у Марка не были изложены въ порядкѣ κυριακα λογια?—очевидно, потому, что эти κυριακα λογια суть тоже что διδασκαλιαι Ап. Петра, которыя Ап. Петръ преподавалъ не въ порядкѣ. Отсюда,—порядокъ въ λογια таковъ же что и въ διδασκαλιας; потому что говоря о порядкѣ въ λογια, Папій раз-

умѣетъ тотъ же порядокъ что и въ διδασκαλιας. Порядокъ въ λογια тотъ же, что порядокъ въ διδασκαλιας, потому что λογια то же что διδασκαλιαι. Но слово διδασκαλια обозначаетъ все ученіе Ап. Петра; а ученіе это было то же, что Евангеліе Марка; а его Евангеліе было τα λεχθεντα η πραχθεντα. Слѣдовательно,—τα λεχθεντα η πραχθεντα—то же, что διδασκαλια Ап. Петра или λογια κυριακα; отсюда, λογια—то же, что τα λεχθεντα η πραχθεντα; а λογια—Евангеліе отъ Матѳея; слѣдовательно, каноническое Евангеліе отъ Матѳея, по Папію—то же, что λογια или τα λεχθεντα η πραχθεντα (какъ Евангеліе Марка).

Такое значеніе слова λογια находится и у самого Папія, въ его собственномъ сочиненіи; но и противъ этого рѣшительно возражаетъ Гольцманъ.

3.—„И Папій написалъ λογια (собственно Λογιων κυριακων εξηγησις); но въ его произведеніи существовали, по Экуменію и Ѳеофилакту, также и нѣкоторые разсказы, напримѣръ, о погибели Іуды Искаріотскаго. За то, критически возражаетъ Гольцманъ, произведеніе Папія не было никакимъ συνταξις, но εξηγησις λογιων κυριακων. А изъяснять (εξηγεομαι) можно было прежде слова, а потомъ чудеса и притомъ—съ прибавленіемъ исторіи" 377). Нѣтъ, сущность дѣла не въ томъ, что Матѳей писалъ συνταξις, а Папій—εξηγησις, а въ томъ, что у того и другаго предметомъ труда были λογια κυριακα.—Что это были за λογια у самаго Папія?—только изреченія, думаетъ Гольцманъ. Но что это за трудъ состоящій изъ однихъ только изреченій,—кто могъ имъ удовлетвориться?—Однихъ „чистыхъ изреченій" было не достаточно для того, чтобы ознакомиться съ ученіемъ Спасителя, особенно когда преданіе о Его жизни было извѣстно многимъ (Лук. I, 1—4 ст.). И дѣйствительно, самъ же Папій пишетъ εξηγησις λογιων, чѣмъ указывается на то, что однихъ из-

---

377) Holtzmann,—S. 251—252.

реченій безъ объясненія историческаго недостаточно было для вѣрующихъ,—чистыя изреченія сами по себѣ понятны не вполнѣ ясно. Но что же былъ это за ἐξήγησις?—Въ немъ помѣщались историческіе разсказы, какъ-то: объ Іудѣ предателѣ, о женѣ взятой за прелюбодѣяніе и т. п. Слѣдовательно, это былъ не филологическій ἐξήγησις, а историческій, какъ полагаетъ и самъ Гольцманъ,—изложеніе изреченій въ связи съ историческими фактами. Теперь, какое же различіе его труда отъ такого Евангелія, гдѣ содержатся τὰ λεχθέντα ἢ πραχθέντα?—Въ такомъ Евангеліи, какъ, напримѣръ, Марково, не слѣдуютъ сначала рѣчи, а потомъ событія; этого и не могло быть, потому что Спаситель говорилъ свои рѣчи и при своихъ дѣлахъ: поэтому отдѣлять одно отъ другаго нельзя безъ ущерба для яснаго и полнѣйшаго пониманія самыхъ рѣчей. Такъ, различія въ данномъ отношеніи между σύνταξις и ἐξήγησις у Папія нѣтъ,—въ томъ и другомъ должны быть и были τὰ πραχθέντα. Въ самомъ дѣлѣ, что такое σύνταξις Матѳея?—несомнѣнно,—τὰ λεχθέντα, ἢ πραχθέντα въ томъ видѣ, какъ они находятся въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка, какъ и преподавались вмѣстѣ, въ видѣ διδασκαλία, потому что и у Спасителя то и другое было вмѣстѣ, какъ дѣла, такъ и слова. А потому, простая ли запись и простое изложеніе или въ собственномъ смыслѣ σύνταξις словъ Спасителя, все равно,—эти слова необходимо должно было излагать вмѣстѣ съ Его дѣлами, или такъ, какъ напримѣръ въ Евангеліи отъ Марка или въ большемъ порядкѣ, какъ у Матѳея; иначе излагать ихъ было нельзя. А потому σύνταξις Матѳея тоже въ данномъ отношеніи, что ἐξήγησις у Папія и Евангеліе Марка.—За это еще яснѣе говоритъ самый контекстъ свидѣтельства. Маркъ, говоритъ Папій, записалъ τὰ λεχθέντα ἢ τὰ πραχθέντα, но не σύνταξις, а Матѳей—σύνταξις, что указываетъ главнымъ образомъ только на порядокъ. Съ другой стороны λόγια Спасителя у Марка изложены вмѣстѣ съ τὰ πραχθέντα, но не въ порядкѣ; у Матѳея въ порядкѣ,—σύνταξις. Отсюда,—Маркъ изло-

жилъ τα λεχθεντα η πραχθεντα вмѣстѣ, хотя οὐ συνταξει; слѣдовательно въ томъ Евангеліи, гдѣ былъ συνταξις λογιων, эти λογια тѣмъ болѣе должны быть вмѣстѣ съ τα πραχθεντα: иначе немыслимъ никакой порядокъ въ отношеніи къ словамъ Спасителя!... Это вполнѣ оправдывается, наконецъ, тѣмъ фактомъ, что параллельныя рѣчи въ каноническихъ Евангеліяхъ отъ Матѳея и Марка имѣютъ одинъ и тотъ же порядокъ и одинаково у того и другаго Евангелиста изложены съ историческими обстоятельствами [378]). Это такъ и должно быть, потому что порядокъ рѣчей Господа долженъ быть въ собственномъ смыслѣ одинъ,—тотъ самый, въ какомъ Самъ Господь излагалъ въ бесѣдахъ Свое ученіе. Слѣдовательно, ἐξηγησις Папія, λογια Матѳея, какъ и Евангеліе Марка, не могли содержать въ себѣ изреченій и рѣчей Христа безъ ихъ историческихъ обстоятельствъ.

Теперь остается еще указать, почему содержаніе Евангелія отъ Марка, какъ и Матѳея получило названіе λογια Κυριακα, если λογια буквально не значитъ проповѣдь и т. п. ?—На это отвѣчаетъ уже не контекстъ свидѣ-

---

378) Здѣсь слѣдуетъ припомнить, что самъ же Гольцманъ, въ началѣ своего изслѣдованія, разсуждая о буквальномъ сходствѣ Синоптическихъ Евангелій, замѣчаетъ, между прочимъ, что „ebenso sind einzelne Redeabschnitte bie allen Dreien, häufiger noch bei Zweiten buchstäblich gleich referirt, was im griechischen Ausdrück um so mehr befremdet, da Iesus aramäisch sprach. So z. B. die eschatologischen Weissagungen Mt. 24, Mr. 13, Lc. 21, wo nicht blos die affectvollen Stellen sogar wörtlich gleich lauten, sondern auch in bedeuternderen Nebenpartien fast ganz dieselbe Bestimtheit und Ausführlichkeit der Rede anzutreffen ist“. Holtzmann,—S. 12. II, 3. Послѣ этого понятно, что συνταξις Матѳея не касался порядка въ составѣ извѣстной рѣчи, а только расположенія всѣхъ Ев. рѣчей; въ этомъ и состояло отличіе Марка отъ Матѳея, по контексту свидѣтельства Папія; слѣдовательно, λογια Матѳея были тѣ же бесѣды Евангелія Марка по содержанію, но изложенныя въ большемъ порядкѣ.

тельства Панія, а употребленіе самаго слова λογιον въ священной библейской, отеческой, канонической и вообще церковной литературѣ Ветхаго и—главное—Новаго Завѣта,—въ смыслѣ именно откровенія.—Слово λογιον есть сокращеніе отъ λογος. Но λογος въ Библіи употребляется въ смыслѣ болѣе широкомъ, чѣмъ только въ буквальномъ. Λογος соотвѣтствуетъ Еврейскому слову dawar, что значитъ слово и дѣло: одна изъ Св. книгъ Ветхаго Завѣта и называется по-еврейски Dibrei hajomim, что значитъ—„Слова или дѣла дней". Переводъ этихъ словъ на греческій языкъ долженъ быть такой: λογοι των ημερων [379]). Впослѣдствіи словомъ λογος стали обозначать откровеніе и прежде всего Ветхозавѣтное; такъ, въ книгѣ пророка Варуха, написанной по-гречески: ουτοι λογοι του βιβλιυ... (гл. I, ст. 1) [380]). Далѣе, Филонъ, ученый Александрійскій, говоритъ объ Египетскихъ Θерапевтахъ, что они принимали νομος και λογια θεοπισθεντα δια προφητων και υμνους και τα αλλα [381]).—Послѣ этого, собственно въ христіанской священно-библейской, отеческой и церковно-канонической письменности слово λογιον употребляется прямо въ смыслѣ божественнаго откровеннаго (вдохновеннаго) слова. Такъ: а) Ев. Лука въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ говоритъ: ος εδεξατο λογια ζωντα δουναι ημιν (гл. VII, 38). б)—Ап. Петръ въ 1-мъ посланіи своемъ: ει τις λαλει, ως λογια Θεου... (I Петр. IV, 11). в)—Ап. Павелъ въ Посланіи къ Римлянамъ: πρωτον μεν γαρ οτι επιστευθησαν τα λογια του Θεου... (гл. III, 2); въ Посл.

---

379) Dibrei hajomim или Chronicorum, или παραλειπομενων; послѣднее—не буквальный переводъ перваго названія этой книги.

380) Ср. Sepp'a: Hebräer—Evangelium. München. 1870. S. 106. Bemerk.

381) De vita contemplat. См. «Изъ чтеній по Ветх. Завѣту»,—въ «Труд. Кіев. Д. Акад.» 1871. Іюль. Стр. 90—91. Примѣч. 1-е. Ср. Opp. tom. II. p. 215, ed. Mangey.

къ Евреямъ: *τα στοιχεια της αρχης των λογιων του Θεου...* (V, 12).—г) Послѣ того, какъ слово *λογιον* уже самими Апостолами употреблялось въ смыслѣ „откровенія“, оно естественно стало въ томъ же смыслѣ употребляться учениками и преемниками оныхъ. Такъ и должно быть. Если главный предметъ Ново-завѣтнаго откровенія, Самъ Господь Іисусъ Христосъ, названъ быть Словомъ, *Λογος*; то и всѣ Его проявленія или Его откровенія суть *λογια του Κυριου* (*Λογου*). По этому-то всѣ дѣла Господа Іисуса, какъ откровенія *Λογος'а*, названы были *λογια* и назывались много разъ и очень многими. Такъ,—д) пресвитеръ Іоаннъ, современникъ Апостольскій (если не самъ Апостолъ и Евангелистъ) передавалъ Папію, еп. Іерапольскому, что Маркъ записалъ *τα λεχθεντα η πραχθεντα απο τε Χριστου,—ου ποιεμενος συνταξιν λογιων.*—е) Самъ Папій говоритъ, что Матөей написалъ *συνταξιν των λογιων Κυριακων* (—а не *τα λεχθεντα* просто). ж)—Самъ же Папій написалъ *εξηγησις των λογιων Κυριακων.*—Послѣ Папія цѣлый рядъ церковныхъ писателей употребляетъ это *λογιον* въ смыслѣ откровенія. Именно: з) Климентъ, еп. Римскій, въ 1-мъ посланіи къ Коринөянамъ, гл. I, ст. 19-мъ: *τους δε κατιδεξαμενους τα λογια αυτου...*; въ ст. 50-мъ: *εγκεκυφατε εις τα λογια του Θεου...* и)—Игнатій Богоносецъ въ посланіи къ Смирнянамъ: *φασι γαρ τα λογια: Ουτος ο Ιησους...* (изъ кн. Дѣян. Ап.). і)—Поликарпъ Смирнскій въ посланіи къ Филадельфійцамъ, гл. VII: *ος αν μεθοδευη τα λογια του Κυριου.* к)—Климентъ Александрійскій въ Strom. VII, 18: *καθαρα και δεκτα τω Θεω παραδεδωσιν η γραφη, ως αν εις πατερα και εις Υιον δια της πιστεως των δικαιωντων τα λογια Θεου νυκτωρ και καθ' ημεραν μελετουντων.* л)—Ириней Ліонскій, въ Proëm. ad cont. eres: *ραδιουργουντες τα λογια του Κυριου εξηγεται κακοι των καλως ειρημενων γινομενοι... τη των εφαρμοζομενων κυριακων λογιων κακοσυνθετω σοφια.* Или въ I, 8: *και λεξεις και παραβολας, οθεν και ποθεν αποσπωντες εφαρμοζειν βουλονται τοις μυθοις αυτων τα λογια του Θεου...* м)—Въ In-

stitutiones Apostol. много разъ, напримѣръ: I, 4; II, 16 ст., какъ и у Евсевія Кесарійскаго. н,—Оригенъ, ученый Александрійскій, въ Comment. in Mtth. tom. III. V, 19: ουδεν εν τοις θειοις λογιοις εστι σκολιον ουδε στραγγαλωδες..... о,—Ефремъ Сиринъ: αι δε γραφαι εισιν... παλαια διαθηκη και τα κυριακα λογια και τα αποστολικα κηρυγματα... [382]). п,—Григорій Богословъ, говоря „о подлинныхъ книгахъ богодухновеннаго Писанія", совѣтуетъ и языкъ и умъ непрестанно упражнять въ Божіихъ словесахъ (λογια) [383]). р),—Второе правило VII-го вселенск. Собора говоритъ: „опредѣляемъ... читати Священныя правила, и Святое Евангеліе, и книгу Божественнаго Апостола и все Божественное писаніе, и поступати по заповѣдямъ Божіимъ... Ибо сущность іерархіи нашея составляютъ Богопреданныя словеса (Θεοπαραδοτα λογια),—то есть, истинное вѣдѣніе Божественныхъ Писаній, якоже изрекъ великій Діонисій" [384]). Наконецъ, с),—Патріархъ Конст. Фотій (✝ 886 г.) все Священное Писаніе обозначаетъ словами: η τε παλαια διαθηκη και τα Κυριακα λογια και τα αποστολικα κηρυγματα,—Ветхій завѣтъ, Евангеліе, Дѣянія и посланія Апостоловъ [385]). Такимъ употребленіемъ слова λογιον очевидно доказывается, что оно имѣло общее значеніе откровенія, и въ-этомъ смыслѣ оно прилагалось и къ Ветхому, и къ Новому завѣту Библіи и въ-частности къ Евангелію, какъ и къ другимъ книгамъ Св. канона.

Итакъ, по историческому свидѣтельству Папія, Матѳей и Маркъ подлинно сами написали свои Евангелія— первый на основаніи того, что̀ самъ непосредственно

---

382) Ср. *Вл. Маркова.* О Евангеліи отъ Матѳея. Москва. 1873. Стр. 134-я.
383) Творенія Григорія Богосл. Рус. пер. Москва. 1847. Ч. V. Стр. 48—49.
384) См. «*Книгу Правилъ*». Москва. 1874. Стр. 128—129. Вселенск. VII-го Соб. прав. 2-е.
385). Cod. 228. p. 248 Bekk.,—у Ebrard'a, въ его Wissenschaftliche Kritik der evang. Geschichte. 1868. Frankfurt a. M. S. 971.

могъ знать, вторый—чтó проповѣдывалъ Ап. Петръ о жизни и ученіи Господа Іисуса Христа. А Лука самъ о себѣ говоритъ въ предисловіи къ своему Евангелію, что онъ писалъ на основаніи „преданія очевидцевъ и служителей слова". Слѣдовательно, первыя три каноническія Евангелія Матѳея, Марка и Луки, по важнѣйшимъ и самодревнѣйшимъ свидѣтельствамъ Священно-отеческой литературы, написаны на основаніи личнаго воспоминанія и непосредственнаго преданія Апостоловъ, какъ свидѣтелей-очевидцевъ и слышателей Господа Іисуса Христа.

—Общій результатъ разбора теоріи Гольцмана, какъ и Эвальда, опять тотъ же: Первыя три каноническія Евангелія отъ Матѳея, Марка и Луки имѣли своимъ источникомъ не какія-либо записи, а единственно воспоминаніе и устное преданіе Апостоловъ Іисуса Христа.

XVI.

Теоріи Эвальда и Гольцмана, предполагающія письменные источники для каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки, должны быть признаны научно несостоятельными. Но такъ какъ эти теоріи, по своей полнотѣ и послѣдовательному развитію лежащихъ въ ихъ основѣ принциповъ, суть лучшія и совершеннѣйшія въ ряду всѣхъ теорій тогоже рода; то слѣдуетъ думать, что и самые ихъ принципы заимствованія и дополненія

не приложимы къ дѣлу, потому что ложны. Если же нѣтъ возможности удовлетворительно объяснить отношенiе сходства и различiя синоптическихъ Евангелiй при помощи теорiй заимствованiя (компиляцiи) и дополненiя; то остается принять для нихъ такой источникъ, при которомъ они должны быть независимы, но могутъ быть и весьма сходны, именно—личное воспоминанiе и преданiе Апостоловъ и сотрудниковъ ихъ.—Этотъ взглядъ основывается на болѣе твердыхъ и строго научныхъ началахъ и соображенiяхъ, нежели гипотетическiе взгляды Эвальда и Гольцмана.

Дѣйствительно, въ самыхъ синоптическихъ Евангелiяхъ нѣтъ указанiя на то, что въ основанiи ихъ положены письменные источники. Нѣтъ въ нихъ явныхъ признаковъ зависимости одного отъ другаго или всѣхъ трехъ отъ одного письменнаго источника. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда всего скорѣе они должны бы обнаруживать свою компилятивность, какъ, напримѣръ, въ приведенiи родословныхъ таблицъ (у Матѳея и Луки), нѣтъ и нельзя предположить такой зависимости. Не находится никакихъ и внѣшнихъ или историческихъ свидѣтельствъ о существованiи предполагаемыхъ письменныхъ источниковъ для Евангелiй. Самое время Апостольской дѣятельности было таково, что компилятивное направленiе Ев. литературы не могло быть ему свойственно.—По всему этому можно и должно предположить, что источникомъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелiй было личное воспоминанiе самихъ писателей Евангелистовъ и собственно Апостольское преданiе, сложившееся въ опредѣленные виды разсказовъ и рѣчей, болѣе или менѣе неизмѣнно передаваемые изъ устъ въ уста въ церкви Апостольской, а потому и записанные тремя Евангелистами до нѣкоторой степени сходно и различно.

Но при этомъ объясненiи дѣла и рѣшенiи вопроса о взаимномъ отношенiи синоптическихъ Евангелiй, какъ

происшедшихъ изъ устнаго Апостольскаго преданія, напередъ должно быть признано несомнѣннымъ, что:

а) Ученіе свое Іисусъ Христосъ преподавалъ устно; по этому какъ дѣятельность, такъ и собственно проповѣдь Его сохранялись сначала только въ памяти непосредственныхъ очевидцевъ и слушателей Его, каковыми по преимуществу были Апостолы.

б) Твердое храненіе ученія и дѣлъ Господа въ памяти Апостоловъ имѣло всѣ необходимыя для себя условія.

Въ самомъ дѣлѣ, то и другое положеніе вполнѣ вѣрны, потому что каждое подтверждается прямыми и ясными свидѣтельствами самихъ же синоптическихъ Евангелій и писаній св. Отцовъ.

По свидѣтельству первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки, несомнѣнно, что ученіе Іисуса Христа сначала было предметомъ запоминанія и только устнаго преданія Апостоловъ. Іисусъ Христосъ, во исполненіе о Немъ вѣтхо-завѣтныхъ пророчествъ, проповѣдывалъ Свое ученіе устно (Мѳ. XIII, 35; ср. Псал. LXXVII, 2; Лук. IV, 18—19; ср. Ис. LXI, 1. 2). А такъ какъ Спаситель предлагалъ Свое ученіе слушателямъ или въ видѣ изреченій и рѣчей, или въ бесѣдахъ со Своими учениками, съ народомъ и съ извѣстными частными лицами; то слѣдуетъ, что Евангеліе въ началѣ было только устнымъ словомъ. Спаситель не только Самъ преподавалъ свое ученіе устно, но и ученикамъ Своимъ завѣщалъ проповѣдывать его такъ же: „Онъ заповѣдалъ имъ, говоря: ходя, проповѣдуйте, говоря,—κηρύσσετε λέγοντες: приблизилось царство небесное (Мѳ. X, 5—6).“ И они, впослѣдствіи, дѣйствительно „пошли и проповѣдывали вездѣ, при Господнемъ содѣйствіи и подкрѣпленіи слова послѣдующими знаменіями (Мр. XVI, 20)“.

Устная проповѣдь Апостоловъ предполагаетъ всѣ необходимыя условія для точнаго усвоенія и воспомина-

нія ученія и дѣлъ Спасителя. Такія условія Апостольскаго воспоминанія дѣйствительно были въ достаточной мѣрѣ и силѣ.

Главнѣйшія и существенныя условія точнаго воспоминанія, съ психологической точки зрѣнія, суть ясность и интересъ воспринимаемыхъ впечатлѣній и воспоминаемыхъ представленій.—Всѣ воспринятыя душею впечатлѣнія становятся ея достояніемъ, а затѣмъ представленія получаютъ опредѣленную, твердую связь, если воспріятіе сопровождалось яснымъ, отчетливымъ сознаніемъ, что обусловливается достаточной степенью вниманія. Но извѣстная степень напряженности вниманія зависитъ отъ интереса въ содержаніи воспринимаемаго и сознаваемаго. Что важно для извѣстнаго лица—при его чувственномъ влеченіи или возвышенномъ стремленіи къ чему-либо,—то возбуждаетъ въ соотвѣтственной мѣрѣ и степени его вниманіе къ впечатлѣніямъ, полученнымъ отъ интересующихъ его предметовъ. А это возбужденіе вниманія дѣлаетъ въ соотвѣтственной мѣрѣ ясными и отчетливыми всѣ воспріятія,—что обусловливаетъ силу и прочность запоминанія и точность воспроизведенія воспринятыхъ впечатлѣній и представленій.—Такія условія и для Апостольскаго воспоминанія были и имѣли свое полнѣйшее значеніе: относительно этого прямо и ясно свидѣтельствуютъ синоптическія Евангелія.

Слушатели Іисуса Христа были въ то же время и очевидцами дѣлъ Его; поэтому и слова и дѣла Господа глубоко напечатлѣвались въ ихъ душѣ. Правда, по разнымъ причинамъ, не всѣ слушатели одинаково много и внимательно слышали, видѣли, понимали и усвояли умомъ и сердцемъ слова и дѣла Спасителя; но нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые, хотя немногіе, могли и дѣйствительно запоминать такъ и то, какъ и что „видѣли и слышали отъ начала“.—Многочисленные слушатели божественнаго Учителя видѣли, что Его слова свидѣтельствуются Его дѣлами. И эти дѣла имѣли рѣшительное значеніе для воспри-

нимающихъ самое ученіе. Какъ самое ученіе, такъ еще болѣе соединенныя съ нимъ дѣла производили глубочайшее и самое искреннее впечатлѣніе въ душахъ цѣлыхъ сонмовъ народа [386]). „И ходилъ Іисусъ по всѣмъ городамъ и селеніямъ, уча и проповѣдуя Евангеліе (Мѳ. IX, 35; ср. IV, 23, 24, 25)“. Когда Господь оканчивалъ слова Свои, то „народъ дивился ученію Его, ибо Онъ училъ ихъ, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи (VII, 28—29). Народъ, удивляясь, говорилъ: никогда не было такого явленія въ Израилѣ (IX, 33; ср. XII, 23. XIII, 54). Народъ дивился, видя нѣмыхъ говорящими, увѣчныхъ здоровыми, хромыхъ ходящими, слѣпыхъ видящими и прославлялъ Бога Израилева (XV, 31)“. —Очевидно, ученіе Іисуса Христа во всемъ народѣ и всюду возбуждало самое усиленное вниманіе къ себѣ—по силѣ слова въ устахъ Самого Учителя и Чудотворца Господа. Его слово само по себѣ въ умахъ и сердцахъ слушателей было истиной, закономъ, откровеніемъ или богодарованной святыней...

При этой внутренней силѣ слова Христова были и многоразличныя внѣшнія побужденія, которыя Самъ Господь представлялъ Своимъ ученикамъ съ цѣлію запечатлѣть въ нихъ Свои слова, именно—увѣщаніе, обличеніе, прещеніе и обѣтованія.—Желая научить Своихъ слушателей божественнымъ истинамъ Своего откровенія, Господь внушалъ имъ и даже требовалъ отъ нихъ, чтобы они были внимательны къ Его слову. Онъ неоднократно повторялъ имъ: „кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ“ (Мѳ. XI, 15; XIII, 9. 43 и др.) или говорилъ: „слушайте и разумѣйте“ (XV, 10) [387])! Въ противномъ случаѣ

386) Ср. объ этомъ: Мѳ. V, 18. 26. VI, 2. 5. 16. VIII, 10. X, 15. 23. XI, 11. XIII, 17. XVI, 28. XVII, 20. XVIII, 3. 13. 18. XXIV, 46—47. V, 21—22. 17. 27—28. 31—32. 33—34. 38—39. 43—44. 17 и 19. XXIII, 36. XXVI, 21. XI, 23. XIII, 16—17. VIII, 6.

387) Ср. объ этомъ: Мѳ. XXIV, 4. 5. 25. XII, 48—50. XVII, 5 и мн. др. въ Евангеліяхъ отъ Марка и Луки.

Господь обличалъ Своихъ слушателей въ невниманіи. Такъ, однажды Симонъ Петръ, обратившись къ Іисусу Христу, сказалъ отъ лица всѣхъ учениковъ: изъясни намъ притчу... Іисусъ сказалъ: неужели и вы еще не разумѣете? Еще ли не понимаете... (XV, 15—16. 17)?"—Или: „еще ли не помните и не понимате о пяти хлѣбахъ на пять тысячъ человѣкъ, и сколько коробовъ вы набрали (XVI, 9)?"—Обличеніе невниманія и непониманія принимало видъ угрозы, когда это требовалось. Такъ, напримѣръ, замѣтивъ въ Симонѣ Петрѣ мысль, далеко несогласную со Своимъ и его назначеніемъ, Господь грозно сказалъ ему: „отойди отъ меня, сатана; ты мнѣ соблазнъ; потому что думаешь не о томъ, что̀ Божіе, но что̀ человѣческое...* (XVI, 23—28)" [388]). Но насколько строги были прещенія Господа къ невнимавшимъ слову Его; настолько же отрадны и утѣшительны были обѣтованія его искренно внимательнымъ слушателямъ Евангелія.—Предметомъ Евангелія Іисуса Христа были тайны царствія Божія. Но эти тайны самъ Господь уподоблялъ „сокровищу, сокрытому на полѣ, которое найдя человѣкъ утаилъ (XIII, 44; ср. 45—46)". Это ли сокровище недостойно было всякаго храненія?—Однажды Симонъ Петръ сказалъ Спасителю отъ лица всѣхъ учениковъ: „вотъ мы оставили все и послѣдовали за Тобою; что же будетъ намъ? Іисусъ же сказалъ имъ: истинно говорю вамъ, что вы, послѣдовавшіе за Мною, въ паки-бытіи, когда сядетъ Сынъ человѣческій на престолѣ славы своей, сядите и вы на двѣнадцати престолахъ, судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ. И всякій, кто оставитъ домы, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или жену, или дѣтей, или земли, ради имени Моего, получитъ во сто кратъ, и наслѣдуетъ жизнь вѣчную (XIX, 27—29)... Ибо кто хочетъ душу сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу

388) Ср. объ этомъ: Мѳ. VII, 24—26. XI, 16. 17. 20. 24. X, 14—15.

свою ради Меня и Евангелія, тотъ сбережетъ ее (XVI, 25; ср. X, 32)".

Такія увѣщанія, обличенія, угрозы и обѣтованія въ отношеніи къ слушателямъ Спасителя имѣли несомнѣнно большое значеніе при усвоеніи и запоминаніи Его словъ и дѣлъ. Но эти условія имѣли еще большее значеніе въ отношеніи собственно къ избраннымъ ученикамъ Христовымъ, призваннымъ на дѣло Евангельской проповѣди. Спаситель говорилъ, что въ Его ученіи, „нѣтъ ничего сокровеннаго „что не открылось бы, и тайнаго, что не было бы узнано. Что Онъ говорилъ Апостоламъ „въ темнотѣ, то они должны были говорить при свѣтѣ, что слышали на ухо, то проповѣдывать на кровляхъ... (X, 26—27)." Онъ говорилъ ученикамъ своимъ: „вы соль земли... вы свѣтъ міру... да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми (V, 13. 14, 16)". Онъ предрекалъ Апостоламъ, что чрезъ нихъ „проповѣдано будетъ Евангеліе царствія по всей вселенной во свидѣтельство всѣмъ народамъ (XXIV, 14)[389])".

Всѣ эти условія точнаго усвоенія и запоминанія ученія Христова усиливались и условливались еще высшимъ—представленіемъ авторитета Самого Господа Іисуса Христа, какой онъ несомнѣнно имѣлъ въ глазахъ народа и особенно своихъ учениковъ. Какъ народъ, такъ и ученики исповѣдывали Его Господомъ и Владыкою жизни. Однажды Іисусъ Христосъ спросилъ учениковъ своихъ: „за кого люди почитаютъ Меня, Сына человѣческаго? Они сказали: одни за Іоанна Крестителя, другіе за Илію, а иные за Іеремію, или за одного изъ пророковъ. Онъ говоритъ имъ: а вы за кого почитаете Меня? Симонъ же Петръ, отвѣчая, сказалъ: Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго". Господь утвердилъ исповѣданіе первоверховнаго Апостола, сказавъ: блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ; потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ. И Я говорю тебѣ: ты Петръ,

---

389) Ср. при этомъ: Мѳ. XII, 36—37 XVIII, 6.

и на семъ камнѣ Я создамъ церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея (XVI, 13—18)" [390]).

Возбуждая въ своихъ слушателяхъ надлежащее вниманіе къ своему ученію, Господь Іисусъ дѣлалъ вполнѣ возможнымъ и возможно полнымъ воспріятіе его, приспособляя лучшія средства къ запоминанію Своей устной рѣчи. Въ этомъ отношеніи замѣчательны Его указанія на прежде совершившіеся факты и приточный образъ изложенія Евангельскихъ истинъ въ проповѣди. Такъ однажды, обличая учениковъ своихъ, Спаситель сказалъ имъ: „еще ли не понимаете, и не помните о пяти хлѣбахъ на пять тысячъ человѣкъ, и сколько коробовъ вы набрали?... Тогда, замѣчаетъ Евангелистъ, они поняли, что онъ говорилъ... (XVI, 9—10, 12)". Но если замѣтно было или предвидѣлось въ Апостолахъ недостаточное пониманіе и неточное усвоеніе извѣстныхъ истинъ, то Господь предлагалъ ихъ въ притчахъ. „Онъ поучалъ притчами... да сбудется реченное чрезъ пророка, который говоритъ: отверзу въ притчахъ уста Мои, изреку сокровенное отъ созданія міра (XIII, 3, 34 35). Онъ потому говорилъ народу притчами, что они видя не видятъ, и слыша не слышатъ и не разумѣютъ... ибо огрубѣло сердце людей сихъ (т. е. слушателей), и ушами съ трудомъ слышатъ, и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и да не обратятся, чтобы я исцѣлилъ ихъ (XIII, 13. 15; Исаіи: VI, 9—10)". Но обращаясь къ Апостоламъ, Спаситель говорилъ: ваши же блаженны очи, что видятъ, и уши ваши, что слышатъ (XIII, 16)".—Если же и притча недостаточно была понята, то или ученики сами просили Господа—изъяснить имъ притчу (напр. о плевелахъ на полѣ: XIII, 36), или Самъ Господь, обращаясь къ нимъ съ подобнымъ объясненi-

390) Ср. объ этомъ: XII, 23. XXI, 9—11. XIV, 1—2. VIII, 8. IX, 28. XV, 22—25. VIII, 25. XIV, 28. 30. XVII, 4. 15. XVIIIV, 21. XX, 30. 33. XXI, 15. 16.

емъ, говорилъ: „вы же выслушайте значеніе притчи (напр. о сѣятелѣ: XIII, 18 и др.)“.

Но при всѣхъ этихъ условіяхъ, хотя и весьма сильныхъ, при всѣхъ этихъ средствахъ, хотя и весьма важныхъ, однако оставалось мѣсто немощи человѣческой, по которой многое изъ того, что́ было сдѣлано и сказано Спасителемъ, могло придти въ забвеніе даже въ памяти Апостоловъ. Противъ этой-то естественно человѣческой немощи была дарована Апостоламъ всесильная и вседѣтельная благодать Св. Духа, которая была всесовершенно достаточна, чтобы подкрѣпить естественно-слабую душу каждаго изъ слушателей и Апостоловъ Христовыхъ, чтобы ни одна іота ново-завѣтнаго закона не изчезла изъ мысли и сердца ихъ. Спаситель, исцѣляя всякую немощь, далъ и Апостоламъ власть надъ нечистыми духами, чтобы изгонять ихъ и врачевать всякую болѣзнь и немощь... (Мѳ. X, 1). Послѣ этого, ужели они не въ состояніи были помогать сами себѣ въ дѣлѣ проповѣди Евангельской, для которой и были призваны,—ужели ихъ при такомъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ оставлялъ Духъ Святый?—Нѣтъ, самъ Господь, молитвенно обращаясь къ Отцу небесному, сказалъ: „славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли! что ты утаилъ сіе (т. е. тайны царствія Божія) отъ мудрыхъ и разумныхъ, и открылъ то младенцамъ. Ей, Отче! ибо таково было Твое благоволеніе (XI, 25—26)“. Тайны царствія Божія открыты были по преимуществу Апостоламъ, потому что они должны были проповѣдывать „Евангеліе царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ (Мѳ. XXIV, 14; ср. XXVI, 13. Мр. XIII, 10)“.—„Васъ, говоритъ Спаситель Апостоламъ, будутъ предавать въ судилища, и бить въ синагогахъ, и предъ правителями и царями поставятъ васъ за Меня, для свидѣтельства предъ ними... Когда же поведутъ предавать васъ, не заботьтесь напередъ, что вамъ говорить, и не обдумывайте; но что дано будетъ вамъ въ тотъ часъ, то и говорите: ибо не вы будете говорить, но

Духъ Святый (Мр. XIII, 9—11; особенно же ср. Іоан. XV, 26).

Итакъ, сила впечатлѣній отъ словъ и дѣлъ Іисуса Христа, значеніе Его ученія, какъ истинно божественнаго откровеннаго закона, особыя побужденія къ внимательному слушанію слова Евангельскаго, какъ-то: увѣщаніе, обличеніе, угрозы и обѣтованія, при всемъ этомъ высочайшій авторитетъ Спасителя, какъ Сына Божія, особо примѣняемые имъ способы ученія, какъ то: повтореніе, приточный образъ изложенія и пр., наконецъ, благодатное содѣйствіе Св. Духа,—всѣ эти условія и средства дѣлали вполнѣ возможнымъ и дѣйствительнымъ, что Апостолы точно и совершенно хранили въ своей памяти слова и дѣла Христовы. Поэтому Спаситель, по воскресеніи Своемъ, далъ Апостоламъ прямое повелѣніе, сказавъ имъ: „идите по всему міру, и проповѣдуйте Евангеліе всей твари... А они пошли, и проповѣдывали вездѣ, при Господнемъ содѣйствіи и подкрѣпленіи слова послѣдующими знаменіями (Мр. XVI, 15 и 20)“.

О томъ, что Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ свое ученіе устно, и что Апостолы точно знали и хранили въ своей памяти Его слова и дѣла, которыя потомъ были записаны въ Евангеліяхъ, объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ и древнѣйшіе Отцы церкви. Такъ св. Іустинъ философъ и мученикъ († 163 г.) говоритъ прямо: „Апостолы въ оставшихся отъ нихъ повѣствованіяхъ (воспоминаніяхъ — απομνημονευματα), которыя называются Евангеліями, передали что имъ было заповѣдано“... Или: „такъ повѣствуютъ тѣ, которые описали все, касающееся до Спасителя нашего, и мы вѣримъ имъ“ [391])... Святый Ириней, еп. Ліонскій (2-го в.), свидѣтельствуетъ: „объ устроеніи нашего спасенія мы узнали не чрезъ кого другаго, а чрезъ тѣхъ, чрезъ которыхъ дошло къ намъ Евангеліе, которое они тогда проповѣдывали (устно), потомъ же по волѣ Божіей предали намъ въ писаніяхъ,

391) *Св. Іустина муч.* 1 Апол. 66, 33. 2 Апол. 13.

какъ будущее основаніе и столпъ нашей вѣры... Послѣ того, какъ Господь нашъ воскресъ изъ мертвыхъ и они облечены были свыше силою нисходящаго Св. Духа, исполнились всѣми (дарами его) и получили совершенное знаніе,—они вышли въ концы земли, благовѣствуя о благахъ (дарованныхъ) намъ отъ Бога, и возвѣщая небесный миръ людямъ, которые и всѣ вмѣстѣ, и каждый порознь, имѣютъ Евангеліе Божіе. Такъ Матѳей издалъ у Евреевъ на ихъ собственномъ языкѣ писаніе Евангелія въ то время, какъ Петръ и Павелъ въ Римѣ благовѣствовали и основали церковь. Послѣ ихъ отшествія Маркъ, ученикъ и истолкователь Петра, предалъ намъ письменно то, что было проповѣдано Петромъ. И Лука, спутникъ Павла, изложилъ въ книгѣ проповѣданное имъ Евангеліе...“ 392). Папій, еп. Іерапольскій (†120 г.), свидѣтельствуетъ, что „Маркъ, истолкователь Петра, съ точностію записалъ, сколько запомнилъ, то, чему училъ и что творилъ Христосъ, хотя и не по порядку (времени), потому что самъ не слушалъ Господа и не сопутствовалъ Ему...“ 393).

Такъ, по свидѣтельству Отцевъ церкви, устная проповѣдь Спасителя первоначально сохранялась въ памяти Апостоловъ и ихъ сотрудниковъ, а потомъ была изложена письменно въ Евангеліяхъ. Это, наконецъ, подтверждается словами и самихъ Апостоловъ. Св. Ап. Павелъ говоритъ Коринѳянамъ: „напоминаю вамъ, братіе, Евангеліе, которое я благовѣствовалъ вамъ, которое вы и приняли, въ которомъ и утвердились, которымъ и спасаетесь, если преподанное удерживаете такъ, какъ я благовѣствовалъ вамъ... Ибо я первоначально преподалъ вамъ, что и самъ принялъ (I Кор. XV, 1—3)“. Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ говоритъ: „о томъ, что было отъ начала, что мы

---

392) *Иринея*: Противъ ересей. Кн. III, гл. 1-я.
393) См. *у Евсевія* Кесар. Церк. Исторія III, 39.

слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали и что осязали руки наши, о Словѣ жизни (ибо жизнь явилась, и мы видѣли и свидѣтельствуемъ, и возвѣщаемъ вамъ сію вѣчную жизнь, которая была у Отца и явилась намъ), о томъ, что мы видѣли и слышали, возвѣщаемъ вамъ, чтобы и вы имѣли общеніе съ нами: а наше общеніе со Отцемъ и Сыномъ Его, Іисусомъ Христомъ. И сіе пишемъ вамъ, чтобы радость ваша была совершенна. И вотъ благовѣствованіе, которое мы слышали отъ Него, и возвѣщаемъ вамъ (1 Іоан. I, 1—5)".

Итакъ, несомнѣнно, что при всѣхъ, вполнѣ достаточныхъ для того, условіяхъ устная проповѣдь Спасителя и всѣ Его дѣянія твердо сохранялись въ памяти Его Апостоловъ,—ихъ преданіе было точнымъ воспроизведеніемъ Евангельской исторіи.—Точное воспроизведеніе Ев. событій и точное воспоминаніе Апостолами подлинныхъ словъ Спасителя были главною причиною того, что устное преданіе Апостоловъ и Сотрудниковъ ихъ было весьма сходно изложено въ ихъ писаніяхъ или Евангеліяхъ. Но точностію Апостольскаго воспоминанія объясняется сходство синоптическихъ Евангелій главнымъ образомъ въ изложеніи изреченій и рѣчей Іисуса Христа: чѣмъ же объяснить синоптическое сходство въ изложеніи собственно Ев. разсказовъ?—Величайшее сходство синоптическихъ Евангелій въ изложеніи собственно разсказовъ зависѣло отъ того, что Апостоламъ весьма часто приходилось разсказывать объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ съ одною и тою же цѣлію. Неоднократное повтореніе разсказа объ одномъ и томъ же событіи съ одною и тою же цѣлію, естественно, дѣлаетъ изложеніе его однообразнымъ,—какъ устное, такъ и письменное [394]).

394) Нагляднымъ примѣромъ однообразнаго изложенія одного и того же событія, какъ аналогію съ Евангельскими разсказами, можно представить разсказъ

Подобное сходство было и въ изложеніи устныхъ Евангельскихъ разсказовъ объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ изъ жизни Господа. Конечно, это сходство зависѣло также отъ многократнаго повторенія такихъ разсказовъ. Относительно Евангельскихъ разсказовъ это вполнѣ справедливо. По свидѣтельству древнѣйшаго отца церкви

объ обращеніи Ап. Павла, троекратно изложенный въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ: IX, XXII и XXVI гл.—Дѣеписатель повѣствуетъ:

Гл. IX, ст 1...	*Гл. XXII, ст. 4...*	*Гл. XXVI, ст. 10...*
Савлъ же, еще дыша угрозами и убійствомъ на учениковъ Господа, пришелъ къ первосвященнику и выпросилъ у него письма въ Дамаскъ къ синагогамъ, чтобы кого найдетъ послѣдующихъ сему ученію, и мужчинъ и женщинъ, связавъ, приводить въ Іерусалимъ. Когда же онъ шелъ и приближался къ Дамаску; внезапно осіялъ его свѣтъ съ неба. Онъ упалъ на землю, и услышалъ голосъ, говорящій ему: Савлъ, Савлъ! что ты гонишь Меня? Онъ сказалъ: кто Ты, Господи? Господь же сказалъ: Я Іисусъ, котораго ты гонишь. Трудно тебѣ идти противъ рожна. Онъ въ трепетѣ и ужасѣ сказалъ: Господи! что повелишь мнѣ дѣлать? а Господь ему: встань и иди въ городъ; и сказано будетъ тебѣ, что тебѣ надобно дѣлать. Люди же, шедшіе съ нимъ, стояли въ оцѣпененіи, слыша голосъ, а никого не видя.	...Я даже до смерти гналъ послѣдователей сего ученія (Христова), связывая и предавая въ темницу и мужчинъ и женщинъ; какъ засвидѣтельствуетъ о мнѣ первосященикъ и всѣ старѣйшины, отъ которыхъ и письма взялъ къ братіямъ, живущимъ въ Дамаскѣ, я шелъ, чтобы тамошнихъ привести въ оковахъ во Іерусалимъ на истязаніе. Когда же я былъ въ пути и приближался къ Дамаску; около полудня вдругъ осіялъ меня великій свѣтъ съ неба. Я упалъ на землю и услышалъ голосъ, говорившій мнѣ: Савлъ! Савлъ! что ты гонишь меня? Я отвѣтствовалъ: кто ты, Господи? Онъ сказалъ мнѣ: Я Іисусъ Назорей, котораго ты гонишь. Бывшіе же со мною свѣтъ видѣли и пришли въ страхъ; но голоса, говорившаго мнѣ, не слыхали. Тогда я сказалъ: Господи! что мнѣ дѣлать? Господь же сказалъ мнѣ: встань и иди въ Дамаскъ и тамъ тебѣ сказано будетъ все, что назначено тебѣ дѣлать.	...Получивъ власть отъ первосвященниковъ, я многихъ святыхъ заключалъ въ темницы, и когда убивали ихъ, я подавалъ на то голосъ. И по всѣмъ синагогамъ я многократно мучилъ ихъ, и принуждалъ хулить Іисуса; и въ чрезмѣрной противъ нихъ ярости, преслѣдовалъ даже и въ чужихъ городахъ. Для сего идя въ Дамаскъ со властію и порученіемъ отъ первосвященниковъ, среди дня, на дорогѣ, я увидѣлъ, Государь, съ неба свѣтъ, превосходящій солнечное сіяніе, осіявшій меня и шедшихъ со мною. Всѣ мы упали на землю, и я услышалъ голосъ, говорящій мнѣ на Еврейскомъ языкѣ: Савлъ, Савлъ! что ты гонишь Меня? трудно тебѣ идти противъ рожна. Я сказалъ: кто ты, Господи? Онъ сказалъ: Я Іисусъ, котораго ты гонишь. Но встань и стань на ноги твои: ибо я для того и явился тебѣ, чтобы поставить тебя служителемъ и свидѣтелемъ того, что ты видѣлъ...

Вотъ въ какой мѣрѣ сходно изложеніе одного и того же событія въ раз-

Иринея, еп. Ліонскаго, устные Ев. разсказы, которые ему приходилось слышать изъ устъ св. Поликарпа, еп. Смирнскаго, мужа Апостольскаго, были вполнѣ согласны съ письменными Евангеліями. Вотъ это свидѣтельство. Въ письмѣ къ Флорину Ириней говоритъ: „такого (т. е. гностическаго) ученія не передали намъ предшествовавшіе намъ пресвитеры, которые обращались съ самими Апостолами. Я былъ еще отрокомъ, когда видѣлъ тебя въ Малой Азіи и Поликарпа: тогда ты былъ знаменитъ при царскомъ дворѣ и старался снискать благоволеніе его (Поликарпа). Что было въ то время я помню живѣе, чѣмъ недавно случившееся. Что мы слышали въ дѣтствѣ, то укрѣпляется вмѣстѣ съ душею и укореняется въ ней. Такъ я могъ бы теперь изобразить мѣсто, гдѣ сидѣлъ и разговаривалъ блаженный Поликарпъ, изобразить его походку, его образъ жизни и внѣшній видъ, его бесѣды къ народу, какъ онъ разсказывалъ о своемъ обращеніи съ Іоанномъ и прочими самовидцами Господа, какъ онъ припоминалъ слова ихъ и пересказывалъ, что слышалъ отъ нихъ о Господѣ, Его ученіи и чудесахъ. Такъ какъ онъ слышалъ отъ самовидцевъ жизни Слова, то онъ разсказывалъ согласно съ писаніемъ. По милости Божіей ко мнѣ, я тогда еще внимательно слушалъ Поликарпа и записывалъ слова его не на бумагѣ, но въ моемъ сердцѣ и по милости Божіей всегда сохраняю ихъ въ свѣжей памяти“ 395). Изъ этого свидѣтельства знаме-

---

сказѣ Дѣеписателя. Если же и есть нѣкоторое различіе въ каждой изъ этихъ трехъ параллелей; то оно объясняется различными цѣлями Дѣеписателя. Въ первомъ изложеніи (гл. IX) онъ разсказываетъ объ обращеніи Ап. Павла съ цѣлію передать это событіе съ своей точки зрѣнія; во второмъ изложеніи (гл. XXII) Дѣеписатель представляетъ Ап. Павла разсказывающимъ о своемъ обращеніи съ цѣлію оправдаться предъ возмутившимся народомъ и предъ тысяченачальникомъ во Іерусалимѣ; въ третьемъ изложеніи (гл. XXVI) опять представляется разсказывающимъ то же событіе самъ Ап. Павелъ предъ царемъ Агриппой съ подобною же цѣлію. При единствѣ цѣли три параллельные разсказа Дѣеписателя объ обращеніи Ап. Павла, конечно, были бы еще болѣе однообразны по своему изложенію.

395) Сочиненія Св. *Иринея*—въ рус. пер. изд. свящ. *Преображенскаго*. Москва. 1871. Предисл. стр. VI—VII.

нитѣйшаго отца церкви очевидно, что какъ онъ самъ твердо помнилъ разсказы Поликарпа объ ученіи и чудесахъ Іисуса Христа, такъ и Поликарпъ неизмѣнно хранилъ въ своей памяти устное Апостольское преданіе о жизни Господа,—такъ точно, какъ оно было изложено въ письменномъ Евангеліи. Слѣдовательно, Апостольское преданіе о жизни Спасителя, сложившееся въ видѣ опредѣленныхъ устныхъ рвзсказовъ, сохранялось въ памяти Евангелистовъ также точно, какъ и въ ихъ писаніяхъ. А потому, устное преданіе Апостоловъ о жизни Іисуса Христа, записанное различными Евангелистами, должно быть и было болѣе или менѣе одинаково записано.

Что устное преданіе можетъ получать опредѣленный видъ (типъ) въ словесномъ выраженіи и что оно можетъ въ такомъ видѣ тщательно сохраняться и болѣе или менѣе неизмѣнно передаваться изъ устъ въ уста, доколѣ не будетъ изложено письменно, это объясняется и отчасти подтверждается нѣкоторой аналогіей, которую представляетъ въ этомъ отношеніи образованіе и сохраненіе устнаго преданія въ такъ-называемой народной литературѣ. —Источникомъ устной народной литературы были доисторическія преданія старины; изъ нихъ народъ слагалъ свои сказанія, былины и т. п. Устное преданіе, сложившись въ подобныхъ опредѣленныхъ типахъ или формахъ, передавалось чрезъ рядъ вѣковъ отъ предковъ до отдаленнѣйшихъ потомковъ, болѣе или менѣе неизмѣнно и очень сходно.—„Народъ не помнитъ начала своимъ былинамъ и сказаніямъ. Ведутся они изъ-поконъ вѣку и передаются изъ рода въ родъ по преданію“, какъ старина, какъ лучшее достояніе ума и сердца, какъ мудрость и священный залогъ предковъ потомкамъ. Храненіе преданія было весьма тщательное; оно сопровождалось довольно частымъ затверживаніемъ изреченій и разсказовъ. Преданіе постоянно обращалось въ народѣ: мысль его не отрѣшалась отъ преданія въ болѣе или менѣе серьезные моменты его думы. „Старый разсказы-

валъ и поучалъ, малый слушалъ и поучался". Устное преданіе, при такомъ тщательномъ сохраненіи и постоянномъ повтореніи, переходя изъ устъ въ уста, получало свою опредѣленную форму, мѣткое и округленное выраженіе,—такъ что тѣмъ и другимъ устранялась всякая новая попытка перемѣнить складъ рѣчи. Отсюда произошло весьма большое сходство повсемѣстно распространившихся преданій народа и въ письменномъ изложеніи, когда разные виды устной литературы, съ теченіемъ времени, стали записываться прямо въ той формѣ, въ какой они существовали въ устахъ самого народа [396]). При весьма тщательномъ сохраненіи устныхъ сказаній народа, и записи этихъ сказаній естественно были весьма сходны между собою въ самомъ текстѣ,—настолько, что по одной изъ такихъ записей можно было провѣрять и исправлять текстъ другой (варіанты) [397]). Исторія народной литературы указываетъ многочисленные примѣры сходныхъ записей однихъ и тѣхъ же устныхъ народныхъ сказаній. Такими примѣрами особенно богаты сравнительно-новѣйшіе „Сборники народныхъ сказаній" [398]).

---

396) Въ подтвержденіе этого мы ссылаемся здѣсь на спеціальныя изслѣдованія по этому вопросу: *Буслаева*—Историческіе очерки русской народной словесности и искуства. С.-Петербургъ. 1861. т. 1. Стр. 18. 45, 57. 21. 55. 357. 112. 7. 420. 399 и пр. *Сахарова*—Сказанія русскаго народа. С.-Петербургъ. 1841. Изданіе 3-е Т. 1. кн. 1—4. Стр. 9. 10. *Шафарика*—Славянскія древности. Перев. Бодянскаго, изд. М. Погодина. Т. 1. Москва. 1837. Стр. 89—90. 91. 251. *Аванасьева.*—Языческія преданія объ Островѣ—Буянѣ. Временникъ И. М. О. исторіи и древностей россійскихъ. 1851. Кн. 9. Стр. 5. *Бестужева—Рюмина*,—Русская Исторія. Т. 1. С.-Петербургъ. 1872. Стр. 21. 22. 24. 109. 114 и др.

397) *Галаховъ*—Исторія р. Словесности. Стр. 21 и 22. *Карауловъ*—Очерки исторіи русской литературы. Одесса. 1870 г. Т. 1. Стр. 2. Ср. *Буслаева*—Истор. очерки русской нар. словесности. Т. 2. Стр. 13—14. Знаменитый «стихъ о Голубиной книгѣ» и по внѣшней формѣ и по содержанію представляетъ разительное сходство съ апокрифической «Бесѣдой трехъ святителей». *Буслаевъ*—Истор. Очерки. Т. 2. Стр. 15—20.

398) Таковы напр. два сборника Богатырскихъ пѣсенъ въ «Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ», изданныхъ г. *Калайдовичемъ* въ 1818 г., и народныхъ въ «Сказаніяхъ русскаго народа», изданныхъ г. *Сахаровымъ*—въ 1841 г. 3-е изданіе. Содержаніе перваго сборника было записано со словъ Сибирскихъ людей, содержаніе втораго со словъ великоруссовъ. Для изданія русскихъ былинъ, вошедшихъ въ сборникъ г. Сахарова, былъ принятъ за основаніе текстъ, помѣщенный въ

Подобнымъ образомъ и устное Апостольское преданіе, при тщательномъ его храненіи и постоянномъ пересказываніи, съ теченіемъ времени, получило своего рода особый, строго опредѣленный и постоянный типъ, и, переходя изъ устъ въ уста въ первенствующемъ христіанскомъ обществѣ, было неизмѣннымъ по содержанію и болѣе или менѣе однообразнымъ по выраженію въ самомъ писаніи.

—Общій результатъ всего изслѣдованія:

Сходство первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки въ изложеніи рѣчей Іисуса Христа и разсказовъ о событіяхъ изъ Его жизни объясняется точностію Апостольскаго воспоминанія и однообразнымъ выраженіемъ его въ устномъ преданіи, которое и было единственнымъ и непосредственнымъ источникомъ каждаго изъ Синоптиковъ. Въ частности,—

Наше изслѣдованіе о происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки, имѣющее главною своею задачей опредѣлить источникъ этихъ Евангелій и отсюда—причины или условія ихъ взаимнаго сходства, имѣетъ своимъ результатомъ слѣдующія главныя положенія:

а) Синоптическія Евангелія отъ Матѳея, Марка и Луки имѣютъ между собою большое сходство въ содержаніи и его изложеніи; но это сходство не даетъ основанія предполагать для нихъ какіе-бы то ни было письменные источники, какъ это принимается и доказывается въ изслѣдованіяхъ Эвальда и Гольцмана и цѣлаго ряда ихъ предшественниковъ.

рукописи, принадлежавшей одному частному лицу (г. Бѣльскому). Варіантами (разночтеніями) служили: 1) Русскія былины, собранныя г. Далемъ изъ устныхъ преданій жителей Казанской и Оренбурской губерній—по р. Уралу; 2 Сборникъ Демидова, изданный прежде Якубовичемъ (1804), а потомъ Калайдовичемъ (1818). Такимъ образомъ «Сборники» *Сахарова, Даля* и *Калайдовича* имѣли своимъ непосредственнымъ источникомъ устное народное преданіе, но при всемъ томъ, они относятся другъ къ другу только какъ варіанты одного и того же до-словно сходнаго письменнаго изложенія устнаго преданія.

б) Сходство Синоптиковъ въ текстѣ и языкѣ не настолько велико, чтобы оно было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ употребленія письменныхъ источниковъ; напротивъ, въ нихъ есть такія разности, которыя съ этой точки зрѣнія необъяснимы.

в) Въ историческихъ свидѣтельствахъ самихъ каноническихъ Евангелій, Апостольскихъ и Отеческихъ писаній нѣтъ прямаго и достаточно яснаго указанія на зависимость (компилятивность) Евангелистовъ отъ письменнаго источника.

г) Сходство устныхъ, потомъ письменныхъ Ев. разсказовъ вполнѣ возможно объяснить при предположеніи, что они имѣли источникомъ своимъ только устное преданіе: нѣчто аналогичное съ этимъ представляютъ нѣкоторые памятники устной народной литературы.

д) Изъ всего этого открывается, что *первыя три каноническія Евангелія отъ Матѳея, Марка и Луки не компиляціи извѣстныхъ только по предположенію письменныхъ источниковъ: Древнѣйшаго Евангелія, Собранія изреченій, VI, VII, VIII-й книгъ Ев. исторіи, А, Λ и др., но самостоятельныя, вполнѣ независимыя отъ нихъ, записи личнаго и точнаго Апостольскаго воспоминанія и твердаго непосредственнаго устнаго преданія, составленныя при участіи какъ самихъ Апостоловъ, такъ и сотрудниковъ ихъ, подъ условіемъ всесовершеннаго содѣйствія благодати Св. Духа.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ.

Стрн.	Стрк.	Напечатано:	Должно быть:
37.	15-я сверху	совѣтъ	отвѣтъ
42.	5-я — —	изобраніе	изображеніе
116.	4-я — —	τπομνημονευματα	απομνημονευματα



Troitskiĭ,
Nikolaĭ
Ivanovich, 1851-
O
proiskhozhdenii
pervykh trekh
kanonicheskikh
Evangeliĭ;

BS 3555 Troit͡skiĭ,
.T84 Nikolaĭ
c.2 Ivanovich, 1851-
O
proiskhozhdenii
pervykh trekh
kanonicheskikh
Evangeliĭ;